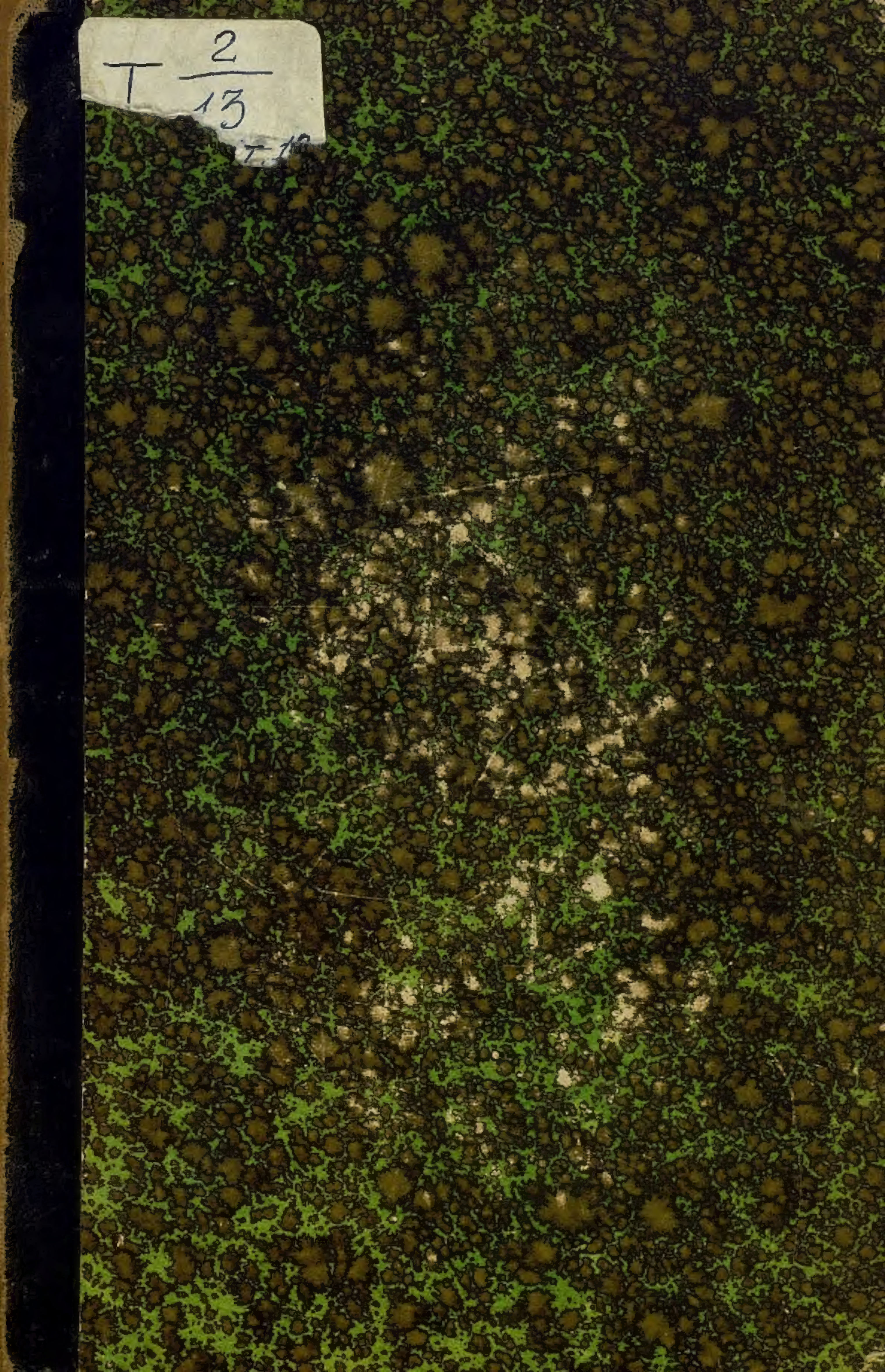

T 2/13

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ десятый

IX т. сочиненій Ю. Ѳ. Самарина отпечатанъ и поступитъ въ продажу осенью нынѣшняго года. Въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, въ Москвѣ на Кузнецкомъ Мосту, въ домѣ Захарьина, продаются слѣдующія сочиненія Ю. Ѳ. Самарина: т. II—1 р. 75 к.; т. III—2 р.; т. V—2 р. 25 к.; т. VI—2 р. 50 к.; т. VII—2 р.; т. VIII—2 р.; т. X—2 р.; Correspondance de G. Samarine avec la baronne de Rahden 1 р.; т. I соч. Ю. Ѳ. Самарина распроданъ; т. IV еще не напечатанъ.

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА
САМАРИНА

Томъ десятый.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ десятый.

Окраины Россіи.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

Москва.
Т-во типографіи А. И. Мамонтова.
Леонтьевскій переулокъ № 5.
1896

Оглавленіе десятаго тома.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

Выпускъ шестой. Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи.

Православные Латыши.

Отъ издателя.

Весь шестой выпускъ Окраинъ Россіи, помѣщенный въ X томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, посвященъ его изслѣдованію «Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи» и составляетъ его послѣдній ученый трудъ. Онъ печатался въ Берлинѣ въ началѣ 1876 года, во время пребыванія тамъ Ю. Ѳ-ча, но оконченъ печатаніемъ и выпущенъ въ свѣтъ уже послѣ его кончины. Теперь онъ выходитъ вторымъ изданіемъ безъ всякихъ перемѣнъ, за исключеніемъ незначительныхъ поправокъ, которыя пришлось сдѣлать частью вслѣдствіе неудовлетворительности берлинскаго изданія, частью по свѣркѣ его съ рукописью. Изслѣдованіе «Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи» написано по первоначальнымъ источникамъ, преимущественно по хранящемуся въ архивѣ министерства юстиціи дѣлопроизводству Лифляндскаго Комитета 1803—1819 г., въ 18 томахъ, и составляетъ результатъ продолжительной работы. Еще въ 1873 году Ю. Ѳ. писалъ одному своему знакомому лифляндцу въ Ригу: «Теперь я заканчиваю другую работу, которая, я надѣюсь, будетъ имѣть интересъ для лифляндскаго общества; я разумѣю исторію перваго Крестьянскаго Положенія 1804 года, обнимающую періодъ времени отъ 1803 до 1819 года. Мнѣ посчастливилось воспользоваться богатымъ рукописнымъ ма-

теріаломъ, который до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, въ томъ числѣ многими письмами наиболѣе выдающихся дѣятелей изъ среды лифляндскаго дворянства того времени, особенно Фридриха Сиверса; въ нихъ съ честью выступаетъ эта личность, вызывающая къ себѣ глубокое сочувствіе. Хотя работа эта будетъ имѣть характеръ объективно-историческій, однако я не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ указаній на современныя обстоятельства; при этомъ, для уясненія нынѣшняго положенія крестьянъ въ Лифляндіи, я принялъ въ соображеніе статистическіе матеріалы Юнга-Штиллинга». Если бы Ю. Θ. имѣлъ въ виду не исключительно лифляндское общество, то онъ, конечно, рядомъ съ Фр. Сиверсомъ, упомянулъ бы въ своемъ письмѣ и объ А. И. Арсеньевѣ. На основаніи тѣхъ же источниковъ, по которымъ онъ изучилъ дѣятельность Сиверса, онъ впервые ознакомилъ русское общество съ выдающеюся дѣятельностью въ Лифляндіи и А. И. Арсеньева, «перваго изъ Русскихъ, взглянувшихъ на Лифляндію свѣжимъ глазомъ, не сквозь очки остзейской фабрикаціи, а съ своей національной точки зрѣнія».

Другое сочиненіе Ю. Θ-ча, помѣщенное въ этомъ томѣ, составляетъ продолженіе его изслѣдованія «Православные Латыши». Подъ этимъ заглавіемъ Ю. Θ. изложилъ исторію религіознаго движенія въ Лифляндіи въ 40-хъ годахъ, когда между Латышами дважды, въ 1841 и потомъ въ 1845 г., начиналось движеніе къ переходу изъ лютеранства въ православіе. Въ III-мъ выпускѣ Окраинъ Россіи былъ помѣщенъ первый періодъ (1841—1845 г.), а теперь печатается второй періодъ (1845—1848 г.). Изслѣдованіе это, появляющееся въ первый разъ, къ сожалѣнію, не окончено и печатается по черновой рукописи автора.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ шестой.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

Къ читателямъ.

Въ первомъ выпускѣ Окраинъ Россіи, въ перечнѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ серіи посвященной русскому балтійскому поморію, помѣщенъ былъ, между прочимъ, краткій обзоръ нашего законодательства по устройству крестьянъ того края (ст. IV). Я предпослалъ его какъ тему для дальнѣйшей разработки, къ которой теперь приступаю, предлагая читателямъ въ настоящемъ выпускѣ исторію и критическую оцѣнку перваго, изданнаго русскимъ правительствомъ законоположенія о лифляндскихъ крестьянахъ.

Въ упомянутомъ обзорѣ сказано было, между прочимъ, что въ остзейскомъ краѣ напрасно считаютъ крестьянскій вопросъ окончательно порѣшеннымъ, что онъ только окончательно испорченъ. Слова эти, можетъ быть, не совсѣмъ точно передававшія мысль мою, подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Я хотѣлъ сказать, что рано или поздно потребуется непремѣнно со стороны законодательной власти новое, посредническое вмѣшательство въ хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и что оно будетъ имѣть характеръ не продолженія или дальнѣйшаго развитія мѣропріятій послѣдняго времени, а скорѣе поворота на тотъ путь, которымъ шло правительство въ началѣ текущаго столѣтія, съ котораго оно сбилось въ 1816—1819 годахъ, на который оно вернулось было опять въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ и съ котораго оно вторично дало себя сманить въ самомъ концѣ этихъ годовъ и затѣмъ въ пяти-и шестидесятыхъ. Законодательныя ошибки и административныя упущенія этого

періода, требующія исправленія, заключаются, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ.

Допущены были, въ значительныхъ размѣрахъ, урѣзки отъ крестьянскихъ земель, сокращеніе числа самостоятельныхъ, крестьянскихъ хозяйствъ (дворовъ) и размноженіе сельскаго пролетаріата.

Нарушено было историческое право крестьянъ вообще, какъ сословія, на исключительное пользованіе землею, изстари носившею названіе крестьянской, и право каждаго крестьянина-хозяина, взятаго порознь, на наслѣдственное, неотъемлемое пользованіе его дворомъ, подъ условіемъ отбыванія причитающейся съ этого двора повинности.

Вмѣсто предоставленія крестьянамъ-хозяевамъ права *переходить* съ издѣльной повинности опредѣленнаго закономъ размѣра на денежный оброкъ *опредѣленнаго же размѣра*, дозволено было помѣщикамъ *переводить* ихъ съ первой изъ этихъ повинностей на вторую, назначать оброкъ по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ отказа отъ уплаты его, сгонять прежнихъ хозяевъ, а опустѣлые дворы сдавать другимъ.

Вмѣсто предоставленія крестьянамъ-хозяевамъ права *выкупать* свои дворы въ полную собственность (разумѣя подъ выкупомъ уплату вознагражденія, пропорціональнаго прежней повинности, капитализированной изъ опредѣленнаго закономъ процента — Ablösung), дано было помѣщикамъ право *пускать* крестьянскіе дворы *въ продажу*, назначать за нихъ цѣну, не стѣсняясь установленною таксаціею земель и, въ случаѣ отказа хозяевъ отъ пріобрѣтенія ихъ на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, продавать эти дворы стороннимъ лицамъ, помимо хозяевъ изстари ими владѣвшихъ.

Въ возраженіяхъ и опроверженіяхъ на высказанное мною мнѣніе не было недостатка.

Не говоря о гг. Боккѣ и Ширренѣ, съ которыми я окончательно разсчитался, появились, въ видѣ приложенія къ нѣмецкому переводу перваго выпуска Окраинъ, коментаріи на него г. Ю. Эккгардта [1]); нѣсколько прежде, въ томъ же

---

[1]) J. Samarins Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands, eingeleitet und commentirt v. J. Eckhardt. Leipzig. 1869.

году, какъ и этотъ выпускъ, вышелъ сборникъ статистическихъ матеріаловъ для уясненія быта лифляндскихъ крестьянъ, изданный секретаремъ лифляндскаго статистическаго комитета, г. Юнгомъ-Штиллингомъ [1]; наконецъ попалась мнѣ на глаза брошюра фрейгера ф. Нолькена [2], которой я, разумѣется, не причисляю къ вызваннымъ мною возраженіямъ (такъ какъ она появилась годомъ раньше), но о которой кстати упомянуть именно теперь, какъ о совершенно своеобразномъ воззрѣніи на тотъ же предметъ, то есть на крестьянскій поземельный вопросъ.

Эти три книги рѣзко отличаются одна отъ другой по направленію, по пріемамъ и по характеру аргументаціи.

Г. Нолькенъ смѣло выкидываетъ свое политическое знамя. Онъ консерваторъ, притомъ ультра-радикалъ въ своемъ направленіи, консерваторъ не въ англійскомъ, даже не въ общеевропейскомъ, а въ томъ спеціально-юнкерскомъ смыслѣ, которому Крестовая Газета служитъ издавна вѣрнымъ и чуть ли не единственнымъ органомъ.

Встревоженный постепеннымъ одичаніемъ низшихъ слоевъ и оскудѣніемъ духа въ западномъ обществѣ, г. Нолькенъ ищетъ спасенія въ христіанствѣ, въ монархической власти, дарованной не народною волею, а Божьею милостью, въ дворянствѣ, только отнюдь не служиломъ (Dienstadel), а родовомъ, тою же Божьею милостью поставленномъ во главѣ общества (von Gottes Gnaden) и, наконецъ, въ барщинѣ. Все это представляется ему одно съ другимъ неразрывно связаннымъ и какъ бы органически сросшимся. Одно изъ другаго вытекаетъ. Христіанство, по убѣжденію автора, не въ состояніи, безъ поддержки монархической власти, устоять противъ напора безвѣрія; одинаково немыслима наслѣдственная монархія не обставленная родовымъ дворянствомъ. Далѣе: дворянство, для выполненія своего историческаго призванія,

---

[1]) Statistisches Material zur Beleuchtung Livländischer Bauernverhältnisse etc. v. Jung-Stilling. Petersburg. 1868. Русскій переводъ этой книги вышелъ въ томъ же году въ Петербургѣ.

[2]) Подъ заглавіемъ: „Одной Россіи предстоитъ еще выборъ" (Russland hat allein noch die Wahl) подразумѣвается: между консервативными началами и революціонными. Берлинъ. 1857.

должно держать въ своихъ рукахъ мѣстное общественное управленіе; но эта роль дается не даромъ и претендовать на нее можно только подъ извѣстными условіями. Нужно, во первыхъ, чтобы дворянство *безвозмездно* служило земству личнымъ трудомъ своимъ и чтобъ оно несло большую часть расходовъ на удовлетвореніе земскихъ потребностей; а для того, чтобы дворянство имѣло потребный на то досугъ и не нуждалось въ средствахъ, нужно чтобъ земля, это надежнѣйшее, ничѣмъ незамѣнимое обезпеченіе его состоятельности, навсегда оставалась въ его владѣніи. Во вторыхъ, нужно, чтобъ дворянство жило въ ладу съ народомъ и пользовалось его довѣріемъ; стало быть не должно быть между ними и тѣни соціальнаго антагонизма въ области имущественныхъ интересовъ, а для предупрежденія такого антагонизма, нужно, съ одной стороны, чтобы народъ не мечталъ о пріобрѣтеніи въ собственность дворянской земли, съ другой, чтобы та часть ея, которая издревле народу отведена и для него необходима, оставалась въ его неотъемлемомъ пользованіи, на условіяхъ справедливыхъ, для обѣихъ сторонъ безобидныхъ, разъ навсегда регулированныхъ и неизмѣнныхъ. Но (продолжаетъ г. Нолькенъ) установить справедливую, безобидную и неизмѣнную норму денежной повинности оказывается будто бы невозможнымъ и потому крестьянамъ приходится вѣковать на барщинѣ.

Брошюра г. Нолькена, въ своемъ родѣ, произведеніе не только оригинальное, но въ полномъ смыслѣ слова типичное. Къ этому надобно прибавить, что чтеніе ея производитъ далеко не то впечатлѣніе какого бы можно было ожидать, судя по краткому изложенію ея содержанія. Конечно, читателя не разъ покоробитъ отъ иныхъ сужденій, часто доходящихъ до дикости [1]; но все это искупается глубокою искренностью, слышною въ каждой строкѣ, а наконецъ—и это главное: исходною точкою самыхъ неожиданныхъ выводовъ служитъ всегда вѣрное наблюденіе и доброе чувство.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, авторъ смотритъ косо на всѣ вообще страховыя учрежденія, усматривая въ нихъ нечестивую попытку ослабить дѣйствіе вразумляющаго и карающаго промысла.

Нельзя, напримѣръ, не признать, что авторъ не только искренно любитъ народъ, но и хорошо понимаетъ его потребности, чтитъ историческія права его и потому возмущается примѣненіемъ къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи меркантильныхъ воззрѣній, прикрывающихся всеразрѣшающею теоріею объ отношеніи предложенія къ запросу. Онъ живо сознаетъ, что въ области такъ называемаго аграрнаго законодательства, не тотъ порядокъ вещей долженъ считаться безусловно лучшимъ, который давалъ бы возможность помѣщику извлекать изъ своей земли наивысшую ренту, а тотъ, который ограждалъ бы крестьянина отъ вымогательствъ, хотя бы даже безукоризненныхъ съ односторонне экономической точки зрѣнія, и обезпечивалъ бы ему и его потомству спокойное пользованіе плодами трудовъ, положенныхъ въ землю имъ самимъ и его предками. Оттого г. Нолькенъ крѣпко стоитъ за *норму* повинности, которая, въ смыслѣ maximum'а, полагала бы законный предѣлъ требованіямъ землевладѣльцевъ. Въ этомъ вопросѣ онъ рѣшительно расходится съ своими земляками и только потому приходитъ къ странному и неожиданному заключенію объ увѣковѣченіи барщины, что подведеніе денежной повинности подъ норму представляется ему почему-то невозможностью. Это ужъ чисто остзейскій предразсудокъ, которому онъ безсознательно подчинился, и въ этомъ пунктѣ аргументація г. Нолькена не выдерживаетъ никакой критики. Я вернусь къ ней, когда дойду до разбора законоположеній 1849 и 1860-хъ годовъ, а на сей разъ ограничусь ссылкой на свидѣтельство автора о свойствѣ такъ называемыхъ *свободныхъ* соглашеній при сдачѣ и продажѣ крестьянской земли. Читатели найдутъ его нѣсколько ниже.

Коментаріи г. Эккгардта, ни по направленію, ни по тону, ни по личному отношенію автора къ предмету, не имѣютъ съ книгою г. Нолькена ничего общаго. Съ перваго взгляда въ нихъ опознается всѣмъ извѣстный, дешевый либерализмъ, подрядившійся на сей разъ служить интересамъ и притязаніямъ самаго антилиберальнаго свойства. Г. Эккгардтъ, кажется, взялся не пропускать безъ возраженія ни одной страницы отданнаго ему на растерзаніе перваго выпуска Окра-

нинъ и, для легчайшаго выполненія этой обязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ текстѣ не оказывается рѣшительно ничего такого, къ чему бы можно было придраться, онъ преспокойно подвертываетъ мнѣ собственныя свои изобрѣтенія и приписываетъ мнѣ то, чего я никогда не говорилъ и не думалъ. Какъ образчикъ его полемическихъ пріемовъ, я приведу одно мѣсто (примѣчаніе 28 на стр. 217), въ которомъ значится буквально: „г. Самаринъ придерживается, конечно, того мнѣнія, что можно и желательно бы было, безъ дальнихъ околичностей, отнять опять (послѣ 1819 года) у помѣщиковъ ихъ собственность, только что передъ этимъ торжественно за ними признанную, и *подарить ее крестьянамъ* (den Bauern zum Geschenk zu machen); но такое воззрѣніе (продолжаетъ г. Эккгардтъ) возможно лишь при совершенномъ отсутствіи всякаго понятія о самомъ существѣ собственности и о ея святости, или при преднамѣренномъ отрицаніи этого понятія". — Отвѣчу на это, что такое нахальное обращеніе съ чужою мыслью и чужими словами возможно только при совершенномъ отсутствіи всякой литературной совѣсти, или при преднамѣренномъ невниманіи къ ея требованіямъ, когда дѣло идетъ о выполненіи взятаго подряда по стольку-то за строчку низкопробной клеветы. Такими поклепами пересыпаны всѣ коментаріи. Я считаю себя въ правѣ не отвѣчать на нихъ и ограничиться, при случаѣ, указаніемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на промахи и преднамѣренныя искаженія, не моихъ мнѣній, а фактовъ и самой сути дѣла, въ той мѣрѣ, въ какой это можетъ быть нужно для предупрежденія недоразумѣній.

Книга г. Юнга-Штиллинга обращаетъ на себя вниманіе нетолько тѣмъ что̀ въ ней содержится, но и тѣмъ о чемъ въ ней умалчивается и чего однако читатель въ правѣ былъ бы отъ нея ожидать.

Она писана съ заявленною цѣлью „дать читателямъ незнакомымъ изъ личнаго наблюденія съ положеніемъ лифляндскихъ крестьянъ, возможность составить себѣ объ немъ сужденіе самостоятельное и безпристрастное". Въ этихъ видахъ, онъ переноситъ вопросъ изъ области „*дутыхъ* предположеній" (такъ гласитъ русскій переводъ) въ область статистическихъ данныхъ и противопоставляетъ умышленнымъ искаженіямъ и

продуктамъ воображенія"—несомнѣнные факты говорящіе за себя. Мы едва-ли ошибемся, заключивъ изъ этихъ словъ, что имѣлась въ виду преимущественно русская публика; стало быть, излагая для ея поученія экономическій порядокъ вещей существующій въ Лифляндіи, автору слѣдовало бы, кажется, приспособляться къ понятіямъ русскихъ читателей, въ той мѣрѣ, въ какой это возможно и нужно, чтобъ облегчать имъ примѣненіе къ мѣстности имъ незнакомой, или мало знакомой, того маштаба, по которому они привыкли у себя судить объ относительной степени матеріальнаго обезпеченія сельскаго народонаселенія. Повидимому такъ онъ и поступалъ: лифляндскія, хозяйственныя мѣры площадей, лофштели и тоннштели, перекладываются на десятины, кое гдѣ даже, для сравненія, приводятся статистическія данныя о другихъ губерніяхъ; но вотъ что бросается при этомъ въ глаза: самыхъ существенныхъ, безусловно-необходимыхъ для полноты сравненія цифръ, притомъ такихъ, которыхъ авторъ не могъ не имѣть подъ рукою, въ его книгѣ не оказывается; тамъ-же гдѣ онъ самъ дѣлаетъ сравненія, онъ обыкновенно сопоставляетъ данныя неоднородныя, иногда рѣшительно несоизмѣримыя, игнорируя однородныя.

Всякій русскій читатель, послѣдовавъ приглашенію автора, естественно пожелаетъ разъяснить себѣ, подъ его руководствомъ, три вопроса:

Въ какомъ количествѣ, сравнительно съ другими нашими губерніями, лифляндскіе крестьяне надѣлены землею?

Какъ великъ сходящій съ нихъ подесятинный оброкъ (или арендный платежъ)?

Наконецъ, во что обходится имъ десятина ихъ земли пріобрѣтаемая ими въ собственность?

Для разрѣшенія перваго вопроса, необходимо знать величину всей площади крестьянской удобной земли и число мужскихъ (ревизскихъ) душъ сельскаго населенія, какъ въ частныхъ имѣніяхъ такъ и въ казенныхъ порознь, ибо извѣстно (г. Юнгъ-Штиллингъ подтверждаетъ это) что вѣдомство государственныхъ имуществъ, при окончательномъ устройствѣ своихъ крестьянъ, руководствовалось далеко не тѣми правилами, какія примѣнялись въ дворянскихъ имѣніяхъ. Итакъ,

нужны были всего на все четыре цифры. Вмѣсто этого, мы находимъ, въ главѣ первой: количество *пашни и луговъ* состоящихъ въ пользованіи крестьянъ во всей Лифляндіи (т. е. въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ взятыхъ вмѣстѣ); но это не весь надѣлъ, а часть надѣла. Далѣе, мы узнаемъ общее число крестьянскихъ дворовъ (опять таки въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ въ сложности) и среднее количество всякаго рода угодій причитающееся на каждый дворъ. Затѣмъ, въ одной изъ приложенныхъ къ книгѣ таблицъ, намъ сообщается и число ревизскихъ душъ по годамъ (за 1849—1867), но оказывается, что здѣсь казенные крестьяне въ разсчетъ не приняты [1]). Все что мы узнаемъ о надѣлѣ относится къ частнымъ и казеннымъ имѣніямъ вмѣстѣ взятымъ, а что мы узнаемъ о числѣ ревизскихъ душъ относится только къ первымъ, такъ что, на основаніи сообщенныхъ намъ данныхъ, нельзя вывести средняго душеваго надѣла ни по частнымъ, ни по казеннымъ имѣніямъ порознь, ни по тѣмъ и другимъ въ сложности.

Оставивъ неразрѣшеннымъ этотъ ближайшій и простѣйшій вопросъ, авторъ ставитъ другой, для разрѣшенія котораго у него (по собственному его сознанію) недостаетъ точныхъ свѣдѣній, именно: какъ относится къ площади крестьянской земли та группа или часть сельскаго населенія, которая *непосредственно* живетъ *доходомъ съ крестьянской земли:* (Die Bevölkerungsgruppe, welche mit ihrem Einkommen unmittelbar auf das Gehorchsland angewiesen ist)?—Чтобъ найти хоть приблизительно вѣрный отвѣтъ, г. Юнгъ-Штиллингъ выключаетъ изъ извѣстной ему, но не выставленной имъ общей цифры сельскаго населенія, вопервыхъ, всѣхъ дѣтей моложе 15 лѣтъ (какъ будто бы въ крестьянскомъ быту и ихъ не кормила земля, также какъ и взрослыхъ) во-вторыхъ: всѣхъ батраковъ служащихъ по найму на помѣщичьихъ хуторахъ, упуская при этомъ изъ виду, что и они состоятъ членами волостныхъ обществъ, что эти общества, а не по-

—

[1]) За тотъ годъ, въ который окончена послѣдняя ревизія (1861) въ таблицѣ показано 301,617 душъ, тогда какъ общая на всю губернію ревизская цифра сельскаго народонаселенія составляетъ 354,553 души.

мѣщики несутъ обязанность призрѣвать ихъ и отвѣчать за нихъ въ платежѣ податей и что расходы по этой части (какъ мы увидимъ ниже—далеко не ничтожные) окончательно падаютъ также на землю. Такимъ образомъ, то есть путемъ произвольныхъ отсѣченій, авторъ приходитъ къ заключенію, что на мужскую *рабочую* душу приходится кругомъ по 4,08 десятины. Но вѣдь это даетъ понятіе, притомъ далеко не точное, объ отношеніи матеріала (земли) *къ силамъ* употребляемымъ на ея обработку, а отношеніе земли къ *потребностямъ* сельскаго населенія остается всетаки не выясненнымъ. Этотъ вопросъ обойденъ благодаря кстати вставленному слову „unmittelbar".

Перейдемъ къ оброку. Такъ какъ размѣръ его, въ частныхъ имѣніяхъ, зависитъ исключительно отъ soi-disant добровольныхъ соглашеній, то, кажется, всего простѣе и естественнѣе было бы извлечь изъ состоявшихся за извѣстный періодъ времени контрактныхъ условій готовыя данныя: площадь удобной земли въ крестьянскихъ дворахъ и платимый за нихъ оброкъ; потомъ изъ сложности этихъ цифръ вывести среднюю подесятинную плату. Авторъ, повидимому, къ этому и шелъ. Сообщивъ намъ сперва отношеніе средняго оброка къ принятой въ Лифляндіи *оцѣнкѣ* земли на талеры (по 6 руб. 62 коп. оброка съ талера въ 1869 году) [1]) онъ прямо приступаетъ къ изслѣдованію отношенія оброка къ площади, т. е. къ лофштелѣ и къ десятинѣ крестьянской земли. Но затѣмъ, вмѣсто того чтобъ взять изъ практики дѣйствительную величину средняго крестьянскаго участка[2]), онъ выводитъ ее изъ той же условной оцѣнки, при томъ конечно не изъ оцѣнки удобной земли *вообще* (такъ какъ для нея не существуетъ таксы) а изъ спеціальной оцѣнки *пахатной земли*

[1]) О значеніи талера, о способѣ оцѣнки земли и труда и вообще о всей системѣ поземельныхъ разсчетовъ въ Лифляндіи, читатели найдутъ нужныя объясненія въ главахъ I и II настоящаго выпуска.

[2]) Крестьянскія земли были измѣрены еще въ началѣ этого столѣтія. Послѣ того, неоднократно производились частныя, повѣрочныя измѣренія и таксаціи. Точность послѣднихъ, т. е. таксацій, часто вызывала сомнѣнія и споры; но площадь каждаго крестьянскаго двора въ любомъ имѣніи хорошо извѣстна помѣщику.

(des Ackers). Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: для площади пахатной земли опредѣленной величины, по принятой таксаціи на талеры и гроши, установлены четыре цѣны, соотвѣтствующія четыремъ степенямъ естественной производительности грунта. Но, разсуждаетъ авторъ, здѣсь (т. е. въ крестьянскомъ надѣлѣ) нельзя предполагать двухъ высшихъ степеней; крестьянская пахатная земля подходитъ вся подъ двѣ низшія, на половину подъ четвертую, на половину подъ третью. Это предположеніе служитъ основаніемъ для опредѣленія площади крестьянской пахатной земли соотвѣтствующей оцѣночному талеру, а такъ какъ средній оброкъ съ талера уже извѣстенъ, то остается только переложить лифляндскую поземельную мѣру на русскую и въ результатѣ оказывается, что въ 1869 году крестьяне платили среднимъ числомъ за десятину пашни по 8 руб. 8 коп. Но это вѣдь не *фактъ*, а *выводъ* изъ предположеній, болѣе или менѣе вѣрныхъ и, во всякомъ случѣ, выводъ неполный. Каждый крестьянскій дворъ представляетъ собою одно хозяйственное цѣлое, состоящее не изъ одной пахатной земли, а изъ различныхъ угодій, для которыхъ, по той же принятой таксаціи, установлены свои цѣны, далеко расходящіяся съ оцѣнкою полевой земли. При таксаціи, эти угодья цѣнятся конечно порознь, но, при сдачѣ двора, помѣщикъ и крестьянинъ договариваются о размѣрѣ ежегодной платы за весь участокъ и никогда не назначаютъ ея за каждое изъ угодій въ отдѣльности. Чему же, спрашивается, научитъ читателя и къ чему послужитъ ему эта выведенная авторомъ, а въ дѣйствительности не существующая цифра, о которой никогда не слыхали ни помѣщики ни крестьяне? Что съ нею дѣлать? Она могла бы послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ заключеній, еслибъ авторъ находилъ возможнымъ примѣнить ее и къ прочимъ угодьямъ, какъ приблизительно вѣрное опредѣленіе подесятиннаго оброка за удобную землю вообще, но онъ этого нигдѣ не говоритъ и это невѣроятно само по себѣ. Затѣмъ, онъ приступаетъ къ сравненію выведенной имъ цифры съ другими цѣнами. По свойству предмета, естественнѣе и ближе всего было бы привести на справку, во-первыхъ, оброчные платежи существующіе тутъ же, рядомъ, въ лифлянд-

скихъ казенныхъ имѣніяхъ, и во-вторыхъ, установленные Положеніемъ 1861 года для другихъ губерній. Но ни тѣхъ ни другихъ г. Юнгъ-Штиллингъ не приводитъ.

О казенныхъ оброкахъ онъ упоминаетъ мимоходомъ и очень неодобрительно. Руководствуясь неумѣстными побужденіями гуманнаго свойства, управленіе государственныхъ имуществъ, увѣряетъ авторъ, продешевило свою землю; оно искусственно спустило оцѣнку ея значительно ниже естественно установившагося уровня ея стоимости — естественнымъ уровнемъ считается, разумѣется, та цѣна, по которой, благодаря принудительному переводу на оброкъ, дворы сдавались въ дворянскихъ имѣніяхъ; такимъ образомъ, оно избаловало крестьянъ, пріучило ихъ барышничать землею и нанесло ущербъ производительности края вообще—это единственное пятно, высмотрѣнное авторомъ на свѣтлой, радующей глазъ картинѣ современной Лифляндіи. Правда, переуступка и перепродажа крестьянскихъ дворовъ хозяевами, получившими ихъ изъ первыхъ рукъ, происходитъ не въ однѣхъ казенныхъ, а также и въ частныхъ имѣніяхъ—самъ г. Юнгъ-Штиллингъ приводитъ тому примѣры; но тамъ это его не смущаетъ. Что касается до оброковъ, установленныхъ Положеніемъ 1861 г., то объ нихъ въ книгѣ нѣтъ и помина. Авторъ не хочетъ ихъ знать и это, конечно, не спроста. Съ своей точки зрѣнія, онъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ всей его аргументаціи, г. Юнгъ-Штиллингъ строго держится ученія такъ называемой манчестерской школы, о которой кто-то изъ нѣмецкихъ ученыхъ сказалъ недавно, что для нея исторія, въ смыслѣ непрерывнаго развитія, не существуетъ и какъ будто всякій день начинается съизнова. Это замѣчаніе какъ нельзя болѣе подтверждается воззрѣніемъ именно остзейскихъ манчестерцевъ на крестьянскій вопросъ. Изъ-за экономической стороны его они не то что не высматриваютъ соціальной, а преднамѣренно игнорируютъ ее. Подъ экономическою стороною мы разумѣемъ взаимное отношеніе безличныхъ агентовъ сельскохозяйственнаго производства (земли, движимаго капитала и труда), выражающееся въ ихъ сравнительной цѣнности; подъ соціальною — взаимное отношеніе располагающихъ этими

агентами коллективныхъ личностей, или общественныхъ группъ, сложившееся въ данную эпоху и въ данной мѣстности, такъ а не иначе, послѣ долгаго сожительства и подъ вліяніемъ общей судьбы. Помимо той роли, которую каждая изъ этихъ группъ играетъ въ экономическомъ процессѣ, какъ представительница той или другой производительной силы, она имѣетъ свою историческую физіономію, свои понятія и убѣжденія, свои неотъемлемыя, выслуженныя права, наконецъ свой опытъ, часто въ полномъ смыслѣ слова выстраданный, передававшійся преемственно изъ рода въ родъ и составляющій своего рода умственный капиталъ, котораго нельзя растратить, отъ котораго даже нельзя отказаться. У насъ эта сторона вопроса никогда не упускалась изъ виду и потому, когда правительство приступило къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, оно поставило себѣ задачею, не порывая связи съ прошедшимъ, уберечь всѣ завѣщанные имъ результаты положительнаго свойства и перенести ихъ въ искомую формулу новой соціальной сдѣлки между двумя общественными группами, какими создала ихъ исторія. Наши надѣлы, оброки и правила выкупа представляютъ собою не иное что, какъ термины этой формулы; затѣмъ: удачно ли или неудачно разрѣшенъ былъ вопросъ—до этого намъ теперь дѣла нѣтъ, ибо мы говоримъ только о способѣ его постановки. Въ остзейскомъ краѣ взглянули на то же дѣло совершенно иначе. Тамъ составители Положеній о крестьянахъ приняли за исходную точку не фактъ, а фикцію, не данное, а предположенное отношеніе, такое, какое могло бы установиться на практикѣ, если бы въ одно прекрасное утро Латыши и Эсты вольными колонистами приплыли на корабляхъ къ лифляндскому берегу и, найдя всю землю занятою нѣмецкими баронами, обратились къ нимъ съ предложеніемъ отвести имъ нужное пространство для водворенія. Очевидно, тутъ могъ бы состояться или не состояться частный договоръ, котораго условія опредѣлились бы сами собою отношеніемъ запроса къ предложенію, и не предстояло бы никакой надобности въ законодательномъ вмѣшательствѣ для разграниченія и уравновѣшенія потребностей двухъ совершенно равноправныхъ сторонъ, встрѣтившихся въ первый разъ на почвѣ чисто эконо-

мическихъ интересовъ. Но, чтобъ свести на ту же почву вопросъ объ отношеніяхъ лифляндскихъ крестьянъ къ лифляндскимъ помѣщикамъ, нужно было, прежде всего, вычеркнуть изъ ихъ исторіи нѣсколько вѣковъ. Нужно было, между прочимъ, позабыть, что пока эта самая земля, которую теперь разбираютъ на расхватъ, сама по себѣ ничего не стоила, предковъ этихъ самыхъ крестьянъ, которые теперь пріобрѣтаютъ ее по такъ называемой вольной цѣнѣ, держали прикованными къ ней, какъ живой инвентарь и принадлежность грунта; что, проживъ на этомъ положеніи цѣлыя столѣтія, они приросли къ землѣ и, въ силу долговременнаго къ ней прикрѣпленія, выслужили нѣкоторое право считать ее въ извѣстномъ смыслѣ своею; наконецъ, что это право было даже признано правительствомъ и утверждено за ними законодательнымъ порядкомъ, притомъ не разъ, а нѣсколько разъ. Остзейское дворянство вообще не легко забываетъ старину, по крайней мѣрѣ свои права; но въ настоящемъ случаѣ, память о чужомъ правѣ стушевалась передъ сознаніемъ своего интереса и, чтобъ скорѣе раздѣлаться съ докучливыми слѣдами прошедшаго, оно сочло даже не лишнимъ откинуть разомъ напоминавшую его старую терминологію, всѣмъ понятную, освященную не только временемъ, но и законодательнымъ употребленіемъ, и замѣнить ее новою. Прежніе крестьяне пожалованы были въ фермеровъ, повинности переименованы были въ арендные платежи, а крестьянская земля (Bauerland) въ тяглую землю (Gehorchsland), чтобъ вытравить окончательно всякую память о правѣ на нее бывшихъ крестьянъ. Подобнаго рода посягательства на исторію, встрѣчающіяся довольно часто въ самыхъ разнообразныхъ формахъ (ломки или перестройки древнихъ памятниковъ, запрета употреблять извѣстныя слова и т. п.), служатъ всегда несомнѣннымъ признакомъ деспотическаго отношенія къ жизни. Въ настоящемъ случаѣ, помѣщичья практика, конечно, съ теоріею не справлялась; она опередила ее, но впослѣдствіи нашла въ ней, какъ нельзя болѣе кстати, готовое для себя оправданіе. Съ той высоты, на которой стоятъ послѣдователи ученія du laisser faire, исторически сложившіяся общественныя группы сплываются въ безразличную массу; въ виду остаются однѣ

лишь отвлеченныя категоріи предлагающихъ и берущихъ, покупщиковъ и продавцевъ, сдатчиковъ и съемщиковъ, надъ которыми полновластно царитъ всеразрѣшающій законъ объ отношеніи запроса къ предложенію. Какъ бы, напримѣръ, ни поднимались цѣны на землю, самый фактъ, что ее по этимъ цѣнамъ добровольно снимаютъ и покупаютъ, не заключаетъ ли въ себѣ неопровержимаго свидѣтельства ихъ обоюдной выгодности и безобидности?—Вопросъ о свойствѣ и относительной силѣ личныхъ побужденій, которыми такъ часто, фактически упраздняется для одной изъ договаривающихся сторонъ предполагаемая свобода выбора, конечно, при этомъ и не затрогивается. Кто больше даетъ за землю, тотъ стало быть надѣется больше изъ нея извлечь, а такъ какъ конечная цѣль всего экономическаго движенія, которой все подчиняется, заключается въ доведеніи производительныхъ силъ данной мѣстности до высшей степени напряженія, то не все ли равно кто бы ни владѣлъ землею, тотъ ли, кто создалъ ее, какъ ниву, своимъ трудомъ, или другой, пришедшій со стороны покупщикъ, или съемщикъ, накидывающій на прежнюю цѣну нѣсколько рублей и высаживающій стараго хозяина?—Неприкосновенные надѣлы, нормы повинностей, выкупы могутъ быть пригодны и умѣстны при первобытномъ порядкѣ вещей и низкой культурѣ, какъ, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ десятина земли *продается по 5 копѣекъ* [1]); но для Остзейскаго края все это давно überwundene Standpunkte. Понятно теперь почему услужливая статистика, взявшись оправдать мнимо-научными доводами порядокъ вещей, созданный одностороннимъ интересомъ, должна была систематически избѣгать всякаго сопоставленія своихъ лифляндскихъ цифръ съ тѣми, ближайшими къ нимъ по свойству предмета, которыя могли бы дѣйствительно послужить основаніемъ для серьезнаго сравненія быта великорусскихъ крестьянъ съ бытомъ лифляндскихъ. Этого требовала отъ нея логическая послѣдовательность. Авторъ однако находилъ нужнымъ привести

[1]) Эту землю, проданную за 5 коп., отыскалъ гдѣ-то, въ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній, авторъ брошюры „Земля и воля“ и этимъ открытіемъ несказанно обрадовалъ своихъ остзейскихъ земляковъ. Съ тѣхъ поръ Россія прослыла у нихъ землею, въ которой десятина цѣнится въ 5 коп.

въ своей книгѣ какія нибудь данныя для сравненія и обратился за ними къ извѣстной брошюрѣ г. Дубенскаго объ оцѣнкѣ земель [1]). Тамъ онъ вычиталъ, что десятина въ петербургскомъ уѣздѣ сдается по 21 рублю, въ московскомъ по 14 рублей, въ владимірскомъ, на лѣвомъ берегу Клязьмы, по 4 р. 50 к., въ прочихъ мѣстностяхъ дешевле и, сравнивъ съ этими цифрами выведенную имъ среднюю арендную плату въ Лифляндіи, пришелъ къ заключенію, что по цѣнности, до которой дошла въ ней земля, она занимаетъ въ Россіи третье мѣсто и стоитъ ниже только двухъ столичныхъ уѣздовъ [2]). Для Лифляндіи это очень лестно—что и говорить; но къ сожалѣнію, авторъ упустилъ изъ виду нѣкоторыя обстоятельства, отнимающія у сравнительнаго заключенія, къ которому онъ пришелъ, не только всякую убѣдительность, но даже всякій смыслъ. Во-первыхъ, для Лифляндіи взята средняя подесятинная плата за одинъ 1868 годъ (8 руб. 8 коп.), тогда какъ данныя г. Дубенскаго относятся къ 1855—1865 годамъ. Во-вторыхъ, цифры г. Дубенскаго представляютъ наемную плату за удобную землю *вообще*, безъ различія угодій, а цифра 8 руб. 8 коп.—плату за полевую, т. е. за самую цѣнную землю. Въ третьихъ, г. Юнгъ-Штиллингъ и г. Дубенскій черпали свои свѣдѣнія не изъ однородныхъ источниковъ и, сообразно своимъ особеннымъ цѣлямъ (первый отвергалъ самую возможность какой либо нормальной оцѣнки земли, тогда какъ второй предлагалъ опытъ именно такой оцѣнки) употребляли въ своихъ изслѣдованіяхъ совершенно различные

---

[1]) Оцѣнка земель западнаго края и въ частности могилевской губерніи. Могилевъ. 1865 года.

[2]) Цифры, на которыя указываетъ г. Юнгъ-Штиллингъ, приведены г. Дубенскимъ на стр. 27 въ видѣ простыхъ *примѣровъ*, рядомъ съ продажными цѣнами, и только какъ доказательство, что послѣднія цѣны обыкновенно соотвѣтствуютъ наемной платѣ, капитализированной по $7\frac{1}{2}$% разсчету; но онъ вовсе не выдаетъ этихъ цифръ за опредѣленіе ни высшей, ни средней, ни низшей наемной платы за десятину. Всѣ собранныя имъ свѣдѣнія собственно о наемной платѣ помѣщены у него въ той же брошюрѣ (стр. 35), въ видѣ таблицы, обнимающей 285 мѣстностей, подѣленныхъ на 6 разрядовъ и 28 степеней, по сравнительной дороговизнѣ земли. Въ этой таблицѣ, на которую г. Юнгъ-Штиллингъ почему-то не обратилъ вниманія, приводятся совершенно иныя цифры, и уѣзды Лифляндіи размѣщаются въ 4-мъ и 5-мъ разрядахъ.

пріемы. Въ какой мѣрѣ свѣдѣнія г. Дубенскаго заслуживали довѣрія и надежны ли были его пріемы—это другой вопросъ; но если они найдены были настолько пригодными, что можно было ссылаться на его выводы о петербургской, московской, владимірской, рязанской и тульской губерніяхъ, то чѣмъ же хуже были тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ тѣмъ же путемъ, въ примѣненіи къ Лифляндіи? Они напечатаны рядомъ, въ той же брошюрѣ. Оказывалось, по его даннымъ, что тамъ средняя наемная плата за десятину колебалась по мѣстностямъ между 1 руб. 77 коп. и 80 коп. За вѣрность этихъ цифръ мы нисколько не стоимъ, но, во всякомъ случаѣ, странно, что г. Юнгъ-Штиллинъ даже не упомянулъ объ нихъ и не оказалъ имъ такого же вниманія, какого удостоились оцѣнки земель великороссійскихъ губерній.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что если, во многихъ случаяхъ, читатель не находитъ въ его книгѣ такихъ свѣдѣній, которыхъ ожидать отъ нея онъ имѣлъ бы полное основаніе, то за то иногда въ ней попадаются данныя, по самому существу своему не легко укладывающіяся въ цифрахъ и потому обыкновенно не входящія въ кругъ статистическихъ изслѣдованій. Вотъ примѣръ. Происходившая въ Лифляндіи въ пяти-и шестидесятыхъ годахъ перегонка крестьянъ съ барщины на оброкъ, по словамъ самого автора, имѣла характеръ кореннаго переворота (eine fundamentale Umwälzung). Въ народномъ быту онъ естественно долженъ былъ отозваться тремя явленіями. Во-первыхъ, окончательно упразднялось право спокойнаго, наслѣдственнаго пользованія крестьянскою землею подъ условіемъ исправнаго отбыванія изстари опредѣленной повинности; за отказъ отъ уплаты назначеннаго помѣщикомъ и непосильнаго крестьянину оброка, хозяинъ сгонялся съ своего двора. Во-вторыхъ, такъ какъ при назначеніи денежной повинности помѣщикъ нисколько не обязывался стѣсняться, и дѣйствительно не стѣснялся, прежнею оцѣнкою двора. по которой опредѣлялся размѣръ барщины, то оброки ложились на хозяевъ далеко не пропорціонально прежней, издѣльной повинности и въ этомъ смыслѣ неравномѣрно; такъ, при прежнемъ порядкѣ, всѣ хозяева, владѣвшіе участками оцѣненными въ 40 талеровъ каждый,

отбывали по 1028 рабочихъ дней въ году (полагая равное число конныхъ и пѣшихъ); при введеніи же оброчной системы, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, съ одного изъ этихъ хозяевъ требовалось 120 руб., а съ сосѣда его, владѣвшаго равноцѣннымъ участкомъ, до 400 рублей. Въ третьихъ, прежняя издѣльная повинность была неизмѣнна въ своемъ размѣрѣ, а средній оброкъ, по изслѣдованіямъ г. Юнга-Штиллинга, въ 16 лѣтъ поднялся болѣе чѣмъ на 67%. Все это вмѣстѣ не только разстроивало хозяйственныя привычки крестьянъ, но оскорбляло ихъ издавна сложившіяся понятія о правѣ и справедливости, а потому понятно, что замѣна одной повинности другою, при такихъ условіяхъ, иначе и совершиться не могла, какъ принудительно. Чтобъ составить себѣ возможно точное понятіе о степени употребленнаго принужденія съ одной стороны и встрѣченнаго съ другой пассивнаго сопротивленія, очень бы любопытно было узнать, сколько прежнихъ хозяевъ сошло съ своихъ насиженныхъ дворовъ въ эти 16 лѣтъ, какъ при первоначальномъ введеніи, такъ и при постепенномъ возвышеніи оброковъ? Объ этомъ авторъ молчитъ, но вотъ чѣмъ онъ насъ успокоиваетъ; съ 1864 по 1868 годъ, изъ общаго числа крестьянъ - хозяевъ, коихъ онъ насчитываетъ 35,699, только 190 отказались отъ своихъ дворовъ *вслѣдствіе и по причинѣ возвышенія оброка*. Здѣсь уже лифляндская статистика облекаетъ въ форму числовыхъ данныхъ не только внѣшніе, осязательные факты, но и чисто субъективныя побужденія. Имѣя передъ собою рядъ совершенно однородныхъ дѣйствій, она, не затрудняясь, подраздѣляетъ ихъ на категоріи по тѣмъ внутреннимъ соображеніямъ, которыми руководились дѣйствовавшія лица.

Сколько вообще крестьянъ - хозяевъ сошло съ своихъ мѣстъ—этого она, повидимому, не знаетъ; за то ей въ точности извѣстно, что изъ нихъ 190, не болѣе и не менѣе, бросили свои дворы именно потому, что оброкъ, который съ нихъ требовался, показался имъ слишкомъ высокимъ. Любопытно бы было однако узнать: изъ какого источника, черезъ кого, и какимъ способомъ добыты эти свѣдѣнія?—Если бы подъемъ оброка свыше какой либо нормы могъ подавать законный поводъ къ жалобамъ, то, при разбирательствѣ ихъ, конечно,

могли бы обнаруживаться и причины, заставлявшія крестьянъ отказываться отъ предлагаемыхъ имъ кондицій; но никакого предѣла требованіямъ со стороны помѣщиковъ не было и нѣтъ, слѣдовательно не было и повода къ жалобамъ. Можетъ быть крестьяне и пробовали жаловаться, разъ и другой, на первыхъ порахъ; но имъ конечно было разъяснено, что жалобамъ ихъ нельзя было дать никакого хода и, вразумившись, они естественно должны были скоро умолкнуть. Послѣ этого, кто же взялся за нихъ раскрывать лифляндскому статистическому комитету причины, разсчеты и соображенія, заставлявшія ихъ отказываться отъ своихъ дворовъ? – Неужели сами помѣщики, назначавшіе непосильные крестьянамъ оброки, или приходскіе судьи, то есть тѣ же мѣстные помѣщики, избранные помѣщиками для отстаиванія помѣщичьихъ интересовъ? — Такъ или иначе, авторъ въ предисловіи своемъ объявившій читателямъ, что онъ устранилъ изъ употребленнаго имъ матеріала всѣ безъ исключенія данныя, сколько нибудь сомнительныя, кажется, въ настоящемъ случаѣ, могъ бы отнестись болѣе критически къ цифрѣ 190 хозяевъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ сгоняется съ своего двора, по неимѣнію средствъ для пріобрѣтенія его въ собственность за цѣну, предлагаемую другимъ лицомъ, или когда онъ по той же причинѣ отказывается отъ уплаты требуемаго отъ него оброка, ему присуждается вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется особыми правилами, утвержденными законодательнымъ порядкомъ. Лифляндскіе публицисты много объ нихъ говорятъ и всегда указываютъ на нихъ какъ на такое ограниченіе помѣщичьяго произвола въ назначеніи оброка и выкупа, которое будто бы представляетъ собою вполнѣ достаточную гарантію имущественныхъ интересовъ крестьянъ (только *имущественныхъ*, ибо нарушеніе ихъ историческаго *права* на Bauerland цѣнится конечно ни во что). Въ виду особенной важности, придаваемой этому предохранительному клапану въ хозяйственномъ механизмѣ Лифляндіи, желательно бы знать, часто ли онъ приходилъ въ дѣйствіе и какъ онъ дѣйствовалъ: много ли было случаевъ выдачи вознагражденій, сколько было ассигновано къ выдачѣ, сколько изъ причитавшагося вознагражденія зачтено на покрытіе преж-

нихъ долговъ и сколько получено крестьянами наличными деньгами?—Все это мы надѣялись узнать изъ книги г. Юнга-Штиллинга, но онъ этихъ вопросовъ даже не затронулъ.

По свѣдѣніямъ, имъ собраннымъ, оказывается, что къ исходу 1868 года, изъ общаго состава крестьянскихъ земель въ частныхъ имѣніяхъ было пріобрѣтено крестьянами въ собственность 14,26% на очень почтенную сумму $13^1/_2$ милліоновъ рублей. Авторъ приходитъ въ восторгъ и восклицаетъ: „бывшій арендаторъ сдѣлался собственникомъ (der Pächter ist Eigenthümer geworden)".

Точнѣе было бы сказать: малая часть арендаторовъ постепенно пріобрѣтаетъ собственность; но не объ этомъ рѣчь. Изъ приведенныхъ цифръ видно только, что покупщики приняли на себя громадный долгъ—это несомнѣнно; затѣмъ, желательно бы знать, сколько изъ показанныхъ 13 $^1/_2$ милліоновъ уплачено наличными, сколько разсрочено, сколько выдано въ ссуду, на какой срокъ и на какихъ условіяхъ совершается погашеніе?—Объ этомъ въ книгѣ ни полслова.

Возводя въ идеалъ свои мѣстные, лифляндскіе порядки, г. Юнгъ-Штиллингъ (надобно отдать ему въ этомъ отношеніи справедливость) относится въ то же время къ нашимъ русскимъ порядкамъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ другіе, разсуждавшіе объ нихъ земляки его. Онъ даже допускаетъ, что установленіе нормальнаго оброка и регулированіе выкупа могли быть пригодны для Россіи при дешевизнѣ ея земель и въ особенности потому, что законодательная власть, дѣйствуя у насъ, имѣла полную возможность не стѣсняться въ своихъ мѣропріятіяхъ гипотечными долгами, обременяющими недвижимую собственность (въ томъ, что этимъ можно было не стѣсняться и что будто бы дѣйствительно не стѣснялись, авторъ, кажется, серьезно убѣжденъ); но къ остзейскому краю, стоящему на высшей степени культуры, такой же образъ дѣйствія былъ бы рѣшительно не примѣнимъ, такъ какъ тамъ онъ поколебалъ бы самое основаніе громадныхъ кредитныхъ сдѣлокъ — это главный аргументъ противъ выкупной операціи (Ablösung). Но чтобы судить о силѣ его, нужно бы знать, какъ относится сумма помѣщичьихъ гипотечныхъ долговъ къ той суммѣ, которая уже получена за проданныя крестьянамъ

земли, и къ той, которая можетъ быть выручена отъ продажи остальной крестьянской земли по прежнимъ цѣнамъ. По даннымъ автора, всѣ крестьянскія земли въ частныхъ имѣніяхъ (по мѣстной оцѣнкѣ на талеры) представляли собою въ 1868 году капиталъ въ 575,569 талеровъ. При покупкѣ крестьянами, талеръ оплачивался среднимъ числомъ (въ 1865—1868 годахъ) 166 рублями. По этому разсчету, отъ продажи всей крестьянской земли можно бы ожидать около 95½ милліоновъ руб.—это одна данная; но другой, о суммѣ гипотечныхъ долговъ, лежащихъ на частныхъ имѣніяхъ, мы въ книгѣ не находимъ [1]). Остается вѣрить на слово г. Юнгу-Штиллингу, что высокая культура, до которой достигла Лифляндія, не допускаетъ выкупной операціи (вопреки примѣру всей Германіи), и г. Эккгардту, который, кажется съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ самодовольной ироніи, объявляетъ намъ, что выкупъ былъ возможенъ *когда-то*, но что мы упустили безвозвратно благопріятную минуту. (Der richtige Zeitpunkt ist verpasst worden). Когда-же именно?—спроситъ, вѣроятно, читатель.—До 1850 года, вся Лифляндія сидѣла на барщинѣ, слѣдовательно нельзя было и помышлять о выкупѣ, ибо финансовая операція, безъ которой онъ немыслимъ (ссуды, выпускъ кредитныхъ бумагъ, погашеніе и т. д.), предполагаетъ нѣкоторую привычку крестьянъ къ срочнымъ денежнымъ платежамъ, а въ началѣ 1860 годовъ ужь стало поздно. —Странно!

Насъ Русскихъ всетаки нѣсколько смущаетъ необыкновенно высокій уровень лифляндскихъ оброковъ и продажныхъ цѣнъ, а въ особенности—быстрый подъемъ его; но съ своей точки зрѣнія, г. Юнгъ-Штиллингъ этому только радуется, какъ признаку возрастающагося благосостоянія.

---

[1]) Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что еще недавно, лифляндское дворянское кредитное общество, при залогѣ дворянскихъ имѣній, цѣнило 80 талеровъ (гакъ) въ 6000 руб. (полагая въ счетъ и господскую землю), а въ ссуду выдавало 4000 руб. На этомъ основаніи долгъ поземельному банку, обезпеченный дворянскими имѣніями, не могъ бы превышать 29 милліоновъ, слѣдовательно, при покупкѣ по нынѣшнимъ цѣнамъ, покрылся бы сполна; при этомъ вся господская земля осталась бы свободною и наконецъ помѣщики получили бы чистаго барыша 66½ милліоновъ. Мы впрочемъ не могли дознать въ точности, не былъ ли размѣръ ссуды увеличенъ въ послѣднее время.

Озабочиваться тутъ нечѣмъ, повторяетъ онъ нѣсколько разъ, съ апломбомъ свойственнымъ рижскимъ манчестерцамъ: цѣны эти установились сами собою, подъ исключительнымъ вліяніемъ непреложныхъ экономическихъ законовъ, помимо давленія какихъ либо постороннихъ, субъективныхъ воззрѣній и побужденій, въ силу свободныхъ соглашеній между двумя совершенно равноправными сторонами, и потому мы должны принять ихъ за произведеніе факторовъ чисто сельско-хозяйственнаго свойства, иначе: за выраженіе дѣйствительной доходности земли. Не разъ однако встрѣчались указанія на два фактора совершенно инаго рода: одинъ свойства субъективнаго, именно, на крайность, заставляющую крестьянина подчиняться самымъ для него тяжелымъ условіямъ, когда ему угрожаетъ удаленіе съ его двора, и другой свойства законодательнаго—на освобожденіе отъ рекрутской повинности, которымъ, до изданія послѣдняго объ ней устава, пользовались крестьяне-хозяева въ отличіе отъ бобылей и батраковъ.

Вотъ что говоритъ о первомъ изъ этихъ факторовъ г. Нолькенъ въ своей, упомянутой выше, брошюрѣ: „Съемщикъ, при истеченіи срока заключеннаго имъ контракта, всякій разъ отдается беззащитнымъ въ жертву арендующаго (помѣщика), которому дана возможность произвольно возвышать арендную плату.—Видя это, крестьянинъ перестаетъ дѣлать что либо для поддержанія производительности земли и для ремонта строеній; ему не трудно понять, что никакой зачетъ произведенныхъ имъ улучшеній не обезпечитъ ему достаточнаго вознагражденія и что, даже въ случаѣ если онъ не лишится немедленно плодовъ положеннаго имъ въ землю труда и капитала, онъ долженъ будетъ однако оплачивать ихъ помѣщику въ видѣ накидки на прежнюю арендную плату, а потомъ, въ концѣ концевъ, всетаки ихъ утратитъ. При свободной конкуренціи ничто не обезпечиваетъ ему и его наслѣдникамъ спокойнаго на будущее время пользованія его хозяйствомъ, а это уже само по себѣ великое зло. Мало того: чѣмъ больше онъ дѣлаетъ для своего хозяйства, тѣмъ должно быть для него несомнѣннѣе, что ему не устоять противъ другихъ конкурентовъ, ибо человѣкъ сторонній всегда заплатитъ за землю дороже того, кто самъ, такъ сказать, создавалъ ее въ потѣ

своего лица [1]). Помѣщикъ легко выдержитъ опустѣніе нѣсколькихъ, даже большей части состоящихъ въ его имѣніи крестьянскихъ дворовъ; обладая достаточными на то средствами, онъ самъ примется за ихъ обработку, но съемщикъ (крестьянинъ) не можетъ обойтись безъ своего двора: онъ не въ состояніи прокормить своихъ лошадей и своего скота, онъ проживаетъ свой капиталъ и въ скоромъ времени долженъ обнищать. Поэтому онъ вынужденъ принять участокъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы ему оставалось необходимое въ обрѣзъ на поддержаніе его скуднаго существованія. Иногда онъ еще находитъ себѣ подспорье *въ выручкахъ отъ промысловъ, не имѣющихъ ничего общаго съ доходомъ отъ земли*, какъ то: въ извозѣ, въ торговлѣ льномъ или лошадьми. Зная, что опустѣніе двора отнюдь не поставитъ помѣщика въ затрудненіе, онъ поэтому подчиняется необходимости, сверхъ ренты съ дохода отъ земли, *платить еще и съ своего промысла, съ личныхъ своихъ способностей* [2]), лишь бы избавиться отъ опасности остаться безъ двора. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ неминуемо разоряется, тогда какъ въ первомъ, даже при подъемѣ арендной платы, все же представляется возможность этого избѣгнуть."

Мы ограничиваемся однимъ этимъ свидѣтельствомъ, хотя могли бы привести цѣлый рядъ тождественныхъ по содержанію. Оно имѣетъ особенную силу, какъ голосъ консерватора, практика, извѣстнаго знатока мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, одного изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ Лифляндіи, имѣнія котораго всегда слыли образцовыми, не только по устройству господской экономіи, но также по благосостоянію крестьянъ и въ особенности по добрымъ, рѣд-

---

1) Это вѣрное наблюденіе подтверждается опытомъ и въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

2) Прибавимъ: и съ рабочихъ силъ батраковъ, состоящихъ при немъ на положеніи полукабальныхъ. Вотъ, что писалъ объ этомъ въ 1861 году другой лифляндскій помѣщикъ, ф. Гринвальдъ: „крестьянинъ-арендаторъ выручаетъ свой оброкъ *не съ земли, а старается извлечь его, сдавая по найму въ работу своихъ батраковъ;* при этомъ онъ, естественно, и самъ вмѣстѣ съ ними часто проводитъ все лѣто вдали отъ своего двора". См. Ueber Dienstbotenverhältnisse in Liefland von Grünwaldt. Riga, 1861.

кимъ въ томъ краѣ взаимнымъ отношеніямъ между ними и владѣльцами. Въ родѣ Польkеновъ эти отношенія изстари поддерживались силою фамильныхъ традицій.

(Объ этой, съ натуры снятой, *правдѣ* якобы добровольныхъ соглашеній между двумя будто-бы равносильными интересами г. Юнгъ-Штиллингъ, разумѣется, ничего не знаетъ. Положимъ — онъ не признаетъ вѣрности снимка; но нельзя отрицать втораго изъ указанныхъ выше факторовъ—завиднаго изъятія отъ призыва къ отбыванію воинской повинности. На это обстоятельство, какъ на одну изъ главныхъ причинъ подъема цѣнъ на землю, не разъ уже указывали остзейскія газеты, издающіяся на мѣстныхъ народныхъ языкахъ. О томъ же недавно свидѣтельствовалъ офиціально начальникъ одной изъ тамошнихъ губерній, писавшій, „что освобожденіе отъ рекрутства чрезвычайно поднимало арендную плату и выкупъ, соблазняя крестьянъ на расходы, для нихъ разорительные, затрудняло отбываніе воинской повинности натурою и подавало поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ“ [1]. — Прибавимъ къ этому наблюденіе Лифляндца ф. Гринвальда, на котораго мы уже ссылались: „Опытъ доказалъ, что крестьяне, проживающіе на сторонѣ, внѣ волостныхъ обществъ, къ которымъ они приписаны (на заработкахъ), приберегаютъ все, что они съ трудомъ наживаютъ и нерѣдко ввѣряютъ свои сбереженія ненадежнымъ рукамъ, чтобы только имѣть этотъ капиталъ во всегдашней готовности на случай, когда онъ понадобится чтобъ откупиться отъ рекрутства (въ Лифляндіи недавно еще можно было откупаться, внося 300 руб.). Они спускаютъ на это все заработанное ими и нетолько остаются безъ всякихъ денежныхъ средствъ, но еще запутываются въ долгахъ, ибо собственный капиталъ оказывается обыкновенно недостаточнымъ; приходится занимать изъ лихвенныхъ процентовъ и потомъ отрабатывать свой долгъ“.

[1]) Напримѣръ: по объявленіи манифеста о наборѣ, вдругъ являлись арендаторами (т. е. хозяевами) такіе крестьяне, которые прежде въ разрядѣ хозяевъ не состояли и не имѣли контрактовъ на свои дворы; отцы (дѣйствительные хозяева) номинально, для вида, сдавали дворы своимъ сыновьямъ и т. д.— Вотъ и разгадка перепродажи и переуступки дворовъ съ накидками противъ первоначальныхъ покупныхъ цѣнъ.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что привилегія, которою такъ дорожили, не могла оставаться безъ рѣшительнаго вліянія на цѣнность земли, съ владѣніемъ которою она была сопряжена [1]), и потому довольно странно, что г. Юнгъ-Штиллингъ даже не намекнулъ на это обстоятельство. Онъ проходитъ мимо, отвернувшись, пишетъ цѣлую книгу для предупрежденія всякой попытки *искусственно* (т. е. законодательнымъ порядкомъ) *понизить* цѣны на земли и какъ будто не замѣчаетъ дѣйствительнаго факта, *искусственно поднявшаго* эти

[1]) По поводу того мѣста въ первомъ выпускѣ Окраинъ, въ которомъ я указалъ на изъятіе хозяевъ отъ рекрутства, г. Эккгардтъ утверждаетъ въ своихъ коментаріяхъ, будто бы я сказалъ, что освобожденіе ихъ отъ военной службы *„имѣло единственною цѣлью* облегчить помѣщикамъ увеличеніе оброковъ и продажныхъ цѣнъ (blos den Zweck habe den Gutsbesitzern etc., etc.). Такое мое заявленіе онъ находитъ чудовищнымъ (monströs) и недоумѣваетъ, приписать ли его моей злонамѣренности или просто извращенію моихъ политико-экономическихъ понятій“.—Что я ничего подобнаго не говорилъ и никогда не думалъ *объяснять происхожденія* привилегіи *намѣреніемъ* способствовать увеличенію платы за землю, а только указывалъ на нее, какъ на одно изъ обстоятельствъ, *имѣвшихъ вліяніе* на подъемъ цѣнъ,—въ этомъ читатели легко могутъ убѣдиться, заглянувъ въ первый выпускъ Окраинъ (стр. 91 и 92). Г. Эккгардтъ и въ этомъ случаѣ сознательно наклепалъ на меня, ибо нельзя было ошибиться, имѣя передъ глазами вѣрный переводъ моего текста. Въ томъ же примѣчаніи онъ читаетъ мнѣ длинное наставленіе о томъ, что привилегія хозяевъ узаконена была задолго до введенія въ Лифляндіи денежнаго оброка и въ видахъ, не имѣвшихъ къ нему ни малѣйшаго отношенія. Все это я хорошо зналъ, но вотъ чего мой коментаторъ не хочетъ знать и чего бы ему однако не слѣдовало игнорировать. Привилегія хозяевъ всегда была несправедлива по себѣ и обидна для батраковъ и бобылей, но пока хозяева владѣли своими дворами по праву наслѣдственнаго, неотъемлемаго пользованія и пока они отбывали барщину, эта привилегія *не оплачивалась помѣщику, не приносила ему дохода;* она не подавала повода къ подъему повинностей, ибо размѣръ барщины былъ опредѣленъ нормою, которой помѣщикъ, въ силу закона, а потомъ фактически, переступать не могъ. Съ отмѣною барщины эта норма упразднилась; размѣръ ничѣмъ неограниченнаго оброка естественно достигъ до цифры, представляющей собой итогъ всѣхъ выгодъ, сопряженныхъ съ землевладѣніемъ и всѣхъ потерь, неразлучныхъ съ выходомъ изъ разряда хозяевъ. Утрата упомянутой привилегіи конечно занимала въ этомъ итогѣ не послѣднее мѣсто. Итакъ, *только съ перевода крестьянъ съ повинности опредѣленнаго размѣра на повинность размѣра неограниченнаго,* изъятіе отъ рекрутства вошло, какъ составной элементъ, въ плату за крестьянскую землю и *сдѣлалось предметомъ торга, очень не безвыгоднаго* для сословія сдающаго и продающаго эту землю.

цѣны до той высоты, которой онѣ достигли въ концѣ 1860-хъ годовъ. Подобнаго рода затмѣніямъ манчестерцы *настоящіе*, не остзейскіе, подвержены не бываютъ.

Книга г. Юнга-Штиллинга, по выходѣ ея, была довольно подробно разобрана въ нашихъ газетахъ и очевидно-тенденціозный ея характеръ былъ опредѣленъ вѣрно—это не ученое изслѣдованіе, а адвокатская записка, въ которой, вмѣсто аргументовъ, употреблены въ дѣло неполныя, отрывочныя, съ предвзятою цѣлью подобранныя и сгрупированныя цифры.

Мы однако воспользуемся ею и съ помощью нѣкоторыхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, постараемся сдѣлать то, чего не додѣлалъ авторъ, именно сопоставить данныя, имъ собранныя, съ соотвѣтствующими данными, взятыми изъ нашей великорусской среды, по тремъ поставленнымъ выше вопросамъ. Это дастъ русскимъ читателямъ возможность составить себѣ понятіе, если не о хозяйственномъ бытѣ лифляндскихъ и нашихъ крестьянъ вообще, то по крайней мѣрѣ о тѣхъ условіяхъ этого быта, которыя находятся въ болѣе или менѣе прямой зависимости отъ дѣйствующихъ тамъ и у насъ законовъ.

Въ составъ крестьянскихъ земель въ Лифляндіи входятъ, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, полевыя земли, находящіяся въ постоянной обработкѣ, луга и такъ называемый бушландъ (буквально—кустовая земля). Къ лугамъ причисляются и моховыя болота, на которыхъ накашивается съ 1143 саж. не болѣе полувоза или $7^1/_2$ пуд. сѣна; у насъ подобнаго рода угодья обыкновенно не отводились въ крестьянскій надѣлъ, а когда ихъ нельзя было изъ него выдѣлить, то шли въ придачу къ надѣлу, какъ земли неудобныя,—въ Лифляндіи они полагаются въ оцѣнку. Названіе бушланда въ остзейскомъ краѣ присвоено огромнымъ площадямъ, естественно проростающимъ мелколѣсіемъ и находящимся въ 24-хъ лѣтнемъ сѣвооборотѣ. Кустарникъ вырубается, земля изъ подъ него расчищается, засѣвается хлѣбомъ три года къ ряду и потомъ опять запускается, такъ что изъ всей площади только $^1/_8$ находится подъ посѣвомъ, а остальная, и то далеко не вся, можетъ служить развѣ только выгономъ. Такая же система полеводства существуетъ, какъ извѣстно, подъ названіемъ лядиннаго хозяй-

ства, въ самыхъ глухихъ, слабо населенныхъ мѣстностяхъ нашего сѣвера, въ костромской и олонецкой губерніяхъ; сходная съ нею, подъ названіемъ залежной, ведется въ заволжскихъ и новороссійскихъ степяхъ. Въ составѣ крестьянскихъ земель въ Лифляндіи бушландъ играетъ важную роль и занимаетъ вообще $^1/_3$, даже болѣе, подворнаго надѣла; въ земляхъ же господскихъ количество бушланда, относительно другихъ угодій, гораздо меньше.

Г. Юнгъ-Штиллингъ опредѣляетъ величину площади, отведенной крестьянамъ, двоякимъ образомъ: сперва одною общею цифрою, полагая въ счетъ только пахатную землю (съ причисленіемъ $^1/_8$ бушланда) и луга; потомъ онъ слагаетъ изъ разныхъ угодій площадь средняго подворнаго надѣла, включая въ нее весь бушландъ. По первому изъ этихъ разсчетовъ выходитъ 827,142 десятины б. м., по второму 1,177,353 дес. съ небольшимъ. Такъ какъ по послѣдней ревизіи (оконченной въ 1861 году) въ Лифляндіи числится 354,533 мужск. ревиз. душъ сельскаго народонаселенія, то среднимъ числомъ на душу приходится пашни и луговъ $2^1/_3$ дес. б. м., а со включеніемъ всего бушланда—$3^1/_3$ б. м. десятины. Но этотъ выводъ не можетъ считаться вѣрнымъ ни въ примѣненіи къ частнымъ имѣніямъ, ни въ примѣненіи къ казеннымъ. Мы поневолѣ приняли въ соображеніе общее количество земли, находящейся во владѣніи крястьянъ,—какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ имѣніяхъ безъ различія,—только потому, что въ книгѣ г. Юнга-Штиллинга мы не находимъ цифры крестьянскихъ надѣловъ въ дворянскихъ имѣніяхъ; извѣстно однако, что въ казенныхъ крестьяне вообще гораздо щедрѣе надѣлены землею. Управленіе государственныхъ имуществъ никогда не занималось ни систематическою урѣзкою крестьянскихъ земель, ни упраздненіемъ дворовъ и потому не подлежитъ сомнѣнію, что если бы сдѣланъ былъ подобный разсчетъ по однимъ дворянскимъ имѣніямъ, то средній душевой надѣлъ оказался бы ниже. По росписанію, приложенному къ Положенію 19 февраля 1861 года, въ псковской губерніи, которая, по естественнымъ своимъ условіямъ, ближе другихъ подходитъ къ лифляндской, высшій надѣлъ по мѣстностямъ опредѣленъ въ $4^1/_2$, 5, $5^1/_2$ и 6 дес.

Перейдемъ къ распредѣленію земли. Гупель насчитывалъ

въ Лифляндіи 40,000 крестьянскихъ дворовъ (Gesinde) и, сверхъ того, 900 хатъ такъ называемыхъ лострейберовъ; въ 1854 году, коммиссія, приводившая въ исполненіе Положеніе 1849 года, нашла крестьянскихъ дворовъ 38,962, а г. Юнгъ-Штилингъ, въ 1868 году, насчиталъ ихъ не болѣе 35,699. Итакъ, въ 79 лѣтъ, несмотря на естественную прибыль народонаселенія, число самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ сократилось на 4,301. Теперь приходится одинъ крестьянскій дворъ почти на 10 душъ; иначе, если предположить въ составѣ каждой крестьянской семьи, владѣющей землею, по $3\frac{1}{2}$ ревизскія души на кругъ (что̀ конечно, будетъ не ниже дѣйствительности), то окажется, что почти двѣ трети сельскаго народонаселенія лишены всякаго участія въ пользованіи землею.

Съ сороковыхъ приблизительно годовъ въ средѣ лифляндскихъ помѣщиковъ стало проявляться довольно общее стремленіе къ возможному сосредоточенію крестьянскаго землевладѣнія въ рукахъ небольшаго числа сравнительно крупныхъ и состоятельныхъ хозяевъ, своего рода деревенской аристократіи. Въ этомъ стремленіи цѣли хозяйственныя сливались съ политическими. Увеличеніе территоріальнаго объема дворовъ производилось, конечно, не на счетъ господскихъ угодій, а постепеннымъ поглощеніемъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ въ составъ крупныхъ. Паралельно и одновременно съ уменьшеніемъ числа дворовъ, шла постепенная урѣзка крестьянской земли. Съ 1819 года, помѣщики, какъ свидѣтельствуетъ г. Генъ въ своей диссертаціи о лифляндскомъ хозяйствѣ [1]), усердно пользовались своимъ правомъ прирѣзывать крестьянскія земли къ господскимъ (einen fleissigen Gebrauch von ihrem Rechte gemacht haben); потомъ, въ 1849 году, когда правительство рѣшилось положить этому предѣлъ, дворянство исходатайствовало себѣ разрѣшеніе еще разъ, *въ послѣдній*, отобрать у крестьянъ до 36 лофштелей полевой земли на каждый крестьянскій гакъ (то есть на каждый участокъ, оцѣненный, для исчисленія причитающихся съ него рабочихъ дней, въ 80 талеровъ) [2]). Надобно полагать, что и это разрѣшеніе не осталось мертвою буквою.

---

[1]) Die Intensität der Livländischen Landwirthschaft v. C. Hehn. 1858.

[2]) 36 лофштелей составляютъ на нашу мѣру нѣсколько болѣе 11 десятинъ,

Къ несчастью для крестьянъ, лифляндская система исчисленія повинностей—не съ площади, а съ капитала, представляемаго подворнымъ надѣломъ, по таксаціи основанной на очень нетвердыхъ правилахъ и оставляющихъ широкій просторъ произволу таксатора,—давала соблазнительную возможность урѣзывать крестьянскія земли, не лишаясь рабочихъ дней, то есть не сокращая числа крестьянскихъ гаковъ, съ которыхъ отбывалась барщина; можно было даже вести рядомъ двѣ операціи: урѣзывать подворные надѣлы и возвышать капитальную стоимость земли, остававшейся во владѣніи крестьянъ. Помѣщики фактически пользовались правомъ во всякое время предпринять переоцѣнку любаго крестьянскаго двора, и они естественно приступали къ этому въ тѣхъ только случаяхъ, когда, по ихъ соображеніямъ, можно было надѣяться, что при новой таксаціи, часть угодій, вслѣдствіе сдѣланныхъ хозяиномъ улучшеній, какъ то осушенія топкихъ покосовъ, обращенія бушланда въ постоянную пашню и т. п., попадетъ въ высшій разрядъ. Въ послѣднее время, въ казенныхъ имѣніяхъ, производились также переоцѣнки, но не въ видахъ подъема крестьянскихъ повинностей, а для приведенія ихъ въ возможно точную соразмѣрность съ дѣйствительною доходностью земли, и тамъ эта операція привела къ иному результату, именно къ *пониженію* оцѣнки и къ сокращенію числа гаковъ. Если, несмотря на это, по послѣднимъ исчисленіямъ, произведеннымъ въ концѣ 1851 года, общее число гаковъ, въ частныхъ и казенныхъ имѣніяхъ вмѣстѣ взятыхъ, не только не сократилось [1]), а даже нѣсколько увеличилось, то очевидно, что въ частныхъ имѣніяхъ, одновременно и

а гакъ, смотря по свойству угодій и качеству земли, могъ вмѣщать въ себѣ отъ $38^1/_2$ до $609^1/_2$ приблизительно десятинъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ разрѣшеніе испрашивалось и было дано, правительство никоимъ образомъ не могло составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія о томъ, какое количество крестьянской земли отдавалось въ жертву помѣщикамъ.

[1]) По даннымъ г. Юнга-Штиллинга, крестьянская земля въ частныхъ имѣніяхъ въ 1851—1852 году цѣнилась въ 523,456 талеровъ (что̀ составляло 6543 гака), а въ 1867—1868 въ 575,571 талеръ (7194 гака); между тѣмъ, въ періодъ времени отъ 1851—1868 года, конечно, крестьянскіе надѣлы не увеличивались, а напротивъ урѣзывались.

паралельно съ постепенною урѣзкою крестьянскихъ надѣловъ, поднималась ихъ оцѣнка, посредствомъ повѣрочныхъ измѣреній и таксацій. Эта практика и подала поводъ къ извѣстной въ Лифляндіи поговоркѣ: изъ одного прежняго гака дѣлаютъ два, продаютъ оба, а одинъ всетаки оставляютъ за собою.

Обратимся теперь къ оброкамъ. Мы узнали отъ г. Юнга-Штиллинга, что среднимъ числомъ получается въ Лифляндіи по 6 руб. 62 коп. арендной платы съ каждаго оцѣночнаго талера крестьянской земли; но величина площади, соотвѣтствующей талеру, зависитъ отъ оцѣнки и находится въ обратномъ отношеніи къ качеству почвы. Талеръ, по переводѣ на поземельную мѣру, можетъ значить 1142 сажени (первокласной пашни) и можетъ значить 7 дес. 1470 саж. съ лишкомъ (покосовъ 4-го класса). Итакъ, прежде всего, нужно уяснить себѣ среднее отношеніе площади къ оцѣнкѣ; до разрѣшенія этого вопроса ничего нельзя понять въ лифляндскомъ хозяйствѣ, а въ законодательныхъ сферахъ, при обсужденіи шести Положеній о тамошнихъ крестьянахъ, онъ ни разу даже не возникалъ. Г. Юнгъ-Штиллингъ вѣроятно также имѣлъ причины не касаться его и потому, чтобы не оставаться въ потемкахъ, намъ приходится обратиться къ другимъ источникамъ и постараться сдѣлать то, чего онъ не захотѣлъ додѣлать.

По изслѣдованіямъ г. Гринвальда, спеціалиста, пользующагося въ Лифляндіи общепризнаннымъ авторитетомъ въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, участокъ крестьянской земли, оцѣненный въ 80 талеровъ (гакъ), *обыкновенно* содержитъ въ себѣ 328 лофштелей, или $111\frac{1}{2}$ десятинъ. Средняя арендная плата съ талера составляетъ 6 руб. 62 коп., а потому на десятину падаетъ 4 руб. 75 коп.

Такого оброка у насъ нигдѣ не существуетъ. Въ мѣстности, находящейся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, подъ самымъ Петербургомъ (гдѣ расположены загородныя дачи), при душевомъ оброкѣ въ 12 руб., десятина оплачивается на кругъ 3 руб. 69 коп. Въ московской губерніи, при душевомъ оброкѣ въ 10 руб. и при самомъ низкомъ надѣлѣ (въ 3 дес.),—средній подесятинный оброкъ составляетъ 3 руб.

33 коп. Въ лучшихъ, плодороднѣйшихъ, наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ черноземной полосы, гдѣ земля продается по 100 руб. и дороже за десятину, въ губерніяхъ курской, тульской, рязанской и пензенской, при душевомъ оброкѣ въ 9 руб. и при самомъ низкомъ надѣлѣ (въ $2^3/_4$ дес.) на десятину падаетъ 3 руб. 27 коп. Въ псковской, подесятинный оброкъ колеблется между 1 руб. 80 коп. и 1 руб. $33^1/_3$ коп.

Инаго рода данныя для сравненія можно извлечь изъ отношенія оброчной повинности къ издѣльной. По закону 1804-го года, сохранявшему въ Лифляндіи силу обычая до введенія денежнаго оброка, крестьянинъ отбывалъ въ теченіи года за каждый оцѣночный талеръ отведенной ему земли по 26 безъ малаго рабочихъ дней (полагая равное число дней конныхъ и пѣшихъ). Теперь онъ платитъ за тотъ же талеръ надѣла 6 руб. 62 коп. слѣдовательно съ него берется за каждый прежній его рабочій день по $25^1/_2$ коп. б. м. У насъ, какъ извѣстно, съ души, при высшемъ надѣлѣ, полагается 40 мужскихъ дней и 30 женскихъ, итого 70; откупаясь отъ барщины, крестьянинъ вноситъ за прежній свой рабочій день, при 12-ти рублевомъ душевомъ оброкѣ: $17^1/_7$ коп., при 10-ти рублевомъ: $14^2/_7$ коп., при 9-ти рублевомъ: $12^6/_7$ коп., при 8-ми рублевомъ: $11^3/_7$ коп.

Мы брали для сравненія нашъ закономъ установленный оброкъ съ лифляндскимъ среднимъ; тамъ же гдѣ послѣдній достигалъ до своего maximum'а, то есть до 11 руб. за талеръ земли, тамъ на десятину падало 8 руб. б. м. а за свой прежній рабочій день крестьянину приходилось платить по $42^1/_2$ коп.

Остается сравнить условія выкупа. Изъ сопоставленія арендныхъ платежей съ цѣнами, по которымъ крестьяне покупали землю, г. Юнгъ-Штиллингъ выводитъ, что средняя продажная цѣна представляетъ собою средній оброкъ капитализированный изъ 3, 5%. У насъ выкупъ опредѣляется капитализаціею по 6%; иначе: въ Лифляндіи, за каждый рубль арендной платы помѣщикъ получаетъ 28 руб. 57 коп., у насъ же онъ получаетъ 16 руб. $66^2/_3$ коп. Въ Лифляндіи, при установившемся въ 1868 году среднемъ оброкѣ (по 4 руб. 75 коп. за десятину удобной земли) крестьянамъ обходилась десятина

при покупкѣ въ 135 руб. 70 коп. [1]). У насъ десятина удобной земли выкупается: подъ Петербургомъ по 61 руб. 53 коп., въ московской губерніи по 55 руб. 55 коп., въ лучшихъ мѣстностяхъ черноземной полосы по 54 руб. 54 коп., въ псковской отъ 30 руб. до 22 руб. 22 коп.

Мы рѣшительно отказываемся признать такую ни съ чѣмъ несообразную дороговизну земли въ Лифляндіи за явленіе экономически—нормальное. Она носитъ на себѣ всѣ признаки вынужденности. Эти оброки и продажныя цѣны, которымъ не нарадуется г. Юнгъ-Штиллингъ, выражаютъ собою не дѣйствительную стоимость земли, не доходъ изъ нея извлекаемый или ожидаемый отъ нея, а нѣчто совершенно иное, именно: *сумму тѣхъ потерь, которымъ подвергается хозяинъ, неожиданно сгоняемый съ своего насиженнаго двора, и которыя во очію представляются ему въ ту минуту, когда ему дается на выборъ разориться моментально, или подвергнуться вѣроятному разоренію исподволь, подписавъ заготовленный въ помѣщичьей конторѣ контрактъ.* Постепенное упраздненіе крестьянскихъ дворовъ и крайне ограниченное ихъ число по отношенію къ цифрѣ сельскаго народонаселенія, принудительность перевода съ издѣльной повинности на денежную, допущеніе неограниченной конкуренціи при сдачѣ и продажѣ, отсюда естественный страхъ лишиться прежняго мѣста и не найти другаго, надежда какъ нибудь извороτиться сторонними заработками, наконецъ соблазнительная привилегія, которою пользовались хозяева—вотъ что поднимало цѣны до той баснословной высоты, до которой онѣ достигали и что заставляло крестьянъ, якобы добровольно, а въ сущности скрѣпя сердце и далеко не без-

---

[1]) Въ томъ мѣстѣ (стр. 32 и 100—101) гдѣ г. Юнгъ-Штилингъ приводитъ продажныя цѣны за десятину крестьянской земли, средняя цѣна показана у него за 1866—1867 годъ въ 66 руб. 29 коп. а за 1867—1868 въ 61 руб. 38 коп. Эта разница противъ цѣны полученной посредствомъ капитализаціи оброка по разсчету, который, по свидѣтельству самого Юнга-Штиллинга (стр. 15) соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію оброка къ выкупу, можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что суммы полученныя въ 1866—1868 годахъ за проданные дворы раскладывались не на однѣ удобныя земли, полагаемыя въ оцѣнку, а на общее число десятинъ пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность, со включеніемъ неудобной земли.

ропотно, подчиняться неумѣреннымъ вымогательствамъ, противъ которыхъ они не могли протестовать.

Нельзя однако искать окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса въ систематической эксплоатаціи искусственно созданной крайности цѣлаго сословія; нельзя разсчитывать и на прочность такого порядка вещей.

Когда крестьянъ, купившихъ, какъ они думали, вмѣстѣ съ нѣсколькими десятинами бушланда, изъятіе для себя и для своего потомства отъ рекрутства, привлекутъ къ жеребью—если только дѣйствительно привлекутъ [1])—пріобрѣтенная ими недвижимая собственность естественно упадетъ въ цѣнѣ; тогда вѣроятно прекратится и спекуляція крестьянскими дворами, эта переуступка и перепродажа ихъ по полуторной цѣнѣ противъ сдаточной или покупной, которая приводитъ г. Юнга-Штиллинга въ сокрушеніе, когда она происходитъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Тогда и для хозяевъ, снявшихъ или купившихъ землю изъ первыхъ рукъ и нисколько не думающихъ нажиться на ней спекуляціями, наступитъ минута горькаго разочарованія.

Помимо этого, рано или поздно, отзовутся на томъ же классѣ хозяевъ тяжелыя послѣдствія чрезмѣрной монополизаціи землевладѣнія въ немногихъ рукахъ. Существующій издревле въ остзейскомъ краѣ порядокъ личнаго, наслѣдственнаго владѣнія недѣлимыми дворами имѣетъ, какъ и общинный и какъ всякій другой, свои относительныя выгоды и свои невыгоды. Первый естественно влечетъ за собою крайнее неравенство состояній; рядомъ съ небольшимъ числомъ крупныхъ хозяевъ, часто достигающихъ до такой степени благосостоянія, до которой рѣдко дорабатываются у насъ крестьяне не занимающіеся, кромѣ земледѣлія, никакимъ инымъ промысломъ, образуется болѣе или менѣе многочисленный классъ мелкихъ хозяевъ, имѣющихъ одну усадебную осѣдлость и добывающихъ себѣ пропитаніе поден-

---

[1]) Дѣйствующимъ закономъ привилегія хозяевъ упразднена и потому никакое сомнѣніе въ этомъ случаѣ, повидимому, не должно бы имѣть мѣста; но предѣлы фактически возможныхъ уклоненій отъ закона въ остзейскомъ краѣ такъ широки, что рисковано было бы напередъ поручиться, что не придумаютъ средства, такъ или иначе, обходить хозяевъ.

ною работою, и затѣмъ классъ батраковъ, живущихъ по чужимъ дворамъ, на хозяйскихъ харчахъ. Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, пока пропорціональное отношеніе этихъ трехъ сельскихъ группъ не выходитъ изъ извѣстныхъ границъ, которыхъ нельзя опредѣлить заранѣе математическою формулою, но которыя однако существуютъ для каждой мѣстности и которыхъ нарушеніе никогда не сходитъ съ рукъ безнаказанно. При такомъ составѣ сельскаго общества, распорядительная власть и завѣдываніе общественными дѣлами сосредоточивается естественно въ рукахъ сельской аристократіи, что̀ также имѣетъ свои выгоды и придаетъ мѣстному управленію плѣнительную стройность; но, съ тѣмъ вмѣстѣ—какъ логическое послѣдствіе того же порядка вещей, на тотъ же передовой классъ владѣющій землею ложатся и общественныя тягости, въ томъ числѣ расходы по призрѣнію несостоятельныхъ и неимущихъ членовъ общества. Мы знаемъ, что, напримѣръ въ Германіи, гдѣ существуетъ изстари такой же въ главныхъ чертахъ какъ и въ остзейскомъ краѣ порядокъ распредѣленія сельской недвижимой собственности и сходная система сельскаго управленія, эта статья, въ волостныхъ бюджетахъ, занимаетъ часто первое мѣсто и всегда принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ расходовъ. Тамъ, какъ и вездѣ, чѣмъ рѣзче неравенство состояній въ составѣ сельскаго общества и чѣмъ ограниченнѣе сравнительное число самостоятельныхъ хозяевъ, тѣмъ выше поднимается этотъ расходъ. Нерѣдко случалось, что удовлетвореніе потребностей по обязательному призрѣнію оказывалось рѣшительно не по силамъ порознь взятымъ волостнымъ обществамъ и, для облегченія ихъ, имъ разрѣшалось, собственно на этотъ предметъ, складываться какъ между собою, такъ и съ ближайшими помѣщичьими имѣніями, въ болѣе крупныя единицы (Armenvereine). Къ этому должно еще прибавить, что, напримѣръ въ Пруссіи, батраки проживающіе не въ территоріи волостныхъ обществъ, а въ частныхъ имѣніяхъ, образующихъ самостоятельныя, административныя единицы [1]), не счита-

[1]) Въ Пруссіи, на которую, по какому то странному недоразумѣнію, недавно указывали петербургскіе дворяне въ подкрѣпленіе своихъ проектовъ, не только

ются членами этихъ обществъ и не пользуются правомъ на призрѣніе на ихъ счетъ. Обязанность, въ случаѣ нужды, продовольствовать, размѣщать и лѣчить ихъ, ложится всецѣло на вотчинное управленіе, которое, по закону, несетъ въ отношеніи къ нимъ всѣ обязанности, падающія на волостное общество по отношенію къ его членамъ. Въ Лифляндіи же, за этихъ самыхъ батраковъ, работающихъ на господскихъ хуторахъ (которыхъ г. Юнгъ-Штиллингъ насчитываетъ примѣрно по 5 человѣкъ на каждыя 34 десятины господскаго посѣва и которыхъ онъ, при исчисленіи средняго, поземельнаго надѣла на душу сельскаго населенія, почему то въ разсчетъ не принимаетъ) отвѣчаетъ не помѣщикъ, а волостное общество, къ которому они приписаны. Здѣсь, какъ видно, дворяне распорядились иначе, чѣмъ въ Пруссіи: они удержали всѣ выгоды своего привилегированнаго положенія и убереглись отъ сопряженныхъ съ нимъ тягостей. Само собою разумѣется, что волостныя общества, эти небольшія группы крестьянъ-хозяевъ завѣдующихъ всѣми общественными дѣлами и располагающихъ мірскими суммами, всегда крайне скудно и неохотно ассигнуютъ свои средства на пособія нуждающимся; тѣмъ не менѣе, при той крайности въ монополизаціи землевладѣнія, о которой говорено было выше, должна наступить минута, когда тягость обязательнаго призрѣнія перевѣситъ выгоды происходящія отъ эксплоатаціи огромной массы всегда сподручныхъ и дешевыхъ рабочихъ силъ. Тогда окажется, что сельскій пролетаріатъ есть въ сущности довольно дорогая роскошь. Чѣмъ же помогутъ себѣ въ подобномъ случаѣ и что придумаютъ состоятельные члены, пере-

---

не существуетъ ничего похожаго на всесословную волость, а напротивъ проведено строгое разобщеніе между волостными обществами и крупными вотчинами (selbstständige Güter). Какъ административныя единицы, онѣ стоятъ рядомъ однѣ съ другими и управляются независимо однѣ отъ другихъ. Соединяются онѣ въ границахъ такъ называемаго Amtsbezirk. (который есть отнюдь не общественная, а чисто полицейская единица, соотвѣтствующая нашему стану) и затѣмъ сливаются, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, въ одну общественную единицу, только въ предѣлахъ уѣзда (Bezirk) потомъ провинціи, въ хозяйственно-административныхъ учрежденіяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ земскимъ, уѣзднымъ и губернскимъ,

довые люди волостнаго общества?—На этотъ вопросъ можно отвѣтить указаніемъ на фактъ.

Читатели вѣроятно припомнятъ происходившее въ 1868 и 1869 годахъ повальное бѣгство безземельныхъ крестьянъ изъ Эстляндіи, надѣлавшее столько хлопотъ министру внутреннихъ дѣлъ, который при сей оказіи, едва было не попалъ въ категорію злонамѣренныхъ подстрекателей. Вотъ что писали въ то время тамошній губернаторъ и генералъ-губернаторъ: „Ссуды изъ общественныхъ магазиновъ выдавались нуждающимся крайне туго; придумывались всякаго рода предлоги для отказовъ и потребовался особый циркуляръ для разъясненія, что изъявившихъ желаніе переселиться отнюдь еще не слѣдовало считать выбывшими изъ обществъ, къ которымъ они приписаны, а потому тѣмъ изъ нихъ, которые были не въ состояніи прокормить себя, общества обязаны, подъ строжайшею отвѣтственностію, на общемъ основаніи, оказывать помощь наравнѣ съ другими. *Болѣе всего благопріятствовали необдуманной страсти къ переселенію зажиточные хозяева, остававшіеся на мѣстахъ, и на которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, лежала прежде и должна лежать впослѣдствіи общественная обязанность призрѣнія*“.

Мы хорошо знаемъ, что въ то время Эстляндія находилась въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; рядъ неурожаевъ истощилъ ее до такой степени, что помощь со стороны сдѣлалась для нея необходимостью; но мы обращаемъ вниманіе читателей отнюдь не на оказавшуюся недостаточность мѣстныхъ средствъ вообще (то же самое, при извѣстныхъ условіяхъ, возможно всегда и вездѣ), а на то особенное явленіе, котораго причина лежала въ мѣстномъ фактѣ численнаго отношенія сельскаго населенія владѣющаго землею къ безземельному, призрѣвающаго къ призрѣваемому. Оказывается, что главными двигателями разорительнаго для всего края подъема массы были именно крестьяне-хозяева, эти сельскіе аристократы и богачи, эта опора мѣстнаго благоустройства. Они то, и ужъ конечно не по злобѣ, а также подъ вліяніемъ относительной крайности, гнали своихъ земляковъ на голодную смерть, чтобъ только сбыть ихъ съ своей отвѣтственности. Случай этотъ важенъ какъ симптомъ ненормальности

въ распредѣленіи поземельныхъ правъ и сопряженныхъ съ землевладѣніемъ тягостей. Не трудно бы было привести и другія указанія на ощущаемую уже и теперь обременительность общественнаго призрѣнія. Такъ напримѣръ, 1861-й годъ не ознаменовалъ себя въ Лифляндіи никакими бѣдствіями, ничѣмъ чрезвычайнымъ, а уже въ то время, по свидѣтельству г. Гринвальда, расходы на призрѣніе больныхъ, неимущихъ, безпріютныхъ и неспособныхъ къ работѣ изъ числа тѣхъ членовъ волостныхъ обществъ, которые обыкновенно зарабатывали себѣ пропитаніе на сторонѣ, далеко не покрывались 2-хъ и 4-хъ рублевымъ сборомъ взимавшимся въ пользу волостей съ каждаго выдаваемаго годоваго паспорта, сверхъ обязательнаго взноса всѣхъ податей и повинностей за цѣлый годъ впередъ. Придумывались другія мѣры; ландтагъ занятъ былъ этимъ вопросомъ, а самъ г. Гринвальдъ предлагалъ просто на просто прикрѣпить опять всѣхъ сельскихъ батраковъ къ волостямъ и отнять у городовъ возможность пользоваться ихъ трудомъ.

Въ другихъ сосѣднихъ земляхъ, при однородныхъ условіяхъ, обнаруживались тѣ же явленія и тамъ уже неоднократно высказывалась мысль, что причины ихъ слѣдовало искать именно въ чрезмѣрной монополизаціи землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія свидѣтельство и мнѣніе извѣстнаго профессора Трейтчке, durch und durch консерватора, высказанныя имъ въ брошюрѣ недавно изданной, въ которой онъ объявлялъ, такъ называемой школѣ der Catheder-Socialisten о своемъ рѣшительномъ съ нею разрывѣ [1]). Вотъ его слова: „Можно принять за правило, что положеніе сельскихъ рабочихъ сносно вездѣ гдѣ только они владѣютъ хоть какимъ-нибудь количествомъ земли и *повсемѣстно внушаетъ опасенія* (bedrohlich ist) *гдѣ они этого владѣнія лишены.*—Законоположенія выработанныя Штейномъ и Гарденбергомъ имѣли послѣдствіемъ образованіе новаго класса сельскихъ рабочихъ, въ полтора раза превышающаго своею численностью классъ рабочихъ занятыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ: въ восточныхъ провинціяхъ (Пруссіи) первые

[1]) Der Socialismus und seine Gönner etc. Von H. v. Treitschke. Berlin, 1875.

составляютъ большинство всего сельскаго населенія и тамъ, въ большихъ имѣніяхъ, они часто находятся въ жалкомъ положеніи. *Періодъ крупныхъ мѣропріятій въ области аграрнаю законодательства, повидимому, еще не завершился* (das Zeitalter der grossen Agrargesetze scheint noch nicht beendet). Сельскій рабочій людъ ощущаетъ непреодолимую потребность въ недвижимой собственности. Крупному землевладѣльцу приходится болѣе и болѣе довольствоваться поденщиками, ибо охота идти въ батраки видимо пропадаетъ: если онъ (помѣщикъ) сумѣетъ опознать знаменія времени, то онъ въ пору озаботится удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей и не станетъ выжидать, пока его принудитъ крайность или, можетъ быть, государственный законъ. Выселеніе рабочихъ изъ этихъ рѣдко населенныхъ мѣстностей, броженіе въ строго консервативномъ сельскомъ населеніи восточной Пруссіи— все это указываетъ на тяжелые, соціальные недуги. Но своевременное признаніе простаго, общественнаго долга бываетъ иногда такъ же недоступно классу, употребляющему чужой трудъ, какъ и самимъ рабочимъ промышляющимъ своимъ трудомъ и ропщущимъ на свою судьбу. Особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ преобладаетъ крупная недвижимая собственность, нерѣдко встрѣчается въ этомъ отношеніи страшно самодовольное равнодущіе."—Далѣе, указавъ на необходимость, въ общихъ видахъ государственной пользы, предупредить законодательными мѣрами распродажу крестьянскихъ земель въ стороннія руки, авторъ оканчиваетъ словами: „государственной власти предстоитъ повсемѣстно упразднить послѣдніе слѣды старыхъ привилегій и потому я думаю, что *будущіе аграрные законы врѣжутся въ имущественныя права глубже чѣмъ законы о фабрикахъ* (tiefer in die Eigenthumsordnung einschneiden werden etc. etc.)"

Этотъ голосъ изъ-за границы можетъ служить отвѣтомъ гг. Юнгу-Штиллингу, Эккгардту и другимъ, съ такою рѣшительною самоувѣренностью утверждающимъ, что въ прибалтійскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и что для него періодъ аграрныхъ законовъ окончательно завершился. Трудно въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобъ этотъ край въ культурномъ отношеніи такъ далеко обогналъ Пруссію; трудно

также отдѣлаться отъ свидѣтельства извѣстнаго профессора Трейтчке обыкновеннымъ способомъ, то есть обозвавъ его невѣждою или революціонеромъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Заключу повтореніемъ сказаннаго мною въ первомъ выпускѣ: крестьянское дѣло въ прибалтійскихъ губерніяхъ окончательно не разрѣшено, а только испорчено, и прибавлю для ясности: оно можетъ и должно быть исправлено.

Когда необходимость приступить къ этому сдѣлается до того очевидною, что побѣдитъ наконецъ нашу безпечность, придется поневолѣ отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути и вернуться далеко назадъ къ тѣмъ кореннымъ основаніямъ аграрнаго законодательства, которыя такъ ясно были сознаны и такъ твердо поставлены правительствомъ въ началѣ текущаго столѣтія и отъ которыхъ оно, къ несчастію, такъ скоро и такъ далеко уклонилось. Что это былъ капитальный промахъ—теперь уже признаютъ всѣ, и консерваторъ Нолькенъ и считающій себя либераломъ г. Эккгардтъ. Въ виду этого неминуемаго возврата къ забытымъ началамъ, кажется не лишнимъ посвятить цѣлый выпускъ Окраинъ подробному ихъ изученію. Сверхъ того, предлагаемая историческая справка, можетъ быть, послужитъ къ уясненію и другаго, болѣе общаго вопроса, именно: о той степени довѣрія, которое можетъ быть оказываемо балтійской интеллигенціи въ законодательной разработкѣ предметовъ касающихся тамошнихъ мѣстныхъ интересовъ.

Мнѣ остается указать на источники, которыми я пользовался. Главнымъ матеріаломъ служило мнѣ подлинное дѣлопроизводство лифляндскаго комитета въ 18-ти томахъ, обнимающее періодъ времени отъ 1803-го до 1819-го годовъ и сохранившееся почти въ цѣлости [1]; затѣмъ: нѣкоторыя дѣла

[1]) Передъ открытіемъ въ Петербургѣ другаго лифляндскаго комитета по крестьянскому дѣлу въ 1845 году, комитета, къ которому я былъ прикомандированъ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, въ качествѣ переводчика и помощника дѣлопроизводителя, мнѣ было поручено составить историческую записку о прежнихъ мѣропріятіяхъ по устройству крестьянъ. Въ числѣ собранныхъ для этого матеріаловъ, находилось и дѣлопроизводство перваго комитета 1813—1819 годовъ, доставленное въ министерство изъ архива—какого именно?—не припомню. Но оно было прислано поздно,

канцеляріи остзейскаго генералъ-губернатора того же времени; рукописный сборникъ шведскихъ законовъ въ русскомъ переводѣ, составленный въ 1785-мъ году [1]); Опытъ исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ остзейскихъ провинціяхъ, преимущественно въ лифляндскомъ герцогствѣ, Самсона ф. Гиммельстіерна [2]); брошюра подъ заглавіемъ: Еще кое что о крестьянскомъ дѣлѣ въ Лифляндіи съ дополненіемъ гр. Меллина [3]); Исторія вошедшихъ въ составъ россійской имперіи нѣмецкихъ остзейскихъ провинцій и т. д. Рихтера, часть II, томъ II. (Рига 1858); Біографія графа Сиверса составленная Блюмомъ, томъ IV [4]); наконецъ, разныя мелкія брошюры новѣйшаго времени, на которыя въ своемъ мѣстѣ будетъ указано.

Юрій Самаринъ.

Москва, Іюнь 1875.

когда уже порученная мнѣ работа была окончена и представлена; поэтому я не могъ имъ воспользоваться и ограничился выписками изъ него. Въ немъ не доставало только нѣсколькихъ журналовъ за послѣдніе года: тамъ же нашлись и всѣ частныя письма гр. Кочубея, гр. Я. Е. Сиверса, Ф. Сиверса, Фитингофа, Будберга и другихъ лицъ, изъ которыхъ я привожу цитаты. (Это примѣчаніе было сдѣлано Ю. Ѳ-чемъ исключительно съ цѣлью устранить непріятности, которыя могли въ то время обрушиться на лицъ, давшихъ ему возможность въ 1875 г. воспользоваться дѣлопроизводствомъ Комитета 1813—1819 г., хранящимся въ Архивѣ министерства юстиціи. *Прим. изд.)*.

[1]) Подъ заглавіемъ: Краткое описаніе о происхожденіи Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, съ показаніемъ, какой въ оныхъ въ началѣ былъ образъ правленія, какія послѣ въ разсужденіи онаго правленія происходили перемѣны и какими нынѣ оныя управляются законами. Собрано кол. сов. Василіемъ Матвѣевымъ 1785 года (на 545 листахъ).

[2]) Печаталось на нѣмецкомъ языкѣ, въ видѣ прибавленія къ издававшейся въ Ригѣ газетѣ Inland, въ 1838 году.

[3]) Noch einiges über die Bauernangelegenheiten in Liefland. Riga 1824.

[4]) Ein Russischer Staatsmann etc. von Blum. Leipzig und Heidelberg, 1858.

I.

Шведское крестьянское уложеніе XVII вѣка и дальнѣйшая судьба его до открытія комитета 1803 г.

Хозяйственный бытъ крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ, найденныя нами въ Лифляндіи при ея покореніи, сложились въ эпоху шведскаго надъ нею владычества, во второй половинѣ XVII вѣка, и были всецѣло произведеніемъ ума и воли тогдашняго правительства. Факта этого отрицать нельзя; но, по старой традиціи далеко не научнаго свойства, остзейскіе публицисты долго не хотѣли видѣть въ постоянной и послѣдовательной заботливости шведскихъ королей объ улучшеніи быта крестьянъ нравственной заслуги, то есть простаго заступничества за угнетенныхъ. Они приписывали ее исключительно побужденіямъ свойства фискальнаго. Въ этомъ толкованіи была конечно извѣстная доля правды. Безденежье составляло хроническій недугъ шведскаго правительства въ эпоху его военной славы и было, можетъ быть, естественнымъ послѣдствіемъ несоотвѣтствія домашнихъ средствъ, которыми оно располагало, слишкомъ широкому размаху его внѣшней политики. Между тѣмъ, въ коренной Швеціи крутой подъемъ налоговъ встрѣтилъ бы непреодолимое сопротивленіе со стороны государственныхъ чиновъ, и потому, дѣйствительно, приходилось зачастую налегать не въ мѣру на дальнія, завоеванныя области. При всемъ томъ, остается несомнѣннымъ, что въ XVII вѣкѣ, когда въ другихъ земляхъ государственная мудрость, также не мало изощрявшаяся надъ изобрѣте-

ніемъ средствъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ, обыкновенно останавливалась на такихъ мѣрахъ, которыми древнія права и самые насущные интересы массъ приносились въ жертву служилой или денежной аристократіи, шведское правительство ранѣе другихъ уразумѣло, что интересы самой казны, понятые вѣрно, требовали прежде всего дѣятельнаго покровительства простонародію и огражденія его труда. О глубокой обдуманности законовъ, изданныхъ въ этихъ видахъ преимущественно Карломъ XI, и о твердой послѣдовательности административныхъ распоряженій королевскихъ намѣстниковъ, приводившихъ ихъ въ исполненіе, лучше всего свидѣтельствуетъ прочность ихъ работы. Созданная ими, хотя и не вполнѣ законченная система хозяйственныхъ правъ и обязанностей крестьянъ выдержала разрушительное дѣйствіе не только времени, но и сознательныхъ усилій лифляндскаго дворянства, которому, благодаря нашей безпечности, дана была полная возможность портить ее исподоволь въ теченіе полувѣка слишкомъ. Для этого нужно было только замаскировать ее отъ русскаго правительства, и это было исполнено съ такимъ успѣхомъ, что до самаго конца прошлаго столѣтія наши государственные люди, повидимому, даже и не подозрѣвали ея существованія. Понятно, что при такихъ условіяхъ заброшенная храмина не могла не пострадать. Нѣкоторыя части ея обвалились, другія были намѣренно разобраны или обезображены позднѣйшими пристройками; но фундаментъ и капитальныя стѣны все-таки уцѣлѣли и въ началѣ этого вѣка снова пошли въ дѣло, хотя, въ то время, далеко уже не все могло быть возстановлено въ первоначальномъ видѣ, а иное, въ старыхъ шведскихъ порядкахъ, осталось для насъ даже неразъясненнымъ. Изъ уваженія къ исторической правдѣ, нельзя къ этому не прибавить, что во всей послѣдующей законодательной дѣятельности русскаго правительства по улучшенію хозяйственнаго быта лифляндскихъ крестьянъ, отъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія до нашихъ дней, оно тогда только и подвигалось къ своей цѣли, когда ограничивалось реставраціею шведскихъ учрежденій. Собственныя же его изобрѣтенія по этой части, или, говоря точнѣе—изобрѣтенія лифляндскихъ ландмаршаловъ и ландратовъ,

которыя оно усвоивало себѣ на вѣру и облекало въ форму законовъ, представляютъ собою не иное что какъ длинный рядъ уклоненій въ сторону, попятныхъ шаговъ и ничѣмъ не мотивированныхъ отступленій отъ сдѣланнаго частью до него, частью имъ самимъ. Для уразумѣнія этой поучительной исторіи, необходимо, въ короткихъ словахъ, изложить, въ чемъ заключалась сущность этихъ старыхъ, къ несчастью слишкомъ поздно нами открытыхъ и недостаточно оцѣненныхъ порядковъ.

Въ Лифляндіи, издревле, служилъ единицею для разверстки и взиманія государственныхъ податей и повинностей такъ называемый *гакъ* [1]). Первоначально этимъ словомъ означалась извѣстной величины площадь, размѣръ которой въ разныя эпохи опредѣлялся различно; позднѣе, въ началѣ XVII вѣка, принято было считать за гакъ каждый крестьянскій дворъ, ставившій на барщину двухъ рабочихъ съ упряжью. Черезъ это частная повинность дѣлалась какъ бы единицею и регуляторомъ государственнаго обложенія, и барщина пріобрѣтала, въ фискальномъ интересѣ, косвенную гарантію своей неприкосновенности. Эту систему, пользовавшуюся благорасположеніемъ лифляндскаго дворянства, шведское правительство окончательно отмѣнило. Послѣ нѣкотораго колебанія, оно основало исчисленіе и взиманіе государственныхъ налоговъ въ уѣздахъ (города облагались по другимъ правиламъ) на среднемъ, чистомъ доходѣ отъ недвижимыхъ имуществъ, подлежавшихъ обложенію, а именно: на нормальной рентѣ отъ земель, которыми пользовались крестьяне, сверхъ того на рентѣ отъ господскихъ земель, на которыхъ заложены были хутора послѣ ревизіи 1630 года, и тѣхъ изъ бывшихъ господскихъ же земель, на которыхъ поставлены были крестьянскіе дворы, наконецъ на доходѣ отъ разныхъ господскихъ оброчныхъ статей, мельницъ, шинковъ и т. п. Такимъ образомъ, гакъ получилъ значеніе податной единицы, представлявшей собою доходъ въ 60 талеровъ, полагая по 90 грошей на талеръ; та же единица (то есть нормальный, чистый доходъ отъ крестьян-

[1]) По назначенію своему и нѣкоторымъ чертамъ, гакъ имѣлъ много общаго съ нашею древнею *сохою*.

ской земли) дала основаніе и для приведенія въ законную мѣру частныхъ, крестьянскихъ повинностей. Большая или меньшая величина площади принимавшейся за крестьянскій гакъ обусловливалась двумя данными: родомъ угодій и свойствомъ (градусомъ) грунта, какъ нагляднымъ признакомъ большей или меньшей его производительности. Было дознано опытомъ, что съ такъ называемой тоннытели, то есть съ участка крестьянской пахатной земли въ 14,000 шведскихъ квадратныхъ локтей [1]), высшаго достоинства (1-го градуса) по качеству грунта, получалось, при среднемъ урожаѣ, 5 тоннъ или 10 лофовъ ржи и что, за вычетомъ изъ нихъ потребнаго на продовольствіе и вознагражденіе крестьянъ [2]) и на уплату казенныхъ и общественныхъ повинностей, оставалась на кругъ одна тонна или два лофа ржи [3]) чистой прибыли. Это количество зерна было признано законнымъ доходомъ владѣльца. Выведенная этимъ способомъ натуральная рента, по переложеніи ея на монету XVII вѣка и по тогдашнимъ цѣнамъ, давала 1 талеръ въ 90 грошей; слѣдовательно, 60 тоннштелей (около $28^1/_2$ десятинъ) крестьянской пашни перваго градуса принимались за полную податную единицу, за гакъ. На такомъ же основаніи опредѣлена была хлѣбная рента, а по ней исчислена была соотвѣтственная ей денежная съ тоннштеля пахатной земли 2-го, 3-го и 4-го градусовъ въ 75, въ 60 и въ 45 грошей. Крестьянскій бушландъ подраздѣлялся на два вида: отслужившій (то есть запущенный) и поросшій лѣсомъ (т. е. годный къ вырубкѣ и подъ расчистку); бушландъ втораго сорта цѣнился по всѣмъ четыремъ градусамъ въ половину ниже полевой земли, а бушландъ перваго сорта въ половину ниже втораго. Въ шведскомъ Положеніи встрѣчаются также таксы для огородовъ и покосовъ; первые приравнивались къ тремъ высшимъ градусамъ полевой земли, а послѣдніе подводились подъ 4 градуса по укосу, котораго относительное обиліе опредѣлялось количествомъ возовъ на-

---

1) Около 1142 квадратныхъ сажень.

2) Доля урожая, отчислявшаяся въ пользу крестьянъ, нѣсколько разъ измѣнялась и вообще опредѣлялась щедрѣе въ казенныхъ имѣніяхъ, чѣмъ въ частныхъ.

3) Лофъ содержитъ безъ малаго $2^2/_3$ четверика.

кашиваемаго сѣна (Fuder)[1]. Пропорціонально тоннштелѣ исчислялась, на основаніи тѣхъ же данныхъ, по всѣмъ родамъ угодій и градусамъ, натуральная, а по ней денежная рента и съ другой, наиболѣе употребительной въ Лифляндіи поземельной мѣры меньшаго объема, съ лофштели въ 10,000 шведскихъ квадратныхъ локтей[2], или приблизительно въ 816 саженей. Всѣ приведенныя цифры примѣнялись только къ землямъ, находившимся фактически въ пользованіи крестьянъ; для господскихъ (подлежавшихъ обложенію) существовала другая такса; онѣ цѣнились несравненно выше: полевая отъ 1 талера 15 грошей до 2 талеровъ 30 грошей, а бушландъ до 3 талеровъ. Выведенная указаннымъ способомъ рента съ крестьянскихъ земель давала, сказали мы, норму для частныхъ повинностей крестьянъ; этимъ разрѣшалась самая трудная задача аграрнаго законодательства. Другая его задача— прочное обезпеченіе крестьянъ достаточнымъ надѣломъ, могла считаться разрѣшенною, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, еще прежде. Крестьянская земля признавалась главнымъ предметомъ государственнаго обложенія, и неприкосновенность ея оберегалась фискальнымъ интересомъ. Къ тому же, въ XVII вѣкѣ, не было даже для помѣщиковъ особеннаго разсчета отбирать или урѣзывать ее.

Итакъ, можно бы было признать хозяйственныя отношенія окончательно регулированными, если бы въ то время

[1]) Возъ полагается въ 15 пудовъ.

[2]) Въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній, мы должны здѣсь указать на несообразность, которая встрѣчается и въ законоположеніи 1804 года и могла бы быть принята читателями за ошибку: отношеніе площадей, получившихъ свое названіе отъ хлѣбныхъ мѣръ предполагавшагося на нихъ высѣва, не соотвѣтствуетъ отношенію этихъ мѣръ. Тоннштель относится къ лофштели какъ 7 : 5, а тонна къ лофу какъ 2 : 1. Въ Положеніи 1804 года, натуральная и денежная рента съ обѣихъ площадей исчислена по первому изъ этихъ отношеній. Нѣкоторые объясняли эту несообразность тѣмъ, что тоннштель, мѣра шведская, съ трудомъ усвоивалась въ Лифляндіи и на практикѣ опредѣлялась неоднообразно. Само шведское правительство нѣсколько разъ измѣняло законный размѣръ ея. Сперва тоннштель была значительно больше, потомъ законная величина ея была опредѣлена, въ концѣ XVII вѣка, въ 14,000 локтей и этой мѣры, впослѣдствіи, придержалось и русское правительство. Во всѣхъ дальнѣйшихъ разсчетахъ и сравненіяхъ мы будемъ принимать тоннштель за 1142 саж., а лофштель за 816 □ саж.

считалось возможнымъ и предполагалось посадить крестьянъ на хлѣбный или на денежный оброкъ. Но въ Лифляндіи XVII вѣка даже мысль объ этомъ никому не приходила на умъ, и мы знаемъ, что тамошніе помѣщики начали съ нею свыкаться не ранѣе какъ въ исходѣ сороковыхъ годовъ. Стало быть, шведскому правительству предстояло еще, въ дополненіе къ составленной имъ таксаціонной табели, найти формулу для переложенія установленной имъ ренты, натуральной и денежной, въ рабочіе дни, иначе: оцѣнить крестьянскій трудъ. *Вывести* дѣйствительную его стоимость, какъ выводилась стоимость ржи и поземельная рента, не было возможности, ибо тогдашняя практика не представляла никакихъ для этого данныхъ. Оставалось просто *установить* ее [1]), иными словами: принять ту или другую условную оцѣнку рабочаго дня, соображаясь съ безобиднымъ, по понятіямъ того времени, размѣромъ барщины, которую отбывали крестьяне-хозяева, гакнеры (владѣвшіе полнымъ гакомъ), полгакнеры (сидѣвшіе на полгакѣ), четвертники (фиртлеры) и осьмерики (ахтлеры). Конный рабочій день оцѣненъ былъ въ 4 гроша, пѣшій въ 3 гроша [2]); на талеръ причиталось первыхъ $22^1/_2$, а вторыхъ 30. Понятно, что эти цифры не только не опредѣляли, но даже и не выдавались за точное опредѣленіе дѣйствительной стоимости труда; талеры и гроши, въ этомъ случаѣ, служили

[1]) Въ своей брошюрѣ г. Нолкенъ, упуская изъ виду это обстоятельство, сравниваетъ *оцѣнку* рабочаго дня, сдѣланную въ XVII вѣкѣ, съ *стоимостью* его въ настоящее время, какъ двѣ однородныя цѣнности, и выводитъ отсюда, что трудъ вздорожалъ. Рабочій *обходится* теперь помѣщику дороже, чѣмъ тогда — это несомнѣнно, но отнюдь не потому, чтобъ цѣнность труда возвысилась въ силу общихъ, экономическихъ законовъ, которыми обусловливается подъемъ и упадокъ цѣнностей, а потому, что прежняя, крайне низкая оцѣнка основывалась на данныхъ не экономическаго, а юридическаго свойства, т. е. на правѣ одного на обязательный трудъ другаго. То же самое оказалось бы и теперь, если бы стали цѣнить работу арестантовъ.

[2]) Ландратъ Самсонъ, въ своемъ Опытѣ исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Остзейскихъ губерніяхъ, приводитъ эту оцѣнку какъ шведскій законъ; но раньше, въ началѣ этого вѣка, возникало сомнѣніе: дѣйствительно ли она исходила отъ шведскаго правительства и имѣла ли при немъ силу закона? Обстоятельство это осталось неразъясненнымъ (см. главу V). Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что наше правительство застало эту оцѣнку въ дѣйствіи и заимствовало ее изъ практики.

лишь общими знаменателями для уравненія двухъ, при тогдашнемъ хозяйствѣ, несоизмѣримыхъ величинъ, земли и труда— того, что́ получалъ крестьянинъ отъ помѣщика, и того, чѣмъ крестьянинъ расплачивался.

Съ тѣхъ поръ, все измѣнилось: отъ шведской податной системы не осталось слѣда; шведская монета XVII вѣка давно вышла изъ употребленія и превратилась въ фикцію, въ добавокъ ненужную, съ тѣхъ поръ какъ барщина окончательно упразднена; тѣмъ не менѣе, счетъ на талеры и гроши доселѣ держится въ обычаѣ. Такъ, напримѣръ, въ статистическихъ матеріалахъ, недавно изданныхъ Юнгомъ - Штиллингомъ, мы находимъ таблицу, въ которой между прочимъ значится, что въ общемъ итогѣ крестьянскихъ земель, въ 1868 году, состояло на денежномъ оброкѣ 464,565 талеровъ. Зная, какъ часто этотъ способъ выраженія, свойственный исключительно остзейскому краю, сбиваетъ русскихъ читателей, не знакомыхъ съ тамошними мѣстными особенностями, мы считаемъ не лишнимъ еще разъ повторить, что число талеровъ, въ примѣненіи къ землѣ, не даетъ никакого понятія ни о площади ея, ни о капитальной ея стоимости, ни о ея доходности, съ тѣхъ поръ какъ уплачиваемый за нее оброкъ поставленъ въ зависимость отъ обоюднаго соглашенія между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Приведенная статистическая справка, по переложеніи ея съ остзейской терминологіи на болѣе понятную для всякаго читателя не-остзейца, значитъ только, что въ 1868 году, лифляндскіе крестьяне, состоявшіе на денежномъ оброкѣ, пользовались такимъ количествомъ земли, съ котораго, по правиламъ шведской таксаціи, возстановленной и отчасти измѣненной въ 1804 и 1809 годахъ, они должны бы были отбывать, еслибъ они состояли на барщинѣ, 13,936,960 пѣшихъ или 10,542,712 конныхъ дней.

Въ дополненіе къ условной оцѣнкѣ рабочихъ дней, установлена была неизмѣнная такса и для сельскихъ произведеній (какъ-то: ячменя, овса и т. п.), какъ норма для регулированія той части крестьянскихъ повинностей, которая отбывалась не барщиною, а натуральнымъ оброкомъ. Хотя, какъ мы видѣли, шведская поземельная такса обнимала всякаго рода угодья, но, для спеціальной цѣли опредѣленія законнаго размѣра кре-

стьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, полагались въ цѣну только полевая земля (находившаяся въ постоянной обработкѣ по трехпольной системѣ) и бушландъ; оцѣнкою этихъ частей крестьянскаго надѣла опредѣлялась сумма всей регулированной, частной повинности, то есть ординарной барщины и оброка натурою; прочія же составныя части этого надѣла (какъ то: усадебная земля съ огородомъ и выгономъ, покосы) также какъ и отпускъ строеваго лѣса и дровъ (на который имѣли право крестьяне, когда въ ихъ надѣлъ не входило лѣсныхъ участковъ), шли въ придачу къ полевымъ угодьямъ [1]). За то, крестьянамъ не зачитывались въ счетъ регулированныхъ повинностей сходившіе съ нихъ мелкіе поборы (данины) домашнею провизіею, какъ то: курами, яйцами и т. п. По свидѣтельству большинства лифляндцевъ писавшихъ о хозяйственныхъ порядкахъ XVII вѣка, помѣщикамъ дозволялось сверхъ того, изрѣдка, требовать съ крестьянъ, безъ зачета дней, подводъ, для поставки мѣстныхъ произведеній на ближайшіе рынки, и дѣлать чрезвычайные наряды на спѣшныя полевыя работы—такъ называемая *помощь*; но дѣйствительно ли это дѣлалось съ вѣдома и разрѣшенія правительства, въ силу признаннаго за помѣщиками права, или только потому, что они находили въ этомъ свою выгоду и что трудно было имъ помѣшать — этотъ вопросъ, послѣ продолжительныхъ розысканій и споровъ, происходившихъ въ то время, когда наше правительство изучало шведскіе регламенты съ намѣреніемъ возстановить ихъ, остался окончательно неразъясненнымъ. По крайней мѣрѣ, закона, или равносильнаго акта, на которомъ бы утверждалась правомѣрность вспомогательной, нерегулированной барщины, какъ повинности для крестьянъ *обязательной*, никто представить не могъ.

На изложенныхъ основаніяхъ составлены были, во второй

[1]) Это было дознано коммиссіями, приводившими въ исполненіе Положеніе 1804 года (см. главу IV). Ландратъ Самсонъ объ этомъ умалчиваетъ, но и не утверждаетъ противнаго. Онъ выражается по этому предмету довольно глухо; изъ его изложенія видно однако, что для спеціальной цѣли оцѣнки угодій, бывшихъ въ пользованіи *крестьянъ*, изданы были только двѣ таксы: полевой земли и бушланда. (См. его примѣч. 51 и 52).

половинѣ XVII вѣка, особыми наряженными отъ шведскаго правительства *ревизіонными* коммиссіями, своего рода уставныя грамоты, такъ называемые *вакенбухи* [1]). Отвѣтственность передъ правительствомъ въ уплатѣ всѣхъ податей и въ отбываніи государственныхъ повинностей, причитавшихся съ цѣлаго имѣнія по числу оказавшихся въ немъ гаковъ, оставалась все таки на помѣщикѣ; поэтому, при ревизіи крестьянскихъ земель, оцѣнивалась вся площадь какъ цѣлое, и не было необходимости, въ видахъ фискальныхъ, вдаваться въ повѣрку каждаго подворнаго надѣла и въ опредѣленіе повинностей, съ него причитавшихся. Въ распредѣленіи земель и въ разверсткѣ повинностей между хозяевами, пропорціонально надѣламъ, предоставлялся владѣльцу довольно широкій просторъ, по крайней мѣрѣ судя по наказу ревизіонной коммиссіи 1665 года 23 февраля. Но, во-первыхъ, ревизій было нѣсколько и для каждой издавались особые наказы; а во вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что каждый крестьянинъ, считавшій себя чрезмѣрно обложеннымъ, имѣлъ право доводить свои жалобы до высшей мѣстной инстанціи и требовать повѣрки.

Изложенными постановленіями регулировались отношенія и ограждались интересы крестьянъ-*хозяевъ*, составлявшихъ высшій классъ, своего рода аристократію крѣпостнаго сельскаго населенія. За ними стоялъ другой, многочисленнѣйшій разрядъ сельскихъ *батраковъ* (Knechte), которые первоначально сами поступали, а впослѣдствіи, по распоряженію помѣщика, ставились на работу къ хозяевамъ и у нихъ проживали, получая отъ нихъ частью готовое содержаніе: харчи и одежду, частью небольшія дѣлянки въ поляхъ, покосахъ и огородахъ. Наконецъ, былъ еще третій разрядъ поселянъ, такъ называемые *лострейберы* (Loostreiber), по нашему бобыли, не получавшіе полевыхъ надѣловъ и не размѣщенные по чужимъ дворамъ. Они проживали въ наемныхъ лачугахъ и считались какимъ-то не нормальнымъ явленіемъ, своего рода язвою въ сельскомъ быту. Для обезпеченія матеріальнаго быта батраковъ и для огражденія ихъ отъ произвола помѣщиковъ и крестьянъ-хозяевъ, шведское правительство, кажется, ничего

---

[1]) Отъ словъ: alles in die W a k e bringen—все полагалось въ счетъ.

не сдѣлало. Нѣкоторые объясняли это тѣмъ, что въ то время крестьяне, не надѣленные дворами, были менѣе крѣпки землѣ чѣмъ крестьяне-хозяева, и, пользуясь возможностью довольно свободно промышлять своимъ трудомъ, не нуждались въ особенномъ покровительствѣ; другіе видѣли въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе исключительно фискальнаго характера мѣропріятій шведскаго правительства.

Нельзя однако не замѣтить, что личныя права, дарованныя имъ поселянамъ, вообще свидѣтельствуютъ о болѣе широкихъ и либеральныхъ воззрѣніяхъ. Правда, не все то осуществилось, чего оно желало; такъ, двукратное предложеніе, сдѣланное лифляндскому дворянству герцогомъ Зюдерманландскимъ и Карломъ XI въ 1681 году—объ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность, было отвергнуто ландтагомъ; домашняя расправа (Hauszucht), эта неразлучная спутница барщины, упразднена была только въ казенныхъ имѣніяхъ и удержалась въ частныхъ, притомъ въ довольно неопредѣленныхъ границахъ; зато запрещены были нѣкоторые виды жестокихъ истязаній; судъ надъ крестьянами по уголовнымъ дѣламъ безусловно отнятъ былъ у помѣщиковъ еще Густавомъ Адольфомъ; крестьянамъ открытъ былъ доступъ въ учебныя заведенія; за ними признано было право собственности на всѣ ихъ заработки и на ихъ движимое имущество; наконецъ—что̀ было важнѣе всего—право подачи жалобъ на ихъ владѣльцевъ—до высшихъ мѣстныхъ инстанцій, судебныхъ и административныхъ. Это были общія права, присвоенныя всѣмъ крестьянамъ; сверхъ того, особенными льготами пользовались водворенные въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ правительство могло распоряжаться по праву вотчинной собственности, не сносясь съ дворянствомъ. Тамъ оно установило тяжелые штрафы съ арендаторовъ за всякій переборъ въ повинностяхъ, ограничило нарядъ подводъ, допускало вспомогательные наряды (помощь) не иначе какъ съ разрѣшенія намѣстника и не сверхъ, а въ счетъ ординарной барщины; воспретило безусловно наряжать крестьянъ на работу въ чужія имѣнія, урѣзывать крестьянскія земли, отбирать у хозяевъ дворы безъ законной на то причины и замѣщать опустѣлые дворы безъ разрѣшенія намѣстника. Шведское правительство не скрывало своего намѣренія распространить всѣ

эти правила и другія подобныя на частныя имѣнія. Ландтагу 1697 года было даже объявлено королевское повелѣніе, въ силу котораго уставъ изданный для управленія казенными имѣніями (Oekonomie-Reglement) долженъ былъ служить *общимъ основаніемъ* [1]) и для опредѣленія обоюдныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Всѣмъ этимъ начинаніямъ положилъ конецъ исходъ Сѣверной войны. По переходѣ Лифляндіи подъ русское владычество, изъ прежнихъ законовъ и учрежденій, съ такимъ трудомъ введенныхъ шведскимъ правительствомъ, уцѣлѣла до 1783 года податная система; сохранились также нѣкоторыя административныя традиціи въ порядкѣ завѣдыванія казенными имѣніями; все же остальное, не имѣвшее прямаго отношенія къ фискальнымъ интересамъ, именно все, что было сдѣлано для ограниченія помѣщичьяго произвола и для огражденія крестьянъ отъ вымогательствъ и жестокаго съ ними обращенія, какъ будто сплыло. Дворянство и города, вступая въ новый періодъ политической жизни, поспѣшили захватить съ собою изъ пережитой эпохи то, что казалось имъ пригоднымъ для переду, весь многотомный архивъ своихъ привилегій, начиная съ Альбертовой грамоты,—а что въ то время не сходило съ рукъ подъ названіемъ привилегій! Все это было передъ нами разложено и утверждено нами en bloc; но въ такъ называемыхъ привилегіяхъ, дѣло шло исключительно о правахъ дворянъ, духовенства и горожанъ; о правахъ же крестьянъ никто конечно не промолвилъ ни слова, а мы не справлялись уже потому, что самыя понятія о какихъ либо крестьянскихъ правахъ, о неприкосновенномъ надѣлѣ и о регулированной повинности, были намъ совершенно чужды. Во все продолженіе XVIII вѣка, въ Россіи, крѣпостничество, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, все еще росло и прибывало; остзейское дворянство знало это хорошо и этимъ пользовалось. Упорно отстаивая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ свои историческія особенности и свое изолированное положеніе, оно вообще охотно подчинялось господствовав-

[1]) Im allgemeinen — такъ передаетъ смыслъ этого повелѣнія ландратъ Самсонъ.

шимъ въ имперіи законамъ и понятіямъ, когда заходила рѣчь о помѣщичьемъ полновластіи. Два раза, въ 1739 и въ 1774 годахъ, по случаю какихъ то понадобившихся справокъ, юстицъ-коллегія и сенатъ обращались въ Лифляндію съ вопросомъ, какія тамъ установлены отношенія между помѣщиками и крѣпостными людьми? Имъ было отвѣчено, въ первый разъ отъ имени дворянскаго представительства, а во второй, отъ имени гофгерихта, что эти отношенія основаны на правѣ завоеванія; что крестьяне съ ихъ имуществомъ, *какъ военная добыча*, составляютъ полную собственность помѣщиковъ; что это право *никогда не подвергалось никакимъ ограниченіямъ*; что сами владѣльцы, нисколько однако отъ него не отрекаясь, *по собственному своему произволенію*, опредѣлили размѣръ крестьянской барщины и оброковъ и *дозволили* поселянамъ располагать своими заработками, единственно въ видахъ поощренія ихъ къ трудолюбію, но что упомянутый размѣръ *отнюдь не имѣлъ въ себѣ ничего обязательнаго для владѣльцевъ и ни мало не стѣснялъ ихъ въ правѣ возвышать повинности по ихъ усмотрѣнію;* что бывшими шведскими ревизіями установлялись *только государственныя подати*; *правила же, опредѣлявшія размѣръ частныхъ крестьянскихъ повинностей*, *относились исключительно къ казеннымъ имѣніямъ*; что дворянство, по собственному внушенію, пожертвовало своимъ историческимъ правомъ живота и смерти надъ крестьянами, но при этомъ сохранило право тѣлеснаго наказанія, *которому не могло быть положено никакихъ законныхъ границъ*—внѣ личнаго благодушія помѣщиковъ; наконецъ, что мѣстное земское уложеніе положительно воспрещало крѣпостнымъ людямъ обращаться къ кому либо съ жалобами на своихъ владѣльцевъ. Все это подкрѣплялось ссылками на привилегію Сигизмунда Августа, съ безусловнымъ умолчаніемъ о шведскихъ законахъ позднѣйшаго времени. Ихъ какъ будто никогда и не бывало.

При порядкѣ вещей, позволявшемъ безнаказанно игнорировать никѣмъ неотмѣненныя постановленія и такъ нагло отрицать самое ихъ существованіе, не боясь улики во лжи, все было возможно. И дѣйствительно, реакція крѣпостничества, сдавленнаго сильною шведскою администраціею, разыгралась, благодаря нашей дряблости и невѣжеству, на полной

свободѣ. Памятники того времени даютъ понятіе о какой-то своего рода дворянской сатурналіи, въ которой слышались и ликованія торжествующей мести за прежнія исторгнутыя уступки, и торопливое желаніе насладиться вдоволь благопріятною минутою, и темное, затаенное предчувствіе ея скоротечности. Къ этого рода позывамъ присоединялись соображенія чисто хозяйственнаго свойства, обусловленныя тогдашними обстоятельствами. Опустошительная война, предшествовавшая присоединенію прибалтійскаго края къ Россіи. сопровождалась, какъ извѣстно, повальными болѣзнями и голодомъ въ конецъ разорившими Лифляндію. Города пострадали сравнительно менѣе; но уѣзды въ значительной степени обезлюдѣли; часть крестьянъ вымерла, часть разбѣжалась, многіе дворы опустѣли и вслѣдствіе оскудѣнія рукъ, трудъ сталъ цѣниться значительно выше, сравнительно съ стоимостью земли. Въ другую, позднѣйшую эпоху, съ размноженіемъ сельскаго пролетаріата, отношеніе между этими двумя цѣнностями измѣнилось въ обратное, и тогда интересъ помѣщиковъ навелъ ихъ на систематическую урѣзку крестьянскихъ земель и сокращеніе числа самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ; но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, тотъ же интересъ естественно побуждалъ къ натягиванію повинностей и къ закрѣпленію батраковъ. Здѣсь однако, за отсутствіемъ всякаго наблюденія и препятствія со стороны правительства, приходилось бороться съ мѣстнымъ обычаемъ. Порядки введенные шведскою администраціею настолько успѣли укорениться, что возвысить сразу размѣръ барщины, приведенной въ законную мѣру, было бы не совсѣмъ легко. Помѣщики это понимали и потому, не касаясь такъ называемой обыкновенной или ординарной барщины (ordinäner Gehorch, gemessene Dienste), отбывавшейся за урядъ, опредѣленнымъ числомъ дней въ недѣлю и пропорціонально цѣнности надѣла, они стали мало-по-малу вводить вновь или усиливать другой видъ издѣльной повинности, такъ называемую вспомогательную барщину (Hülfsgehorch) иначе повинности не приведенныя въ законную мѣру (ungemessene Dienste). Къ ней начали прибѣгать для исполненія нетолько всѣхъ безъ исключенія полевыхъ работъ, но и для работъ не полевыхъ, напримѣръ.

для винокуренія [1]). Въ тоже время, подъ предлогомъ краткости осеннихъ и зимнихъ дней, установили для молотьбы ночную барщину; придумали уплачивать подушную подать за крестьянъ изъ вотчинныхъ конторъ, а съ нихъ требовать отработки добавочными днями по низкой оцѣнкѣ; наконецъ, воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что прежнее Положеніе, ограничиваясь приведеніемъ въ соразмѣрность повинностей съ надѣломъ, не опредѣляло вовсе нормальнаго отношенія надѣла къ наличному числу рабочихъ душъ. Земли было вдоволь, а рабочихъ силъ на ея обработку недоставало; поэтому ничего не стоило, прирѣзавъ къ крестьянскому двору на нѣсколько талеровъ какой-нибудь заросли, переложить эти талеры въ рабочіе дни и такимъ образомъ замаскировать подъемъ повинности до размѣра рѣшительно превышавшаго силы наличныхъ работниковъ.

Понятно, что подъемъ барщины не обходился безъ усиленныхъ мѣръ взысканія; кромѣ плетей и розогъ въ безсчетномъ количествѣ, вошли въ обычай кандалы, сажаніе на цѣпь въ холодныхъ помѣщеніяхъ и другія истязанія, иногда доходившія до изобрѣтательной свирѣпости, передъ которою блѣднѣютъ преданія о нашей Салтычихѣ [2]). Впрочемъ, этого рода неистовства все-таки иногда, хоть рѣдко, оглашались и доходили до свѣдѣнія правительства; они производили впечатлѣніе своею драматическою эффектностью и оттого на нихъ почти исключительно останавливалось вниманіе какъ мѣстныхъ и высшихъ властей, такъ и немногихъ добросовѣстныхъ наблюдателей, случайно попадавшихъ въ Лифляндію (напримѣръ Меркеля); но общія мѣры хозяйственнаго вымогательства ускользали отъ всякаго наблюденія; онѣ укоренялись втихомолку и пріобрѣтали силу обычнаго права. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, въ первое пятидесятилѣтіе русскаго владычества, простой народъ нравственно одичалъ—этотъ фактъ признанъ даже нѣкоторыми лифляндскими

---

1) При этомъ заведенъ былъ такой порядокъ: помѣщикъ отпускалъ извѣстное количество муки и требовалъ, чтобы изъ затора выходило непремѣнно назначенное количество вина. Недокуръ взыскивался съ крестьянъ.

2) Напримѣръ, въ дѣлѣ, доходившемъ до сената, было доказано, что одинъ помѣщикъ обматывалъ мальчикамъ пальцы засмоленною паклею и зажигалъ ее.

публицистами. Крестьяне стали менѣе способны чѣмъ въ XVII вѣкѣ понимать законный порядокъ вещей, дорожить имъ и подчиняться ему; взрывы страстей не находившихъ узды въ сознанiи долга и мѣры, звѣрская месть, грабежи, убiйства, перiодическiя возмущенiя противу всѣхъ и противу всего, стали учащаться, снабжая адвокатовъ крѣпостничества обильными доводами, въ сущности доказывавшими прямо противоположное тому, что изъ нихъ выводилось, но тѣмъ не менѣе производившими впечатлѣнiе.

Императрица Екатерина II первая обратила серьезное вниманiе на лифляндскiя безобразiя, впрочемъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ причинахъ, которыми они были порождены, и не уяснивъ себѣ чего надлежало требовать для ихъ искорененiя. Изученiе того и другаго она поручила тогдашнему генералъ-губернатору Броуну.

Во исполненiе Высочайшаго повелѣнiя, послѣднiй внесъ въ ландтагъ 1765 года пространное предложенiе, въ которомъ фактическое положенiе крѣпостныхъ крестьянъ изображено было въ рѣзкихъ чертахъ, безъ всякихъ утаекъ и неумѣстныхъ смягченiй. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, насъ, людей другой эпохи, болѣе всего поражаетъ именно эта прямота и суровая правдивость, довольно часто встрѣчавшаяся въ дѣловыхъ бумагахъ прошлаго вѣка и составляющая наглядное ихъ отличiе отъ теперешняго оффицiальнаго стиля, щеголяющаго неопредѣленностью мысли и безцвѣтностью выраженiя. Екатерининскiй генералъ-губернаторъ называлъ вещи по имени; онъ указывалъ прямо на безусловное непризнанiе за крестьяниномъ права собственности даже на прiобрѣтенное имъ своимъ трудомъ движимое имущество; на неопредѣленность его повинностей и несоразмѣрность ихъ съ его силами и средствами; наконецъ *на жестокое тиранство и необузданный деспотизмъ* (подлинныя выраженiя Екатерины II) такъ называемой домашней расправы. Требованiя его сводились къ слѣдующему: ограничить право продажи крестьянъ безъ земли; не допускать продажи съ торговъ, за-границу, мужей безъ женъ, женъ безъ мужей, родителей безъ дѣтей; признать за крестьяниномъ право собственности на всѣ его заработки и на прiобрѣтенную имъ самимъ движимость; опредѣлить въ

точности тѣ случаи, въ которыхъ владѣльцу могло быть разрѣшено сгонять исправныхъ хозяевъ съ земли и упразднять крестьянскіе дворы; положить разъ навсегда законный предѣлъ вспомогательнымъ повинностямъ, ограничивъ въ особенности подводную и винокуренную; опредѣлить виды и мѣру наказаній, отмѣнивъ вовсе забивку въ кандалы и арестъ на продолжительный срокъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ.

Предложеніе Броуна, своею безпощадною обстоятельностью въ раскрытіи помѣщичьихъ злоупотребленій, обличало опытную руку. Нѣкоторые приписывали редакцію его извѣстному барону Шульцу Ашераденскому; по другому, чуть ли не болѣе вѣроятному преданію, это было произведеніе скромнаго чиновника, конечно не изъ дворянъ, а изъ биргеровъ или изъ пасторскихъ дѣтей, дорожившаго своею коронною должностью и честно исполнявшаго свой служебный долгъ. Этимъ путемъ, въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, приблизительно до пятидесятыхъ годовъ, правда о балтійской нашей окраинѣ все-таки иногда доходила до свѣдѣнія правительства. Теперь этотъ сортъ людей окончательно перевелся и напрасно даже стали бы ихъ искать. По мѣрѣ того какъ общегерманскія поползновенія овладѣвали училищными и церковными каѳедрами, литературою, журналистикою и всевозможными ферейнами, новѣйшія поколѣнія всѣхъ сословій постепенно сплачивались въ одно неразрывное цѣлое, проникаясь болѣе и болѣе духомъ національной оппозиціи противъ Россіи и противъ ея правительства, въ той мѣрѣ, въ какой оно служило интересамъ Россіи. Мы въ свое время проглядѣли это явленіе. Теперь, между дворянами, биргерами, пасторами, учеными и чиновниками, образовалась своего рода стачка и лучшее, почти единственное средство узнавать правду о томъ краѣ окончательно у насъ отнялось; но мы, кажется, и теперь еще не сознаёмъ этой потери.

Хотя мѣры, предложенныя въ запискѣ генералъ-губернатора Броуна, отчасти ослаблялись разными оговорками и были вообще недостаточны (въ нихъ, напримѣръ, не упоминалось о предоставленіи крестьянамъ права жалобы на помѣщиковъ), тѣмъ не менѣе онѣ вѣрно опредѣляли цѣль и указывали къ ней путь. Не понятно только, отчего онѣ предлагались какъ

нововведенія, тогда какъ, въ сущности, всѣ онѣ содержали въ себѣ не болѣе какъ повтореніе шведскихъ законовъ, въ свое время бывшихъ въ полномъ дѣйствіи и никѣмъ впослѣдствіи неотмѣненныхъ. На эти законы въ предложеніи не было даже ссылокъ и только въ одномъ мѣстѣ, и то вскользь, упоминалось о вакенбухахъ. Трудно допустить, чтобъ составитель записки и самъ Броунъ не сообразили, что слово правительства, обращенное къ дворянству, подѣйствовало бы сильнѣе, еслибъ оно облечено было въ форму требованія не уступокъ или льготъ, а обязательнаго возстановленія чужаго права произвольно нарушеннаго. Неужели и для неизвѣстнаго редактора предложенія шведскіе законы отошли уже въ область забытой старины?

Дворянство отвѣчало тономъ оклеветанной невинности и въ оправданіе свое представило апологію рабства (servitus) въ римскомъ значеніи этого слова. Историческими свидѣтельствами доказывалась общепризнанная необходимость его въ примѣненіи спеціально къ лифляндскому простонародію (der Nation eigenes Genie macht ihre Leibeigenschaft nothwendig), причемъ, конечно, въ справкѣ, все шведское законодательство благоразумно обходилось молчаніемъ. Злоупотребленія, которыхъ нельзя было отрицать, сваливались исключительно на арендаторовъ, а немыслимость злоупотребленій, за которыя могли бы подлежать упреку сами помѣщики, доказывалась, съ одной стороны—предполагаемымъ ихъ благодушіемъ, съ другой—полною для нихъ возможностью, не выходя изъ границъ своего права, обирать и разорять крестьянъ. Мы, говорили, напримѣръ, дворяне, отнюдь не препятствуемъ крестьянамъ распоряжаться своимъ имуществомъ совершенно свободно, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда, по нашему усмотрѣнію, отъ этого могъ бы произойти вредъ для самого крестьянина или для насъ; мы также не сгоняемъ исправныхъ хозяевъ съ ихъ дворовъ, развѣ бы захотѣли прирѣзать ихъ землю къ господскимъ полямъ, или завести на ней новый фольварокъ, или бы признали за нужное самого хозяина обратить въ батрака. Вспомогательныя повинности взыскиваются въ размѣрѣ дѣйствительно неопредѣленномъ и противъ прежняго увеличенномъ; да иначе и быть не можетъ—онѣ ускользаютъ отъ вся-

каго опредѣленія, ибо взимаются въ мѣру потребностей помѣщичьяго хозяйства, неисчерпаемо разнообразныхъ и измѣнчивыхъ. Къ оправданію дворянства ландтагъ присовокупилъ еще на всякій случай оговорку по предмету, котораго генералъ-губернаторъ, кажется, даже не касался [1]): „Какъ рабы, крестьяне не могутъ имѣть права жаловаться на господъ своихъ *и никогда не имѣли его*. Страшно даже подумать о послѣдствіяхъ предоставленія имъ этого права!"

Выходило на повѣрку, что все обстояло благополучно и что правительство напрасно тревожилось, а потому дворянство единогласно постановило, не допуская никакихъ обязательныхъ для себя ограниченій извнѣ, *условиться* въ нѣкоторыхъ правилахъ, составленныхъ въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, и дать другъ другу слово не отступать отъ нихъ. На это однако графъ Броунъ согласиться не могъ; онъ рѣшительно потребовалъ отъ ландтага принятія мѣръ строго обязательныхъ, пригрозивъ, что, въ противномъ случаѣ, сама Императрица предпишетъ дворянству законъ. Пришлось *приспособиться* (sich accomodiren) къ требованіямъ правительства.

Правила, постановленныя дворянствомъ послѣ долгихъ переговоровъ на ландтагѣ 1765 года, обнимали всѣ пункты предложенія генералъ-губернатора, но не разрѣшали удовлетворительно ни одного изъ нихъ. Каждое правило сопровождалось оговорками, ограниченіями и изъятіями, дававшими законныя средства обходить его. По самому важному вопросу, о крестьянскихъ повинностяхъ, ландтагъ не только ничего не уступилъ, а напротивъ принялъ мѣры для узаконенія тѣхъ вымогательствъ, которыхъ чрезмѣрность и разорительность для крестьянъ была такъ рѣшительно заявлена правительствомъ. Въ правилахъ 4, 5 и 6 значилось: не требовать съ крестьянъ ничего сверхъ обыкновенной барщины, сборовъ натурою и *чрезвычайныхъ нарядовъ*, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ эти повинности *нынѣ отбываются* въ каждомъ имѣніи по распоряженію владѣльца; обязать каждаго владѣльца доставить въ дворянскую канцелярію вѣдомость о томъ, сколько какихъ по-

[1]) По крайней мѣрѣ ландратъ Самсонъ въ своемъ изложеніи объ немъ не упоминаетъ.

винностей отбываютъ хозяева въ его имѣніи *по установленному имъ домашнему положенію* (nach der von ihm gemachten Privateinrichtung — эти вѣдомости, названныя *регулативами*, послужили источникомъ для позднѣйшаго законодательства); но не запрещать владѣльцамъ, впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, наряжать крестьянъ на вспомогательную барщину и свыше положеннаго числа дней, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ лишніе дни оплачивались имъ по 3 гроша за пѣшій и по 5 за конный (по введенной въ казенныхъ имѣніяхъ таксѣ), при чемъ, вмѣсто выдачи денегъ, допускать зачетъ дней въ данины.

Здѣсь уже о соразмѣреніи повинностей съ надѣломъ не было и рѣчи; повѣрка существовавшихъ повинностей съ законными нормами устранялась окончательно; прежніе, обязательные для владѣльцевъ вакенбухи вытѣснялись изъ употребленія и замѣнялись вѣдомостями, составленными самими помѣщиками[1]). Самъ Броунъ находилъ эти правила несоотвѣтствующими намѣреніямъ Императрицы, но склонить къ бо́льшимъ уступкамъ избалованное пятидесятилѣтними поблажками дворянство ему не удалось и онъ ограничился объявленіемъ въ церквахъ на мѣстныхъ языкахъ четырехъ пунктовъ: 1) о правѣ крестьянъ свободно распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ или наслѣдственнымъ имуществомъ, буде на нихъ не состояло долговъ; 2) о предположенномъ опредѣленіи вышеуказаннымъ способомъ размѣра барщины и оброковъ; 3) о неувеличеніи этого размѣра въ будущемъ и 4) о правѣ крестьянъ подавать жалобы на своихъ владѣльцевъ[2]).

На практикѣ, только послѣдній пунктъ, противъ котораго дворянство долго и упорно спорило, нѣсколько измѣнилъ по-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ лифляндскаго комитета значится, что тогда же, въ 1765 году, было предписано, „для опредѣленія повинностей крестьянъ *на основаніи древней таксы*, составить новые *вакенбухи особыми коммиссіями*". — Въ подлинныхъ дѣлахъ мы не нашли никакихъ слѣдовъ подобнаго предписанія.

[2]) По нѣкоторымъ частнымъ свидѣтельствамъ эти правила были Высочайше утверждены, но указа ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ дѣлахъ того времени не оказывается. По другимъ извѣстіямъ, вѣдомости о повинностяхъ, поступавшія отъ помѣщиковъ, никѣмъ даже не повѣрялись. (Noch einiges über die Bauernangelegenheiten in Liefland. Riga 1824).

ложеніе дѣла къ лучшему. Дознанія по жалобамъ, которыми крестьяне закидывали мѣстное начальство, заставляли его ближе всматриваться въ ихъ бытъ; часто оказывалось, между прочимъ, что многіе помѣщики вовсе и не думали представлять затребованныхъ отъ нихъ вѣдомостей, а другіе, нисколько ими не стѣсняясь, позволяли себѣ обременять крестьянъ нарядами въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ. Производство изслѣдованій по заявленіямъ о быстромъ и произвольномъ увеличеніи повинностей, побуждая правительство восходить постепенно отъ настоящаго къ прошедшему, должно было наконецъ довести до шведскаго Положенія, которое, такимъ образомъ, мало по малу стало выступать наружу и очищаться отъ позднѣйшихъ наносовъ.

Въ 1777 году г. г. Броунъ обратился къ ландтагу съ новымъ предложеніемъ дополнить правила 1765 года и чѣмъ нибудь обезпечить ихъ соблюденіе. Ландтагъ на этотъ разъ отдѣлался словами; но вопросъ все-таки твердо сталъ на очередь и неотложность радикальнаго его разрѣшенія наконецъ проникла въ сознаніе нѣсколькихъ передовыхъ людей того времени.

Въ послѣдніе года своего царствованія Екатеринѣ II-й посчастливилось найти во главѣ самого лифляндскаго дворянства человѣка, который не по ея настоятельнымъ требованіямъ (какъ выживавшій изъ ума и капризный Броунъ), а по внутреннему призванію и глубокому, личному убѣжденію, принялъ на себя незавидную роль ходатая за угнетенныхъ крестьянъ. Фридрихъ, или (по офиціальнымъ бумагамъ того времени писаннымъ по русски) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сиверсъ, хотя и однофамилецъ, но не родня знаменитому графу Якову Ефимовичу [1]), родился въ 1748 году, началъ свою службу въ

[1]) Въ лифляндской дворянской матрикулѣ значатся двѣ фамиліи Сиверсовъ. Обѣ ведутъ свое происхожденіе изъ Голштиніи, но память о первоначальномъ ихъ родствѣ давно утратилась. Въ XVII вѣкѣ онѣ уже имѣли разные гербы и даже писались не одинаково. Одна фамилія, возведенная императоромъ Павломъ въ графское достоинство, подписывалась Sievers, а другая, нетитулованная — Sivers. Къ одной изъ вѣтвей первой фамиліи принадлежалъ извѣстный сподвижникъ Екатерины II-й, сотрудникъ ея по составленію Положенія о намѣстничествахъ, первый намѣстникъ новгородскій, впослѣдствіи посолъ при польскомъ

арміи и въ турецкую кампанію обратилъ на себя вниманіе своею холодною неустрашимостью. Про него разсказывали, что въ самыхъ жаркихъ схваткахъ онъ никогда не обнажалъ шпаги и не проливалъ крови. Дослужившись до полковничьяго чина, онъ вышелъ въ отставку 38-ми лѣтъ отъ роду и вернулся къ себѣ на родину не на покой, а на новую службу лифляндскому земству. Тамошнее дворянство, оцѣнивъ его способности, избрало его въ уѣздные предводители, затѣмъ въ ландмаршалы въ 1792 году, потомъ въ ландраты. Въ этихъ должностяхъ онъ сдѣлался извѣстенъ высшему правительству ревностнымъ своимъ участіемъ въ подготовленіи и введеніи въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ 1804-го года и пріобрѣлъ личное довѣріе императора Александра I-го. Въ 1812 мъ году, передъ нашествіемъ Французовъ, онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Курляндію, потомъ членомъ лифляндскаго

дворѣ, отозванный Императрицею въ 1793 году, потомъ при Императорѣ Павлѣ вступившій вновь на службу, произведенный въ сенаторы, въ почетные опекуны, въ директоры всѣхъ водяныхъ сообщеній, вышедшій въ отставку въ 1800 году и, съ тѣхъ поръ, проживавшій въ лифляндскомъ своемъ имѣніи Бауенгофѣ. Другой Сиверсъ, Фридрихъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, принадлежалъ къ нетитулованной фамиліи. Въ описываемое нами время, то-есть въ концѣ прошлаго и въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, оба Сиверса встрѣтились на поприщѣ провинціальной общественной дѣятельности и сначала подружились, но потомъ окончательно разошлись вслѣдствіе радикальнаго своего разномыслія въ вопросахъ, занимавшихъ тогдашнюю Лифляндію. Читатели увидятъ ниже, что именно подало поводъ къ ихъ размолвкѣ. Мы имѣемъ подробную, въ 4-хъ томахъ, біографію графа Якова Сиверса, составленную К. Блюмомъ и отличающуюся, какъ и всѣ новѣйшія нѣмецкія изданія, касающіяся нашего отечества, притворнымъ пренебреженіемъ и искреннею враждебностью къ Россіи; тѣмъ не менѣе, книга эта въ высшей степени для насъ интересна по богатству матеріаловъ, которыми пользовался авторъ изъ фамильныхъ архивовъ. Фридрихъ Сиверсъ вращался въ болѣе тѣсной средѣ и не принималъ участія въ дѣлахъ европейской политики, однако и онъ, во многихъ отношеніяхъ, заслуживалъ бы, чтобъ кто нибудь изъ остзейскихъ публицистовъ позаботился о его памяти. Данныхъ для его біографіи, конечно, нашлось бы довольно въ тѣхъ же архивахъ. Но мы сдвали дождемся ея; дѣло въ томъ, что правдивое изображеніе его замѣчательной личности было бы въ тоже время горькимъ обличеніемъ невысокаго нравственнаго уровня того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Приведенныя нами о Ф. Сиверсѣ скудныя біографическія свѣдѣнія извлечены изъ книги графа Меллина: Noch einiges über die Bauernangelegenheiten in Liefland, etc. Riga, 1824.

комитета по крестьянскому дѣлу и, наконецъ, сенаторомъ. Въ этой послѣдней должности онъ исполнялъ разнаго рода порученія и въ томъ числѣ ревизіи. Одна изъ нихъ (неизвѣстно въ какой губерніи) была для него гибельна. По свидѣтельству одного изъ его друзей, ссылающагося на разсказы самого Сиверса, лица виновныя въ злоупотребленіяхъ, которыя онъ безпощадно разоблачалъ, отчаявшись въ возможности подкупить его, подсыпали ему яда и, хотя принятыми своевременно мѣрами удалось предупредить скорое дѣйствіе отравы, но крѣпкое здоровье его было навсегда разрушено. Онъ умеръ въ Лифляндіи въ Ранценауской своей вотчинѣ 23 декабря 1823 г., 77 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ въ живыхъ только одну дочь, которая была замужемъ, но не имѣла дѣтей. Родъ его съ нимъ прекратился. Насколько можно судить о личности Сиверса по офиціальнымъ его представленіямъ, по нѣкоторымъ сохранившимся рѣчамъ его, произнесеннымъ на ландтагахъ, и по его перепискѣ съ графомъ Кочубеемъ, онъ, кажется, приходился съ родни той монументальной, давно исчезнувшей породѣ людей, которой послѣдніе экземпляры встрѣчались иногда въ высшихъ слояхъ западно-европейскаго, преимущественно провинціальнаго, не столичнаго и не придворнаго общества, въ самомъ концѣ прошлаго вѣка. Въ нравственномъ складѣ и политическомъ темпераментѣ этихъ людей, въ цѣльности ихъ характеровъ, въ ихъ горделивой поступи и въ свойственной имъ рѣзкости выраженія не трудно было узнать нѣсколько смягченныя, но все еще крупныя черты стараго дворянскаго типа феодальныхъ временъ: высокое сознаніе своего личнаго достоинства, не менѣе высокое, часто даже преувеличенное понятіе о своемъ личномъ значеніи и о личномъ своемъ полноправіи, непреклонность убѣжденій и, прежде всего, сильный закалъ воли, не нуждающейся ни въ какой поддержкѣ извнѣ, неспособной смущаться своимъ одиночествомъ и всегда готовой на всякую борьбу съ препятствіями, даже выискивающей поводовъ къ борьбѣ по прирожденнымъ ей боевымъ наклонностямъ. Такова была форма; но содержаніе этихъ крѣпкихъ сосудовъ принадлежало уже не среднимъ вѣкамъ, а вытекало прямо изъ гуманизма XVIII столѣтія. Въ лицѣ породистыхъ личностей, о

которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, традиціонная сила характера добровольно отдавала себя на службу новымъ идеямъ, общечеловѣческимъ правамъ, гражданской равноправности, свободѣ совѣсти и т. д., и нельзя не признать, что вопреки общему правилу, нѣкоторые изъ этихъ ветхихъ мѣховъ довольно хорошо выдержали бродившее въ нихъ новое вино. Такимъ представляется Фридрихъ Сиверсъ. Другой лифляндскій дѣятель того времени, ни въ какомъ отношеніи на него не походившій, но знавшій его лично, покойный ландратъ Самсонъ, называетъ его человѣкомъ античнаго склада (antiker Form) и въ тоже время ставитъ ему въ упрекъ его пылкость, хотя и достохвальную, но многихъ тревожившую (sein, wenn auch rühmlicher, aber dennoch vielen lästiger Feuereifer) [1]. Хотя этотъ укоръ можетъ быть и не лишенъ основанія, однако напрасно стали бы искать въ немъ объясненія того озлобленія, которое Фридрихъ Сиверсъ возбудилъ противъ себя въ средѣ своихъ собратьевъ. Горячій его темпераментъ никогда не затемнялъ ясности его взгляда на практическіе вопросы и не отнималъ у него самообладанія, нужнаго для терпѣливаго, усидчиваго труда. Затѣмъ, нѣкоторую излишнюю пылкость и рѣзкость въ спорахъ земляки его простили бы ему тѣмъ охотнѣе, что эти недостатки, въ тѣхъ случаяхъ, когда они обнаруживались въ столкновеніяхъ его съ мѣстными представителями государственной власти, не только не вредили его популярности, а, напротивъ, вмѣнялись ему въ заслугу и награждались какъ проявленія гражданской доблести. Это видно, между прочимъ, изъ того, что когда, вслѣдствіе размолвки своей съ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ въ 1797 году [2]), Сиверсъ счелъ нужнымъ отказаться отъ должности ландмаршала, дворянство тогда же избрало его въ ландраты. Но у него было другое свойство, съ которымъ дѣйствительно не могла помириться подъяческая мудрость лифляндскихъ дѣльцовъ—ему глубоко претила всякая фальшь. Встрѣчалъ ли онъ ее въ формѣ прямой лжи, намѣренной утайки или разсчитаннаго двусмыслія, онъ срывалъ съ нея маску

[1]) Inland 1838. Beilage.

[2]) Обстоятельство, подавшее поводъ къ этой размолвкѣ, намъ неизвѣстно.

тутъ же, при всѣхъ, не глядя ни на что, и этимъ нерѣдко разстроивалъ самыя тонкія комбинаціи своихъ товарищей. Вотъ что казалось имъ „lästig“. Собственно этого рода горячности не могли они простить ему и такова была настоящая причина той ненависти, которою почтило его лифляндское рыцарство. Доказательства читатели увидятъ ниже.

По предварительному соглашенію съ Императрицею Екатериною, Фридрихъ Сиверсъ, на ландтагѣ 1795 года, отъ своего лица, предложилъ дворянству постановить твердыя правила въ руководство коммиссіямъ, предназначавшимся для разбирательства жалобъ со стороны крестьянъ „дабы слишкомъ строгое примѣненіе требованій законности не служило поводомъ къ оправданію явной несправедливости въ дѣйствіяхъ“. Здѣсь, подъ *законностью*, онъ очевидно подразумѣвалъ не шведскіе регламенты, а тѣ формально-правильные выводы изъ общаго понятія о рабствѣ, изъ-за которыхъ, какъ изъ-за бруствера, отстрѣливались лифляндскіе крѣпостники. Ландтагъ передалъ дѣло на дальнѣйшую разработку своему конвенту и постановилъ только, что хотя шведская ревизіонная система должна быть принята за основаніе будущаго Положенія о крестьянахъ, но такъ какъ повинности ихъ съ тѣхъ поръ были увеличены и самая цѣнность ихъ возвысилась, то, для возстановленія равновѣсія между ними и надѣлами, допускать, при новомъ межеваніи, прирѣзки къ крестьянскимъ землямъ. Стало быть, здѣсь уже высказывалось намѣреніе ни въ какомъ случаѣ не понижать произвольно возвышенныхъ повинностей, а направить будущія мѣропріятія къ изысканію правомѣрныхъ для нихъ основаній.

Въ этихъ видахъ на ландтагѣ 1797 года составленъ былъ проэктъ улучшенія быта крестьянъ, посвященный Императору Павлу и поднесенный ему на утвержденіе депутатами отъ дворянства при адресѣ, въ которомъ значилось между прочимъ: нашъ трудъ есть прямое послѣдствіе 28 ноября (дня подписанія указа объ упраздненіи Екатерининскихъ учрежденій и возстановленіи прежнихъ). Побуждаемые примѣромъ справедливости, сверху намъ поданнымъ, и мы замѣнили хрупкіе оковы произвола неразрывными узами любви и довѣрія и т. д. По замѣчаніямъ сената, которому этотъ проэктъ переданъ

былъ на разсмотрѣніе, онъ былъ отчасти передѣланъ на ландтагѣ 1798 года и представленъ вторично. Отъ этихъ переговоровъ, походившихъ на торгъ между правительствомъ и дворянствомъ, крестьянамъ однако было не легче; они по прежнему бѣдствовали. Нѣкоторыя ихъ жалобы и слухи о вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти [1]) дошли до Императора и произвели на него сильное впечатлѣніе. Ничего подобнаго, повидимому, не ожидалъ возстановитель стародавнихъ лифляндскихъ привилегій, привыкшій видѣть въ тамошнемъ дворянствѣ невинную жертву законодательныхъ затей свой матери. Переломъ въ понятіяхъ его совершился быстро и въ рѣзкомъ, рѣшительномъ тонѣ именнаго указа, даннаго имъ тогдашнему гражданскому генералъ-губернатору Нагелю [2]) отъ 13 іюля 1800 года, выразилось, если мы не ошибаемся, чувство досады и негодованія на неожиданно постигшее его разочарованіе. Онъ повелѣвалъ оповѣстить всѣхъ помѣщиковъ „что если они что свыше вакенбуха требовать и налагать станутъ, то имѣніе ихъ взято будетъ въ казенное вѣдомство, а буде окажется, что не всѣ помѣщичьи имѣнія имѣютъ вакенбухи, то вмѣнить въ обязанность ландратской коллегіи (стало быть сословному представительству тѣхъ же помѣщиковъ) дать имъ какъ возможно скорѣе регулативы, соображаясь съ существующими, безъ излишняго, конечно, крестьянъ работами и налогами отягощенія“. Чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ другой, не менѣе строгій указъ о немедленномъ исполненіи Высочайшей воли. Тогдашній резидующій ландратъ графъ Меллинъ и ландмаршалъ Буденброкъ, разумѣется, прилегли и дали Высочайшему гнѣву пронестись надъ ихъ головами. Выразивъ, по обыкновенію, чувство „вѣрноподданническаго благоговѣнія къ высоко-монаршей милости, оказанной имъ заявленіемъ Высочайшей воли о постановленіи твердыхъ правилъ хозяйственнаго у нихъ порядка“, они между прочимъ сознались „что хотя *большая часть* помѣщиковъ, имѣютъ вакенбухи и регулативы крестьянскимъ повинностямъ,

---

[1]) Особенное вниманіе обратила на себя своею жестокостью въ обращеніи съ крестьянами нѣкая графиня Делагарди.

[2]) Военнымъ генералъ-губернаторомъ считался въ то время графъ Паленъ.

данные имъ отъ ландратской коллегіи на основаніи ландагсъшлюсса 1765 года, но какъ сіи, въ предупрежденіе всякаго и впредь еще случиться могущаго изъ своевольства злоупотребленія, требуютъ основательнѣйшаго ихъ исправленія, а *для тѣхъ помѣщиковъ, кои ихъ еще не имѣютъ* [1]), составленія таковыхъ вновь", то ландратская коллегія испрашивала Высочайшаго разрѣшенія, съ приглашеніемъ ландмаршала и нѣсколькихъ дворянъ, заняться скорѣйшимъ составленіемъ потребныхъ для сего правилъ и представить ихъ на утвержденіе. Съ своей стороны, г. г. Нагель доносилъ, что, какъ видно изъ хода дѣла, „о недостаточности вакенбуховъ и регулативовъ весьма много было разсуждаемо, но все однако оставалось, будто бы по встрѣчавшимся разнымъ обстоятельствамъ, недовершеннымъ", а потому совѣтовалъ на сей разъ заняться „сочиненіемъ основательныхъ вакенбуховъ и регулативовъ съ преградою всемѣрно своевольства, но безъ дальней огласки" то есть, не призывая къ участію дворянскаго собранія. На это предположеніе послѣдовало Высочайшее соизволеніе, но, вмѣсто новаго отъ нея ожидаемаго проэкта, ландратская коллегія, въ сентябрѣ того же 1800 года, представила прежній, выработанный на ландтагѣ 1798 г. Одновременно генералъ-губернаторъ внесъ отъ себя другой проэктъ имъ самимъ составленный. Въ донесеніи своемъ онъ отзывался о проэктѣ ландтага строго, но справедливо, находя въ немъ „много неограниченностей и неясностей, а также видимыхъ (т. е. очевидно) непомѣрныхъ крестьянскихъ повинностей", отдавалъ рѣшительное предпочтеніе вакенбухамъ, введеннымъ въ казенныхъ имѣніяхъ, которыхъ онъ, по его увѣренію, и придерживался въ собственномъ своемъ проэктѣ и оканчивалъ словами: „по справедливости долженъ я при семъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечно признаться, что довольно окажется лифляндскихъ помѣщиковъ столько къ произвольности и къ непомѣрности крестьянскихъ повинностей привыкшихъ, что также сіи постановленія крестьянскихъ повинностей, мною сочиненныя и единственно основывающіяся на соразмѣрномъ порядкѣ

---

[1]) Стало быть не во всѣхъ имѣніяхъ имѣлись вакенбухи—просимъ читателей замѣтить это для переду.

и справедливости, корыстолюбію ихъ будутъ противными. А какъ я, кромѣ мызы въ Дерптскомъ уѣздѣ, состоящей изъ 14¼ гаковъ Всемилостивѣйше мнѣ и женѣ моей въ аренду по смерть пожалованной, нигдѣ никакого владѣнія не имѣю, то, безъ всякаго собственнаго интереса при избираніи и постановленіи крестьянскихъ повинностей, столь вѣрно слѣдовалъ справедливости, что какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ удобно быть могутъ тѣмъ довольны".

По этой самоаттестаціи можно было ожидать правилъ дѣйствительно болѣе выгодныхъ для крестьянъ, чѣмъ все что предлагалось дворянствомъ; но оказалось противное. Какъ это бывало зачастую въ остзейскомъ краѣ прежде и послѣ, мѣстный представитель правительства подписалъ и внесъ отъ себя, какъ плодъ личныхъ своихъ соображеній, предположенія изготовленныя для него представителями дворянства, которыхъ они не рѣшались подать за собственною своею подписью. Въ доказательство достаточно сказать, что въ § 3-мъ своего проэкта генералъ-губернаторъ предлагалъ обложить крестьянъ, съ гака, оцѣненнаго по шведской системѣ въ 60 талеровъ, обыкновенною барщиною на 40 талеровъ, натуральнымъ оброкомъ на 20, да сверхъ того всякаго рода вспомогательными работами и мелкими сборами натурою на 30 талеровъ, слѣдовательно узаконить произвольное возвышеніе повинностей на цѣлую треть, подъ тѣмъ предлогомъ, что прежняя цѣнность гака возвысилась — какъ будто бы цѣнность труда и произведеній не возвысилась по крайней мѣрѣ въ той же прогрессіи! Это называлось исполненіемъ Высочайшей воли о возстановленіи шведскихъ вакенбуховъ. Къ счастью для крестьянъ, оба проэкта остались неутвержденными, а отъ дальнѣйшихъ настояній со стороны Павла I избавилъ Лифляндію графъ Паленъ.

По вступленіи на престолъ Императора Александра I, благосклонное принятіе Государемъ поднесенныхъ ему эстляндскимъ губернскимъ предводителемъ предположеній тамошняго дворянства объ улучшеніи быта крестьянъ подало Ф. Сиверсу (въ то время очередному ландрату) поводъ, котораго онъ давно искалъ, расшевелить и двинуть затормозившееся крестьянское дѣло въ Лифляндіи. По его иниціативѣ,

дворянство поручило ему вторично поднести на Высочайшее утвержденіе, черезъ тогдашняго генералъ-губернатора князя Сергія Өедоровича Голицына, проэктъ, составленный еще въ 1796 году и въ то время представленный, но оставшійся безъ утвержденія. Въ сущности, это былъ тотъ самый проэктъ, который столько разъ уже разсматривался, передѣлывался въ подробностяхъ и пересылался изъ Риги въ Петербургъ, а оттуда обратно въ Ригу. Сиверсъ, лучше чѣмъ кто либо, сознавалъ его неудовлетворительность и отнюдь не имѣлъ намѣренія отстаивать его; напротивъ, пользуясь имъ для приступа къ дѣлу, онъ тогда же, въ письмѣ на Высочайшее имя, заявилъ между прочимъ, что, находясь въ настоящей должности съ 1792 года и успѣвъ коротко ознакомиться съ правилами лифляндскаго рыцарства, онъ ручался за его готовность пойти далѣе сдѣланныхъ имъ уступокъ. Хотя оно, въ проэктѣ своемъ, выговаривало себѣ право продавать лифляндскимъ помѣщикамъ своихъ крестьянъ безъ земли и дарить ихъ своимъ родственникамъ, но (завѣрялъ Сиверсъ) оно добровольно и охотно откажется „отъ сего права человѣчество посрамляющаго"; не подлежитъ также сомнѣнію, продолжалъ онъ, что дворянство придетъ къ сознанію противорѣчія между принятымъ имъ основнымъ правиломъ о точномъ соразмѣреніи крестьянскихъ повинностей съ цѣнностью крестьянскаго надѣла и допущенными въ проэктѣ неопредѣленнаго размѣра повинностями (ungemessene Dienste) рабочими и оброчными; дворянство, конечно, подведетъ и этотъ видъ повинностей подъ общее правило *„или вовсе отъ нихъ освободитъ крестьянъ"* лишь бы только послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, немедленно и не выжидая очереднаго ландтага, созвать чрезвычайный для обсужденія этихъ вопросовъ.

Государь послѣдовалъ совѣту. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Сиверса отъ 30 декабря 1802 года, одинаково лестнымъ какъ для него лично, такъ и для всего сословія, за добрыя намѣренія котораго онъ такъ смѣло ручался, разрѣшенъ былъ созывъ ландтага. Тотъ же рескриптъ содержалъ въ себѣ критику проэкта 1796 года, впрочемъ облеченную въ самыя мягкія формы. „Нѣкоторыя статьи его, *по мнѣнію Государя*,

не совершенно удовлетворяли цѣли, которую предполагать могло благонамѣренное лифляндское дворянство". Такъ, кромѣ двухъ пунктовъ, о которыхъ упоминалъ Сиверсъ и которые были здѣсь указаны, повинность подводная, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она допускалась „имѣла видъ крайней несправедливости". Сверхъ того, значилось далѣе: „нужно бы *кажется* прибавить статью, предоставляющую крестьянамъ свободу въ женитьбахъ, ограниченную единственно правилами церкви и согласіемъ родителей"—наконецъ „цѣль учрежденія крестьянскаго суда не будетъ исполнена пока помѣщикъ въ ономъ главнѣйшимъ судьею. Приличнѣе было бы предоставить предсѣдательство выборному изъ крестьянъ, по примѣру постановленія эстляндскаго дворянства" и т. д.

Ободренный поддержкою свыше, Сиверсъ ступилъ еще одинъ шагъ. Онъ зналъ по опыту, какъ трудно бываетъ въ многолюдномъ собраніи вести законодательную работу по крупному и сложному вопросу, когда не имѣется въ виду предварительно составленной программы, которая, съ одной стороны, служила бы напоминаніемъ о томъ, что требуется и чего нельзя обойти молчаніемъ, а съ другой давала бы возможность сдерживать предложенія въ опредѣленныхъ границахъ. Въ надеждѣ склонить правительство къ составленію такого рода программы или инструкціи, онъ поднесъ на Высочайшее воззрѣніе, чрезъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, который зналъ ему цѣну и находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ, свои pia desideria, подъ заглавіемъ замѣчаній, относящихся къ исправленію угнетеннаго положенія крестьянъ въ Лифляндіи.

Мы приведемъ изъ этой записки цѣликомъ важнѣйшія статьи, въ особенности всѣ односящіяся къ хозяйственной сторонѣ вопроса. Читатели увидятъ изъ нихъ въ чемъ и въ какой мѣрѣ Сиверсъ расходился съ своими собратьями:

1) Потребно, чтобы продажи крестьянъ, такъ же какъ и присвоенное (дворянствомъ) мнимое право дарить ихъ на подобіе вещи, были отмѣнены и чтобъ самое наименованіе *крѣпостнаго человѣка* было выведено изъ употребленія [1]).

---

[1]) По послѣднему представленному имъ проэкту, дворянство оставляло за

2) Чтобы помѣщики „въ предупрежденіе злобы и мщенія" устранены были отъ всякаго участія въ назначеніи рекрутовъ и чтобъ дѣла рекрутскія вѣдались иключительно крестьянскими старшинами [1]).

3) Такъ какъ помѣщикамъ запрещено вмѣшиваться въ брачныя дѣла, то, чтобъ отнять существующій поводъ къ самовольному посягательству на законъ христіанскій и естественный, искоренить вкравшійся обычай, въ силу котораго крестьяне допускаются къ вѣнчанію лишь по предъявленіи письменнаго на то дозволенія отъ помѣщика [2]).

4) Чтобы крестьянинъ, владѣющій землею, ни подъ какимъ предлогомъ не могъ быть самовольно сгоняемъ съ своего двора. Мѣру эту допускать не иначе, какъ по судебному приговору и *единственно* въ случаѣ накопленія хозяиномъ, по собственной его винѣ, неоплатныхъ долговъ [3]).

5) Чтобы неисправимые крестьяне, коихъ удаленіе представляется необходимымъ для предупрежденія общественнаго вреда, могли быть отдаваемы въ публичную работу, но не иначе какъ по мірскимъ приговорамъ и по суду [4]).

6) Чтобы *всѣ повинности безъ исключенія*, отбываемыя крестьянами въ пользу помѣщиковъ (какъ издѣльная, такъ и оброчная) были приведены въ точную соразмѣрность съ отведенною имъ землею посредствомъ оцѣнки повинностей и земли по *шведской таксѣ*. Такъ какъ при этомъ приняты будутъ къ

собою право продавать, закладывать и дарить своихъ крестьянъ лифляндскимъ помѣщикамъ, не разлучая впрочемъ супруговъ, а также право дарить крѣпостныхъ людей своимъ родственникамъ, хотя бы и безпомѣстнымъ.

[1]) Дворянство, не ограничивая въ принципѣ помѣщичьей власти въ назначеніи рекрутовъ, предлагало вовсе освободить отъ военной повинности всѣхъ исправныхъ крестьянъ-хозяевъ.

[2]) Этотъ обычай, въ нѣкоторыхъ лифляндскихъ имѣніяхъ, соблюдался еще въ 1850-хъ годахъ.

[3]) Въ дворянскомъ проэктѣ не полагалось никакихъ ограниченій праву смѣнять хозяевъ; даже допускалось упраздненіе крестьянскихъ дворовъ для учрежденія господскихъ фольварковъ и для увеличенія господскаго посѣва до опредѣленнаго размѣра, по числу рабочихъ обязанныхъ отбывать барщину. Въ этихъ случаяхъ хозяину упраздняемаго двора выдавалось вознагражденіе за убытки.

[4]) Дворянство предоставляло помѣщику право такихъ людей, по надлежащемъ удостовѣреніи въ ихъ порочности, продавать на сторону.

зачету и экстраординарныя повинности прежде въ счетъ не полагавшіяся, то, по справедливости, должны быть поставлены въ счетъ, по той же таксѣ, и отведенные крестьянамъ покосы, которые прежде не включались въ оцѣнку [1]).

7) Чтобы каждый крестьянинъ-хозяинъ имѣлъ печатную вѣдомость съ перечнемъ всѣхъ своихъ повинностей и съ описаніемъ отведеннаго ему надѣла [2]).

8) Чтобы женатые *батраки*, проживающіе у хозяевъ, получали отъ нихъ вознагражденіе не деньгами, *а непремѣнно отводомъ земли* для обработки на свое содержаніе [3]).

9) Чтобъ учреждены были особые суды въ двухъ инстанціяхъ, низшей и средней, для разбирательства не только дѣлъ возникающихъ между крестьянами, но и обоюдныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами и помѣщиками; чтобы въ обѣихъ инстанціяхъ засѣдали выборные отъ крестьянъ, въ равномъ числѣ съ выборными отъ дворянства, и чтобы на рѣшенія ландратской коллегіи (какъ высшей мѣстной инстанціи по этого рода дѣламъ) допускались жалобы въ правительствующій сенатъ [4]).

[1]) Здѣсь, въ самомъ капитальномъ пунктѣ, Сиверсъ дѣлалъ важную уступку помѣщичьему интересу; онъ уже не упоминалъ объ отмѣнѣ вспомогательной барщины, какъ въ первомъ своемъ представленіи на Высочайшее имя и, потерявъ, вѣроятно, всякую надежду достигнуть этого, или опасаясь подвергнуть помѣщиковъ слишкомъ большимъ потерямъ, допускалъ обложеніе покосовъ особою, добавочною повинностью. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще далеко расходился съ проэктомъ ландтага; ибо дворянство, вопервыхъ, узаконяло цѣлый разрядъ повинностей не покрываемыхъ цѣнностью надѣла, иначе *даремщинъ*; во-вторыхъ, ограничивая примѣненіе правила о соразмѣреніи повинностей съ надѣломъ исключительно такъ называемыми ординарными повинностями, оно, хотя и принимало вообще за норму шведскую таксацію, но далеко не такъ безусловно и строго, а допускало широкій просторъ въ ея приспособленіи къ установившимся порядкамъ и мѣстнымъ потребностямъ.

[2]) Дворянство требовало отъ помѣщика только объявленія крестьянамъ окончательно утвержденнаго росписанія работъ и оброковъ.

[3]) Эта статья имѣла важное значеніе. Послѣдовательное ея развитіе привело бы непремѣнно къ установленію особыхъ, *батрацкихъ надѣловъ*, независимо отъ хозяйскихъ. Дворянство вообще обходило вовсе вопросъ о батракахъ и не только ничего не предлагало для обезпеченія ихъ быта, а напротивъ, косвеннымъ образомъ, наваливало на нихъ новое бремя - поставку рекрутъ за крестьянъ-хозяевъ.

[4]) По дворянскому проэкту, жалобы крестьянъ на помѣщиковъ обсужда-

Императоръ Александръ, хотя и не придалъ этимъ *замѣчаніямъ* силы обязательной для дворянства программы, однако одобрилъ ихъ. Въ рескриптѣ отъ 30 января 1803 года на имя Сиверса, государь призналъ ихъ „во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственными великодушнымъ намѣреніямъ рыцарства" и предоставилъ собственному усердію Сиверса предложить ихъ къ соображенію будущаго собранія.

Образъ дѣйствія Сиверса, какъ очереднаго ландрата, сильно не понравился дворянству. Оно нашло, что онъ далеко забѣгалъ впередъ и слишкомъ многое бралъ лично на себя; но въ дѣлахъ подобнаго рода, для рѣшительнаго успѣха, часто бываетъ нужно, чтобъ изолированная личность, выдѣлившись изъ общества и принявъ на себя, хотя бы даже нѣсколько самовольно, иниціативу задуманнаго преобразованія, тѣмъ самымъ отвлекла бы на себя же значительную долю того раздраженія, которое, можетъ быть, надолго затормозило бы ходъ самаго дѣла, еслибъ возбужденныя страсти не нашли себѣ ближайшаго удовлетворенія въ терзаніи подвернувшейся имъ жертвы. Роль начинателя, одинокаго борца и, въ крайности — непреклоннаго въ своемъ убѣжденіи мученика, какъ будто создана была для Сиверса. Принимая ее добровольно на себя, онъ, конечно не могъ не предчувствовать, что боевымъ его способностямъ придется скоро выдержать не легкое испытаніе [1]).

лись въ уѣздномъ ордиунгсъ-герихтѣ, потомъ въ особыхъ уѣздныхъ коммиссіяхъ и окончательно въ ландратской коллегіи и ни въ одну изъ этихъ инстанцій не допускались засѣдатели отъ крестьянъ. Крестьянскіе же суды, подъ предсѣдательствомъ помѣщика, предполагались исключительно для разсмотрѣнія дѣлъ возникающихъ между крестьянами. Чтобы нагляднымъ образомъ показать читателямъ, какъ далеко расходился Сиверсъ съ огромнымъ большинствомъ лифляндскихъ дворянъ, остается еще привести послѣдній 27-й § дворянскаго проэкта, вписанный при послѣднемъ его пересмотрѣ, передъ отправкою въ 1800 году: „Если дворянское собраніе, для истиннаго блага помѣщиковъ и крестьянъ, признаетъ впредь за необходимо нужное или если, сверхъ чаянія, крестьяне, составляющіе цѣлыя деревни, чрезъ довольно доказанное своевольство и крайнюю свою злость заставитъ въ сихъ постановленіяхъ сдѣлать какое либо пополненіе или перемѣну, рыцарство именно себѣ предоставляетъ то учинить и произвести въ дѣйство съ доклада и утвержденія Его Императорскаго Величества". — Вотъ въ какомъ направленіи предусматривалось дальнѣйшее движеніе законодательства о крестьянахъ.

[1]) До какой степени дворяне раздражены были поступкомъ Сиверса (его

Открылся ландтагъ 1803-го года, одинъ изъ самыхъ бурныхъ когда либо освѣжавшихъ провинціальную атмосферу Лифляндіи.

Въ то время, кромѣ крестьянскаго вопроса, былъ еще другой, хотя и не вызванный, даже не признанный правительствомъ, но сильно занимавшій общество и потому готовый стать на очередь даже безъ предварительнаго спроса. Отмѣняя однимъ почеркомъ пера областныя учрежденія, введенныя Екатериною II въ остзейскомъ краѣ какъ и въ другихъ частяхъ имперіи, Павелъ I дѣйствовалъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ исполнялъ единодушное желаніе всего края. Въ этомъ онъ однако сильно ошибался. Не говоря уже о тѣхъ общественныхъ группахъ позднѣйшаго образованія, у которыхъ не было никакихъ стародавнихъ привилегій и которыя поэтому, съ упраздненіемъ Екатерининскихъ учрежденій, теряли разомъ всѣ и всякія права въ составѣ мѣстныхъ обществъ, въ самомъ дворянствѣ очень многіе отнюдь не радовались непрошенному благодѣянію, постигшему ихъ родину. Опытъ нѣсколькихъ годовъ и сравненіе прежняго дворянскаго учрежденія съ новымъ успѣли убѣдить ихъ въ превосходствѣ послѣдняго: оно было не такъ многосложно, обходилось дешевле и давало всему сословію in corpore, то

предложеніями и испрошеніемъ чрезвычайнаго ландтага для ихъ обсужденія) видно между прочимъ изъ писемъ графа Якова Ефимовича Сиверса къ одной изъ его дочерей. Мы въ нихъ читаемъ: „Пишутъ изъ Риги: чувство омерзѣнія (eine anwidernde Empfindung des Abscheus) заставляетъ умолчать объ имени автора предложеній, конечно нашего земляка. И при Карлѣ XI, земляки же предложили проклятую редукцію“.

Въ другомъ письмѣ, графъ Сиверсъ прямо отъ себя писалъ о своемъ однофамильцѣ ландратѣ: „Отвратительно то, что говорятъ, а именно, будто бы Ранценауской Сиверсъ авторъ предложеній. Я этому не вѣрю, однако невольно подумаешь: до какихъ крайностей не доведетъ сердце, когда та или другая страсть имъ овладѣетъ и заглушитъ голосъ разсудка“.—Стало быть и многоиспытанный, престарѣлый графъ Сиверсъ безпощадно осуждалъ своего однофамильца. Это было тѣмъ болѣе съ его стороны непростительно, что самъ онъ гораздо болѣе позволялъ себѣ и гораздо безцеремоннѣе обращался съ дворянскими постановленіями. Такъ, не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, онъ письменно и настойчиво совѣтовалъ Императору Александру отмѣнить и передѣлать уставъ о лифляндскомъ земскомъ банкѣ, только что составленный дворянствомъ и, по ходатайству ландтага, удостоившійся Высочайшаго утвержденія.

есть общему собранію дворянства, болѣе простора и свободы дѣйствія. Главная разница между общимъ дворянскимъ учрежденіемъ и мѣстнымъ заключалась въ томъ, что во главѣ послѣдняго стояла ландратская коллегія, упраздненная Екатериною и возстановленная Павломъ. Свѣжій опытъ естественно наводилъ на вопросъ: была ли въ ней дѣйствительная надобность? Ландратская коллегія не принадлежала къ числу стародавнихъ земскихъ учрежденій. Она была твореніемъ шведскаго правительства и, открывая ее въ 1643 году, тогдашній король создавалъ отнюдь не общественное учрежденіе, не представительство дворянскихъ сословныхъ интересовъ, а чисто правительственный, совѣщательно-исполнительный органъ, предназначавшійся въ помощь королевскому намѣстнику и „обязанный идти съ нимъ вѣрно, рука объ руку". Сообразно этому назначенію, опредѣленъ былъ кругъ дѣятельности ландратовъ. Они, между прочимъ, въ уѣздахъ, принимали жалобы, изучали дѣла мѣстнаго интереса, обо всемъ докладывали намѣстнику, участвовали въ смотрахъ ополченія, устроеннаго на правилахъ помѣстной службы, словомъ: по роду занятій, свойству дѣлъ и по порядку ихъ производства, ландратская коллегія гораздо болѣе походила на теперешнее наше губернское правленіе, чѣмъ на дворянское депутатское собраніе. Съ другой стороны, такъ какъ члены ея выбирались дворянствомъ и только утверждались намѣстникомъ (на половину изъ лифляндскихъ уроженцевъ и на *половину изъ Шведовъ)* то, по составу своему, она, при слабомъ правительствѣ или во время какого либо политическаго кризиса, могла довольно легко переродиться въ сословное представительство. Такъ и случилось. Созданное Швеціею учрежденіе не только не оправдало ея ожиданій, а напротивъ, очень скоро обратилось въ органъ дворянской оппозиціи и, вслѣдствіе этого, въ исходѣ 1694 года, было окончательно упразднено Карломъ XI. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, возстановленная ландратская коллегія представлялась чѣмъ-то совершенно ненормальнымъ. Прежняя ея служба правительству давно кончилась; она рѣшительно выдѣлилась изъ круга правительственныхъ инстанцій и стала къ генералъ-губернатору въ отношенія независимаго отъ него, со-

вершенно самостоятельнаго общественнаго учрежденія; въ то же время, по старой памяти о прежнемъ своемъ значеніи, она не подчинялась и дворянству, не признавала надъ собою его контроля и, по отношенію къ ландтагу, претендавала на самостоятельность, совершенно несвойственную собранію повѣренныхъ передъ лицомъ избравшихъ ихъ довѣрителей. Понятно, что родилась мысль избавиться отъ нея, испросивъ возстановленія Екатерининскихъ учрежденій, или, по крайней мѣрѣ, преобразовать ее въ видахъ тѣснѣйшаго ея подчиненія дворянскому сословію [1]).

Антагонизмъ между ландратскою коллегіею и значительною частью дворянства отозвался и въ группировкѣ партій по крестьянскому вопросу. Сиверсъ былъ старшимъ ландратомъ и первенствовалъ въ коллегіи, которая, подчиняясь его вліянію, въ этомъ послѣднемъ вопросѣ служила центромъ и органомъ либеральнаго направленія; наоборотъ, и преимущественно вслѣдствіе этого, къ крѣпостникамъ пристали всѣ сторонники Екатерининскихъ учрежденій и политическіе враги коллегіи, въ томъ числѣ и графъ Я. Е. Сиверсъ.

Тогдашній генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, знавшій гораздо лучше генералъ-губернаторовъ нашего времени все, что около него творилось, говорилось и замышлялось, предупреждалъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея,

[1]) Вопросъ этотъ, какъ читатели увидятъ ниже, обсуждался нѣсколько лѣтъ къ ряду. Въ 1805 г., Сиверсъ, какъ старшій ландратъ, горячо отстаивавшій независимость коллегіи отъ дворянскаго ландтага, но за то признававшій вполнѣ ея зависимость отъ правительства, по порученію коллегіи, испрашивалъ у высшаго правительства категорическаго отвѣта на вопросъ: „суть ли ландраты государственные чиновники или экономы дворянства, и отъ кого утвержденіе ихъ зависитъ?“—Министръ отвѣчалъ черезъ генералъ-губернатора: „какъ ландратская коллегія составлена *по привилегіямъ лифляндскаго рыцарства* (?) то, попрежнему, пусть утверждаются начальникомъ губерніи“—Этотъ отвѣтъ обнаруживалъ отсутствіе всякой логики—въ выводѣ и полное незнаніе исторіи—въ справкѣ. Ландратская коллегія составлена была (говоря языкомъ министерства) не по привилегіямъ рыцарства, а по Высочайшему повелѣнію шведскаго короля; въ сословныхъ привилегіяхъ рыцарства объ ней не было помина, да и не могло быть, по той же причинѣ, по которой въ привилегіяхъ неумѣстно было бы говорить о губернскомъ правленіи, о казенной палатѣ, о прокурорахъ, жандармахъ и т. д.

что многіе на ландтагѣ намѣревались сдѣлать предложеніе объ испрошеніи возстановленія въ Лифляндіи намѣстническаго правленія и просилъ на этотъ случай снабдить его наставленіемъ. На это министръ отвѣчалъ ему секретно: „Его Императорское Величество на содержаніе письма Вашего Сіятельства отозваться соизволилъ, что, не любя дѣлать частыхъ перемѣнъ въ образѣ управленія и зная, что вопросъ о введеніи въ Лифляндіи общаго учрежденія требуетъ многихъ соображеній, безъ коихъ нельзя рѣшить съ достовѣрностью, до какой степени можетъ быть сіе введеніе предпочтительно настоящему порядку вещей, находитъ излишнимъ, чтобъ дворянство теперь имъ занималось, и сіе тѣмъ болѣе, что предметъ сей, по существу своему, болѣе принадлежитъ къ усмотрѣніямъ правительства, которое, въ свое время, по зрѣломъ всѣхъ обстоятельствъ уваженіи, не оставитъ принять и назначить къ исполненію нужныя мѣры направленія“.—Итакъ, мы сами отклоняли объединеніе края съ государствомъ.

Неизвѣстно, узналъ ли объ этомъ ландтагъ, или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, онъ этимъ не стѣснился. Собравшееся дворянство назначило изъ среды своей особую коммиссію, на которую возложено было, по широкой данной ей программѣ, разработать проэктъ реформы управленія, юстиціи, дворянскаго штата и хозяйства. Она набрана была изъ партіи враждебной ландратской коллегіи [1]) и въ своемъ проектѣ измѣненія устава дворянскаго сейма ограничилась почти исключительно мѣрами, имѣвшими цѣлью подчинить коллегію дворянскому собранію. Въ возгорѣвшихся преніяхъ обнаружилась съ обѣихъ сторонъ крайняя запальчивость, при чемъ высказано было сгоряча много для насъ поучительнаго. Ландраты, въ поданномъ ими объясненіи, прямо называли себя „правительственными *чиновниками*, совѣтомъ, учрежденнымъ при мѣстномъ представителѣ власти и для него“. Собраніе, говорили они, „можетъ только давать ландратамъ инструкціи, которыя однако подлежатъ утвержденію правительства, дабы

[1]) Въ ней засѣдали. подъ председательствомъ ф. Липгарда, Блуменъ, Герагроссъ, Фитингофъ, Транзее, гр. Минихъ, Штирнгильмъ, Бокъ и ландрихтеръ Августъ Сиверсъ.

права Величества ничѣмъ не ограничивались; ибо ни насъ лично, ни внутренняго устроенія, по которому предложенія наши должны исполняться, собраніе никогда не имѣло права утверждать" [1]).—Такъ ли смотритъ на себя ландратская коллегія теперь!

Главнымъ побужденіемъ къ ополченію противъ коллегіи была всетаки личная злоба на Сиверса, которому дворянство мстило за толчекъ, данный имъ крестьянскому дѣлу. Это видно изъ того, что особеннымъ ожесточеніемъ отличились именно вожаки тогдашнихъ крѣпостниковъ: Левенштернъ, Циммерманъ, Нуммерсъ, Штрандманъ, Вейсъ, Липгардъ и Криднеръ. Всѣ они, по очереди, выступали противъ него, а онъ отбивался почти одинъ. Это была своего рода травля; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія и не находя въ самой коллегіи полной себѣ поддержки, онъ произнесъ передъ собраніемъ длинную рѣчь, навсегда оставшуюся въ памяти всѣхъ слышавшихъ ее. Въ ней очень живо выступаетъ личность Сиверса и потому мы приведемъ ее здѣсь въ точномъ переводѣ, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками.

„Прежде чѣмъ приступлено будетъ къ окончательному сужденію по предложеніямъ коммиссіи, позвольте мнѣ, господа, какъ старшему члену ландратской коллегіи, противъ правъ и преимуществъ которой они направлены, высказать вамъ искренно мое мнѣніе о замышляемыхъ перемѣнахъ въ земскомъ нашемъ учрежденіи и тѣмъ облегчить себя отъ личнаго долга, сдѣлавшагося для меня тяжкимъ при теперешнихъ

[1]) Всѣ сколько нибудь замѣчательныя письменныя мнѣнія и предложенія членовъ собранія, равно какъ и журналы засѣданій, сообщались генералъ-губернатору (неизвѣстно, по секрету ли или съ вѣдома собранія) въ копіяхъ, засвидѣтельствованныхъ тогдашнимъ нотаріусомъ дворянства Р. ф. Самсономъ, впослѣдствіи ландратомъ и извѣстнымъ публицистомъ (умеръ въ 1858 году), а иногда за подписью секретаря дворянства ф. Фегезака. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ копій прилагались переводы на русскій языкъ. Все это пересылалось въ Петербургъ и подшивалось къ дѣламъ. Теперь, между генералъ-губернаторомъ и ландтагомъ, опустилась непроницаемая завѣса и, чтобы узнать что нибудь о происходящемъ въ собраніи, онъ долженъ обращаться къ остзейскимъ корреспонденціямъ нѣмецкихъ заграничныхъ газетъ. За то, для записыванія рѣчей, на каждый ландтагъ выписываются стенографы изъ Берлина. Одно окно, обращенное къ Россіи, задѣлано, а открыто другое, съ противоположной стороны.

моихъ отношеніяхъ къ собранію. Предоставленіе каждому гражданину права измѣнять земское учрежденіе и давать законы правительству повело бы къ общему замѣшательству; такое право несовмѣстно съ самодержавіемъ. Да и какой пользы можно бы было ожидать отъ учрежденія въ родѣ предлагаемаго намъ устава для нашихъ собраній, устава, который могъ бы подвергаться передѣлкамъ на каждомъ съѣздѣ и находился бы въ зависимости отъ частныхъ взглядовъ и интересовъ нѣсколькихъ стакнувшихся членовъ? Бо́льшая часть изъ васъ, господа, пойметъ меня безъ дальнихъ объясненій. Уступи я нынѣшнему собранію право вводить новизны, я тѣмъ самымъ отнялъ бы у себя возможность отказывать въ томъ же послѣдующимъ. И какое право можетъ имѣть собраніе урѣзывать, ограничивать и отмѣнять права, доходы и привилегіи, дарованныя ландратской коллегіи Государями и ими торжественно гарантированныя? Нѣтъ, господа, никогда не будете вы признаны ни судьями надъ нею, ни тѣмъ паче законодателями. Однако, большинство вашей коммиссіи не только присвоило себѣ это право, но даже проэктировало правила, крайне оскорбительныя для коллегіи, руководствуясь ошибочнымъ мнѣніемъ, будто бы ландраты суть чиновники дворянства, а не государства (Beamte des Adels und nicht des Staates). Не мѣшало бы заглянуть въ нашъ архивъ, тогда открылось бы совсѣмъ иное".—Слѣдовало опроверженіе проэкта по пунктамъ и затѣмъ Сиверсъ продолжалъ: „Отъ доказанной неправомѣрности предложенія перейдемъ къ побужденіямъ, вызвавшимъ его. Откуда взялось это внезапное желаніе, отчего вдругъ большинство собранія почувствовало неотложную необходимость преобразованія? Не отъ недостатковъ ли теперешняго порядка и не отъ вкравшихся ли злоупотребленій? Но тогда не обязано ли собраніе потребовать отъ составителей проэкта, чтобъ они обнаружили ихъ? Иначе, какъ ихъ исправить и какъ удовлетворить недовольныхъ, буде они сами не въ состояніи выяснить предметовъ своихъ жалобъ? Если же уличатся въ нерадѣніи, въ невѣрности по отправленію должности, или въ злоупотребленіи кто нибудь одинъ изъ членовъ, то къ чему посягать на все учрежденіе и колебать въ собраніи довѣренность, любовь и уваженіе къ

прочимъ членамъ? Почему не рѣшаются высказать громко, передъ всѣми подозрѣцій, такъ усердно распространяемыхъ вкрадчивымъ шепотомъ? Эта глухая молва, рѣчь г. ф. Левенштерна, здѣсь имъ произнесенная, толки ходившіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ во время моей отлучки въ Петербургъ, все это требуетъ выясненія моихъ отношеній къ теперешнему собранію, ибо вы сочли бы меня безчувственнымъ или крайне слабымъ въ знаніи людей, еслибъ я не относилъ лично къ себѣ этого сдерживаемаго ропота и этихъ бродящихъ подозрѣній. Въ чемъ же заключается мой проступокъ? Не въ утружденіи ли Государя Императора просьбою объ утвержденіи опредѣленій ландтага 1798 года?—Но я исполнялъ только порученіе, возложенное на меня самимъ собраніемъ. Не твердая ли увѣренность, съ которою я ссылался на хорошо мнѣ извѣстныя благородныя чувства и справедливость вашу?—Въ такомъ случаѣ, господа, простите мнѣ эту увѣренность: въ то время я находился еще подъ впечатлѣніемъ собраній 1795, 1796 и 1798 годовъ и имѣлъ передъ собою ихъ опредѣленія. Не порученіе ли данное мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ, соизволившимъ черезъ меня вызвать въ васъ просвѣщенное и человѣколюбивое намѣреніе возвратить крестьянамъ вашимъ права, *единственно злоупотребленіемъ власти у нихъ отнятыя, благодаря послабленію со стороны правительства*, права, которыхъ возстановленія требуютъ какъ *провинціальные наши законы*, такъ и справедливость? Не нѣкоторые ли приговоры постановленные по жалобамъ крестьянъ?—Такъ прочтите же, умоляю васъ, подлинные акты въ этихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ вы произнесете осужденіе, и я увѣренъ, что человѣческое чувство ваше глубоко возмутится происходившими неистовствами. Или нѣтъ ли между вами человѣка, который бы обвинилъ меня въ какомъ либо упущеніи или преступленіи по должности?—Пусть же выйдетъ онъ впередъ, я готовъ отвѣчать публично, лишь бы увидать моихъ сочленовъ оправданными, и затѣмъ подчинюсь вашему приговору. Не я ли самъ просилъ васъ, при вступленіи моемъ въ настоящую должность, привлекать меня къ отвѣтственности за малѣйшее упущеніе и не я ли первый публично далъ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ? Не тотъ же ли я, котораго въ 1789 году,

въ Вольмарскомъ и Валкскомъ уѣздахъ, вы выбрали въ уѣздные дворянскіе предводители и котораго, по трехлѣтнемъ отправленіи этой должности, вы единогласно, въ обоихъ уѣздахъ выбрали вновь въ 1792 году? Не меня ли, послѣ того, выбирали вы въ губернскіе предводители, 89-ю голосами избирательными противъ 20-ти неизбирательныхъ, потомъ въ 1795 году, 137-ю избирательными, противъ 9-ти неизбирательныхъ, а въ 1796 году въ ландраты, единодушно, 154-мя голосами? Не я ли, потомъ, сложивъ съ себя эту должность, упрашивалъ васъ со слезами уволить меня и не меня ли вы, однако, вторично и единогласно выбрали вновь? Такое неограниченное довѣріе, такія доказательства уваженія и добраго ко мнѣ расположенія такъ крѣпко приковали меня къ вамъ взаимною преданностью, признательностью и любовью, что я пожертвовалъ собственными моими дѣлами, домашнимъ счастьемъ, большею частью моего состоянія, даже отеческимъ долгомъ передъ единственнымъ сыномъ, ища себѣ награды единственно въ совѣстливомъ исполненіи моихъ служебныхъ обязанностей и въ вашемъ благоволеніи находя замѣну всему. Чтобъ не показаться хвастливымъ, я умалчиваю объ исполненныхъ мною порученіяхъ вашихъ въ шести различныхъ депутаціяхъ и о многихъ снятыхъ съ края обременительныхъ тягостяхъ, но не могу пропустить одной эпохи въ моей жизни. По злобному и лживому обвиненію двоихъ изъ нашихъ сочленовъ, уличенныхъ въ преступленіи и всетаки находящихся посреди насъ, даже (благодаря произвольному толкованію послѣдняго манифеста) пользующихся возможностью продолжать свои противозаконныя дѣянія, я долженъ былъ явиться въ Петербургъ передъ Высочайшее судилище, какъ обвиняемый въ государственномъ преступленіи. По этому дѣлу два старшіе ландрата, оба двукратно удостоиваемые выбора въ губернскіе предводители и получавшіе многія доказательства вашего уваженія, были устранены отъ должности, пока наконецъ выяснена была несправедливость и лживость взведеннаго на нихъ обвиненія [1]...

[1] Здѣсь рѣчь идетъ о дѣлѣ нѣкоего помѣщика ф. Ганенфельда, прославившагося своею свирѣпостью; онъ засѣкалъ людей, забивалъ ихъ въ кандалы и скованныхъ заставлялъ молоть на ручной мельницѣ, многихъ крестьянъ разорялъ, другихъ довелъ до самоубійства, между прочимъ старостину жену, ко-

„Что сдѣлано было вами, господа, послѣ этого времени на трехъ бывшихъ собраніяхъ?—Ничего! Отчего такое противорѣчіе прошлому; откуда взялось такое недовѣріе?—Ну такъ пусть же упразднятся и прежнія, бывшія между нами взаимныя обязательства уваженія, дружбы и любви. Да погаснетъ память о столькихъ доказательствахъ вашей ко мнѣ довѣренности и вашего благоволенія, и да порвутся узы благодарности, которыми я былъ къ вамъ привязанъ. Счастлива минута возвращающая меня въ ту среду и обстановку, изъ которой насильно вывела меня моя къ вамъ преданность. Но вы, благородные собратья, никогда не сомнѣвавшіеся въ безупречности моихъ цѣлей, вы сознающіе, что оказаніе справедливости униженнымъ святѣйшій долгъ судьи, и не причисляющіе самовластія и вымогательства къ числу нашихъ привилегій,—вы хорошо знакомые съ сладкимъ чувствомъ благодарности за оказываемое довѣріе и въ то же время способные понять, каково видѣть честь свою оскорбленною при внутрен-

---

торая, схвативъ подъ руки малолѣтнихъ дѣтей своихъ, съ ними вмѣстѣ утопилась. Прикосновеннымъ къ дѣлу оказался и мѣстный орднунгсъ-рихтеръ Дельвигъ, потворствовавшій Ганенфельду и скрывавшій его неистовства. Фактовъ и несомнѣнныхъ уликъ было столько, что слѣдственная коммиссія, наряженная ландратскою коллегіею изъ своей среды, заключила, на основаніи указа Императора Павла I-го, взять имѣніе въ опеку, изъ доходовъ его выдать вознагражденіе разореннымъ и изувѣченнымъ крестьянамъ, а послабленія орднунгсъ-рихтера передать на разсмотрѣніе ландтага. Ландратская коллегія вполнѣ согласилась съ заключеніемъ своей коммиссіи и приступила къ исполнительнымъ распоряженіямъ. Это происходило въ 1799 году; но Ганенфельдъ поскакалъ въ Петербургъ и, благодаря покровительству подобныхъ ему крѣпостниковъ, добился въ 1800 году сенатскаго указа, которымъ отмѣнены были всѣ распоряженія ландратской коллегіи, нѣкоторые ея члены, въ томъ числѣ Сиверсъ, привлечены были къ отвѣтственности за превышеніе власти и все дѣло направлено было къ судебному разсмотрѣнію. Этотъ указъ основанъ былъ на законахъ въ Лифляндіи не примѣнявшихся. Лифляндскій гофгерихтъ подвелъ Ганенфельда подъ всемилостивѣйшій манифестъ и не только освободилъ его отъ всякой личной отвѣтственности, но даже отказалъ разореннымъ крестьянамъ въ присужденномъ имъ денежномъ вознагражденіи. Торжествующій помѣщикъ вернулся въ свое имѣніе и продолжалъ распоряжаться по прежнему. По новымъ на него жалобамъ, въ 1805 году, вторично возбуждено было дѣло о его злоупотребленіяхъ, благодаря настойчивости А. И. Арсеньева, председателя одной изъ коммиссій, вводившихъ въ дѣйствіе Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года.

ней, твердой увѣренности въ безупречномъ исполненіи своего долга—къ вамъ обращаюсь я и прошу извинить меня, если желчью напоенная кровь моя внушила мнѣ жесткія слова. Имена ваши запечатлѣны въ моей памяти, и мысль о васъ будетъ для меня утѣшеніемъ; самимъ же вамъ благословеніе нѣсколькихъ сотъ тысячъ меньшей братіи послужитъ наградою за сдѣланное вами и на этомъ ландтагѣ добро".

Договоривъ эти слова дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ и едва сдерживая слезы, Сиверсъ вышелъ изъ залы и немедленно поѣхалъ въ Петербургъ. Бывшіе на этомъ засѣданіи, много лѣтъ спустя, разсказывали, что впечатлѣнію, произведенному на слушателей этою рѣчью, невольно поддались всѣ, не исключая самыхъ озлобленныхъ противниковъ Сиверса. Нѣсколько времени оно сдерживало всякое проявленіе вражды и негодованія.

Инымъ изъ русскихъ читателей, можетъ быть, покажется неумѣстною, даже, пожалуй, смѣшною, эта затрата страсти и краснорѣчія на мелкіе провинціальные интересы, cette tempête dans un verre d'eau, какъ говорятъ Французы. И къ чему было, подумаютъ они вѣроятно, извлекать эту никому теперь ненужную, никого не интересующую выходку изъ архивнаго кладбища, въ которомъ она покоилась?—Признаемся, мы извлекли ее оттуда отчасти именно съ цѣлью вызвать такой вопросъ и подать поводъ читателямъ вникнуть въ мотивы, на которыхъ онъ основанъ.

Всѣ мы вообще склонны думать, что степень внутренняго участія, удѣляемаго человѣкомъ на общественное дѣло, естественно соразмѣряется съ бо́льшимъ или меньшимъ объемомъ открытаго передъ нимъ круга дѣйствій. Хуже всего то, что въ этомъ взглядѣ прирожденная намъ лѣнь находитъ себѣ благовидное оправданіе; ибо, такъ какъ не всѣмъ удается ворочать милліонными бюджетами, не всѣ бываютъ призваны вести переговоры отъ лица своего правительства, командовать цѣлыми арміями, или разрѣшать законодательные вопросы первой величины, то и выходитъ, что у насъ большинство людей, способныхъ служить обществу, почти никогда не отдается всецѣло скромному, всѣмъ сподручному дѣлу, въ ограниченной сферѣ уѣзда, города или губерніи. Мы вообще

смотримъ на такого рода занятія нѣсколько свысока, и все какъ будто приберегаемъ себя для чего нибудь лучшаго. Къ несчастью, при этомъ упускается изъ виду, что по общему закону человѣческой природы, изъ котораго не сдѣлано для насъ изъятія, способность доводить прирожденныя каждому силы ума и воли до крайней степени напряженія и употреблять ихъ въ дѣло безъ остатка, требуетъ, какъ и всякая другая, сознательнаго воспитанія и долгаго упражненія. Она никому не дается вдругъ, въ ту минуту, когда въ ней можетъ оказаться надобность, и не растетъ сама собою, пропорціонально расширенію круга внѣшней дѣятельности. Кто не жилъ съ ранней молодости полною жизнью ума, воли и чувства въ той обстановкѣ, какъ бы тѣсна она ни была, въ которой поставила его судьба, кто находилъ недостойнымъ себя затрачивать свои дарованія на достиженіе цѣлей полезныхъ, но на видъ мелочныхъ, въ томъ эти приберегаемыя имъ дарованія, дѣйствительныя или мнимыя, неизбѣжно и скоро выдыхаются. Изъ подобнаго рода субъектовъ, одною силою внѣшнихъ обстоятельствъ и производствъ въ высшія должности, никогда не вырабатывается крѣпкихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи, поучительно сравненіе нашего общества хоть бы, напримѣръ, съ остзейскимъ. Тамъ, учрежденія давно устарѣвшія, несмотря на свое безобразіе, все таки живутъ, благодаря единственно страстной объ нихъ заботливости и муравьиной, неутомимой дѣятельности цѣлыхъ поколѣній образованныхъ, даровитыхъ людей, которые, по нашимъ понятіямъ, должны бы были стремиться дальше и выше, и которые однако всецѣло отдаютъ мѣстнымъ, провинціальнымъ и сословнымъ интересамъ трудъ лучшихъ годовъ жизни, притомъ трудъ, если не даровой, то обыкновенно скудно вознаграждаемый и, во всякомъ случаѣ, незамѣтный со стороны. Этимъ только восполняются очевидные недостатки учрежденій. У насъ же наоборотъ. Учрежденія быстро совершенствуются и преобразуются черезъ каждое пятидесятилѣтіе, но ни однимъ изъ нихъ общество не воспользовалось вполнѣ, ни однимъ не овладѣло, ни одного не исчерпало и не наполнило своею самодѣятельностью. Вспомнимъ, напримѣръ, исторію теперь уже умершихъ и не оставившихъ по себѣ памяти дворянскихъ

нашихъ собраній, и спросимъ себя: не угрожаетъ ли та же участь нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ?.. .

Но пора обратиться опять къ лифляндскому ландтагу. Вслѣдъ за отъѣздомъ Сиверса въ Петербургъ, поскакалъ туда же, будто бы для предупрежденія какихъ-то козней съ его стороны, а въ сущности съ доносомъ на него, одинъ изъ вожаковъ враждебной ему партіи, Л. ф. Левенштернъ Въ самый день пріѣзда своего, онъ писалъ гр. Кочубею: „Le landrath Sivers a quitté subitement l'assemblée de la noblesse livonienne, assemblée actuellement à Riga, sans l'en avertir, ce qui cause des craintes fondées à l'assemblée [1]). Une grande partie de la noblesse présente m'a envoyé ici pour rendre compte à Votre Excellence de tout ce qui s'est passé à Riga. Je vous supplie donc, Monsieur le Comte, de me donner pour cet objet déjà aujourd'hui une audience et de fixer l'heure à laquelle je dois me trouver chez vous. Въ тотъ же день, графъ Я. Е. Сиверсъ, лично не присутствовавшій на ландтагѣ, но принимавшій заочно дѣятельное участіе въ дѣлахъ собранія, какъ вѣрный почитатель Екатерининскихъ традицій и какъ противникъ своего однофамильца, писалъ графу Кочубею изъ своего бауенгофскаго помѣстья: „Quoique je doive craindre que ces lignes parviendront trop tard, je ne puis me refuser au devoir de bon sujet de les tracer et de les adresser à Votre Excellence. On soupçonne M-r le landrath de Sivers d'être l'auteur des propositions [2]). Il vient d'être appelé par une estafette [3]). On craint donc, comme l'opinion de l'assemblée s'est prononcé pour la négative, qu'il soit allé pour surprendre à la bonté de coeur de Sa Majesté l'Empereur une résolution nuisible, funeste même à l'intérêt et à la tranquillité de l'état. Ayant reçu une copie des propositions, j'ai cru devoir écrire mon opinion que j'y ai envoyé il y a trois jours. Elle est éga-

---

1) Чего же однако боялись они, откуда взялся этотъ страхъ?

2) Здѣсь подразумѣваются вышеприведенные пункты, которые Сиверсъ, по Высочайшему повелѣнію, отъ себя предложилъ дворянству на обсужденіе. Не было повода *подозрѣвать* въ немъ автора этихъ предложеній, такъ какъ онъ самъ называлъ ихъ своими.

3) Никто Сиверса не вызывалъ.—Очевидно, враги его употребили во зло довѣрчивость престарѣлаго графа и нарочно его напугали.

lement négative. L'auteur paraît indiquer, ou le supposer, que nous manquions de lois qui garantissent le paysan de vexations. C'est à tort; mais c'est la justice qui leur est difficile à obtenir, *parceque le gentilhomme est juge et partie, les cours de justice et la Régence du pays étant composées de nobles propriétaires* [1]). Plusieurs points des propositions ont des lois positives, mais l'exécution manque. J'ai proposé, et nombre des membres de l'assemblée de même, de demander l'introduction de la régie des gouvernements de l'immortelle Catherine, sauf les нижнія и верхнія расправы, mais au lieu de celles-ci, qu'il y ait dans les deux premières instances trois assesseurs choisis d'entre les paysans pour leurs plaintes en cas de vexations [2]). Je dois donc conjurer Votre Excellence de suspendre, s'il en est encore temps, la décision de Sa Majesté l'Empereur jusqu' à ce que le sentiment de la noblesse soit parvenu à ses yeux. Je vous adresserai alors aussi le mien [3]), avec la candeur de la franchise que méritent des objets aussi importants et qui exigent

[1]) Замѣчательное признаніе, которымъ однако мы, къ сожалѣнію, не воспользовались.

[2]) Это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 110 голосовъ противъ 38-ми. Графъ Сиверсъ приписывалъ свою неудачу интригамъ „*аристократовъ*" брата губернатора и самого губернатора.

[3]) Графъ Сиверсъ исполнилъ свое обѣщаніе. Въ запискѣ посланной имъ графу Кочубею обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія строки (переводимъ буквально съ нѣмецкаго перевода): „На мой скромный взглядъ, несчастнѣйшимъ нововведеніемъ для будущихъ судебъ пограничныхъ областей имперіи, для прочнаго охраненія завоеванныхъ и возсоединенныхъ окраинъ и для слiянія ихъ съ цѣлымъ государствомъ, былъ указъ покойнаго Императора, возвратившій этимъ неизмѣримымъ областямъ ихъ старыя законоположенія, столь отличныя отъ существующихъ въ остальной имперіи. Этотъ указъ наградилъ вновь Эстляндію и Лифляндію *самымъ притѣснительнымъ дворянскимъ владычествомъ* (die drückendste Adelsherrschaft) котораго источникъ былъ въ феодальной системѣ, въ тяжелыхъ шведскихъ законахъ временъ Карла XI (?) и т. д. Незабвенная Екатерина *ни минуты не усомнилась распространить на присоединенныя области порядокъ управленія, введенный въ Россіи*, оставляя Лифляндцамъ и Эстляндцамъ всѣ ихъ права."—Вотъ какіе голоса слышались еще въ Лифляндіи въ началѣ настоящаго вѣка; а теперь! – Автору „Окраинъ" остается только стать подъ защиту великой тѣни Екатерининскаго служилаго человѣка, котораго нельзя заподозрить ни въ соціализмѣ, ни въ національно-русскомъ фанатизмѣ.

d'autant plus de circonspection que, malheureusement, les esprits tendent à la fermentation depuis une quinzaine d'années".

Это послѣднее письмо, имѣвшее явною цѣлью побудить правительство отречься отъ предложеній ландрата Сиверса и тѣмъ отнять у нихъ тотъ вѣсъ, который придавало имъ предварительное Высочайшее одобреніе, получено было въ Петербургѣ 6 мая. Графъ Кочубей, вѣроятно не безъ намѣренія, нѣсколько промедлилъ отвѣтомъ, чтобъ дать время ландтагу серьезно вдуматься въ дѣло, и, пропустивъ 10 дней, отвѣчалъ графу Сиверсу, что ландрата Сиверса никто въ Петербургъ не вызывалъ, что Государь Императоръ не принялъ еще никакого рѣшенія относительно его предложеній— „ses propositions, si l'on peut qualifier ainsi la demande qu'il a faite, au nom d'un nombre assez considérable de gentilshommes, de pouvoir soumettre à la diète son plan d'arrangement pour les paysans". Государь Императоръ (продолжалъ министръ) разсудилъ за благо согласиться на это частное предложеніе, такъ какъ указъ 20 февраля (о вольныхъ-хлѣбопашцахъ) давалъ каждому помѣщику право входить въ добровольныя сдѣлки съ его крестьянами, и правительство ожидаетъ, что ландтагъ займется не дарованіемъ крестьянамъ неограниченной свободы и не установленіемъ порядка вещей, еще недоступнаго ихъ пониманію, но постарается опредѣлить ихъ повинности по справедливости и на законномъ основаніи. „Cette mesure, autant du moins que je conçois les intérêts de la Livonie, me paraît indispensable. Elle attacherait le paysan au maître et cela serait peut-être un moyen de prévenir les troubles qui, à l'exemple de ce qui s'est si souvent fait en Livonie, pourraient se renouveler cette fois, si l'attente des paysans était entièrement trompée".

Еще до отправки этого письма, высшее правительство, крайне недовольное ходомъ дѣлъ на ландтагѣ, внушило дворянству через генералъ-губернатора, чтобъ оно, не отвлекаясь другими предметами, занялось пристальнѣе существенно необходимымъ, то есть улучшеніемъ быта крестьянъ. Когда это внушеніе доведено было ландмаршаломъ до свѣдѣнія ландтага, собраніе, по его предложенію, отрядило къ генералъ-губернатору двухъ депутатовъ и, чрезъ нихъ, просило его

„повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества живѣйшую благодарность вѣрнаго Ему лифляндскаго дворянства за совѣтъ *быть осторожнымъ* (für die uns anempfohlene Vorsicht) [1]. съ тѣмъ вмѣстѣ довести до Его Величества объ искреннемъ желаніи рыцарства окончательно отмѣнить всякій произволъ и предпринять всякое улучшеніе въ быту крестьянъ (die aufrichtigen Wünsche jede Willkühr gänzlich abzustellen, jede Verbesserung des Zustandes unserer Bauern vorzunehmen) въ той мѣрѣ, въ какой всякая перемѣна въ этомъ важномъ дѣлѣ могла быть совмѣстна, безъ оскорбленія права собственности, съ исправною уплатою требуемыхъ казною податей и могла быть соглашена съ соблюденіемъ кредита и спокойствія въ нашей провинціи".—Такъ гласилъ нѣмецкій текстъ въ буквальномъ переводѣ, а въ оффиціальномъ переводѣ, который былъ отправленъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургъ, значилось: „Желаніе нашего рыцарства *дабы вовсе отклонено было всякое произвольное хотѣніе предпринимать что либо вновь къ поправленію состоянія крестьянъ*, до тѣхъ поръ пока не сдѣлано будетъ соображенія, что всякая перемѣна въ семъ важномъ происшествіи, безъ стѣсненія права собственности, въ отношеніи къ слѣдующимъ великой коронѣ податямъ и съ удержаніемъ кредита и спокойствія въ нашей провинціи будетъ вмѣстно".

Такое искаженіе подлинника въ переводѣ едва-ли можетъ быть приписано одному невѣжеству. Цѣль подлога заключалась, кажется, въ томъ, чтобы понудить правительство къ попятному шагу передъ рѣшительно заявленною оппозиціею первенствующаго сословія и, конечно, къ этому низкому, въ тоже время ребяческому средству прибѣгла, безъ вѣдома генералъ-губернатора, какая нибудь мелкая, темная личность, желавшая выслужиться передъ дворянствомъ и не знавшая, что въ Петербургъ пошлется, при переводѣ, и подлинное заявленіе, писанное на нѣмецкомъ языкѣ.

По крестьянскому вопросу обнаружилось на ландтагѣ еще

[1] Объ осторожности не было говорено ни полслова. Правительство не имѣло ни малѣйшаго повода опасаться со стороны дворянства излишней заносчивости въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ.

болѣе непримиримости въ намѣреніяхъ и обоюднаго раздраженія, чѣмъ по дѣлу о преобразованіи дворянскаго сословнаго представительства. Сильная партія, враждебная видамъ правительства, которую можно было только понудить къ уступкамъ, но которая ихъ не желала, нашла себѣ поддержку въ самомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Голицынѣ и особенно въ губернаторѣ Рихтерѣ. Первый, въ другихъ случаяхъ, всегда добросовѣстно служившій правительству и ревностно оберегавшій достоинство власти въ столкновеніяхъ ея съ мѣстною оппозиціею, принадлежалъ къ числу крѣпостниковъ по убѣжденію. Мысли объ установленіи между помѣщиками и крестьянами правомѣрныхъ отношеній онъ просто не вмѣщалъ; ограниченіе полновластія вотчинниковъ казалось ему безумнымъ посягательствомъ на естественный законъ, оправданный самою природою вещей, и оттого онъ не могъ не давать вѣры предсказаніямъ мѣстныхъ дѣльцовъ, пророчившихъ ему страшные безпорядки, а за ними, неизбѣжность не менѣе страшныхъ мѣръ усмиренія. Иного склада человѣкъ былъ губернаторъ Рихтеръ. Онъ шелъ по стопамъ бывшаго генералъ-губернатора Нагеля, то есть служилъ не правительству, а мѣстному дворянству, употреблявшему его какъ свою трубу для доведенія до Петербурга тѣхъ возраженій и домогательствъ, которыхъ оно не рѣшалось предъявлять отъ своего лица [1]). Крайне осторожный и на видъ послушный, онъ прямо не противорѣчилъ намѣреніямъ правительства, но всегда рекомендовалъ ему тѣ мѣры и средства, которыя должны были, на практикѣ, обратить ихъ въ ничто, затянувъ исполненіе или замаскировавъ неисполненіе.

Передъ самымъ открытіемъ ландтага 1803 года, вышелъ указъ 20 февраля о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Прежде, чѣмъ онъ былъ обнародованъ сенатомъ, графъ Кочубей увѣдомилъ секретно генералъ-губернатора о скоромъ его появленіи, причемъ разъяснилъ ему, что этотъ указъ не давалъ крестьянамъ никакихъ правъ и никого изъ помѣщиковъ ни къ чему не обязывалъ, а только открывалъ законный способъ осу-

---

[1]) До назначенія своего губернаторомъ, онъ исправлялъ по выбору должность секретаря дворянства.

ществленія добровольнымъ намѣреніямъ. Въ такомъ смыслѣ надлежало понимать указъ и на мѣстное начальство возлагалась обязанность не допускать никакихъ превратныхъ толкованій.

Это обстоятельство послужило князю Голицыну поводомъ высказаться напрямки. Въ секретномъ письмѣ къ графу Кочубею онъ писалъ: „Принимая съ благодарностію предварительное увѣдомленіе вашего сіятельства о указѣ правительствующаго сената, содержащемъ въ себѣ дозволеніе помѣщикамъ, кто пожелаетъ, дѣлать съ крестьянами ихъ условія, какія найдутъ они лучшими для устроенія своего хозяйства, обязанностію почитаю увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что я запретилъ обнародовать сей указъ и переводить оный на лифляндской и эстляндской языки [1]), дабы дѣйствительно не возмутить крестьянъ, у коихъ разгорячены уже головы, и приказалъ только объявить оный, коль скоро въ губернскихъ правленіяхъ получатъ, однимъ помѣщикамъ. Пользуясь симъ случаемъ, намѣренъ я поговорить съ вашимъ сіятельствомъ откровенно въ разсужденіи положенія здѣшнихъ дѣлъ относительно до вольности крестьянъ. Нимало не опровергая благихъ намѣреній Государя Императора, пекущагося о благоденствіи вѣрноподданныхъ своихъ, вынужденнымъ я нахожусь сказать, что я ожидаю худыхъ слѣдствій могущихъ быть отъ пунктовъ, предложенныхъ ландратомъ Сиверсомъ собравшемуся на ландтагѣ дворянству, а особливо отъ того, что названіе крѣпостнаго совсѣмъ исключено быть должно. Народъ вездѣ народъ, особенно же здѣшній столько ограниченъ въ умѣ своемъ, что конечно не разсудитъ, что сіе дѣлается для его блага и что вольность ему даруемая есть свобода законная, а не своеволіе. Онъ, услыша, что господину болѣе не принадлежитъ, не поглядитъ ни на какія условія и, будучи съ малолѣтства пріученъ видѣть въ господинѣ своемъ своего тирана, употребитъ первый порывъ своей вольности къ нанесенію прискорбія помѣщикамъ. Плоды отъ сего уже видимы, ибо какъ дворянство ни держало сіе въ тайнѣ и даже людямъ своимъ не позволяло быть въ передней

---

[1]) Читай: латышскій и эстскій.

комнатѣ близь залы гдѣ бываетъ собраніе, а оставляло ихъ въ сѣняхъ, но при всемъ томъ дошла тайна ихъ и до ушей слугъ, что̀ иначе и быть не могло, ибо естественно ли, чтобы каковая либо тайна могла быть скрыта у 200 человѣкъ? Конечно, собственная польза помѣщиковъ заставляетъ ихъ молчать о семъ, но есть ли возможность, чтобы люди, разгоряченные прѣніемъ, встрѣчались другъ съ другомъ и на улицахъ и въ бесѣдахъ не говорили о томъ съ жаромъ, позабывъ даже, что они говорятъ въ присутствіи ихъ слугъ, которые, понимая можетъ третье слово, криво толкуютъ ими говоренное? Я самъ знаю, что въ Ригѣ уже нѣкоторые крѣпостные люди явно говорили, что они скоро будутъ вольными. Безъ сомнѣнія, не допущу я во всякомъ случаѣ до большаго возмущенія и, силою данной мнѣ власти и помощію войскъ, приведу все въ прежній порядокъ и повиновеніе; но не менѣе того государство столь малолюдное потеряетъ довольное число людей, приносящихъ дѣйствительную пользу. По мнѣнію моему, всеобщаго возмущенія въ Россіи быть не можетъ, а могутъ быть отъ введенія подобныхъ правилъ частные мятежи, которые безъ кровопролитія утушены быть не могутъ, а отъ убавленія людей убавятся и силы государства. По несчастію, живемъ мы въ такомъ столѣтіи, въ которомъ люди слишкомъ философствуютъ и пекутся слишкомъ о правахъ человѣка. Вся Европа заражена химерическою вольностью, которая, какъ зараза, прилипчива. Пограничныя наши завоеванныя провинціи, какъ Литва и Курляндія, истинно намъ не весьма преданы и, конечно, воспользуются сею искрою и раздуть могутъ большой огонь.' Мнѣ кажется, что благонамѣреніе сіе весьма хорошо, но произведеніе его дѣйствительно еще рано. Мы еще не довольно созрѣли, чтобы могли понять сію благость. Не вольность, но строгое во всѣхъ частяхъ правленіе намъ полезно и необходимо. Вотъ образъ мыслей моихъ, милостивый государь мой; какъ начальникъ трехъ губерній обязанъ я говорить то, что думаю, а впрочемъ воля Государя. Остается мнѣ только просить покорнѣйше ваше сіятельство сообщить мнѣ на сіе мнѣніе ваше и вразумить меня, ежели я мню не такъ, какъ должно по нынѣ существующимъ обстоятельствамъ». — Графъ Кочубей отвѣчалъ: „Я

имѣю отвѣчать на письмо, которымъ ваше сіятельство почтить меня изволили отъ 7-го сего мѣсяца. Предположеніе ваше М. Г. мой, чтобъ указъ 20 февраля объ условіяхъ дворянъ съ крестьянами не былъ публикованъ, есть совершенно соотвѣтственно существу самаго указа сего и образу изданія его, ибо, относясь дѣйствительно къ одному такъ сказать дворянству, вводить его въ разборъ [1]) указовъ исполнительныхъ, (коими мы такъ изобилуемъ) не было конечно слѣда [2]) ни выводить его изъ числа обыкновенныхъ указовъ въ губернское правленіе доставляемыхъ. Что же касается до ландтага лифляндскаго и до предложеній ландрата Сиверса, Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ отъ 7-го марта откроетъ вашему сіятельству, что Государь Императоръ никогда не имѣлъ намѣренія, уничтоженіемъ крестьянства, установленіемъ вольности и проч. опровергнуть настоящій порядокъ вещей въ Лифляндіи, ибо желать, вслѣдствіе желанія самого дворянства, чтобы повинности или обязанности крестьянскія, иначе вакенбухъ называемыя, законно опредѣлены были и чтобъ жребій крестьянъ угнетенныхъ, будучи смягченъ, соединенъ такъ сказать былъ ближе съ участью помѣщиковъ, отнюдь не могло означать мысли провозглашать вольность, которая, конечно, и въ созрѣвшихъ больше государствахъ можетъ имѣть неудобства. Мѣры сильныя, кои ваше сіятельство употребить въ нуждѣ полагаете, не могутъ, при благотворныхъ намѣреніяхъ Государя Императора, за благо быть приняты, иначе какъ когда необходимость оныхъ потребуетъ. Онѣ, во всякомъ правительствѣ, могутъ быть неизбѣжны или и полезны, но конечно всегда будутъ онѣ крайне прискорбны Его Императорскому Величеству, менѣе потому, что Россія, по малому населенію своему, дорожить людьми должна, какъ вслѣдствіе того, что и малѣйшее пролитіе крови не можетъ не быть отвратительно сердцу Его Величества. Но я слишкомъ распространился въ гаданіяхъ сихъ, увѣренъ будучи, согласно съ мыслями вашими М. Г. мой, *что ни до чего общаго или серьезнаго упомянутымъ указомъ доведено не будетъ* и

---

1) То есть *въ разрядъ*.

2) То есть *причины*.

что, если случатся каковые особенные или мѣстные безпорядки, то войдутъ они совершенно въ родъ тѣхъ, каковые всегда въ Россіи существовали и кои начальниками столь благоразумными и дѣятельными какъ ваше сіятельство не только пресѣчены, но и предотвращены быть могутъ. Въ увѣренности сей находясь, я бы желалъ столько же имѣть опную, что и ландтагъ лифляндскій не возобновитъ тѣхъ безпорядковъ, къ коимъ нерѣдко прежнія собранія сего ради были поводомъ".

Кажется, этого было достаточно; но князь Голицынъ, конечно по настоянію мѣстныхъ дворянъ настраивавшихъ его противъ Сиверса, продолжалъ писать въ томъ же духѣ, домогаясь отъ правительства какого нибудь отреченія, которое окончательно развязало бы руки дворянской оппозиціи. „Я не могу истолковать дворянству—увѣрялъ онъ графа Кочубея—чтобъ они принимали сіи пункты въ видѣ присланнаго имъ предложенія, о которомъ они разсуждать должны и, ежели сочтутъ полезнымъ, то принять, а въ противномъ случаѣ изъяснить неудобства онаго. Они почитаютъ пункты сіи, поелику оные присланы при именномъ указѣ данномъ Сиверсу, за точную волю Государя Императора".—Наконецъ таки притворная непонятливость дворянства и совершенно искренняя мнительность князя Голицына добились чего желали — оффиціальнаго заявленія, что Государь Императоръ ничего болѣе не сдѣлалъ какъ только возвратилъ съ своими примѣчаніями, для разсмотрѣнія на ландтагѣ, предложеніе самого дворянства (проэктъ 1796 года) и что постановленія ландтага будутъ разобраны въ Петербургѣ и тамъ утверждены, измѣнены или вовсе отвергнуты.

Вся эта переписка съ Петербургомъ, разумѣется, не оставалась тайною для дворянства и имѣла рѣшительное вліяніе на совѣщанія. На первыхъ порахъ личный авторитетъ Сиверса и Высочайшее одобреніе, которымъ сопровождались его предположенія, все-таки сильно дѣйствовали на большинство и склоняли его къ уступкамъ; но потомъ эти побужденія смѣнились другими, и дѣло приняло иное направленіе.

Переломъ этотъ изображенъ въ натянутой, риторической формѣ однимъ изъ членовъ собранія, Ф. Вейсомъ, въ мнѣніи,

поданномъ имъ противъ предложеній ландрата Сиверса. Онъ писалъ: „Какая разница между настроеніемъ собранія на ландтагѣ 1798 года и на нынѣшнемъ! Тогда мы собирались, мысленно предвкушая сладость того добра, которое мы намѣревались совершить по собственному нашему желанію, и предстоявшихъ намъ свободныхъ жертвъ для блага меньшей братіи; нынѣ же намъ предъявлено было 12 пунктовъ, которымъ придавалось значеніе предложеній, непосредственно исшедшихъ отъ самого Государя. Мы думали: желаніе возлюбленнаго Монарха должно быть для насъ священнымъ закономъ, но мудрено ли, что умы встревожились, когда, всмотрѣвшись въ эти предложенія, мы увидали, что большая ихъ часть клонилась къ пожертвованію принадлежавшими намъ доселѣ правами и нашимъ состояніемъ, наслѣдственнымъ или благопріобрѣтеннымъ? Прежнее единодушное общество людей, собравшихся для задуманнаго ими добраго дѣла, распалось; возникли партіи, противоположность мнѣній разлучила брата съ братомъ, сына съ отцомъ; порвались дружескія связи, и зала, въ которой прежде происходили дружескія сходки людей, связанныхъ единствомъ цѣли, превратилась въ поприще нестройныхъ столкновеній. Страсти перекричали холодный разсудокъ. Отцы ломали себѣ руки въ мучительномъ сомнѣніи: могутъ ли они отказаться за своихъ дѣтей отъ правъ, не ими самими пріобрѣтенныхъ, а унаслѣдованныхъ отъ предковъ вмѣстѣ съ ихъ собственностью? Люди, дорожащіе превыше всего своею честью, для которыхъ безупречное имя драгоцѣннѣе всякаго земнаго достоянія, но которыхъ имѣнія обременены тяжелыми долгами, содрагались при мысли о невѣрности будущаго и о предстоявшемъ сокращеніи доходовъ; ихъ пугала потеря возможности удовлетворить своихъ кредиторовъ, и въ будущемъ они видѣли самихъ себя и дѣтей своихъ съ нищенскимъ посохомъ въ рукѣ. Даже богачи, до того съ спокойною улыбкою любовавшіеся своими накопленными сокровищами и какъ нѣкіе дубы смѣло выжидавшіе встрѣчи съ грозившею бурею, и тѣ дрогнули при мысли о сокращеніи своихъ доходовъ. Люди скромные, стараніемъ и честнымъ трудомъ устроившіе себѣ приличный домашній обиходъ, видѣли себя напередъ отданными въ жертву крайней нуждѣ. Одни эгоисты радовались

всеобщему разстройству, часто только потому, что имъ нечего было терять и что открывалась надежда увидать когда нибудь и другихъ въ такомъ же положеніи. Вотъ вѣрная (!?) картина ландтага при его открытіи, и подъ этими впечатлѣніями происходили совѣщанія въ продолженіе нѣсколькихъ дней, до тѣхъ поръ, пока письмо нашего возлюбленнаго Монарха къ генералъ-губернатору не измѣнило настроенія нашего. Подобно солнцу послѣ ужасной бури, угрожавшей истребить всѣ посѣвы, проливающему надежду и спокойствіе въ встревоженныя души, возсіялъ образъ любвеобильнаго отца Александра передъ его дѣтьми. Онъ не требуетъ отъ насъ принесенія въ жертву прародительскихъ нашихъ правъ, ни вынужденнаго отреченія отъ нашей собственности; онъ является только великодушнымъ посредникомъ между нами и другимъ сословіемъ, которое онъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ къ тому поводовъ, представлялъ себѣ болѣе несчастнымъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ и т. д."—Попросту это значило: казалось въ первую минуту, что давнишнія желанія правительства на сей разъ облеклись въ опредѣленную форму, и тогда, конечно, пришлось бы отвѣтить на нихъ дѣломъ; но потомъ уяснилось, что само правительство не крѣпко стояло за свои намѣренія, и потому воскресла надежда отдѣлаться одними словами.

Одинъ изъ членовъ собранія, ф. Циммерманъ, предъявилъ противъ ландрата Сиверса формальное обвиненіе: онъ де самопроизвольно, въ противность учрежденію и уставу, безъ совѣщанія съ дворянскимъ конвентомъ, испросилъ чрезвычайнаго ландтага; онъ же употребилъ во зло вниманіе Монарха ко всѣмъ желаніямъ его вѣрноподданныхъ, увѣривъ Государя, будто бы въ предложеніяхъ (пунктахъ) имъ однимъ, Сиверсомъ, составленныхъ и долго содержавшихся отъ насъ въ тайнѣ, заключалось выраженіе намѣреній всего дворянства; этими пріемами побудилъ онъ правительство прислать намъ ихъ на разсмотрѣніе. Но теперь все это раскрылось, и потому, пользуясь сдѣланнымъ намъ указаніемъ, я предлагаю довести до свѣдѣнія правительства, что ландтагъ созванъ не по желанію представителей дворянства, и отвергнуть присланные намъ пункты всѣ безъ изъятія, какъ противные нашимъ намѣреніямъ, какъ нарушающіе право собственности, какъ под-

рывающіе цѣнность имѣній, на коей основывается земскій кредитъ, и какъ ведущіе къ опаснымъ волненіямъ.

Избавляя читателей отъ перечня всѣхъ доводовъ, приведенныхъ партіею крѣпостниковъ противъ мысли о расширеніи личныхъ правъ крестьянъ и объ организаціи для нихъ судовъ, я ограничусь изложеніемъ сущности преній о хозяйственной сторонѣ вопроса.

Многіе доказывали, что не представлялось никакой надобности предпринимать новое регулированіе повинностей. Размѣръ ихъ недавно опредѣленъ былъ такъ называемыми регулативами (вѣдомостями, составленными и поданными самими помѣщиками и никѣмъ критически не повѣренными). На основаніи ихъ сдавались имѣнія въ аренду, и измѣненіе ихъ нарушило бы всѣ обязательства.

Почти всѣ возставали даже противъ приведенія въ точную извѣстность вспомогательной барщины, доказывая, что она, по своей случайности и по крайнему своему разнообразію, не поддавалась никакому исчисленію.

Но съ особеннымъ негодованіемъ и ужасомъ встрѣчены были два изъ предложеній ландрата Сиверса, одно: о безусловномъ запрещеніи помѣщикамъ, по хозяйственнымъ своимъ соображеніямъ, сгонять крестьянъ съ дворовъ и отбирать у нихъ земли въ свое распоряженіе, и другое: о приведеніи вспомогательной барщины въ точную соразмѣрность съ стоимостью крестьянскихъ покосовъ по шведской таксаціи. Первое изъ этихъ предложеній Сиверсъ, отличный знатокъ лифляндской юридической старины, долго и твердо отстаивалъ на словахъ и на письмѣ, не какъ новизну и не какъ милость, а какъ исконное право крестьянъ, нарушенное на практикѣ въ противность неотмѣненнымъ законамъ. На выведенныя имъ неопровержимыя справки ему отвѣчали, что такихъ законовъ *не могло быть*, потому что крестьяне считались рабами.

Пренія по второму предложенію поучительны и заслуживаютъ вниманія для переду въ томъ отношеніи, что тутъ, въ своемъ кругу, защитники помѣщичьихъ интересовъ раскрыли нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ прежде и послѣ въ Петербургѣ всегда умалчивалось, которыя даже отвергались, какъ злонамѣренныя выдумки.

Заявлено было, между прочимъ, что включеніе въ оцѣнку покосовъ должно было произвести крайне неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ, издавна привыкшихъ пользоваться ими на одинаковомъ основаніи съ своими усадьбами, съ выгономъ и съ отпускомъ дровъ на топливо, *то есть даромъ*.

Далѣе, противниками всякаго кореннаго преобразованія въ крестьянскомъ Положеніи высказано было признаніе того факта, что, вслѣдствіе отсутствія надежнаго контроля надъ помѣщиками, правила, въ послѣднее время издававшіяся для огражденія крестьянъ отъ ихъ произвола, оставались мертвою буквою. Ту же мысль, какъ мы видѣли, выражалъ и графъ Я. Е. Сиверсъ.

Наконецъ, выяснилось до очевидности, что стоимость вспомогательной барщины, въ послѣднее время значительно увеличенной, далеко превышала стоимость крестьянскихъ покосовъ, слѣдовательно не имѣла экономически разумнаго и правомѣрнаго основанія, и поэтому предложеніе ландрата Сиверса вело неизбѣжно къ пониженію крестьянскихъ повинностей [1]), чего онъ впрочемъ никогда и не скрывалъ. Онъ говорилъ дворянству: „Крестьяне болѣе всего обременены именно вспомогательною барщиною, далеко свыше справедливости и въ противность кореннымъ началамъ шведской системы, слѣдовательно незаконно; отъ благоразумія, великодушія и безкорыстія дворянства правительство ожидаетъ теперь добровольной жертвы, которой оно могло бы требовать въ силу права крестьянъ". — А ему отвѣчали: мы дѣйствительно великодушны, безкорыстны и готовы на всякія пожертвованія, лишь бы они намъ ничего не стоили, и съ тѣмъ, чтобъ мы ничего не теряли.

---

[1]) Вотъ, между прочимъ, подлинныя слова ф. Лингарда: „Не полагавшіеся до сихъ поръ въ цѣну крестьянскіе покосы и огороды въ большей части помѣстій такъ ничтожны, что если даже обложить ихъ по ихъ стоимости, все-таки нечѣмъ будетъ покрыть самыя необходимыя вспомогательныя работы. Чтобъ какъ нибудь спасти ихъ, помѣщики рѣшаются уже отказаться отъ оброка хлѣбомъ, и убѣжденіе въ неизбѣжности этой потери такъ распространено, что въ собраніи помѣщиковъ, составлявшихъ правила для предполагаемаго поземельнаго ссуднаго банка, рѣшено было, при оцѣнкѣ имѣній по доходамъ, вовсе не принимать въ разсчетъ этого оброка".

Примиреніе было очевидно невозможно; спорные вопросы рѣшались большинствомъ, часто очень незначительнымъ, но самые важные изъ нихъ все-таки прошли въ первомъ періодѣ занятій ландтага въ то время, когда вліяніе Сиверса было еще въ полной силѣ и когда большинство дворянъ считало почти неизбѣжнымъ подчиниться его предложеніямъ.

Выработанный при этихъ обстоятельствахъ проэктъ Положенія о крестьянахъ былъ все-таки лучше прежнихъ.

Въ главѣ о личномъ состояніи крестьянъ упразднялось окончательно право дарить, продавать и закладывать ихъ безъ земли; сохранялось только право переводить ихъ въ предѣлахъ уѣзда изъ одного имѣнія въ другое, принадлежащее тому же владѣльцу; но на безусловную отмѣну юридическаго термина Erbmensch, чего усиленно домогался Сиверсъ, дворянство не рѣшилось. Послѣ долгихъ преній, оно согласилось только замѣнить его другимъ: Erbbauer. Этою непереводимою тонкостью дворянство, какъ значилось въ пояснительной запискѣ, дорожило потому, что простая отмѣна перваго термина могла бы породить въ умахъ крестьянъ мечту (den Wahn), будто бы они могутъ отказаться отъ званія пахарей, и тогда опустѣли бы деревни; второй же терминъ нравился тѣмъ, что напоминалъ крестьянамъ о крѣпостной принадлежности ихъ землѣ (ihre Leibeigenschaft am Boden).

Противъ предложеній Сиверса, сохранена была выдача письменныхъ разрѣшеній отъ помѣщика, какъ непремѣнное условіе для совершенія брака между крѣпостными людьми, при чемъ, однако, запрещено было помѣщику отказывать въ разрѣшеніи, безъ законныхъ на то причинъ, и требовать выводныхъ денегъ при выходѣ крѣпостной дѣвки за вольнаго человѣка.

Также противъ мнѣнія Сиверса, помѣщикъ сохранилъ право окончательнаго назначенія рекрутовъ изъ представляемыхъ ему старостою крестьянъ. Исправные крестьяне-хозяева были вовсе освобождены отъ военной повинности.

Право удаленія изъ имѣній порочныхъ крестьянъ оставлено было помѣщику, но подъ условіемъ предварительнаго составленія о томъ приговора крестьянскимъ вотчиннымъ судомъ.

Въ главѣ о собственности крестьянъ, за ними признано было право распоряжаться свободно своею движимостью, буде она получена не отъ помѣщика и буде за ними не состояло долговъ. Такъ называемый желѣзный инвентарь (полевыя орудія), если онъ заведенъ былъ помѣщикомъ, долженъ былъ оставаться принадлежностью двора. При этомъ, каждый хозяинъ обязывался содержать опредѣленное, по размѣру двора, число лошадей, рабочаго скота и количество сѣмянъ, но все это считалось его собственностью, переходило послѣ его смерти къ его наслѣдникамъ, а въ случаѣ оставленія имъ двора, выводилось имъ съ собою, буде на немъ не лежало долговъ. Здѣсь, какъ видно, ясно различались два инвентаря, одинъ: составлявшій неотъемлемую принадлежность двора— собственно земледѣльческія орудія, и другой, составлявшій частную собственность хозяина. Впослѣдствіи, оба, къ ущербу крестьянъ, слились въ одинъ.

Несмотря на всѣ усилія Сиверса, за помѣщикомъ оставлено было право отбирать у крестьянъ отведенную имъ землю въ свое распоряженіе, въ трехъ случаяхъ: 1) буде помѣщикъ пожелаетъ заложить новую экономію или прирѣзать крестьянскую землю къ господской для расширенія своего посѣва до высшаго размѣра, опредѣленнаго пропорціонально величинѣ крестьянскихъ надѣловъ, и буде не представится возможности достигнуть этой цѣли безъ упраздненія крестьянскаго двора; 2) буде доказано будетъ, что хозяинъ накопилъ на себѣ долгу не менѣе, какъ вдвое противъ оцѣнки его земли; 3) буде крестьянскій судъ признаетъ хозяина неспособнымъ, по нерадѣнію или распутству, вести исправно свое хозяйство. Въ первомъ случаѣ, на упраздненіе двора требовалось разрѣшеніе дворянскаго конвента и хозяину назначалось, сверхъ денежнаго вознагражденія (въ опредѣленномъ размѣрѣ, по величинѣ двора, отъ 15-ти до 60-ти рублей) еще особое вознагражденіе за издержки на постройку двора, за разведеніе огорода, посѣянный хлѣбъ и т. д., въ размѣрѣ, опредѣленномъ экспертами, назначенными дворянскимъ конвентомъ. Ландратъ Сиверсъ предрекалъ, что на практикѣ это вознагражденіе всегда будетъ крайне скудно и, должно сказать, что опасенія его вполнѣ оправдывались аргументаціею его

противниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ доказывали, что можно бы даже считать каждаго хозяина, сгоняемаго съ двора, достаточно вознагражденнымъ тѣми доходами, которые онъ прежде получалъ съ него.

Относительно женатыхъ батраковъ предполагалось поручить особымъ коммиссіямъ, установить въ каждомъ имѣніи размѣръ содержанія, на которое они имѣли право отъ хозяина, отводомъ ли участковъ земли или отпускомъ въ натурѣ (Deputat). Сиверсъ, какъ мы видѣли, настаивалъ на непремѣнномъ узаконеніи перваго вида вознагражденія.

Въ главѣ о повинностяхъ высказано было какъ общее правило, что всѣ безъ изъятія крестьянскія повинности, издѣльныя и оброчныя, ординарныя и вспомогательныя, не должны превышать стоимости *всѣхъ* отведенныхъ крестьянину земель и что какъ повинности, такъ и надѣлъ, (въ томъ числѣ крестьянскіе огороды и *покосы)* должны быть оцѣниваемы, для приведенія ихъ въ соразмѣрность съ вспомогательною барщиною, *по шведской таксаціонной методѣ* [1]). Въ этомъ правилѣ заключалась главная, одержанная Сиверсомъ побѣда.

Относительный размѣръ разнаго рода повинностей опредѣлялся на основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) за полевую землю и бушландъ крестьяне облагались: a) такъ называемою ординарною барщиною, которая равномѣрно раскладывалась опредѣленнымъ числомъ дней конныхъ и пѣшихъ, частью на всѣ недѣли года, частью исключительно на недѣли лѣтняго полугодія (отъ 23 апрѣля до 29 сентября) и b) натуральнымъ оброкомъ (хлѣбомъ, разнаго рода произведеніями и крестьянскими издѣліями). 2) За огороды и покосы полагались вспомогательные дни, въ размѣрѣ не выше существовавшаго, притомъ, исключительно на производство работъ, для которыхъ эта помощь была признана необходимою ландтагомъ 1798 года и шведскими ревизіонными вакенбухами.

Но за этимъ слѣдовалъ рядъ изъятій допущенныхъ съ тою цѣлью, чтобъ дать возможность помѣщикамъ избѣгнуть значительнаго сокращенія вспомогательной барщины, которою они особенно дорожили. На случай, еслибъ она не покры-

[1]) Для переду. просимъ читателей обратить вниманіе на послѣднія слова.

лась оцѣнкою огородовъ и покосовъ, дозволялось, во первыхъ, обращать въ рабочіе дни, по шведской таксѣ, часть натуральнаго оброка и даже весь оброкъ; во вторыхъ, дозволялось помѣщику перемѣрить крестьянскіе надѣлы и, если бы въ нихъ оказались лишки полевой земли и бушланда, состоящіе во владѣніи крестьянъ, но не обложенные повинностью, то зачитывать за нихъ вспомогательные дни; наконецъ, дозволялось помѣщикамъ прирѣзывать къ крестьянскимъ надѣламъ новые покосы, сверхъ нормальнаго количества по принятой пропорціи ($^1/_3$ покосовъ на $^2/_3$ пашни). Понятно, что этимъ значительно ослаблялась сила общаго правила.

Нѣкоторые виды издѣльной повинности, особенно для крестьянъ обременительные, были регулированы, напримѣръ: работы на винокуренныхъ заводахъ и поставка дальнихъ подводъ. Запрещено было наряжать послѣднія во время посѣва, жнитва и въ распутицу.

Изложенныя правила примѣнялись какъ къ обмежеваннымъ, такъ и къ немежеваннымъ дачамъ. Въ обоихъ случаяхъ, за основаніе всѣхъ разсчетовъ принималось число гаковъ или долей гака, значившихся въ крестьянскомъ надѣлѣ, но и здѣсь допущено было важное отступленіе. Владѣлецъ необмежеванной дачи могъ заявить, что крестьяне его владѣли въ натурѣ бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ какое за ними числилось и оттого отбывали болѣе повинностей, чѣмъ сколько положено было вакенбухомъ. Такое заявленіе принималось, даже хотя бы основательность его оспаривалась крестьянами и, въ такомъ случаѣ, помѣщику, если онъ не хотѣлъ сложить съ крестьянъ лишка повинностей, предоставлялось доказать основательность своего заявленія производствомъ измѣренія и таксаціи. На этотъ выборъ давался ему цѣлый годъ; затѣмъ, на приступъ къ измѣренію—шесть лѣтъ, а на окончаніе его — двѣнадцать лѣтъ. Если бы, по приведеніи въ точную извѣстность количества и качества крестьянскихъ надѣловъ, оказалось, что помѣщикъ бралъ съ крестьянъ лишнія повинности, то онъ обязывался вознаградить ихъ за все перебранное съ истеченія годоваго срока, даннаго ему на размышленіе. Вознагражденіе производилось уменьшеніемъ хлѣбнаго оброка, или скидкою долговъ по ссу-

дамъ на уплату подушныхъ податей, или взносомъ за крестьянъ этихъ податей.

Цѣнность крестьянскаго гака возвышена была отъ 60-ти до 80-ти талеровъ, такъ какъ принято было полагать вообще по 20 талеровъ огородовъ и покосовъ на 60 талеровъ пашни и залежей.

Шведская таксаціонная система ограничивалась, какъ мы видѣли, соразмѣреніемъ повинностей съ надѣломъ, не принимая въ соображеніе наличныхъ рабочихъ силъ; оттого случалось часто, что помѣщики прирѣзывали къ крестьянскимъ дворамъ ненужныя имъ земли и этимъ способомъ поднимали повинности до размѣра положительно непосильнаго хозяевамъ, по числу работниковъ, которыми они располагали. Для восполненія этого пробѣла установленъ былъ minimum рабочихъ душъ, пропорціональный величинѣ подворнаго надѣла. Въ тѣхъ же видахъ, общимъ правиломъ запрещено было наряжать на барщину съ двора болѣе половины всѣхъ наличныхъ въ немъ работниковъ, не распространяя однако этого правила на жнитво, которое исправлялось сгономъ.

Опредѣленъ былъ maximum господскаго высѣва на каждаго недѣльнаго работника коннаго и пѣшаго.

Въ противность кореннымъ основаніямъ проэкта и въ видахъ усиленія барщины, разрѣшено было помѣщику наряжать на даровую работу бобылей (Lostreiber), не получившихъ никакого надѣла, мущинъ—по одному дню въ недѣлю круглый годъ, а женщинъ—по одному дню въ лѣтнее полугодіе, или отпускать ихъ на оброкъ, котораго размѣръ опредѣлялся помѣщикомъ.

Назначена была такса, по которой зачитывались крестьянамъ рабочіе дни, отбываемые ими по требованію помѣщика, сверхъ всѣхъ поземельныхъ повинностей, на отработку авансовъ, дѣлаемыхъ имъ изъ вотчинной конторы на уплату подушныхъ податей.

За отпускъ строеваго лѣса и дровъ изъ господской дачи положено было требовать съ крестьянъ вознагражденія. До тѣхъ поръ этотъ отпускъ производился имъ даромъ и считался какъ бы принадлежностью надѣла.

Примѣненіе всѣхъ изложенныхъ правилъ къ каждому имѣ-

нію (составленіе регулативовъ) возлагалось по проэкту на особыя коммиссіи (по двѣ на уѣздъ). Онѣ должны были повѣрять на мѣстахъ заготовленные самими помѣщиками проэкты регулативовъ, которые затѣмъ окончательно утверждались конвентомъ. Такимъ образомъ, исполнительная часть сосредоточивалась исключительно въ рукахъ дворянства; членовъ коммиссій предполагалось избирать на уѣздныхъ дворянскихъ конвентахъ и ни крестьяне, ни правительство, въ противность мнѣнію Сиверса, не должны были имѣть голоса въ этомъ дѣлѣ.

Въ главѣ о подсудности крестьянъ сохранена была вотчинная надъ ними расправа, за исключеніемъ однако розогъ изъ числа дозволенныхъ наказаній; за то плети (Peitsche) были оставлены.

Для разбирательства дѣлъ между крестьянами и мелочныхъ дѣлъ по упущеніямъ въ отбываніи повинностей, учреждались вотчинные крестьянскіе суды. Помѣщику, или его повѣренному, предоставлялось назначеніе судей изъ двойнаго числа избранныхъ крестьянами кандидатовъ и утвержденіе всѣхъ приговоровъ, впрочемъ безъ права увеличивать мѣру наказанія.

Разбирательство дѣлъ по спорамъ и жалобамъ между помѣщиками и крестьянами, въ первой инстанціи, поручалось ордунгсъ-герихту, съ допущеніемъ въ составъ его двухъ засѣдателей отъ крестьянъ, избиравшихся на сходкахъ всѣхъ крестьянскихъ судей прихода. Ордунгсъ-герихтъ, по дѣламъ крестьянъ между собою, составлялъ вторую инстанцію.

Высшую инстанцію по дѣламъ обоего рода составлялъ резидующій ландратъ, при участіи вызванныхъ имъ изъ уѣзда двухъ дворянскихъ депутатовъ.

Право жалобы на помѣщика, предоставленное крестьянамъ ограничено было слѣдующими условіями: крестьянинъ обязанъ былъ, прежде всего, безпрекословно исполнить требованіе помѣщика, въ чемъ бы оно ни состояло, и затѣмъ ему же предъявить свою жалобу; письменныя жалобы отъ крестьянъ не принимались и имъ запрещалось обращаться къ повѣреннымъ; апелляція на рѣшеніе ордунгсъ-герихта не останавливала исполненія; для подачи жалобы могло явиться

въ судъ не болѣе двухъ крестьянъ и, буде дѣло касалось цѣлаго общества, не болѣе четырехъ выборныхъ; за нарушеніе этого правила полагалось строгое наказаніе; за предъявленіе жалобы оказавшейся неосновательною, виновный крестьянинъ, въ первый и во второй разъ, наказывался розгами, а въ третій разъ присуждался на годъ къ крѣпостнымъ работамъ. Замѣчательно, что въ случаяхъ дознанной жестокости въ обращеніи съ крестьянами помѣщичьяго нарядчика или управляющаго, послѣдніе наказывались, а помѣщикъ устранялся отъ всякой отвѣтственности, какъ личной такъ и по имуществу, если злоупотребленія происходили не по его приказу.

Изложенный проэктъ сопровождался ходатайствами отъ лица дворянства о разрѣшеніи найма рекрутовъ на сторонѣ, о воспрещеніи помѣщикамъ сосѣднихъ губерній требовать выводныхъ денегъ за дѣвокъ выходившихъ замужъ въ Лифляндію, о распространеніи проэктированныхъ правилъ о крестьянскихъ повинностяхъ на имѣнія казенныя, церковныя и общественныя и объ отмѣнѣ всѣхъ прежнихъ вакенбуховъ и регулативовъ.

Одновременно съ проэктомъ, переслано было въ Петербургъ мнѣніе лифляндскаго губернатора Рихтера. Онъ находилъ вообще, что дворянство зашло слишкомъ далеко въ расширеніи личныхъ правъ крестьянъ. Почему бы, напримѣръ, не дозволить продавать ихъ съ ихъ согласія? Или: удобно ли допускать невозбранно браки между крестьянами въ виду того, что иная дѣвка вздумаетъ, пожалуй, выдти замужъ не въ урочное время (осенью), не выслуживъ у помѣщика или у хозяина годоваго срока, и тогда „не токмо въ разсужденіи ея жалованья и годоваго платья, но также и въ хозяйствѣ, при которомъ она состоитъ на службѣ, могло бы произойти замѣшательство". — Увольненіе всѣхъ крестьянъ-хозяевъ отъ военной повинности, онъ одобрялъ безусловно, даже предлагалъ распространить эту привилегію на ихъ сыновей-наслѣдниковъ и для этого развить торговлю рекрутами и квитанціями.

По вопросу о повинностяхъ, губернаторъ отрицалъ возможность утвержденія законодательнымъ порядкомъ какихъ либо общихъ правилъ до предварительнаго испытанія ихъ

удобопримѣнимости къ каждому имѣнію и потому предлагалъ поручить уѣзднымъ коммиссіямъ произвести окончательное регулированіе на мѣстахъ, по своему усмотрѣнію, по соображенію обстоятельствъ и не стѣсняясь общими правилами, даже дозволить, съ разрѣшенія дворянскаго конвента, облагать крестьянъ повинностями свыше размѣра опредѣленнаго въ дворянскомъ проэктѣ, буде помѣщикъ объявитъ, что безъ того онъ не въ состояніи продолжать свое хозяйство. Это было вѣрнѣйшее средство отсрочить на безконечное время всякое улучшеніе въ быту крестьянъ и оставить все на старомъ положеніи. Изъ какихъ побужденій исходили предположенія губернатора очевидно само по себѣ; но чѣмъ одностороннѣе онъ смотрѣлъ на дѣло, тѣмъ поучительнѣе для насъ встрѣчающіяся въ его мнѣніи указанія на затаенные виды помѣщиковъ ему, какъ преданному слугѣ дворянства, конечно, хорошо извѣстные. Оказывается изъ его словъ, что принятіе въ оцѣнку и обложеніе повинностью покосовъ было до такой степени противно всѣмъ укоренившимся понятіямъ и обычаямъ, что помѣщики помышляли объ этой операціи не безъ сильнаго страха. Передавая ихъ слова, губернаторъ писалъ: „Говорятъ, что крестьянину не должно сказывать по какому разсчету исчисленіе сіе сдѣлается; но еслибъ сіе политически и позволено было, то здѣсь однако оно не возможно, потому что въ Лифляндіи дворянинъ не можетъ имѣть каковой либо отъ крестьянъ своихъ, въ разсужденіи сельскаго своего хозяйства и относительно ихъ самихъ, тайны. Говорятъ также: должно де употребить способъ дабы сохранить себѣ продолженіе прежней отъ нихъ помощи (вспомогательной барщины), но однако не должно употреблять такого способа, который будетъ *въ противность шведской ревизіонной инструкціи* и который крестьянина, въ его состояніи, по справедливости обеспокоиваетъ“.

Предположенное судоустройство и порядокъ процедуры также не нравились губернатору. Онъ находилъ, что имѣть всегда въ готовности въ орднунгсъ-герихтѣ засѣдателей, избранныхъ отъ крестьянъ, „значило бы то же, что побуждать крестьянъ къ жалобамъ на помѣщиковъ“. Лучше бы приступать къ выборамъ всякій разъ по подачѣ жалобы. Крестьяне,

писалъ губернаторъ, и такъ волнуются; несбыточныя надежды бродятъ въ ихъ умахъ, и надобно бы, прежде всего, осадить ихъ. Лучшимъ къ тому средствомъ послужило бы немедленное изданіе Высочайшаго манифеста, въ которомъ Государь Императоръ рѣшительно бы опровергъ, какъ ложный слухъ, будто бы онъ рекомендовалъ дворянству всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ отпустить на волю, „поелику сіе послужило бы во вредъ государству, помѣщикамъ и самимъ крестьянамъ-хозяевамъ. Слѣдовало бы также огласить, что Государь ввѣряетъ все дѣло регулированія повинностей мѣстнымъ коммиссіямъ, чтобы дотолѣ они не осмѣливались отказывать помѣщикамъ своимъ въ исправленіи *какой либо* работы, помощи или повинности, которыя они *исправляли* до сего времени“. Стало быть: въ сущности, начать съ упраздненія всѣхъ вакенбуховъ и регулативовъ, имѣвшихъ, по закону если не на практикѣ, строго обязательную силу.

Эта мысль такъ полюбилась губернатору, что онъ даже сочинилъ проэктъ прокламаціи отъ Высочайшаго имени въ этомъ смыслѣ. Въ письмѣ, при которомъ онъ препровождалъ свои заключенія къ графу Кочубею, онъ писалъ между прочимъ:

„Il sera sans doute parvenu, Monsieur le Comte, à votre connaissance, que cette assemblée a été très orageuse et qu'elle a fini avec de grandes animosités. Nous avons eu comme ailleurs des têtes exaltées, des enragés et des modérés. On s'est beaucoup emporté contre M-r le conseiller provincial de Sivers parcequ'il a provoqué cette matière épineuse et anticipé la convocation de la diète sans le consentement de la noblesse qui le crut ainsi agir en dictateur.....

„En cas qu'il plairait à Sa Majesté Impériale d'ordonner le procédé que je propose, il en résulterait aussi l'avantage que tous les partis jusqu'ici divisés seraient contentés et que l'affaire, mise ainsi en exécution, ne trouverait plus de contradiction. Quant à la proclamation au nom de Sa Majesté l'Empereur, elle me paraît d'une nécessité absolue pour maintenir le repos et prévenir des malheurs, car les attentes des paysans sont au plus haut degré. Si la proclamation, telle que j'ai pris la liberté de la proposer, ne donne pas de grandes espérances aux paysans, elle aura pourtant l'avantage qu'ils n'auront

pas de si grandes prétentions et que, se trouvant à la fin plus soulagés qu'ils n'ont imaginé, ils seront plus contents et tranquilles. Du reste, Monsieur le Comte, je vous prie d'être persuadé que je ne suis ni intéressé, ni partial dans cette affaire, l'économie de mes terres étant de tout temps tellement réglée, que mes paysans sont contents et que tels principes, que les diètes aient voulu établir jusqu' à présent, ils ont été toujours plus à mon avantage qu' à l'avantage de mes paysans, mais jamais je n'en profiterai et j'espère aussi que les propriétaires, qui sont dans le même cas, seront de mon avis" [1])

Съ закрытіемъ ландтага, агитація не улеглась, а только перешла изъ Риги въ Петербургъ и приняла видъ политической сплетни. Высшее правительсто было, въ буквальномъ смыслѣ слова, закидано предположеніями, совѣтами, ядовитыми инсинуаціями и доносами.

Генералъ Штрандманъ поднесъ Государю проэктъ, сводившійся къ увѣковѣченію крѣпостныхъ отношеній въ видахъ упроченія самодержавной власти. Липгардтъ и другіе помѣщики, даже изъ числа подписавшихъ проэктъ, умоляли министра внутреннихъ дѣлъ отвергнуть его и отнюдь не принимать его за выраженіе намѣреній и видовъ дворянства. Мы были обмануты ландратомъ Сиверсомъ, писали они, и только потому изъявили готовность ограничить вспомогательныя повинности, уравнявъ ихъ съ цѣнностью покосовъ, что приняли его предложенія за желанія правительства; но потомъ мы вразумились и теперь горько сожалѣемъ, что слишкомъ легко подались на уступки. Крѣпостники разныхъ оттѣнковъ испрашивали отсрочки до будущаго ландтага, чтобъ имѣть время зрѣло обдумать дѣло—они, вѣроятно, забывали, что съ 1796 года проэктъ, выработанный дворянствомъ, обсуждался и передѣлывался на ландтагахъ четыре раза и что, по собственнымъ ихъ словамъ, крестьяне теряли терпѣніе.

Ландратская коллегія подала единогласный протестъ противъ всякой отсрочки, но противники ея отправили отъ себя,

---

1) Три года спустя, когда венденская коммиссія приступила къ составленію вакенбуха въ имѣніи г. Рихтера, оказалось, что повинности крестьянъ превышали норму; пришлось сокращать ихъ, и г. Рихтеръ принялъ живое участіе въ агитаціяхъ уѣзднаго дворянства противъ коммиссіи.

въ качествѣ ходатая, ф. Фитингофа, который писалъ графу Кочубею:

„D'après ce dont Votre Excellence m'a fait l'honneur, hier soir, de me faire part au sujet de notre dernière diète, elle permettra que je lui remette ci-joint un mémoire que Votre Excellence voudra bien porter à la connaissance de Sa Majesté l'Empereur. Etant chargé par plusieurs membres respectables du corps de la noblesse de Livonie de faire les représentations nécessaires au sujet des délibérations tenues pendant notre dernière diète, et de solliciter très humblement Sa Majesté l'Empereur d'accorder à la noblesse un terme à une diète prochaine pour concilier au local [1]) des terres en Livonie les résolutions prises, mais surtout pour pouvoir établir avec justesse les normes tant pour les travaux que pour les redevances des paysans. Il était impossible que nous eussions pu fixer pendant cette dernière diète les normes qui doivent nécessairement se régler d'après le local et la population de chaque terre [2]), et je supplie Votre Excellence, au nom de tous les propriétaires bien intentionnés à soulager réellement le sort du cultivateur Livonien, de soumettre à la décision de Sa Majesté Impériale le mémoire de M. de Liphardt que j'ai l'honneur de joindre ci-près ainsi que le mien.

„Un discours de m. le conseiller de province de Sivers fera apercevoir à Votre Excellence les justes inquiétudes que tout le corps de la noblesse doit éprouver, étant lésé dans les droits de possession des terres appartenant de tout temps au corps entier de la dite noblesse [3]).

„En cas que toutes nos représentations que j'ai l'honneur de joindre ne seraient pas conformes aux ordres que Sa Majesté l'Empereur a bien voulu donner relativement aux délibérations de notre diète, j'ose très humblement supplier Votre Excellence d'en faire la représentation à Sa Majesté avant l'expédition des ordres à la régence de Riga. La noblesse de

[1]) Это значитъ вѣроятно: sur les lieux.

[2]) Какъ будто бы онъ не зналъ, что не дѣло ландтага было примѣнять и приспособлять норму повинностей къ каждому имѣнію.

[3]) Дѣло шло объ одномъ имѣніи, которое ландратская коллегія считала своею, а не сословною собственностью дворянства.

Livonie, m'ayant choisi l'interprète des sentiments respectueux qu'elle porte à Votre Excellence, se flatte en même temps d'obtenir une résolution compatible avec les intérêts des propriétaires de la province. — Подписался B. de Vietinghoff, **délégué de la noblesse de Livonie**" [1]).

Упомянутыя приложенія были пересыпаны доносами на Сиверса, который выставлялся предателемъ дворянства и опаснымъ интриганомъ. Доставалось и ландратской коллегіи in corpore. Въ запискѣ ф. Фитингофа значилось между прочимъ: „Les désirs réitérés d'une grande partie de la noblesse pendant trois diètes consécutives touchant la réforme de notre **constitution vicieuse** et de l'obstination du collège des conseillers de province à ne jamais vouloir accepter la constitution des gouvernements de Russie amenèrent à cette dernière diète des discussions très vives sur ce sujet, malgré que la pluspart des gens raisonnables se trouvent **pleinement convaincus des désavantages de la constitution actuelle, surtout par les défauts de la police intérieure du pays**"....

Вотъ что писали Лифляндцы того времени, а мы, склоняя слишкомъ довѣрчивый слухъ къ ихъ толкамъ о разореніи помѣщиковъ, въ то же время оставляли безъ вниманія ихъ ходатайства о введеніи въ Лифляндіи административной реформы, которая окончательно объединила бы тотъ край съ Россіею и предупредила бы возникновеніе той провинціальной политической оппозиціи, съ которою мы теперь не умѣемъ сладить!

И графъ Я. Е. Сиверсъ вторично писалъ въ томъ же смыслѣ графу Кочубею:

„Je ne sais si mon beau-fils le lieutenant général de Ganzel eut l'honneur d'être connu de Votre Excellence lorsqu'il était gouverneur de Finlande, servant aussi dans l'armée les deux premières campagnes sous le comte Moussine-Pouchkine. Depuis sa retraite, il a pris part comme propriétaire aux affai res de la Livonie et assista aussi à la dernière assemblée. De sa terre aux environs de Dorpat, il m'écrit qu'il part pour

---

[1]) Никогда все сословіе, in corpore, не избирало его своимъ делегатомъ.

Pétersbourg pour y voir ses deux fils au corps de cadets d'artillerie et d'autres affaires particulières.

„Le zèle, qui m'anime pour le bien public et en particulier celui de ma pauvre patrie, me servira d'apologie auprès de Votre Excellence, si j'ose encore lui dire que si elle désire entendre un homme impartial, qui fut honoré de la confiance de Catherine II et qui n'est ni aristocrate, ni démocrate, ni jacobin, qu'elle daigne lui faire témoigner qu'elle désire le voir. Elle entendra avec indignation, comment on en a agi à cette assemblée de la noblesse pour la traîner en longueur, faisant partir les membres moins aisés; comment les deux partis, aristocrates et démocrates [1], si opposés dans leurs principes, se sont réunis pour dérouter l'opinion publique sur les articles proposés et pour faire échouer le voeu du plus grand nombre des gens de bien et des vrais patriotes de demander à Sa Majesté l'Empreur la réintégration de la régie des gouvernements de feu l'Impératrice avec certaines modifications. En un mot, Votre Excellence apprendra des détails sur les malheurs de la Livonie, depuis que le directeur de l'Économie et le vice-gouverneur fut, par la faiblesse du vieux comte Browne, une même personne et que les quatre derniers Gouverneurs furent d'entre les Livoniens.

Dieu nous préserve d'un gouverneur-général indigène!"

Одновременно лифляндскій помѣщикъ Евгеній Ф. Боккъ предупреждалъ министра внутреннихъ дѣлъ, что акты ландтага не давали полнаго понятія о побужденіяхъ дворянской оппозиціи противъ Сиверса и его предложеній; по его словамъ, она прикрывалась протестами и возраженіями юридическаго свойства, почерпнутыми изъ арсенала дворянскихъ правъ, утаивая (en dissimulant) настоящія свои опасенія, ибо въ сущности ее пугали единственно экономическія послѣдствія крестьянской реформы, чего она, однако, не хотѣла обнаруживать.

---

[1]) Подъ аристократами онъ разумѣлъ ландратовъ, претендовавшихъ для своей коллегіи на независимость отъ дворянскаго сословія, а подъ демократами—небольшую групу людей, отстаивавшихъ въ собраніи права и интересы крестьянъ.

„La vérité est, продолжалъ ф. Боккъ, que cette constitution, tant désirée par tous les amis de l'homme [1]), ne pourra être mise à exécution qu'en ruinant la fortune de plusieurs familles.—Въ доказательство, онъ указывалъ на имѣніе, въ которомъ всегда числилось 10 гаковъ; съ этого числа уплачивались подати и отбывались крестьянами повинности въ пользу помѣщика; но имѣніе это такъ обезлюдѣло, что, по проэктированнымъ новымъ правиламъ, число гаковъ должно было уменьшиться сразу на половину [2]). Фактъ этотъ можетъ быть засвидѣтельствовавъ, писалъ ф. Боккъ, и тѣми изъ Лифляндцевъ, которые теперь готовятся встрѣтить новый порядокъ вещей какъ надвигающуюся, благодѣтельную грозу, необходимую для очищенія воздуха, хотя при этомъ нѣкоторыя частныя катастрофы неминуемы.

Наконецъ, вотъ что писалъ министру внутреннихъ дѣлъ самъ ландратъ Сиверсъ:

„M-r d'Ekspare aura l'honneur de remettre à Votre Excellence le rapport que j'ai fait à Sa Majesté l'Empereur au sujet des conclusions faites à cette diète. Il sera en état de vous rendre compte de tout ce qui s'est passé à cette assemblée et de tous les moyens qu'on a voulu employer pour annuler même ce qu'il y a de bon dans ses conclusions. Pour en venir à bout, on a voulu changer la constitution du pays et mettre sous tutelle le collège des conseillers du pays et faire nommer à chaque diète un des conseillers, qui devrait être le seul en fonction entre l'espace des diètes de trois ans, quoique le collège, suivant sa constitution, n'ait jamais été au service de la noblesse, mais à celui de l'Etat et du souverain.

---

1) Здѣсь подъ конституціею разумѣется законоположеніе о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ.

2) Въ силу того, что установленъ былъ minimum потребнаго числа рабочихъ душъ на крестьянскій гакъ, полугакъ и т. д. Можно, конечно, пожалѣть о помѣщикѣ, но каково же было крестьянамъ отбывать повинность въ двойномъ размѣрѣ противъ той, которая соотвѣтствовала бы наличнымъ рабочимъ силамъ? Вотъ что значитъ запускать дѣла и долго смотрѣть сквозь пальцы на злоупотребленія; наступаетъ наконецъ такая минута, когда оказывается невозможнымъ исполнить простой актъ справедливости, не разоряя людей, лично можетъ быть ни въ чемъ и не виноватыхъ.—Къ этому мы быстрыми шагами идемъ и теперь.

Suivant mon idée, la majorité, n'ayant pas eu assez de bon sens pour reconnaître avec reconnaissance la grâce que Sa Majesté l'Empereur lui accordait, en lui laissant à elle-même les moyens de réparer et de mettre des bornes à tant de crimes qui se faisaient par le rigueur des seigneurs et par le haussement extraordinaire des corvées et des redevances du cultivateur, aussi illégal qu'impardonnable, et qui ne pouvait avoir lieu que grâce à la négligence du pouvoir exécutif de la province.—Sa Majesté Impériale confirmerait en grâce tout ce qu'il y a de bon dans ce conclusum, mettrait fin, par droit du souverain et les lois de cette province, que je suis en état de vous citer toutes, à toutes ces prétentions aussi énormes qu'illégales, nommerait Elle-même les tribunaux devant lesquels les plaintes des cultivateurs devraient être jugées, comme c'était toujours du ressort du Souverain, et ferait introduire tout cela, au plus tôt qu'il sera possible, par des commissions à nommer d'Elle-même, comme il a été de tout temps; aussi sera-ce le seul moyen de réconcilier tous les esprits.

„On attend beaucoup du conseiller privé de Vietinghoff, grand protecteur du parti opposé et qui, par sa belle-mère [1]), croit être en état de faire que tout reste sur le pied où il est dans ce moment et qui fait le malheur de cinq cent mille sujets du meilleur des Souverains.

„Je n'ai pas besoin de mettre à coeur à Votre Excellence une affaire dont dépend le bien d'une province entière, qui depuis plusieurs siècles a été la proie de quelques familles."

Итакъ, на повѣрку выходило, что проэктомъ ландтага недовольны были рѣшительно всѣ; очевидно было также, что отъ дальнѣйшихъ сужденій въ Лифляндіи нельзя было ожидать ничего путнаго. Наступила для правительства минута взять на свою отвѣтственность окончательное рѣшеніе, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ.

11-го мая 1803-го года [2]) состоялся именной указъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ значилось, что, какъ

---

[1]) Онъ былъ женатъ на дочери извѣстной княгини Шарлоты Карловны Ливенъ, воспитательницы великихъ князей при Императрицѣ Екатеринѣ, и до конца жизни пользовавшейся при дворѣ особеннымъ почетомъ.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, XXVII, № 20758.

видно было изъ составленнаго на ландтагѣ Положенія и изъ приложенныхъ къ нему отдѣльныхъ мнѣній и протестовъ, „произошло несогласіе въ голосахъ и тамъ гдѣ было единодушіе въ намѣреніяхъ. Съ одной стороны, *энтузіазмъ* [1]), съ другой крайняя осторожность предлагали столь противоположные способы, что невозможно уже было ожидать совершенно согласнаго постановленія". Тѣмъ не менѣе, усматривалось общее желаніе всего рыцарства признать политическое существованіе поселянъ, утвердить имъ благопріобрѣтенную ими собственность и оградить ихъ отъ своевольнаго съ ними обращенія чрезъ опредѣленіе ихъ повинностей. Для осуществленія этихъ намѣреній, учреждался подъ Высочайшимъ наблюденіемъ особый комитетъ, которому поручалось: 1) разсмотрѣть Положеніе ландтага и заявленныя на немъ мнѣнія, сообразить ихъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи и постановить общія правила; 2) образовать частныя, исполнительныя коммиссіи и снабдить ихъ инструкціею для изготовленія на мѣстахъ вакенбуховъ; 3) разсмотрѣть состояніе крестьянъ въ казенныхъ мызахъ, пасторатахъ и вообще на земляхъ принадлежащихъ не дворянству; наконецъ 4) изготовить проэктъ общаго законоположенія о лифляндскихъ крестьянахъ. Въ комитетъ были назначены: предсѣдателемъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, членами: сенаторъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ тайный совѣтникъ графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, два ландрата, которыхъ Государь предоставлялъ себѣ избрать изъ четырехъ кандидатовъ по представленію ландратской коллегіи, правителемъ дѣлъ—коллежскій совѣтникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ [2]). Ландратская коллегія представила изъ своей среды, въ члены комитета: Сиверса, Рихтера, Анрепа и Буденброка. Какъ только слухъ объ этомъ представленіи дошелъ до Фитингофа, не сходившаго съ своего наблюдательнаго поста въ

[1]) Кромѣ Сиверса, кажется, некого было заподозрить въ энтузіазмѣ, если подъ этимъ словомъ подразумѣвалось искреннее и твердое намѣреніе вывести крестьянъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія.

[2]) Впослѣдствіи директоръ департамента мануфактуръ и внутренней торговли.

Петербургѣ, онъ поспѣшилъ подать графу Кочубею слѣдующую докладную записку:

„Полагая возложенныя на меня дворянствомъ дѣла совершенно оконченными [1]) и бывъ уже совсѣмъ наготовѣ отсюда выѣхать, имѣлъ я честь быть и у Вашего Сіятельства для засвидѣтельствованія того глубокаго почтенія, на которое вы имѣете столь справедливыя требованія; но задержанный нѣкоторыми, непредвидѣнными обстоятельствами, остался я здѣсь еще на нѣкоторое время, и, съ послѣднею почтою, получилъ отъ нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ членовъ нашего рыцарства такія письма, кои возлагаютъ на меня долгъ утрудить Ваше Сіятельство новою всепокорнѣйшею просьбою.

„Дворянство лифляндское, узнавъ, что между избранными кандидатами находится также господинъ ландратъ Сиверсъ, употребившій уже столько разъ во зло неограниченную довѣренность общества, коею прежде пользовался и вооружившій себя противъ правъ и привилегій, изстари дворянству пожалованныхъ и утвержденныхъ [2]), пришло въ великое смущеніе и безпокойство, боясь, чтобъ оный не нанесъ ему сильнѣйшихъ ударовъ.

„Ища способъ сему помочь, не нахожу другаго средства какъ прибѣгнуть подъ высокое покровительство Вашего Сіятельства и просить, дабы, представивъ Его Императорскому Величеству положеніе дворянства въ настоящемъ, теперешнемъ его видѣ, постарались, сколько можно сдѣлать, чтобъ господинъ ландратъ фонъ Сиверсъ, лишенный совершенно довѣренности общества и самъ всѣ сношенія съ онымъ прервавшій [3]), о чемъ далъ знать обществу и въ рѣчи, имъ на послѣднемъ ландтагѣ говоренной, слѣдующими, исполненными гнѣва словами (здѣсь приводился отрывокъ изъ прописанной выше рѣчи), не былъ бы избранъ Его Императорскимъ

---

[1]) Повторяемъ: дворянство in corpore не возлагало на него никакихъ дѣлъ. Его отрядила въ Петербургъ группа крѣпостниковъ, его единомышленниковъ.

[2]) Скорѣе можно бы было упрекнуть его въ противномъ, именно—за слишкомъ упорное отстаиваніе устарѣлой организаціи дворянства.

[3]) Доказательствомъ, что Сиверсъ не порвалъ своихъ связей съ *цѣлымъ* дворянствомъ, служило уже то обстоятельство, что онъ оставался ландратомъ и былъ избранъ коллегіею.

Величествомъ для засѣданія въ коммиссіи, назначенной для разсмотрѣнія и исправленія нашего земскаго учрежденія, и чтобъ Его Императорское Величество, всемилостивѣйше воззрѣвъ на все сдѣланное лифляндскимъ дворянствомъ для поправленія состоянія крестьянина и на пожертвованія, кои оное учинило въ теченіе четырехъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, для предупрежденія бѣдствій и золъ отъ распространившагося повсюду глада родиться могшихъ, позволилъ бы оному сочинить окладныя землямъ и помѣстьямъ своимъ книги на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ всемилостивѣйше предоставлено сіе эстляндскому дворянству, коего крестьяне находятся еще въ жалостнѣйшемъ состояніи нежели наши, и кое, для поправленія оныхъ, не видно, чтобъ когда нибудь отличало себя такими пожертвованіями, какими отличалось всегда наше лифляндское рыцарство [1]), пришедшее даже отъ того въ великую разстройку".

Графъ Кочубей близко зналъ ландрата Сиверса и глубоко уважалъ его; вѣроятно, онъ настолько зналъ и людей вообще, что могъ легко, по пріемамъ автора этой записки, распознать руководившія имъ побужденія; поэтому трудно предположить, чтобъ она повліяла на поданный имъ Государю совѣтъ, если только онъ былъ спрошенъ, чего изъ дѣла не видно. Какъ бы то ни было, Высочайшій выборъ палъ на ландратовъ Буденброка и Анрепа, а Сиверсъ, который въ продолженіе десяти лѣтъ одинъ на своихъ плечахъ выносилъ крестьянское дѣло и, не колеблясь, принесъ ему въ жертву свою популярность, былъ обойденъ. Со стороны правительства, это была не только несправедливость, но и капитальная ошибка. Въ лицѣ Сиверса, оно добровольно лишало свой комитетъ содѣйствія человѣка, который одинъ изъ всѣхъ людей того времени, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи, не только могъ бы, но и готовъ былъ раскрыть передъ нимъ всю правду, не смущаясь негодованіемъ своихъ земляковъ, и тѣмъ самымъ предостерегъ бы его отъ тѣхъ промаховъ, слишкомъ поздно обнаружившихся, въ которые комитетъ былъ вовлеченъ фальши-

[1]) Въ умѣніи жертвовать *на словахъ* оба дворянства могли другъ съ другомъ поспорить.

выми показаніями другихъ лифляндскихъ своихъ совѣтниковъ, пользовавшихся въ то время слишкомъ неограниченнымъ его довѣріемъ. Само правительство настолько сознавало незамѣнимость Сиверса въ этомъ дѣлѣ, что, и по открытіи комитета, графъ Кочубей не только не прервалъ своихъ сношеній съ нимъ, но иногда прибѣгалъ къ нему за совѣтами, даже сообщалъ ему частнымъ образомъ, на предварительное его заключеніе, журналы комитета и разныя къ нимъ приложенія, къ сожалѣнію, впрочемъ, не всѣ. Это дѣлалось, конечно, не безъ вѣдома и одобренія самого Государя. Причину, заставившую правительство, вопреки его убѣжденію, отвернуться явно отъ человѣка, къ помощи котораго оно обращалось втайнѣ, угадать не трудно. Оно надѣялось, пожертвовавъ имъ, обезоружить дворянскую оппозицію, расположить ее въ пользу будущаго закона и ускорить умиротвореніе партій; но въ этотъ разъ, какъ и въ другихъ, гораздо позднѣйшихъ и совершенно однородныхъ случаяхъ, цѣль эта не была достигнута. Поблажка, оказанная интригѣ, не только не удовлетворила ея, а, напротивъ, внушила ей новыя притязанія. На слѣдующемъ же ландтагѣ, она простерла свою дерзость до того, что предъявила ландратской коллегіи вопросъ: какъ смѣла она, отъ себя, помимо собранія, представить кандидатовъ въ лифляндскій комитетъ? Хотя всѣмъ было извѣстно, что коллегія въ этомъ случаѣ поступала не самовольно, а исполняла въ точности Высочайшее повелѣніе, такъ какъ именно ей, а не всему дворянству in corpore, притомъ, конечно, не безъ цѣли, порученъ былъ выборъ, тѣмъ не менѣе, вопросъ былъ принятъ къ обсужденію, рѣшенъ балотировкою противъ коллегіи, и правительство, надѣявшееся избавиться отъ всякихъ дальнѣйшихъ столкновеній, нашлось таки вынужденнымъ сдѣлать собранію строгое замѣчаніе.

Оказанная Сиверсу несправедливость нисколько однако не охладила его усердія. Къ немалой чести его, онъ не надулся, не бросилъ дѣла, и, уже по отрытіи комитета, захотѣлъ еще послужить ему, чѣмъ могъ, если не личнымъ трудомъ своимъ, то хоть собранными имъ матеріалами. Отъ 7-го августа, онъ писалъ графу Кочубею:

„Permettez que j'adresse à Votre Exellence, comme au pré-

sident du comité, qui doit rendre au paysan Livonien la justice qu'on a réclamée presque depuis un siècle et qu'il ne devait obtenir que sous le règne d'un souverain, qui respecte les droits de chaque classe de ses heureux sujets, une collection des lois Suédoises données en faveur des paysans Livoniens, la seule que nous ayons aussi complète dans ce pays. Vous y trouverez (pages 38 et 321) que *la révision devait taxer de même le bien du paysan de la couronne que celui de la noblesse* et dans l'institution pour la commission de révision de l'année 1688 (§§ 16 et 17) que les principes doivent être les mêmes, c'est que la valeur de la terre du paysan doit donner ou fixer tant la quantité des corvées que les redevances (page 291); que le paysan Livonien doit être propriétaire [1]) de sa terre et qu'il doit avoir le droit d'user de ses bois et de les vendre [2]) (pages 905 et 915) et que par le calcul des Wackenbuchs, la commission de révision devait même mettre en calcul les redevances publiques [3]). Comment donc prétendre que le paysan achète le bois du maître et *comment le chasser de sa propriété sinon pour dettes*? Par cette collection de lois, vous vous persuaderez que le parti de la noblesse qui réclame les droits du paysan ne fait qu'une action de justice, rendue nécessaire encore par tant d'actes de cruauté commis dans les dernières années, qui ont révolté la classe opprimée. Aussi crois-je qu'une caste qui tient si fort aux droits et priviléges devrait respecter autant ceux de ses soumis".

Правдивый упрекъ, заключавшійся въ послѣднихъ строкахъ, въ первый и единственный разъ вымолвленный урожденцемъ остзейскаго края, къ сожалѣнію, никогда не проникалъ въ совѣсть тамошняго рыцарства.

---

[1]) Сиверсъ былъ не мастеръ изъясняться по-французски; вмѣсто propriétaire онъ очевидно хотѣлъ сказать possesseur de droit.

[2]) Разумѣется лѣса входившія въ составъ подворнаго надѣла.

[3]) Точнѣе: faire entrer les redevances publiques en ligne de compte. Смыслъ тотъ, что изъ суммы чистаго дохода, выведеннаго по поземельной оцѣнкѣ крестьянскаго надѣла, вычиталась сумма лежавшихъ на немъ государственныхъ повинностей; затѣмъ, остатокъ ложился на крестьянина какъ долгъ его помѣщику и выплачивался имъ частью барщиною, частью натуральнымъ оброкомъ.

Между тѣмъ, покуда дворяне ораторствовали на ландтагахъ, торговались съ правительствомъ и сплетничали въ петербургскихъ салонахъ и министерствахъ, кое гдѣ, въ лифляндскихъ деревняхъ, начинали обнаруживаться зловѣщіе признаки, наводившіе на мысль, что и латышскому долготерпѣнію когда нибудь могъ наступить конецъ. Какъ бываетъ всегда и вездѣ въ минуты напряженнаго ожиданія, народъ терялъ способность видѣть и понимать дѣйствительность. Во всемъ, совершавшемся передъ его глазами, ему мерещились грозящіе или манящіе призраки, фантастическія воплощенія его опасеній и чаяній. Каждое слово, къ нему обращенное, будь это кроткое вразумленіе или строгое предостереженіе, какъ то странно отдавалось въ его ушахъ и раздражало его, какъ возбудительный откликъ на темные его замыслы. Въ концѣ 1801 г. вышелъ указъ о переложеніи на деньги государственной, такъ называемой стаціонной повинности [1]). Это была льгота, оказанная крестьянамъ, а между тѣмъ, въ Вольмарскомъ уѣздѣ, она возбудила волненія. Народъ заподозрилъ подлогъ. Ему почудилось, что изъ Петербурга присланъ былъ указъ о вольности, подмѣненный дворянствомъ, и что оно же подкупило войска, командированныя для усмиренія. Человѣкъ шесть было наказано шпицрутенами и сослано на каторгу; многихъ другихъ, казавшихся менѣе опасными, высѣкли розгами. Губернаторъ Рихтеръ, донося въ Петербургъ объ этихъ

[1]) Эта повинность, такъ же какъ и другія извѣстныя подъ названіемъ Ross-dienst—Schiess—und Balkengelder, имѣла цѣлью удовлетвореніе воинскихъ потребностей и первоначально отбывалась натурою, поставкою провіанта, фуража, лошадей, подводъ, вооруженныхъ всадниковъ и т. п. До 1801 г., стаціонная повинность взималась рожью, ячменемъ, овсомъ и сѣномъ, съ каждаго гака, на сумму (по единожды навсегда установленной оцѣнкѣ) 10 р. 4 к., которые зачитывались въ подушной окладъ. Указомъ 3 декабря 1801 года, велѣно прекратить стаціонный сборъ натурою, а 10 р. 4 к. съ гака причислить къ подушной подати. Для объявленія крестьянамъ, разъясненія и примѣненія этого указа, лифляндское губернское правленіе поручило владѣльцамъ и арендаторамъ, при участіи мѣстнаго пастора, созвать сходъ изъ старостъ, крестьянскихъ судей и не болѣе 2-хъ крестьянъ-хозяевъ въ каждомъ имѣніи. Прибавлено было въ публикаціи правленія, что буде кто изъ мѣстныхъ крестьянъ, кромѣ упомянутыхъ, осмѣлится явиться на сходъ или по этому поводу участвовать въ какихъ либо сборищахъ, то таковые наказаны будутъ десятью парами розогъ или отсылкою на крѣпостныя работы.

происшествіяхъ, объяснялъ безпокойное настроеніе Латышей и Эстовъ, съ одной стороны, вліяніемъ гернгутеровъ и заѣзжихъ иностранцевъ разнаго званія, черезъ которыхъ будто бы проникали въ народъ понятія о вольности, равенствѣ и человѣческихъ правахъ [1]); съ другой: прирожденной будто бы лифляндскимъ крестьянамъ лѣнностью. Они *огорчаются* на помѣщика, увѣрялъ губернаторъ, совсѣмъ не потому, чтобъ требуемыя съ нихъ повинности были тяжелы; въ сущности, онѣ легки сравнительно съ существующими въ Россіи, а потому, что помѣщикъ понуждаетъ ихъ работать на самихъ себя. Эта природная лѣнь доказывалась слѣдующимъ наблюденіемъ: „сколько ни плати крестьянину за вольнонаемную работу, онъ непремѣнно броситъ ее *какъ только у него поспѣетъ хлѣбъ*". Не много спустя, Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи лифляндскаго крестьянскаго комитета было, по распоряженію правительства, обнародовано въ деревняхъ „дабы крестьяне, узнавъ о намѣреніяхъ верховной власти, выжидали терпѣливо и покорно обѣщанныхъ имъ въ скоромъ времени новыхъ вакенбуховъ", но публикація эта произвела противоположное дѣйствіе. Въ добавокъ, она совпала съ дѣломъ, одновременно начавшимся въ имѣніи того самаго ф. Липгарда, котораго записку противъ постановленій послѣдняго ландтага такъ усердно распространялъ въ Петербургѣ ф. Фитингофъ, и скоро почти весь Пернавскій уѣздъ охваченъ былъ волненіемъ. Нѣтъ надобности описывать его въ подробности; всѣ такъ называемые бунты крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, прежніе, тогдашніе и позднѣйшіе, укладываются въ одну общую формулу. Вотъ она въ короткихъ словахъ: крестьяне, выведенные изъ терпѣнія вымогательствами или обидами, отправляютъ отъ себя депутатовъ съ жалобою въ Ригу или въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, помѣщики забѣгаютъ впередъ, заявляютъ мѣстнымъ властямъ, что въ ихъ имѣніяхъ бунтъ и требуютъ принятія рѣшительныхъ мѣръ для его усмиренія. Является орднунгсъ-рихтеръ, созываетъ крестьянъ и приступаетъ къ дознанію, не по существу жалобъ, а по

---

[1]) Въ то время, изобрѣтаемые дворянствомъ такъ называемые подстрекатели (Aufwiegler) выводились изъ за-границы, теперь же всегда изъ Россіи.

вопросу о томъ, кто зачинщики? Крестьяне отвѣчаютъ, что они послали отъ себя депутатовъ съ прошеніемъ, на которое будутъ ожидать отвѣта отъ самого Царя или отъ его уполномоченнаго. Орднунгсъ-рихтеръ сердится, грозитъ, выходитъ изъ себя, наконецъ уѣзжаетъ, ничего не сдѣлавъ, и доноситъ начальству, что безъ военной команды нѣтъ возможности возстановить порядка. Генералъ-губернаторъ пишетъ въ Петербургъ, что мѣры вразумленія оказались безсильными „*такъ какъ народъ не вѣритъ рѣшительно никому изъ мѣстныхъ властей, ни ландратамъ, ни орднунгсъ-рихтерамъ, ни пасторамъ, считая ихъ заодно съ дворянствомъ* [1]), а потому онъ наряжаетъ военную команду и отдаетъ ее въ распоряженіе тому самому ландрату или орднунгсъ - рихтеру, которому народъ не вѣритъ. Войска размѣщаются по дворамъ на постой и начинается *предварительная* экзекуція, собственно въ видахъ усмиренія, затѣмъ слѣдствіе надъ бунтовщиками, потомъ судъ и вторая экзекуція по приговору. На слѣдствіи, обвиняемые и свидѣтели опрашиваются и отвѣчаютъ по-латышски или эстски, а слѣдователь записываетъ по-нѣмецки, подъ названіемъ *подлинныхъ* ихъ показаній, что ему вздумается. Эти soit disant показанія, разумѣется, опрошеннымъ не прочитываются; потомъ, на судѣ, они отрекаются отъ приписанныхъ имъ словъ, но ихъ протесты оставляются безъ послѣдствій, потому что протоколы составлены въ формальномъ отношеніи правильно. Остается объяснить высшему правительству настоящую причину волненій. Оказывается всегда, что она заключается не въ ненормальности экономическихъ и соціальныхъ условій крестьянскаго быта, а въ злонамѣренномъ подстрекательствѣ со стороны. На незавидную роль подстрекателя обрекаютъ какую нибудь личность, противную дворянству, православнаго священника или русскаго чиновника, или какого нибудь Латыша, получившаго образованіе и, къ несчастью своему, въ конецъ не онѣмечившагося. Обыкновенно этого подстрекателя переводятъ въ другой край, или отправляютъ въ ссылку, по суду или безъ суда, а иногда вопреки судебному рѣше-

[1]) Это свидѣтельство, выписанное изъ донесенія кн. Голицына, много разъ и почти буквально повторяется въ донесеніяхъ генералъ-губернаторовъ Броуна, Репнина, Буксгевдена, Палена, Головина и др.

нію, по которому онъ признанъ совершенно невиннымъ; затѣмъ, порядокъ возстановляется до новаго бунта.

Кому въ 1802 и 1803-мъ годахъ подобало прослыть подстрекателемъ — читатели вѣроятно угадаютъ. Къ счастью, дѣло обошлось для него безъ ссылки—все это происходило въ началѣ царствованія.

Ожесточеніе помѣщиковъ противъ ландрата Сиверса и причина ихъ злобы не могли укрыться отъ крестьянъ. Изъ дворянскихъ гостинныхъ и кабинетовъ, черезъ переднія, слухъ объ немъ перешелъ въ избы и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ онъ въ народѣ популярность, которой никогда не искалъ. Сосѣдніе къ нему крестьяне, прослыша что-то для нихъ не совсѣмъ понятное, но объявленное отъ имени Государя о какихъ-то коммиссіяхъ и о своихъ повинностяхъ, стали обращаться къ нему въ Ранценъ, гдѣ онъ проживалъ, съ разнаго рода тревожившими ихъ вопросами. Онъ, разумѣется, объяснялъ имъ, что покуда все остается по старому, но, конечно, не скрылъ отъ нихъ и того, что правительство намѣревалось опредѣлить въ точности всѣ обязательныя для нихъ повинности, которыя занесутся въ вахенбухи, и что тогда, тѣмъ самымъ, положенъ будетъ конецъ произвольнымъ нарядамъ и отбыванію повинностей неприведенныхъ въ число и мѣру.

Видя, что ихъ не гонятъ, а выслушиваютъ терпѣливо, крестьяне, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми забитыми, стали высчитывать ему испытываемыя ими притѣсненія; но онъ ихъ останавливалъ на первыхъ же словахъ и старался внушить имъ, что теперь было бы даже не время подавать жалобы, а лучше было выжидать терпѣливо обѣщаннаго прибытія коммиссій. Понятно, что человѣкъ, коротко знавшій народъ и любившій его, ничего инаго не могъ и сказать; нельзя даже предполагать, чтобъ кровный аристократъ, испытанный жизнью и зрѣлый лѣтами, могъ подвергнуться искушенію пощеголять передъ чернью своимъ либерализмомъ и, съ этою цѣлью, поддѣлываться подъ ея понятія. Но съ трезвыми и разумными рѣчами Сиверса случилось то же, что съ манифестами и правительственными публикаціями. Переходя изъ устъ въ уста, онѣ постепенно принимали другой тонъ и другой смыслъ, болѣе согласный съ нетерпѣливыми

ожиданіями крестьянъ, и все-таки выдавались за подлинныя его слова. Можно легко себѣ представить съ какимъ злорадствомъ враги Сиверса подхватили его ненавистное имя, когда оно стало доходить до нихъ въ нестройномъ говорѣ крестьянъ, въ перемежку съ несбыточными ихъ надеждами и какъ бы въ подверждeніе ихъ фантазій. Въ донесеніяхъ земской полиціи, въ заявленіяхъ помѣщиковъ, въ письмахъ изъ деревень, на первомъ планѣ стало появляться имя Сиверса. Его даже перестали бранить, но изъ разсказовъ выходило, что ослушанія, уклоненія, угрозы и буйства вездѣ прикрывались его авторитетомъ. Встревоженный князь Голицынъ всему повѣрилъ и доносилъ Государю, „что крестьяне отказывались отъ отбыванія повинностей своимъ помѣщикамъ и, сопротивляясь властямъ, ссылаются во всякомъ случаѣ на Сиверса". Поэтому, отрядивъ ландрата Анрепа для усмиренія ослушниковъ и отдавъ въ его распоряженіе два батальона, генералъ-губернаторъ потребовалъ отъ Сиверса, чтобъ онъ самъ слѣдовалъ всюду за Анрепомъ, для вразумленія и обличенія крестьянъ, опиравшихся на его толкованія. На происходившихъ очныхъ ставкахъ, Сиверсу, разумѣется, ничего не стоило доказать, что его слова были дурно поняты или перетолкованы примѣненіемъ къ настоящей минутѣ того, что онъ говорилъ о будущемъ; оказалось даже, что подтвержденіе ложныхъ слуховъ, бродившихъ въ массѣ, приписывалось ему исключительно крестьянами, лично съ нимъ не объяснявшимися, повторявшими мнимыя его рѣчи съ чужаго голоса. Губернское правленіе нашло однако поводъ притянуть его къ дѣлу и послало ему запросные пункты. Въ своихъ объясненіяхъ, говоря о производствѣ усмиренія и дознанія, онъ, между прочимъ, указалъ на два обстоятельства: во-первыхъ, на заявленія многихъ опрошенныхъ крестьянъ, положительно утверждавшихъ, что они *никогда того не говорили на допросахъ, что было имъ прочтено изъ протоколовъ орднунгсъ-рихтера, отбиравшаго отъ нихъ показанія при началѣ дѣла;* вовторыхъ, на нѣкоторую односторонность въ веденіи дѣла. По мнѣнію Сиверса, для радикальнаго прекращенія народныхъ волненій, не слѣдовало ограничиваться обнаруженіемъ провинностей крестьянъ, но надлежало также не оставлять безъ изслѣдова-

ванія и жалобъ ихъ на управляющихъ и помѣщиковъ. Губернское правленіе отвѣтило ему замѣчаніемъ „что непозволительно давать вѣру крестьянамъ противъ орднунгсъ-рихтера“ и, на основаніи ихъ показаній, допускать возможность *«недостаточности»* въ протоколахъ полицейскаго чиновника; что же касается до втораго указанія, на односторонность слѣдствія, то оно, по заключенію правленія, было несправедливо, ибо де правленіе поручало ландрату Анрепу, совмѣстно съ орднунгсъ-рихтеромъ, разобрать и жалобы крестьянъ, что̀ было ими исполнено во всей точности. При этомъ, однако, само же губернское правленіе вынуждено было сознаться, что о жалобѣ крестьянъ на помѣщика Липгарда, по ихъ словамъ кормившаго ихъ бардою, въ дѣлѣ вовсе не было упомянуто. Въ заключеніе, правленіе внушало Сиверсу „чтобъ онъ впредь положилъ таковымъ недоразумѣніямъ преграду тѣмъ, что не станетъ болѣе принимать жалобъ отъ крестьянъ, но будетъ обращать ихъ въ учрежденныя на то присутственныя мѣста“ [1]).

Поступить съ нимъ строже, при всемъ желаніи, не нашлось повода.

Такимъ образомъ, человѣкъ изъ мнѣній и предложеній котораго извлечено было рѣшительно все, что было дѣльнаго и практичнаго въ проэктѣ ландтага, и что оттуда перешло въ Положеніе, разработанное петербургскимъ комитетомъ, прослылъ у высшаго правительства *энтузіастомъ*. Онъ же, въ Лифляндіи прослылъ злонамѣренныхъ *подстрекателемъ*, и эта репутація за нимъ утвердилась, тогда какъ самъ же генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, не терпѣвшій его и охотно дававшій вѣру распускаемой на него клеветѣ, долженъ былъ офиціально сознаться въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ, писанномъ по усмиреніи волненія, что если дѣло окончилось мирно, однимъ вразумленіемъ и полицейскими мѣрами, то приписать это слѣдовало присутствію ландрата Сиверса и нравственному его авторитету надъ крестьянами.

---

[1]) Тѣ самыя мѣста, о которыхъ писалъ графъ Я. Е. Сиверсъ, что въ нихъ засѣдаютъ одни мѣстные помѣщики и что поэтому нельзя ожидать отъ нихъ безпристрастія въ разбирательствѣ жалобъ крестьянъ.

II.

Комитетъ 1803 года и Положеніе о крестьянахъ 20 февраля 1804 года.

Обстоятельства, при которыхъ открылся Лифляндскій Комитетъ, повидимому, обѣщали благопріятное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Новое царствованіе, встрѣченное съ такимъ восторгомъ, само, какъ будто, вдохновлялось возбужденными имъ надеждами и съ юношескою вѣрою въ легкіе успѣхи на всѣхъ поприщахъ, весело смотрѣло впередъ. Не было еще мѣста подозрительности, недовѣрію и безотчетнымъ страхамъ, которыми, къ несчастію, такъ часто омрачаются вторыя половины царствованій, наступающія послѣ встрѣчъ съ неизбѣжными, но не предусмотрѣнными трудностями въ начинаніяхъ по внутреннимъ преобразованіямъ, или вслѣдъ за внѣшними политическими катастрофами.

Выборъ предсѣдателя и членовъ Лифляндскаго Комитета изъ Русскихъ былъ довольно удаченъ. Всѣ они дышали теплою атмосферою умѣреннаго, нѣсколько отвлеченнаго и, конечно, еще не искушеннаго опытомъ либерализма, которымъ въ то время окрашивался кругъ приближенныхъ Императора Александра I-го, и потому относились вообще сочувственно къ указанной имъ задачѣ. Но никто изъ нихъ не былъ спеціально къ ней подготовленъ. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыми обставленъ былъ именно въ Лифляндіи вопросъ о постепенномъ раскрѣпленіи крестьянъ, а ознакомиться съ ними на-

скоро, не выѣзжая изъ Петербурга, въ 1803 году, было еще труднѣе, чѣмъ теперь. Предсѣдателю и тремъ членамъ изъ Русскихъ приходилось въ самомъ комитетѣ учиться дѣлу съ азбуки и, прежде всего, уяснять себѣ значеніе множества совершенно незнакомыхъ имъ терминовъ: гака, талера, бушланда, лострейберовъ и др.

Правда, учителя были у нихъ подъ рукою. Это были члены того же комитета, два лифляндскіе ландрата, испытанные дѣльцы, знавшіе въ тонкости всѣ особенности своего провинціальнаго быта. Ключъ ко всѣмъ необходимымъ справкамъ находился исключительно въ ихъ рукахъ, а потому отъ нихъ зависѣло показывать комитету что имъ вздумается и держать про себя все то, чего, по ихъ соображеніямъ, лучше было не раскрывать. Это, разумѣется, дало имъ въ составѣ комитета рѣшительное первенство и своего рода авторитетъ, которому предсѣдатель и другіе члены, питавшіе къ нимъ полное довѣріе, охотно подчинялись. Такимъ образомъ, самая существенная часть работы естественно выпала на долю двухъ ландратовъ. Имъ была предоставлена иниціатива; они изготовляли на нѣмецкомъ языкѣ почти всѣ первоначальные проэкты, которые потомъ переводились на русскій и затѣмъ обсуждались въ полномъ собраніи. Такъ составлены были докладъ комитета на Высочайшее имя, обнародованный вмѣстѣ съ Положеніемъ о крестьянахъ, большая и самая важная часть этого Положенія, инструкція ревизіоннымъ коммиссіямъ и всѣ къ ней приложенія, какъ-то: таксы, формы таблицъ, вакенбуховъ и т. д. Понятно, что чѣмъ общѣе былъ тотъ или другой вопросъ самъ по себѣ, тѣмъ легче было прочимъ членамъ принимать въ разработкѣ его самостоятельное участіе.

Изъ дѣлъ комитета видно, что графъ Кочубей взялъ на себя проэктированіе отдѣла о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и что въ главу о личныхъ правахъ крестьянъ вошло нѣсколько предложеній, исходившихъ не отъ ландратовъ; но во всѣхъ статьяхъ, касавшихся надѣла, повинностей и вообще хозяйственной стороны вопроса, дѣйствительное участіе предсѣдателя и членовъ изъ Русскихъ едва замѣтно; кое-что, весьма немногое, было ими смягчено и видоизмѣнено, а остальное принято на вѣру, почти безъ критики.

Основательной разработкѣ заданнаго Комитету вопроса непремѣнно должно бы было предшествовать внимательное изученіе точки отправленія, иначе: существовавшаго порядка вещей, какъ нормальнаго, такъ и фактическаго.

Какъ мы видѣли, хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ Лифляндіи сложились по нормамъ, заимствованнымъ изъ шведскихъ законовъ или выведеннымъ изъ нихъ болѣе или менѣе правильно. Нормы эти долго и безнаказанно нарушались, но онѣ не были ни отмѣнены, ни замѣнены другими, и какъ правительство, такъ и дворянство, повидимому, убѣждены были въ необходимости положить ихъ въ основаніе предпринятой реформы. Въ журналахъ Комитета, въ докладѣ его и въ самомъ Положеніи, имъ составленномъ, встрѣчаются частыя ссылки на шведскую систему, шведскую таксацію, шведскій наказъ о ревизіи 1688 года и шведскія инструкціи ревизіоннымъ коммиссіямъ 1630 и 1687 годовъ; но шведское законодательство по крестьянскому вопросу, какъ и всякое другое, послѣдовательно развивалось и видоизмѣнялось разновременными административными распоряженіями; независимо отъ этого оно обросло цѣлымъ слоемъ позднѣйшихъ, совершенно произвольныхъ дополненій и искаженій. Чтобы дознать въ точности чего дѣйствительно требовало шведское правительство, чтó оно сдѣлало, на чемъ оно окончательно остановилось и чтó неправильно ему приписывалось, необходимо было всему этому составить по источникамъ полный, подробный, критически-провѣренный сводъ. Къ сожалѣнію, никто объ этомъ не подумалъ. Комитетъ узналъ кое-что о шведской системѣ изъ словесныхъ сообщеній ландратовъ и, полагаясь на ихъ ссылки, не настаивалъ на предъявленіи точныхъ справокъ. Въ тексты онъ, кажется, и не заглядывалъ; по крайней мѣрѣ, во всемъ многотомномъ его дѣлопроизводствѣ, даже по спорнымъ вопросамъ, которые рѣшались на основаніи юридическихъ справокъ, не встрѣчается ни одного цитата, ни одного указанія на § или № статьи какого-либо шведскаго Положенія. Правда, въ первое же засѣданіе, Комитетомъ потребованы были отъ лифляндскаго губернатора всѣ шведскіе законы и акты XVII вѣка, относившіеся къ предмету его занятій; губернаторъ доставилъ кое-что, притомъ въ копіяхъ,

и отвѣтилъ, что многихъ затребованныхъ документовъ (самыхъ важныхъ) нельзя было отыскать [1]). Одновременно правительствующій сенатъ, долго вертѣвшій въ своихъ рукахъ переданный ему императоромъ Павломъ на разсмотрѣніе проектъ лифляндскаго ландтага о крестьянахъ и незнавшій что̀ съ нимъ дѣлать, обрадовался случаю избавиться отъ этого груза и, вмѣстѣ съ нимъ, перевалилъ въ Комитетъ нѣсколько переводовъ съ шведскихъ законовъ, въ томъ числѣ и такіе, которыхъ лифляндскій губернаторъ не умѣлъ отыскать въ мѣстныхъ архивахъ; наконецъ, въ самую пору подоспѣло приношеніе ландрата Сиверса, о которомъ было упомянуто выше. Но этимъ матеріаломъ никто изъ Русскихъ не воспользовался; можетъ быть, пользовались имъ ландраты въ своихъ видахъ.

Еще необходимѣе было бы, до приступа къ законодательнымъ работамъ, произвести въ самой Лифляндіи, черезъ людей, непричастныхъ къ мѣстнымъ интересамъ, административное изслѣдованіе хозяйственнаго быта тамошнихъ крестьянъ. Это также было упущено. Дознаніе фактической стороны дѣла, и то отрывочное, неполное, началось само собою только тогда, когда русскимъ людямъ поручено было вводить утвержденное Положеніе; до тѣхъ же поръ Комитетъ сочинялъ законы для улучшенія быта поселянъ, не имѣя подъ рукою ни одной статистической данной, даже не ощущая въ нихъ надобности. Этимъ объясняется неполнота и односторонность его труда. Крестьянскіе надѣлы и повинности исчислялись по гакамъ; но гакъ представлялъ собою отвлеченную единицу, капиталъ условной величины, для опредѣленія которой служила давно вышедшая изъ употребленія монета — талеры и гроши; территоріальный же объемъ участка, принимавшагося за гакъ, могъ измѣняться въ предѣлахъ крайне широкихъ. Казалось бы естественнымъ постараться узнать: какому количеству тонъ или лофштелей, или десятинъ, соотвѣтствовалъ въ натурѣ гакъ средней величины; сколько, хоть при-

---

[1]) Ниже читатели увидятъ, что это была пустая отговорка и что губернаторъ, вѣроятно по стачкѣ съ ландратами, скрылъ отъ Комитета такіе источники, которые вовсе не составляли рѣдкости.

близительно, десятинъ насчитывалось въ суммѣ крестьянскихъ гаковъ и на какое число подворныхъ надѣловъ вся эта площадь была разбита? Тогда только можно бы было составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ сельское народонаселеніе было обезпечено землею, и удобно ли было допускать въ будущемъ дальнѣйшія урѣзки отъ крестьянскихъ земель? Далѣе, говорилось о прежнихъ вакенбухахъ и о регулативахъ, установлялись различныя правила для имѣній обмежеванныхъ (измѣренныхъ, gemessene) и для немежеванныхъ; но никто не взялъ на себя труда привести въ извѣстность: во всѣхъ ли имѣніяхъ розданы были вакенбухи, ото всѣхъ ли помѣщиковъ получены были регулативы, всѣ ли регулативы были утверждены, сколько числилось имѣній обмежеванныхъ и сколько немежеванныхъ? Между тѣмъ, всѣ эти обстоятельства по инструкціи, составленной Комитетомъ, принимались въ соображеніе и должны были служить основаніемъ къ примѣненію въ каждомъ данномъ случаѣ тѣхъ или другихъ правилъ, а потому, безъ статистическихъ свѣдѣній, не было возможности предугадать: что́ въ новомъ Положеніи окажется на практикѣ общимъ правиломъ и что̀ исключеніемъ? Наконецъ, много разсуждали и писали о крестьянахъ, разумѣя подъ этимъ названіемъ классъ хозяевъ, владѣвшихъ дворами; но, какъ мы уже замѣтили въ первой главѣ, былъ еще другой многочисленный классъ сельскихъ батраковъ, а еще ниже классъ бобылей. Однако, изъ 143 статей въ Положеніи, разработанномъ Комитетомъ, спеціально бобылямъ посвящена только одна, а о батракахъ упоминалось вскользь въ десяти или двѣнадцати; ни для тѣхъ, ни для другихъ Комитетъ ничего существеннаго не сдѣлалъ. Еслибъ онъ имѣлъ передъ глазами цифры, выражающія численное отношеніе хозяевъ къ батракамъ, и статистическія свѣдѣнія о домашнемъ быту послѣднихъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ понялъ бы, что напрасно заботливость правительства сосредоточивалась на хозяевахъ и что гораздо нужнѣе было оградить отъ двойной эксплоатаціи помѣщиками и хозяевами людей, кормившихся исключительно личнымъ своимъ трудомъ, притомъ, не по вольному найму, а по наряду. Тогда, конечно, расширился бы вопросъ, освѣтились бы многія его стороны

оставшіяся совершенно въ тѣни, переставились бы, можетъ быть, самые термины его; онъ предсталъ бы въ совершенно новой формѣ и вышелъ бы изъ той узкой рамки, въ которой заключили его провинціальные интересы. Тогда Комитетъ получилъ бы по крайней мѣрѣ возможность исполнить самостоятельный трудъ и представить правительству проектъ разрѣшенія, основанный на здравыхъ экономическихъ началахъ и общегосударственныхъ соображеніяхъ, а не проектъ ландтага въ нѣсколько исправленномъ изданіи.

Указанныя упущенія, въ 1803 году, до нѣкоторой степени объяснялись и извинялись новостью дѣла; но, къ сожалѣнію, они остались повидимому несознанными и не послужили урокомъ для переду. То же самое повторялось въ послѣдующихъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Правительство никогда ничего не предусматривало и ни къ чему заблаговременно не готовилось; запуская дѣло до послѣдней крайности, оно одумывалось и бралось за него въ ту минуту, когда неотложныя потребности и экстренныя обстоятельства, всегда застигавшія его врасплохъ, исторгали у него спѣшныя, недодуманныя разрѣшенія. Въ 1803 году, столкновеніе партій въ дворянскомъ кругу грозило скандалами; крестьяне волновались; изучать, наводить справки было некогда и Комитету приказано было спѣшить.

Онъ собрался въ первый разъ 3 августа 1803 года и окончилъ возложенное на него порученіе въ 30 засѣданій, къ 3 февраля 1804 года.

Мы должны указать, чѣмъ отличался проектъ его отъ проекта ландтага.

Личныя права крестьянъ были нѣсколько расширены. Запрещено было, безъ согласія крестьянъ, наряжать ихъ на работы, не причисленныя къ разряду сельско-хозяйственныхъ, и брать ихъ во дворъ; даже добровольно поступившимъ въ дворовые оставлялось право, впослѣдствіи, вернуться въ прежнее состояніе. Испрошеніе у помѣщика письменнаго дозволенія на вступленіе въ бракъ было отмѣнено, впрочемъ только на словахъ, ибо Комитетъ все-таки обязалъ крестьянъ передъ вѣнчаніемъ *оповѣщать* владѣльца о своемъ намѣреніи. На этомъ основаніи, пасторы, до совершенія брака, продол-

жали, даже въ пятидесятыхъ годахъ, требовать по прежнему письменныхъ удостовѣреній отъ вотчинныхъ конторъ о предварительномъ ихъ увѣдомленіи и, такимъ образомъ, прежнія разрѣшенія, только подъ другимъ названіемъ, сохранились на практикѣ если не во всѣхъ, то во многихъ имѣніяхъ. — Не желая возбуждать вопроса о воспрещеніи владѣльцамъ смежныхъ съ Лифляндіею губерній требовать выводныхъ денегъ за дѣвокъ, выходившихъ изъ тѣхъ имѣній за лифляндскихъ крестьянъ, Комитетъ установилъ взиманіе выводнаго сбора въ размѣрѣ не свыше 25 руб. съ дѣвокъ, выходившихъ изъ Лифляндіи, но не въ пользу помѣщика, а въ церковную сумму.—Крестьянамъ, какъ въ казенныхъ такъ и въ частныхъ имѣніяхъ, разрѣшено было пріобрѣтать въ собственность земли, которыми они пользовались, конечно не по праву выкупа, а по добровольному соглашенію съ владѣльцами.— Право представлять порочныхъ крестьянъ къ отдачѣ насрокъ въ крѣпостныя работы или къ ссылкѣ на поселеніе было обойдено молчаніемъ и, кажется, тѣмъ самымъ упразднено.— Назначеніе рекрутовъ предоставлено было крестьянскому суду, безъ участія владѣльца; но при этомъ Комитетъ, къ сожалѣнію, утвердилъ статью дворянскаго проекта о безусловномъ освобожденіи крестьянъ-хозяевъ отъ военной повинности, будто бы на основаніи правилъ уже существовавшихъ. Между тѣмъ, никакихъ *правилъ* до того времени не было, а завелся обычай, основанный на чисто хозяйственныхъ разсчетахъ полновластныхъ владѣльцевъ. Возведеніемъ этого обычая на степень законной привилегіи, связанной съ клочкомъ помѣщичьей земли, привилегіи, несправедливой по себѣ и обидной для батраковъ и бобылей, Комитетъ создалъ крайне ненормальный порядокъ вещей, котораго неблагопріятныя послѣдствія, теперь уже ощущаемыя, должны неминуемо, въ близкой будущности, породить ропотъ и разнаго рода комликаціи.—Для дворовыхъ людей, какъ особаго класса, изданы были особыя правила, которыми, между прочимъ, разрѣшалось переводить ихъ въ крестьяне (съ отводомъ земли), но не иначе какъ съ ихъ согласія.

Въ опредѣленіи юридическаго права крестьянъ-хозяевъ на отведенную имъ землю Комитетъ сдѣлалъ

важный шагъ впередъ: согласно предложенію ландрата Сиверса, онъ призналъ это право *неотъемлемымъ* и *наслѣдственнымъ*.

Затѣмъ, возникалъ вопросъ объ изъятіяхъ, то есть объ опредѣленіи тѣхъ случаевъ, въ которыхъ могла быть допущена, по требованію помѣщика, прирѣзка крестьянскихъ земель къ господскимъ. Это былъ существенный вопросъ не столько настоящаго, сколько будущаго. Ландратъ Сиверсъ, какъ мы знаемъ, безусловно и очень настойчиво отвергалъ всѣ и всякія изъятія, требуя признанія крестьянскаго надѣла безусловно неприкосновеннымъ. Мнѣніе его было прочтено въ Комитетѣ, встрѣтило въ немъ, какъ значится въ журналѣ, полное сочувствіе, но принято не было. Ландтагъ 1803 года, наоборотъ, допускалъ прирѣзку во многихъ случаяхъ. Изъ нихъ Комитетъ оставилъ правда только одинъ, но тотъ, который скорѣе всѣхъ другихъ могъ подать поводъ на мѣстахъ къ неуловимымъ злоупотребленіямъ, именно: когда прирѣзка потребуется для доведенія господскаго посѣва до высшаго размѣра, разсчитаннаго пропорціонально количеству ординарной барщины, [1]) и когда доказано будетъ, что въ имѣніи нѣтъ никакихъ пустопорожнихъ или худо удобренныхъ земель, изъ которыхъ могло бы быть произведено предположенное увеличеніе господскаго посѣва, не прибѣгая къ отобранію крестьянской земли. Сверхъ того, это право отобранія ограничивалось и въ этомъ случаѣ тремя условіями: во-первыхъ, въ немежеванныхъ имѣніяхъ, производствомъ, на счетъ помѣщика, предварительнаго обмежеванія; во-вторыхъ: оповѣщеніемъ хозяина за три года до удаленія его со двора; въ-третьихъ: выдачею ему денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ возвышенномъ противъ постановленія ландтага на $1/3$. Далѣе, разрѣшалось помѣщику, въ указанномъ случаѣ и на изложенныхъ основаніяхъ, прирѣзывать крестьянскую землю къ господской не только при введеніи новаго Положенія, но и впослѣдствіи, періодически, черезъ каждыя 25 лѣтъ, если, производствомъ новаго межеванія, владѣлецъ докажетъ, что вслѣдствіе „умноженія населенія и усовершенствованія земледѣлія“ прирѣзка опять таки сдѣла-

---

[1]) Опредѣленіе этого размѣра читатели найдутъ ниже въ этой же главѣ.

лась необходимостью для доведенія господскаго посѣва до соразмѣрности съ общимъ числомъ поденныхъ работниковъ. Тутъ же однако рѣшительно воспрещалось, при новомъ межеваніи, „какъ увеличивать повинности крестьянъ, такъ и дѣлать новую переоцѣнку ихъ земель". Послѣднія оговорки, повидимому, отнимали у статьи всякій практическій смыслъ, ибо, при нихъ, ни то ни другое изъ указанныхъ въ ней обстоятельствъ не могло, само по себѣ, имѣть послѣдствіемъ какого либо измѣненія въ существовавшемъ отношеніи между господскимъ посѣвомъ и числомъ рабочихъ выставляемыхъ крестьянами, а потому и не могло оправдывать перемежеванія черезъ каждое двадцатипятилѣтіе для испрошенія періодическихъ отрѣзокъ отъ крестьянскихъ земель. Мы видѣли, что размѣръ барщины опредѣлялся не по числу рабочихъ душъ, а по выведенной, на основаніи извѣстныхъ правилъ, цѣнности крестьянскаго надѣла, котораго помѣщикъ отнюдь не обязывался увеличивать на прибылыя души; слѣдовательно, отъ естественной прибыли народонаселенія, размѣръ барщины увеличиваться не могъ. Отъ усовершенствованія земледѣлія, производительность, а потому и цѣнность крестьянской земли конечно могла возвышаться. Это обстоятельство дѣйствительно могло бы служить поводомъ къ увеличенію числа отбываемыхъ за нее рабочихъ дней (предполагая, что принятая оцѣнка рабочаго дня оставалась бы навсегда неизмѣнною); но опредѣлить въ точности, въ какой мѣрѣ цѣнность земли въ данный періодъ возвысилась и на какое число дней должна была пропорціонально увеличиться повинность, все-таки нельзя было иначе, какъ произведя переоцѣнку земли, а какъ переоцѣнка, такъ и увеличеніе повинности рѣшительно не допускались [1]).

Спрашивается: ради чего же домогались ландраты вклю-

---

[1]) Въ Лифляндіи толковали и примѣняли эту статью такимъ образомъ: запрещается де только увеличивать повинность подъ тѣмъ предлогомъ, что крестьянская пашня, или крестьянскіе огороды, или крестьянскіе луга вновь оцѣнены выше чѣмъ они цѣнились прежде. Но если бы, при новомъ измѣреніи, оказалось, что часть выгона или поля обращена въ огородъ, или часть бушланда въ трехпольную пашню, то такая перемѣна въ пропорціональномъ отношеніи неравноцѣнныхъ частей крестьянскаго надѣла могла бы быть приведена

ченія въ Положеніе статьи, повидимому, рѣшительно непримѣнимой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно высмотрѣть, сопоставивъ разсматриваемыя статьи (33 — 38) съ 39-ою. Въ послѣдней значилось: „Всѣ сіи предписанія (какія именно — не объяснено) должны быть въ точности исполняемы какъ нынѣ, такъ и при будущихъ чрезъ каждыя 25 лѣтъ перемѣнахъ на всѣхъ помѣстьяхъ лифляндской губерніи безъ изъятія, какъ казенныхъ, помѣщичьихъ, такъ и общественныхъ, *касательно всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, обложенныхъ повинностями и податьми на основаніи правилъ въ главѣ III постановленныхъ* (т. е. правилъ обязательныхъ). Если же помѣщикъ отдаетъ крестьянину *землю* по особому и добровольно между ними заключенному контракту, въ такомъ случаѣ, наблюдаются только тѣ условія, которыя въ контрактѣ означены будутъ“.—Такъ гласилъ русскій текстъ. Здѣсь, подъ словомъ “землю„ во второй половинѣ статьи можно было подразумѣвать землю господскую, не вошедшую въ составъ подворныхъ крестьянскихъ надѣловъ, въ противоположность къ упомянутымъ въ первой половинѣ „крестьянскимъ хозяйствамъ“. Въ нѣмецкомъ же текстѣ, въ самомъ началѣ статьи,

---

въ точную извѣстность посредствомъ простаго ихъ измѣренія, безъ переоцѣнки, и конечно подала бы законный поводъ требовать увеличенія размѣра барщины и соотвѣтственнаго увеличенія господскаго посѣва, а въ случаѣ надобности, и прирѣзки крестьянской земли къ господской. Такое толкованіе очевидно однако расходится съ буквальнымъ смысломъ статьи 37 Положенія и, ни въ докладѣ Комитета, ни въ журналахъ его, ничѣмъ не оправдывается. Законъ не различалъ обращенія неудобныхъ земель въ удобныя и угодій менѣе доходныхъ въ болѣе доходныя отъ другихъ видовъ и способовъ усовершенствованія земледѣлія, какъ то: усиленія удобренія, орошенія, перехода отъ трехпольной системы къ многопольной и т. д. Далѣе: когда законъ просто запрещаетъ дѣлать вообще новую переоцѣнку земли, нельзя подразумѣвать дозволенія цѣнить ее *какъ пашню*, дороже чѣмъ она цѣнилась двадцать пять лѣтъ тому назадъ *какъ выгонъ*; наконецъ, когда законъ гласитъ: не увеличивать повинности, нельзя прибавлять къ этимъ словамъ, въ скобкахъ: кромѣ случая обращенія менѣе цѣнныхъ угодій въ болѣе цѣнныя и расширенія послѣднихъ на счетъ первыхъ. Въ цитованной выше брошюрѣ своей, баронъ Полькенъ неправильно передаетъ смыслъ статьи 37 Положенія 1804 г., когда утверждаетъ будто бы помѣщикамъ дозволялось, черезъ каждыя 25 лѣтъ, *переоцѣнивать* крестьянскую землю. Это напротивъ запрещалось; тѣмъ не менѣе, на практикѣ, повѣрочныя переоцѣнки производились постоянно.

къ словамъ „всѣ сіи предписанія“ было прибавлено: „объ отобраніи занятыхъ и на основаніи главы III обложенныхъ повинностями крестьянскихъ дворовъ“ (über Einziehung von besetzten und in Folge des III Hauptstücks taxirten Bauergesindern), а во второй половинѣ слово „землю“ переведено было словомъ „Bauerländereien“ (крестьянскія земли). Смыслъ выходилъ тотъ, что добровольною сдѣлкою, разъ заключенною съ хозяиномъ, въ данную минуту занимавшимъ тотъ или другой дворъ, могъ быть отнятъ навсегда у земли, которою онъ владѣлъ, характеръ неотъемлемаго и наслѣдственнаго крестьянскаго надѣла. Мы думаемъ, что не такова была мысль Комитета, по крайней мѣрѣ русскихъ его членовъ, какъ видно изъ журналовъ Комитета, хорошо понимавшихъ всю важность правила о неотъемлемости и наслѣдственности пользованія и дорожившихъ имъ какъ обезпеченіемъ будущности всего крестьянскаго сословія. Но нельзя при этомъ отрицать, что другая статья, именно 71, которою допускалась ничѣмъ неограниченная свобода добровольныхъ соглашеній между помѣщикомъ и крестьянами „какъ при заведеніи новаго хозяйства, такъ и во всѣхъ уже заведенныхъ“, наоборотъ могла служить подтвержденіемъ нѣмецкаго текста статьи 39-ой.

Разберемъ же практическія ея послѣдствія по обоимъ текстамъ. По нѣмецкому, помѣщику давалась возможность, какою нибудь незначительною скидкою въ обязательныхъ повинностяхъ, склонить хозяина двора къ заключенію полюбовнаго договора и ввернуть въ него статью, въ силу которой сданный дворъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго срока, долженъ бы былъ поступить въ неограниченное распоряженіе помѣщика. Такимъ образомъ, прирѣзка участковъ крестьянской земли, однихъ за другими, къ господскимъ полямъ могла бы совершаться постоянно, не прибѣгая даже къ періодическимъ межеваніямъ. Все зависѣло бы отъ того, въ какой мѣрѣ удавалось бы вообще склонять крестьянъ къ добровольнымъ соглашеніямъ. Въ случаѣ успѣха въ этомъ дѣлѣ, статья 37 оказывалась бы даже ненужною. Теперь обратимся къ русскому тексту, въ томъ смыслѣ какъ мы его понимаемъ. И здѣсь, но на сей разъ благодаря именно этой статьѣ, открывалась возможность операціи, въ концѣ концевъ, приводившей

къ тому же результату. У владѣльца многоземельнаго имѣнія оказывался преизбытокъ праздной, господской земли, которой онъ собственными средствами не въ состояніи былъ обрабатывать. По мѣрѣ прибыли народонаселенія, онъ разбивалъ свои пустыри на подворные участки и сдавалъ ихъ крестьянамъ *по контрактамъ*, на полюбовно договоренныхъ условіяхъ. Съ учрежденіемъ новыхъ хозяйствъ, общій итогъ рабочихъ, выставляемыхъ крестьянами всего имѣнія, естественно увеличивался на сумму издѣльной повинности, причитавшейся съ новоучрежденныхъ дворовъ; стало быть измѣнялось установленное закономъ пропорціональное отношеніе рабочихъ дней къ господскому посѣву и возникалъ для владѣльца законный поводъ къ расширенію своихъ полей на счетъ крестьянскихъ. При этомъ, онъ конечно нашелъ бы тысячи благовидныхъ предлоговъ потребовать отрѣзки изъ участковъ стараго крестьянскаго надѣла. При послѣдовательномъ повтореніи этой операціи, крестьянская, неотъемлемая, въ наслѣдственное пользованіе отданная земля постепенно бы убывала, и бо́льшая часть крестьянскихъ дворовъ могла бы со временемъ очутиться на землѣ господской, сданной на сроки болѣе или менѣе продолжительные, но не имѣющей характера неприкосновеннаго крестьянскаго надѣла. На практикѣ, два побужденія должны были направить въ эту сторону усилія помѣщиковъ: во-первыхъ, естественное желаніе избавиться отъ ограниченій, которымъ они, въ силу Положенія, подчинялись въ распоряженіи частью своей недвижимой собственности, и во-вторыхъ—вѣрный разсчетъ, ибо полевыя угодья, входившія въ составъ старыхъ, насиженныхъ крестьянскихъ дворовъ, считались, по силѣ положеннаго въ нихъ удобренія, особенно цѣнными. Русскіе члены комитета, конечно, всего этого не предусматривали; но Фридрихъ Сиверсъ, хорошо знавшій своихъ земляковъ, не безъ основанія домогался такъ настойчиво, чтобы крестьянская земля была, такъ сказать, окопана со всѣхъ сторонъ и обнесена кругомъ совершенно глухою стѣною. Онъ чуялъ, что малѣйшая въ ней скважина, хотя бы даже оставленная подъ благовиднымъ предлогомъ пропуска добровольныхъ сдѣлокъ, должна была неминуемо превратиться въ широкій брешь, и онъ же первый, пятнадцать

лѣтъ спустя, когда опытъ оправдалъ его опасенія, открылъ правительству дурныя послѣдствія статей Положенія, о которыхъ идетъ рѣчь и указалъ на мѣры для ихъ предупрежденія [1]).

Какъ было объяснено въ первой главѣ, по шведской системѣ, на крестьянскій гакъ полагалось полевой земли и бушланда на 60 талеровъ; прочія же угодья, которыми крестьяне фактически владѣли, какъ то: огороды и покосы, въ счетъ не полагались. Повинность, причитавшаяся съ гака, опредѣлялась рабочими днями пѣшими и конными, зачитывая первые въ 4, а вторые въ 3 гроша, всего на 60 талеровъ. Ландтагъ 1803 года призналъ нужнымъ положить въ цѣну всѣ угодья и принялъ за основаніе своихъ разсчетовъ предположеніе, что на 60 талеровъ пашни и зарослей обыкновенно приходилось въ натурѣ на 20 талеровъ огородовъ и покосовъ; вслѣдствіе этого, прежній гакъ, *оставаясь въ прежнемъ размѣрѣ и составѣ*, возвышался въ своей цѣнности на цѣлую треть, а такъ какъ при этомъ оцѣнка рабочихъ дней оставлена была неизмѣнною, то прежняя повинность увеличивалась въ томъ же размѣрѣ противъ шведскаго Положенія. Словомъ, къ ущербу крестьянъ и въ пользу помѣщиковъ, повторялась своего рода *редукція*, та самая операція, которая въ XVII вѣкѣ произведена была шведскимъ правительствомъ въ пользу государственнаго казначейства, къ ущербу всего края, и въ то время вызвала со стороны лифляндскаго дворянства столько краснорѣчивыхъ протестовъ. Въ оправданіе приводилось, что, при шведскомъ владычествѣ, кромѣ барщины и оброковъ натурою, опредѣлявшихся въ точности пропорціонально пашнѣ и бушланду, допускалась еще вспомогательная издѣльная повинность, представлявшая собою какъ бы плату за остальныя угодья, таксаціи неподлежавшія, вслѣдствіе чего и эта послѣдняя повинность отбывалась безъ числа и мѣры; она была такъ легка, что тогдашнее правительство не находило и надобности въ точномъ ея опредѣленіи. Отсюда выводилось, что въ сущности предлагалось не нарушеніе, а регулированіе прежняго порядка. Все это однако возбуждало

[1]) См. главу VII.

не мало сомнѣній. Вѣдь и оброкъ натурою также не представлялъ собою высокой цѣнности, тѣмъ не менѣе виды его перечислялись въ точности въ шведскихъ вакенбухахъ и полагались въ цѣну. Далѣе, изъ того, что покосы и огороды не полагались въ цѣну при исчисленіи крестьянскихъ повинностей, само собою отнюдь еще не вытекало, чтобъ шведское законодательство разрѣшало требовать за эти угодья дополнительной повинности. Можно было придти и къ другому предположенію, а именно: что цѣнность покосовъ и огородовъ, *подразумѣвательно*, входила въ таксацію пахатной земли. Обстоятельство это было въ виду Комитета и въ одномъ изъ позднѣйшихъ его журналовъ (10 августа 1805 года) мы читаемъ: „Многіе свѣдущіе о правилахъ шведской таксаціонной методы утверждаютъ, что сѣнокосы, безъ коихъ, по невозможности содержать лошадей, не можно обработывать и пашни, почитались такою отъ пашни неотдѣльною принадлежностью, что въ цѣнѣ пахатной земли, заключалась уже и цѣна сѣнокоса“. Такъ точно не полагались въ счетъ, для опредѣленія размѣра повинностей, ни мѣсто занятое дворомъ, ни отпускъ строеваго лѣса на ремонтъ и дровъ на отопленіе. Ландтагъ и за это предположилъ было ввести особую повинность, но Комитетъ, опять таки благодаря исключительно точной справкѣ доставленной ему Сиверсомъ, безусловно отвергъ это притязаніе.

Итакъ, вопросъ былъ въ томъ: дѣйствительно ли шведское законодательство признавало вспомогательную барщину какъ вознагражденіе за угодья не полагавшіяся въ счетъ, и не было ли приведенное объясненіе придумано заднимъ числомъ, для оправданія злоупотребленія, которое очень легко могло войти въ обычай, даже проскользнуть въ нѣкоторые вакенбухи и потомъ окончательно укорениться въ тотъ пятидесятилѣтній періодъ, отъ поступленія края подъ русское владычество до Екатерины II, въ продолженіи котораго представители дворянства официально игнорировали самое существованіе шведскихъ законовъ ограничивавшихъ помѣщичій произволъ? Для разрѣшенія этого вопроса въ первомъ смыслѣ, стоило бы только привести буквально цитатъ изъ закона, но въ томъ то и дѣло, что такого цитата мы не на-

ходимъ ни въ актахъ ландтага, ни въ дѣлопроизводствѣ Комитета. Встрѣчаются правда ссылки на шведскіе наказы *вообще* и на вакенбухи, но во-первыхъ, самые тексты нигдѣ не приводятся; во - вторыхъ, какой нибудь вакенбухъ, самъ по себѣ, отнюдь не имѣлъ силы закона; между нимъ и наказомъ о ревизіи была такая же точно разница, какая между нашею уставною грамотою и Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ о крестьянахъ 1861 года. Не имѣя подъ рукою полныхъ справокъ, было бы слишкомъ смѣло рѣшать теперь что́ было и чего не было въ шведскихъ законахъ XVII вѣка; но въ пользу предположенія, что лифляндское дворянство не нашло бы въ нихъ подтвержденія своимъ требованіямъ, можно привести нѣкоторыя указанія. Въ шведской инструкціи 1687 года февраля 7, данной комиссарамъ назначеннымъ для производства въ Лифляндіи ревизіи (§ 5) значится: „Хотя всѣ состоящія подати (повинности) въ оброчную книгу внесены быть должны и исчисляются на деньги по чему положено будетъ (т. е. сколько придется), однакожъ слѣдующія малыя отъ крестьянъ даваемыя мелочи (данины) какъ то: капуста, рѣпа и тому подобное, понеже все сіе малой цѣны стоитъ, безъ платежа оставляются“, [1]) (т. е. не полагаются въ сумму дохода, съ котораго взимается государственная подать). Если бы, сверхъ этихъ мелкихъ поборовъ домашнею провизіею, допускалась, съ вѣдома и разрѣшенія правительства, еще вспомогательная барщина неопредѣленнаго размѣра и въ счетъ не полагаемая, то, по всей вѣроятности, и объ ней было бы упомянуто въ приведенномъ параграфѣ. Къ этому доказательству отъ умолчанія присоединяется другое, свойства положительнаго. Послѣ войны своей съ Швеціею Императрица Екатерина II нарядила коммиссію для производства ревизіи (поземельной и подворной) въ присоединенной къ Россіи части Финляндіи. Цѣль ревизіи заключалась въ опредѣленіи границъ владѣній и поземельной подати въ казну. Коммиссіи указомъ 1 августа 1765 года дана была инструкція, составленная во всей точности „по шведскимъ конфир-

---

[1]) Извлечено изъ рукописнаго сборника шведскихъ законовъ, въ русскомъ переводѣ, составленнаго въ 1785 году.

мованнымъ обрядамъ и правамъ" въ сущности совершенно тождественнымъ съ тѣми, которые введены были шведскимъ правительствомъ въ Лифляндіи. Въ инструкціи этой перечисляются облагаемыя и необлагаемыя части подворныхъ владѣній и тамъ, между прочимъ, значится: „Земля для сажанія капусты и сѣянія рѣпы и пеньки на домашній умѣренный обиходъ (огороды) *въ оброкъ не кладется*. Сѣнокосы раздѣляются на три рода разной доброты и приписаны бываютъ *безъ оброку* по пропорціи пахатной земли, (слѣдуетъ опредѣленіе этой пропорціи) *чтобы земля пахатная въ плодоносномъ состояніи содержана и довольно унавожена быть могла*". Эти слова наводятъ на заключеніе, по крайней мѣрѣ вѣроятное, что обложеніемъ покосовъ особою повинностью, безъ пониженія положенной за пахатную землю, шведская система не *дополнялась*, а нарушалась.

Къ сожалѣнію, Комитетъ принялъ объясненія ландтага и ландратовъ на вѣру, безъ всякой критики, и даже не возбудилъ вопроса о юридической правомѣрности вспомогательной барщины. Если бы въ текстѣ законовъ не нашлось для нея оправданія, еслибъ оказалось, что въ началѣ она была дѣйствительно ничѣмъ инымъ какъ добровольною *помощью* со стороны крестьянъ, за угощеніе на счетъ помѣщика (на это тоже были указанія въ шведскихъ актахъ), и что постепенное превращеніе ея въ тяжелую, обязательную повинность было дѣломъ злоупотребленія помѣщичьей власти, тогда Комитетъ нашелъ бы твердую точку опоры въ диспутахъ своихъ съ ландратами и ему бы гораздо легче было, если не отмѣнить вовсе эту повинность, то, по крайней мѣрѣ, значительно сократить ея размѣръ. Вспомнимъ, что въ первой своей запискѣ, поданной на Высочайшее имя, и ландратъ Сиверсъ указывалъ на возможность совершеннаго ея упраздненія. Допустивъ ее въ принципѣ, Комитету оставалось, для огражденія крестьянъ отъ произвольныхъ и чрезмѣрныхъ вымогательствъ, во-первыхъ, опредѣлить законодательнымъ порядкомъ, на какія именно работы вспомогательные наряды могли быть требуемы по совершенной ихъ необходимости; во-вторыхъ, установить размѣръ этой повинности числомъ рабочихъ дней.

Въ Положеніи первый вопросъ не разрѣшается. Перечисленію законныхъ видовъ вспомогательной барщины мѣсто указывалось само собою въ п. 3-мъ § 63-го, гдѣ трактовалось спеціально объ этой повинности; но тамъ указаны только: возка навоза, жнитво, поставка продуктовъ, въ видѣ примѣровъ, къ которымъ прибавлены слова: *и прочее*. Стало быть, предметы нарядовъ или виды работъ не исчерпывались. Затѣмъ, въ приложенной къ инструкціи формѣ вѣдомости, которую обязывался представить каждый помѣщикъ (эту вѣдомость председатель и члены Комитета подписали, но, какъ видно изъ журналовъ, не разсматривали съ должнымъ вниманіемъ), высчитывалось цѣлыхъ 12 видовъ вспомогательной барщины, изъ коихъ нѣкоторые обнимали самые разнообразные предметы: сюда входили, кромѣ всѣхъ безъ исключенія полевыхъ работъ, постройки и починки, выдѣлка кирпича и извести, винокуреніе, пастьба скота, пряжа и тканье, стрижка овецъ, мытье бѣлья, садовыя работы, рыбная ловля, облавы, посылки, сплавъ лѣса, подвозъ дровъ и т. д. Словомъ, оказывалось, что въ Лифляндіи не было положительно ни одной работы, ни одного занятія, ни одной помѣщичьей спекуляціи или потѣхи, для которой не требовалось бы чрезвычайныхъ нарядовъ; все это считалось безусловно необходимымъ, неотложнымъ и спѣшнымъ.

Разрѣшеніе втораго вопроса само собою вытекало изъ принятыхъ основаній. Если допущеніе особаго вида барщины, подъ неточнымъ названіемъ вспомогательной, могло быть оправдано только какъ плата за покосы и огороды отведенные крестьянамъ, то очевидно, что число вспомогательныхъ дней по принятой таксѣ не должно было превышать оцѣнки этихъ угодій. Это и было принято за правило, но, какъ всегда, вслѣдъ за установленіемъ принципа возникъ вопросъ объ изъятіяхъ. Русскіе члены Комитета вовсе не хотѣли ихъ допускать. Они доказывали очень основательно, что главное зло, вызывавшее введеніе новыхъ правилъ, и главный поводъ къ жалобамъ крестьянъ заключались именно въ вспомогательной барщинѣ, которая, при равномъ числѣ дней, была гораздо обременительнѣе ординарной или очередной, потому что вспомогательные наряды не распредѣлялись равномѣрно на цѣлый годъ

или на цѣлое полугодіе, а производились, большею частію, въ самую дорогую для крестьянъ рабочую пору; что чрезмѣрное усиленіе вспомогательной барщины совершилось самовольно, благодаря отсутствію надежнаго контроля надъ вотчинными управленіями и наконецъ, что допущеніе проектированнаго ландтагомъ правила о дозволеніи помѣщикамъ, вмѣсто сокращенія вспомогательныхъ дней, уменьшать размѣръ натуральныхъ оброковъ до полнаго ихъ упраздненія, нарушило бы одно изъ коренныхъ основаній шведской системы: установленное ею отношеніе издѣльной повинности къ оброчной.—На приведенныя соображенія ландраты возражали только, что сокращеніе вспомогательныхъ нарядовъ на всю ту часть, которая могла бы превысить оцѣнку покосовъ и огородовъ, разстроило бы окончательно хлѣбопашество и оставило бы помѣщиковъ безъ рабочихъ рукъ, необходимыхъ для поддержанія ихъ хозяйства въ прежнемъ размѣрѣ. Выходило изъ ихъ словъ, что нельзя было заниматься съ выгодою земледѣліемъ, не имѣя права наряжать крестьянъ на ловлю карасей и на гоньбу зайцевъ. Это голословное заявленіе не отличалось особенною убѣдительностью въ примѣненіи именно къ Лифляндіи, гдѣ существовалъ издавна многочисленный сельскій пролетаріатъ, кормившійся исключительно полевыми работами; но Комитетъ хотя и сознавалъ это, однако не устоялъ противъ искушенія уступить со скуки, чтобъ только развязаться. Послѣ долгихъ преній, въ 7-мъ засѣданіи, принято было слѣдующее правило: когда по оцѣнкѣ всѣхъ угодій крестьянскаго надѣла и всѣхъ существующихъ повинностей окажется, что сумма послѣднихъ превышаетъ сумму первыхъ, дозволяется, по желанію помѣщика, производить скидку изъ *ординарныхъ повинностей*, предоставляя крестьянину указать, изъ какихъ именно. Итакъ, здѣсь все-таки допускалась скидка, по выбору крестьянъ, какъ изъ натуральнаго оброка, такъ и изъ ординарной барщины. Дальнѣйшихъ сужденій по этому предмету въ Комитетѣ, до окончанія всего проекта, не происходило; между тѣмъ, въ противность заключенію, на которомъ онъ остановился, слова: „изъ ординарныхъ повинностей“ при окончательной редакціи были замѣнены словами: „изъ податей (т. е. изъ оброковъ),

платимыхъ крестьяниномъ въ продуктахъ сельскихъ или издѣліяхъ" (§ 64). Какъ проскользнулъ этотъ варіантъ—изъ журналовъ не видно; объ этомъ, вѣроятно, знали ландраты и они одни. Но этого мало: Комитетъ, вѣроятно самъ того не замѣчая, узаконилъ установленіе вспомогательной барщины въ размѣрѣ равномъ ординарной. Въ § 67, неправильно переведенномъ съ нѣмецкаго, мы читаемъ: такъ какъ только половина рабочихъ дней располагается въ ординарной работѣ, по равному числу въ недѣлю во весь годъ, а другая половина отправляется въ нѣкоторыя времена года вспомогательною работою, то и т. д. Между тѣмъ, по другому параграфу (63), ординарная барщина допускалась въ размѣрѣ не свыше какъ на половину стоимости гака, т. е. на 40 талеровъ, а такъ какъ по § 67-му вспомогательная барщина могла достигать до размѣра ординарной, то выходило, что Комитетъ не только нарушалъ установленное шведскою системою отношеніе между издѣльною повинностію и оброчною, но даже разрѣшалъ совершенное упраздненіе послѣдней, ибо 40 тал. ординарной и 40 тал. вспомогательной барщины составляли въ сложности всю сумму повинностей съ одного гака.

Читая внимательно журналы Комитета, нельзя однако не замѣтить, что по временамъ членамъ изъ Русскихъ, и въ особенности предсѣдателю, становилось неловко и какъ бы совѣстно подписывать на вѣру все, что подносили имъ ландраты, и всегда бродить въ полумракѣ, по чужому слѣду. Естественное желаніе отдать себѣ сколько нибудь ясный отчетъ въ томъ, что̀ дѣлалъ Комитетъ, навело предсѣдателя на мысль, за которую онъ горячо ухватился: сравнить повинности лифляндскихъ крестьянъ съ повинностями нашихъ, состоявшихъ на барщинѣ и, такъ сказать, перевести Положеніе проектированное для первыхъ, на русскіе нравы. Сколько по этому Положенію пришлось бы въ недѣлю рабочихъ дней съ тягла, разумѣя подъ тягломъ чету, способную къ работѣ?—Отвѣтъ на вопросъ, такимъ образомъ поставленный предсѣдателемъ, изготовилъ ландратъ Буденброкъ. Гакъ, объяснялъ онъ, представляетъ собою надѣлъ въ 80 талеровъ, съ котораго причитается въ пользу помѣщика на такую же сумму крестьянскихъ повинностей; предположивъ даже, что весь оброкъ

упразднится и что вся повинность будетъ взиматься одною барщиною, причтется приблизительно конныхъ рабочихъ дней (оцѣненныхъ въ 4 гроша) 1028 и столько же пѣшихъ (оцѣненныхъ въ 3 гроша); а какъ, по предложенному и принятому Комитетомъ правилу, на гакъ полагается не менѣе 20 рабочихъ душъ (примемъ: 10 мужскихъ и 10 женскихъ), то, раздѣливъ общее число дней конныхъ и дней пѣшихъ на число работниковъ и работницъ, получится, на каждаго и на каждую, по 102 съ небольшимъ дня въ годъ, слѣдовательно невступно по 2 дня въ недѣлю, и ужъ — никакъ не болѣе.

Выводъ этотъ былъ однако далеко не точенъ, притомъ не потому, чтобы въ разсчетъ введены были фальшивыя данныя, а потому, что многія данныя, необходимыя для сравненія, были утаены. Во-первыхъ, было упущено изъ виду, что по § 67, жнитво отбывалось сгономъ, слѣдовательно, во все продолженіе уборки, помѣщику предоставлялось право наряжать на барщину всѣхъ сколько нибудь способныхъ къ работѣ мужчинъ и женщинъ. Во-вторыхъ, принятіе всѣхъ пѣшихъ дней за женскіе было произвольно, не вытекало изъ закона и не совпадало съ существовавшимъ въ Лифляндіи обычаемъ. У насъ помѣщикъ не могъ требовать съ тягла двухъ работниковъ вмѣсто работника и работницы, тогда какъ въ Лифляндіи барщина, по шведскимъ законамъ, по вакенбухамъ и по всѣмъ проектамъ дворянства, опредѣлялась исключительно мужскими днями; не существовало даже оцѣнки женскаго дня. Конечно, помѣщикъ могъ принять на работу и женщинъ, и онъ дѣйствительно принималъ ихъ на тѣ работы, съ которыми онѣ управлялись не хуже мужчинъ; но это зависѣло отъ доброй воли его и не было для него обязательно. Понятно, что, при такомъ порядкѣ вещей, мужскихъ дней сходило съ двора больше, чѣмъ женскихъ, а никто вѣроятно не станетъ отрицать, что вообще барщина мужская цѣннѣе женской. Въ-третьихъ, не былъ принятъ въ разсчетъ повсемѣстный, обычный нарядъ подростковъ (отернековъ), который чего нибудь да стоилъ. Въ-четвертыхъ, скрыта была существенная разница въ силѣ и значеніи нашего и лифляндскаго закона. У насъ трехдневная съ тягла барщина установлена была какъ maximum *наряда* на работу, иначе—какъ высшая мѣра того,

чего помѣщикъ въ правѣ былъ *требовать* отъ крестьянъ, но чего онъ въ дѣйствительности никогда не получалъ [1]). Въ Лифляндіи же, помѣщики не знали ни праздниковъ, ни прогульныхъ дней, ни больныхъ; съ каждымъ хозяиномъ порознь велся въ теченіе года строгій счетъ отбытой и неотбытой барщинѣ по habet и debet, и отговорокъ не принималось; каждый почему либо невыполненный нарядъ записывался въ долгъ и непремѣнно отработывался. Такой порядокъ вещей возможенъ былъ только потому, что хозяйственная единица, отвѣчавшая помѣщику за исправное отбываніе повинностей—крестьянскій дворъ, была въ Лифляндіи гораздо крупнѣе, слѣдовательно состоятельнѣе нашей и въ особенности еще потому, что вотчинное управленіе въ Лифляндіи ставило каждому хозяину нужное число батраковъ, которыхъ онъ содержалъ именно для барской работы. Оттого высчитанное выше число дней съ гака не только требовалось, но и отбывалось безъ утери. Въ-пятыхъ, въ приведенномъ выше сравненіи вовсе не было принято въ соображеніе распредѣленіе суммы рабочихъ дней по временамъ года. Между тѣмъ, изъ §§ 63 и 64 составленнаго Комитетомъ Положенія можно было усмотрѣть, что лифляндская барщина въ этомъ отношеніи распадалась на три вида: часть ординарной барщины распредѣлялась равномѣрно на всѣ недѣли въ теченіе круглаго года; другая часть той же барщины распредѣлялась равномѣрно же на недѣли, только не цѣлаго года, а пятимѣсячной лѣтней рабочей поры; затѣмъ, вся вспомогательная барщина, которая, по числу дней, могла быть равна ординарной, распредѣлялась по усмотрѣнію помѣщика и, конечно, ложилась не на глухую, а на страдную пору хозяйственнаго года. Сдѣлать впередъ точное распредѣленіе всѣхъ рабочихъ дней на всѣ недѣли года было трудно по самому свойству проектированныхъ ландтагомъ и принятыхъ Комитетомъ правилъ; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ же можно было усмотрѣть, что два рабочихъ дня причиталось въ недѣлю *среднимъ только числомъ* или *на кругъ*, иначе, что ландраты представили Комитету фикцію, а не дѣйст-

[1]) У насъ, среднее число рабочихъ дней, *дѣйствительно* сходившихъ съ тягла, за вычетомъ праздниковъ, за скидкою больныхъ, родильницъ и т. д., зависѣло отъ отношенія числа душъ къ числу тяголъ.

вительность. Еслибъ они захотѣли раскрыть передъ нимъ всю правду, то они должны бы были сказать: когда въ лифляндскихъ деревняхъ дѣлать нечего или почти нечего, мы оставляемъ рабочаго въ покоѣ; за то въ лѣтнюю пору, когда скопляется много спѣшныхъ работъ и время дорого, мы вознаграждаемъ себя и заставляемъ его работать много. Но изъ всѣхъ Лифляндцевъ, тогдашнихъ, прежнихъ и въ наше время участвовавшихъ, по приглашенію правительства, въ его законодательныхъ работахъ по устройству быта крестьянъ, выискался только одинъ, отъ котораго можно было услышать всю правду,—тотъ самый, котораго правительство въ Комитетъ не впустило.

До всего вышеизложеннаго русскіе члены Комитета не докопались и вынесли изъ объясненій своего опытнаго сочлена полное для себя успокоеніе. Въ первый разъ блеснулъ передъ ними лучъ свѣта, и они ему такъ обрадовались, что захотѣли непремѣнно озарить имъ всю Лифляндію. Графъ Кочубей предложилъ внести выведенный разсчетъ въ текстъ Положенія, возвести уяснившійся фактъ въ законъ и постановить, какъ обязательное правило, что съ положеннаго на гакъ числа душъ мужскаго и женскаго пола помѣщикъ никогда не долженъ требовать болѣе, какъ по два дня въ недѣлю съ каждой души.

Этого ландраты, кажется, не ожидали. Требованіе предсѣдателя ставило ихъ въ крайне затруднительное и щекотливое положеніе. Съ одной стороны, имъ было хорошо извѣстно, что попади такая статья въ Положеніе, она поколебала бы все многосложное построеніе о повинностяхъ, а имъ, ландратамъ, лифляндское рыцарство этого бы не простило; съ другой, нельзя же было сознаться передъ Комитетомъ, что они потѣшили его фикціею, чтобы только отдѣлаться отъ докучливаго вопроса. Пришлось придумывать разнаго рода отговорки и идти на сдѣлки. Помирились на томъ, что разсчетъ нашелъ себѣ мѣсто не въ текстѣ Положенія, а въ докладѣ Комитета; самое же правило выражено было вскользь, въ вставочныхъ предложеніяхъ и какъ бы мимоходомъ — въ двухъ параграфахъ Положенія, посвященныхъ другимъ предметамъ и въ слѣдующихъ словахъ: „дабы силы крестьянъ, на одномъ гакѣ поселенныхъ, достаточны быть могли для отправленія сей

(издѣльной) повинности на помѣщика, *которая ни въ какомъ случаѣ не должна превосходить двухъ дней въ недѣлю*, то постановляется" и т. д. Даже не сказано, съ кого или съ чего полагалось два дня — такъ гласилъ параграфъ 58. Далѣе, въ § 67 значилось: „опредѣливъ соразмѣрность между землею и работниками, *хотя и приходитъ помѣщичьей работы менѣе двухъ дней въ недѣлю на каждаго работника мужеска и женска пола*; но, какъ только половина сихъ дней располагается въ ординарной работѣ" и т. д. Даже и въ этой невинной формѣ, слова эти, еслибъ они дошли до Лифляндіи, неминуемо должны бы были возбудить бурю; но этого не случилось. Ихъ успѣли въ пору перехватить и исправить. Въ томъ видѣ, въ какомъ они здѣсь приведены, они остались похороненными въ русскомъ текстѣ, котораго тамъ никто не читалъ, а въ нѣмецкомъ, который однако слылъ за точный переводъ, было прибавлено въ § 67, къ слову „располагается" слово: *вообще* (überhaupt); въ томъ же параграфѣ, вмѣсто словъ: „менѣе двухъ дней въ недѣлю" поставлено: *не болѣе двухъ дней* (nicht mehr als zwei Tage); наконецъ, въ обоихъ параграфахъ прибавлены слова: *на кругъ* или среднимъ числомъ (im Durchschnitt)—слова радикально измѣнявшія смыслъ. Спрашивается, какъ могли произойти и проскользнуть такія разницы въ двухъ текстахъ, напечатанныхъ одинъ противъ другаго, en regard? [1]). Предположить, что мысль Комитета вѣрно выражена въ нѣмецкомъ текстѣ и что въ русскій вкралась ошибка по оплошности переводчика, невозможно, по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, повтореніе одной и той же ошибки въ двухъ §§, 58 и 67, слишкомъ невѣроятно; во-вторыхъ, по свидѣтельству самого гр. Кочубея, онъ особенно дорожилъ статьею о двухъ дняхъ въ недѣлю и потому приведенные параграфы вѣроятно были первоначально редактированы подъ его руководствомъ по русски и въ этомъ видѣ утверждены Комитетомъ; во всякомъ случаѣ они читались и просматривались въ Комитетѣ внимательно и не разъ, такъ что, еслибы предложенная русская редакція передавала при-

---

[1]) Выписка сдѣлана по первому изданію 1804 года, съ котораго русскій текстъ буквально перепечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, XXVII, № 21262.

нятой Комитетомъ смыслъ явно невѣрно, — это бы не могло укрыться. Остается одно объясненіе: при окончательномъ просмотрѣ нѣмецкаго текста, ландраты, за которыми никто изъ русскихъ членовъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, не присматривалъ, вѣроятно сдѣлали отъ себя указанныя вставки pour les besoins de leur cause.

На вопросъ русскихъ членовъ Комитета, сколько будетъ сходить рабочихъ дней въ недѣлю съ каждой рабочей души, имъ отвѣчали: два дня. Жаль, что за этимъ вопросомъ не послѣдовалъ другой: а на кого эти души будутъ работать въ остальные пять дней? Не спросили вѣроятно потому, что по нашимъ, русскимъ понятіямъ, дѣло было ясно: не на помѣщика, такъ на себя. Но и здѣсь Комитетъ до сути дѣла не дошелъ. Если бы вопросъ этотъ былъ предложенъ и если бы кто нибудь изъ Лифляндцевъ захотѣлъ отвѣтить на него точно и опредѣлительно, то вотъ что̀ бы онъ долженъ былъ сказать: поясните прежде всего о комъ вы спрашиваете. Если о хозяевахъ, то знайте, что они сами рѣдко выходятъ на барщину. Они намъ только отвѣчаютъ за исправное ея отбываніе, а для того, чтобъ они могли отвѣчать, мы отдаемъ имъ въ кабалу ихъ же односельцевъ, такихъ же крестьянъ, какъ и они, которымъ мы, помѣщики, не отводимъ ни пяди земли и которыхъ они, хозяева, обязываются содержать. Эти, по вашему—кабальные, а по нашему—б а т р а к и, работаютъ накругъ въ недѣлю, изъ одного насущнаго хлѣба, два дня—на барина, называемаго помѣщикомъ, а четыре дня—на другаго своего барина, называемаго хозяиномъ. Мы и послѣдняго называемъ бариномъ, потому что онъ пользуется временемъ и силами батраковъ не по вольной съ ними рядѣ, не вслѣдствіе добровольнаго ихъ желанія жить у него и служить ему, а въ силу обязательнаго для нихъ распоряженія вотчинной конторы, которая, не отводя имъ земли, распредѣляетъ ихъ по своему усмотрѣнію, не спрашивая ихъ и не принимая отъ нихъ никакихъ отговорокъ. На этомъ правѣ совершенно произвольнаго и безотчетнаго распоряженія батраками построена вся наша сельско-хозяйственная система; безъ него она немыслима и хотя теперь мы, помѣщики, отказываемся отъ него лично для себя, но мы отнюдь не думаемъ ни отмѣнять, ни ограничивать его, а передаемъ его цѣли-

комъ крестьянскому суду, въ которомъ всегда будутъ первенствовать хозяева, который на практикѣ будетъ не инымъ чѣмъ, какъ переднею вотчинной конторы, и вы сами, весь Комитетъ, признали этотъ порядокъ вещей, правда, въ выраженіяхъ по возможности маскирующихъ суть дѣла, но все-таки признали и узаконили безъ всякихъ ограниченій. Дѣйствительно, въ трудѣ Комитета читается § 59, гласящій: распредѣленіе по хозяйствамъ крестьянъ (т. е. по дворамъ хозяевъ, Gesinde) какъ работниковъ, такъ и работницъ возлагается на крестьянскіе суды, которые и обязаны наблюдать, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ, соразмѣрно величинѣ онаго, находилось не менѣе опредѣленнаго числа работниковъ. Эта статья стоитъ совершенно изолированно, безъ оговорокъ и безъ дальнѣйшаго развитія. Полагая, съ одной стороны, обязанность, которая должна быть исполнена, съ другой—предоставляя право распредѣленія, ничѣмъ не ограниченное и не регулированное, она установляла полнѣйшій, притомъ лишенный всякаго экономическаго основанія произволъ въ распоряженіи личностью цѣлаго класса людей. Стоило ли послѣ этого тратить столько времени и столько труда, выторговывая у помѣщиковъ отмѣну права продавать и закладывать крестьянъ безъ земли? Не гораздо ли легче нести рискъ—быть перечисленнымъ по купчей отъ одного владѣльца къ другому, чѣмъ всю жизнь проводить въ чужомъ домѣ, въ вѣчной работѣ на своего же брата крестьянина, въ полной отъ него зависимости, получая одно необходимое содержаніе и не пріобрѣтая никакого права на обезпеченіе къ тому времени, когда силы оскудѣютъ и наступитъ старость? Въ главѣ III своего труда Комитетъ выставилъ ребромъ, какъ общее правило, „что всѣ повинности въ пользу помѣщиковъ (въ чемъ бы онѣ ни состояли) не иное что суть, какъ доходъ съ земли собственность помѣщиковъ составляющей и въ пользованіе крестьянамъ предоставленной.“ Какъ же мирилось съ этимъ началомъ неограниченное право на трудъ цѣлаго класса крестьянъ, которымъ помѣщикъ не давалъ ни клочка земли? Очевидно, со всѣмъ этимъ русскіе члены Комитета помирились только потому, что они не имѣли ни свѣдѣній о числѣ батраковъ, ни яснаго представленія о ихъ бытѣ. Кромѣ выше-

приведенной статьи, о батракахъ говорилось еще въ § 18: „дабы и сему состоянію крестьянъ доставить надежное и достаточное *пропитаніе*“ (только! — даже не вознагражденіе за трудъ цѣлой жизни на чужихъ людей!), особымъ ревизіоннымъ коммиссіямъ поручалось разсмотрѣть и опредѣлить отношенія между женатыми работниками и хозяевами, то есть назначеніе на *содержаніе ихъ* денежной платы и одежды или земли, согласно съ мѣстными обыкновеніями каждой мызы“. Итакъ, са́мъ Комитетъ не сдѣлалъ для нихъ ровно ничего [1]); мало того, онъ даже ухудшилъ ихъ положеніе [2]) между прочимъ тѣмъ, что узаконилъ изъятіе крестьянъ-хозяевъ отъ рекрутства будто бы „на основаніи правилъ, уже существующихъ“. Но такихъ правилъ не было; могъ существовать обычай, вытекавшій изъ помѣщичьихъ разсчетовъ, и были предположенія ландтаговъ, никѣмъ не утвержденныя.

Не лучше поступилъ Комитетъ съ б о б ы л я м и. Они, какъ извѣстно, не получали ни отъ кого ни земли, ни харчей и считались чѣмъ то въ родѣ нашихъ древнихъ изгоевъ. Ландтагъ и вслѣдъ за нимъ Комитетъ высказывали желаніе, чтобы помѣщики, арендаторы и крестьянскіе суды старались такъ или иначе пристраивать ихъ къ чужимъ хозяйствамъ или обзаводить ихъ собственными; но этого рода пожеланія никого ни къ чему не обязывали. Между тѣмъ, впредь до осуществленія ихъ, помѣщику разрѣшалось наряжать бобылей на барщину, мужчинъ, по одному дню въ недѣлю—круглый годъ, женщинъ, по одному дню—въ лѣтнюю пору, а зимою задавать послѣд-

---

[1]) Вотъ, что̀ писалъ объ этомъ графу Кочубею подполковникъ Экепаръ: en supposant dans toutes les commissions le même désir de bien faire, saurait-on supposer aussi dans tous leurs membres les mêmes moyens d'en venir à bout? Cet objet est de la dernière importance parcequ'il concerne immédiatement le bien-être des trois quarts au moins de la totalité des paysans. Si on parle d'usance à l'égard de la paye des journaliers, la seule assez universellement répandue est qu'ils n'en recoivent quasi aucune jusqu'aprésent de leurs patrons. Le comité a réglé de la manière la plus précise tous les rapports entre le seigneur et le paysan propriétaire; pourquoi voudrait-il s'en rapporter aux commissions pour la détermination de ceux qui régleront le sort des journaliers? Plus le sort de ceux-ci a été jusqu'apresent déplorable, et plus ils ont droit, ce semble, d'attendre qu'il fût définitivement réglé par le comité lui-même.

[2]) Того же мнѣнія былъ и графъ Я. Е. Сиверсъ. См. гл. III.

нимъ по два фунта пряжи, не отпуская имъ даже харчевыхъ. Пользуясь такою, въ полномъ смыслѣ слова, даремщиною, былъ ли разсчетъ помѣщику употреблять расходы и старанія на ихъ обзаведеніе? И что̀ можно было привести въ оправданіе этой новоизобрѣтенной, небывалой прежде повинности, съ точки зрѣнія Комитета, постановившаго въ начальной главѣ *о поселянахъ вообще* (не объ однихъ крестьянахъ-хозяевахъ), что законными признаются только тѣ повинности, которыя истекаютъ изъ обязанности поселянъ *вознаграждать владѣльцевъ той земли* (казну или дворянъ) *отъ обработыванія которой они пріобрѣтали пропитаніе и имущество?* Въ проектѣ правилъ, составленномъ имъ для Комитета, и въ отвѣтахъ своихъ на замѣчанія Сиверса ландратъ Буденброкъ писалъ: „Съ бобылей положена повинность *за право заниматься своею работою* — оброкъ по соглашенію, или изъ пяти недѣль одну работать на господина[1]). Что состояніе сіе нравится въ Лифляндіи крестьянину доказывается тѣмъ, что крестьяне охотно соглашаются не имѣть земли и жить бобылями". Но если предположить, что это былъ несомнѣнный фактъ, а не вымыселъ, то онъ могъ бы только служить доказательствомъ крайней обременительности повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ, и вообще ненормальности всей ихъ хозяйственной обстановки, а отнюдь не оправданіемъ повинности, устанавливаемой вопреки общему, принятому Комитетомъ правилу, съ поселянъ, не получавшихъ отъ помѣщика ровно ничего. Далѣе, разсуждалъ Буденброкъ: „Какъ въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ помѣстьяхъ находится иногда много такихъ крестьянъ, кои не имѣютъ *и не могутъ имѣть земли* и потому не обложены никакими повинностями и, не работая у хозяина, у котораго они живутъ, бываютъ по большей части отяготительны какъ для помѣщика (почему?) такъ и для помѣстья (?),

---

1) Г. Рихтеръ, въ своей брошюрѣ (Очеркъ крестьянскаго сословія и т. д. 1858) приводитъ, какъ одну изъ отличительныхъ особенностей и какъ одно изъ преимуществъ Балтійскаго края передъ Россіею, что „въ немъ оброки, платимые съ промысловъ и торговли, совершенно безизвѣстны". И не мудрено, когда въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій крестьянамъ строжайше запрещалось заниматься торговлею и ремеслами. За то, какъ видно, тамъ не безизвѣстенъ былъ оброкъ за одно право работать или заниматься чѣмъ нибудь.

то должны они *за ту свободу, которою пользуются*, выходить на господскую работу". Свобода значитъ здѣсь только неотбываніе повинностей на помѣщика, ибо бобыли, наравнѣ со всѣми крестьянами, были крѣпки землѣ и не могли отлучаться изъ имѣнія для пріисканія себѣ заработковъ на сторонѣ иначе какъ съ дозволенія помѣщика и подъ условіемъ платежа ему договореннаго оброка. Стало быть, вотъ къ чему сводилась аргументація ландрата: бобыли не отбываютъ на помѣщика никакихъ повинностей, потому что не за чтò и не съ чего имъ отбывать ихъ; но такъ какъ они повинностей не отбываютъ, то за это самое и слѣдуетъ обложить ихъ повинностью. И Комитетъ послушался ландрата. Кстати здѣсь замѣтить, что при сравненіи размѣра издѣльной повинности въ Лифляндіи и въ нашихъ русскихъ губерніяхъ, барщина, установленная съ бобылей, не была поставлена господами ландратами въ счетъ.

Комитетъ внесъ въ Положеніе изъ проекта лифляндскаго ландтага и опредѣленіе нормальнаго отношенія господскаго посѣва къ ординарной барщинѣ, которою располагалъ помѣщикъ. На каждый рабочій конный день въ недѣлю полагалось не болѣе двухъ лофштелей (1632 саж.) господскаго посѣва въ озимомъ полѣ. Въ той формѣ, въ какой это правило въ Положеніи выражено, то есть какъ maximum, оно могло бы быть принято за ограниченіе свободы помѣщиковъ въ хозяйственныхъ ихъ распоряженіяхъ, введенное для вящшаго огражденія крестьянъ отъ вымогательствъ. Но не такова была цѣль составителей его и не таково было его назначеніе; напротивъ, оно было придумано единственно для оправданія въ будущемъ урѣзокъ отъ крестьянскихъ земель и упраздненія цѣлыхъ дворовъ, ибо, какъ мы видѣли, помѣщикъ, котораго посѣвъ фактически былъ ниже принятой нормы, пріобрѣталъ право требовать увеличенія его на счетъ крестьянскихъ полей.

Не стоило бы и останавливаться на этомъ правилѣ, если бы въ послѣднее время остзейскіе публицисты не вздумали ссылаться на него въ подтвержденіе странной темы, которую они такъ горячо отстаиваютъ, о какой-то радикальной невозможности установленія законодательнымъ порядкомъ нормы

денежной повинности. Неизвѣстно, въ видѣ ли возраженія на противное мнѣніе, высказанное въ первомъ выпускѣ Окраинъ, или по другому поводу, г. Юнгъ-Штиллингъ, въ своихъ „Статистическихъ Матеріалахъ", задаетъ себѣ вопросъ: „нельзя ли подвести и денежный оброкъ подъ какую нибудь норму, подобно тому, какъ была узаконена норма для барщины?" и отвѣчаетъ рѣшительно: „это невозможно."—Вотъ причины: „По основнымъ правиламъ Положенія о крестьянахъ 1804 и 1809 годовъ, установлялось опредѣленное отношеніе между цѣнностью крестьянскихъ земель (выраженною талерами) и площадью господскихъ полей, именно: на гакъ крестьянской земли полагалось 36 лофштелей господскихъ полей. Барщина, которая требовалась съ хозяина, состоявшаго на издѣльной повинности, должна была соотвѣтствовать количеству силъ, потребныхъ на обработку господскихъ полей. Исходя изъ этого начала, можно было найти норму для барщины, именно въ наивысшемъ количествѣ рабочихъ силъ, какое, по указаніямъ опыта, могло понадобиться для удовлетворительной по тогдашнимъ понятіямъ обработки господскихъ полей. Такою нормою повинности крестьянъ повсемѣстно уравнивались только количественно, но не по отношенію къ ихъ цѣнности. Смотря по мѣстнымъ условіямъ каждаго имѣнія, по бóльшему или меньшему плодородію полосы, въ которой оно находилось, по близости большихъ городовъ или въ отдаленіи отъ нихъ, выгоды, извлекаемыя изъ барщины одного и того же размѣра, не могли быть одинаковы; часто она могла имѣть для одного владѣльца сравнительно съ другимъ двойную цѣнность. Итакъ, очевидно, что опредѣленіе нормы оброка на основаніи прежней барщины было невозможно."

Вся эта аргументація построена на пескѣ. Во-первыхъ, никогда потребности помѣщичьяго хозяйства, *какъ данной величины*, не служили основаніемъ для опредѣленія размѣра барщины, *какъ искомой величины*, а наоборотъ: по выведенному совершенно инымъ способомъ числу рабочихъ дней опредѣлялся maximum господскаго посѣва. Оттого никогда увеличеніе его не могло служить поводомъ для помѣщика требовать прибавки дней и никогда сокращеніе его не давало права крестьянамъ домогаться скидки въ рабочихъ дняхъ; наобо-

ротъ, когда, по другимъ причинамъ, число дней сокращалось или увеличивалось, помѣщикъ, въ первомъ случаѣ, обязанъ былъ пропорціонально сократить свой посѣвъ, а во второмъ—пріобрѣталъ право увеличить его. Мало того, установленное закономъ отношеніе посѣва къ рабочимъ днямъ даже не могло служить и никогда не служило нормою для опредѣленія размѣра издѣльной повинности *вообще*, такъ какъ maximum посѣва исчислялся пропорціонально не общему числу рабочихъ дней, а только числу дней такъ называемой ординарной барщины, безъ принятія въ соображеніе вспомогательной, которая часто равнялась съ ординарною и для которой однако также существовала норма.

Во-вторыхъ, смыслъ Положенія 1804 года, въ приведенной выпискѣ изъ книги г. Юнга-Штиллинга, радикально искаженъ. Въ регулированіи крестьянскихъ повинностей Комитетъ, какъ извѣстно, придержался въ точности шведской таксаціи (по крайней мѣрѣ таково было его намѣреніе), а эта таксація, въ примѣненіи къ крестьянскому вопросу, давала правила для опредѣленія размѣра не одной барщины, *а всякаго рода крестьянскихъ повинностей.* Какъ видно изъ шведскихъ инструкцій XVII вѣка, какъ заявлено въ докладѣ Комитета 1804 года и въ изслѣдованіи ландрата Самсона и какъ повторено въ главѣ І-ой, прежде всего опредѣлялся, по опыту, валовой доходъ отъ земли *натурою*, иначе—средній урожай или укосъ при различныхъ градусахъ или степеняхъ естественной производительности грунта. Изъ этого валоваго дохода вычиталось количество произведеній, нужное на обезпеченіе безбѣднаго существованія крестьянъ и на уплату лежавшихъ на нихъ государственныхъ податей; въ остаткѣ получалось, *въ видѣ натуральной ренты,* законное вознагражденіе причитавшееся владѣльцу за его землю отданную крестьянамъ. Натуральная рента, переложенная на деньги по рыночнымъ цѣнамъ того времени, *давала норму денежнаго оброка*; наконецъ, такъ какъ требовалась не денежная, а издѣльная повинность, то первая перекладывалась на вторую по условной оцѣнкѣ рабочаго дня. Стало быть, какова бы ни была шведская система сама по себѣ, хороша или дурна, но она заключала въ себѣ данныя, которыя могли служить для вывода нормы денежной

повинности, посредствомъ періодической переоцѣнки натуральной ренты или рабочихъ дней; ибо хотя оцѣнка послѣднихъ (не условная, а по дѣйствительной ихъ стоимости) была немыслима въ XVII вѣкѣ (какъ было нами объяснено въ главѣ I-ой), но въ пяти и шестидесятыхъ годахъ XIX, и именно въ Лифляндіи, она была весьма возможна, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой возможны вообще всѣ оцѣнки служащія основаніемъ для государственныхъ налоговъ, займовъ, страхованія и т. д. Само собою разумѣется, что въ настоящее время не было бы необходимости рабски держаться этой системы, не отступая отъ нея ни въ чемъ; мы ведемъ рѣчь не о подробностяхъ и частностяхъ, въ которыхъ легко указать очень исправимые недостатки, а о самомъ процессѣ опредѣленія нормы повинности. Нельзя отрицать, что на выводахъ, этимъ путемъ полученныхъ, держалось лифляндское хозяйство въ продолженіи безъ малаго двухъ столѣтій съ перерывами; что ни дворянство, ни правительство, ни въ концѣ прошлаго вѣка, ни въ 1804-мъ, ни въ сороковыхъ годахъ, не могли придумать ничего лучшаго; что относительная цѣнность различныхъ угодій и различныхъ родовъ почвы признавалась вообще опредѣленною вѣрно; наконецъ, что шведская таксація была извѣстна всѣмъ, усвоена народомъ, глубоко вошла въ мѣстные обычаи и пользовалась авторитетомъ непререкаемаго факта. Мы утверждаемъ, что не было ни экономическихъ, ни политическихъ основаній такъ легкомысленно бросать все это черезъ бортъ при предстоявшей замѣнѣ одной повинности другою и что совершившійся въ Лифляндіи отчаянный salto mortale изъ періода строжайшей, до крайности придирчивой регламентаціи, подводившей подъ нормы самыя мелкія подробности хозяйственнаго, юридическаго, даже семейнаго сельскаго быта, въ періодъ полной свободы мнимо-добровольныхъ соглашеній, такъ называемой естественности и ничѣмъ неограниченной конкурренціи, былъ, въ интересахъ крестьянъ и всего края (разумѣется за исключеніемъ помѣщиковъ), величайшею ошибкою, въ которой рано или поздно придется горько покаяться. Со временемъ, объ этомъ нынѣ прославляемомъ кризисѣ будутъ отзываться въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ томъ же тонѣ, въ какомъ теперь господа Юнгъ-Штиллингъ, Эквардъ,

Нолькенъ и другіе говорятъ о законодательномъ переломѣ 1819 года.

Въ-третьихъ, если, чего мы и не отрицаемъ, для двухъ помѣщиковъ, въ распоряженіе которыхъ отдавалось одинаковое число рабочихъ дней, но въ различныхъ мѣстностяхъ, это вознагражденіе могло имѣть не одинаковую цѣнность, то это происходило отъ того, что барщиною можно пользоваться только для производства полевыхъ работъ. Иное дѣло оброкъ, а потому этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, конечно, о превосходствѣ денежной повинности передъ издѣльною (въ чемъ, кромѣ барона Нолькена, никто не сомнѣвается), но ни мало не доказываетъ невозможности регулированія первой. Впрочемъ, какимъ бы процессомъ ни выводилась норма той или другой крестьянской поземельной повинности, задачею этой трудной операціи никогда не было и не можетъ быть отыскать такую норму, при которой получаемая разными лицами повинность одинаковаго размѣра имѣла бы *для получателей*, съ точки зрѣнія *ихъ* интересовъ и въ *ихъ* глазахъ, одинаковую цѣнность. Задача состоитъ въ томъ, чтобы повинность была, во-первыхъ, посильна крестьянамъ, именно имъ, а не кому нибудь вообще, крестьянамъ выслужившимъ и выстрадавшимъ свое право на облагаемую землю, составляющую conditio sine qua non ихъ существованія какъ государственнаго сословія — это первое и главное требованіе; во-вторыхъ, чтобъ эта повинность была пропорціональна выгодамъ, получаемымъ ими отъ отведенной имъ земли, по роду угодій, по степени ихъ производительности, по болѣе или менѣе благопріятнымъ условіямъ мѣстности, слѣдовательно, *въ главныхъ основаніяхъ* — пропорціональна стоимости земли. Чтобъ эта задача была неразрѣшима, — не доказалъ никто, а всѣ предъявленные доводы въ сущности содержатъ въ себѣ не иное что, какъ радикальное, хотя преднамѣренно маскируемое нежеланіе и опасеніе даже постановки и серьезнаго ея обсужденія. Но о возможности или невозможности примѣненія къ Лифляндіи нормы денежной повинности намъ предстоитъ высказаться обстоятельнѣе, когда мы дойдемъ до законовъ 1849 и 60-хъ годовъ, и потому мы этимъ закончимъ отступленіе, вызванное ссылкою на Положеніе 1804 года, и вернемся къ его разбору.

Глава Положенія „о подсудимости" крестьянъ (т. е. о крестьянскихъ судахъ) также заимствована была въ главныхъ чертахъ изъ проекта ландтага. Графъ Кочубей, взявшій на себя разработку этой части, многое въ ней смягчилъ, но не только не упростилъ, а скорѣе усложнилъ предположенную дворянствомъ организацію.

Домашняя, полицейская расправа оставлена была помѣщику надъ дворовыми людьми и надъ батраками, съ полнымъ отъ нея освобожденіемъ крестьянъ-хозяевъ. Мѣра наказанія была ограничена арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ до двухъ дней, или 15-ью ударами палками или дѣтскими розгами. Эта статья была предметомъ продолжительныхъ преній. Ландратъ Анрепъ усиленно домогался назначенія высшей мѣры наказанія, но Комитетъ не уступилъ. Съ другой стороны, Сиверсъ настаивалъ на болѣе точномъ опредѣленіи и между прочимъ совѣтовалъ пояснить, что палками дозволялось наказывать только взрослыхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей—только розгами. Прямо оспаривать это предложеніе въ Комитетѣ было неудобно и потому ландраты прибѣгли къ другой тактикѣ: они выразили „опасеніе, какъ бы точное опредѣленіе наказаній не побудило, съ одной стороны—изыскивать способы дѣлать законныя наказанія тягчайшими, съ другой—нарушать спокойствіе домовладыки (sic); лучше бы предоставить помѣщикамъ, какъ отцамъ, домашнее наказаніе въ общихъ выраженіяхъ, неопредѣленно". Комитетъ также нашелъ, что лучше, и не захотѣлъ стѣснять отцовъ; а какъ воспользовались отцы оставленною неопредѣленностью—читатели увидятъ въ слѣдующей главѣ. Употребленіе узаконенной домашней расправы допускалось только въ трехъ случаяхъ: пьянства или распутства, грубости или ослушанія и лѣности въ исполненіи заданной работы. Жалобы со стороны наказанныхъ допускались только на превышеніе мѣры, а не на несправедливость наказанія. На владѣльцевъ распространена была отвѣтственность, впрочемъ не личная, а только денежная, по платежу штрафовъ, налагаемыхъ судами на управителей и прикащиковъ за употребленіе во зло полицейской власти. Возстановлено было правило, введенное Императоромъ Павломъ, но не соблюдавшееся, о взятіи въ опеку, по судебному приговору,

имѣнія въ случаѣ уличенія въ таковыхъ злоупотребленіяхъ самого помѣщика; дѣйствіе этого правила распространено было и на случай четырекратнаго уличенія помѣщика въ притѣсненіи крестьянъ и въ требованіи съ нихъ повинностей свыше законной мѣры.

Въ каждой вотчинѣ учреждался крестьянскій судъ, вѣдавшій споры и ссоры крестьянъ между собою, полицейскіе ихъ проступки, размѣщеніе батраковъ по дворамъ, пристройку бобылей и сдачу рекрутовъ. Утвержденіе избранныхъ крестьянами судей не было предоставлено помѣщику (въ отмѣну предложенія ландтага), но ему дано было право назначать одного изъ судей, другаго назначали хозяева, третьяго батраки—этотъ порядокъ выбора придуманъ былъ самимъ Комитетомъ. Комитетъ же расширилъ вѣдомство крестьянскаго суда, включивъ въ него споры между крестьянами и вотчинными правленіями по предмету неисправностей въ отбываніи повинностей, сохранивъ при этомъ правило о поступленіи всѣхъ приговоровъ этого суда на утвержденіе помѣщика, который однако не имѣлъ права ни измѣнять ихъ, ни прокурорской власти переносить ихъ далѣе на ревизію. Такъ выходило по § 90 Положенія; но впослѣдствіи, въ одномъ изъ своихъ объясненій на Положеніе, Комитетъ постановилъ: само собою разумѣется (это вовсе не разумѣлось) что неутвержденный помѣщикомъ приговоръ крестьянскаго суда восходитъ въ приходскій судъ, кромѣ маловажныхъ дѣлъ, по которымъ не допускалось и апелляціи.

Вмѣсто орднунгсъ-герихта (по проекту ландтага), учрежденъ былъ приходскій судъ, какъ вторая инстанція по жалобамъ крестьянъ другъ на друга и вотчинныхъ управленій на крестьянъ, по неисполненію ихъ обязанностей, и какъ первая, *примирительная* инстанція по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ. Предсѣдательствовалъ въ немъ дворянинъ избранный отъ своего сословія, а три засѣдателя избирались всѣми крестьянскими судьями прихода, исключительно изъ числа этихъ судей, и утверждались церковнымъ попечителемъ. Комитетъ смягчилъ тѣ строгости, которыми ландтагъ хотѣлъ ограничить и затруднить подачу жалобъ на помѣщиковъ. Вмѣсто требованія, чтобы крестьянинъ, во всякомъ

случаѣ, непремѣнно исполнилъ приказаніе помѣщика, запрещено было только оставлять, подъ предлогомъ принесенія жалобы, заданную работу неоконченною; предложенная ландтагомъ отдача крестьянина въ крѣпостныя работы за троекратную подачу неоправдавшейся жалобы на помѣщика была вовсе отмѣнена.

Третью и послѣднюю инстанцію по дѣламъ крестьянъ между собою, третью же по жалобамъ помѣщиковъ на крестьянъ и вторую по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ составлялъ ландгерихтъ, съ придачею къ обыкновенному его составу двухъ засѣдателей отъ крестьянъ: одного изъ казенныхъ, другаго изъ частныхъ имѣній, которые выбирались засѣдателями крестьянскихъ судовъ изъ своей среды.

Наконецъ, послѣднюю инстанцію (третью) по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ и (четвертую) по жалобамъ помѣщиковъ на крестьянъ составлялъ гофгерихтъ, съ придачею къ нему очереднаго ландрата.

Въ проектѣ ландтага вопросъ объ общественной организаціи крестьянъ остался вовсе не затронутымъ и это былъ не случайный пробѣлъ: дворянство мирилось съ крестьянскимъ судомъ, но не хотѣло видѣть передъ собою *общества* крестьянъ. Съ отдѣльными личностями оно надѣялось легко управиться, тѣмъ болѣе, что, не допуская никакихъ сходовъ и не установляя никакихъ правилъ о порядкѣ производства выборовъ, оно, подразумѣвательно, выговаривало себѣ полную возможность руководить ими и, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ, держать суды подъ опекою. Комитетъ, сознательно или безсознательно, усвоилъ себѣ въ этомъ отношеніи взглядъ дворянства.

Инструкція составленная Комитетомъ для исполнительныхъ коммиссій, названныхъ, по старой памяти отъ шведскихъ временъ, *ревизіонными*, представляла собою трудъ самостоятельный, такъ какъ этого предмета ландтагъ вовсе не затрогивалъ. Первоначальный проектъ ея заготовленъ былъ Буденброкомъ, потомъ разсматривался въ Комитетѣ и подвергся существенной передѣлкѣ къ лучшему.

Положено было учредить четыре коммиссіи: Рижскую, Дерптскую, Венденскую и Пернавскую. Каждая состояла, подъ

предсѣдательствомъ одного лица, изъ двухъ отдѣленій, дѣйствовавшихъ совершенно независимо другъ отъ друга и никогда не соединявшихся въ одно присутствіе. Въ отдѣленіи полагалось три засѣдателя, изъ коихъ одинъ, подъ названіемъ старшаго, докладывалъ дѣла; при отдѣленіи состояли секретарь, землемѣръ и писцы. Засѣдатели назначались Высочайшею властью изъ двойнаго числа кандидатовъ представляемыхъ дворянствомъ поуѣздно, а предсѣдатели всѣхъ четырехъ коммиссій Высочайшею властью непосредственно, *изъ чиновниковъ въ Лифляндіи помѣстій не имѣющихъ*, иначе: изъ Русскихъ. Это условіе, предложенное въ Комитетѣ, вѣроятно, графомъ Кочубеемъ и не возбудившее со стороны ландратовъ никакихъ возраженій (такъ какъ они надѣялись, что русскіе предсѣдатели никогда не вникнутъ въ секреты лифляндскаго хозяйства) имѣло однако на послѣдующій ходъ исполнительной операціи самое рѣшительное и благодѣтельное вліяніе. Оно было мотивировано „извѣстнымъ образомъ мыслей лифляндскихъ крестьянъ и необходимостью наблюсти, чтобъ самое составленіе (составъ) коммиссій могло уже внушить всеобщую къ нимъ довѣренность и отдалить всякое подозрѣніе на ихъ безпристрастіе.“ Черезъ этихъ предсѣдателей, служившихъ не провинціальнымъ, а государственнымъ интересамъ, само правительство, въ первый и, къ сожалѣнію, въ послѣдній разъ, приложило руку къ исполненію своей воли въ Лифляндіи, вступивъ дѣятельно in medias res. Благодаря единственно этому обстоятельству и очень удачному выбору двухъ изъ числа четырехъ предсѣдателей, законъ, на этотъ разъ, не остался мертвою буквою и не исказился въ примѣненіи; но его недостатки немедленно раскрылись и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтились, правда на короткое время, всѣ темныя стороны мѣстнаго провинціальнаго быта, вся подноготная Лифляндіи, которой прежде правительство не подозрѣвало и которая вслѣдъ затѣмъ опять для него закрылась чуть ли не навсегда. Въ наше время, въ Остзейскомъ краѣ, Русскіе съ трудомъ удерживаются даже на такихъ мѣстахъ, на которыхъ имъ не приходится имѣть столкновеній съ господствующими сословіями, а потому ихъ и назначаютъ туда неохотно и рѣдко; поручить же Русскимъ регулированіе отношеній крестьянъ къ помѣ-

щикамъ—объ этомъ теперь не посмѣлъ бы и подумать ни одинъ министръ. Такая мѣра показалась бы неслыханною дерзостью, изобрѣтенною для раздраженія Остзейской публики, а въ 1803 году она прошла не удививъ никого. Никто не посмѣлъ возразить на нее ни полслова. Черта эта даетъ мѣрку для сравненія силы правительства въ Прибалтійскомъ краѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка и во второй его половинѣ.

Каждому отдѣленію каждой коммиссіи отводился въ уѣздѣ особый округъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ приходовъ, въ которомъ она обязана была по каждому имѣнію: Во-первыхъ, привести въ извѣстность существующій порядокъ вещей; для этого, къ назначенному сроку, отъ помѣщика вытребывались вакенбухъ, регулативъ, планы и подробныя свѣдѣнія о крестьянскомъ надѣлѣ и о крестьянскихъ повинностяхъ; эти свѣдѣнія повѣрялись на мѣстахъ опросомъ выборныхъ отъ крестьянъ. Во-вторыхъ, по надѣлу и по числу рабочихъ душъ, опредѣлить размѣръ повинностей и, на основаніи новаго Положенія, составить вакенбухъ на все имѣніе. Въ-третьихъ, по этому вакенбуху составить и раздать хозяевамъ вакенбухи на каждый дворъ. Въ-четвертыхъ, опредѣлить содержаніе батракамъ и составить списки дворовымъ людямъ. Наконецъ, открыть крестьянскіе и приходскіе суды и назначить жалованье засѣдателямъ отъ крестьянъ. Отдѣленія коммиссіи, собственною властью, ничего не рѣшали и не вводили. Предсѣдатель, переѣзжая изъ одного отдѣленія въ другое, направлялъ ихъ дѣйствія, ревизовалъ дѣлопроизводство, разрѣшалъ недоумѣнія и вопросы, въ случаѣ надобности измѣнялъ предположенія отдѣленій и утверждалъ ихъ.

Каждый предсѣдатель въ своемъ уѣздѣ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, сносясь непосредственно съ министромъ; но на мѣстахъ, надъ четырьмя комиссіями, не было учреждено высшаго наблюденія; даже предсѣдатели ихъ не собирались въ одно коллегіальное присутствіе, постановленіямъ котораго каждый обязанъ бы былъ подчиняться. Это была важная ошибка. Правительство, очевидно, не отдавало себѣ отчета въ трудностяхъ исполнительной операціи; оно не подозрѣвало, что въ Положеніи, повидимому ясномъ, таилась туча

двусмысленностей и противорѣчій. Но, при первомъ же приступѣ къ примѣненію, онѣ подали поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, которыхъ некому было соглашать; такимъ образомъ, разницы въ способѣ пониманія Положенія, постепенно укореняясь, обусловили собою крайнія различія въ пріемахъ и въ практическихъ результатахъ. Слишкомъ поздно сознанное отсутствіе единства въ операціи, производившейся въ предѣлахъ одной губерніи, значительно повредило ея успѣху и побудило, наконецъ, правительство, не дождавшись окончанія ея, измѣнить весь порядокъ исполненія.

Въ помощь предсѣдателю приданъ былъ мѣстный уѣздный церковный попечитель (Oberkirchenvorsteher), и между этими двумя лицами установлены были отношенія довольно странныя, во всякомъ случаѣ крайне неопредѣленныя. Попечитель не былъ членомъ коммиссіи, а участвовалъ почти во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, не подчиняясь предсѣдателю. Такъ, по § 7-му, онъ помогалъ ему въ пріисканіи способныхъ секретарей, землемѣровъ и т. д.; по § 5-му предсѣдатель приглашалъ его, когда находилъ это нужнымъ, какъ посредника (die vermittelnde Hinzutretung) для соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами; по § 34-му, предсѣдатель обязанъ былъ съ нимъ вмѣстѣ провѣрять работы и проекты отдѣленій; по §§ 36 и 37-му, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ въ открытіи крестьянскихъ и приходскихъ судовъ, наконецъ, по § 38-му, подпись его на всѣхъ вакенбухахъ признавалась обязательною. Мысль о привлеченіи старшаго церковнаго попечителя къ участію въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ коммиссій принадлежала не Комитету; она высказывалась на ландтагѣ 1803-го года, но и тамъ встрѣчала противорѣчія. Ландратъ Буденброкъ также далъ ей мѣсто въ проектѣ инструкціи, внесенномъ имъ въ Комитетъ; но у него, очевидно, была при этомъ особенная цѣль: черезъ посредство попечителя подчинить коммиссію косвенному контролю ландратской коллегіи. Комитетъ совершенно устранилъ коллегію отъ всякаго въ этомъ дѣлѣ участія; а мысль о привлеченіи попечителя усвоилъ себѣ и даже развилъ. Причины, заставившія его поступить такимъ образомъ, изъ журналовъ не видны; но можно предполагать, что по крайней мѣрѣ предсѣдатель надѣялся черезъ это вос-

пользоваться, хотя бы въ послѣднюю минуту, опытностью и усердіемъ ландрата Сиверса, который въ то время состоялъ въ должности старшаго церковнаго попечителя въ венденскомъ уѣздѣ. Эта надежда, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ оправдалась.

Каждый приходъ обязывался содержать на свой счетъ дѣйствовавшее въ немъ отдѣленіе коммиссіи до окончанія всѣхъ порученныхъ ему въ томъ приходѣ работъ [1]).

Всю ревизіонную операцію, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ и казенныхъ имѣніяхъ, предполагалось окончить въ одинъ годъ, но, при первомъ же приступѣ къ дѣлу, уяснилось, что это была несбыточная мечта.

При составленіи инструкціи, Комитетъ долженъ былъ неминуемо встрѣтиться съ довольно затруднительнымъ вопросомъ о способѣ примѣненія Положенія въ имѣніяхъ немежеванныхъ, то есть въ тѣхъ, гдѣ подворные крестьянскіе надѣлы не были въ точности измѣрены и таксированы (ungemessene Güter). Еще во времена шведскаго правительства и по его распоряженію, было произведено общее межеваніе передъ составленіемъ и выдачею вакенбуховъ, но, говорятъ, слишкомъ поспѣшно и небрежно. Во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ въ составѣ и границахъ крестьянскихъ надѣловъ произошло не мало перемѣнъ. Въ XVIII вѣкѣ, нѣкоторые лифляндскіе помѣщики произвели въ своихъ имѣніяхъ специальное межеваніе, обыкновенно сопровождавшееся таксаціею земель (опредѣленіемъ градусовъ) по шведской системѣ, но большинство имѣній все-таки считалось специально необмежеваннымъ. Численное отношеніе обмежеванныхъ къ немежеваннымъ не было приведено въ точную извѣстность, по крайней мѣрѣ не было извѣстно Комитету. Примѣненіе новыхъ правилъ къ землямъ, специально обмежеваннымъ и таксированнымъ, особенной трудности не представляло; по приложенной къ Положенію таксѣ, земли, которыми владѣли крестьяне, оцѣнивались по пространству, роду угодій и свойству почвы; затѣмъ, по той же таксѣ, оцѣнивались рабочіе дни и различные виды обро-

---

[1]) На секретаря, землемѣра и канцелярію полагалось по 1500 руб. на отдѣленіе.

ковъ; наконецъ, обѣ суммы уравнивались. Здѣсь, въ руководство коммиссіямъ, дано было только одно правило: въ имѣніяхъ, гдѣ оказывалось, что повинности превышали стоимость надѣла, помѣщикамъ предоставлялось право, во избѣжаніе скидки въ повинностяхъ, прирѣзывать недостающее количество земли, при чемъ коммиссіи должны были наблюдать, чтобы въ составѣ надѣла не нарушалось принятое за норму отношеніе покосовъ къ пашнѣ, какъ 1 : 3. Но въ имѣніяхъ немежеванныхъ точная оцѣнка земли, отведенной крестьянамъ, была невозможна; поэтому инструкція предписывала коммиссіямъ, въ этихъ случаяхъ, принимать за основаніе своихъ разсчетовъ число гаковъ въ имѣніи по послѣдней ревизіи и разрядъ, въ которомъ числился каждый хозяинъ. Предполагалось, напримѣръ, что считавшійся осьмерникомъ (Achtler) владѣлъ участкомъ въ 10 талеровъ, считавшійся четверникомъ—въ 20 и т. д. Конечно, трудно было, не требуя немедленнаго и обязательнаго межеванія, придумать другой исходъ; но Комитетъ пошелъ далѣе и допустилъ изъ этого правила изъятіе, заимствованное изъ проекта ландтага 1803 года.

Помѣщикамъ, у которыхъ крестьяне отбывали болѣе повинностей, чѣмъ сколько бы съ нихъ пришлось по разряду, въ которомъ они числились, дано было право заявлять коммиссіи, что упомянутые крестьяне, въ дѣйствительности, владѣли бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое за ними предполагалось. На основаніи такого заявленія составлялся *временный* вакенбухъ, а отъ помѣщика отбиралось обязательство (реверсъ) непремѣнно окончить спеціальное межеваніе въ опредѣленный срокъ и, еслибъ оказался переборъ въ повинностяхъ, то вознаградить крестьянъ по установленной таксѣ. Такимъ образомъ, облегченіе, котораго крестьяне ожидали съ году на годъ въ продолженіе сорока лѣтъ, отсрочивалось для многихъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на шесть. Когда Комитетъ, по настоянію ландратовъ, включилъ въ инструкцію это правило, онъ не зналъ еще, какое огромное число имѣній считалось немежеваннымъ — ничего бо́льшаго нельзя сказать въ его оправданіе. Чѣмъ отозвалась на практикѣ эта поблажка, читатели увидятъ ниже, въ предпослѣдней главѣ.

Таковы были, въ главныхъ чертахъ, достоинства и наибо-

лѣе видные недостатки крестьянскаго Положенія, разработаннаго Комитетомъ. Другіе, не менѣе существенные, но лучше замаскированные пороки его изложены будутъ ниже, въ порядкѣ ихъ постепеннаго обнаруженія ревизіонными коммиссіями. При всемъ томъ, это Положеніе, первое по времени, во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо выше цѣлой серіи послѣдующихъ, изданныхъ правительствомъ до настоящаго времени для улучшенія быта остзейскихъ крестьянъ. Всѣ основанія, принятыя Комитетомъ 1803 г., истекали изъ вѣрныхъ экономическихъ началъ, а исходная точка избраннаго имъ пути лежала въ сложившихся издавна бытовыхъ, историческихъ традиціяхъ края. Ни того ни другаго нельзя сказать о позднѣйшихъ законоположеніяхъ, представляющихъ собою не продолженіе счастливо начатаго, а рядъ скачковъ и своего рода революцій, исходившихъ сверху. Нельзя также не замѣтить, что ни разу впослѣдствіи мысль и воля русскаго правительства не принимали такого самостоятельнаго, не фиктивнаго участія въ разработкѣ законовъ для остзейскаго края, и ни разу наши государственные сановники, которымъ поручалась эта работа въ составѣ другихъ комитетовъ, не относились къ ней такъ внимательно и дѣятельно.

Высочайше утвержденный проектъ Комитета 1803 г., со всѣми къ нему приложеніями, препровожденъ былъ въ сенатъ при именномъ указѣ 20 февраля 1804 года. Съ окончаніемъ даннаго Комитету порученія, засѣданія его прекратились, но онъ не былъ распущенъ, а, согласно его докладу, остался въ прежнемъ составѣ для разрѣшенія сомнѣній, на случай если бы таковыя встрѣтились, впредь до окончанія ревизіонными коммиссіями возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Оставалось опредѣлить порядокъ обнародованія Положенія на мѣстахъ и расплатиться съ лифляндскимъ дворянствомъ за его великодушіе—безъ этого не обходилось ни одно безкорыстное пожертвованіе.

Въ указѣ сенату повелѣно было возложить на военнаго губернатора повсемѣстную въ Лифляндіи публикацію Положенія, инструкціи и приложеній къ ней на нѣмецкомъ, латышскомъ и эстскомъ языкахъ. Это Высочайшее повелѣніе, почему то, понято было на мѣстахъ въ томъ смыслѣ, что всѣ

180 статей, всѣ таблицы и формы должны быть прочтены кряду пасторами въ церквахъ послѣ воскресной службы. Тогдашній военный губернаторъ графъ Буксгевденъ нѣсколько смутился; онъ просилъ ничего не объявлять въ церквахъ, а поручить предсѣдателямъ коммиссій раздать крестьянамъ по рукамъ изготовленные переводы, мотивируя свое предложеніе слѣдующими доводами: „Здѣшніе крестьяне убѣждены, что пасторы ихъ находятся *въ стачкѣ противъ нихъ съ помѣщиками*; *ни тѣмъ ни другимъ они не вѣрятъ* и потому, если Положеніе не удовлетворитъ ожиданіямъ крестьянъ, то они непремѣнно *заподозрятъ подлогъ*; наоборотъ, получая новый законъ отъ коммиссій, народъ не усомнится въ его подлинности, *потому что въ нихъ предсѣдательствуютъ русскіе чиновники*" [1]).—Это писалъ человѣкъ, по происхожденію, не русскій и притомъ недовѣрчиво и несочувственно относившійся къ крестьянской реформѣ. Государь одобрилъ мысль графъ Буксгевдена, и въ церквахъ объявлено было только объ открытіи ревизіонныхъ коммиссій.

Какъ только Положеніе было подписано, сдано и утверждено, ландраты вынули изъ кармана заготовленный ими счетъ дворянскому великодушію и потребовали уплаты. Въ запискѣ, на остзейско-французскомъ діалектѣ, подробно расписывалось все сдѣланное для улучшенія быта крестьянъ и ущербъ помѣщикамъ; тутъ, разумѣется, на первомъ планѣ выставлялось мнимое сокращеніе барщины до двухъ дней въ недѣлю съ рабочей души, какъ обстоятельство наиболѣе доступное русскому пониманію. При этомъ, для большаго эфекта, ландраты расписали самыми густыми и темными красками порядокъ вещей, предшествовавшій новому закону; на этомъ грунтѣ онъ выступалъ ярко и выпукло. Выходило, напримѣръ, изъ ихъ словъ, что до 1804 года, лифляндскій крестьянинъ былъ будто бы въ полномъ смыслѣ слова рабомъ, иначе движимою собственностью своего господина, между тѣмъ какъ

---

[1]) Г. Рихтеръ объясняетъ успѣхъ крестьянской реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ между прочимъ тѣмъ, что правительство призывало къ содѣйствію сословіе землевладѣльцевъ «привыкшихъ дѣйствовать на умы поселянъ». — Во всякомъ случаѣ, это дѣйствіе, какъ видно, основано было не на довѣріи послѣднихъ къ первымъ.

изъ доклада Комитета, составленнаго тѣми же двумя ландратами, обнаруживалось, что еще въ XVII вѣкѣ обязанности мнимаго раба къ владѣльцу были ограничены закономъ и что живая движимость пользовалась правомъ жалобы на своего владѣльца. Разсчитывая не безъ основанія, что никто не возьметъ на себя труда выяснять ихъ натяжки и противорѣчія, ландраты испрашивали: во-первыхъ, безпроцентной ссуды изъ государственнаго казначейства владѣльцамъ 170 гаковъ, по 5000 руб. на гакъ, всего 850,000 руб. съ правомъ для заемщиковъ начать уплату не ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ и производить ее равными частями въ теченіе такого же срока; во-вторыхъ, на 5 лѣтъ освобожденія всего лифляндскаго дворянства отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ [1]), чтобъ дать возможность обратить въ купчія крѣпости закладные акты, совершенные на долгіе сроки во избѣжаніе уплаты пошлинъ; въ-третьихъ, принятія на общегосударственныя средства содержанія вновь учрежденныхъ четырехъ орднугсъ-герихтовъ въ размѣрѣ 7090 рублей.

О послѣдствіяхъ перваго ходатайства въ дѣлахъ Комитета нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній—оно, кажется, было устранено самимъ Комитетомъ; на два послѣднія изъявлено было Высочайшее соизволеніе.

Засѣдатели отъ дворянства въ четыре уѣздныя ревизіонныя коммиссіи были избраны и утверждены еще въ исходѣ 1803 года, а предсѣдателями Государь Императоръ назначилъ: въ дерптскую—сенатскаго оберъ-прокурора Сергѣя Ивановича Пущина, въ венденскую д. с. с. Ивана Николаевича Репьева, въ пернавскую генералъ-маіора Семена Егоровича Драшкевича, въ рижскую члена военной коллегіи генералъ-маіора Михаила Федотовича Веригина, а по выбытіи его въ маѣ 1805-го года, товарища министра удѣловъ д. с. с. Александра Ивановича Арсеньева, который также пробылъ въ должности предсѣдателя немного болѣе года и смѣненъ былъ директоромъ ассигнаціоннаго департамента Венгерсгеймомъ.

---

1) По свѣдѣніямъ доставленнымъ министромъ финансовъ, это составляло для казны ежегодную потерю въ 131,053 рубля.

III.

Приступъ къ исполненію. Противодѣйствіе дворянства, волненіе въ народѣ.

Настоящій, строгій до придирчивости и, конечно, односторонній разборъ Положенія 1804 г. начался на мѣстахъ, въ Лифляндіи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его обнародованіи и когда оно вошло уже въ законную силу. Лифляндское дворянство, собравшись въ февралѣ 1805 года на очередной ландтагъ, приняло его, по заведенному въ остзейскомъ краѣ порядку, не къ исполненію, а къ критическому разсмотрѣнію. Но еще до приступа къ этому, при самомъ открытіи ландтага, между преемникомъ князя Голицына, по должности генералъ-губернатора, Буксгевденомъ и собраніемъ произошло столкновеніе, хотя прямо и не относившееся къ крестьянскому вопросу, однако не лишенное интереса для характеристики тогдашнихъ отношеній мѣстнаго начальства къ дворянству и въ особенности по аналогіи этого столкновенія съ тѣмъ, которое испыталъ недавно другой генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Альбединскій.

Графъ Буксгевденъ препроводилъ въ ландратскую коллегію, для передачи собранію, какое-то Высочайшее повелѣніе, въ подлинномъ *русскомъ* текстѣ, при предложеніи отъ себя, писанномъ также по *русски*. Это обстоятельство вызвало бурю. Ландратская коллегія сочла себя глубоко оскорбленною въ своемъ германскомъ достоинствѣ и обратилась къ генералъ-губернатору съ просьбой впредь никогда иначе съ нею не

сноситься какъ на чистомъ нѣмецкомъ діалектѣ. Въ подкрѣпленіе этого требованія приводились привилегія польскаго короля Сигизмунда Августа и соображенія практическаго свойства о неудобствѣ переписки на русскомъ языкѣ. У насъ де—заявляла коллегія—не полагается въ канцеляріи переводчика, и мы не могли бы повѣрять вѣрности перевода съ русскаго на нашъ нѣмецкій, офиціальный языкъ [1]).

Графъ Буксгевденъ отвѣчалъ: не скрою отъ коллегіи, что домогательство ея крайне меня удивило. Сдѣлки и соглашенія давно минувшихъ временъ не могутъ служить безусловными правилами для настоящаго, при теперешнихъ совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ; иначе, можно бы было придти къ заключенію, что русское правительство, въ продолженіе цѣлаго столѣтія безъ малаго, постоянно нарушало правомѣрное основаніе своихъ отношеній къ краю, такъ какъ, напримѣръ, оно никогда не стѣснялось другою статьею приводимой привилегіи, въ силу которой во всѣ мѣстныя должности, судебныя, военныя и другія, должны быть назначаемы исключительно мѣстные уроженцы. Забыто также, повидимому, что, при возстановленіи ландратской коллегіи, Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ ей на ея содержаніе нѣсколько имѣній. Въ доходахъ, съ нихъ получаемыхъ, кажется, можно бы было найти источникъ для покрытія расхода на наемъ переводчика. Наконецъ, если ландратская коллегія сознаетъ себя неспособною удостовѣряться въ вѣрности переводовъ, то стало быть въ средѣ ея, въ настоящее время, черезъ сто безъ малаго лѣтъ послѣ того какъ Лифляндія вошла въ составъ русской державы, встрѣчаются еще члены, для которыхъ языкъ русскій, отечественный ихъ языкъ, все еще остается чужимъ. Не знаю, послужитъ ли такое признаніе къ чести коллегіи. Прошу ее впредь съ подобнаго рода домогательствами ко мнѣ не входить и предупреждаю, что предложенія, идущія отъ меня лично, я, можетъ быть, буду иногда сообщать ей на нѣмецкомъ языкѣ; что же касается до Высочайшихъ повелѣній и сенатскихъ указовъ, то они всегда

[1]) Но для перевода законовъ издававшихся въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ и публиковавшихся въ Лифляндіи на нѣмецкомъ, иногда даже на латышскомъ и эстскомъ, въ переводчикахъ недостатка не ощущалось.

будутъ объявляемы мною на государственномъ, то есть на русскомъ языкѣ.

Это предложеніе было прочтено въ собраніи, и тотъ самый Сиверсъ, который такъ смѣло отстаивалъ предъ нимъ права и интересы крестьянъ, произнесъ зажигательную рѣчь противъ графа Буксгевдена. Между прочимъ, онъ укорялъ его „въ измѣнѣ фамильнымъ традиціямъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ предковъ, не разъ проливавшихъ кровь за цѣлость правъ и привилегій мѣстнаго дворянства", и собраніе, такъ часто обвинявшее самого Сиверса въ измѣнѣ сословнымъ своимъ интересамъ, на сей разъ увлеклось его краснорѣчіемъ. Положено было войти со всеподданнѣйшею жалобою на генералъ-губернатора (18 марта 1805 года); но изъ сохранившихся въ дѣлахъ Лифляндскаго Комитета выписокъ [1]) не видно, было ли это исполнено и послѣдовалъ ли какой нибудь отвѣтъ со стороны высшаго правительства.

Помимо этого случайнаго обстоятельства, вызвавшаго единодушное постановленіе и, къ сожалѣнію, оставшагося не безъ вліянія на послѣдующія, личныя отношенія генералъ-губернатора къ Сиверсу, собраніе 1805 г., какъ и предшествовавшія, распалось на двѣ партіи, по двумъ стоявшимъ на очереди вопросамъ: о возстановленіи въ Лифляндіи екатерининскихъ учрежденій [2]) и объ улучшеніи быта крестьянъ. Партія, домогавшаяся преобразованія сословныхъ и общихъ учрежденій, осталась по этому вопросу въ меньшинствѣ, и та же партія, отстаивавшая помѣщичье полновластіе, взяла верхъ надъ партіею, болѣе или менѣе послѣдовательно поддерживав-

[1]) Всѣ акты ландтага сообщались кѣмъ то предсѣдателю рижской ревизіонной коммиссіи, а онъ, по секрету, доставлялъ съ нихъ копіи графу Кочубею.

[2]) Въ началѣ марта 1805 года, графъ Буксгевденъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ между прочимъ: «Много дворянъ намѣреваются убѣдить все дворянство всеподданнѣйше просить Государя Императора о введеніи въ Лифляндіи Высочайшихъ о управленіи губерній учрежденій, дабы, по примѣру россійскихъ, пользоваться порядкомъ *образованнымъ* (т. е. основаннымъ на началахъ, выработанныхъ политическою наукою) и, *не теряя прочихъ привилегій*, имѣть только мѣста по учрежденію установленныя и обрядъ по оному въ производствѣ дѣлъ. Сіе дворянъ предположеніе по справедливости достойно одобренія, ибо можно ли предпочесть древній порядокъ выбранному и усовершенствованному въ послѣднее время?»

шею преобразовательныя начинанія правительства по устройству крестьянъ.

Только что утвержденное Положеніе разобрано было по волоскамъ и отвѣчать за него пришлось естественно ландрату Буденброку, какъ уполномоченному отъ дворянства, принимавшему въ составленіи его первостепенное участіе. Его положеніе было довольно щекотливо. Съ одной стороны, не чуя въ себѣ ни силы убѣжденія, ни твердости характера, отличавшихъ Сиверса, онъ нисколько не желалъ слѣдовать его примѣру, то есть идти на проломъ и жертвовать своею популярностью въ кругу своихъ собратьевъ—дворянъ; съ другой, онъ не могъ не дорожить авторитетомъ, которымъ онъ пользовался въ Петербургскомъ Комитетѣ и не хотѣлъ открыто измѣнять правительству. Для выхода изъ этого затрудненія, нельзя было придумать ничего лучшаго, какъ воспользоваться редакціонными неточностями и двусмысленностью нѣкоторыхъ статей съ тѣмъ, чтобы, гдѣ только представлялась къ тому какая-нибудь возможность, перетолковать ихъ сообразно желаніямъ и домогательствамъ дворянскаго большинства. Въ этихъ видахъ, была имъ представлена цѣлая записка, нѣчто въ родѣ коментарія къ Положенію, въ которой онъ, паралельно буквальному смыслу статей, проводилъ смыслъ подразумѣваемый и, конечно, остававшійся тайною для графа Кочубея и другихъ членовъ Комитета. Понимая хорошо опасную сторону этой тактики и необходимость соблюденія крайней осторожности, ландратъ Буденброкъ только приподнялъ завѣсу прикрывавшую секреты Положенія, и, разумѣется, не подумалъ разоблачать передъ собраніемъ всѣхъ искусно замаскированныхъ въ немъ противорѣчій, которыми можно было воспользоваться на мѣстахъ при его примѣненіи и которыя дѣйствительно обнаруживались мало-по-малу, впослѣдствіи, помимо его. Онъ ограничился нѣкоторыми указаніями, изъ кототорыхъ слушатели, привыкшіе понимать намеки, могли выразумѣть, что новый законъ въ сущности былъ далеко не такъ страшенъ, какъ казалось на видъ. Нѣкоторые примѣры дадутъ читателямъ понятіе объ этомъ ловкомъ пріемѣ.

Въ § 4-мъ значилось, „что крестьянинъ, безъ собствен-

наго его согласія, не можетъ быть отдѣленъ *отъ земли помѣстья, къ которому онъ приписанъ*", а въ § 6-мъ указывалось, кѣмъ и какимъ порядкомъ должно было свидѣтельствоваться согласіе крестьянина „на переселеніе *изъ одного помѣстья въ другое разныхъ владѣльцевъ* или на переходъ изъ одного дистрикта въ другой". — Вникните въ этотъ послѣдній параграфъ, говорилъ ландратъ Буденброкъ (благоразумно умалчивая о § 4-мъ), и вы усмотрите, что ничто не мѣшаетъ владѣльцу, даже безъ согласія крестьянина, перевести его изъ одного *своего* помѣстья въ другое, *свое же*.

Въ § 8-мъ говорилось о томъ, какъ и чѣмъ долженъ вознаградить помѣщика крестьянинъ, который, по добровольному съ нимъ соглашенію, перейдя изъ села во дворъ, впослѣдствіи *самъ захотѣлъ бы* вернуться въ прежнее состояніе, т. е. сдѣлаться крестьяниномъ. — Стало быть, выводилъ изъ этого Буденброкъ, крестьянъ, взятыхъ во дворъ въ прежнее время, до выхода новаго Положенія, по волѣ помѣщика, а не по соглашенію съ ними, онъ помѣщикъ, властенъ переводить въ крестьяне *и противъ ихъ желанія*, а потому § 24-й, въ которомъ положительно значилось о дворовыхъ людяхъ *вообще*, „что отъ воли помѣщика зависитъ обращать ихъ, *по согласію ихъ*, къ земледѣлію", ландратъ Буденброкъ находилъ возможнымъ примѣнять исключительно къ поступившимъ во дворъ по добровольной съ ними сдѣлкѣ, прочихъ же переводить въ крестьяне и безъ ихъ на то согласія, съ разрѣшенія приходскаго суда.

На крестьянина-хозяина § 44-мъ Положенія возлагалась обязанность хранить по описи (инвентарю) и не отчуждать изъ хозяйства находившихся при немъ *вещей* принадлежавшихъ помѣщику. — Но вѣдь и лежащіе на крестьянахъ долги вотчинной конторѣ, коментировалъ Буденброкъ, составляютъ часть помѣщичьей собственности; поэтому ничто не мѣшаетъ подразумѣвать ихъ подъ общимъ терминомъ вещей и, для бóльшаго обезпеченія, вносить ихъ въ инвентарь двора.

Въ § 75-мъ содержались правила о лострейберахъ (бобыляхъ), не имѣвшихъ поземельнаго надѣла и не служившихъ въ качествѣ батраковъ на хозяйскихъ харчахъ. Помѣщику вмѣнялось въ обязанность, по мѣрѣ возможности, отводить

имъ небольшіе участки; въ случаѣ же невозможности, онъ могъ отпускать ихъ на оброкъ или, за опредѣленное вознагражденіе, брать ихъ къ себѣ во дворъ на работу. *Въ видѣ временной мѣры,* впредь до надѣленія ихъ землею или до размѣщенія ихъ по крестьянскимъ дворамъ, помѣщику дозволялось наряжать ихъ на господскую работу по одному дню въ недѣлю на ихъ харчахъ. — По объясненіямъ же Буденброка, ничто не мѣшало принять этотъ временно допущенный порядокъ за одинъ изъ признанныхъ закономъ видовъ *окончательнаго* устройства бобылей.

Помѣщику, „какъ лицу, воспитаніемъ своимъ къ благонравію болѣе пріуготовленному" (такъ гласилъ законъ), предоставлялось (§§ 134 и 135) право, собственною властью, подвергать дворовыхъ людей и батраковъ легкимъ наказаніямъ палками до 15 ударовъ или *дѣтскими розгами.* По скольку же ударовъ розгами?—спросили на ландтагѣ хозяева привыкшіе къ акуратности. — „На мой взглядъ, отвѣчалъ Буденброкъ, было бы цѣлесообразно (zweckmässig) принять слѣдующій размѣръ: 3 пучка, по 5 прутьевъ въ каждомъ, и отсчитывать ad posteriora по 15 ударовъ каждымъ прутомъ", итого 225 ударовъ.—Донося объ этомъ графу Кочубею, предсѣдатель Рижской коммиссіи писалъ ему: „ручаюсь, что такое тонкое розысканіе ударовъ Комитету на умъ не приходило!" Дѣйствительно, непривыкшему человѣку трудно было угадать, что́ подразумѣвалось подъ тою „*неопредѣленностью наказаній*", которую тотъ же Буденброкъ такъ усердно отстаивалъ въ Петербургѣ.

По поводу правила, устанавлявшаго maximum господской запашки на каждаго выходившаго на барщину работника, Буденброкъ объяснялъ ландтагу, что въ этомъ случаѣ ограниченіе было только формальное, чисто редакціонное, а не дѣйствительное, ибо maximum поднятъ былъ такъ высоко, что ни одинъ помѣщикъ не могъ быть поставленъ въ необходимость сократить, въ силу этого правила, прежній свой посѣвъ. — Хорошо, отвѣчали дворяне, но какъ намъ быть, если, по приведеніи въ законную мѣру *вспомогательной барщины*, размѣръ которой выводился по особымъ правиламъ, окажется невозможнымъ управиться ею съ такимъ большимъ

посѣвомъ? — Очень просто: вникните въ таблицу подъ буквою Е и въ § 28-й инструкціи ревизіоннымъ коммиссіямъ. Въ немъ значится, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существуетъ такъ называемое *рѣшное* хозяйство (Reschenwirthschaft — сдѣльная барщина), тамъ оно оставляется неприкосновеннымъ и даже дозволяется заводить такое хозяйство вновь. Подъ рѣшнымъ хозяйствомъ, какъ оно тутъ же опредѣлялось (въ указанной статьѣ), разумѣлось „раздѣленіе господскихъ полей и сѣнокосовъ на уроки для каждаго крестьянскаго участка особенно". Правда, къ этому было прибавлено, что, при регулированіи такого рода хозяйствъ, „сопряженныя съ онымъ крестьянскія работы и повинности должны быть во всемъ соглашены съ правилами, въ Положеніи о крестьянахъ предписанными, и не превышать повинностей крестьянъ на помѣщика, въ немъ означенныхъ"; но дѣло въ томъ, что бо́льшая часть этихъ правилъ была рѣшительно непримѣнима къ сдѣльному хозяйству и потому, сама собою, теряла всякую силу, какъ скоро оно вводилось. Вмѣсто ежедневнаго наряда и задачи каждому работнику урока на одинъ день, задавался цѣлому двору одинъ валовой урокъ по роду предстоящей работы, напримѣръ: сдѣлать на цѣломъ участкѣ первый взметъ, или засѣять, или сжать весь участокъ; работа начиналась по наряду отъ вотчиннаго управленія и всегда производилась всѣми рабочими двора, потому что, до окончанія урока, хозяинъ, обязанный исполнить его, не смѣлъ приступать къ домашней своей работѣ. Здѣсь барщина ординарная сливалась нераздѣльно съ вспомогательною и сгонною, и уже не могло быть рѣчи о соблюденіи правила, запрещавшаго требовать на господскую работу болѣе половины рабочихъ силъ, которыми располагалъ каждый дворъ. Стало быть, Буденброкъ былъ совершенно правъ, когда онъ, рекомендуя ландтагу этотъ способъ отбыванія издѣльной повинности, говорилъ имъ: число и распредѣленіе *дней* остается то же (законное), но количество *рабочихъ силъ* увеличится, иначе: законъ будетъ обойденъ строго-законнымъ путемъ; это указаніе исходило отъ лица, принимавшаго, по приглашенію правительства, самое дѣятельное участіе въ изготовленіи закона. Кстати замѣтить, что статейка о рѣшномъ хозяйствѣ,

которой смыслъ раскылся только въ Ригѣ, въ кругу своихъ, помѣщена была не въ самомъ Положеніи, не въ отдѣленіи 2-мъ (о повинностяхъ на помѣщика), гдѣ бы ей слѣдовало найти себѣ мѣсто, а спрятана была, повидимому очень некстати, но вѣроятно не безъ цѣли, въ исполнительной инструкціи, приложенной къ Положенію.

Наконецъ, ландратъ Буденброкъ по секрету намекнулъ даже своимъ собратьямъ, что, въ видахъ сохраненія вспомогательной барщины въ прежнемъ ея размѣрѣ, оцѣнка крестьянскихъ покосовъ возвышена была (прилож. подъ лит. В) противъ шведской оцѣнки въ пропорціи 7 : 5, хотя въ докладѣ Комитета на Высочайшее имя значилось буквально, „что дворянство постановило оцѣнить сѣнокосы и огороды *по таксѣ 1688 года* и положить черезъ то предѣлъ произвольному распространенію вспомогательныхъ работъ [1])".

Въ виду всего этого, умѣстно ли, осторожно ли было роптать на Положеніе и новыми домогательствами, такъ сказать, наводить правительство на пересмотръ его? — Какъ однако ни усердствовалъ хитрый ландратъ, ему не удалось помирить дворянство съ новымъ закономъ. Ландтагъ выслушалъ его коментаріи, выслушалъ много жалобъ на Положеніе съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, выслушалъ также нѣсколько замѣчаній Сиверса и другихъ, очень немногихъ лицъ, заступавшихся за крестьянъ, и, наконецъ, назначилъ отъ себя коммиссію для подробнаго разбора Положенія и для проектированія разныхъ въ немъ измѣненій. Подумаешь, что ландтагъ имѣлъ передъ собою не Высочайше утвержденный законъ, а какое-нибудь предположеніе, присланное на предварительное заключеніе. Правда, сущность возложеннаго на коммиссію порученія была замаскирована даннымъ ей скромнымъ названіемъ „коммиссіи для изысканія способовъ къ согласованію разнствующихъ видовъ исполнительныхъ коммиссій", которыя, впрочемъ, постановлены были внѣ всякой зависимости отъ дворянства. Послѣ долгихъ преній, собраніе усвоило себѣ выработанный избранными имъ лицами цѣлый проектъ измѣненій и дополненій къ Положе-

---

[1]) Объ этомъ подлогѣ говорится подробно въ главѣ IV.

нію въ 29-ти пунктахъ, который представленъ былъ высшему правительству въ исходѣ марта 1805 г. съ ходатайствомъ объ утвержденіи его законодательнымъ порядкомъ. Одновременно поднесенъ былъ адресъ на Высочайшее имя, въ которомъ дворянство благодарило Государя за Положеніе отъ своего лица и за крестьянъ, „за многія тысячи народа, которыхъ священная воля Монарха возвратила государству, возвратила человѣчеству".

Такъ значилось въ адресѣ; между тѣмъ, вся суть дворянскаго ходатайства клонилась къ тому, чтобъ отнять у этихъ тысячъ всякій поводъ къ благодарности и только что возвращенныхъ человѣчеству возвратить опять дворянству. Ландтагъ особенно домогался: ограниченія нѣкоторыхъ личныхъ правъ крестьянъ и дворовыхъ людей разрѣшеніемъ помѣщику переводить послѣднихъ, безъ ихъ согласія, въ крестьяне и, наоборотъ, крестьянъ, также не спрашивая ихъ согласія, во дворъ [1]); далѣе: дозволенія перелагать оброки и данины въ вспомогательные рабочіе дни, не стѣсняясь установленными въ законѣ ограниченіями; въ замѣнъ пашни и покосовъ, отводить крестьянамъ бушландъ; требовать наряда подводъ въ счетъ барщины въ неограниченномъ числѣ и т. д. Въ перемежку съ этими крупными ходатайствами, очевидно имѣвшими цѣлью выкинуть изъ Положенія все, что могло подать поводъ къ пониженію крестьянскихъ повинностей, попадались кое-какія дѣльныя замѣчанія на мелочныя подробности и даже нѣкоторыя предположенія о сокращеніи уроковъ къ выгодѣ крестьянъ.

Какъ очередной ландратъ, Сиверсъ долженъ былъ принять на себя представленіе дворянскихъ предположеній, но, не будучи въ правѣ уклониться отъ этой обязанности, онъ однако не скрылъ отъ правительства личнаго своего мнѣнія.

---

[1]) Хотѣли, напримѣръ, чтобы помѣщикъ могъ, поставивъ въ рекруты за очереднаго крестьянина кого-нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей, взять того крестьянина къ себѣ во дворъ. Ландраты Буденброкъ и Герсдорфъ усердно рекомендовали эту мѣру съ воспитательной точки зрѣнія, доказывая, что такой крестьянинъ ничего не потеряетъ, „а паче воспользуется случаемъ къ лучшему права своего образованію, нежели могъ имѣть въ крестьянствѣ"—это во дворнѣ - то!

Отъ 24 мая онъ писалъ секретарю Лифляндскаго Комитета Дружинину, что нѣкоторыя изъ проектированныхъ дворянствомъ измѣненій о переложеніи данинъ въ рабочіе дни и др. были бы положительно вредны; хотя рядомъ съ ними нашлись бы и такія, которыя послужили бы къ облегченію крестьянъ, какъ, напримѣръ, точнѣйшее опредѣленіе нѣкоторыхъ уроковъ. Зная близко настроеніе своихъ собратьевъ, Сиверсъ настойчиво выпрашивалъ ясныхъ и рѣшительныхъ отвѣтовъ. „Пусть (писалъ онъ) по всѣмъ статьямъ, которыя не заслужатъ апробаціи Государя, сдѣланъ будетъ прямой отказъ, а по другимъ статьямъ объявлено будетъ Высочайшее рѣшеніе, какое Государю угодно будетъ положить. Тогда дѣла пойдутъ успѣшнѣе, никто не осмѣлится болѣе возражать и исчезнетъ надежда, которую гг. члены возлагаютъ на графа Буксгевдена“.

Предсѣдатель рижской коммиссіи, не сговариваясь съ Сиверсомъ, заявлялъ то же самое. Жалуясь на выводившія его изъ терпѣнія умышленныя проволочки помѣщиковъ и на бездѣйствіе членовъ своей коммиссіи, видимо старавшихся затянуть дѣло, онъ писалъ графу Кочубею: „На всѣ внушенія и настоянія мои я постоянно получаю одинъ отвѣтъ: къ чему торопиться, когда мы послали отъ себя пункты. — Но почему жъ вы думаете, что ихъ утвердятъ? — Да ужъ Рихтеръ (лифляндскій губернаторъ) поѣхалъ въ Петербургъ. — Иного толку добиться не могу“.

Оказывалось, что и генералъ-губернаторъ и губернаторъ не только не помогали дѣлу, а, напротивъ, тормозили его, хотя изъ побужденій совершенно различныхъ. Первый, такъ же какъ и предшественникъ его, положительно не въ состояніи былъ отрѣшиться отъ убѣжденія въ непреложности крѣпостнаго права, какъ чего-то прирожденнаго человѣческому естеству въ условіяхъ гражданскаго общежитія. Ему мерещились прекращеніе сельскаго труда, запущеніе полей, общее разореніе, взрывъ дикихъ страстей, и эти тревожившія его видѣнія онъ воспроизводилъ въ своихъ донесеніяхъ такъ ярко и убѣдительно, что самый тонъ ихъ ручался за искренность писавшаго.

Подъ вліяніемъ свершенно иного рода побужденій, но въ томъ же духѣ, дѣйствовалъ и губернаторъ Рихтеръ. Въ про-

странной запискѣ, слово въ слово переведенной съ нѣмецкаго (это видно по ея безграмотности), которая была имъ представлена министру внутреннихъ дѣлъ по поводу домогательствъ дворянства, онъ, съ особеннымъ удареніемъ, указывалъ „на множество въ Лифляндіи зажиточныхъ крестьянъ", противополагая имъ „множество небогатыхъ помѣщиковъ, которымъ угрожало разореніе отъ точнаго примѣненія нѣкоторыхъ правилъ Положенія и которые не могли слѣдовать движенію сердца своего, чтобъ охотою принести пожертвованія, ибо должны озираться на собственное свое стѣсненное и отъ великихъ долговъ удрученное положеніе".—Выходило изъ его словъ, что правительство, принявъ къ сердцу интересы крестьянъ, не въ ту сторону обратило свою заботливость, въ какую бы слѣдовало. Подкрѣпляя почти всѣ пункты ходатайства ландтага и одобряя ихъ почти безоговорочно, Рихтеръ заявлялъ между прочимъ, что въ редакціи ихъ будто бы окончательно помирились всѣ партіи и противоположныя одно другому мнѣнія членовъ коммиссіи, въ томъ числѣ и графа Сиверса, и будто бы эти пункты „ни мало не содержали въ себѣ отмѣны данныхъ предписаній, а только соглашеніе и разъясненіе ихъ". — То и другое было неправда.

Престарѣлый графъ Яковъ Ефимовичъ самъ за себя подалъ голосъ. При самомъ еще открытіи Лифляндскаго Комитета, онъ добровольно предлагалъ ему свое свое сотрудничество, которымъ Комитетъ однако не воспользовался. Такое необъяснимое оказательство пренебреженія, конечно, не могло не раздражить заслуженнаго сановника, и безъ того нѣсколько насупившись посматривавшаго на новое поколѣнѣніе, ставшее во главѣ управленія. По сродной старымъ людямъ слабости, онъ какъ-то не мирился съ мыслью, чтобъ эти Кочубеи, Новосильцевы и Строгановы, которыхъ онъ хорошо помнилъ мальчиками, могли теперь ворочать судьбою имперіи, особенно не спрашивая старшихъ и не принимая отъ нихъ съ подобающимъ смиреніемъ наставленій, хотя бы даже нѣсколько желчныхъ и колкихъ. Выходомъ Положенія 1804 года графъ Сиверсъ былъ, повидимому, озадаченъ; онъ, кажется, не ожидалъ, чтобъ оно могло быть окончено такъ скоро, притомъ безъ его содѣйствія, и потому

отнесся къ нему болѣе чѣмъ строго. Онъ обратился прямо къ Государю съ письмомъ, въ которомъ очень рѣзко отзывался о графѣ Кочубеѣ, заподозривая его, безъ всякаго къ тому основанія, въ недоведеніи до Высочайшаго свѣдѣнія прежнихъ трехъ его писемъ, и въ заключеніе, еще до открытія ландтага, совѣтовалъ Государю поручить лифляндскому дворянству нарядить коммиссію для пересмотра и исправленія Положенія по всѣмъ возраженіямъ. Такого совѣта графъ Сиверсъ, вѣроятно, не далъ бы Екатеринѣ, да и вообще подобная мысль не пришла бы ему на умъ, пока онъ самъ находился у дѣлъ, и прежде чѣмъ онъ невольно не испыталъ на себѣ вліяніе своей лифляндской родни, тамошнихъ друзей своихъ и всей общественной атмосферы края. По увѣренію его біографа, на письмо его, писанное на Высочайшее имя, и на приложенную къ нему записку о недостаткахъ Положенія, онъ получилъ отвѣтъ отъ Н. Н. Новосильцева, притомъ отвѣтъ будто бы грубый (eine schnöde Antwort) [1]) что̀ однако не помѣшало графу Сиверсу, черезъ нѣсколько дней, обратиться къ нему же съ рекомендаціею проектированныхъ ландтагомъ измѣненій и съ просьбою обратить на нихъ должное вниманіе. Въ этомъ послѣднемъ своемъ отзывѣ, разсуждая о недостаткахъ Положенія, онъ, между прочимъ, писалъ: „Безъ сомнѣнія, крестьянину-хозяину (въ Лифляндіи) живется лучше, чѣмъ фермеру въ Англіи (?), но положеніе здѣшняго батрака хуже. Въ Англіи онъ властенъ отойти отъ хозяина и искать лучшаго мѣста; здѣсь же онъ, который самъ могъ бы надѣяться когда-нибудь сдѣлаться хозяиномъ, остается прикованнымъ, какъ рабъ, къ другому человѣку, съ которымъ онъ вчера стоялъ на одной ногѣ. Теперь безконечно улучшили положеніе 25 тысячъ человѣкъ (хозяевъ) и ихъ семействъ и въ той же мѣрѣ *ухудшили суровую участь 250 тысячъ*. Этого не могъ хотѣть законодатель“. — Ниже мы увидимъ, какъ много правды заключалось въ этомъ упрекѣ. Графъ Сиверсъ вѣрно указалъ на одинъ изъ существенныхъ пороковъ Положенія, впрочемъ, въ одинаковой мѣрѣ

---

[1]) Текста этого отвѣта авторъ записокъ о Сиверсѣ не приводитъ, а повѣрить ему на слово, при явной тенденціозности его труда, было бы нѣсколько рисковано.

свойственный всѣмъ проектамъ, исходившимъ изъ дворянской среды, и всѣмъ тѣмъ старымъ лифляндскимъ законамъ, которые онъ же такъ недавно выхвалялъ правительству. Къ сожалѣнію, самъ онъ, кажется, ничего не придумалъ для улучшенія быта лифляндскаго пролетаріата, и вообще изъ отрывочныхъ его сужденій, сообщаемыхъ его біографомъ, незамѣтно, чтобъ онъ по крестьянскому вопросу додумался до какихъ-либо ясныхъ и твердыхъ заключеній. Повидимому, это ужъ было ему не по силамъ. По какому бы поводу онъ ни заговаривалъ о крестьянахъ и о помѣщикахъ, старческая рѣчь его всякій разъ сбивалась на любимыя его темы: высокое достоинство Екатерининскихъ учрежденій, крайнюю ненадежность лифляндскихъ дворянскихъ судовъ и негодность генералъ-губернаторовъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Ходатайство ландтага передано было въ Лифляндскій Комитетъ. Въ то время ландратовъ Буденброка и Анрепа въ Петербургѣ не было, и потому предсѣдателю съ остальными членами пришлось самимъ надъ нимъ поработать. Можетъ быть они несовсѣмъ точно выяснили себѣ нѣкоторые пункты въ частности, но за то, благодаря именно отсутствію обычнаго руководства, очень вѣрно поняли общій смыслъ всего представленія, основное побужденіе, которымъ оно было вызвано (желаніе затянуть дѣло), и практическія послѣдствія, къ которымъ повело бы не только утвержденіе, но даже простое принятіе къ разсмотрѣнію предложеній дворянства. Вотъ что̀, съ Высочайшаго одобренія, отвѣчалъ графъ Кочубей очередному ландрату отъ 25-го іюня 1805 года: „Комитетъ, по разсмотрѣніи 29-ти пунктовъ съ Положеніемъ о крестьянахъ и инструкціею ревизіоннымъ коммиссіямъ, удостоенными Высочайшей конфирмаціи, заключеніемъ своимъ опредѣлилъ слѣдующее: какъ сіи 29 пунктовъ относятся не только къ наставленію коммиссій для единообразнаго исполненія означенныхъ узаконеній, соотвѣтственно тому, какъ дворянство ихъ представляетъ; но содержатъ въ себѣ, частью, такія раздробленія и толкованія Высочайшихъ предписаній, которыя или сами собою изъ означенныхъ узаконеній явствуютъ, или же раздробительными изъясненіями могутъ, перемѣнивъ разумъ оныхъ, подать поводъ къ новымъ

недоразумѣніямъ и тѣмъ остановить успѣшное производство ревизій, частью же заключаютъ въ себѣ постановленія *совершенно противныя* Высочайшей волѣ, изображенной въ изданномъ Положеніи о крестьянахъ, въ инструкціи коммиссіямъ и въ послѣдовавшихъ указахъ, а посему Комитетъ и не осмѣливается сихъ 29 пунктовъ представить на утвержденіе Его Величества, дабы не навлечь чрезъ то Высочайшаго негодованія и на самое дворянство, коему вѣрноподданническая обязанность предписываетъ всѣми силами споспѣшествовать къ немедленному исполненію утвержденныхъ Его Императорскимъ Величествомъ узаконеній".

Очевидно, не было другого способа положить конецъ словопреніямъ, и прописанный отвѣтъ произвелъ желанное дѣйствіе. Дворянство мгновенно, почти черезъ мѣру, понизило тонъ и изъ прежней крайней самоувѣренности впало въ подобострастное смиреніе. Резидующій ландратъ Таубе, въ письмѣ на Высочайшее имя, поспѣшилъ поручиться за безусловное повиновеніе всего сословія, присовокупивъ, что въ отвергнутыхъ его ходатайствахъ seulement la plus petite partie tendait à la conservation de la noblesse и что оно де никогда и не думало porter dans cette affaire un retardement contraire à Sa sacrée volonté (sic).

Устранивъ гуртомъ домогательства ландтага и принявъ одновременно нужныя мѣры для ускоренія исполненія, Комитетъ, однако, самъ для себя и для наставленія исполнителей Положенія, не преминулъ войти въ подробное разсмотрѣніе доставленныхъ ему 29 пунктовъ. Изъ нихъ два обратили на себя особенное вниманіе Комитета, какъ вопросы, которыхъ Положеніе не касалось. Дворянство просило: 1) разложить казенныя подушныя подати на крестьянскія земли и снять съ помѣщиковъ всякую обязанность по взысканію ихъ и всякую отвѣтственность за исправность платежей; 2) поручить ландратской коллегіи черезъ посредство приходскихъ судей привести въ извѣстность мѣстное обычное право, которымъ руководились крестьяне въ гражданскомъ своемъ быту, и разрѣшить дворянству, черезъ посредство особой коммиссіи, которую оно намѣревалось избрать, составить, на основаніи этихъ мѣстныхъ обычаевъ,

книгу законовъ и наказъ для приходскихъ крестьянскихъ судовъ. Первое изъ этихъ ходатайствъ было принято Комитетомъ благосклонно и поддержано генералъ-губернаторомъ, но исполненіе потребовало многихъ предварительныхъ соображеній и совпало съ упраздненіемъ крѣпостного права на личность въ 1819-мъ году. По второму ходатайству дворянство, не далѣе какъ въ 1805 году, получило разрѣшеніе, котораго оно испрашивало, но не воспользовалось имъ. По сю пору не издано ни крестьянскаго уложенія, ни наказа для сельскихъ и приходскихъ судовъ, можетъ быть къ счастью для крестьянъ.

Такимъ образомъ было благополучно отбито первое открытое нападеніе всею массою дворянскаго сословія на Положеніе 1804 года. Правительство устояло въ своихъ намѣреніяхъ и, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ диспутовъ, передъ открытіемъ слѣдовавшаго затѣмъ ландтага 1806 года, объявило дворянству черезъ посредство генералъ-губернатора, „что Государь пребываетъ въ твердой рѣшимости сохранить Положеніе о повинностяхъ крестьянскихъ въ полной ихъ силѣ, и потому въ собраніи не должно быть чинимо никакихъ предложеній, клонящихся къ какимъ-либо въ ономъ отмѣнамъ“.—Выслушавъ эти слова, дворянство чуть не обомлѣло отъ удовольствія и, по выраженію генералъ-губернатора, „во все продолженіе ландтага, при трактаціи о дѣлахъ, наблюдало строгую благопристойность мнѣнія и выраженія, съ наилучшею вѣжливостью и тихостью“. — Ниже мы увидимъ, въ какой мѣрѣ эта атестація была заслужена.

Гораздо труднѣе было одолѣть дворянскую опозицію въ другой формѣ чисто-пассивнаго сопротивленія исполнительнымъ мѣрамъ правительства, предполагавшимъ и требовавшимъ со стороны мѣстныхъ властей и частныхъ лицъ прямого содѣйствія. Лифляндскіе дворяне, избранные отъ своего сословія въ члены уѣздныхъ ревизіонныхъ коммиссій, за весьма немногими исключеніями, повидимому, рѣшились парализировать ихъ своимъ выжидательнымъ бездѣйствіемъ. Имъ вообще особенно не нравилось назначеніе Русскихъ въ президенты. Не говоря уже о томъ, что этимъ глубоко оскорблялось чувство провинціальной нѣмецкой спѣси, дво-

ряне хорошо понимали, что присутствіе четырехъ русскихъ людей должно было совершенно измѣнить прежній домашній порядокъ административныхъ распоряженій, установившійся вѣками и основанный на стачкѣ въ кругу своихъ, связанныхъ между собою единствомъ интересовъ и традицій. Оттого предсѣдатели приняты были дурно; вліятельныя лица изъ мѣстныхъ уроженцевъ, съ которыми они знакомились, поглядывали на нихъ свысока, намекали на ожидавшія ихъ трудности и старались заранѣе подорвать въ нихъ всякую вѣру въ успѣхъ. Съ своей стороны, члены коммиссій не только не обнаруживали готовности трудиться подъ ихъ руководствомъ, а, напротивъ, преднамѣренно раздражали ихъ и давали имъ чувствовать, что они вовсе не намѣрены были подчиняться ихъ требованіямъ. Все это озадачивало русскихъ людей, непривычныхъ къ такимъ порядкамъ.

Предсѣдатель венденской коммиссіи писалъ графу Кочубею: „Отъ 3-го апрѣля 1805 года имѣлъ я честь между прочимъ донести, что губернское начальство и дворянское собраніе стараются дѣлать разныя препятствія въ отправленіи возложеннаго на коммиссію препорученія; впослѣдствіи открылось, что и засѣдатели обоихъ отдѣленій коммиссіи, несмотря на двукратное отъ меня о дѣятельнѣйшемъ производствѣ письменное напоминаніе, самовольно разъѣхались по деревнямъ, и производство остановилось. Сверхъ того, коммиссія не укомплектована членами, коихъ, по сдѣланному требованію, губернское начальство долгое время не доставляетъ; а какъ, при исчисленіи повинностей, каждый членъ имѣетъ свой удѣлъ, то недостатокъ людей служитъ къ промедленію дѣлопроизводства. Признаюсь, я поставляю съ моей стороны за несчастіе быть свидѣтелемъ, съ какою нерачительностію въ здѣшнемъ краѣ выполняется Высочайшая воля, и сія нерачительность начинаетъ переходить въ неповиновеніе. Видя столь слабое движеніе и отсутствіе членовъ коммиссіи, что̀ должны о семъ мыслить поселяне, коихъ ожиданіе напряжено? Соображая всѣ сіи непріятности, еслибъ я могъ оныя предвидѣть, то никакое убѣжденіе не понудило бы меня къ принятію сей должности, сдѣлавшейся теперь, такъ сказать, забавою людей, которую ни вѣрность моя къ

Его Императорскому Величеству, ни честолюбіе мое сносить не позволяютъ".—Передъ этимъ онъ же увѣдомлялъ, что ландратская коллегія назначила секретарямъ, штатнымъ канцелярскимъ чиновникамъ и землемѣрамъ, прикомандированнымъ къ коммиссіямъ, столовыя деньги въ размѣрѣ столь скудномъ, что ими едва покрывалась половина дѣйствительнаго не этотъ предметъ расхода, а землемѣрамъ на зимніе мѣсяцы и вовсе отмѣнила этотъ отпускъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы они въ это время не имѣли по коммиссіи никакихъ занятій, и упуская изъ виду, что поступая на новую должность, они должны были отказаться отъ всѣхъ прежнихъ своихъ занятій. Они громко роптали, и коммиссіи рисковали остаться безъ рукъ. Эта неожиданная для Репьева, злонамѣренная стачка мѣстныхъ дѣятелей до того озадачила его, что онъ отчаялся въ успѣхѣ и просилъ увольненія, но графъ Кочубей писалъ къ нему и уговорилъ не оставлять дѣла „по препятствіямъ, кои не могли не случиться, когда всѣ тѣ люди, коихъ Положеніе сіе интересуетъ, какъ будто условились, чтобъ дѣлу перечить".

Отъ предсѣдателя рижской коммиссіи получались донесенія такого же рода, но въ другомъ тонѣ. Онъ писалъ: „По пріѣздѣ моемъ сюда, встрѣтилъ я принужденныя и лицемѣрныя ласки, видъ дѣятельности и препятствія во всемъ. Должно сознаться, что Лифляндцы надули себя какою-то пустою гордостью и презрѣніемъ къ Русскимъ; зависть и ненависть всего здѣшняго люда очевидны; Русскихъ не допускаютъ ни до чего, а ни въ чемъ безъ нихъ обойтись не могутъ. Кто приметъ въ цехъ русскаго подмастерья, выгоняется изъ города, а между тѣмъ у нихъ русскіе дѣлаютъ все. Но оставя стороннее, буду говорить о томъ, что̀ испыталъ самъ. Изъ членовъ коммиссіи я не нашелъ въ городѣ ни одного. Кажется, однако, что важность оной, яко учрежденной по Высочайшему повелѣнію, могла бы быть чувствуема, если бы хотѣли ее чувствовать; а долгъ ихъ требовалъ ожидать въ готовности прибытія президента, самимъ Государемъ опредѣленнаго, дабы тотчасъ приступить къ исполненію Высочайшей воли. Я, по совѣсти, ничему иному не могу приписать такого небреженія, какъ глупому презрѣнію къ власти. Всѣ почти ландраты встрѣчаютъ

меня тѣмъ, что я найду много препятствій и что мое дѣло не будетъ имѣть ни успѣха ни конца. Эти изреченія сопровождаются тономъ и миною, значащими больше, чѣмъ самыя изреченія. Мнѣ бы казалось, что разумнѣе было бы посланному отъ Государя такихъ тоновъ не задавать. Насилу могъ я добиться дѣлъ коммиссіи. Даже секретарь мой позволилъ себѣ прислать ко мнѣ посланнаго сказать, что ему нельзя ко мнѣ прибыть съ дѣлами, такъ какъ у него болитъ голова, но сего гоголька я тотъ же день унялъ и надѣюсь, что впредь онъ не осмѣлится. Дѣла коммиссіи нашелъ въ хаосѣ. Ландратъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ учредилъ себя властителемъ, смѣнилъ, безъ президента, секретаря второго отдѣленія, опредѣля на мѣсто его такого, какого ему хотѣлось, который ни къ должности, ни ко мнѣ не является, такъ что я принужденъ былъ сыскать его черезъ полицію и отнестись къ графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, чтобъ, всѣхъ сихъ самозванцевъ отрѣша, предписалъ правленію впредь безъ президента никого къ должностямъ не опредѣлять, какъ и законъ повелѣваетъ. Сей духъ такъ внѣдрился въ здѣшнемъ обществѣ, что, имѣя нужду въ книгѣ, именованной Топографическое Описаніе Лифляндіи, мнѣ оную не продаютъ, говоря, что вся вышла, тогда какъ Нѣмцы и Лифляндцы по нѣскольку экземпляровъ въ сутки разбираютъ. Сокращу, впрочемъ, чтобъ не быть въ тягость; сіи черты столь знаменательны, что отъ прозорливости вашего сіятельства не можетъ укрыться владычествующій умами духъ гордости, упорства, презрѣнія и недовѣрчивой ненависти къ Русскимъ, довольно и безъ того извѣстный; мнѣ только нужно было доказать вамъ, что и я его вижу. Вникая въ сіи обстоятельства, счелъ я нужнымъ представить чрезъ васъ Комитету на разрѣшеніе случаи, которые въ другомъ положеніи никакого бы вниманія не заслуживали; но я представилъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ дать поводъ, попросту сказать—придирку, вырвать самый корень и обезоружить глупое упорство гордости при самомъ ея возникавіи. Мечта, идолъ Лифляндца, есть напыщенность мнѣнія о его превосходствѣ. Сія самая пустошь влечетъ его къ упорству противъ воли Монаршей и тиранству къ своимъ подданнымъ: въ первомъ случаѣ оттого, что Русскіе могутъ предписывать

законъ такому мнимо-высокопревосходнѣйшему существу, каковъ есть Лифляндецъ, а во второмъ случаѣ, считая себя превыше бѣднаго человѣка Латыша, думаетъ, что можетъ съ нимъ поступать, какъ со скотомъ, и поступаетъ точно.— Случается, что нѣкоторыхъ инструкцій и разрѣшеній Комитета, неугодныхъ дворянству, здѣсь вовсе не публикуютъ".

Президентъ дерптской коммиссіи увѣдомлялъ министра, что почти никто изъ помѣщиковъ не прилагалъ къ представляемымъ ими описямъ ихъ имѣній прежнихъ вакенбуховъ и регулативовъ, даже выписокъ изъ нихъ, „хотя сіи акты, при обревизованіи, первымъ основаніемъ служатъ, отзываясь неимѣніемъ оныхъ. Коммиссія требовала доставленія подлинниковъ изъ дерптскаго архива, но управленіе архива отозвалось, что бо̀льшая часть сгорѣла во время бывшаго пожара, и указала коммиссіи обратиться въ архивъ бывшей коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ".— При другихъ случаяхъ, когда нужно было подкрѣпить справкою какое-нибудь домогательство со стороны помѣщика, погорѣвшіе документы воскресали изъ пепла, какъ фениксы. На показанія частныхъ владѣльцевъ и предъявляемые ими документы нельзя было полагаться потому, что въ нихъ зачастую встрѣчались не только неточности, но и преднамѣренныя утайки и завѣдомо-лживыя заявленія. Арсеньевъ писалъ: „Нѣкоторые помѣщики показываютъ повинности, увеличивая ихъ вдвое и втрое противъ настоящаго, такъ что, вмѣсто облегченія, крестьяне получаютъ отъ нея надбавокъ работъ. Иные научаютъ крестьянъ показывать ложно, стращая ихъ побоями и угрозами, такъ что нѣтъ средствъ дознать размѣръ дѣйствительной повинности".

Въ уѣздахъ венденскомъ и рижскомъ коммиссіи во многихъ имѣніяхъ обнаружили фальшивыя градаціи крестьянскихъ земель, которыя цѣнились непомѣрно высоко нанятыми отъ помѣщиковъ таксаторами. Часто совершенно неудобныя земли, сыпучіе пески и непроходимыя болота зачислялись въ третій градусъ, иногда даже во второй.

Арендаторъ имѣнія Клейконгутъ въ дерптскомъ уѣздѣ, нѣкій Шульцъ, показалъ, что крестьяне отбывали двухдневную въ недѣлю барщину съ рабочей души, что, по нерадѣнію

къ собственному хозяйству, они задолжали ему огромное количество хлѣба и что всѣ они были столь худаго поведенія, что не оказывалось между ними ни одного годнаго въ судьи. Между тѣмъ ревизія обнаружила, что ихъ посылали съ обозами въ самую распутицу, отчего у нихъ пали лошади, прекратилась своя запашка, и народъ, не имѣя собственнаго хлѣба, вошелъ въ неоплатные долги.

Въ рижскомъ уѣздѣ, когда коммиссія прибыла въ Рютгернъ, имѣніе отставнаго генералъ-маіора Рейснера, оказалось невозможнымъ отличить въ натурѣ земли, показанныя въ вакенбухѣ 1759 года полями и бушландами. Владѣлецъ объявилъ, что имѣніе не межевано, съ намѣреніемъ воспользоваться правомъ на оставленіе повинностей, впредь до межеванія, въ прежнемъ размѣрѣ; но когда коммиссія потребовала отъ него, на основаніи § 26-го инструкціи, обязательства въ установленный закономъ срокъ произвести измѣреніе и оцѣнку, онъ отвѣчалъ дерзкимъ отказомъ. Между тѣмъ крестьяне заявили, что межеваніе было недавно произведено, и землемѣръ, котораго они назвали, подтвердилъ ихъ ссылку, сказавъ, что онъ представилъ Рейснеру всѣ планы и описи. Предсѣдатель коммиссіи настоятельно требовалъ примѣра для сдержанія лживыхъ показаній, но генералъ-губернаторъ относился къ ходу крестьянскаго дѣла болѣе чѣмъ холодно.

Цѣлый рядъ подобнаго рода донесеній отъ всѣхъ коммиссій убѣдилъ, наконецъ, высшее правительство въ необходимости положить предѣлъ систематическому неисполненію закона. Отъ 24 Іюня послѣдовалъ на имя генералъ-губернатора Буксгевдена Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Изъ доходящихъ ко мнѣ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о медленности въ производствѣ ревизіи крестьянскихъ повинностей съ удивленіемъ усматриваю я, что ревизіонныя коммиссіи встрѣчаютъ многія затрудненія въ исполненіи возложеннаго на нихъ дѣла, частію отъ самихъ помѣщиковъ, частію же и отъ избранныхъ дворянствомъ членовъ коммиссій.

„Открывая тутъ слѣды неблагонамѣренности нѣкоторыхъ частныхъ людей, къ установленію въ Лифляндіи должнаго въ крестьянскихъ повинностяхъ порядка съ самаго начала отвращеніе показавшихъ и нынѣ, вѣроятно, скрытно дѣйствую-

щихъ, я тѣмъ болѣе нужнымъ признаю обратить особенное вниманіе ваше на затрудненія сіи и на дѣйствія ревизіонныхъ коммиссій вообще, что, по мѣрѣ препятствій, кои онѣ встрѣчаютъ, усугубляется твердое намѣреніе мое, чтобъ, на правилахъ имъ въ руководство данныхъ, успѣшнѣе производили онѣ и окончили незамедлительно возложенное на нихъ дѣло.

„Вслѣдствіе сего я поручаю вамъ:

„1) Употребить все стараніе ваше и способы, непосредственно отъ васъ или отъ губернскаго правленія зависящіе, дабы ревизіонныя коммиссіи не встрѣчали впредь никакихъ препятствій и дѣло свое успѣшно производили. Я желаю, чтобы въ продолженіе лѣта, когда наиудобнѣе ревизія помѣстій дѣлаема быть можетъ, вы имѣли сіе въ виду, яко главнѣйшую изъ обязанностей вашихъ.

„2) Какъ, по силѣ 18-й статьи инструкціи, всѣ помѣщики и ихъ уполномоченные обязаны были изготовить вѣдомости, къ подачѣ въ коммиссіи слѣдующія къ тому дню, когда онѣ начали ревизію, т. е. къ 1-му августа 1804 года, не ожидая вновь никакой публикацій, но того однако жъ въ разныхъ мѣстахъ не исполнили; то о непремѣнномъ и немедленномъ исполненіи сего подтвердить нынѣ имъ, подъ опасеніемъ поступленія съ неисправными какъ съ ослушниками законовъ; равнымъ образомъ поступаемо быть должно и съ тѣми, кои нарушаютъ надлежащее уваженіе къ учрежденнымъ коммиссіямъ, оказывая нерадѣніе въ исполненіи ихъ законныхъ требованій или покушаясь привесть оныя въ заблужденіе разными неправильными показаніями.

„3) Отставнаго маіора Рейснера, помѣщика мызы Рютгернъ, немедленно отдать сужденію по законамъ за непристойные его противу рижской ревизіонной коммиссіи поступки и дерзновенные отзывы [1]), и

„4) Одобряя принятыя вами мѣры къ отвращенію недѣльныхъ просьбъ членовъ коммиссіи объ увольненіи ихъ отъ должности, я нужнымъ признаю здѣсь изъяснить: что какъ члены коммиссій, бывъ избраны дворянствомъ и занимая мѣста по моему утвержденію, не могутъ иначе признаваемы быть какъ

[1]) Онъ былъ приговоренъ гофгерихтомъ къ штрафу въ 200 руб. и къ испрошенію прощенія у ревизіонной коммиссіи.

находящимися въ настоящей службѣ, соотвѣтственно тому какъ и всѣ другіе чиновники по выбору дворянства служащіе, то, въ случаяхъ отлучекъ ихъ незаконнымъ образомъ чинимыхъ, или небреженія о ихъ должности, должно предавать ихъ суду на основаніи общихъ узаконеній".

Въ тонѣ этого рескрипта не было излишней строгости. Ему предшествовала цѣлая переписка министра внутреннихъ дѣлъ съ графомъ Буксгевденомъ, въ которой первый многократно настаивалъ на необходимости переломить упорное сопротивленіе дворянства и въ особенности членовъ ревизіонныхъ коммиссій, о пассивное бездѣйствіе которыхъ разбивались всѣ усилія предсѣдателей; но ничто не помогало. Теперь, въ дополненіе къ рескрипту, въ бумагѣ при которой онъ посылался, графъ Кочубей писалъ генералъ-губернатору: „Его Величеству угодно было поручить мнѣ особенно отнестись къ вамъ, дабы вы, милостивый государь мой, сообразили, какія бы средства, сверхъ тѣхъ кои вышеупомянутымъ рескриптомъ предоставлены, употреблены быть могли для побужденія членовъ коммиссій не уклоняться отъ своихъ должностей и нерадѣніемъ своимъ продолжать (т. е. затягивать) производство ревизій. Его Величество полагать изволитъ, что по справедливости, можетъ быть, можно было бы подвергнуть ихъ взысканію всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые, по мѣрѣ медленности, отъ отлучекъ и нерадѣнія членовъ происходящей, умножаютъ издержки на содержаніе коммиссій дворянствомъ платимыхъ, или, что въ послѣдней крайности, можно и *всѣхъ членовъ въ коммиссіи назначать изъ россійскихъ чиновниковъ*, опредѣляя ихъ на вакантныя мѣста. Я о сихъ замѣчаніяхъ обязанностью имѣю сообщить вашему сіятельству, прося покорно увѣдомить меня о мнѣніи вашемъ для донесенія объ ономъ Его Императорскому Величеству".

Эти бумаги, особенно же угроза, которою заканчивалась послѣдняя, произвели свое дѣйствіе. Все переполошилось. Генералъ-губернаторъ донесъ въ свое извиненіе, что до тѣхъ поръ его отвлекали текущія, особенно военныя дѣла управленія, но теперь онъ вскорѣ представитъ свое мнѣніе „о способахъ къ усугубленію въ лифляндскихъ помѣщикахъ ревности къ пользѣ общественной" а между тѣмъ, войдя въ тѣснѣй-

шія сношенія съ предсѣдателями коммиссій, „будетъ преслѣдовать назираніемъ за поступками членовъ и стараться привести въ ясность прихотливости нѣкоторыхъ изъ нихъ“. Онъ предлагалъ самовольно отлынивающихъ отъ должности подвергать взысканіямъ, штрафовать по суду или безъ суда, прося только „не лишать всѣхъ лифляндскихъ дворянъ довѣренности и не замѣнять ихъ Русскими, что было бы для усердныхъ изъ Лифляндцевъ тяжко“.

Что̀ говорилось въ дворянскихъ кругахъ, что̀ творилось на мызахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, ропотъ помѣщиковъ и неудовольствіе присланныхъ изъ Петербурга чиновниковъ, все это не могло разными путями не доходить до народа. Бродившіе слухи возбуждали въ немъ мечты, далеко переступавшія за предѣлы дарованныхъ ему льготъ, о которыхъ онъ долго не могъ получить яснаго понятія. „У нихъ (писалъ предсѣдатель одной изъ коммиссій) съ понятіемъ вольности и свободы слито понятіе бездѣйствія“.

По Высочайшему повелѣнію, ревизіонныя коммиссіи должны были начать свои дѣйствія 1-го іюня, а до приступа къ исполненію надлежало раздать Положеніе на мѣстныхъ языкахъ; но въ іюнѣ 1804 года переводы не были еще окончены. Тѣмъ временемъ несбыточныя ожиданія крестьянъ росли и укоренялись на свободѣ и когда, наконецъ, они встрѣтились съ дѣйствительностью, въ Лифляндіи произошло то самое, чему мы были свидѣтелями въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ 1861 году. Народъ вообразилъ себѣ, что отъ него скрывали волю Государя — подлинный законъ, и что его обманывали всѣ безъ исключенія: помѣщики, чиновники изъ мѣстныхъ дворянъ, чиновники присланные изъ Петербурга, пасторы, которые, по заявленію предсѣдателя рижской коммиссіи, коегдѣ, при увѣщаніяхъ, „подвергались ругательствамъ черни“. Въ двухъ, трехъ случаяхъ крестьяне силою выручали своихъ, когда ихъ забирали по распоряженію вотчинныхъ полицій на господскій дворъ для наказанія; вообще однако они держали себя смирно, отвѣчали на всѣ вопросы коммиссій, выслушивали ихъ, но ни къ чему не прилагали рукъ и часто отказывались наотрѣзъ отъ принятія вакенбуховъ, даже отъ выбора судей изъ своей среды. Этотъ пассивный характеръ

народнаго сопротивленія болѣе всего пугалъ губернатора Рихтера или, по крайней мѣрѣ, служилъ для него средствомъ стращанія высшаго правительства. Онъ писалъ министру: „спокойствіе, съ каковымъ крестьяне допускаютъ коммиссіи исполнять ихъ работы, есть только притворное; вакенбухи ихъ не удовлетворятъ и тогда начнется общее возстаніе". Къ несчастью, мѣстное начальство сочло неизбѣжнымъ принуждать крестьянъ къ принятію вакенбуховъ и къ выбору судей. Цѣлый Сѣвскій полкъ, поротно, и сотня казаковъ разосланы были для производства экзекуцій и на постой въ разныя мѣстности преимущественно рижскаго и дерптскаго уѣздовъ; но губернаторъ находилъ эту военную силу все-таки недостаточною и выпрашивалъ еще казаковъ, именно казаковъ, которыми онъ особенно дорожилъ, „ибо (по его словамъ) сихъ крестьяне боялись, напротивъ того, гарнизонными солдатами пренебрегали". Дѣйствительно, псковской губернаторъ писалъ, что въ его губернію перебѣгали цѣлыя толпы крестьянъ изъ Лифляндіи, уходившія отъ казаковъ, и правительство отрядило туда еще три сотни. Возобновились всѣмъ знакомыя сцены; по распоряженію орднунгсъ-рихтеровъ и подъ прикрытіемъ русской военной силы, непокорные Латыши и Эсты наказывались на мѣстахъ палками; затѣмъ, такъ называемые подстрекатели отдавались подъ стражу, судились и приговаривались къ строгимъ наказаніямъ; но генералъ-губернаторъ не утверждалъ приговоровъ, находя ихъ слишкомъ мягкими, и заключенные во множествѣ умирали въ тюрьмахъ. Въ концѣ 1805 года само высшее правительство сочло нужнымъ предписать предсѣдателямъ коммиссій придумать какіе-нибудь благовидные предлоги для пріостановки раздачи вакенбуховъ до прибытія казаковъ.

Изъ подробныхъ донесеній предсѣдателей коммиссій мало-по-малу стало однако обнаруживаться, что значительная доля отвѣтственности за происходившія волненія должна была, по всей справедливости, пасть на помѣщиковъ. Вотъ, между прочимъ, чтò писалъ одинъ изъ предсѣдателей графу Кочубею: „Касательно до возмущенія крестьянъ, о которыхъ ваше сіятельство приказали мнѣ развѣдать, оныя произошли между прочимъ и оттого, что помѣщики, стремясь къ своему при-

бытку и желая какъ можно скорѣе начать винокуреніе или продажу хлѣба купцамъ, заставляли крестьянъ молотить день и ночь, отчего своего ячменя, остававшагося въ полѣ, крестьяне убрать не могли, по причинѣ выпавшаго снѣга и мороза, отъ котораго оный осыпался, и сіи бѣдные люди лишились части пропитанія". Во многихъ имѣніяхъ крестьяне говорили: „Ваши вакенбухи не отъ Государя, ибо не то въ нихъ содержится, что имъ обѣщано. Въ Положеніи сказано, что всѣ повинности будутъ опредѣлены въ точности по количеству и стоимости земли; это принесло бы намъ существенное облегченіе, но это не исполнено: по вновь составленному вакенбуху, наше положеніе нисколько не улучшилось и повинности оставлены въ прежнемъ размѣрѣ"—это дѣйствительно было такъ во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ составлялись и вводились временные вакенбухи на основаніи помѣщичьихъ реверсовъ.

„По прибытіи моемъ въ Ригу (писалъ предсѣдатель рижской коммиссіи) получено извѣстіе страхомъ исполненное о бунтѣ крестьянъ въ Вольмарсгофѣ; требовали команды и казаковъ для усмиренія онаго, ибо всегда требуютъ войска, дабы подъ сею защитою можно было стѣснять крестьянъ. Переговоря съ его превосходительствомъ гражданскимъ губернаторомъ, вмѣсто войска отправилъ я туда находящагося при мнѣ губернскаго секретаря Янсена и при немъ переводчика. Янсенъ, пріѣхавъ на мѣсто и извѣдавъ прежде причины неудовольствія и недоразумѣнія крестьянъ, не токмо привелъ все въ порядокъ, но и выбранныхъ ими дурныхъ судей убѣдилъ смѣнить и назначить на ихъ мѣсто людей незазорныхъ".

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ревизіи обнаруживали невѣроятныя проявленія произвола и изысканной жестокости. Такъ, напримѣръ, предсѣдатель дерптской коммиссіи доносилъ, что крестьяне и дворовые мызы Мегель дерптскаго уѣзда, принадлежавшей бывшему негоціанту Кюмелю, заявили коммиссіи, что они окончательно разорены непомѣрно тяжелою барщиною и, сверхъ того, подвергаются невыносимымъ истязаніямъ. Между прочимъ, помѣщичья кухарка показала „что имѣетъ она дочь 12-ти лѣтъ, которая находи-

лась въ услуженіи у дочери Кюмеля и что, когда сія малолѣтняя не вывязывала указанной мѣры (заданнаго ей урока), то въ наказаніе ее привязывали веревкою за шею къ стѣнѣ, а руки связывали назадъ, такъ чтобъ она могла ихъ сводить и вязать; пока она находилась въ этомъ положеніи, госпожа ея, проходя мимо, безпрестанно сѣкла ее по головѣ розгою или деревяннымъ ножомъ, которымъ треплятъ ленъ, и по суткамъ морила ее голодомъ. Хотя кухарка, жалѣя о своей дочери, просила иногда о помилованіи ея, но за это сама отъ помѣщика жестоко наказываема бывала; въ удостовѣреніе всего этого указаны были два свидѣтеля".

Болѣе всѣхъ тревожился волненіями ландратъ Сиверсъ, хорошо понимавшій, какое страшное орудіе находили въ нихъ противники крестьянской реформы. Онъ не одобрялъ и слишкомъ строгихъ репресивныхъ мѣръ мѣстной администраціи, находя ихъ и жестокими, и неумѣстными противъ недоразумѣній, склонялъ высшее правительство къ всепрощенію, а между тѣмъ въ своемъ уѣздѣ разъѣзжалъ безъ устали изъ одной волости въ другую, вразумляя крестьянъ, толкуя имъ смыслъ Положенія и стараясь, неутомимымъ повтореніемъ одного и того же, привести ихъ ожиданія въ мѣру дарованнаго закономъ. Предсѣдатель рижской коммиссіи, который съ нимъ не сошелся на первыхъ порахъ и относился къ нему несочувственно, писалъ объ немъ: „Въ Венденѣ Сиверсъ мечется ужомъ и разными хитростями убѣждаетъ крестьянъ принимать вакенбухи; но они берутъ ихъ съ оговоркою, что если не то найдутъ, то отдадутъ опять! Такое поведеніе лучше насилія, но все добраго не предвѣщаетъ".

Генералъ-губернаторъ воспользовался этимъ, какъ поводомъ для возобновленія прежнихъ, разъ уже отвергнутыхъ правительствомъ наговоровъ. „Всѣ говорятъ — увѣдомлялъ онъ графа Кочубея — что Сиверсъ конечно неумышленно, а по неосторожности, позволялъ себѣ критиковать нѣкоторыя статьи Положенія, объ утвержденіи которыхъ, по его словамъ, будто впослѣдствіи сожалѣлъ самъ Государь Императоръ. Эти неумѣстныя замѣчанія доходили до крестьянъ; при его рѣчахъ, конечно неумышленныхъ и менѣе или болѣе сказанныхъ (sic), отлучки его, въ видѣ патріотическаго вліянія, доб-

рыхъ послѣдствій произвести не могутъ".—Послѣдствія однако не оправдали этихъ ядовитыхъ намековъ, безграмотно переведенныхъ съ нѣмецкаго шепота. Именно въ венденскомъ уѣздѣ, въ которомъ дѣйствовалъ Сиверсъ, обнаружилось наименѣе поводовъ къ наряду экзекуцій, и волненіе улеглось раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, такъ что не представилось даже надобности пріостанавливать раздачу вакенбуховъ. Вотъ что̀ писалъ объ этомъ предсѣдатель тамошней коммиссіи отъ 21-го октября 1805 года: „Господинъ гражданскій губернаторъ Рихтеръ предлагалъ коммиссіи, чтобъ, до прибытія ожидаемыхъ имъ войскъ, вакенбуховъ не раздавать, и, наконецъ, прислалъ небольшую команду казаковъ въ десяти человѣкахъ состоящую, но я оную съ собою не бралъ, ибо не находилъ нужды въ каковомъ-либо принужденіи; бо̀льшая часть вакенбуховъ приняты отъ поселянъ съ благодарностію, а гдѣ работы были отяготительны—съ совершеннымъ восхищеніемъ, что̀ произвело весьма трогательное зрѣлище; ибо они, падъ на землю, силились цѣловать ноги членовъ коммиссіи, прославляя щедроту Всемилостивѣйшаго Монарха. Въ сію минуту забытъ былъ нами весь понесенный трудъ, и мы чувствовали неописанное удовольствіе содѣйствовать счастію сихъ, такъ сказать, вновь перерожденныхъ людей, и съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, въ которое и оставшіе (т. е. остальные) содѣлаются участниками сего благотворенія".

Другой предсѣдатель писалъ: „Въ Латышахъ нашелъ безпредѣльную вѣрноподданническую отъ всего сердца и отъ всей души преданность къ Государю Императору, простотою изъявленія иногда до слезъ доводящую, особенно въ окрестностяхъ Вольмара, гдѣ прежде было возмущеніе. Я началъ ихъ увѣщевать къ повиновенію помѣщикамъ, говоря, что Государю Императору весьма непріятны своеволіе и дерзость, что онъ праведенъ и по правдѣ отдаетъ и сохраняетъ каждому то, что ему принадлежитъ; они пали на колѣни, цѣловали руки и ноги, давая клятву, что будутъ слушаться, будутъ работать, будутъ все терпѣть отъ помѣщиковъ, коли такъ угодно Государю. Вездѣ и всѣ говорили одно: „пусть намъ будетъ и хуже, но по волѣ Государя". Сіе и на дѣлѣ

оказалось. Помѣщикъ Лиліенфельдъ предложилъ имъ контрактъ (добровольную сдѣлку), который при семъ прилагаю, ибо оный дѣлаетъ ему честь, коимъ крестьяне были довольны; но они не утвердили его и сказали, что хотятъ исполнить волю Государя, хотя бы ихъ состояніе сдѣлалось и хуже нынѣшняго. Сей отвѣтъ вездѣ встрѣчаю. Народъ вообще разуменъ и добръ, но угнетенъ".

Въ началѣ 1806 года опасенія общаго возстанія крестьянъ разсѣялись, но частныя вспышки возобновлялись безпрестанно. Поводомъ служили, главнѣйшимъ образомъ, колебанія въ веденіи дѣла. Открывая одно за другимъ совершенно для него неожиданные крупные промахи въ Положеніи 1804 года, высшее правительство по нѣскольку разъ пріостанавливало всю исполнительную операцію, и тогда мѣстами естественно оживали несбыточныя надежды народа, а мѣстами, наоборотъ, на него находилъ страхъ, какъ бы правительство не отмѣнило всего сдѣланнаго. Затѣмъ получались изъ Петербурга предписанія ускорить елико возможно приведеніе Положенія въ дѣйствіе. Еще чаще случалось, что вакенбухи, окончательно утвержденные и розданные, но составленные неправильно, на основаніи ошибочно истолкованнаго закона или фальшивыхъ свѣдѣній, внезапно отбирались и замѣнялись новыми. Въ подобныхъ случаяхъ, дѣло доходило со стороны крестьянъ до открытаго сопротивленія, а со стороны мѣстныхъ властей до ружей и картечи. Затѣмъ опять: экзекуціи, разорительные постои, ускоренные суды, шпицрутены, ссылки на каторгу и т. д. Этого рода сценами, которыхъ мы уже не станемъ описывать, сопровождалась на мѣстахъ исполнительная операція до самаго ея прекращенія.

IV.

Измѣреніе и градація крестьянскихъ земель. Вопросъ объ оцѣнкѣ бушланда и покосовъ.

Изъ дворянскихъ толковъ на ландтагѣ, при всей ихъ односторонности, все-таки можно было усмотрѣть, что Положеніе 1804 года было далеко не такъ полно, закончено и ясно, какъ могло казаться на первыхъ порахъ петербургскимъ его составителямъ. Какъ только исполнительныя коммиссіи приступили къ изготовленію вакенбуховъ, въ немъ обнаружились новые недостатки; многія статьи подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, въ другихъ оказывались противорѣчія, нѣкоторыя представлялись неисполнимыми и Петербургскій Комитетъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ, закиданъ вопросами, отъ которыхъ онъ кое-какъ отбивался. Большей части ихъ мы не коснемся, тѣмъ болѣе, что это все еще были цвѣтки въ сравненіи съ предстоявшими ему горькими разочарованіями, и остановимся только на самыхъ крупныхъ статьяхъ.

Въ Петербургѣ предполагалось, что исполнительныя коммиссіи найдутъ въ Лифляндіи двѣ готовыя данныя, если не математически-точныя, то, по крайней мѣрѣ, признанныя на мѣстахъ и общепринятыя, именно: величину крестьянскихъ надѣловъ и классификацію входящихъ въ ихъ составъ угодій. Онѣ должны были служить основаніемъ для всей дальнѣйшей работы, и не предвидѣлось надобности подвергать ихъ общей предварительной повѣркѣ. На дѣлѣ вышло однако иначе. При первомъ приступѣ къ работѣ, венденская коммиссія обратилась въ Комитетъ съ вопросомъ: можетъ-ли

она въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне жаловались на слишкомъ высокую градацію ихъ земли, производить черезъ землемѣра повѣрку градаціи? И Комитетъ, какъ и слѣдовало ожидать, вопреки однако мнѣнію ландрата Буденброка, не только разрѣшилъ повѣрку, но призналъ ее даже обязательною, предполагая все-таки, что случаи, въ которыхъ она потребуется, будутъ встрѣчаться на практикѣ не слишкомъ часто. Но вслѣдъ затѣмъ, вотъ что онъ услышалъ отъ предсѣдателя рижской коммиссіи: „Положеніемъ требуется межеваніе (т. е. опредѣленіе площади) и означеніе градусовъ земли, но я долгомъ считаю объяснить, что межеваніе лифляндское, какъ я оное нашелъ, есть чистое шарлатанство, а градація педантическій обманъ. При всякомъ межеваніи, старается хозяинъ (крестьянинъ) обмануть помѣщика на количествѣ земли, а помѣщикъ на качествѣ оной прижать хозяина. Не было ни одного плана, котораго бы крестьяне не оспаривали и при разсмотрѣніи котораго они бы не жаловались, весьма справедливо, на землемѣра, что онъ градусы поставилъ выше, чѣмъ слѣдовало [1]); обнаруживалось по дѣламъ, что сыпучій, безплодный песокъ подведенъ подъ 2-й градусъ, тогда какъ онъ никакого градуса не имѣетъ, ибо негоденъ, и болота поставлены также въ градусъ, хотя человѣкомъ непроходимы. Гаки оказываются всѣ неравными (по цѣнности) у помѣщиковъ вообще и въ каждомъ имѣніи въ частности; въ одномъ полгакѣ считается земли на 48 талеровъ, а въ другомъ на 28 (вмѣсто 40). Происходитъ это отъ слѣдующаго обычая: помѣщикъ нанимаетъ землемѣра, платя ему отъ 25 до 30 руб. за квадр. версту семисотенную; но, независимо отъ этой ряды, когда дѣло доходитъ до постановки градусовъ, помѣщикъ о томъ увѣдомляется, и землемѣръ получаетъ подарокъ, чтобы поставить градусы выше, дабы получить больше повинностей, и землемѣръ, яко человѣкъ желающій жить, оказываетъ сію благосклонность щедрому помѣщику. Съ другой стороны, хозяева тоже не дремлютъ и нѣсколькими талерами приводятъ компасъ въ замѣ-

[1]) Совершенно то же самое, не только о градусахъ, но и о количествѣ крестьянской земли, писали и предсѣдатели всѣхъ другихъ коммиссій.

шательство, такъ что линія астрелябіи уклоняется далеко въ сторону, захватывая въ ихъ владѣніе нѣсколько сотъ десятинъ, и, по мѣрѣ суммы, отбивается стрѣлка на 10 или 12 талеровъ земли, конечно на счетъ того сосѣда хозяина, который, не зная притягательной силы магнита къ талерамъ, не умѣлъ открыть сего астрелябіи свойства [1]). Оттого у иного четверть-гакнера, по здѣшнему счету, окажется на 35 и 36 талеровъ земли (вмѣсто 20), когда рядомъ у полгакнера не болѣе какъ на 28 (вмѣсто 40). Крестьянинъ не понимаетъ мудрости геометрической, но всегда чувствуетъ безошибочно каждый, когда у сосѣда вдвое". Предсѣдатель рижской коммиссіи требовалъ командировки въ Лифляндію русскихъ землемѣровъ и упрощенія самой системы таксаціи; онъ доказывалъ, что дѣленіе на четыре степени или градуса не имѣло основанія въ *естественной* производительности лифляндской почвы и что разница между ними обусловливалась количествомъ капитала, положеннаго въ землю крестьянами, то есть труда и удобренія. „Здѣсь, писалъ онъ, одинъ навозъ составляетъ черноземъ, и оттого сады и огороды ставятся сплошь въ первомъ градусѣ".

Еще во время составленія Положенія Сиверсъ предупреждалъ Комитетъ, что принятыя имъ правила давали излишній просторъ усиленію такъ называемой вспомогательной барщины на счетъ очередной. Дѣйствительно, стали поступать вакенбухи, въ которыхъ размѣръ второй назначался ниже половины той суммы, въ которую оцѣненъ былъ участокъ, а размѣръ первой превышалъ эту половину. Двѣ коммиссіи

1) Наблюденія Арсеньева подтверждаются свѣдѣніями за самое послѣднее время, повидимому доказывающими, что, въ этомъ отношеніи, Лифляндія съ 1805 года не далеко ушла впередъ. Повѣрочныя измѣренія и переоцѣнки крестьянскихъ земель (хотя и вопреки закону) производились безъ перерыва и производятся теперь, особенно при переоброчкахъ и продажахъ. Эти работы обыкновенно поручаются частнымъ землемѣрамъ, которыхъ содержитъ дворянство (Ritterschaftslandmesser). Ихъ дѣйствія не подлежатъ обязательному контролю со стороны казенныхъ землемѣровъ и подаютъ поводъ къ безчисленному множеству жалобъ со стороны крестьянъ не только на небрежность и невниманіе къ ихъ справедливымъ требованіямъ, но очень часто и на пристрастіе и взяточничество. То, что писалъ Арсеньевъ въ 1805 году, какъ будто выписано изъ доходившихъ до насъ жалобъ 1870-хъ годовъ.

возбудили вопросъ: сообразно ли будетъ съ видами правительства допускать, къ отягощенію крестьянъ, такое переложеніе одного вида издѣльной повинности въ другой?— Комитетъ отвѣчалъ: вообще должно приближаться къ половинѣ, сколько возможно болѣе; гдѣ обыкновенная барщина не составляетъ полной половины, допускать сіе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы оба вида барщины не составляли ни въ какое время года болѣе 2-хъ дней въ недѣлю на каждаго работника, кромѣ жнитва.—Комитетъ, какъ видно, все еще вѣрилъ въ силу своего правила и не подозрѣвалъ, что введенными въ нѣмецкій текстъ разными „überhaupt" и „im Durchschnitt" оно уже было расшатано.

Далѣе оказалось, что Комитетъ, конечно не подозрѣвая этого, испортилъ шведскую таксаціонную систему. Предсѣдатели двухъ коммиссій донесли ему, что по этой системѣ опредѣленіе градуса земли обусловливалось не только свойствомъ, но и глубиною верхняго слоя; такъ, напримѣръ, для отнесенія пахатной земли къ первому градусу, требовалось не менѣе 12-ти дюймовъ чернозема въ глубину; между тѣмъ какъ въ приложенной къ Положенію таксѣ различныхъ родовъ земель (подъ литерою В) объ этомъ послѣднемъ признакѣ, то есть о глубинѣ, вовсе не упоминалось. Ландраты, составлявшіе таксу, разсудили обойти его. Комитетъ, понявъ важность и угадавъ цѣль этого пропуска, поспѣшилъ пополнить его одновременно съ нѣкоторыми другими сдѣланными имъ въ Положеніи исправленіями. Всѣ они были обнародованы указомъ 2-го декабря 1804 года на имя генералъ-губернатора; но указъ этотъ въ Лифляндіи опубликованъ не былъ. Тамъ его игнорировали и землемѣры нисколько имъ не стѣснялись. Объ этомъ обстоятельствѣ графъ Кочубей увѣдомленъ былъ запискою, посланною къ нему изъ Риги, на французскомъ языкѣ, и никѣмъ не подписанною. Неизвѣстный авторъ заявлялъ въ ней, что несогласный съ шведскою системою способъ опредѣленія градусовъ давалъ возможность удвоивать итогъ крестьянскихъ повинностей. По наведеннымъ справкамъ, извѣстіе подтвердилось и въ 1807 году послѣдовало подтверженіе держаться во всей точности шведской системы. Но этимъ не разрѣшался еще коренной вопросъ: продолжать ли попрежнему строить

на зыбкомъ грунтѣ, то есть выводить итоги крестьянскихъ повинностей на основаніи данныхъ не только спорныхъ, но положительно невѣрныхъ и ненадежныхъ, или, пріостановивъ на неопредѣлимый срокъ приведеніе Положенія въ дѣйствіе, направить всю исполнительную операцію въ другую сторону и сосредоточить ее на предварительныхъ, общихъ, повѣрочныхъ изслѣдованіяхъ? Вопросъ этотъ былъ такъ серьезенъ, что Комитетъ предпочелъ и не затрогивать его. Онъ отмолчался.

Другое не менѣе прискорбное открытіе обратило на себя все его вниманіе. Репьевъ, предсѣдатель Венденской коммиссіи, душею который былъ Ф. Сиверсъ (въ качествѣ мѣстнаго церковнаго попечителя) вошелъ съ представленіемъ такого содержанія. Въ докладѣ комитета на Высочайшее имя значилось между прочимъ „что основаніемъ всѣхъ повинностей лифляндскихъ поселянъ пріемлется шведская таксаціонная метода по изданному въ 1688 г. учрежденію о ревизіяхъ казенныхъ и дворянскихъ помѣстій“, и далѣе: „что само дворянство постановило цѣнить сѣнокосы и огородныя земли крестьянъ по шведской таксѣ 1688 г., съ чѣмъ согласился и Комитетъ. То же самое повторено было въ самомъ текстѣ Положенія (§§ 54, 57 [1]) и др.), причемъ пояснялось, что шведская таксаціонная метода потому принята за основаніе, что правила ея продолжительнымъ опытомъ всеобще признаны справедливыми и соотвѣтствующими взаимнымъ пользамъ помѣщиковъ и крестьянъ.“ Наконецъ, въ инструкціи (§ 22) заявлялось, что въ приложенной къ Положенію таксѣ подъ лит. В содержалось не иное что, какъ оцѣнка всѣхъ родовъ крестьянскихъ земель, въ томъ числѣ сѣнокосовъ и огородовъ, *по шведской таксѣ.* Между тѣмъ, въ упомянутомъ приложеніи подъ лит. В бросались въ глаза два весьма существенныхъ и ничѣмъ не мотивированныхъ отступленія отъ этой таксы, оба къ ущербу крестьянъ. Во-первыхъ, для бушланда, по шведской методѣ, полагались двѣ таксы: поросшій кустарникомъ (т. е. годный на срубъ и подъ расчистку) цѣнился въ половину противъ полевой земли (Brustacker) одного съ нимъ класса, а голая

---

[1]) Въ § 57 положительно требовалось, чтобы сѣнокосы и огороды по той же (шведской) таксѣ включены были въ оцѣнку крестьянскихъ участковъ.

залежь (отслужившая) только въ половину противъ поросли, слѣдовательно въ одну четверть противъ полевой. Къ этому Сиверсъ присовокуплялъ, что, по мѣстному обычаю, основанному на давнемъ опытѣ, при всѣхъ измѣреніяхъ и таксаціяхъ, количественное отношеніе поросли къ голой залежи всегда опредѣлялось въ пропорціи 1 : 3. Въ таксѣ же, приложенной къ Положенію, оба эти вида были смѣшаны и бушландъ вообще *„поросшій кустарникомъ и безъ онаго“* (поросль и залежь) цѣнился въ половину противъ полевой земли. Стало быть, цѣнность бушланда вообще возвышалась на цѣлую треть и въ той же соразмѣрности должны были увеличиться по этой статьѣ, противъ шведской нормы, повинности крестьянъ. Во-вторыхъ, шведская система установляла для покосовъ четыре градуса, соотвѣтствовавшіе большему или меньшему количеству накашиваемаго сѣна, полагая съ тонштеля (14,000 квадр. локтей) по $1^1/_2$, по $1^1/_4$, по $^3/_4$, и по $^1/_2$ воза (Fuder); возъ, при таксаціи, цѣнился въ $11^1/_4$ грошей. Между тѣмъ, въ приложенной къ Положенію таксѣ, хотя и удержаны были та же система таксаціи и та же оцѣнка воза, но означенный выше укосъ отнесенъ былъ къ лофштелѣ (т. е. къ площади въ 10,000 квадр. локтей); слѣдовательно, здѣсь оцѣнка земли, а соотвѣтственно ей и повинность возвышены были въ пропорціи 5 : 7.

Одновременно съ венденскою коммиссіею и не сговариваясь съ нею, пернавская указала правительству на тѣ же отступленія отъ шведской таксаціи. Возникалъ вопросъ: чему вѣрить, тексту ли Положенія или приложенной къ нему таксѣ и какъ могло проскользнуть такое между ними противорѣчіе? Оно было такъ очевидно и въ то же время такъ крупно, что самъ Сиверсъ, несмотря на то, что онъ гораздо лучше нашихъ министровъ знакомъ былъ съ пріемами своихъ земляковъ, на первыхъ порахъ приписывалъ его случайной опискѣ или опечаткѣ; но доходившіе до него съ разныхъ сторонъ слухи скоро заставили его опознать умыселъ. Встревоженный этимъ открытіемъ, грозившимъ обратить въ фикцію обѣщанное крестьянамъ облегченіе въ ихъ повинностяхъ, онъ немедленно написалъ дѣлопроизводителю комитета Дружинину слѣдующее письмо: „Par la lettre ci-jointe votre

excellence verra qu'il y va du bien-être d'un million de gens. Sachant qu'on se donne toutes les peines possibles pour avoir une résolution contraire à la présentation que j'ai faite, je vous prie, Monsieur, en cas qu'on la voudrait donner, de présenter la lette ci-jointe à Sa Majesté l'Empereur, mais, en cas que la résolution serait favorable aux paysans, de la retenir. Je vous assure, Monsieur, sur mon honneur, que si on voulait régler les redevances des paysans suivant l'instruction et les tableaux annexés, comme on les explique ici, une grande partie des paysans aurait un sort plus dur qu'auparavant. Moi-même je gagnerais par cette interprétation plus de 600 écus de corvées annuelles [1]), mais je quitterais plutôt ma patrie que de signer un seul wakenbuch sur ces principes".

Въ приложенномъ письмѣ на Высочайшее имя Сиверсъ писалъ: „Sir, Vous m'avez donné la permission de Vous écrire; permettez donc en grâce que je le fasse pour le bien de Vos sujets Livoniens.—L'instruction pour les commissions de révision et les tableaux annexés, que je n'ai pas vus à Pétersbourg, détruisent presque tout le bien que Vous, Sir, avez accordé en grâce aux paysans de cette province. S'ils étaient exécutés comme on les interpète ici, une grande partie des paysans aurait un sort plus dur qu'elle ne l'avait jusqu'ici, en recevant au moins 90 poux cent à payer de plus que la valeur de leur fond.—Etant Oberkirchenvorsteher du cercle de Wenden et, comme tel, devant selon l'instruction signer les wakenbuchs, j'ai fait une représentation à M-r Répieff, président de cette commission; je lui ai tout détaillé et l'ai prié de demander la dessus des ordres au ministre Comte Kotchoubey.— Sir, en grâce, ne permettez pas qu'on interprète à faux une loi sainte que Vous avez donnée pour le bien d'un demi-million de sujets qui déjà entrevoient par Votre grâce un ciel ouvert qui leur était fermé depuis six siècles".

Но мучившія Сиверса опасенія не давали ему покоя на мѣстѣ; онъ рѣшительно объявилъ предсѣдателю венденской коммиссіи, что не подпишетъ ни одного вакенбуха, въ которомъ оцѣнка была бы несогласна съ шведскою таксою —

[1]) Т. е. на 600 талеровъ повинностей.

на что онъ, впрочемъ, по буквѣ инструкціи, не имѣлъ права— и, не дождавшись отпуска, поскакалъ въ Петербургъ.

Это, разумѣется, тотчасъ же огласилось. Зная, зачѣмъ онъ ѣхалъ, люди, опасавшіеся болѣе всего раскрытія секретовъ, искусно спрятанныхъ въ Положеніи, по заведенному порядку, сами притаились и пустили впередъ настроенныхъ ими начальника губерніи и военнаго губернатора. Послѣдній обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ цѣлымъ рядомъ жалобъ и доносовъ на Сиверса, въ которыхъ два дисциплинарныхъ его проступка—отказъ отъ подписи и самовольный отъѣздъ — невѣдомо какъ и почему приводились въ связь съ доходившимъ кое-откуда ропотомъ крестьянъ и раздувались до размѣровъ уголовнаго преступленія первой величины. По его словамъ, Сиверсъ выходилъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ; подвергнуть его строгой отвѣтственности, отрѣшивъ немедленно отъ должности ландрата и оберъ-кирхенъ-форштеера — казалось военному губернатору едва достаточнымъ для возстановленія спокойствія въ краѣ и для обезпеченія правильнаго хода дѣлъ въ венденской коммиссіи.

Въ формальномъ отношеніи, Сиверсъ былъ дѣйствительно неправъ и самъ, вѣроятно, не сталъ бы оправдываться; но онъ находилъ, что лучше было ему лично подвергнуться взысканію за нарушеніе служебныхъ порядковъ, чѣмъ допускать увеличеніе крестьянскихъ повинностей въ противность намѣреніямъ правительства, или ставить послѣднее въ необходимость, раздавъ вакенбухи, на другой день, отобрать ихъ и сознаться передъ крестьянами, что оно дало обмануть себя.

Когда получены были Комитетомъ вышеизложенныя представленія мѣстныхъ коммиссій, двухъ ландратовъ, засѣдавшихъ въ Комитетѣ, не было уже въ Петербургѣ. Немедленно по утвержденіи Положенія, они вернулись во свояси съ Высочайшимъ благоволеніемъ за свои труды; одинъ изъ нихъ, Анрепъ, окончательно отпросился на покой и на мѣсто его, прежнимъ порядкомъ, назначенъ былъ ландратъ Герсдорфъ; другой, ловкій и изворотливый Буденброкъ, окончивъ одно дѣло въ столицѣ, увѣривъ правительство, что оно облагодѣтельствовало крестьянъ на счетъ помѣщиковъ, доказывалъ теперь своимъ собратьямъ въ Ригѣ, что помѣщики ничего не

потеряютъ отъ примѣненія Положенія, въ извѣстномъ смыслѣ истолкованнаго, и что, для умѣющихъ читать промежь печатныхъ строкъ, не было особенныхъ причинъ ломать себѣ руки. Къ этимъ двумъ своимъ руководителямъ естественно обратился осиротѣвшій и озадаченный Комитетъ за разъясненіемъ неожиданно обнаружившихся противорѣчій.

На сдѣланный имъ запросъ, ландраты отвѣтили нѣсколько свысока, тономъ оскорбленной невинности. Въ пространномъ своемъ объясненіи Буденброкъ, отъ своего лица и за своего товарища, прежде всего воздалъ самому себѣ подобающую хвалу за свое высокое безпристрастіе, доказанное Высочайшимъ благоволеніемъ, ставившимъ его выше всякаго подозрѣнія; затѣмъ онъ, конечно, не преминулъ опорочить своихъ противниковъ и набросить тѣнь на руководившія ими побужденія. Всѣ эти запросы и возраженія, писалъ онъ, имѣютъ основаніе отнюдь не въ мѣстныхъ, хозяйственныхъ условіяхъ края, а свидѣтельствуютъ лишь объ укоренившемся издавна въ Лифляндіи неумѣніи или нежеланіи понимать силу Высочайшей воли и подчиняться ей. Потомъ, переходя къ дѣлу, онъ, съ перваго же слова и съ неподражаемою развязностью, признавалъ не только фактическую достовѣрность, но преднамѣренность указанныхъ отступленій отъ принятой таксаціи. Напрасно де предполагаютъ въ табели подъ литерою *B*, составленной нами (мною Буденброкомъ и Апрепомъ) какія-то описки или опечатки—ихъ нѣтъ; мы дѣйствительно и намѣренно отступили въ оцѣнкѣ бушланда и покосовъ отъ шведской системы, но что же изъ этого?—Вольно ревизіоннымъ коммиссіямъ не понимать, что шведская система принята была Комитетомъ только „за *основаніе*“ новаго Положенія (какъ значилось въ докладѣ), а вовсе не за *норму*, отъ которой бы нельзя было уклониться ни на одинъ шагъ. Самъ Комитетъ отнесся къ ней критически, нашелъ въ ней недостатки и исправилъ ихъ; стало быть, то или другое отступленіе отъ нея, само по себѣ, не даетъ еще повода къ упреку, а вопросъ можетъ быть только о томъ: дѣйствительно ли оно оправдывается существомъ дѣла? —Разсуждая такимъ образомъ, на видъ самоувѣренные, но внутренно все-таки нѣсколько растерявшіеся ландраты преднамѣренно игнорировали слѣдую-

щія обстоятельства. Во-первыхъ, Комитетъ, какъ видно изъ его журналовъ, усмотрѣлъ въ шведской системѣ *два* недостатка, требовавшіе не измѣненій, а дополненій, именно два, не болѣе и не менѣе, и прямо указалъ на нихъ въ своемъ докладѣ: неопредѣленность вспомогательной барщины и отсутствіе правила о соразмѣреніи повинностей, лежавшихъ на каждомъ дворѣ, съ числомъ наличныхъ въ немъ рабочихъ душъ. Изъ того, что по этимъ двумъ статьямъ найдено было нужнымъ дополнить шведскую систему, отнюдь не слѣдовало, чтобъ Комитетъ подразумѣвательно разрѣшилъ и другія всякаго рода отъ нея отступленія. Напротивъ, въ журналѣ его 14 сентября 1804 г. буквально значилось: „нужно не терять изъ виду, что опредѣленіе повинностей крестьянъ, возложенное на ревизіонныя коммисіи, не иное что есть, какъ приведеніе въ исполненіе *шведской таксаціонной методы, которая ни въ чемъ не отмѣнена нынѣшнимъ Положеніемъ* (§ 54) но приведена въ бóльшую опредѣлительность (§§ 57 и 58)". Во-вторыхъ, два указанныя дополненія обсуждались въ полномъ составѣ Комитета, были имъ приняты совершенно сознательно и подробно мотивированы какъ въ журналахъ, такъ и въ докладѣ его, тогда какъ о возвышеніи оцѣнки бушланда и покосовъ ни въ журналахъ, ни въ докладѣ, не упоминалось ни единымъ словомъ. Эти два очень существенныя отступленія отъ шведской системы были ввернуты въ таблицу подъ лит. *B* двумя ландратами, безъ вѣдома Комитета, и подсунуты ему къ подписанію безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, притомъ въ явное противорѣчіе статьѣ 22-й инструкціи, въ которой приложеніе подъ лит. *B* названо было прямо, буквально и безъ всякихъ оговорокъ, *шведскою таксою всѣхъ крестьянскихъ угодій*. Какъ же отдѣлались ландраты отъ указанія на ясный, обличительный смыслъ этой статьи? Съ обычнымъ своимъ апломбомъ, они отвѣтили: „здѣсь, каждый безпристрастный читатель *почувствуетъ*, что подъ словами „шведская такса" слѣдуетъ разумѣть *исправленную* шведскую таксу [1])". По этому толкованію, употребленныя въ законѣ слова. „шведская

---

[1]) Jeder Unparteiische wird es fühlen, dass damit die regulirte Schwedische Taxaordnung gemeint ist.

такса" значили бы: шведская такса плюсъ изобрѣтенія г.г. Буденброка и Анрепа.

Перескочивъ благополучно, съ рыцарскою ловкостью, черезъ всѣ препятствія, встрѣчавшіяся въ законѣ, ландраты очутились на почвѣ лифляндскихъ хозяйственныхъ условій, которыми имъ предстояло оправдать по существу сдѣланныя ими отступленія. Дѣйствительно, продолжали они, мы возвысили оцѣнку бушланда, положивъ его кругомъ въ полцѣны, вмѣсто трети, противъ полевой земли, но мы сдѣлали это не безъ основанія. Въ сущности, бушландъ такая же земля какъ и полевая, одинаково способная къ постоянному воздѣлыванію и, со временемъ, имѣющая непремѣнно обратиться въ полевую [1]). Чѣмъ раньше это совершится, тѣмъ лучше, какъ для крестьянъ такъ и въ общихъ видахъ государственной экономіи. Замѣтивъ, что, при дешевой оцѣнкѣ бушланда, крестьяне пренебрегаютъ имъ и оставляютъ его въ запущеніи, мы разсудили, что если брать съ нихъ за эту землю дороже, то и они естественно почувствуютъ необходимость извлекать изъ нея бо́льшую прибыль. Мы также подняли цифру укоса, но и въ этомъ случаѣ руководствовались нашимъ хозяйственнымъ опытомъ. Извѣстно, что луговъ въ Лифляндіи мало и что въ натурѣ укосъ бываетъ въ сложности обильнѣе того, на предположеніи котораго основана шведская такса. Наконецъ — и это главное—еслибъ осталась неизмѣнною шведская оцѣнка бушланда и покосовъ, то вспомогательная барщина, которою помѣщики въ настоящее время, на законномъ основаніи, фактически пользуются, никогда бы не покрылась повинностью, исчисленною по стоимости угодій, доселѣ не полагавшихся въ цѣну. Исходя изъ этого убѣжденія, мы дѣлали разные опыты: пробовали сперва принять укосъ, опредѣленный шведскою таксою, и цѣнить сѣно по шведской же таксѣ (т. е. въ $11^1/_4$ грошей за возъ)—результатъ оказался слишкомъ невыгоднымъ для помѣщиковъ; затѣмъ мы попытались, сохранивъ тѣ же цифры укоса, удвоить оцѣнку воза и удостовѣрились, что исчисленная на этомъ основаніи повинность была бы непосильна крестьянамъ; наконецъ, мы придумали своего рода

---

[1]) На этомъ основаніи, почему бы прямо не приравнять ее къ огородной?

сдѣлку и на ней остановились: сохранили шведскую оцѣнку воза и возвысили укосъ въ размѣрѣ 5 : 7 — не говоря объ этомъ Комитету ни слова.

Такимъ образомъ, выяснилась наконецъ коренная противоположность въ воззрѣніяхъ двухъ ландратовъ и прочихъ членовъ Комитета. Идя, повидимому, рука объ руку, они, на самомъ дѣлѣ, шли къ разнымъ цѣлямъ. Комитетъ, принявъ au sérieux постановленія ландтага 1803 года, повѣрилъ въ искренность заявленнаго рыцарствомъ намѣренія улучшить бытъ крестьянъ и потому, вычитавъ въ томъ же постановленіи признаніе чрезмѣрной обременительности вспомогательной барщины, онъ воображалъ bona fide, что привести эту повинность въ точную соразмѣрность со стоимостью угодій, прежде не принимавшихся въ разсчетъ, значило не иное что, какъ *сложить* съ крестьянъ тотъ лишекъ въ рабочихъ дняхъ, который съ нихъ требовался сверхъ стоимости этихъ угодій, выведенной по правиламъ шведской таксаціи. Наоборотъ, для делегатовъ дворянства, та же формула значила: придать произвольно - установленной и чрезмѣрной повинности благовидное основаніе и спасти ее, натянувъ таксацію угодій до размѣра существовавшей на практикѣ вспомогательной барщины. Это ясно вытекало изъ ихъ словъ, ибо, такъ какъ въ прежнихъ законахъ не было для этой повинности опредѣлительной нормы, то, при условіяхъ крѣпостнаго права, все, что требовалось помѣщикомъ вспомогательными нарядами, могло до нѣкоторой степени считаться законнымъ его достояніемъ. Въ заключеніи своего объясненія ландраты „свидѣтельствовали передъ своимъ Государемъ и *передъ всею Европою* о чистотѣ своей совѣсти“ и заявляли надежду на полное одобреніе Комитета.

Не знаемъ, что̀ почувствовали графъ Кочубей и прочіе члены по прочтеніи этой бумаги: досаду ли на самихъ себя, негодованіе ли на лифляндскихъ своихъ сотоварищей, такъ безцеремонно воспользовавшихся ихъ довѣрчивостью и безпечностью, или, можетъ быть, то и другое вмѣстѣ. Ощущенія этого рода не оставляютъ по себѣ слѣдовъ въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ; но мы однако находимъ въ немъ доказательства, что на сей разъ продѣлки ландратовъ были по крайней мѣрѣ поняты и оцѣнены по достоинству. Въ комитетскомъ жур-

налѣ 5 ноября 1804 года прописано буквально слѣдующее: „Комитетъ находитъ: 1) что дополненія къ древней шведской методѣ, сдѣланныя въ нынѣшнемъ Положеніи о крестьянахъ, служатъ только къ приведенію въ бо̀льшую опредѣлительность всѣхъ повинностей крестьянъ и ни въ одномъ пунктѣ *не перемѣняютъ таксы*, да и во всеподданнѣйшемъ докладѣ Комитета изображено въ чемъ именно состоятъ сіи дополненія; 2) что Комитетъ, принимая за основаніе и за правило нынѣшняго Положенія древнюю шведскую методу (§§ 54, 55, 56 и 57), *никогда не имѣлъ въ виду перемѣнять оцѣнку земель и другихъ предметовъ*, на которые древняя такса распространялась. Сіе доказывается журналами Комитета, изъ которыхъ явствуетъ, что о таковыхъ перемѣнахъ ничего *предложено ни разсуждаемо въ Комитетѣ не было* и потому 3) такса *B*, по которой, при специальномъ межеваніи помѣстьевъ, оцѣниваются крестьянскіе участки и повинности всѣхъ родовъ, не иное что должна заключать какъ древнюю шведскую таксу, и если такса *B* не сходствуетъ со шведскою, то должна быть исправлена, ибо Комитетъ въ журналѣ своемъ октября 8-го прошлаго 1803 года положилъ, по разсмотрѣніи таксы *B* представленной гг. ландратами, сравнить оную съ изданною при шведскомъ учрежденіи о ревизіяхъ 1688 года [1]); но на *двукратное требованіе* о доставленіи въ Комитетъ сей таксы, получилъ въ отвѣтъ отъ лифляндскаго гражданскаго губернатора, *что оной не отыскано*, а вмѣсто ея прислана имъ скрѣпленная выписка изъ таксы земель и работъ, въ которой нѣкоторые роды земель *не означены*. По сей причинѣ и *по увѣренію г. ландратовъ, что такса B составлена ими съ вѣрныхъ копій подлинной шведской таксы*, приложена оная къ Положенію о крестьянахъ. Вслѣдствіе сего Комитетъ нынѣ полагаетъ, на основаніи мнѣнія пернавской ревизіонной коммиссіи, исправить въ таксѣ *B* оцѣнку залежи и сѣнокосовъ сходственно съ древнею шведскою таксою, которая въ Положеніи о крестьянахъ, утвержденномъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, постановлена правиломъ при нынѣшнихъ оцѣнкахъ всѣхъ родовъ земель и повинностей. И потому: кустовую землю и залежь (т. е. не всегда

---

1) Этотъ журналъ сохранился въ подлинникѣ при дѣлѣ.

употребляемую землю, заросшую кустарникомъ и безъ онаго) полагать должно: 1-ой степени: бочку [1]) въ 30 грошей, лофъ въ $21^3/_7$ грошей; 2-ой степени: бочку въ 25 грошей, лофъ въ $17^6/_7$ грошей; 3-ьей степени: бочку въ 20 грошей, лофъ въ $14^2/_7$ грошей; 4-ой степени: бочку въ 15 грошей, лофъ въ $10^5/_7$ грошей. Сѣнокосовъ: 1-ой степени, 14000 локтей: сѣна $1^1/_2$ воза или $16^7/_8$ грошей; 2-й степени: сѣна 1 возъ или $11^1/_4$ грошей; 3-ьей степени: сѣна $^3/_4$ воза или $8^7/_{16}$ грошей; 4-й степени: сѣна $^1/_2$ воза или $5^5/_8$ грошей. О семъ заключеніи Комитета положено всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству чрезъ предсѣдательствующаго министра внутреннихъ дѣлъ".

Здѣсь кстати нельзя не обратить вниманія на странное стеченіе обстоятельствъ. Ландраты, которымъ при самомъ открытіи Комитета поручено было изготовленіе всѣхъ приложеній, какъ то: табелей, таксъ и формъ, вносятъ ихъ въ присутствіе въ одно изъ послѣднихъ засѣданій, незадолго до подписанія Положенія. Комитетъ видитъ передъ собою множество всякаго рода графъ, перечней, мелкихъ цифръ и, для повѣрки ихъ, обращается за справками къ лифляндскому губернатору. Губернаторъ ищетъ по всей Лифляндіи и не находитъ таксы, которою пользуется и которую имѣетъ въ рукахъ каждый тамошній землемѣръ. Комитетъ подписываетъ приложенія на вѣру, очевидно ихъ не читая; но и тогда еще фальшь могла бы быть своевременно обнаружена однимъ человѣкомъ, именно Сиверсомъ, которому сообщались на просмотръ всѣ заключенія Комитета. На бѣду, такса угодій какими-то судьбами минуетъ его и попадаетъ ему на глаза не прежде, какъ по утвержденіи и обнародованіи всего Положенія — онъ самъ двукратно объ этомъ свидѣтельствовалъ. Такъ обдѣлывались остзейскія дѣла въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ явнымъ покровительствомъ слѣпого случая или какой-то другой невѣдомой силы. Спрашивается: можно ли быть увѣренну въ томъ, что тѣ же дѣла обдѣлывались и обдѣлываются иначе въ наше время, хотя бы, напримѣръ, въ министерство П. А. Валуева, при генералъ-губернаторахъ

---

[1]) Бочка значитъ то же, что тонштель (14000 локтей), а лофъ то же, что лофштель (10000 локтей).

графѣ Шуваловѣ, Альбединскомъ, князѣ Багратіонѣ, при губернаторѣ Еттингенѣ, при правителѣ канцеляріи Жилинскомъ?

Изъ приведеннаго выше журнала читатели могли видѣть, что наши сановники того времени по крайней мѣрѣ имѣли мужество чистосердечно сознаваться въ своихъ промахахъ, не стараясь маскировать ихъ и не щадя своего самолюбія; въ послѣдующую, ближайшую къ намъ эпоху, въ подобныхъ случаяхъ, не всегда такъ бывало. На сей разъ, благодаря правдивости Комитета, ошибка, въ которую онъ былъ вовлеченъ, была исправлена впору; согласно его докладу, шведская такса была возстановлена во всѣхъ частяхъ, какъ обязательная норма, именнымъ указомъ 2-го декабря 1804 года.

Читатели спросятъ, можетъ быть: что́ стало послѣ этого съ ландратомъ Буденброкомъ? Не было ли дано ему почувствовать, что дальнѣйшее его присутствіе въ Комитетѣ было бы излишне, или не поспѣшилъ ли онъ самъ выйти изъ него, посовѣстившись встрѣчаться съ прежними своими товарищами? Ни того, ни другого не случилось; ландрату Буденброку ничего не давали чувствовать, и самъ онъ ничего не почувствовалъ кромѣ, можетъ быть, нѣкотораго сожалѣнія о неудачѣ своей комбинаціи. Онъ остался по прежнему членомъ Комитета; отношенія его къ предсѣдателю и къ прочимъ членамъ ни въ чемъ не измѣнились, по крайней мѣрѣ на видъ, и когда онъ отлучался изъ Петербурга, съ нимъ по прежнему списывались, испрашивая его заключеній по всѣмъ возникавшимъ вопросамъ. Мало того, немного спустя, его посадили членомъ въ особую коммиссію, наряженную для разбирательства жалобъ, поданныхъ дворянствомъ Венденскаго уѣзда на ландрата Сиверса, и такимъ образомъ ландратъ Буденброкъ сталъ почти судьею надъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который незадолго передъ тѣмъ только что уличилъ его въ фальши. Подробности этого дѣла читатели увидятъ ниже.

Причина этой снисходительности или этого равнодушія, со стороны правительства, изъ дѣлъ не обнаруживается; что же касается до самого ландрата Буденброка, то можно думать, что онъ дѣйствительно не находилъ повода краснѣть и что его совѣсть не упрекала его ни въ чемъ. Судя о проступкѣ по отношенію къ степени его нравственной вмѣняемости, на-

добно прежде всего уяснить себѣ, чего требовалъ отъ себя самъ провинившійся, по своей совѣсти, и какого рода правиламъ добровольно подчинялась его свобода. Тогда только можетъ опредѣлиться въ точности область личной его отвѣтственности въ данномъ случаѣ и степень вліянія на него той среды, въ которой онъ воспитался. Въ остзейскомъ обществѣ гражданская совѣсть развита до тонкости и требованія ея находятъ полное примѣненіе въ предѣлахъ провинціальнаго быта; но чуткость ея не возбуждается прикосновеніемъ къ Россіи. Причина этого явленія заключается не въ испорченности или распущенности воли, а въ фальшивости нѣкоторыхъ исторически-сложившихся политическихъ понятій. По тамошнимъ представленіямъ, Балтійскій край и Россія двѣ, если не равносильныя, то равноправныя политическія единицы, которыхъ взаимныя отношенія носятъ характеръ дипломатическихъ и потому регулируются началами международнаго свойства. Онѣ могутъ жить въ согласіи и могутъ ссориться, мириться и договариваться, причемъ однако огражденіе собственнаго интереса остается для каждой изъ нихъ верховнымъ, руководящимъ началомъ и, слѣдовательно, мѣриломъ для оцѣнки всякой личной дѣятельности. Не упрекнутъ же дипломата въ двуличности, не скажутъ, что онъ поступилъ безсовѣстно и покривилъ душею только потому, что въ переговорахъ своихъ съ представителями другой державы онъ не выложилъ на столъ и не раскрылъ передъ ними тѣхъ документовъ и фактовъ, которыми могли бы быть опровергнуты собственныя его домогательства? Найти эти опроверженія и воспользоваться ими—дѣло не его, а другой стороны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Вступая въ Петербургскій Комитетъ, лифляндскіе ландраты, по своимъ остзейскимъ понятіямъ, смотрѣли на себя, какъ на уполномоченныхъ другой державы. Такъ же смотрѣло на нихъ и отрядившее ихъ общество и, съ этой точки зрѣнія, едва ли можно въ чемъ либо ихъ упрекнуть. Пусть пеняютъ на себя тѣ, которые, приглашая на совѣтъ людей подобнаго разбора, вѣрятъ имъ на слово и смотрятъ на нихъ, какъ на сотрудниковъ, готовыхъ усвоить себѣ воззрѣнія правительства и подчиниться безоговорочно его цѣлямъ.

По докладу Комитета, вопросъ о покосахъ рѣшенъ былъ

Высочайшимъ указомъ такъ ясно, что дѣло объ нихъ, повидимому, должно было бы этимъ окончиться. Оно бы и окончилось во всякой другой странѣ, только не въ Лифляндіи. Тамъ дѣло, рѣшенное несогласно съ желаніемъ дворянства, никогда не считается конченнымъ и возобновляется періодически несчетное число разовъ. Не далѣе, какъ чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца по полученіи этого указа, въ февралѣ 1805 г., на томъ самомъ ландтагѣ, о которомъ было говорено въ главѣ III, дворянство, какъ мы видѣли, вошло со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о коренномъ измѣненіи Положенія. На сей разъ оно не возражало на число возовъ, которымъ, по шведской градаціонной табели, опредѣлялось относительное обиліе укоса; но оно находило, что напрасно принята была шведская оцѣнка воза въ $11^1/_4$ грошей, и требовало возвышенія ея до $18^1/_2$ грошей. Это домогательство основывалось на слѣдующей аргументаціи. Та часть покоса, которая считалась необходимою и нормальною принадлежностью каждаго подворнаго полеваго надѣла, по шведской системѣ вовсе не полагалась въ счетъ для исчисленія причитавшихся со двора повинностей; облагались только покосы, отводившіеся иногда, по особенному въ нихъ обилію, сверхъ нормальной пропорціи и обыкновенно сдававшіеся исполу [1]); здѣсь, возъ сѣна дѣйствительно цѣнился въ $11^1/_4$ грошей; но эта оцѣнка представляла только половину дѣйствительной стоимости воза, ибо въ шведской же таксѣ въ перечнѣ предметовъ, получаемыхъ помѣщиками отъ крестьянъ въ видѣ натуральнаго оброка, тотъ же возъ цѣнился въ $22^1/_2$ гроша, какъ значилось и въ приложенной къ Положенію таксѣ подъ лит. *B*. По вычетѣ изъ $22^1/_2$ грошей стоимости работы на уборку по той же таксѣ, оставалось 18 грошей.

Разсчетъ казался довольно вѣрнымъ; но вотъ что̀ писалъ по этому поводу предсѣдатель рижской коммиссіи Арсеньевъ,

---

[1]) Новое доказательство въ пользу предположенія, что доходъ отъ покосовъ, составлявшихъ *необходимую* принадлежность подворнаго надѣла, подразумѣвательно включался въ доходъ отъ полевыхъ угодій, ибо, если за покосы, составлявшіе своего рода роскошь, полагалась повинность по точной оцѣнкѣ, то вѣроятно ли, чтобы фактъ неустановленія повинности за покосы необходимые могъ быть дѣломъ случая, т. е. непреднамѣреннаго пропуска или небрежности?

которому онъ былъ сообщенъ на заключеніе. „Аргументація дворянства построена на игрѣ словъ: въ шведской таксѣ мы дѣйствительно находимъ двѣ оцѣнки, въ 11¼ и въ 22½ гроша, но онѣ относятся не къ одному, а къ двумъ различнымъ предметамъ, именно къ *копнѣ* и къ *возу*. Для обозначенія обоихъ предметовъ у Нѣмцевъ принято одно слово — Fuder, и въ русскомъ тексѣ (который есть не иное что, какъ переводъ съ проекта писаннаго по-нѣмецки) слово это, во всѣхъ случаяхъ, передается словомъ *возъ*, даже тамъ, гдѣ оно значитъ *копна*. Такъ, въ статьѣ о классификаціи отводимыхъ крестьянамъ покосовъ опредѣленіе размѣра причитающейся за нихъ повинности выводится пропорціонально бо̀льшему или меньшему обилію укоса, иначе по числу *фудеровъ*, которые могутъ быть поставлены на площади данной величины. Здѣсь, фудеръ, очевидно, значитъ *копна*, ибо крестьянинъ получаетъ отъ помѣщика не *возы* готоваго сѣна, а траву, растущую на лугу, и за нее расплачивается своимъ трудомъ. Фудеръ въ смыслѣ копны, то есть такого, приблизительно, на глазъ опредѣленнаго количества скошенной травы, какое можетъ поднять лошадь, оцѣненъ въ 11¼ гр. Далѣе, въ перечнѣ предметовъ натуральнаго оброка встрѣчается опять фудеръ, но уже въ смыслѣ воза *высушеннаго* сѣна, имѣющаго точно опредѣленный вѣсъ въ 30 лисфунтовъ и поставленнаго на господскій дворъ; такой возъ цѣнится уже въ 22½ гроша. Причина такой разницы въ оцѣнкѣ не требуетъ объясненія; она бросается въ глаза". — Дѣйствительно, дѣло было ясно, но не случись Арсеньева или Сиверса, и можно поручиться, что въ Петербургѣ аргументація дворянства возымѣла бы полный успѣхъ.

Въ подкрѣпленіе его домогательствъ подоспѣло изъ дерптской ревизіонной коммиссіи представленіе на ту же тему, въ которомъ къ вышеизложеннымъ доводамъ присовокуплялись совершенно новыя соображенія, очевидно разсчитанныя на сильный эфектъ. Коммиссія писала: помѣщики ни въ какомъ случаѣ не помирятся съ сокращеніемъ повинностей, ибо они не могутъ безъ нихъ обойтись; чтобъ сохранить ихъ въ прежнемъ размѣрѣ, они гораздо охотнѣе рѣшатся прирѣзать къ существующимъ надѣламъ недостающее количество покосовъ

или, взамѣнъ ихъ, другихъ угодій. Но, при нынѣ принятой низкой оцѣнкѣ покосовъ, залежей и зарослей, пришлось бы производить дополнительныя нарѣзки въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что, не говоря уже о страшныхъ потеряхъ для владѣльцевъ, не осталось бы свободной земли для осуществленія другого желанія правительства, заявленнаго имъ въ Положеніи, именно—для пріуроченія къ землѣ бобылей, для отвода небольшихъ участковъ этимъ несчастнымъ отверженцамъ, нынѣ отданнымъ въ жертву безпощадной эксплуатаціи крестьянъ-хозяевъ. — Слѣдовало потрясающее изображеніе нищеты и безпріютности сельскихъ пролетаріевъ.

Само собою разумѣется, что о надѣленіи ихъ землею никто въ Лифляндіи серьезно не помышлялъ. Когда правительство заводило объ нихъ рѣчь, тамошніе экономисты всегда доказывали ему самыми убѣдительными доводами, что ничего не можетъ быть хуже мелкихъ надѣловъ; что, для производительнаго употребленія земли, она непремѣнно должна быть сосредоточена крупными участками въ рукахъ немногихъ избранныхъ и что многочисленный сельскій пролетаріатъ чуть ли даже не служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ высокаго развитія и нормальности сельскаго быта. Но предсѣдатель дерптской коммиссіи, Пущинъ, человѣкъ новый, не научившійся еще читать промежъ строкъ, увлекся краснорѣчіемъ своихъ товарищей и повѣрилъ въ искренность ихъ заботливости о бобыляхъ. Онъ сдѣлалъ Комитету странное предложеніе: возстановивъ прежнія, только что отмѣненныя оцѣнки покосовъ и бушланда, избавить помѣщиковъ отъ необходимости увеличивать существующіе крестьянскіе надѣлы дополнительными нарѣзками изъ господскихъ земель, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они обязались на тѣхъ угодьяхъ, которыя вслѣдствіе этого останутся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, непремѣнно водворить бобылей. Обязательство они, конечно, въ то время не задумались бы дать въ твердой надеждѣ, что до серьезнаго его исполненія дѣло бы никогда не дошло, но что̀ бы сказали они, еслибы правительство, какъ говорятъ Французы, les avait pris au mot?

Комитетъ однако не пошелъ на удочку и чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ дворянскому представительству,

что, въ виду недавно обнародованнаго указа, которымъ вопросъ о покосахъ разрѣшался окончательно, онъ находилъ неприличнымъ и *не дерзалъ* возбуждать его вновь.

Но дворянство дерзнуло, избравъ на сей разъ другой путь. Въ мартѣ слѣдующаго 1806 года, генералъ-губернаторъ, предварительно настроенный дворянскимъ конвентомъ, помимо министра внутреннихъ дѣлъ, словесно доложилъ Государю, что прибывшій въ Петербургъ, въ качествѣ депутата отъ лифляндскаго дворянства, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ испрашивалъ разрѣшенія представить высшему правительству привезенную имъ дворянскую *ноту* (такъ названа эта бумага) объ измѣненіи оцѣнки покосовъ. Предшествующее дѣлопроизводство, при докладѣ, конечно, на справку выведено не было; о недавнемъ своемъ указѣ Государь легко могъ позабыть, и графу Буксгевдену удалось испросить Высочайшаго разрѣшенія принять дворянскую ноту и выслушать депутата. Вслѣдъ затѣмъ, по протекціи генералъ-губернатора, допущенъ былъ къ объясненіямъ и другой лифляндскій помѣщикъ, ф. Пистолькорсъ, также въ качествѣ депутата, хотя и безъ всякихъ уполномочій. Такимъ образомъ, все предшествовавшее было какъ бы смыто, и дѣло началось въ Лифляндскомъ Комитетѣ съизнова, при участіи нѣкоторыхъ предсѣдателей ревизіонныхъ коммиссій. Такъ называемая дворянская нота и дополнительная къ ней записка, поданная генераломъ Кноррингомъ, отличались особенною дерзостью тона; можно сказать, что въ нихъ выпускались послѣдніе заряды, аргументы, прибрегаемые на крайніе случаи и вообще неохотно пускаемые въ дѣло.

„Указъ 2 декабря 1804 г. (значилось въ нотѣ) уничтожилъ де разомъ успокоительное впечатлѣніе, произведенное на Лифляндію прежними объявленіями правительства. Онъ вытекъ изъ *неосновательнѣйшаго* предположенія порядка вещей, никогда у насъ небывалаго, и ссылается на шведскую таксу покосовъ, тогда какъ такой таксы *никогда въ Лифляндіи не было и теперь не существуетъ*, а потому и немудрено, что гражданскій губернаторъ не отыскалъ ея. Охота была Комитету приступать къ нему съ требованіемъ представить въ наличности то, чего нѣтъ!“ Итакъ, сначала увѣряли Комитетъ, что такса бушланда и покосовъ, приложенная къ Положенію, есть не иное что,

какъ подлинная, всѣмъ извѣстная и издавна употребляемая шведская такса; на этомъ только основаніи Комитетъ и ввелъ ее въ законъ безъ повѣрки; затѣмъ, пришлось таки сознаться, что это была такса исправленная ландратами, но все-таки шведская; теперь же оказывалось, что шведской таксы никогда и не существовало.

Начался диспутъ. У генерала Кнорринга спросили: если, какъ мы теперь въ первый разъ и къ немалому нашему изумленію слышимъ, въ Лифляндіи дѣйствительно никогда не существовало шведской таксы крестьянскихъ покосовъ, то объясните намъ, какимъ образомъ могло случиться, что намъ указали на нее члены двухъ ревизіонныхъ коммиссій, венденской и пернавской, тамошніе помѣщики; что ландтагъ 1803 года постановилъ, для исчисленія повинностей, ввести въ оцѣнку крестьянскіе покосы по шведской же таксѣ; наконецъ, что наши сотрудники, ландраты Буденброкъ и Герсдорфъ, когда мы потребовали отъ нихъ объясненій, нисколько не отрицали существованія этой таксы, а старались только оправдать сдѣланное ими отъ нея отступленіе?

Депутатъ отвѣчалъ (привожу слова его буквально): „Члены Комитета, ландраты Буденброкъ и Герсдорфъ, *въ началѣ дѣйствительно повѣрили было*, что существуетъ законная шведская такса сѣнокоса, однако, по точному освѣдомленію, нашли они, что оной нѣтъ“. Принять цифру $11^1/_4$ безъ всякихъ освѣдомленій побудило ихъ „*недѣльное* Положеніе ландтага 1803 года“, но потомъ они усмотрѣли свою ошибку, отступились отъ прежняго своего мнѣнія и согласились удвоить оцѣнку. Что касается до ландтага 1803 года, то онъ также погрѣшилъ излишнею поспѣшностью. Нельзя конечно отрицать, что цифра $11^1/_4$ принята была на этомъ собраніи большинствомъ голосовъ; но въ этомъ случаѣ перевѣсъ дали преимущественно голоса дворянъ не владѣвшихъ землею, и слѣдовавшій за тѣмъ ландтагъ 1805 года поспѣшилъ войти съ представленіемъ объ исправленіи ошибки, вкравшейся въ Положеніе, отчасти по винѣ самого дворянства.“ Словомъ, изъ объясненій выходило, что до 1806-го года мѣстные эксперты, депутаты, ландраты, ландтагъ, словомъ рѣшительно всѣ, бродили въ потемкахъ и пребывали въ полномъ невѣдѣніи элементарныхъ правилъ

собственнаго своего хозяйства и что только въ этомъ году ихъ озарило какое-то внезапное откровеніе, которымъ они спѣшили въ свою очередь просвѣтить Петербургскій Комитетъ.

Однако, продолжали члены Комитета, нѣсколько недовѣрчиво относившіеся къ этому чудесному прозрѣнію, чего же собственно не достаетъ для оцѣнки покосовъ по шведской системѣ? До насъ дошла общеупотребительная въ Лифляндіи шведская классификація земель, состоящихъ подъ покосомъ, такъ называемая Gradirungstaxe, въ инструкціи межевщикамъ; въ ней установлены четыре разряда и даны точные признаки для опредѣленія класса, именно: число копенъ, обыкновенно накашиваемыхъ на тоннъ-и лоф-штелѣ. Наконецъ, тамъ же находимъ мы и оцѣнку копны въ 11¹/₄ грошей. Правда, вы утверждаете, что эта оцѣнка примѣнялась только къ тѣмъ покосамъ, которые, при особенномъ въ нихъ обиліи, отводились крестьянамъ въ количествѣ, превышавшемъ нормальную потребность, исчисленную по величинѣ посѣва; но, во-первыхъ, гдѣ же доказательства, а во-вторыхъ, что же изъ этого слѣдуетъ? Если, по вашимъ же словамъ, покосы, составлявшіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ крайнюю необходимость, вовсе въ цѣну не полагались и не облагались повинностью, то, на этомъ основаніи, можно бы было возражать противъ примѣненія къ minimum'у покосовъ въ подворныхъ надѣлахъ цифры 11¹/₄ грошей за копну, какъ слишкомъ высокой, но нѣтъ ни малѣйшаго повода отвергать ее, какъ слишкомъ низкую. Вы увѣряете далѣе, что шведскою системою допускались, вмѣсто обложенія нормальнаго количества покосовъ опредѣленною повинностью, такъ называемые вспомогательные наряды, въ размѣрѣ неограниченномъ и значительно превышавшемъ нынѣ принятую оцѣнку; но чтобъ это дѣйствительно разрѣшалось, еще не доказано ни однимъ офиціальнымъ свидѣтельствомъ, а изъ старыхъ инструкцій и вакенбуховъ видно напротивъ, что, при шведскомъ правительствѣ, вспомогательные наряды производились въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, въ размѣрахъ самыхъ умѣренныхъ, первоначально не по принужденію, а по добровольному соглашенію, притомъ на гос-

подскихъ харчахъ [1]), и что только благодаря этой ихъ незначительности они и не включались въ общій итогъ повинностей. Еслибъ они, какъ теперь, составляли цѣлую треть или около трети, а иногда половину и даже болѣе половины этихъ повинностей, то признанная всѣми точность и справедливость шведской системы никогда бы не позволили оставлять ихъ безъ оцѣнки и строгаго регулированія. Ландратъ Буденброкъ отвѣчалъ: употребляемая нашими землемѣрами такъ называемая Gradirungstaxe дѣйствительно слыветъ шведскою; но мы въ этомъ не увѣрены. Кѣмъ и когда она составлена, намъ въ точности неизвѣстно; подлинника въ нашихъ архивахъ не отыскалось, и потому мы не придаемъ ей силы закона. Ваши архивы намъ не доступны, возразили члены Комитета, и мы должны вѣрить вамъ на слово; но изъ доклада, приложеннаго къ Положенію, вы должны были убѣдиться, что правительство строго придерживалось шведской системы вовсе не потому, что она шведская или слыветъ шведскою, а потому, что, по свидѣтельству лифляндскаго дворянства, она перешла изъ книги законовъ въ жизнь, извѣстна всѣмъ и пользуется непререкаемымъ авторитетомъ освященнаго давностью обычнаго права.

Депутаты перешли къ другого рода аргументамъ. „*Самовольная оцѣнка сѣна*, такъ они выражались говоря о Высочайше утвержденной таксѣ, независимо отъ ея неосновательности въ формальномъ отношеніи, ошибочна сама по себѣ и ведетъ къ разоренію помѣщиковъ. Она не только значительно ниже той цѣны, по которой въ дѣйствительности продается и покупается сѣно въ настоящее время, но и не согласна съ принятыми въ табели оцѣнками ржи, ячменя и другихъ продуктовъ. Мы противъ этого спорить не будемъ, отвѣчалъ предсѣдатель рижской коммиссіи. Въ табели насчитывается болѣе 70 оцѣнокъ, и всѣ онѣ, по рекомендаціи дворянства, взяты готовыми изъ шведской табели. Можно было принять ее гуртомъ, en bloc, какъ установившійся фактъ, служащій доселѣ регуляторомъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и можно было, конечно, каждую цифру подвергнуть

---

[1]) На мѣстномъ языкѣ, эта помощь называлась Talkus (по заявленію Арсеньева), кажется, отъ одного корня съ нашею *толокою*.

предварительной критической повѣркѣ. Если бы правительство остановилось на послѣднемъ способѣ, то, прежде всего, пришлось бы обсудить не слишкомъ ли низко оцѣненъ крестьянскій трудъ по отношенію къ принятой цѣнности земли и всякаго рода произведеній? Гг. депутатовъ поражаетъ только одинъ фактъ: нынѣшняя цѣнность сѣна возросла, по ихъ словамъ, противъ шведской таксы въ десять разъ, тогда какъ цѣнность ржи и ячменя только учетверилась; но увѣрены ли они, напримѣръ, въ томъ, что конный рабочій день въ лѣтнюю пору стóитъ не болѣе стараго пѣтуха, или что за поросенка можно бы было получить въ настоящее время болѣе пяти съ половиною такихъ же дней, или что пѣшій рабочій день равноцѣненъ цыпленку или тридцати миногамъ, какъ выходитъ по шведской таксѣ? Въ повѣрку всѣхъ этого рода числовыхъ отношеній правительство разсудило не вдаваться; причины, которыми оно при этомъ руководилось, изложены въ докладѣ Комитета; онѣ же не позволяютъ ему нынѣ приступать къ повѣркѣ, помимо всѣхъ прочихъ принятыхъ оцѣнокъ, одной цифры, случайно выхваченной изъ ряда.

Чего же наконецъ домогались депутаты? Они требовали возстановленія прежней, сочиненной ландратомъ Буденброкомъ и отмѣненной указомъ, градаціи укоса, иначе: подъема оцѣнки копны отъ 11¼ до 22 ½ грошей, тогда какъ, не далѣе какъ въ прошломъ 1805 году, все дворянство на ландтагѣ мирилось на 18 грошахъ.

Выяснивъ неблагопріятное, даже опасное впечатлѣніе, которое произвело бы неминуемо на народъ удовлетвореніе этого или другаго подобнаго ходатайства, послѣ раздачи во многихъ мѣстностяхъ новыхъ вакенбуховъ, предсѣдатель рижской коммиссіи, въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи, писалъ между прочимъ: „Для избѣжанія впредь такихъ представленій, на кои тѣмъ охотнѣе сыскиваются депутаты, что къ ущербу дворянскаго интереса, изъ секретной въ риттергаузѣ кассы выдается каждому изъ нихъ по 20 р. въ сутки, или по 600 р. въ мѣсяцъ, и полномочія ихъ отнюдь не по согласію или по волѣ дворянства состояніе получаютъ, но по соизволенію управляющаго (очереднаго) ландрата и его сообщниковъ, необходимо нужно бы принять мѣры къ прекращенію таковыхъ

представленій именемъ дворянства составляемыхъ. Къ сему можетъ послужить: 1) запретить ландратской коллегіи, безъ согласія полнаго ландтага, отправлять депутатовъ именемъ всего дворянства и таковыхъ за депутатовъ дворянства не принимать, кромѣ тѣхъ, коихъ ландтагъ, съ общаго согласія, отправляетъ; 2) чтобы представленія сихъ депутатовъ были утверждены ландтагомъ, безъ чего они не дѣйствительны".

Долго длились пренія. Всѣмъ дана была полная возможность высказаться; Комитетъ все и всѣхъ терпѣливо выслушивалъ. Экстракты изъ его журналовъ представлялись Государю и передъ этимъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщались депутатамъ, которые дѣлали на нихъ свои замѣчанія, такъ что послѣднее слово всегда оставалось за ними. Между тѣмъ, для склоненія высшаго правительства къ уступкамъ, которыхъ никакими серьезными соображеніями нельзя было оправдать, употреблялась своего рода интимидація. Секретарь Лифляндскаго Комитета, Дружининъ, писалъ къ Сиверсу: „Хотя и имѣемъ мы много доказательствъ противъ требованій депутатовъ, но они подкрѣпляются военнымъ губернаторомъ, который увѣряетъ министра внутреннихъ дѣлъ, что если отказано будетъ въ сей просьбѣ, то все дворянство, цѣлымъ корпусомъ, пріѣдетъ въ Петербургъ".—А когда крестьяне, безъ спросу, отправляли отъ себя двухъ или трехъ ходаковъ къ Государю, ихъ сажали въ тюрьму и судили, а иногда и безъ суда сѣкли какъ бунтовщиковъ!

Видя, что графъ Буксгевденъ окончательно втянулся въ роль дворянскаго стряпчаго, и опасаясь вліянія распускаемыхъ имъ слуховъ, графъ Кочубей вздумалъ было, воспользовавшись его присутствіемъ въ Петербургѣ, привлечь его къ прямому участію въ трудахъ Комитета и вызвать его на заявленіе своего мнѣнія по самому существу разсматривавшагося вопроса. Съ этою цѣлью, онъ отрядилъ къ нему съ докладомъ секретаря Комитета; но гр. Буксгевденъ не захотѣлъ его принять и препроводилъ къ министру довольно кислый отвѣтъ: „Обдумавъ предметъ, нахожу (писалъ онъ), что мои познанія по сей части не соотвѣтствуютъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства. Я долженъ признаться, что какъ ревизія [1]) про-

[1]) Т. е. дѣйствія ревизіонныхъ коммиссій.

исходитъ по особымъ препорученіямъ и мѣстное начальство въ сихъ операціяхъ не участвуетъ, то я и не старался и случая не имѣлъ пріобрѣсти себѣ достаточныхъ по сему предмету познаній, а потому не въ состояніи судить о дѣлахъ, кои для меня чужды и т. д.“

Въ исходѣ мая 1806 года, Комитетъ далъ свое заключеніе. Въ мастерски составленномъ журналѣ изложены были всѣ доводы pro и contra, выяснены были шаткость и недобросовѣстность аргументаціи депутатовъ и на основаніи статистическихъ данныхъ, доставленныхъ ревизіонными коммисіями, указано было, къ чему привело бы на практикѣ удовлетвореніе ихъ домогательства. Оказывалось, что въ Дерптскомъ округѣ, гдѣ уже были обревизованы 418 гаковъ, крестьяне, до изданія Положенія 1804 года, отбывали всякихъ повинностей на 49,675 талеровъ; что по вновь составленнымъ вакенбухамъ съ нихъ причиталось 44,547 талеровъ, а если бы поднята была оцѣнка покосовъ согласно ходатайству депутатовъ, то сумма повинностей возрасла бы до 51,235; слѣдовательно, операція, предпринятая для улучшенія быта крестьянъ, разрѣшилась бы накидкою на нихъ 1,560 талеровъ новой, добавочной къ прежнимъ повинности. И это бы неминуемо случилось, если бы Положеніе приведено было въ исполненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было составлено двумя ландратами, подписано всѣмъ Комитетомъ и утверждено Государемъ, еслибъ въ пору не поднялъ тревоги ландратъ Сиверсъ, и еслибъ на мѣстахъ не случилось двухъ Русскихъ, Репьева и Арсеньева.

Выразумѣвъ все это, Комитетъ естественно долженъ былъ представить заключеніе объ оставленіи послѣдней оцѣнки покосовъ безъ всякихъ измѣненій и объ устраненіи домогательства депутатовъ. Такъ онъ и сдѣлалъ; но къ этому онъ прибавилъ новое отъ себя предложеніе: „допустить пятый разрядъ покосовъ, высшаго достоинства, не установляя для него общей оцѣнки, а предоставить коммиссіямъ выводить ее, по числу дѣйствительно накашиваемыхъ копенъ, въ тѣхъ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ дѣйствительно окажутся такіе обильные, но занимающіе небольшія пространства покосы и гдѣ, при оцѣнкѣ крестьянскихъ угодій на общемъ основаніи,

повинности ихъ должны бы были уменьшиться до такой степени, что не могли бы быть исправляемы нужныя вспомогательныя работы". Это изъятіе, о которомъ сами депутаты не просили, по своей неопредѣленности открывало на мѣстахъ широкій просторъ домогательствамъ и неизловимому произволу въ ихъ разрѣшеніи. Достаточнаго повода къ допущенію его не представлялось, и Комитетъ придумалъ его самъ, кажется, для того только, чтобъ отклонить отъ себя нареканіе въ односторонности направленія, чтобъ не сказали, что онъ отпустилъ депутатовъ ни съ чѣмъ, наконецъ, чтобъ утишить ропотъ остзейской знати, въ то время, какъ и теперь, находившій отголосокъ во всѣхъ петербургскихъ салонахъ.

Заключеніе Комитета удостоилось во всѣхъ частяхъ Высочайшаго утвержденія. Именной указъ отъ 25 мая 1806 г., которымъ объявлялось объ этомъ генералъ-гурернатору, оканчивался слѣдующими словами: „Нужнымъ считаю сообщить вамъ, что за таковымъ распоряженіемъ и при томъ разумѣ безпристрастія и справедливости, съ коими составлено Положеніе для повинностей крестьянъ лифляндскихъ, въ смыслѣ самимъ дворянствомъ изъявленномъ, не можетъ уже быть слѣда ни къ какимъ въономъ перемѣнамъ и что допущеніе какихъ-либо по сему случаю прошеній послужило бы только поводомъ къ медленности въ окончаніи ревизій и къ продолженію безпокойства, которое, бывъ взаимно и для дворянства и для крестьянъ вредно, не должно правительствомъ быть допускаемо. Посему, я поручаю вамъ на ландтагѣ объявить, что, пребывая въ твердомъ намѣреніи сохранить Положеніе о повинностяхъ крестьянскихъ въ полной его силѣ, не должно наономъ чинимо быть никакихъ предложеній, клонящихся къ какимъ-либо въ ономъ отмѣнамъ".

Въ тонѣ этой рѣчи слышалась, если мы не ошибаемся, не столько спокойная, въ себѣ самой увѣренная твердость, сколько желаніе придать себѣ твердости и увѣрить въ ней другихъ, послѣ недавняго опыта сильно поколебавшаго, не только въ публикѣ, но и въ самомъ правительствѣ вѣру въ способность власти устаивать въ своихъ намѣреніяхъ. Разъ уже, въ 1805 году, по поводу 39 пунктовъ, представленныхъ дворянствомъ, было объявлено съ Высочайшаго разрѣшенія,

что обнародованное Положеніе ни въ чемъ измѣнено не будетъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторенное ходатайство объ измѣненіи было по Высочайшему повелѣнію принято, подвергнуто обсужденію и даже отчасти уважено. Стало быть, дворянство хорошо сдѣлало, что не повѣрило первому внушенію и повторило свою попытку. Депутаты его вернулись изъ Петербурга не съ пустыми руками: они везли домой исторгнутую ими уступку и могли порадовать своихъ земляковъ разъясненіемъ особеннаго ея значенія, помимо вещественной прибыли, какъ признака податливости и шаткости въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

V.

Предсѣдатель рижской коммиссіи А. И. Арсеньевъ. Вопросъ о батракахъ.

Въ числѣ предсѣдателей ревизіонныхъ коммиссій мы неразъ уже называли Александра Ивановича Арсеньева, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и товарища министра удѣловъ [1]). На немъ нельзя не остановиться какъ на первомъ изъ Русскихъ, взглянувшихъ на Лифляндію свѣжимъ глазомъ, не сквозь очки остзейской фабрикаціи, а съ своей національной точки зрѣнія. Да и послѣ него, едва ли кто нибудь изъ нашихъ положилъ столько труда на изученіе общественныхъ условій балтійскаго края и вникъ такъ глубоко въ тамошніе порядки. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши разспросы и справки, намъ удалось добыть о немъ лишь очень скудный запасъ, притомъ крайне сухихъ или далеко ненадежныхъ свѣдѣній. Изъ формулярнаго списка о его службѣ, неизвѣстно въ которомъ году составленнаго, когда ему было 64 года, видно, что онъ былъ изъ дворянъ, что за нимъ не числилось ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія, что онъ поступилъ на служу переводчикомъ въ иностранную коллегію въ 1769 году, попотомъ перешелъ въ военную службу, гдѣ дослужился до под-

---

[1]) При учрежденіи въ 1797 г. департамента удѣловъ, положено было по штату четыре товарища министра, изъ которыхъ одинъ именовался старшимъ. Они назывались также помощниками министра. Арсеньевъ числился между ними третьимъ. Впослѣдствіи товарищи были переименованы въ членовъ департамента.

полковничьяго чина, участвовалъ въ войнѣ противъ Турокъ 1771—1774 годовъ, въ 1784 году вышелъ въ отставку, въ 1793 вновь вступилъ на службу, назначенъ директоромъ училищъ Курской губерніи, потомъ прокуроромъ, сперва въ военную, затѣмъ въ бергъ-коллегію, наконецъ въ департаментъ удѣловъ; въ 1803 опредѣленъ въ томъ же департаментѣ товарищемъ министра, командированъ въ Ригу предсѣдателемъ тамошней ревизіонной коммиссіи, безъ оставленія должности товарища министра, вызванъ оттуда въ 1806 году, посланъ во Владимірскую и Тамбовскую губерніи для изслѣдованія порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ и, какъ оказывается изъ придворнаго альманаха за 1817 годъ, въ то время служилъ еще членомъ департамента удѣловъ. На этомъ обрываются свѣдѣнія о служебной его карьерѣ.

Въ словарѣ князя И. М. Долгорукова („Капище моего сердца") встрѣчается аттестація Арсеньева, не слишкомъ для него лестная: „Человѣкъ мрачный, напитанный мартинистскимъ суевѣріемъ и ко всякой жестокости наклонный, а потому слылъ человѣкомъ благочестивымъ и правосуднымъ, ибо, во времена Императора Александра, быть мистическимъ энтузіастомъ значило быть справедливымъ и честнымъ. Съ сими понятіями, наряженъ былъ Арсеньевъ во Владимірской губерніи изслѣдовать злоупотребленіе по лѣсной части, на кои дошелъ ко двору доносъ отъ сумасброднаго морскаго офицера. Арсеньевъ принялся за сіе порученіе со свойственнымъ ему лукавствомъ, преслѣдовалъ жаркимъ образомъ полицейскихъ чиновниковъ и въ нелѣпыхъ своихъ донесеніяхъ къ министру, князю Куракину, писалъ, что владимірское губернское правленіе не покоряется законной власти и что въ губерніи истреблено лѣсу на нѣсколько сотъ милліоновъ; онъ доказывалъ, что Россія безъ флота отъ сего расхищенія лѣсовъ, именно во владимірской губерніи, хотя ни одного не было въ ней дерева заклейменнаго морскимъ правительствомъ для корабельнаго строенія. Еслибъ его донесенія были правдивы, то мало бы и Сибири для наказанія за такое хищничество меня и всѣхъ моихъ подчиненныхъ. Все сіе онъ писалъ, обходясь со мною очень ласково и ведя со мною пріятельскую хлѣбъ-соль. Такая была мода. Я съ успѣхомъ посылалъ на него возраженія, ѣздилъ самъ въ

Петербургъ, опрокинулъ всѣ его злостные на меня лично рапорты и поворотилъ мнѣніе властей въ мою пользу. Министерство увидѣло ясно, что всѣ его донесенія дышали одной злобой, которая составляла основу его характера. Сколь ни счастливо кончилось для меня его пристрастное слѣдствіе (ибо, по окончаніи онаго, я получилъ орденъ св. Анны первой степени), однако время его пребыванія во Владимірѣ было для меня тяжкимъ испытаніемъ и память о немъ твердо вкоренилась въ моемъ воображеніи. Сколь ни отчаянны были мои надежды побороть Арсеньева, но Богъ попустилъ его раздраженіемъ суетнымъ исправить мое положеніе и, чѣмъ онъ злѣе вооружался противъ меня, тѣмъ сильнѣе защищали мою сторону тѣ, кои знали истинныя побужденія сего фанатика".

Въ этой аттестаціи, которую конечно никто не приметъ за безпристрастную характеристику, должна быть однако небольшая доля правды. Нѣкоторыя черты довольно вѣрно совпадаютъ съ тѣмъ представленіемъ объ Арсеньевѣ, которое само собою складывается въ умѣ читателя по прочтеніи множества сохранившихся его докладовъ и писемъ къ графу Кочубею. Въ нихъ обрисовывается человѣкъ суровый и крутой, не только непреклонный въ своихъ убѣжденіяхъ, но упрямый въ своихъ мнѣніяхъ, которыхъ онъ часто не отличалъ отъ коренныхъ убѣжденій, наклонный пристращиваться къ каждой мысли, до которой онъ самъ додумался, стоять до нельзя за каждое свое предложеніе и крайне неподатливый на соглашенія, безъ которыхъ рѣдко обходится разрѣшеніе соціальныхъ и особенно экономическихъ вопросовъ. Видна также безпощадная, драконовская строгость въ раскрытіи злоупотребленій, обмановъ, преднамѣренныхъ утаекъ, фальши всякаго рода и всякаго снисхожденія къ фальши. Въ этомъ критическомъ направленіи правдивость Арсеньева часто переходила почти въ грубость не столько въ отношеніи къ подчиненнымъ или равнымъ ему, напримѣръ къ членамъ коммиссіи, въ которой онъ предсѣдательствовалъ, къ лифляндскимъ помѣщикамъ и ландратамъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, сколько въ отношеніи къ лицамъ, стоявшимъ выше его, имѣвшимъ прямое вліяніе на его карьеру: къ мѣстному генералъ-губернатору, даже къ Петербургскому Комитету и къ самому

графу Кочубею, который однако одинъ отстаивалъ его и, какъ видно, зная ему цѣну, благодушно переносилъ его выходки. При такой неуживчивости Арсеньева, имѣть съ нимъ дѣло не могло быть пріятно ни для кого, а человѣку, надъ которымъ онъ производилъ слѣдствіе, всѣ указанныя черты легко могли представляться жестокостью. Судя однако по дѣятельности Арсеньева въ Лифляндіи, въ этомъ упрекнуть его нельзя; въ самыхъ рѣзкихъ его обличеніяхъ и въ самыхъ радикальныхъ его проектахъ не видно ни озлобленія, ни предвзятаго намѣренія осуждать и порицать. Попадавшіяся ему счастливыя явленія искренно его радовали и онъ охотно на нихъ останавливался; такъ, напримѣръ, онъ при всякомъ случаѣ отдавалъ полную справедливость помѣщикамъ, добросовѣстно старавшимся улучшить бытъ своихъ крестьянъ, никогда не забывалъ указывать поименно правительству тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, отъ которыхъ онъ получалъ полезныя справки и совѣты, и нимало не скрывалъ хорошихъ сторонъ мѣстныхъ лифляндскихъ порядковъ. Одна изъ его записокъ начинается словами: „Въ лифляндской экономіи далеко не все дурно; распорядокъ хозяйства достоинъ похвалы и, можно сказать, доведенъ до такого совершенства, до какого дѣла человѣческія достигнуть могутъ". Другое письмо оканчивается слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Въ объѣздѣ никакихъ препонъ нигдѣ не встрѣтилъ, но вездѣ отмѣнный пріемъ и учтивство. Принужденъ былъ отказываться отъ избытка, не токмо чтобъ терпѣть недостатокъ. Многіе помѣщики содержали коммиссію на свой счетъ, отказываясь отъ всякаго взысканія съ кирхшпиля. Счастью долженъ приписать благосклонность всѣхъ тѣхъ, съ коими имѣлъ дѣло. Хорошее и худое представляю вамъ, яко начальнику—безпристрастіе предписываетъ сей долгъ". Ему даже случалось горячо заступаться за имущественные интересы лифляндскихъ помѣщиковъ противъ своихъ товарищей. Такъ, на установленныхъ въ 1805 году совѣщательныхъ съѣздахъ предсѣдателей лифляндскихъ коммиссій онъ отстаивалъ противъ Репьева и Сиверса право переложенія крестьянскаго хлѣбнаго оброка въ рабочіе дни, въ видахъ предупрежденія слишкомъ значительнаго сокращенія вспомогательной барщины. Наконецъ, когда ему приходилось раскрывать темныя стороны мѣстныхъ крѣ-

постныхъ отношеній, онъ всегда, за исключеніемъ изолированныхъ и слишкомъ возмутительныхъ явленій вызывавшихъ карательныя мѣры, отыскивалъ корень ихъ не въ побужденіяхъ людей, располагавшихъ властью, а въ общихъ сложившихся бытовыхъ условіяхъ, понятіяхъ и привычкахъ [1]); вопросъ о личной виновности и объ опредѣленіи степени личной отвѣтственности исчезалъ для него передъ вопросомъ о средствахъ предупредить и пресѣчь на будущее время самую возможность злоупотребленій. Все это не похоже на жестокаго фанатика. Въ Лифляндіи Арсеньева боялись и вообще не любили, но его уважали и, при самой строгой къ нему придирчивости, никто не позволилъ себѣ заподозрить его въ лукавствѣ и двуличности. Эти пороки были ему положительно несвойственны. Мистическая окраска дѣйствительно проступаетъ, конечно, не въ содержаніи его дѣловой переписки, а въ ея стилѣ, въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи и выраженіяхъ. Судя по складу его фразы тамъ, гдѣ онъ излагалъ общія понятія, по длиннымъ, скрученнымъ его періодамъ, особенно же по его умственнымъ пріемамъ, по легкости, съ которой онъ одолѣвалъ обиліе разнообразнаго сырого матеріала, и по настойчивости, съ которою мысль его, по привычкѣ, докапывалась во всемъ до корня, до сути всякаго дѣла, даже когда въ этомъ не представлялось практической надобности, можно придти къ предположенію, что въ молодости своей онъ прошелъ строгую школу классическаго образованія, обыкновенно оставляющаго въ человѣкѣ на всю жизнь разумѣніе того, что́ есть

---

[1]) Такъ напримѣръ, ему довелось дать движеніе дѣлу о помѣщикѣ Ганенфельдѣ прославившемся своимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ крестьянами, о которомъ много толковали и въ Петербургѣ (см. гл. I), и вотъ какъ онъ отзывался о немъ въ письмѣ къ графу Кочубею: „По совѣсти сказать долженъ, что онъ только *оказался* виноватѣе другихъ, но подобныхъ ему много. Иной, имѣя 150 тысячь талеровъ дохода и бездну хлѣба, кормилъ своихъ людей бардою, какъ свиней, поморилъ дѣтей и взрослыхъ; дѣло о немъ производилось, но замолкло, а онъ избранъ дворянствомъ въ ландраты, будучи подъ судомъ уголовнымъ. Ганенфельдовы дѣянія были по сіе время подъ спудомъ, но и о другихъ помѣщикахъ, засѣкавшихъ своихъ людей, слѣдствія также погребены. Дворяне въ судахъ, ландраты въ гофгерихтѣ; нельзя не покрыть пріятеля, родственниковъ и пр., притомъ грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.—Такъ разсуждаютъ и отъ общаго послабленія происходитъ разнузданность“.

полное знаніе, и чувство внутренняго неудовлетворенія полузнаніемъ. Множество справокъ и ссылокъ встрѣчающихся въ его запискахъ свидѣтельствуетъ о многосторонней начитанности и о самомъ близкомъ знакомствѣ съ нашею русскою, сельско-хозяйственною практикою[1]). Способность его къ труду выходила изъ ряда обыкновенныхъ. Примѣняя къ служебнымъ занятіямъ мѣрило, принятое для паровыхъ машинъ, можно сказать про него, что онъ представлялъ собою, по крайней мѣрѣ пять среднихъ чиновничьихъ силъ; но, по характеру своего ума, онъ кажется былъ болѣе способенъ къ ученымъ или судебнымъ, чѣмъ къ законодательнымъ или административнымъ занятіямъ. Дознаніе сложныхъ фактовъ и ихъ группировка, разъясненіе глубоко лежащихъ причинъ, извлеченіе изъ множества явленій раскрывающихся въ нихъ законовъ и вообще возведеніе частностей въ логическія понятія всегда удавалось ему лучше, чѣмъ обратный трудъ проведенія общихъ требованій въ жизнь посредствомъ изобрѣтенія и исполненія практическихъ мѣропріятій. Его изслѣдованія стоятъ гораздо выше его проектовъ.

По пріѣздѣ въ Ригу, обставить себя свѣдѣніями, только достаточными въ обрѣзъ для выполненія лежавшихъ на немъ служебныхъ обязанностей, то есть для производства текущихъ дѣлъ, и этимъ удовольствоваться—было бы рѣшительно не въ его натурѣ. Въ силу давней привычки, онъ отнесся къ предмету своихъ занятій, какъ къ новой наукѣ, и началъ изучать его ab ovo. Къ этого рода подвигамъ никто его, конечно, не поощрялъ, никто ихъ не требовалъ и не цѣнилъ; сомнительно даже, чтобъ графъ Кочубей бралъ на себя трудъ читать пространные трактаты о земскомъ и крестьянскомъ дѣлѣ, которые пересылалъ ему въ собственныя руки его неутомимый подчиненный; а между тѣмъ эти трактаты, изъ которыхъ въ полтора года составился увѣсистый томъ и которые, вѣроятно, попадали изъ авторскаго кабинета, черезъ канцелярію министра, въ какой-нибудь архивъ старыхъ и

---

[1]) Хотя въ формулярномъ спискѣ о службѣ Арсеньева за нимъ не показано никакого имѣнія, но изъ писемъ его видно, что въ прежнее время онъ былъ помѣщикомъ и что имѣніе было у него оттянуто кѣмъ-то, въ силу судебнаго рѣшенія, по его словамъ, незаконнаго.

ненужныхъ дѣлъ, гораздо богаче содержаніемъ и особенно правдою, чѣмъ всѣ позднѣйшія дѣлопроизводства цѣлыхъ комитетовъ, работавшихъ надъ тѣмъ же предметомъ.

Прежде всего Арсеньевъ занялся исторіею остзейскаго края, по отношенію къ судьбѣ крестьянъ, къ формамъ землевладѣнія и къ системамъ государственныхъ и частныхъ повинностей. По всѣмъ этимъ вопросамъ періодъ шведскаго владычества, когда сложилась совокупность экономическихъ и соціальныхъ отношеній, найденныхъ нами въ Лифляндіи и закрѣпленныхъ нашимъ правительствомъ, имѣлъ для него особенный интересъ. Но изученіе его сопряжено было съ громадными трудностями, особенно для Русскаго, притомъ офиціальнаго дѣятеля, участвовавшаго въ исполненіи новаго Положенія о крестьянахъ. Арсеньевъ скоро убѣдился, что на мѣстахъ общимъ терминомъ шведской таксаціонной (поземельной и податной) системы окрещивался обыкновенно порядокъ вещей, окончательно образовавшійся въ первое пятидесятилѣтіе русскаго владычества, при полномъ бездѣйствіи и невѣдѣніи съ нашей стороны и при фактически неограниченномъ полновластіи лифляндскаго дворянства. Въ основѣ этого порядка лежали, конечно, шведскія учрежденія, но „въ развратномъ (т. е. извращенномъ или искаженномъ) видѣ“— какъ выражался Арсеньевъ, подразумѣвая позднѣйшія дополненія и урѣзки. Нужно было очистить и, въ извѣстномъ смыслѣ, реставрировать ихъ, какъ старую картину, мѣстами пробитую, а мѣстами стершуюся, или покрытую слоемъ позднѣе наложенныхъ красокъ. Немногіе изъ мѣстныхъ дѣльцовъ были бы въ состояніи предпринять эту работу, но изъ этихъ немногихъ ни одинъ, конечно, не желалъ ея исполненія. Отъ нихъ можно было ожидать не помощи, а всякаго рода помѣхъ. Неимовѣрнаго труда стоило Арсеньеву, работая совершенно одиноко, выкопать изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ библіотекъ, конечно, не всѣ, но хоть нѣкоторые, крайне для него важные шведскіе уставы и инструкціи. О сборникѣ Сиверса, присланномъ имъ въ Комитетъ въ 1803 г., онъ, кажется, не зналъ и въ своихъ поискахъ руководствовался исключительно попадавшимися ему случайно ссылками и указаніями. На запросы, съ которыми онъ обра-

щался въ разныя стороны, получался почти всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: такого-то требуемаго документа нигдѣ не оказывается и никто его не видалъ, или: подлинникъ давно утраченъ и сохранились только никѣмъ не засвидѣтельствованныя копіи; оставалось, не выпуская изъ памяти найденныхъ заглавій и годовъ, выжидать, не откроетъ ли какая-нибудь новая случайность слѣда къ „рукописнымъ и печатнымъ лоскуткамъ бумаги“, какъ онъ называлъ искомые документы. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, труды Арсеньева были далеко не безуспѣшны даже по этой части. Ему удалось обнаружить нѣсколько явныхъ поклеповъ на шведское законодательство, доказать невѣрность многихъ на него ссылокъ, прежде принимавшихся на вѣру, безъ всякой критики, и открыть нѣсколько существенно-важныхъ постановленій шведскаго правительства, совершенно забытыхъ или преднамѣренно скрытыхъ. Между прочимъ онъ пришелъ къ заключенію, за вѣрность котораго мы, конечно, поручиться не можемъ, что совершенно фиктивная и крайне низкая оцѣнка рабочихъ дней, коннаго въ 4, а пѣшаго въ 3 гроша, употреблявшаяся для уравненія повинностей крестьянъ съ доходностью ихъ надѣла, принадлежала не шведскому правительству и никогда не получала отъ него законодательнаго утвержденія; что батраки были менѣе крѣпки землѣ, чѣмъ осѣдлые крестьяне и, во время шведскаго владычества, могли свободно переходить отъ одного хозяина къ другому; что высылаемыхъ на барщину работниковъ помѣщики обязывались продовольствовать; что рабочихъ дней въ недѣлю полагалось только 5, ибо суббота давалась на отдыхъ; что хлѣбный оброкъ, въ XIX вѣкѣ взимавшійся помѣщикомъ съ каждаго почти хозяина сверхъ барщины и мелкихъ даней, первоначально установленъ былъ какъ государственная подать, поступалъ въ казну на обезпеченіе народнаго продовольствія въ Швеціи, и уже позднѣе при русскомъ владычествѣ, незамѣтнымъ образомъ, усвоенъ былъ помѣщиками и обращенъ въ частную повинность; наконецъ, что вообще, если бы захотѣли въ настоящее время возстановить и примѣнить въ точности дѣйствительную шведскую таксаціонную систему, то пришлось бы многое и многое передѣлать въ

Положенія къ выгодѣ крестьянъ и къ ущербу помѣщиковъ. Въ подтвержденіе Арсеньевъ препровождалъ въ Петербургъ нѣсколько документовъ, сохранившихся при дѣлахъ, какъ доказательства, что ландраты, участвовавшіе въ трудахъ Комитета, утаили отъ него цѣлую сторону шведскаго законодательства, именно многое благопріятное для крестьянъ, и выставили другую — сводъ крестьянскихъ обязанностей по вакенбухамъ, въ которыхъ вычислялись однѣ ихъ повинности. Онъ оканчивалъ словами: „сказать должно, что, если держаться шведской таксы, то должно бы держаться ея во всей ея силѣ".

Другая часть трудовъ Арсеньева посвящена была критикѣ существовавшаго порядка вещей, какъ законнаго (т. е. Положенія 1804 г), такъ и обычнаго, т. е. лифляндской сельскохозяйственной практики. Въ подробномъ разборѣ Положенія по параграфамъ онъ обнаружилъ многіе недостатки его, отчасти уже указанные нами въ главѣ II-й; сверхъ того онъ обратилъ вниманіе правительства еще на слѣдующія обстоятельства. При необыкновенной живучести старыхъ традицій вотчиннаго управленія нельзя было, по его мнѣнію, ожидать, чтобъ тѣ изъ нихъ, которыя противорѣчили дарованнымъ вновь крестьянамъ правамъ, вывелись сами собою. Къ каждой изъ статей закона, въ которыхъ эти права выражены были въ общей и положительной формѣ, онъ совѣтовалъ присовокупить рядъ отрицательныхъ правилъ, которыя содержали бы въ себѣ возможно полный перечень существовавшихъ, изслѣдованныхъ имъ мѣстныхъ обычаевъ, по существу несовмѣстныхъ съ новымъ порядкомъ вещей и потому подлежавшихъ отмѣнѣ. Напримѣръ, въ отдѣлахъ о правахъ крестьянъ личныхъ и по имуществу высказать прямо, что помѣщикъ не долженъ присвоивать себѣ права обязывать мальчиковъ и дѣвочекъ брать у него на продажу, за установленную имъ напередъ цѣну, мелкіе продукты господскаго хозяйства (какъ то: молоко, яйцы, ягоды) и потомъ, въ случаѣ недовыручки противъ этой цѣны, производить съ хозяина дополнительное взысканіе или, въ случаѣ непродажи, навязывать товаръ хозяину и требовать съ него уплаты по той же цѣнѣ; воспретить также не только самому помѣщику, но и женѣ его и членамъ его семьи и до-

машней прислугѣ, взимать съ крестьянъ поборы и требовать съ нихъ такъ называемыхъ подарковъ за разрѣшеніе везти или нести на сторону, на продажу, плоды собственнаго ихъ труда [1]); не допускать стѣсненія крестьянъ въ свободномъ распоряженіи ихъ рабочимъ инвентаремъ; не запрещать имъ ссужать на сторону, для производства разнаго рода работъ, собственныхъ ихъ лошадей, когда онѣ не требуются на барщинѣ и дома не нужны; не взимать особой пошлины съ хозяевъ за право пускать къ себѣ на дворы постояльцевъ и проходящіе обозы, открывать промышленныя заведенія и т. д. Все это дѣлалось и, если всего этого формально не отмѣнить, сами крестьяне не въ состояніи будутъ вывести изъ общихъ статей Положенія правильныхъ примѣненій и старые, неизвѣстные правительству обычаи продержатся на практикѣ еще долго.

Далѣе, по замѣчаніямъ Арсеньева, совершенно упущенъ былъ изъ виду цѣлый разрядъ такъ называемыхъ штрандъ-бауеровъ (береговыхъ крестьянъ) приморскихъ и придвинскихъ, кормившихся не землею, а рыбною ловлею, тягою судовъ и тому подобными промыслами, къ которымъ правила Положенія о соразмѣреніи повинностей съ количествомъ и цѣнностью земли рѣшительно не примѣнялись. Арсеньевъ совѣтовалъ обложить ихъ оброкомъ денежнымъ или рыбою.

Всѣ виды крестьянскихъ повинностей, оброчной и издѣльной, писалъ Арсеньевъ, переложены были на талеры и гроши, но единство принятой монеты служило только для замаскированія существенной разницы въ оцѣночныхъ пріемахъ и въ вѣрности оцѣнокъ. Рожь, ячмень, овесъ, пшеница, ленъ, конопля, домашняя провизія и прочіе предметы натуральнаго оброка положены были въ цѣну по ихъ стоимости, дѣйствительной или подходящей къ дѣйствительной, тогда какъ принятая для расчетовъ оцѣнка рабочихъ дней не имѣла ничего общаго съ дѣйствительною стоимостью труда. Оттого и выходило, напримѣръ, что женскій рабочій день оцѣнивался въ

[1]) Купившій на то право, получалъ изъ вотчинной конторы ярлыкъ, прикалывалъ его къ шляпѣ и отправлялся въ городъ съ этимъ знакомъ притѣсненія (по выраженію Арсеньева).

восемь разъ дешевле рогожи и т. п. Въ сельскомъ хозяйствѣ время въ рабочую лѣтнюю пору до такой степени цѣннѣе и производительнѣе времени въ зимнемъ періодѣ, что за потерю лѣтняго дня часто нельзя вознаградить никакими льготами въ зимнюю пору; между тѣмъ въ Положеніи это обстоятельство было совершенно упущено изъ виду. Установлены были различныя цѣны для рабочихъ дней конныхъ и пѣшихъ, а тѣ и другіе въ лѣтнюю и въ зимнюю пору полагались въ одну цѣну. Понятіе сельско-хозяйственныхъ работъ не было въ точности опредѣлено, и это подавало поводъ къ чрезмѣрному его расширенію; въ кругъ его захватывалось множество такихъ заводскихъ и фабричныхъ работъ, которыя не имѣли съ сельскимъ хозяйствомъ ничего общаго. Арсеньевъ настаивалъ на томъ, чтобъ было запрещено наряжать крестьянъ на этого рода работы въ счетъ барщины и чтобъ онѣ производились не иначе какъ за особую плату, по соглашенію. Положеніемъ узаконены были два вида барщины, такъ называемая обыкновенная и вспомогательная, но основаніе этого дѣленія не было выяснено. Ко второму виду слѣдовало бы, по мнѣнію Арсеньева, относить только тѣ работы, которыя не могли быть задаваемы поурочно каждому двору и выполняемы порознь каждымъ хозяиномъ съ помощью его семьи, а требовали непремѣнно одновременнаго наряда и совокупнаго труда многихъ, каковы, напримѣръ, уборка луга, молотьба, строительныя работы и т. п.; но не было надобности, къ отягощенію крестьянъ, включать, туда же, какъ это сдѣлано было въ таблицѣ приложенной къ Положенію, и пахоту, и вывозку навоза, и жнитво, и всѣ вообще полевыя работы. Тогда естественно, значительное число рабочихъ дней перешло бы изъ вспомогательной барщины въ обыкновенную, и только тогда оказалось бы возможнымъ не переступать на практикѣ законнаго maximum'а двухъ дней въ недѣлю съ рабочей души. Арсеньевъ доказывалъ множествомъ выписокъ изъ вакенбуховъ, что въ дѣйствительности, съ принятіемъ въ разсчетъ наряда такъ называемыхъ *отерковъ* (подростковъ), обыкновенно сходило въ страдную лѣтнюю пору до трехъ дней.

Много еще несообразностей обнаружилъ онъ при повѣркѣ урочнаго положенія, приложеннаго къ закону 1804 г.; практи-

ческую повѣрку его онъ произвелъ самъ крайне тщательно и не пренебрегая никакими мелочами. Сообщая результаты ея графу Кочубею, онъ писалъ ему: „Не могу надивиться на ландратовъ, членовъ Комитета. Если они чего не знали, то должны были узнать и не представлять на утвержденіе Государя бредней, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Не могло же отъ нихъ укрыться, что вы, графъ Строгановъ и г. Козадавлевъ не имѣли случая узнать мелочи хозяйственныя; тѣмъ паче должно было приложить стараніе, чтобы васъ не ввести въ заблужденіе, но они, кажется, хотѣли вывести на позоръ незнаніе ваше, чтобъ показать, какъ Нѣмцы могутъ играть самыми первыми людьми въ Россіи. Такой поступокъ меня бѣситъ и вы, конечно, не примете въ оскорбленіе, что съ вами говорю теперь не такъ, какъ съ министромъ".

Приведеніе въ извѣстность фактическаго положенія крестьянъ сопряжено было съ такого же рода трудностями, какія доводилось преодолѣвать въ поискахъ за старыми законами. Очень многіе изъ помѣщиковъ имѣли причины не желать свѣта и не облегчать Арсеньеву ознакомленія съ этою стороною дѣла, особенно съ крайне многосложною системою повинностей и съ способомъ ихъ отбыванія и учета. Пришлось прибѣгнуть къ своего рода хитрости. „Я притворяюсь незнаніемъ обыкновенныхъ работъ лифляндскаго хозяйства, писалъ Арсеньевъ—закидывая вопросами, начиная отъ самыхъ начальныхъ предметовъ, перехожу мало-по-малу къ другимъ и такимъ способомъ исторгаю разъясненія и признанія, которыхъ бы иначе не могъ добиться." Но лучше всякихъ словесныхъ и письменныхъ объясненій послужилъ ему личный осмотръ при разъѣздахъ по всему рижскому уѣзду, который онъ изслѣдовалъ вдоль и поперекъ. Въ противность своимъ товарищамъ, предсѣдателямъ другихъ коммиссій, онъ не спѣшилъ окончаніемъ возложеннаго на него дѣла и, особенно на первыхъ порахъ, можетъ быть принималъ даже слишкомъ мало непосредственнаго участія въ письменномъ дѣлопроизводствѣ и въ распорядительной дѣятельности Рижской коммиссіи, отдавшись почти всецѣло своимъ изслѣдованіямъ. Самъ онъ писалъ о себѣ, что, покуда коммиссія его занималась въ вотчинныхъ конторахъ свѣркою проектовъ новыхъ вакенбу-

ховъ съ старыми и съ планами, подведеніемъ итоговъ и диспутами съ помѣщиками, онъ съ своимъ секретаремъ, хорошо знавшимъ мѣстный народный языкъ, обходилъ крестьянскіе дворы, въ подробности осматривалъ жилыя помѣщенія, хозяйственныя строенія, орудія, рабочій скотъ и велъ продолжительныя бесѣды съ хозяевами и батраками о ихъ заработкахъ, нуждахъ, надеждахъ и о всей хозяйственной ихъ обстановкѣ. Такимъ образомъ, собирая по крупинкамъ статистическія данныя, которыхъ нельзя было найти ни въ какихъ отчетахъ, онъ въ то же время получилъ живое, наглядное представленіе о сторонахъ народнаго быта, наименѣе знакомыхъ правительству и Русскимъ вообще.

Прежде всего бросилась ему въ глаза непроизводительность поденной барщины для помѣщика, при всей ея обременительности для крестьянъ. Вотъ какъ онъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ. Система односелій или размѣщенія крестьянъ по одиноко стоящимъ дворамъ представляла (по его мнѣнію) столь важныя выгоды, что нельзя было не отдать ей рѣшительнаго предпочтенія передъ скученными деревнями, но въ то же время нельзя было отрицать и неудобствъ ея. „Главное изъ нихъ, писалъ онъ, заключается въ томъ, что крестьянину далеко ходить на барскую работу, иногда за 15 верстъ; это его утомляетъ, а время, употребляемое на проходъ ему не зачитывается и пропадаетъ даромъ [1]). Первые, пришедшіе на мѣсто, сидятъ ничего не дѣлая и поджидая отсталыхъ. Если на работѣ испортится у крестьянина орудіе или сбруя, перемѣнить нечѣмъ и приходится, изъ-за бездѣлицы, тащиться домой, взадъ и впередъ, не отработавъ своего дня. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, требуется, чтобы вся барщина заранѣе являлась на смотръ; но сей обычай есть притѣсненіе. Въ воскресенье вечеромъ или въ понедѣльникъ рано, приходятъ работники конные или пѣшіе на барскій дворъ, мызу или полумызокъ, гдѣ и остаются всю недѣлю. Они должны привозить съ собою свой хлѣбъ и свой кормъ для лошадей. Нѣкоторые помѣщики отпускаютъ

[1]) Стало быть оно не входило въ счетъ тѣхъ двухъ дней, на которыхъ успокоился Комитетъ.

однако харчи отъ себя. Того же непремѣнно требуютъ работники отъ своихъ враговъ, крестьянъ-хозяевъ. Кромѣ того, они пробираются на барскую кухню, въ огороды, и тамъ, приворовывая хлѣбца да разныхъ плохо-лежащихъ вещей, наживаютъ иногда лошадь или корову. Нужда и голодъ научаютъ красть. Сіе продолжается во весь годъ. На барскомъ дворѣ увидишь иногда человѣкъ до ста, до двухъ сотъ и больше, разнаго возраста и пола людей, оборванныхъ, запачканныхъ, испитыхъ, бродящихъ какъ цыгане безъ жилья и покрова, укрывающихся отъ непогоды въ хлѣвахъ и сараяхъ, а отъ холода зимою въ ригахъ, ибо для нихъ нѣтъ уготованнаго помѣщенія. Для свиней, коровъ, барановъ построены жилища каменныя, для лошадей палаты, а для кнехтовъ!... За нихъ денегъ не плачено, продавать ихъ запрещено, какая же нужда помышлять объ нихъ? Издохнетъ кнехтъ — виртъ (хозяинъ) поставитъ другаго, а свинью надобно купить. Въ понедѣльникъ по утру, староста или кубіасъ выгоняетъ ихъ на разныя работы, по распоряженію господина, и такъ во всю недѣлю. Староста смотритъ, чтобъ барщина отправлялась исправно, въ чемъ однако никогда не бываетъ удачи, хотя присматриваетъ и самъ господинъ, ибо барской работы не передѣлаешь всей. Додѣлаешь заданную — зададутъ другую; такъ лучше не спѣшить. Отсюда вѣчная ссора у помѣщика со старостою, частыя, иногда невыносимыя наказанія крестьянамъ, вѣчныя распри и взысканія. Помѣщику хочется, чтобъ дѣло спорилось, а крестьянину хочется, чтобъ оно шло какъ можно тише и чтобъ было полегче; помѣщикъ налагаетъ работу свыше силъ, а крестьянинъ что̀ можетъ и того не додѣлываетъ. Помѣщикъ, въ наказаніе, умножаетъ работу, а крестьянинъ лукавитъ и увильнетъ. Всякій старается работать для виду; заговоритъ одинъ работникъ—всѣ, разиня ротъ, прислушиваются; староста бѣгаетъ съ плетью или палкою, бьетъ то того, то другого; битый берется за работу, а небитый отстаетъ отъ нея. Староста и прикащикъ находятъ въ этомъ свою наживу; на работника, пришедшаго безъ подарка, онъ налегаетъ, а ублажившему его потворствуетъ; но работникъ, почти ничего неимущій, не можетъ иначе принести подарокъ, какъ отнявъ кусокъ хлѣба у своего

ребенка; дѣвки расплачиваются иногда своею невинностью, а хуже всѣхъ приходится сиротамъ. По отбытіи барщины, дѣло все-таки обыкновенно кончается тѣмъ, что крестьянина побьютъ и въ субботу, послѣ обѣда, отпустятъ, заставивъ его проработать всю ночь на ригѣ, или на винницѣ, или въ иномъ мѣстѣ, только чтобъ выгадать эту ночь съ пятницы на субботу; но и тутъ крестьянинъ отыщетъ захолустье, гдѣ бы, завалясь, могъ прохрапѣть такъ, чтобъ его не отыскали, а утромъ — давай Богъ ноги! Се то благополучіе, котораго лифляндское дворянство лишиться не хочетъ и мнитъ, что потерявъ оное, всѣхъ доходовъ лишится. Но на самомъ дѣлѣ больно не это, а вотъ что̀ иногда невольно прорывается: больно, что разоблачились ихъ тиранство надъ подданными и ихъ корыстолюбіе, что не они содѣлали состояніе Латышей лучшимъ, слѣдственно благодарности имъ никакой, что спѣсь ихъ унижена, что можетъ Латышь искать своего права надъ своимъ надмѣннымъ бариномъ, а паче всего больно то, что Русскіе (die Russen!) смогли заставить и заставляютъ ихъ быть справедливѣе. Пропала ихъ репутація въ Германіи; они выставляли Русскихъ тиранами, а Русскіе докажутъ кто тираны, довершивъ исполненіе воли русскаго царя, облаготворятъ Латышей [1]). Это можетъ совершиться скоро и легко, если правительство захочетъ отмѣнить барщину и замѣнить ее сдѣльною, урочною работою (Reschen-Arbeit)". — Подъ барщиною Арсеньевъ разумѣлъ поденное отбываніе работъ. подъ урочною работою—задачу урока, который непремѣнно долженъ быть исполненъ въ опредѣленный срокъ, не отрываясь отъ дѣла, но, по окончаніи котораго, работникъ воленъ располагать остальнымъ временемъ. Всмотрѣвшись на мѣстѣ въ этотъ послѣдній порядокъ, введенный въ нѣсколькихъ лифляндскихъ имѣніяхъ, Арсеньевъ отдавалъ ему рѣшительное предпочтеніе и много разъ горячо настаивалъ передъ правительствомъ на обязательномъ его примѣненіи ко всѣмъ полевымъ работамъ. Отъ этой мѣры онъ ожидалъ не только

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, Арсеньевъ писалъ: „Критики и даже насмѣшки на сіе учрежденіе (Положеніе 1804 года) во многихъ журналахъ и книгахъ нѣмецкихъ находящіяся и, можетъ быть, самими Лифляндцами вносимыя, обратятся въ посмѣшище имъ самимъ".

значительнаго облегченія для крестьянъ, но и существеннаго улучшенія въ ходѣ помѣщичьяго хозяйства. Постепенную замѣну, если не всей, то части издѣльной повинности натуральнымъ оброкомъ, онъ безусловно отвергалъ, убѣдившись изъ своихъ наблюденій, что предупрежденіе излишне строгой браковки произведеній съ одной стороны, съ другой—обмана на ихъ количествѣ и качествѣ, представляло слишкомъ трудную задачу, и что почти вся сумма долговъ, числившихся на крестьянахъ, образовалась отъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ недоборовъ и неисправностей именно въ этой повинности. Ему даже представлялась сравнительно болѣе годною для крестьянъ обратная операція переложенія натуральнаго оброка въ рабочіе дни. Въ этомъ онъ рѣшительно расходился съ Сиверсомъ и горячо его оспаривалъ. Что же касается до постепеннаго введенія оброка денежнаго, то объ этомъ ни Арсеньевъ, ни Сиверсъ и никто изъ самыхъ смѣлыхъ мечтателей того времени даже и не помышлялъ.

Когда мало - по - малу дробныя впечатлѣнія, вынесенныя Арсеньевымъ изъ осмотровъ, справокъ и опросовъ, сложились въ его представленіи въ цѣльный образъ, все вниманіе его сосредоточилось на той особенности лифляндскаго сельскаго быта, къ которой мѣстные дѣльцы на столько уже успѣли приглядѣться, что почти уже и не замѣчали ея, но которая, какъ главная, отличительная черта этого быта по отношенію къ великорусскому, казалось, должна бы была броситься на свѣжій взглядъ со стороны и тѣмъ не менѣе оставалась до тѣхъ поръ, какъ будто не вполнѣ сознанною правительствомъ, по крайней мѣрѣ не возбуждала въ немъ заботливости, соотвѣтственной ея важности. Мы разумѣемъ развившійся до крайнихъ размѣровъ сельскій пролетаріатъ. Арсеньевъ спеціально посвятилъ время своего пребыванія въ Лифляндіи изученію именно этой стороны дѣла и сдѣлался вполнѣ l'homme de la question. Въ запискахъ его можно прослѣдить, какими путями онъ былъ наведенъ на эту задачу. Прежде всего его поразила скудость сельскаго населенія по отношенію къ площади Лифляндіи и медленность его нарастанія по сравненію съ Россіею. „Здѣсь, писалъ Арсеньевъ, приходится на квадратную версту около 1½ ревизскихъ душъ—простора болѣе, чѣмъ до-

статочно. Сіе обличаетъ коренное притѣсненіе, мѣшающее народу умножаться при такомъ множествѣ земли и способовъ къ пропитанію, ибо, отъ вѣрности пропитанія и достатка, народъ множится естественно, и только притѣсненіе можетъ этому помѣшать, отнявъ у него способы пользоваться избыткомъ земли и средствъ. Я дивился, видя огромность помѣстьевъ и малолюдство жителей: на 20—30 тысячахъ десятинъ едва насчитывалось 500—600 душъ; дивился, что взрослыхъ рабочихъ или тягловыхъ съ нетягловыми пропорція такъ несогласна съ обыкновенною въ Россіи; у насъ первые составляютъ 2/5 всего населенія; у добрыхъ помѣщиковъ, у однодворцевъ и во многихъ казенныхъ селеніяхъ даже 1/3, что̀ означаетъ множество малолѣтнихъ; въ Лифляндіи же число тяглыхъ превышаетъ число малолѣтнихъ, иногда доходитъ до 3/5 всего населенія. Съ бывшей ревизіи прибыло въ Россіи отъ 20 до 25%, а здѣсь едва ли есть какая нибудь прибыль и съ 1759 г. народъ, по ревизскимъ сказкамъ, еще не удвоился. Лифляндцы относятъ сіе къ опустошенію бывшей за нѣсколько вѣковъ язвы; но чума, опустошившая окрестности Москвы въ 1771 г., была примѣтна лѣтъ 15, а нынче и слѣды ея загладились. Настоящая причина есть бѣдственное состояніе батраковъ, погруженныхъ въ глубину нищеты, да еще нищеты страдательной, измученной работами. Зато, не рѣдкость увидѣть дѣвку лѣтъ 70 и сѣдыхъ холостяковъ, ибо народъ распложается по мѣрѣ безопасности пропитанія дѣтей, а здѣсь самому ѣсть нечего, и народъ принужденъ монашествовать". Тоже самое писалъ Сиверсъ, конечно не сговаривавшійся съ Арсеньевымъ. Вотъ его слова: „Главнѣйшую причину малолюдства въ лифляндской губерніи должно приписать бѣдному состоянію батраковъ, которые вѣкъ свой съ женами и дѣтьми голодъ терпѣли и въ нуждѣ страдали, хотя они всѣ работы какъ на помѣщика, такъ и на хозяина отправляли. Голодъ и нужда принуждали ихъ бѣжать въ сосѣднія губерніи и оттого курляндская, литовская и псковская губерніи наполнены лифляндскими крестьянами, даже и въ Швецію многіе бѣжали, на лодкахъ переправляясь черезъ море... Теперь улучшилось значительно состояніе крестьянъ-хозяевъ—25 тыс., но безконечно ухудшилась горькая участь 250 тыс. батраковъ".

Въ другой нѣсколько позднѣйшей запискѣ Арсеньева мы читаемъ: „Признаюсь, я долго не подозрѣвалъ причины народной нищеты и народныхъ волненій; не разъ сбивался съ толку, видя нѣкоторыхъ крестьянъ-хозяевъ въ избыткѣ, не токмо въ довольствіи; при ревизіи, удостовѣрившись, что почти у всѣхъ этихъ крестьянъ земли очень много, а помѣщичьи запашки очень невелики, я сталъ даже сомнѣваться въ истинѣ, всѣми свидѣтельствуемой, что народъ бѣдствуетъ. Долго скрывали отъ меня суть дѣла, какъ скрыли и отъ васъ, скрывали пока могли, но нельзя было запретить мнѣ входить въ избы, и тогда обнаружился весь секретъ лифляндскаго хозяйства; я ужаснулся. Теперь ни въ Ригѣ, ни въ уѣздахъ никто уже не посмѣетъ увѣрять меня, что Латыши благоденствуютъ; всѣ единогласно соглашаются въ противномъ, извиняясь только тѣмъ, что по привычкѣ сего не видѣли; ибо, когда мнѣ начинаютъ восхвалять положеніе *крестьянъ* (хозяевъ), я спрашиваю: а каково *кнехтамъ?* и сей всегдашній мой вопросъ заставляетъ ихъ молчать. Правда была скрыта отъ Комитета; конечно, онъ зналъ, что въ Лифляндіи есть хозяева и есть батраки; но зналъ ли онъ, что по крайней мѣрѣ $^{9}/_{10}$ всего сельскаго народа, воздѣлывающаго землю, землею не пользуются; что вся крестьянская земля подѣлена между 20 — 30 тысячами хозяевъ, а остальныя 300,000 совершенно оною обдѣлены? Было ли разъяснено Комитету, что ихъ нельзя даже назвать бобылями, такъ какъ, по великорусскимъ понятіямъ, безземельный бобыль можетъ еще искать работы; а они отданы хозяевамъ въ кабалу и круглый годъ работаютъ на нихъ или на помѣщика? Они плѣнники, въ гакѣ заключенные, невольники невольниковъ и рабы рабовъ. Ваше сіятельство увидите сами, что Положеніе, сдѣланное о крестьянахъ съ самымъ благороднѣйшимъ намѣреніемъ, не достигло цѣли, даже обратилось имъ во вредъ. Вы разсуждали такъ, какъ мы всѣ Русскіе обыкли принимать состояніе крестьянъ, и я самъ, бывъ уже здѣсь въ Лифляндіи, примѣчая все, не могъ долго вообразить себѣ, чтобъ притѣсненіе могло простираться до того, чтобъ своего крестьянина отдать другому крестьянину въ рабство. И я, даже въ Ригѣ, покуда не вникъ въ дѣло, рѣшилъ бы его на первыхъ порахъ, какъ вы его рѣшили. Ко-

митетъ вдался въ обманъ на двухдневной работѣ, которою хвастаютъ; но ея нѣтъ, ибо батракъ приходитъ на барщину въ воскресенье съ вечера или въ понедѣльникъ рано утромъ и отходитъ въ субботу послѣ обѣда. Какіе тутъ два дня? Въ линейкахъ разсчетъ барщины выведенъ такъ, а на практикѣ не то, потому что весь разсчетъ веденъ на хозяина; но какая отъ этого выгода батраку? Больше ли, меньше ли дней дастъ хозяинъ помѣщику, ему, бѣдняку, все равно: не работаетъ на помѣщика, такъ работаетъ на хозяина, а на себя — никогда. Слѣдовательно, какое распоряженіе земли ни дѣлай, разсчитывай оную по грошамъ и талерамъ или по десятинамъ, все будетъ тщетно. Все постановленіе (Положеніе 1804 г.) писано о хозяевахъ и для хозяевъ; кромѣ § 18 нигдѣ не упомянуто о батракахъ. Хотя по сему § возложено на коммиссіи батракамъ доставить надежное и достаточное пропитаніе, но, по важности дѣла, нѣтъ возможности къ тому приступить, ибо положеніе сего рода крестьянъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія правительства и новаго закона, а потому и не остается ничего иного, какъ токмо представить правительству тѣ обстоятельства, о коихъ депутаты (ландраты, засѣдавшіе въ Комитетѣ) умолчали".

Вотъ въ какихъ чертахъ Арсеньевъ изображалъ изслѣдованный имъ на мѣстѣ, самолично, бытъ батраковъ: „Всякій хозяинъ въ Лифляндіи имѣетъ часть господскаго помѣстья, которая ему отмежевана. Гакнеръ, полугакнеръ и пр. владѣетъ участкомъ, соразмѣрнымъ его наименованію, т. е. землею подъ усадьбу и огороды, подъ пашню въ 3 поляхъ, кустовою подъ залежь, сѣнокосами и лѣсомъ, и все сіе обмежевано особою чертою и отдано хозяину во владѣніе. Среди сего участка поставлено большое строеніе, отъ 12 до 15 и болѣе саженъ длиннику; съ одной стороны, покои хозяина, занимающіе всю ширину зданія и раздѣленные на 2 покоя; предъ ними сѣни и изъ оныхъ топится печь; въ сихъ сѣняхъ чуланы для поклажи и сѣни сіи отдѣляютъ хозяина глухою стѣною отъ огромной, черной избы, сужденной для жилища батраковъ, къ которой пристроена рига, коею кончается зданіе съ противной хозяйскимъ покоямъ стороны. Въ холопьей избѣ нѣтъ ни полу ни потолка, но накладены жерди, на коихъ рас-

кладывается хлѣбъ; надъ ригою устроено тоже, такъ что весь чердакъ надъ сею избою и ригою не имѣетъ перемычки. Когда топится холопья печь, дымъ, поднимаясь и распростираясь по всему чердаку, коптитъ и сушитъ снопы, на ономъ собранные. Въ холопьей избѣ у гакнера помѣщается 20 человѣкъ батраковъ мужеска и женска полу, кромѣ дѣтей; они скучены безъ всякаго различія пола, мужа и жены, дѣвки и парня; а поелику всякой имѣетъ равное право на избу, то малымъ дѣтямъ въ сей тѣснотѣ нѣтъ никакого пріюта, а о нравственности и цѣломудріи и понятія быть не можетъ; больному нельзя имѣть покоя, ни нужной иногда для спасенія его жизни тишины и пр.—Хозяинъ есть всему глава и повелитель; земля и люди суть его принадлежность, а онъ самъ есть принадлежность господина. Если требуется батракъ на господскій дворъ, онъ посылаетъ того, котораго разсудитъ; прочіе же всѣ должны работать на него, получая то, что предписано господиномъ, и батракъ не можетъ никогда имѣть надежды пріобрѣсти стяжаніе, кромѣ положеннаго.

„Таковое распоряженіе для помѣщика и хозяина очень выгодно, ибо господинъ всегда имѣетъ полное число работниковъ и работницъ, поелику заболѣвшаго хозяинъ смѣняетъ и даетъ здороваго; хозяину также выгодно имѣть человѣкъ 10 и 20 рабочихъ людей, которые служатъ ему даромъ, поневолѣ и суть его рабы. Такимъ образомъ, хозяинъ выгоняетъ людей, однихъ на барщину, а остальныхъ на свою работу. Изъ сего понять можно, что на барщину старается онъ всегда посылать худшихъ, оставляя лучшихъ себѣ, и что безпрестанныя распри за рабочихъ происходятъ у барина съ хозяиномъ; притомъ хозяинъ старается еще слукавить, задерживая подолѣе работника у себя дома; но никто никогда и не смотритъ на выгоды работника. Его гонятъ на барщину въ то время, когда ему нужно бы остаться для обработки того крошечнаго клочка земли, который ему отводится на его содержаніе; а когда дойдетъ до собственной работы хозяина, тогда трудамъ батрака нѣтъ ни мѣры, ни предѣловъ и самые остатки издыхающихъ силъ не пропадаютъ втунѣ.

„Притомъ §§ 58 и 59 Положенія вышли на практикѣ крайне притѣснительны. Чтобъ дополнить хозяину число рабочихъ

по закону положенное, расторгаются семьи работниковъ, дочь отдается одному хозяину, сынъ другому и т. д. Хозяинъ никакого радѣнія объ нихъ не имѣетъ, никакой жалости, никакой пощады, ибо онъ знаетъ, что они даны ему не навсегда, почему вся тяжесть работъ хозяйскихъ и помѣщичьихъ падаетъ на сихъ сиротъ. Они лишены средствъ оказывать услуги своимъ родителямъ ихъ воспитавшимъ, а родители лишены средствъ подать имъ руку помощи въ болѣзняхъ и нуждахъ, не имѣя сами ни угла, ни пріюта, ни пропитанія; встрѣчаютъ побои на барщинѣ и сугубые побои ожидаютъ ихъ у хозяина; все ихъ тѣснить готово и нѣтъ ни виду ни надежды получить отраду: они отторгнуты отъ родителей, чтобъ быть игралищемъ постороннихъ.

„Изъ сего судить можно, что выгода помѣщика и хозяина сугубо отягощаетъ батрака, ибо если бы послѣдній имѣлъ свое хозяйство, тогда зналъ бы свою очередь на барщину; отправя оную, не имѣлъ бы еще тягчайшей барщины въ виду и хотя бы занялся дома своею работою, оная бы облегчилася надеждою пользоваться плодами трудовъ своихъ и веселился бы возрастающимъ довольствомъ семейства; но теперь онъ знаетъ, что работаетъ какъ волъ или лошадь, только на притѣснителей своихъ. Не удивительно, что Латышей считаютъ лѣнивыми; имъ должно таковыми быть, ибо не токмо нѣтъ выгоды, но истинная послѣдуетъ потеря быть радивымъ, поелику, изнуряя свои силы, онъ ничего не получалъ болѣе того, что опредѣлено на его пропитаніе и едва удовлетворяетъ его нуждѣ. Сравнительно, для него барщина есть отдыхъ. Плоды трудовъ его поѣдаетъ хозяинъ; онъ не имѣетъ не токмо одежды, но даже едва мякиннаго кусокъ хлѣба, едва лоскутъ на свою одежду. Жена, дѣти хозяйскіе, непрестанно его мучатъ или посылками, или работою, или побоями; онъ только слышитъ брань и попреки, ничему противиться не можетъ; блѣдность, отчаяніе на лицѣ его, истощеніе въ тѣлѣ.

„Состояніе холостаго еще сноснѣе, но состояніе женатаго—неизрѣченная скорбь и тѣснота; жена не имѣетъ времени покормить вопіющаго съ голоду ребенка, не имѣетъ лоскута укрыть слабое его тѣло. Младенецъ, подросши, есть игралище дѣтей хозяйскихъ, предметъ побоевъ матери ихъ,

предметъ скорби и плача родившимъ его. Многое множество случаевъ свидѣтельстуетъ, что хозяева выгоняютъ малыхъ дѣтей и осиротѣвшихъ, не хотятъ ихъ кормить; нѣкоторыя мрутъ съ голоду; однимъ словомъ, нѣтъ возможности описать бѣдственную участь Латышей-батраковъ; самыя дѣянія ихъ покажутъ яснѣе, сколь она стѣснена и сколь вредно сіе сугубое рабство для государства. Латыши-батраки, чтобъ избѣжать зрѣлища дѣтей несчастьемъ и мукою удрученныхъ, рѣшались убѣгать брачнаго союза; они вертятся около бабъ и дѣвокъ для удовлетворенія позыва къ плодородію, но послѣднія также, убѣгая дѣторожденія, не всегда согласны удовлетворять ихъ похотливость, которую уже своеручно довольствовать принуждены; иные предаются скотоложству, а иные мужеложству; отъ чего иногда притѣснители ихъ, Нѣмцы, претерпѣваютъ поруганіе. Въ метель, или инымъ случаемъ, въ лѣсу, попавшись въ руки Латышамъ, непремѣнно послужатъ къ удовлетворенію похоти ихъ, тѣмъ паче, что Нѣмцы отмѣнно мерзятъ мужеложствомъ, такъ что не только не жалуются на произшествіе, но стараются оное скрыть.

„Параграфъ 41 отнялъ у работниковъ совершенно послѣднюю надежду къ исправленію и перемѣнѣ состоянія своего. Онымъ опредѣлено, чтобъ сыновья и наслѣдники хозяина пользовались по наслѣдству дворомъ отца своего. Не можетъ ничто быть праведнѣе сего постановленія, ибо Комитетъ иначе себѣ представить не могъ, какъ, что всякій крестьянинъ имѣетъ тягло и землю на оное, хотя онъ и батракомъ считается; но сего нѣтъ. Батракъ ничего не имѣетъ, какъ то, что̀ хозяинъ ему позволилъ имѣть. Пока сего закона о наслѣдствѣ не было, батракъ старался заводить скотъ и лошадей, чтобы показаться помѣщику добрымъ хозяиномъ, который по сей выслугѣ и отдавалъ такому исправному батраку хозяйство выбылое (т. е. опустѣвшій дворъ); но утвержденіемъ наслѣдства хозяйства въ вѣчное и потомственное владѣніе всѣ работники исключены и устранены и лишены всякой надежды, когда либо сдѣлаться хозяевами; состояніе ихъ стало отчаяннымъ.

„Предметомъ законодательства въ разсужденіи утвержденія благосостоянія народа, должны собственно быть сіи бат-

раки, а не хозяева, коимъ и безъ того хорошо. Прежде изъ батраковъ многіе не женились, подбивались въ милость къ женѣ хозяина и, по смерти мужа, старуха, прельщенная работникомъ, выходила за него замужъ и дѣлала его хозяиномъ. Нѣкоторая надежда оставалась, нѣкоторое средство мелькало вырваться изъ бѣдственнаго состоянія, но и сіе рушилось и настоящіе питатели государства, работники, зрятъ участь свою сугубо несчастною; ибо и надежды лишены изъ оной освободиться; чего ради праведенъ ихъ крикъ: „обмануто правительство и Государь; коммиссіи не исполняютъ его воли; ибо воля сія есть облегчить, а не удручать состояніе наше".

„Изъ собранныхъ справокъ явствуетъ, что батраки едва получаютъ пропитаніе и одежду. Различны платы почти въ каждомъ помѣстьѣ, но нигдѣ почти изъ состоянія нищеты и бѣдности сіи работники не выходятъ. Почти во всѣхъ дается въ годъ мужчинѣ 6 лофовъ ржи съ мякиною, женщинѣ только 5; выходитъ, что мужу съ женою только 11 лофовъ ржи, а вывѣя мякину, не останется 9 лофовъ, или 3 четвертей чистаго хлѣба, чтó въ Россіи полагается на одну душу. Симъ хлѣбомъ родители должны довольствовать и дѣтей своихъ; къ сему прибавляется лоскутъ земли въ $^{2}/_{3}$ лофштеля для посѣва ячменя и $^{1}/_{3}$ лофштеля для посѣва льна, такъ что работникъ, на посѣвъ ячменя, имѣетъ меньше пространства земли нежели хозяйская изба занимаетъ, а хозяйская рига больше его посѣва льна. Въ казенныхъ мызахъ имъ лучше; они получаютъ кормъ на 5 барановъ (съ коихъ шерсть должна одѣвать всю семью) и на 2 коровы; по обстоятельствамъ даютъ работникамъ изъ милости позволеніе сѣять нѣсколько овса, гречи и льна въ кустовой землѣ, а когда съ хозяиномъ идетъ въ дорогу, отпускается кормъ его лошади и три пары *пастеленъ* (лаптей), чѣмъ и кончается все его благополучіе. Неженатые получаютъ ежегодно $^{2}/_{3}$ лофштеля на ячмень, $^{1}/_{3}$ на ленъ, 2 пары чулокъ, 2 пары рукавицъ, 3 рубашки, 3 пары портокъ, 3 пары лаптей здѣшнихъ, сыромяжный кафтанъ на $1^{1}/_{2}$ года, штаны такіе жъ въ годъ и онучи на 2 года. Дѣвка получаетъ 6 фунтовъ шерсти на платье, чулки и перчатки, 1 лисфунтъ, или $^{1}/_{2}$ пуда льну немятаго на все ея бѣлье, красную ленточку,

2 пары лаптей на 2 года, зимнюю шапку, да лѣтнюю шляпу въ церковь ходить; получаетъ байковое покрывало, да на 4 года праздничный камзолъ. Се награда за 365-ти дневную и ночную работу! И сіе выписано изъ казенныхъ, а у помѣщиковъ еще меньше; можно сказать, что и у нищихъ умѣли урѣзать. Слава лифляндскому хозяйству! Сіе положеніе толь бѣдственно, что сами помѣщики ужъ начинаютъ на оное взирать съ состраданіемъ; оно вѣрно было скрыто отъ Комитета, который бы содрогнулся, видя такое бѣдствіе цѣлаго класса, питающаго государство. Должно замѣтить, что подумали о коровахъ и овцахъ, но о дѣтяхъ сихъ несчастныхъ нигдѣ не упомянуто; никакого состраданія къ бѣднымъ, иногда сирымъ, не оказано; нигдѣ о пропитаніи и нуждахъ сихъ невинныхъ, немогущихъ себѣ онаго снискать, не приложено попеченія.

„Ландратъ Левенштернъ въ 1796 г. учредилъ положеніе сходное съ человѣчествомъ, далъ земли рабочимъ. Его опытъ можетъ руководствовать. Поелику Лифляндія мало населена, то кустовой земли имѣется въ 20 разъ больше пахатной. Левенштернъ, желая улучшить состояніе своихъ батраковъ, приказалъ на каждаго женатаго выдѣлить изъ кустовой земли по 2 лофштеля въ каждомъ полѣ. Сей опытъ былъ неудаченъ. Батракъ, безпрестанно будучи занятъ то барскою, то хозяйскою работою, не имѣлъ силы и времени очистить землю отъ кустовъ и обратить въ поле. Видя неудачу, перемѣнилъ планъ; онъ выдѣлилъ батракамъ по 2 лофштеля земли изъ пашни [1]) и $^1/_3$ лофшт. въ кустахъ, а хозяевамъ выдѣленное изъ пашни число лофштелей велѣлъ взять изъ кустовой земли, прибавить къ ихъ пашнѣ и отдѣлить еще каждому батраку по 30 шаговъ длины и 12 ширины въ огородахъ. Сіе удалось съ выгодою, ибо хозяева съ помощью батраковъ очистили кусты и получили хорошій урожай и, имѣя довольно навозу, начали оную удобрять и поля получили лучше, нежели имѣли; батраки же, имѣя роспашь, обсѣялись, получили пропитаніе лучше прежняго, могли обзавестись скотомъ, слѣдственно и навозомъ, и нашлись въ состояніи поддерживать доброту полей

---

[1]) Т. е. изъ крестьянскихъ полей.

своихъ. Но симъ самымъ разстроилось мудросплетенное хозяйство гака. Батракъ не сталъ слушаться хозяина и работать на своего брата мужика пересталъ. Сколь ни естественно сіе, но жаль господину разстаться съ древнимъ своимъ предубѣжденіемъ; *онъ все хочетъ имѣть дѣло только съ хозяиномъ гака* и не хочетъ, чтобы батракъ сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя самъ хвалится, что люди ѣдятъ его хлѣбъ *безъ мякины*; сіе изреченіе весьма много значитъ и знаменуетъ превыспренность богатства Латышей. Сей опытъ дѣлаетъ конечно ландрату Левенштерну честь и заслуживаетъ вниманія правительства. Ландратъ Сиверсъ послѣдовалъ примѣру Левенштерна и далъ своимъ батракамъ по 2 лофштеля въ пашнѣ въ каждомъ полѣ и по 1 лофштелю въ кустовой землѣ. Его батраки вошли въ коммиссію и просили, чтобъ оная благоволила соблюсти ихъ положеніе, ибо они, съ тѣхъ поръ какъ получили земли, начали жить и лучше бы отняли у нихъ головы, нежели землю". Пространныя свои изслѣдованія о батракахъ, изъ коихъ мы привели только самую малую часть, Арсеньевъ оканчивалъ словами: „Я снялъ маску, взирайте на лицо; если не понравится, не я виноватъ, — представляю дѣло, какъ есть.... Нельзя, сіятельнѣйшій графъ, составлять вакенбухи, не исправя всего Положенія. Дерзаю сказать, что, если выдавать оные, то народъ разбѣжится; и Лифляндія опустѣетъ; или онъ броситъ ихъ (т. е. вакенбухи), или принесетъ обратно, говоря: „коммиссіи не отъ государя; онъ обѣщалъ облегчить нашу участь, а намъ стало теперь хуже; все это отъ Нѣмцевъ, обманывающихъ и государя, и насъ". — Сіе всегда и всѣ коммиссіи встрѣчаютъ, за что посылаютъ противъ крестьянъ цѣлыя роты, заставляя молчать. Латышей разстрѣливаютъ, разоряютъ постоемъ за то единственно, что они говорятъ правду и что они правы... Заключу сіи строки тѣмъ, что если бы я въ душѣ моей не былъ увѣренъ въ истинномъ желаніи государя императора всякаго блага его подданнымъ и въ добротѣ его сердца, еслибъ я имѣлъ дѣло съ министромъ, въ правотѣ коего я бы сомнѣвался, то бросилъ бы все и во что бы ни стало удалился бы, чтобъ не быть орудіемъ попранія человѣческихъ правъ".

Оставалось найти выходъ.

На первыхъ порахъ Арсеньевъ возлагалъ большія надежды на обоюдныя соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, ожидая, что примѣръ благонамѣренныхъ и великодушныхъ дворянъ подѣйствуетъ на все сословіе и побудитъ его къ добровольнымъ пожертвованіямъ. Но эта надежда рушилась, какъ только онъ всмотрѣлся въ нравственныя отношенія обѣихъ сторонъ. „Ландтагъ (писалъ онъ) въ 11 пунктѣ своихъ ходатайствъ просилъ, чтобы помѣщику дано было средство договариваться съ крестьянами, и я, по невѣдѣнію, думалъ, что сіе возможно; но опытъ доказалъ, что я обманулся. Латыши Нѣмцамъ не вѣрятъ ни въ чемъ, никакихъ сдѣлокъ не утверждаютъ, а всѣ единодушно говорятъ: пусть намъ хуже будетъ, но пусть будетъ, какъ императоръ приказалъ; онъ намъ хочетъ добра и обѣщалъ помочь“.—Это писано, какъ будто въ 1862 году, изъ какой-нибудь великорусской губерніи! — „Передъ выѣздомъ изъ Риги, я вызывалъ на соглашенія и предлагалъ помѣщикамъ то, чего домогается ландтагъ; но никто не представилъ мнѣ ни одной сдѣлки. Всѣ отозвались невозможностью, которую я и самъ увидѣлъ“.

Тогда Арсеньевъ перешелъ къ частнымъ, предупредительнымъ и паліативнымъ мѣрамъ. Собственною своею властью, по соглашенію съ предсѣдателемъ венденской коммиссіи, онъ ввелъ между прочимъ правило, которымъ хозяинъ, уличенный троекратно въ дурномъ обращеніи съ батраками и въ нанесеніи имъ обидъ, лишался окончательно общаго права всѣхъ хозяевъ на обязательный трудъ батраковъ, распредѣляемыхъ (по буквѣ закона — крестьянскимъ судомъ, а по правдѣ—вотчинною конторою) по дворамъ крестьянъ-хозяевъ и по помѣщичьимъ мызамъ (Полож. §§ 59, 75, 88). Все это однако далеко не соотвѣтствовало потребностямъ и на практикѣ плохо прививалось.

Нѣсколько позднѣе, убѣдившись въ произвольности классификаціи крестьянскихъ земель и въ неточности произведенныхъ межеваній, Арсеньевъ потерялъ надежду утвердить на такихъ данныхъ систему обязательныхъ повинностей и сталъ изыскивать средства обойти эту трудность, поставивъ крестьянъ и помѣщиковъ въ такія отношенія, которыя силою вещей разрѣшались бы *вынужденными* между ними сдѣлками,

заставляя помѣщиковъ надѣлять сельскихъ пролетаріевъ землею, а послѣднихъ принимать надѣлы на условіяхъ, для обѣихъ сторонъ безобидныхъ. Ему пришла на умъ странная мысль: отмѣнить сельское батрачество законодательнымъ порядкомъ. Въ этихъ видахъ, не ограничиваясь прекращеніемъ обычной поставки батраковъ крестьянамъ-хозяевамъ, онъ задумалъ накрѣпко запретить послѣднимъ держать помѣщичьей земли свыше того количества, какое они въ состояніи были обработывать сами, съ своими семьями, безъ посторонней помощи; въ то же время онъ предполагалъ отнять у помѣщиковъ право пользоваться, для веденія своего хозяйства, наемнымъ трудомъ за деньги и поставить ихъ въ необходимость, для обработки своихъ мызныхъ полей, употреблять исключительно барщину, отбываемую осѣдлыми крестьянами, т. е. получающими нормальный надѣлъ. Понятно, что, при такой системѣ запретовъ, батракамъ, не находящимъ себѣ дѣла и поставленнымъ въ невозможность трудами рукъ своихъ добывать себѣ пропитаніе, пришлось бы умирать съ голоду или вымаливать у помѣщиковъ клочковъ земли съ обязательствомъ отбывать за нее издѣльную повинность; съ другой стороны, помѣщикамъ предстояло бы на выборъ закрывать одно за другимъ свои мызныя хозяйства и разоряться, или, во что бы то ни стало, навязывать землю батракамъ и возводить ихъ на степень хозяевъ. Для облегченія этой операціи Арсеньевъ находилъ возможнымъ дозволить владѣльцамъ выкраивать новые надѣлы изъ крупныхъ участковъ крестьянъ-хозяевъ.

Далѣе, сознавая вообще необходимость оградить интересы крестьянъ, какъ слабѣйшей изъ договаривающихся сторонъ, и въ то же время предусматривая практическую несостоятельность подробной, правительственной регламентаціи ихъ отношеній къ помѣщикамъ, онъ совѣтовалъ приступить къ постепенному раскрѣпленію, то есть къ дарованію крестьянамъ права свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому. „Труднѣе для правительства (писалъ онъ) дѣлать постановленія въ два раза, нежели въ одинъ, и потому лучше бы было объявить это право немедленно, но отсрочить общее примѣненіе его на три года, притомъ съ разными ограниченіями“.

Предполагалось допускать переходъ не иначе, какъ по предъявленіи законныхъ на то причинъ и съ разрѣшенія суда, во-первыхъ, тѣмъ крестьянамъ, которымъ удалось бы пріобрѣсти, гдѣ бы то ни было, въ собственность количество земли, достаточное для ихъ обезпеченія съ ихъ семьями, и которые захотѣли бы на эту землю переселиться; во-вторыхъ, крестьянамъ, у которыхъ помѣщикъ, въ допускаемыхъ закономъ случаяхъ, отбиралъ землю; въ-третьихъ, тѣмъ изъ безземельныхъ батраковъ, которыхъ владѣлецъ отказался бы надѣлить землею въ своемъ имѣніи и которыхъ другой помѣщикъ согласился бы принять и обзавести хозяйствами; въ-четвертыхъ, тѣмъ крестьянамъ, которые доказали бы передъ судомъ, что они отъ своего помѣщика терпятъ обиды, побои и истязанія или подвергаются незаконнымъ поборамъ и притѣсненіямъ въ своемъ хозяйствѣ и въ распоряженіи собственнымъ своимъ имуществомъ. Въ перечисленныхъ случаяхъ переходъ разрѣшался немедленно. Затѣмъ, по истеченіи трехлѣтняго срока, право выхода изъ имѣнія предоставлялось сперва одной четверти приписаныхъ къ нему крестьянъ, начиная съ исправнѣйшихъ и богатѣйшихъ хозяевъ (какъ наименѣе доступныхъ искушенію легкомысленно покинуть насиженныя мѣста), потомъ, черезъ годъ, другой четверти и т. д. По свидѣтельству самого Арсеньева, мысль о разрѣшеніи перехода была ему внушена „Лифляндцами къ престолу россійскому усердіе имѣющими“ (въ особенности ландратомъ Пистолькорсомъ, котораго онъ очень восхвалялъ); но онъ усвоилъ ее себѣ и переработалъ по своему, а отнюдь не въ духѣ своихъ совѣтниковъ. По его понятіямъ, право выхода и сопряженное съ нимъ сманиваніе крестьянъ произвело бы столкновеніе въ частныхъ интересахъ помѣщиковъ и разбило бы стачку дворянства, противъ которой безуспѣшно боролось правительство; главнѣйшимъ же образомъ дорожилъ онъ этимъ правомъ потому, что въ его глазахъ оно имѣло значеніе хотя косвеннаго, но рѣшительнаго понужденія помѣщиковъ къ удержанію крестьянъ на мѣстахъ упроченіемъ ихъ осѣдлости на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, и въ особенности къ постепенному упраздненію сельскаго пролетаріата. Цѣлый рядъ соображеній его о необходимости никогда не упускать изъ

виду этой главной цѣли оканчивался слѣдующими замѣчательными словами: „Такое положеніе (прочная осѣдлость) есть наивеличайшей для народнаго блага важности, ибо кто бывалъ въ такъ именуемыхъ вольныхъ государствахъ видѣлъ несомнѣнно бѣдное положеніе сельскихъ работниковъ; ихъ нанимаютъ особо на каждую работу: вспахать, взборонить, сжать, обмолотить; послѣ ихъ сгоняютъ, и они обыкновенно нищи, потому что стеченіе ищущихъ работы даетъ средство богатымъ платить имъ такую малость, что они не могутъ содержать своего семейства; посему изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, хлѣбопашцы россійскіе суть блаженнѣйшіе, несмотря на мнимое (!!) ихъ рабство, которое есть истинная свобода у добрыхъ помѣщиковъ, поелику россійскому хлѣбопашцу платится за его работу первою матеріею къ обработкѣ—землею, съ которой онъ получаетъ законный ростъ своихъ трудовъ и довольство своего семейства". Здѣсь мы слышимъ голосъ русскаго помѣщика былыхъ временъ, такого впрочемъ, который, еслибъ онъ дожилъ до губернскихъ комитетовъ конца пятидесятыхъ годовъ, не сталъ бы роптать противъ обязательности отвода крестьянамъ поземельнаго надѣла въ вѣчное пользованіе.

На изложенныхъ предположеніяхъ Арсеньевъ однако не остановился. Онъ сообщалъ ихъ графу Кочубею скорѣе въ видѣ отчета о занимавшихъ его вопросахъ, а не какъ окончательное свое заключеніе. Полный проектъ передѣлки Положенія 1804 года былъ имъ представленъ нѣсколько позднѣе. Арсеньевъ исходилъ въ немъ изъ трехъ общихъ началъ:

1) „Законъ совѣсти и правды (писалъ онъ) гласитъ, что человѣкъ, ничего не получающій, не обязанъ ничего удѣлять изъ своей собственности тому, кто ничего ему не даетъ". Отсюда выводилось, что не было правомѣрнаго основанія дозволять помѣщику распоряжаться рабочими силами сельскаго пролетаріата.

2) Правительство вправѣ требовать отъ помѣщика, чтобъ онъ обезпечилъ средства къ безбѣдному существованію не одному какому либо классу, а всѣмъ крестьянамъ, прикрѣпленнымъ къ его имѣнію. Эту лежащую на немъ обязанность

онъ долженъ исполнить отводомъ поземельнаго надѣла въ опредѣленномъ размѣрѣ.

3) Всѣ крестьяне, приписанные къ одному имѣнію, имѣютъ право на полученіе одинаковаго надѣла, за который должны отбывать одинаковую повинность. Для уравненія крестьянъ между собою (хозяевъ и батраковъ безъ различія) въ надѣлѣ и въ повинностяхъ, Арсеньевъ предлагалъ принять за единицу тягло, разумѣя подъ тягломъ взрослаго женатаго или „могущаго жениться" работника и отвести на каждое отъ 8 дес. 430 саж. до 16 дес. 430 саж., полагая пашни въ полѣ отъ 2 до 4 дес., покоса $1/3$ противъ пашни, огорода 400 саж., подъ усадьбу 30 саж., не считая выгона, который отводился въ возможномъ размѣрѣ въ общественное пользованіе. При отводѣ надѣловъ, недостатокъ въ качествѣ земли восполнялся количествомъ, и разрѣшалось, взамѣнъ части полевой земли и луговъ, отводить лѣсную поросль съ льготою на расчистку. Въ предѣлахъ, указанныхъ minimum'а и maximum'а, должны были умѣститься всѣ градусы по шведской таксаціи, которую Арсеньевъ находилъ справедливою въ существѣ, но въ дѣйствительности „совершенно пустою" по крайней произвольности ея примѣненія; онъ сохранялъ ее только потому, что „щадилъ укоренившійся мѣстный предразсудокъ". Надѣлъ отводился каждой семьѣ, безъ раздробленія, по числу наличныхъ въ ней тяголъ. По этому разсчету, отъ существующихъ участковъ крестьянъ-хозяевъ отрѣзывались всѣ лишки, превышавшіе принятую норму, и прежде всего обращались на надѣленіе безземельныхъ батраковъ; затѣмъ, недостающее пополнялось изъ господскихъ залежей и покосовъ; цѣлая половина послѣднихъ должна была отойти къ крестьянамъ.

Съ тягла полагалось въ недѣлю два рабочихъ дня, или 104 дня въ году. Сверхъ того, опредѣлялось нормальное отношеніе господской запашки къ крестьянскому надѣлу. На тягло возлагалась обязанность обработывать на помѣщика въ каждомъ полѣ участокъ, равный половинѣ того количества распашной земли (Brustacker), которое было ему отведено въ надѣлъ, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе трехъ десятинъ въ господскомъ полѣ, такъ что если бы крестьяне приняли въ надѣлъ болѣе 6-ти десятинъ, то за лишекъ они расплачива-

лись бы съ помѣщикомъ, по обоюдному соглашенію, хлѣбнымъ или денежнымъ оброкомъ. По части покоса тягло обязывалось убрать въ господскихъ лугахъ участокъ, равный полученному имъ въ надѣлъ. Сверхъ упомянутой двухдневной барщины, разрѣшалось помѣщику, въ теченіе лѣтняго полугодія, отъ Егорьева (24 апрѣля) до Михайлова (8-го ноября) дня, требовать съ тягла, въ двѣ недѣли разъ, по одному работнику на господскій садъ и огородъ и еженедѣльно по одному мальчику или дѣвочкѣ, отъ 12 до 15 лѣтъ, такъ называемыхъ *отернековъ* [1]), буде въ семьѣ таковые имѣлись. Наконецъ, дозволялось попрежнему взимать съ крестьянъ мелкіе поборы домашнею провизіею, яйцами, курами и т. п.

Изъ основаній, которыми руководился Арсеньевъ, первое было конечно и справедливо и въ экономическомъ отношеніи вполнѣ раціонально; но изъ него логически вытекало только упраздненіе права пользоваться обязательнымъ трудомъ безземельныхъ крестьянъ, какъ непосредственно такъ и посредственно, отдавая ихъ въ кабалу хозяевамъ.

Второе основаніе также заключало въ себѣ требованіе, вполнѣ разумное и неоспоримое, но, для осуществленія его, не было надобности прибѣгать къ ломкѣ всей сложившейся издавна мѣстной системы крестьянскаго землевладѣнія и, какъ выражался самъ Арсеньевъ, „истреблять существующую экономію лифляндскую". Достаточно было, не трогая существующихъ крестьянскихъ участковъ, по крайней мѣрѣ не урѣзывая полевой земли, потребовать отъ помѣщиковъ установленія въ каждомъ имѣніи особыхъ, одинаково неприкосновенныхъ *батрацкихъ надѣловъ* меньшаго размѣра [2]). Minimum числа этихъ надѣловъ могъ бы быть опредѣленъ нормальнымъ отношеніемъ къ числу душъ или къ числу и объему всѣхъ хозяйскихъ участковъ. Мы уже видѣли, что въ мѣстномъ обычномъ порядкѣ вещей существовалъ готовый зародышъ подобнаго учрежденія, которымъ легко было воспользоваться, развивъ его и придавъ ему твердую форму.

---

[1]) Вѣроятно, отъ слова *отрокъ*.

[2]) Въ родѣ нашихъ такъ называемыхъ полутяглыхъ и пѣшихъ надѣловъ въ юго-западномъ краѣ.

Третье начало объ установленіи безусловнаго равенства въ надѣлахъ еще далѣе расходилось не только съ мѣстнымъ бытомъ, но и съ сельско-хозяйственною практикою вообще. Абстрактность и односторонность его не укрылась бы отъ самого автора проекта, еслибъ онъ, кромѣ юридическаго вопроса о правѣ, принялъ въ соображеніе вопросъ о наличныхъ средствахъ, безъ которыхъ немыслимо ни производительное пользованіе землею, ни исправное отбываніе повинностей.

Далѣе, предлагая перенести въ Лифляндію великорусскую систему разверстанія земли и повинностей, Арсеньевъ упускалъ изъ виду, что наша тягловая единица, по существу и по историческому своему происхожденію, вязалась органически съ общинною формою землевладѣнія и что поэтому было практически невозможно, даже почти немыслимо, примѣнять ее къ колоніальному разселенію (которому онъ самъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе передъ нашими скученными деревнями) и вообще къ установившейся въ Лифляндіи формѣ личнаго наслѣдственнаго владѣнія, которой онъ не хотѣлъ колебать.

Втянувшись въ свою мысль и пристрастившись къ ней, Арсеньевъ однако нисколько не скрывалъ ни отъ самого себя, ни отъ правительства крайней трудности ея осуществленія. Рекомендуя ее графу Кочубею, онъ писалъ ему, „что крестьяне-хозяева конечно потеряютъ очень много". Дѣйствительно, подведеніе ихъ подъ общую для всѣхъ норму надѣла сократило бы въ значительной степени размѣры ихъ хозяйствъ и низвело бы ихъ на, сравнительно съ прежнимъ, крайне низкую степень какъ матеріальнаго благосостоянія, такъ и общественнаго значенія въ массѣ сельскаго населенія. Они лишились бы разомъ не только „своей монополизаціи въ землевладѣніи", какъ выражался Арсеньевъ, и почти даровой работы батраковъ, которыхъ ставили имъ вотчинныя конторы, но и значительной части своихъ земель, въ томъ числѣ даже пахотныхъ и удобренныхъ ими; сверхъ того, предполагалось возложить на нихъ же обязанность отпустить сѣмена на первый посѣвъ вновь образуемымъ хозяйствамъ, оказать имъ безплатную помощь при ихъ обстройкѣ и впредь, наравнѣ съ ними, отбывать рекрутскую повинность,

отъ которой они были избавлены. Словомъ, классъ крестьянъ-хозяевъ (въ прежнемъ смыслѣ) фактически упразднялся.

Помѣщикамъ также пришлось бы понести тяжелыя жертвы: подѣлиться съ крестьянами цѣлою половиною своихъ луговъ и дополнить ихъ надѣлы изъ своихъ запасныхъ залежей, обстроить на свой счетъ вновь образуемые дворы, снабдить ихъ рабочимъ скотомъ, дать имъ опредѣленную льготу въ повинностяхъ на устройство своего хозяйства и на обращеніе зарослей въ пашню. Все это владѣльцы и арендаторы обязывались исполнить въ три года, а для понужденія ихъ предполагалось въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ они не приступили бы немедленно къ обстройкѣ батраковъ, предоставить послѣднимъ право искать осѣдлости и надѣла на сторонѣ. Сборы подушные, почтовые и церковные (въ пользу пасторовъ) переводились съ крестьянъ на помѣщиковъ. За то, писалъ Арсеньевъ, въ будущемъ, по исполненіи всѣхъ исчисленныхъ одновременныхъ обязанностей, владѣльцы нашли бы громадное вознагражденіе въ увеличеніи общаго итога рабочихъ дней, которыми они стали бы располагать, что́ дало бы имъ возможность увеличить размѣры господскихъ запашекъ на цѣлую треть. По его расчетамъ, съ хозяина, владѣвшаго дворомъ въ $^1/_4$ гака (примѣрно 27 десят.) сходило, на основаніи Положенія, 246 дней конныхъ и 242 пѣшихъ; съ того же участка, по разбивкѣ его на три тягловыхъ надѣла, пришлось бы дней: конныхъ 342, пѣшихъ 438. Но выводъ, сдѣланный изъ этого расчета, былъ невѣренъ. Упущены были изъ виду слѣдующія существенныя обстоятельства. Во-первыхъ, по установившемуся порядку вещей, работа на барщинѣ исполнялась конечно нехотя и нерадиво, но полное число дней отбывалось безнедоимочно. Недоборовъ, собственно по издѣльной повинности, не было и могло не быть только потому, что помѣщикъ имѣлъ дѣло съ небольшимъ числомъ крупныхъ хозяевъ, которые, получая безземельныхъ батраковъ въ полное свое распоряженіе, отвѣчали предъ вотчинною конторою за выставку требуемыхъ на барщину людей въ полномъ комплектѣ. Этотъ издавна заведенный порядокъ долженъ былъ уничтожиться. Множество вновь образованныхъ дворовъ стали бы къ вотчинному управленію

въ прямыя, непосредственныя отношенія, и пришлось бы вести особый счетъ съ каждымъ изъ нихъ; между тѣмъ эти дворы далеко не имѣли бы въ своемъ распоряженіи тѣхъ рабочихъ силъ, которыми пользовались хозяева прежнихъ крупныхъ дворовъ, и можно было безошибочно предсказать, что, при этихъ условіяхъ, помѣщикъ не досчитался бы многихъ и многихъ рабочихъ дней противъ конторскаго наряда по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не досчитывались ихъ владѣльцы издѣльныхъ имѣній въ великорусскихъ губерніяхъ. Зная, какъ дорожило лифляндское дворянство прежнимъ порядкомъ вещей, именно ради этого сосредоточенія отвѣтственности на немногихъ, всегда исправныхъ хозяевахъ, Арсеньевъ включилъ въ свой проектъ слѣдующее предположеніе: по разбивкѣ крупнаго хозяйства на нѣсколько сравнительно мелкихъ дворовъ, бывшій прежде хозяинъ могъ бы оставаться, по отношенію къ отбыванію издѣльной повинности, какъ бы въ должности помѣщичьяго прикащика или старосты надъ всѣми къ тому гаку приписанными людьми и вести очередь выхода на барщину; но понятно, что такого рода полуотвѣтственность была бы совершенно фиктивна и никогда бы не перешла съ бумаги въ жизнь, или же она повела бы къ возстановленію на практикѣ прежнихъ отношеній полновластныхъ хозяевъ къ кабальнымъ батракамъ. Во-вторыхъ, еслибъ помѣщикъ захотѣлъ послѣдовать данному ему указанію и увеличить свой посѣвъ пропорціонально увеличенію числа рабочихъ дней, то онъ вдался бы въ добровольный обманъ; ибо, особенно послѣ уступки крестьянамъ половины своихъ луговъ, онъ не былъ бы въ состояніи поддержать свои поля на прежней степени производительности, и расширеніе хозяйства совершилось бы на счетъ интенсивной его силы.

Съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, выведенное выше увеличеніе числа рабочихъ дней нисколько Арсеньева не пугало. По его убѣжденію, они нашли бы болѣе чѣмъ достаточное вознагражденіе въ упраздненіи хлѣбнаго оброка, который онъ считалъ самою для нихъ тяжелою повинностью, и въ способѣ отбыванія барщины. Предполагалось всѣ полевыя работы, какъ-то: вывозку навоза, пахоту, боронбу, жнитво и пр., производить не поденно, а не иначе, какъ

сдѣльно. На каждое тягло отводился въ каждомъ изъ господскихъ полей особый участокъ, размѣръ котораго соотвѣтствовалъ двухдневной въ недѣлѣ повинности. По объявленіи наряда на ту или другую работу, каждый хозяинъ обязывался исполнить ее безъ перерыва въ установленный урочнымъ положеніемъ срокъ; но если онъ оканчивалъ ее ранѣе, то сбереженное время оставалось въ его пользу. Косьба и уборка сѣна также производились сдѣльно, по *гуртомъ*, то есть урокъ задавался всѣмъ крестьянамъ въ совокупности. Въ теченіе всего лѣтняго полугодія (отъ Егорьева до Михайлова дня) запрещалось наряжать крестьянъ на какія-либо иныя работы кромѣ полевыхъ. Въ зимнее полугодіе барщина отбывалась поденно; почти на всѣ работы, какъ-то на молотьбу, рубку дровъ, подводы и т. п., назначались уроки. Переводъ дней изъ зимняго полугодія въ лѣтнее и ночная молотьба (по общему въ Лифляндіи обычаю) строго воспрещались; нарядъ на работу на фабрики и заводы допускался только въ зимнее полугодіе и притомъ за денежную плату, назначенную въ размѣрѣ, по мѣстнымъ понятіямъ, довольно высокомъ. Барщина должна была отбываться ежедневно по установленной между тяглами очереди, но безъ отработки праздничныхъ дней. По соображеніямъ Арсеньева, отъ введенія сдѣльной барщины крестьяне выгадали бы треть времени, назначаемаго на полевыя работы въ самую дорогую пору; оттого (какъ онъ замѣчалъ) „счетъ днямъ *въ линейкахъ* выходилъ у него великъ, а на практикѣ оказался бы малъ", тогда какъ, по вакенбухамъ, обнаруживалось обратное отношеніе расчета на бумагѣ къ дѣйствительности.

Несмотря на всѣ неудобства и на радикальность изложеннаго проекта, онъ нашелъ сторонниковъ въ самой средѣ лифляндскаго дворянства. Въ одномъ изъ писемъ Арсеньева къ Кочубею мы читаемъ: „Дабы удостовѣрить въ возможности исполненія сего учрежденія, представляю при семъ планъ, по которому членъ Рижской коммиссіи капитанъ Штрикъ устроилъ три новыя тягла, въ прибавокъ къ существовавшимъ уже прежде у него тягламъ [1]). Онъ четверть-гакнера,

---

[1]) Этотъ Штрикъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ началъ у себя обза-

при мнѣ просившагося, чтобы отпустить его жить къ брату и позволить ему не быть хозяиномъ, отпустилъ и, по моей просьбѣ, тотчасъ раздѣлилъ его участокъ на 3 тягла, чѣмъ желалъ показать искреннее свое желаніе повиноваться ревностно волѣ Государя и сообразоваться видамъ правительства. Представляю также прошеніе другого члена коммиссіи, маіора Берга, о позволеніи завести тягла въ своемъ помѣстьѣ; письмо г. Криднера, члена Дерптской коммиссіи, коего сынъ находится также членомъ коммиссіи мнѣ ввѣренной; сей старикъ настаивалъ также на учрежденіи тяголъ, но изъ его описанія примѣтно, что онъ слишкомъ экономенъ, и желательно, чтобъ былъ не столько привѣрженъ къ полученію большого дохода и имѣлъ бы попеченіе сдѣлать людямъ подвластнымъ больше льготы. Рижскій магистратъ взялъ записку о тяглахъ, дабы, сообразясь, прислать ко мнѣ о томъ свое прошеніе. Ландратъ и рижскій оберъ - кирхенъ - форштеръ баронъ Унгернъ-Штернбергъ обѣщалъ прислать планъ о учрежденіи тяголъ, и многіе помѣщики говорили, что всѣ просить будутъ сего учрежденія, но удерживаются только тѣмъ, что боятся, дабы прочіе не говорили объ нихъ дурно. Все сіе есть доказательство возможности и удобности таковаго учрежденія, которое и по политическимъ резонамъ должно стараться установить, ибо сіе, сближая два народа, есть шагъ, чтобы слить ихъ воедино".—Эта послѣдняя мысль, отъ которой высшее правительство въ настоящее время, кажется, окончательно отреклось, въ началѣ вѣка, какъ видно, не чужда была даже второстепеннымъ дѣятелямъ. — „На ландтагѣ 1804 г. славный по Лифляндіи экономъ Криднеръ, Гинзель, графъ Минихъ, графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ и другіе предлагали потягольное надѣленіе батраковъ, и многіе дворяне къ нимъ пристали, но мудрецы захотѣли предварительно вывѣдать хитро намѣреніе правительства. Предложеніе было съ умысломъ выражено сбивчиво, не такъ, какъ

водить батраковъ хозяйствами и накладывать на нихъ тягла; такимъ образомъ обстроилась въ его имѣніи деревенька въ 10 дворовъ. По свидѣтельству Арсеньева, многіе собирались послѣдовать его примѣру, но остановились, думая, что это будетъ противно Положенію.

слѣдовало, и спутано съ вопросомъ о заведеніи новыхъ хозяйствъ, который и вышелъ безтолковъ".

Подлинными при дѣлахъ сохранившимися письмами и выписками, на которыя ссылался Арсеньевъ, вполнѣ подтверждается все, что онъ писалъ; тѣмъ не менѣе, нельзя придавать доходившимъ до него заявленіямъ сочувствія и готовности послѣдовать его совѣтамъ слишкомъ большаго значенія. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, вѣроятно, просто выслуживались предъ нимъ и угождали ему; другіе, въ томъ числѣ самые отчаянные крѣпостники, хватались за русскіе порядки единственно въ надеждѣ укрыться за ними отъ преобразовательныхъ начинаній правительства. Такъ, напримѣръ, упомянутый ландратъ Криднеръ рисовалъ себѣ идеальное русское селеніе въ слѣдующихъ чертахъ: „Каждая чета отбываетъ въ годъ по три дня мужскихъ конныхъ и по три женскихъ; на жнитво наряжаются всѣ поголовно; сверхъ того, взимается еще хлѣбный оброкъ по $1^1/_2$ четверика съ души; на каждую прибылую чету налагается новое тягло, *а дополнительнаго отвода земли не дѣлается*—надѣлъ на все общество остается неизмѣннымъ".

Самъ Арсеньевъ хотя и увлекался собственными мыслями, но не вдавался въ обманъ и высматривалъ побужденія. Окончательное его сужденіе о настроеніи дворянства выразилось въ слѣдующихъ словахъ: „Послѣ вопроса о кнехтахъ, всѣ здѣшніе помѣщики тотчасъ мѣняютъ тонъ и говорятъ, что они желали бы установленія тяголъ—говорятъ, но лгутъ. Только я увѣренъ въ томъ, что если правительство повелитъ ввести тягла, они будутъ молчать, хвалить при Русскихъ, лукавить, но исполнятъ. Всѣ служившіе въ арміи первые образумятся, ибо уже иные зачали по одному убѣжденію моему. Сіи дѣйствительно преданы Россіи, но угнетены; нужно на нихъ воззрѣніе правительства".

Проектъ Арсеньева въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его представилъ правительству, очевидно не могъ быть принятъ; но, помимо слишкомъ радикальныхъ предположеній, онъ содержалъ въ себѣ вѣрную и ясную діагностику коренной болѣзни лифляндскаго земства, требовавшей немедленной помощи. Оставалось изыскать другую систему законодатель-

наго врачеванія и примѣнить ее, не теряя времени, ибо, съ одной стороны, изслѣдованные Арсеньевымъ размѣры соціальнаго недуга не допускали надежды, чтобъ общественный организмъ какъ-нибудь справился съ нимъ собственными силами; съ другой, минута представлялась особенно благопріятною въ томъ отношеніи, что лифляндское дворянство находилось въ состояніи напряженнаго ожиданія и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, казалось подготовленнымъ къ пожертвованіямъ и преобразованіямъ, признаннымъ неизбѣжными. Воспользоваться этими условіями было дѣломъ высшаго правительства.

Арсеньевъ самъ отпросился въ Петербургъ отстаивать въ Комитетѣ свой проектъ. Всѣ въ Лифляндіи это знали; исполнительная операція на время почти пріостановилась; дворянство съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило издали за ходомъ дѣла, ловило долетавшіе слухи и ожидало рѣшенія. Въ какой мѣрѣ Петербургскій Комитетъ въ этомъ случаѣ исполнилъ свое призваніе, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго его журнала 6 Сентября 1805 года.

„По бытности здѣсь въ С. Петербургѣ рижской ревизіонной коммиссіи предсѣдателя д. с. с. Арсеньева, приглашенъ былъ и онъ для объясненія по дѣламъ оной коммиссіи. Читаны были представленія онаго г. предсѣдателя Арсеньева отъ 7, 12, 22 и 26-го августа сего года, которыми онъ доносилъ, что, при исправленіи дѣлъ порученной ему коммиссіи, принужденъ онъ былъ входить во всѣ подробности лифляндскаго хозяйства и посему, соображая состояніе крестьянъ съ Высочайше изданнымъ Положеніемъ о крестьянахъ и инструкціею, данною ревизіоннымъ коммиссіямъ, нашелъ великое различіе между состояніемъ крестьянъ-работниковъ и крестьянъ-хозяевъ, ибо послѣднимъ изъ нихъ не токмо дана земля, но оная даже § 41-мъ за ними укрѣплена въ потомственное и наслѣдственное владѣніе, первымъ же, напротивъ, земли не дано и повинности ихъ не опредѣлены. А хотя § 18-мъ Высочайше утвержденнаго Положенія о крестьянахъ и возложено на ревизіонныя коммиссіи, по отношеніямъ работниковъ съ хозяевами, учинить назначеніе и опредѣленіе работникамъ на содержаніе ихъ денежной платы и одежды или земли, но, при обревизированіи кирхшпилей въ вѣдомствѣ

рижской ревизіоной коммиссіи, оказалось, что по большей части у помѣщиковъ крестьянамъ-работникамъ земли не дано и производится имъ отъ хозяевъ содержаніе весьма недостаточное и нимало не соотвѣтствующее съ возлагаемыми на нихъ повинностями, отчего состояніе ихъ не токмо не поправилось, но даже, по мѣрѣ сдѣланнаго крестьянамъ-хозяевамъ поправленія и улучшенія въ ихъ состояніи, содѣлалось тягостнѣе прежняго. Сего ради полагая, что изображенное въ докладѣ Высочайше учрежденнаго Комитета правило третье, которымъ, по собственному желанію всего дворянства, постановлено: „a) признать политическое состояніе крестьянъ; b) утвердить имъ благопріобрѣтенную ими собственность и c) оградить ихъ отъ притѣсненій чрезъ опредѣленіе повинностей ихъ“, относится равномѣрно до всѣхъ крестьянъ, какъ хозяевъ такъ и работниковъ, считаетъ онъ, Арсеньевъ, за необходимость сдѣлать и симъ работникамъ нужное уравненіе въ повинностяхъ ихъ съ доставляемыми имъ выгодами. При всемъ томъ, считая обстоятельство сіе слишкомъ важнымъ, чтобъ предоставить разрѣшеніе онаго ревизіонной коммиссіи, испрашиваетъ по сему предмету отъ Высочайше учрежденнаго Комитета точнаго постановленія съ тѣмъ, что неблагоугодно ли будетъ таковое же предписаніе дать и всѣмъ прочимъ коммиссіямъ о надѣленіи работниковъ землею и опредѣленіи въ точности повинностей ихъ, соразмѣрно выгодамъ имъ доставляемымъ. Сіе предложеніе подкрѣпляетъ онъ разными доводами и, между прочимъ, показываетъ, что и самые дворяне или помѣщики лифляндскіе таковаго постановленія желаютъ. Вслѣдствіе сего предсѣдатель рижской ревизіонной коммиссіи предлагаетъ разныя средства ко введенію тягловаго надѣла вообще во всей Лифляндіи.

„Комитетъ, разсмотрѣвъ представленія сіи, разсуждалъ, что неудобно было бы новыми какими либо постановленіями отступать отъ тѣхъ Положеній, кои, бывъ Высочайше утверждены, не успѣли еще и приведены быть въ дѣйство; что введеніе тяголъ, соотвѣтственно предположенію предсѣдателя рижской коммиссіи, составило бы существенную въ оныхъ перемѣну и отстало бы отъ правилъ, на коихъ лифляндское сельское хозяйство основано, тогда какъ основаніе всѣхъ по-

становленій, нынѣ въ Лифляндіи вводимыхъ, было то, чтобы, придерживаясь оныхъ, исправить только вкравшіяся злоупотребленія; *что Положеніе, для крестьянъ изданное, отнюдь не полагалось самымъ лучшимъ, какое быть могло*, но только клонящимся къ уничтоженію неопредѣлительности разныхъ повинностей и къ улучшенію, по возможности, *на первый такъ сказать случай*, состоянія крестьянъ; что такимъ образомъ, обращаясь къ представленіямъ предсѣдателя рижской ревизіонной коммиссіи, облегченіе сіе именно и для такъ именуемыхъ кнехтовъ Положеніемъ симъ было предвидѣно и утверждено, ибо § 18-мъ опредѣлено: „Отношенія между женатыми работниками и хозяевами, т. е. назначеніе на содержаніе ихъ денежной платы и одежды или земли, согласно съ мѣстными обыкновеніями каждой мызы, будутъ разсмотрѣны и опредѣлены ревизіонными коммиссіями, дабы и сему состоянію крестьянъ доставить надежное и достаточное пропитаніе“. А изъ сего и явствуетъ, что какъ по мѣстному положенію разныхъ владѣній и по многосложности хозяйствъ и обычаевъ не можно было дать общихъ, опредѣлительныхъ правилъ, то и предоставлено ревизіоннымъ коммиссіямъ, безъ всякаго ограниченія, входить, при ревизіи, въ состояніе кнехтовъ и, соотвѣтственно положенію ихъ на каждой мызѣ, назначать имъ достаточное вознагражденіе за труды ихъ отводомъ земли или денежною платою, смотря по обстоятельствамъ, какъ гдѣ сіе удобнѣе и съ обыкновеніями мѣстными сообразнѣе быть можетъ; ибо, какъ и выше было упомянуто, Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ *имѣло цѣлью единственно уничтоженіе только злоупотребленій*, а не введеніе чего-либо совершенно новаго, почему и коммиссіи, на семъ основаніи и по силѣ вышесказаннаго § 18-го, всегда могутъ обратить вниманіе свое, дабы состояніе кнехтовъ, *не перемѣняясь въ существѣ своемъ*, было улучшено; что наконецъ желательно бы было, дабы коммиссіи имѣли только въ виду привести къ окончанію Высочайше утвержденное Положеніе, тѣмъ паче, что, по довершеніи на нихъ возложеннаго, могутъ онѣ представить виды свои о недостаткахъ, которые онѣ могли замѣтить въ изданномъ Положеніи и что отъ правительства всегда зависѣть будетъ сдѣлать въ немъ надлежащія дополненія, если оно то нужнымъ или удобнымъ признаетъ.

„По симъ причинамъ Комитетъ полагаетъ, поставивъ вышеупомянутую 18 статью Положенія о крестьянахъ въ виду д. с. с. Арсеньеву, поручить ему, на основаніи оной, въ разсужденіи кнехтовъ руководствоваться, не допуская впрочемъ никакой отмѣны въ Положеніи Высочайше утвержденномъ. Что касается до требованія, сдѣланнаго ему отъ помѣщика Берга, можно ли ему за излишествомъ земли надѣлять крестьянъ-работниковъ своихъ землею на подобіе тяголъ, то какъ въ положеніи семъ не только нѣтъ ничего противнаго изданнымъ въ разсужденіи Лифляндіи постановленіямъ и какъ, напротивъ, существенная польза быть можетъ отъ таковаго хозяевъ умноженія, то, извѣстивъ его о таковомъ Комитета заключеніи, поручить только къ наблюденію, *дабы таковое распоряженіе никогда не могло клониться къ притѣсненію нынѣ существующихъ хозяевъ* и было только тамъ допускаемо, гдѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ у г. Берга, есть излишняя земля".

Итакъ, Комитетъ, говоря его словами „на первый такъ сказать случай", ничего не сдѣлалъ; втораго же случая исправить эту ошибку не представилось и не могло представиться. Онъ какъ будто не понялъ или не захотѣлъ понять, что дѣло шло не о пожалованіи батракамъ нѣсколько лишнихъ пудовъ хлѣба и паръ лаптей, а объ освобожденіи ихъ изъ безвыходной кабалы, и что изданіемъ Положенія о содержаніи батраковъ хозяевами, о размѣрѣ вознагражденія батракамъ отъ хозяевъ, даже объ отводѣ батракамъ клочковъ земли изъ хозяйскихъ подворныхъ надѣловъ, вопросъ этотъ нисколько не подвигался къ разрѣшенію; что этимъ кабала не упразднялась, хотя бы на условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи болѣе сносныхъ для закабаленныхъ. Словомъ, вопросъ былъ похороненъ. Послѣдствія этого капитальнаго законодательнаго упущенія отзываются по сю пору и, вѣроятно, еще громче отзовутся въ будущемъ.

Сообщая Арсеньеву копію съ комитетскаго журнала, графъ Кочубей писалъ ему: „Вы изъ онаго усмотрѣть изволите, что Комитетъ, входя въ разсмотрѣніе сдѣланнаго вами представленія о состояніи работниковъ или кнехтовъ, призналъ, что по силѣ изданнаго Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ состояніе людей сихъ можетъ быть улучшено, поколику сіе

возможно, не отступая совершенно отъ правилъ, на коихъ работники въ экономіи лифляндской по сіе время находились. Сообщая в. пр-ву о сихъ положеніяхъ Комитета, я обязанностію имѣю поручить вамъ о точномъ сообразованіи съ оными поведенія вашего".

Крушеніе проекта, на который Арсеньевъ возлагалъ столько надеждъ и къ которому онъ такъ всецѣло пристрастился, конечно глубоко огорчило его, но не охладило его усердія. Онъ сдѣлалъ что̀ могъ, послѣдовалъ указанію Комитета и, на основаніи ст. 18 Положенія, составилъ цѣлый уставъ о содержаніи батраковъ, который былъ имъ введенъ въ Рижскомъ уѣздѣ и, вслѣдъ затѣмъ, былъ принятъ почти во всѣхъ подробностяхъ предсѣдателями прочихъ коммиссій. Этотъ уставъ приспособленъ былъ къ многоземельнымъ и къ тѣмъ исключительнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ, по совершенному недостатку въ землѣ, не было иного способа вознаграждать батраковъ, какъ деньгами.

Въ мѣстностяхъ перваго рода, составлявшихъ бо̀льшую часть уѣзда, вмѣнялось въ обязанность каждому крестьянину-хозяину отвести каждому женатому батраку своему, изъ своего надѣла, по $^2/_3$ десятины пахатной земли и по $^1/_3$ дес. залежи въ полѣ, сверхъ того дѣлянку въ огородѣ и хмѣльникѣ, по мѣстному обычаю; довольствовать его и всю его семью приваркомъ и содержать на хозяйскомъ корму одну батрацкую лошадь и до 5 овецъ. Въ теченіе лѣтняго полугодія батракъ обязывался работать ежемѣсячно двѣ недѣли на хозяина или отбывалъ за него барщину на собственной своей лошади, но хозяйскими орудіями, а двѣ недѣли работалъ на себя; въ зимнее полугодіе изъ четырехъ недѣль три отдавались хозяину, одна оставлялась батраку, а жена его черезъ недѣлю работала на хозяина. Хозяинъ уплачивалъ за батрака подати, но не давалъ ему ни хлѣба, ни одежды, ни денежнаго жалованья. Холостой батракъ проживалъ на хозяйскихъ харчахъ и на хозяйской одеждѣ; сверхъ того ему отводились въ озимомъ полѣ $^1/_6$ дес., въ яровомъ $^1/_9$ и отпускался кормъ на одну корову. Дѣвка также получала харчи, одежду и могла держать на хозяйскомъ корму одну корову и пару овецъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ не оказывалось возможнымъ возна-

раждать батраковъ отводомъ земли изъ хозяйскихъ участковъ, всѣмъ имъ, не исключая женатыхъ, полагались отъ хозяина, харчи, одежда, кормъ на коровъ и жалованье: батраку не менѣе 4-хъ талеровъ въ годъ, женѣ его не менѣе 2-хъ, дѣвкѣ не менѣе 1 талера

Крестьянскому суду, которому поручалось распредѣленіе батраковъ по хозяйскимъ дворамъ, вмѣнялось въ обязанность ставить ихъ по возможности цѣлыми семьями, безъ раздробленія и не разлучая родителей съ дѣтьми. Сверхъ многихъ другихъ правилъ, имѣвшихъ цѣлью оградить батраковъ отъ притѣсненій, было введено одно совершенно новое: послѣ трехъ поданныхъ на хозяина и, по произведеннымъ дознаніямъ, подтвердившихся жалобъ на дурное обращеніе и обиды, батракъ, подавшій жалобы, могъ требовать перевода къ другому хозяину, а хозяинъ, признанный виновнымъ, лишался навсегда права требовать помѣщенія къ нему батраковъ безъ собственнаго ихъ на то согласія.

Это положеніе, по нашимъ понятіямъ, все-таки крайне недостаточное, а по лифляндскимъ понятіямъ того времени — слишкомъ льготное и роскошное, зачтено было Арсеньеву Петербургскимъ Комитетомъ въ великую заслугу, которою онъ самъ не безъ основанія хвалился, какъ важною одержанною побѣдою и какъ первымъ приступомъ къ улучшенію нищенскаго быта кабальныхъ батраковъ.

Между тѣмъ, изготовленіе новыхъ вакенбуховъ Рижскою комиссіею подходило къ концу и предварительное ихъ разсмотрѣніе навело Арсеньева на новые вопросы и предположенія.

Нарядъ крестьянъ на винокуренные заводы изъ барщины считался всегда одною изъ самыхъ обременительныхъ и ненавистныхъ для нихъ работъ, по множеству взысканій, которымъ они при производствѣ ея подвергались за разнаго рода упущенія. Арсеньевъ замѣчалъ, „что, гдѣ производится винная сидка барщиною, тамъ крестьяне голы; помѣщики имъ же продаютъ труды ихъ и получаютъ барышъ отъ ихъ разоренія“. Пунктомъ 1-мъ § 66-го Положенія 1804 г. было постановлено: „Хотя въ числѣ работъ, принадлежащихъ къ лифляндскому сельскому хозяйству, на исправленіе которыхъ помѣщикъ употреблять можетъ присылаемыхъ ему отъ земли

работниковъ, заключается и винокуреніе; но какъ примѣчено, что, при употребленіи помѣщиками незнающихъ и къ сему дѣлу непривыкшихъ работниковъ, подвергаются сіи напраснымъ взысканіямъ и наказаніямъ, то, во избѣжаніе онаго, полагается, чтобы впредь помѣщики употребляли на винокурняхъ своихъ выученныхъ винокуровъ (ausgelernte Brenner)". Далѣе, въ приложенной къ Положенію формѣ вѣдомости о вспомогательныхъ работахъ, значилось: „Если винокуреніе производится вспомогательною работою, то означать какимъ образомъ оно происходитъ и какъ расположена возка дровъ и хлѣба". Основываясь на этихъ текстахъ и на другихъ соображеніяхъ о свойствѣ заводскихъ работъ, хорошо ему знакомыхъ, Арсеньевъ, при повѣркѣ вакенбуховъ, допускалъ употребленіе барщины только для подвозки дровъ и муки и требовалъ, чтобы прочія, внутреннія работы, собственно по выкуркѣ вина, производились по вольной рядѣ спеціалистами этого дѣла, разумѣя подъ употребленнымъ въ законѣ названіемъ *винокуровъ* всѣхъ рабочихъ, обязанныхъ затирать муку, класть закваску, держать огонь, не прибавляя и не убавляя черезъ мѣру жара и т. д., а не однихъ такъ называемыхъ *мастеровъ*, какъ толковали законъ въ Лифляндіи. Въ подкрѣпленіе своего объясненія, онъ между прочимъ указывалъ и на статью, воспрещавшую наряжать барщину на ночныя работы. Арсеньевъ былъ совершенно правъ въ существѣ и, кажется, вѣрно понималъ мысль законодателя; но буква закона не вполнѣ ясно выражала ее. Наученные ландратомъ Буденброкомъ и подстрекаемые своими собратьями, мѣстными помѣщиками, которымъ не хотѣлось разставаться съ прибыльною барщиною, члены Рижской коммиссіи прямо отъ себя обратились въ Петербургскій Комитетъ съ пространнымъ и на видъ толковымъ протестомъ противъ своего предсѣдателя. Графъ Кочубей принялъ ихъ сторону, и Арсеньевъ долженъ былъ оправдываться. На обвиненіе, противъ него предъявленное и поддержанное письмами ландратовъ Буденброка и Герсдорфа, онъ отвѣчалъ болѣе чѣмъ рѣзко, не пощадилъ на сей разъ и графа Кочубея, требуя отъ него категорическаго отвѣта, и, наконецъ, настоялъ на своемъ. Въ засѣданіи Комитета 25 января 1806 года, на которое приглашены были предсѣдатели всѣхъ ком-

миссій и два ландрата, Сиверсъ и Пистолькорсъ, было постановлено: не наряжать изъ барщины крестьянъ ни на какія заводскія работы, требующія спеціальнаго знанія и опытности, какъ-то: на заторъ, закваску и винную сидку; на прочія простыя работы, въ которыхъ отъ незнанія не можетъ причиниться хозяину вреда, употреблять крестьянъ изъ барщины только днемъ, ночью же не иначе, какъ съ ихъ на то согласія и за особую плату.

Другой вопросъ, возбужденный Арсеньевымъ, касался одного изъ самыхъ неопредѣленныхъ видовъ женской повинности, именно льняной пряжи. По Положенію, она допускалась въ двоякой формѣ: поденной барщины и натуральнаго оброка. Въ первомъ случаѣ каждой женщинѣ отпускалось извѣстное количество льна, которое она въ опредѣленное число дней (по 6 на фунтъ) обязана была выпрясть; три фунта (18 дней) зачитывались въ 54 гроша, слѣдовательно день въ 3 гроша. Во второмъ случаѣ она приносила извѣстное число талекъ, выпряденныхъ изъ собственнаго льна, которыя зачитались ей по опредѣленной въ табели цѣнѣ (за $1^1/_2$ фунта 9 грошей), при чемъ рабочій день обходился въ 1 грошъ, а матеріалъ вовсе въ цѣну не полагался. Помѣщики по понятной причинѣ отдавали вообще предпочтеніе второй формѣ и, при составленіи вакенбуховъ, часто перекладывали рабочіе дни въ оброкъ. Арсеньевъ, прислушавшись къ жалобамъ крестьянъ, обстоятельно изслѣдовалъ оба вида и пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ случаѣ оброкъ обходился крестьянамъ въ 24 раза дороже издѣльной повинности, иначе: они теряли на первомъ стоимость $16^1/_2$ пѣшихъ дней. Онъ настаивалъ, чтобъ оброкъ нитками былъ вовсе отмѣненъ, и дѣло восходило до Комитета, который въ томъ же засѣданіи 25 января 1806 года рѣшилъ вопросъ на половину въ смыслѣ его представленія, т. е. запретилъ переложеніе издѣльной повинности въ оброкъ, но не рѣшился упразднить послѣдняго тамъ, гдѣ онъ значился въ ревизіонныхъ вакенбухахъ. Арсеньевъ однако этимъ не удовольствовался и, уступая его настояніямъ, графъ Кочубей разрѣшилъ ему вновь обсудить этотъ вопросъ въ Рижской коммиссіи, пригласивъ въ нее ландратовъ Гердорфа и Буденброка. Они долго спорили, но, наконецъ, должны были усту-

пить доводамъ предсѣдателя. Состоялось постановленіе: опрашивать самихъ крестьянъ и въ случаѣ изъявленія ими желанія, чтобъ натуральный оброкъ пряжею замѣненъ былъ соотвѣтственнымъ числомъ рабочихъ дней на тотъ же предметъ, составлять вакенбухъ по ихъ приговору. Это постановленіе, утвержденное министромъ въ исходѣ того же 1805 г., было сообщено къ руководству предсѣдателямъ прочихъ коммиссій. Арсеньевъ считалъ его равносильнымъ фактической отмѣнѣ оброка.

Третій вопросъ касался употребленія издѣльной повинности. Мы видѣли, что такъ называемая вспомогательная барщина, изстари считавшаяся особенно обременительною по ея неопредѣленности, новыми правилами была приведена въ законную мѣру; опредѣленъ былъ, во-первыхъ, maximum числа вспомогательныхъ дней по отношенію къ общей суммѣ всѣхъ повинностей, лежавшихъ на дворѣ; во-вторыхъ, было вмѣнено въ обязанность означать въ вакенбухахъ распредѣленіе этихъ дней по временамъ года и, въ-третьихъ, самый видъ работъ, на исполненіе которыхъ они предназначались [1]). Только первыя два требованія примѣнялись и къ барщинѣ ординарной или очередной; третье къ ней не относилось и вслѣдствіе этого, по свидѣтельству Арсеньева, прежняя неопредѣленность перешла въ этотъ видъ издѣльной повинности. Онъ заявлялъ, что это давало возможность помѣщикамъ наряжать крестьянъ на работы для нихъ необязательныя, какъ-то на фабрики и заводы, и вообще замѣнять прежнія, сравнительно легкія и знакомыя имъ работы болѣе тяжелыми и несвойственными имъ. Въ видахъ устраненія всякихъ по этой части злоупотребленій, ему казалось необходимымъ дополнить вакенбухи точнымъ опредѣленіемъ всѣхъ видовъ ординарной барщины, *по роду работъ, на которыя она предназначалась, и по времени ихъ исполненія*; но, встрѣтивъ со стороны членовъ Рижской коммиссіи упорное сопротивленіе, вынужденъ былъ обратиться

---

[1]) Сверхъ того журналомъ Комитета 23 октября 1803 г. было постановлено: въ вакенбухахъ, при расписаніи вспомогательныхъ работъ всѣхъ наименованій, означать время, то есть мѣсяцъ *и число*, когда онѣ должны быть производимы. Но въ текстѣ самаго Положенія мы не находимъ соотвѣтствующей статьи. Въ § 64-мъ требуется только означеніе времени года.

въ Комитетъ. Онъ писалъ между прочимъ: „Въ семъ обстоятельствѣ кроется тайна притѣсненія крестьянъ и возмущеній при раздачѣ вакенбуховъ. Дѣло въ томъ, что, пока сіи обыкновенныя работы не будутъ опредѣлены, существовавшія притѣсненія останутся во всей ихъ силѣ; крестьянъ поддразнятъ, что они новымъ учрежденіемъ ничего не выиграли, а они взволнуются, откажутся работать, явятся войска усмирять ихъ, опять перетолкуютъ, что они должны все то дѣлать что́ велитъ помѣщикъ, и состояніе ихъ сдѣлается хуже прежняго; отсюда новые бунты; придется держать въ Лифляндіи армію для поддержки помѣщичьяго тиранства какъ во времена Альбертовы бывало". Графъ Кочубей, повидимому, не вникъ въ вопросъ возбужденный Арсеньевымъ, и не отдалъ себѣ яснаго отчета въ стѣснительности его предложенія для помѣщиковъ [1]). Онъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно: „Имѣю честь объявить вамъ, что, какъ въ 4-мъ § Высочайше утвержденнаго для крестьянъ лифляндской губерніи Положенія точными словами изображено, „*что крестьянинъ безъ собственнаго его согласія не можетъ быть отдѣленъ отъ земли помѣстья*, къ которому онъ приписанъ, ни *употребленъ на работы, не принадлежащія* къ лифляндскому *сельскому хозяйству*, кромѣ работъ общественныхъ и государственной службы или рекрутской повинности, а 2-мъ и 3-мъ пунктами Высочайше конфирмованнаго доклада Комитета лифляндскихъ дѣлъ повелѣно не оставлять ничего неопредѣлительнаго во всѣхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ означеніемъ повинностей ихъ, почему и нахожу, *что и обыкновенныя работы*, по силѣ 28-го § инструкціи, *имѣютъ быть опредѣлены въ росписаніяхъ разнаго рода повинностей*, дабы помѣщики не могли таковою неопредѣлительностію воспользоваться къ утѣсненію крестьянъ, употребляя ихъ произвольно на работы, не принадлежащія къ сельскому хозяйству, какъ напримѣръ г. Бланкенгагенъ. Буде же у помѣщика, для присылаемыхъ отъ земли работниковъ, не будетъ доставать работъ принадлежащихъ къ сельскому хозяйству, то онъ, для полученія опредѣляемаго ему за землю платы, долженъ учинить

---

[1]) Впрочемъ, и весь Комитетъ какъ-то странно смотрѣлъ на этотъ вопросъ, какъ видно изъ упомянутаго журнала.

съ крестьянами добровольное условіе по содержанію § 6-го Положенія". Арсеньевъ понялъ прописанный отвѣтъ въ смыслѣ полнаго одобренія его предположенія. Это былъ послѣдній его успѣхъ въ Лифляндіи и вмѣстѣ главный поводъ къ его паденію.

Устраненіе Комитетомъ его проекта потягольнаго передѣла крестьянскихъ земель, о которомъ такъ много говорилось въ помѣщичьихъ кругахъ, не могло остаться безъ рѣшительнаго вліянія на личный авторитетъ автора этого проекта. Кредитъ Арсеньева въ Остзейскомъ краѣ значительно упалъ и это обстоятельство естественно отозвалось на его отношеніяхъ къ членамъ коммиссіи, въ которой онъ предсѣдательствовалъ. Прежде онъ отзывался объ нихъ съ похвалою, рекомендовалъ ихъ правительству, какъ „обрусѣвшихъ въ армейской службѣ дворянъ, честно служившихъ на войнѣ, нынѣ съ таковою же ревностью отправлявшихъ должность на нихъ возложенную" и, какъ онъ выражался, „работавшихъ до истощенія силъ"; не разъ испрашивалъ для нихъ наградъ и почти всегда находилъ въ нихъ добросовѣстную поддержку, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать наперекоръ интересамъ всемогущаго дворянства.

Въ исходѣ 1805 года взаимныя отношенія совершенно измѣнились. Вотъ что́ онъ по этому поводу писалъ графу Кочубею: „По возвращеніи моемъ въ Ригу, нашелъ въ членахъ коммиссіи великую перемѣну; имѣвъ прежде причину хвалиться ихъ безпристрастіемъ, увидѣлъ совсѣмъ противное, и многія начали доходить до меня жалобы; скоро изъ рѣчей ихъ убѣдиться могъ, что причиною сему есть ландратъ Буденброкъ, который, выдавая себя за нѣчто важное и, яко членъ Комитета, толкуя все на свой ладъ, сбиваетъ всѣхъ съ надлежащаго пути; онъ, будучи главною причиною всему тому, что́ въ учрежденіе о крестьянахъ введено цѣли правительства противнаго и всѣмъ запутанностямъ и двоесмысліямъ въ оное вкравшимся, теперь не токмо не довольствуется сбивать съ толку членовъ коммиссіи, но уже и письменно рѣшенія свои объявляетъ, какъ ваше сіятельство усмотрите изъ его бумаги, членами коммиссіи къ вамъ посланной. Изъ сего уже само собою явствуетъ, что онъ ихъ возбудилъ и сію бумагу написать и поднять родъ возстанія противу начальнику, ибо ва-

шему сіятельству извѣстно, что нигдѣ члены безъ президента къ высшему начальству относиться не могутъ, а надлежало, въ собраніи коммиссіи сдѣлавъ о семъ опредѣленіе, представить вамъ, какъ я и предлагалъ имъ. Какія изъ сего поступка выйдутъ послѣдствія, оставляю на осужденіе вашего сіятельства и притомъ прошу нижайше дать членамъ почувствовать неправильность ихъ поступка, а ландрата Буденброка унять въ напыщенномъ его поведеніи и чтобъ онъ въ дѣла коммиссіи и толки входить не дерзалъ, членовъ коммиссіи изъ должнаго повиновенія не выводилъ и не смѣлъ бы выдавать себя за нѣчто значущее и за могущаго дѣлать предписанія въ дѣлѣ, въ которомъ вы сами поступаете съ толикою осторожностію. Безъ сего присутствіе мое здѣсь будетъ излишне, и я возложенной на меня должности отправить не могу съ тѣмъ успѣхомъ и честностію, каковыя начальство отъ меня ожидать имѣетъ право".

Не ограничиваясь глухою агитаціею въ средѣ коммиссіи и не переставая при этомъ быть членомъ Петербургскаго Комитета, ландратъ Буденброкъ придумалъ манифестацію въ размѣрахъ болѣе широкихъ. Онъ началъ громко проповѣдовать, что содержаніе коммиссій разоряетъ край, а председатели ихъ, дорожа своимъ жалованьемъ, не только не спѣшатъ окончаніемъ возложеннаго на нихъ дѣла, а, напротивъ, умышленно затягиваютъ его, возбуждая на каждомъ шагу новые, совершенно неосновательные и въ то же время раздражительные вопросы—послѣдній упрекъ направленъ былъ спеціально противъ Арсеньева. Настроивъ свою публику, неугомонный ландратъ сталъ записывать голоса недовольныхъ, намѣревавшихся отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ обязательномъ сборѣ на содержаніе коммиссіи, и привлекъ на свою сторону одного изъ членовъ рижской коммиссіи. Дѣло дошло до того, что прекратили отпускъ жалованья состоявшимъ при ней канцелярскимъ служителямъ. Одновременно въ кругу мѣстнаго дворянства началось своего рода нравственное гоненіе на немногихъ помѣщиковъ, оказывавшихъ Арсеньеву какое либо содѣйствіе. Онъ писалъ въ Петербургъ: „Бѣднаго оберъ-кирхенъ-форштеера барона Унгернъ-Штернберга со свѣта гонятъ за то, что онъ вашему сіятельству доставилъ проектъ о тяг-

лахъ и за добросердечное его содѣйствіе всему, до коммиссіи касающемуся, и даже строили ковы, чтобъ его, если можно, изъ оберъ-кирхенъ-форштееровъ выгнать, ибо неблагомѣренная партія владычествуетъ въ ландратской коллегіи, и пока оная не уничтожится, то ни повиновенія начальству, ни конца притѣсненію благонамѣренныхъ дворянъ ожидать не можно, поелику въ оной гнѣздо и закваска всѣхъ неустройствъ, какъ ваше сіятельство довольно сами знать изволите. Ландратъ Герсдорфъ, о коемъ всѣ здѣсь думаютъ, что онъ у васъ въ великомъ кредитѣ и въ столицѣ многомощный человѣкъ, посланъ опять въ Петербургъ кричать, что все дворянство погибло, экономія пропала, что я ихъ притѣсняю, лгать сколько возможно и нѣсколько поклеветать, коли удастся. Но я не намѣренъ смотрѣть на всѣ сіи происки, а исполнять съ твердостью то, что̀ совѣсть, долгъ, законъ и честь правительства требуютъ, и ни подъ какимъ видомъ Русскаго предъ Лифляндцемъ не унижу, народъ, для выгодъ ихъ, не подвигну къ бунту притѣсненіемъ несчастныхъ, заставя гордость баръ вольно или нехотя повиноваться предписанному закономъ, ибо, узнавъ васъ, уже сихъ низостей не боюсь".

Рѣшительное и послѣднее столкновеніе, въ которомъ приняли участіе не одни уже члены рижской коммиссіи, но и вся губернская администрація, произошло по поводу вопроса объ очередной барщинѣ. Получивъ приведенный выше отвѣтъ на свое представленіе, Арсеньевъ обратился въ губернское правленіе съ просьбою отобрать отъ всѣхъ помѣщиковъ рижскаго уѣзда точныя свѣдѣнія о томъ, на какіе именно наряды и въ какое время года каждый изъ нихъ предполагалъ употреблять выставляемыхъ ему работниковъ. Онъ избралъ этотъ путь съ тою цѣлью, чтобъ избѣгнуть вторичнаго объѣзда всѣхъ имѣній для собранія свѣдѣній и избавить помѣщиковъ отъ необходимости еще разъ содержать коммиссію въ своихъ вотчинахъ. Правленіе отвѣтило, что наряды не поддаются предуставленной регламентаціи по ихъ разнообразію, по ихъ измѣнчивости и что помѣщики признаютъ за собою право распоряжаться барщиною по своему усмотрѣнію, ничѣмъ не стѣсняясь. Арсеньевъ повторилъ свое требованіе. Правленіе, вѣроятно не безъ разсчета, выждало пока въ Ригѣ открылось общее собраніе помѣ-

щиковъ рижскаго уѣзда и тогда только передало отношеніе Арсеньева въ ландратскую коллегію, которая, въ свою очередь, ограничилась препровожденіемъ отзыва упомянутаго собранія. Оно отказывалось отъ доставленія требуемыхъ свѣдѣній, находя это невозможнымъ, ненужнымъ, противнымъ Положенію, и присовокупляло, что ландратъ Сиверсъ (который въ этомъ вопросѣ рѣшительно расходился съ Арсеньевымъ) получилъ уже довѣренность отъ имени уѣздныхъ помѣщиковъ на поѣздку въ Петербургъ для подачи высшему правительству жалобы на Арсеньева и исходатайствованія отмѣны его распоряженій. Туда же и съ тою же цѣлью поскакалъ изъ Риги и ландратъ Герсдорфъ. Одновременно лифляндскій губернаторъ Рихтеръ, въ личное свое извиненіе, доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ не въ состояніи былъ отвратить незаконнаго постановленія уѣзднаго дворянскаго собранія, въ которомъ выразилось справедливое, по его мнѣнію, негодованіе мѣстныхъ владѣльцевъ. Они, свидѣтельствовалъ губернаторъ, желали только одного: скорѣйшаго приведенія въ исполненіе Высочайшей воли раздачею вакенбуховъ, что̀ уже было сдѣлано или приводилось къ концу во всѣхъ уѣздахъ кромѣ рижскаго, гдѣ одинъ предсѣдатель Арсеньевъ тормозилъ все дѣло предъявленіемъ самовольныхъ требованій и возбужденіемъ новыхъ вопросовъ подъ предлогомъ исправленія Положенія, которымъ всѣ мѣстные жители были довольны и съ которымъ онъ одинъ будто бы почему-то не мирился. Почуя заговоръ, Арсеньевъ, съ своей стороны, выяснилъ графу Кочубею всѣ интриги двухъ ландратовъ, Буденброка и Герсдорфа; по его словамъ, они распространяли слухъ, будто бы они сами, при утвержденіи Положенія, убѣдили правительство назначить предсѣдателями коммиссій не лифляндскихъ помѣщиковъ, а русскихъ чиновниковъ, съ тою единственною цѣлью, чтобъ эти лица не могли, по незнанію мѣстныхъ порядковъ, проникнуть въ секреты лифляндскаго хозяйства, а ограничивались бы простымъ подписаніемъ подносимыхъ имъ вакенбуховъ. Одинъ Арсеньевъ, въ этомъ отношеніи, вышелъ изъ роли, подразумѣвательно ему указанной, и потому надлежало сбыть его во что бы то ни стало. Члены коммиссіи систематически подстрекались перечить ему на каждомъ шагу и раздражать его

дерзкими отвѣтами на всѣ его требованія въ надеждѣ вывести его изъ терпѣнія. Одному изъ нихъ, въ случаѣ успѣха, подъ рукою обѣщано было въ награду избраніе въ ландратскую коллегію. Самъ губернаторъ участвовалъ въ общей стачкѣ своимъ невниманіемъ къ жалобамъ предсѣдателя и своимъ потворствомъ своеволію членовъ. Въ доказательство Арсеньевъ приводилъ выписки изъ внутренняго дѣлопроизводства коммиссіи.

Мы видѣли, что до сихъ поръ поддержка изъ Петербурга, которою пользовался Арсеньевъ на своемъ опасномъ мѣстѣ, ни разу ему не измѣняла; но, наконецъ, правительство какъ будто утомилось. Надобно полагать, что послѣдній напоръ, противъ котораго оно не устояло, направленъ былъ не черезъ Лифляндскій Комитетъ, а черезъ придворную среду и въ видѣ не формальной жалобы, а наговора или доноса, доведеннаго до свѣдѣнія самого Государя какимъ-нибудь экстралегальнымъ путемъ. По крайней мѣрѣ, дѣло до Комитета не доходило и въ немъ не разсматривалось. Извѣстно только, что министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ Арсеньеву на словахъ Высочайшее неудовольствіе, но неизвѣстно, въ какой формѣ и за какую провинность. Въ бумагахъ сохранилось только слѣдующее письмо его отъ 24 марта 1806 г. на имя гр. Кочубея:

„Съ крайнимъ прискорбіемъ и сердечнымъ огорченіемъ услышалъ я отъ вашего сіятельства, что ревность моя и усердіе въ исполненіи воли Его Императорскаго Величества представлены не въ настоящемъ ихъ видѣ и что я подпалъ неудовольствію моего государя; служа 36 лѣтъ съ честью и никогда кромѣ похвалы отъ начальства и любви подчиненныхъ не испытывая, весьма больно, при наступающей старости, видѣть помраченнымъ столь долго носимое доброе имя; чего ради нижайше прошу васъ, милостиваго государя, оправдать меня предъ лицемъ моего монарха.

„Я не имѣлъ чести знать ваше сіятельство до опредѣленія моего въ коммиссію; сіе ясно показываетъ, что я не искалъ сего мѣста, и вамъ извѣстно, что паче уклонялся принять оное; но, не вѣдая, какъ палъ на меня выборъ сей, рѣшился исполнить волю Государя Императора, дабы тѣмъ оказать готовность къ службѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ оная считаться

можетъ полезною; чего ради, хотя умножилъ долги и разстройку, но поѣхалъ въ Ригу. Не утаилъ отъ вашего сіятельства, что́ встрѣтиться можетъ со мною впередъ отъ хитрости Лифляндцевъ, и представилъ ихъ ропотъ и нехотѣніе исполнять предначертанное для крестьянъ правило.

„Узнавъ, что предмѣстникъ мой, г. Веригинъ, при раздачѣ вакенбуховъ, едва избѣгнулъ быть убитымъ крестьянами и спасся только поспѣшностью прискакавшей команды, взялъ я подозрѣніе, что въ уставѣ кроется что-либо невыгодное для сего рода людей, пустился въ объѣздъ, чтобъ видѣть все своими глазами и чтобы правительству доставить вѣрныя свѣдѣнія: что̀, гдѣ и какъ отъ онаго сокрыто. Предположа себѣ правило, чтобы всѣхъ добрыхъ и худыхъ помѣщиковъ дѣйствія обнаружить (сего требовали сами дворяне), я имѣлъ честь представить о г. Лиліенфельдѣ съ похвалою и о ландратѣ Левенштернѣ, который въ Вольмарсгофѣ первый началъ поправлять состояніе кнехтовъ; напротивъ, тиранство г. Гавенфельда, разогнавшаго двѣ трети людей своихъ, въ подозрѣніи смертоубійства находящагося и обличеннаго въ разныхъ мучительныхъ истязаніяхъ, но не получившаго достойнаго наказанія, обличилъ предъ начальствомъ, равно какъ и помѣщика мызы Аагофъ, г. Бланкенгагена, коего крестьяне отдаются въ тяжкія поденныя работы въ Ригу, должны молотить всю ночь напролетъ, а утромъ опять идти на работу, давать свое масло на ночники въ ригахъ и своихъ лошадей на машины, а дѣвки обязаны продавать господское молоко и приносить положенную за него впередъ плату, которая превышаетъ господскую. Все сіе было утверждено актами коммиссіи.

„Тогда же имѣлъ честь представить на разсмотрѣніе начальства всю экономію лифляндскую, какія въ оной злоупотребленія, и открылъ несчастнѣйшее состояніе кнехтовъ. Высочайше учрежденный Комитетъ изъ выписки платы работникамъ въ разныхъ кирхшпиляхъ, представленной мною, съ ужасомъ усмотрѣлъ истину, что состояніе сихъ работниковъ хуже, нежели состояніе каторжныхъ въ Сибири. Вслѣдствіе сего, журналомъ онаго 6 сентября прошлаго 1805 г., разрѣшено мнѣ сдѣлать сообразное съ человѣчествомъ и съ видами Государя Императора Положеніе, которое и представлено

21 ноября съ такими противу предначертанія отмѣнами, какихъ обстоятельства требовали, и сіе положеніе не токмо удостоилось одобренія начальства, но даже и похвалы господъ Лифляндцевъ.

„Во время объѣзда, оставляя коммиссіи дѣлать вопросы, самъ развѣдывалъ отъ мужиковъ и постороннихъ безпристрастныхъ людей истину положенія крестьянъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ, и собственнымъ, наконецъ, убѣдился опытомъ, что существуетъ между ними непримиримая ненависть, такъ что помѣщикъ косится, видя Латыша блаженствующаго, а Латышъ все, что есть Нѣмецъ, считаетъ злѣйшимъ врагомъ своимъ, отчего все стараніе мое сблизить сіи двѣ стороны осталось тщетно, и тогда открылась причина бунтовъ при раздачѣ вакенбуховъ. Оная скрыта въ самомъ учрежденіи о крестьянахъ, въ которое бывшіе депутаты съ хитростью ввели много темноты, двусмысленности и даже противорѣчія, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, чего никто, кромѣ какъ опытомъ извѣдавшій на мѣстѣ, никакъ познать и открыть не можетъ. Выведя все сіе ясно предъ начальствомъ и доказавъ актами, осмѣлился неоднократно вашему сіятельству представлять, что, безъ поправки сихъ мѣстъ, при раздачѣ вакенбуховъ, будетъ неминуемо возмущеніе въ народѣ. Опытъ подтвердилъ мое утвержденіе: въ ревельской губерніи мятежъ вспыхнулъ и въ дерптскомъ уѣздѣ неустройства едва ли и нынѣ прекращены.

„Едва я возвратился въ Ригу, начало открываться замѣшательство и въ моемъ уѣздѣ, въ самомъ опасномъ вольмарскомъ кирхшпилѣ, гдѣ, за годъ передъ симъ происшествіемъ, было такое возмущеніе, что принуждены были стрѣлять картечью, чтобъ разогнать мужицкія толпы. Зная къ себѣ довѣріе всего народа, въ семъ опасномъ происшествіи и когда войскъ не было въ Ригѣ, я послалъ въ Вольмаръ находящагося при мнѣ секретаря Янсена, котораго Латыши знали, что при мнѣ находится. Его присутствіе и мое имя потушили все и онъ, смѣнивъ судей, выбранныхъ изъ прежнихъ мятежниковъ, поставилъ такихъ, коихъ поведеніе незазорно, что̀ ваше сіятельство не токмо изъ моего донесенія отъ 31 октября, но и изъ донесеній лифляндскаго гражданскаго губернатора Рих-

тера видѣть изволили. Сей случай мнѣ открылъ, что помѣщики лифляндскіе всякое возмущеніе крестьянъ считаютъ для себя выгоднымъ, ибо сіе служитъ имъ поводомъ къ притѣсненію ихъ и къ принужденію работать по старому, что и доказалъ 4-го ноября 1805 года. Долгомъ считалъ представлять все то, что могъ придумать выгоднаго для споспѣшествованія благосостоянію народа и въ исполненіе воли Его Императорскаго Величества; многое не принято, но, сіятельнѣйшій графъ, спорилъ ли я или упорствовалъ ли въ мнѣніи своемъ? Нѣтъ, ибо не собственной, но общественной искалъ пользы.

„Имѣя единственно въ виду цѣлость области лифляндской и чтобъ могущимъ приключиться возмущеніемъ неразсуждающей черни не погибло невинно множество людей и зная нравъ Латышей, которые въ остервенѣніи могли бы произвести пугачевщину, непрестанно докучалъ вашему сіятельству о поправкѣ того, что удручаетъ состояніе народа, и сего года 4 января доказалъ, что неопредѣленность вспомогательныхъ работъ была причиною сего удрученія ихъ до Положенія о крестьянахъ изданнаго; а нынѣ Лифляндцы всѣ обыкновенныя работы назвавъ помочью, всю неопредѣленность вспомогательныхъ работъ давившую прежде крестьянъ назвали обыкновенною работою, такъ что перемѣнено только названіе, а притѣсненіе осталось то же. Въ доказательство сей истины представилъ вакенбухи и образецъ, какой считаю точно соотвѣтственнымъ шведской методѣ, какъ сіи вакенбухи сочинять, чтобъ всѣ работы крестьянина были точно опредѣлены, и ему уже не было бы страшно притѣсненіе, въ чемъ и состоитъ воля Государя Императора. При васъ ландраты въ Комитетѣ не могли противустать моимъ доказательствамъ, сознались, что, по нынѣшнему положенію, лѣтомъ, вмѣсто одного, употребляются три работника, т. е. вмѣсто двухъ шесть дней въ недѣлю, и сей пунктъ поправленъ журналомъ 25 января сего года. Равный споръ былъ о винокуреніи, и согласились съ моимъ же представленіемъ; то же должно сказать о пряжѣ, о подпискахъ и прочихъ статьяхъ въ семъ журналѣ, ими подписанномъ. Осталось еще нѣсколько статей неразрѣшенныхъ, хотя главнѣйшія въ пользу крестьянства обращены, и участь ихъ облегчится, если только коммиссіи

исполнять въ точности распоряженіе, чтобъ никогда крестьянинъ болѣе двухъ дней въ недѣлю не работалъ. Такимъ образомъ кнехты или работники крестьянскіе получа состояніе, коего не имѣли, и все крестьянство бывъ ограничено по точному положенію закона, причины къ возмущенію прекратясь, дадутъ чувствовать симъ несчастнымъ благотворную десницу Монарха, и вся область пребудетъ въ вожделенномъ покоѣ. Но, сіятельнѣйшій графъ, не моему ли старанію приписать должно сію цѣлость всей области лифляндской? Все сказанное было и есть въ виду вашего сіятельства; акты и представленія на лицо; шагу не дѣлалъ, который бы не былъ поставленъ въ виду правительства; имѣлъ сверхъ того свидѣтелемъ моего поведенія рижскаго военнаго губернатора графа Ѳедора Ѳедоровича Буксгевдена, который здѣсь; не могу сказать, чего не было.

„Всѣ знающіе меня засвидѣтельствуютъ, что я не умѣю быть неучтивымъ; слѣдственно никакой причины, ни съ какой стороны, дворянству къ неудовольствію подать не могъ, развѣ только, что возложенную на меня должность, не смотря ни на чьи частныя выгоды, исполняю согласно волѣ моего Государя, обмануть себя не дамъ и ничего не возьму.

„Впрочемъ, не пріобрѣтши службою никакого имущества а проживши въ оной свое, имѣвъ единственнымъ пріобрѣтеніемъ похвалу начальства и имя честнаго человѣка, а теперь видя себя и сего моего столь драгоцѣнно-сохраняемаго пріобрѣтенія лишаемаго, смѣю взывать къ самому Государю Императору. Онъ правосуденъ и милостивъ; не восхощетъ лишить меня единственнаго стяжанія моего—чести, и не осудитъ невиннаго. А какъ я принялъ мѣсто предсѣдателя рижской ревизіонной коммиссіи не по исканію, а въ послушаніе волѣ Его Императорскаго Величества, такъ равно готовъ изъ того же вѣрноподданническаго повиновенія и преданности оставить оное; но нести невинно гнѣвъ и негодованіе Монарха, употребя всѣ усилія, чтобъ заслужить его милость и благоволеніе, есть для меня несносное иго, и всячески прошу ваше сіятельство отъ онаго меня избавить, объясня мою не токмо невинность, но ревность, ничѣмъ непреклонную къ общему благу, которое устроить есть Его Императорскаго Величества воля.

Итакъ, готовъ идти въ отставку отъ сей должности, только прошу, чтобы отставлену быть съ честію и благоволеніемъ Государя Императора".

Указомъ Сената 30-го апрѣля 1806 года Арсеньевъ былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя рижской коммиссіи съ оставленіемъ на службѣ по департаменту удѣловъ.

Все это произошло не по инціативѣ и даже безъ прямаго участія со стороны графа Кочубея, который, какъ видно, остался при прежнемъ, выгодномъ своемъ мнѣніи объ Арсеньевѣ и въ эту критическую для послѣдняго минуту не отвернулся отъ своего опальнаго подчиненнаго. Въ дѣлѣ уцѣлѣла докладная записка, въ которой прописано все содержаніе вышеприведеннаго письма и въ заключеніи значится: „Подносяя сіи изъясненія и просьбу д. с. с. Арсеньева, я долгомъ поставляю по самой истинѣ засвидѣтельствовать, что дѣйствительно открыты имъ многія злоупотребленія въ разныхъ мѣстахъ изъ тѣхъ, въ коихъ онъ производилъ ревизію; что представленія его были главнѣйше поводомъ какъ вызова мною сюда всѣхъ предсѣдателей ревизіонныхъ коммиссій, такъ и ландрата Сиверса, и что, вслѣдствіе представленій сихъ, сдѣланы были въ Комитетѣ Лифляндскомъ разныя къ облегченію крестьянъ постановленія, Высочайшаго одобренія удостоившіяся". На этой же запискѣ помѣчено рукою графа Кочубея: „докладывано *вторично* Его Императорскому Величеству апрѣля 20-го. Его Величество изволилъ изъявить Высочайшую волю на пожалованіе какого-либо г. Арсеньеву награжденія". Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Арсеньева ни о какой однако наградѣ не упомянуто, а изъ дѣлъ Комитета видно, что другіе предсѣдатели коммиссій, именно тѣ, на которыхъ никто не жаловался, потому что они почти ничего не дѣлали—Драшковичъ, Вейнгерсгеймъ и Пущинъ, всѣ были награждены. Старый чиновникъ не перенесъ этой обиды и не устоялъ противъ искушенія еще разъ о себѣ напомнить. Въ краткомъ реестрѣ дѣлъ и бумагъ Лифляндскаго Комитета за 1808 и 1809 г. значится между прочимъ подъ № 31, что 16-го ноября статсъ-секретарь Молчановъ препроводилъ въ Комитетъ по Высочайшему повелѣнію всеподданнѣйшее прошеніе Арсеньева о воззрѣніи на службу его президентомъ Рижской ревизіонной коммиссіи;

противъ этой статьи отмѣчено: „разсматривано г.г. Герсдорфомъ и Буденброкомъ (тѣми самыми, которыхъ онъ такъ часто, такъ безпощадно и, какъ видно, такъ для себя неосторожно оспаривалъ, опровергалъ и уличалъ); потомъ отдано ландрату Сиверсу". — О послѣдствіяхъ этого разсмотрѣнія нѣтъ свѣдѣній. Такова была судьба перваго русскаго человѣка, рѣшившагося повѣдать правительству всю высмотрѣнную имъ правду о лифляндскихъ крестьянахъ. Эта заслуга за нимъ остается, какъ бы непрактичны ни были многія изъ его предположеній.

VI.

Заговоръ дворянства противъ Сиверса и венденской коммиссіи. Дѣло о составленіи вакенбуховъ въ немежеванныхъ имѣніяхъ. Дополнительныя правила 28-го февраля 1809 года.

Благополучно спустивъ Арсеньева, оставалось еще управиться съ Сиверсомъ. Безпощадность его въ разоблаченіи дипломатическихъ хитростей лифляндскихъ Метерниховъ не могла сойти ему даромъ. Досада и негодованіе, возбужденныя на мѣстахъ его такъ называемою измѣною интересамъ дворянства, долго накоплялись и, наконецъ, разразились прямымъ обвиненіемъ отъ лица владѣльцевъ венденскаго уѣзда на тамошнюю коммиссію вообще и лично на него въ особенности. Чтобъ дать возможность читателямъ оцѣнить основательность предъявленныхъ на него жалобъ и вникнуть въ сущность возникшаго по этому поводу процесса, нужно сперва ознакомить ихъ ближе съ нѣкоторыми статьями Положенія 1804 г., о которыхъ въ главѣ II упомянуто было вскользь.

Въ такъ называемыхъ немежеванныхъ имѣніяхъ, составлявшихъ огромное большинство, то есть въ тѣхъ, въ которыхъ не имѣлось спеціальныхъ плановъ съ показаніемъ количества (по точному измѣренію) и качества (по градусамъ) земли, входившей въ составъ каждаго крестьянскаго участка, предписывалось инструкціею: оставляя хозяевъ при существующемъ ихъ надѣлѣ, принимать за основаніе всѣхъ разсчетовъ число гаковъ по даннымъ послѣдней поземельной ревизіи и въ новыхъ вакенбухахъ опредѣлять причитающуюся съ

каждаго двора повинность по разряду, въ которомъ онъ числился. Такъ, напримѣръ, *предполагалось*, что хозяинъ, считавшійся осмерникомъ (Achtler, т. е. владѣвшій $^1/_8$ гака) имѣлъ въ своемъ участкѣ всякаго рода угодій на 10 талеровъ; считавшійся четверникомъ—на 20 талеровъ; считавшійся половникомъ—на 40 талеровъ и т. д. Но тутъ же давалась помѣщикамъ возможность обходить это правило. Стоило владѣльцу заявить, что въ его имѣніи хозяева фактически владѣли участками высшей цѣнности, чѣмъ предполагалось, а потому и повинность отбывали въ высшемъ размѣрѣ, и такое заявленіе давало ему право требовать, чтобы крестьяне оставлены были и на будущее время при тѣхъ повинностяхъ, которыя они дотолѣ исправляли (§ 26 инстр.). Когда достовѣрность показанія помѣщика о количествѣ и цѣнности земли оспаривалась крестьянами, ревизіонная коммиссія составляла такъ называемый временный вакенбухъ, основываясь все-таки на заявленіи владѣльца, но при этомъ отбирала отъ него *реверсъ*, которымъ онъ обязывался въ теченіе года приступить къ спеціальному межеванію (т. е. къ измѣренію и оцѣнкѣ крестьянской земли), окончить его въ шесть лѣтъ и, еслибы тогда оказалось, что крестьяне обложены были повинностями свыше стоимости ихъ участковъ, то за все перебранное вознаградить ихъ хлѣбомъ по шведской таксаціонной методѣ [1]). Для удовлетворенія въ подобномъ случаѣ крестьянъ, коммиссіямъ вмѣнялось въ обязанность „предписать приходскимъ судамъ и сообщить ландгерихтамъ имѣть неупустительное наблюденіе и чинить строжайшее взысканіе“. Итакъ, по общему правилу, коммиссія принимала за исходную точку данную цѣнность надѣла и по ней опредѣляла повинность; наоборотъ, по изъятію, которое на практикѣ примѣнялось гораздо чаще, чѣмъ правило, точкою отправленія служила данная повинность, по которой предполагался соразмѣрный съ нею надѣлъ. Это однако отнюдь не значило, чтобы Положеніемъ предоставлялось помѣщику, хотя бы временно, право на повинность неограниченнаго, имъ самимъ, по своему произволу, опредѣ-

---

[1]) Именно: полагая 2 лофа ($5^1/_3$ четверика) ржи за 30 дней пѣшихъ или за $22^1/_2$ конныхъ.

леннаго размѣра. Во-первыхъ, указанное изъятіе ни въ какомъ случаѣ не должно было подавать повода къ увеличенію *прежняго* размѣра повинностей, отбывавшихся до 1803 г. (§ 19-й); во-вторыхъ, подъ прежнимъ размѣромъ понимался размѣръ *законный*, ибо, со введенія шведскихъ вакенбуховъ и затѣмъ регулативовъ, требованія помѣщиковъ ограничивались извѣстными нормами, которыя правда безнаказанно переступались, но обязательность которыхъ была несомнѣнна. Оставалось рѣшить: чѣмъ руководствоваться для разрѣшенія, въ массѣ фактически существовавшихъ повинностей, законныхъ отъ незаконныхъ?—На этотъ вопросъ давалъ отвѣтъ 62-й § Положенія, составленный, впрочемъ, не про одинъ этотъ случай, а имѣвшій широкое примѣненіе. Въ немъ значилось: при уравненіи повинностей крестьянъ съ оцѣнкою земель, ежели окажется, что нужно будетъ нѣкоторыя повинности уменьшить или вовсе отмѣнить, то, дабы не воспрепятствовать теченію лифляндскаго сельскаго хозяйства (т. е. разумѣется помѣщичьяго) и знать, какія работы, *по справедливости* [1]), принадлежать къ оному и какія безъ вреда отмѣнены быть могутъ [2]), пріемлются за основаніе: 1) ревизіонные вакенбухи; 2) регулативы крестьянскихъ повинностей 1765 и 1784 годовъ; 3) спеціальное межеваніе каждаго помѣстья, съ показаніемъ градусовъ земли [3]); 4) хозяйственныя правила, введенныя изстари и долговременнымъ обычаемъ укоренившіяся.

Статья эта, изложенная довольно глухо, съ перваго дня ея примѣненія, подала поводъ къ двумъ различнымъ толкованіямъ. Нѣкоторыя изъ уѣздныхъ коммиссій утверждали, что въ каждомъ немежеванномъ имѣніи слѣдовало обращаться ко всѣмъ тремъ источникамъ, перечисленнымъ въ пунктахъ 1, 2 и 4, и признавать правомѣрнымъ общій итогъ всѣхъ тѣхъ

---

[1]) Здѣсь русскій текстъ не точенъ; вмѣсто „по справедливости" должно бы стоять: по закону или по праву, rechtlich, какъ значится въ нѣмецкомъ текстѣ.

[2]) Другая неточность; въ нѣмецкомъ стоитъ: und ohne Nachtheil n i c h t abgeändert werden können, т. е. и не могли бы быть отмѣнены безъ вреда. Это не противопоставленіе понятію о повинностяхъ имѣющихъ правомѣрное основаніе, а дополненіе къ нему.

[3]) Само собою разумѣется, что къ немежеваннымъ имѣніямъ указаніе на этотъ источникъ не относилось.

повинностей, для которыхъ могло быть отыскано основаніе въ вакенбухахъ, или въ регулативѣ, или въ обычныхъ правилахъ. Наоборотъ, другіе держались той мысли, что первымъ и главнымъ основаніемъ для повѣрки долженъ былъ служить прежній вакенбухъ; что, *только въ случаѣ неимѣнія вакенбуха* или явной неполноты его въ какой-либо статьѣ, разрѣшалось обращаться къ регулативу *и только въ случаѣ неимѣнія ни вакенбуха, ни регулатива*, руководствоваться обычаемъ, который, независимо отъ этого, могъ еще служить пособіемъ для разъясненія темныхъ статей въ вакенбухѣ и регулативѣ. Сиверсъ стоялъ за второе толкованіе и, вскорѣ послѣ приступа къ исполнительнымъ распоряженіямъ на мѣстахъ, обратился въ Петербургскій Комитетъ за разъясненіемъ. Возбужденный имъ вопросъ разрѣшенъ былъ журналомъ 14 октября 1804 года въ слѣдующихъ словахъ: „Пріемлются за основаніе: 1) ревизіонные вакенбухи и потому всѣ въ оныхъ опредѣленныя работы отмѣнены быть не могутъ; 2) въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ не имѣется ревизіонныхъ вакенбуховъ, регулативы крестьянскихъ повинностей 1765 и 1784 годовъ; 3) въ случаѣ же неимѣнія вышеозначенныхъ ревизіонныхъ вакенбуховъ, регулативовъ и спеціальнаго межеванія—хозяйственныя правила, введенныя въ старину и обычаемъ укоренившіяся".

Это толкованіе принято было въ засѣданіи трехъ русскихъ членовъ, гр. Кочубея, сенатора Козадавлева и гр. Строганова, въ отсутствіи двухъ ландратовъ. Когда послѣдніе ознакомились съ происходившимъ въ Комитетѣ безъ нихъ, они не мало встревожились и стали доказывать Комитету, что онъ, не понявъ самого себя, криво истолковалъ статью 62-ю. По ихъ мнѣнію, указанные въ ней четыре источника одинъ другаго не исключали; напротивъ: всякая повинность, истекавшая изъ котораго либо изъ нихъ, должна была считаться законною. Иначе, говорили они, *такъ какъ ревизіонные вакенбухи имѣются безъ изъятія во всѣхъ имѣніяхъ*, то никогда и нигдѣ бы не пришлось справляться ни съ регулативами, ни съ другими источниками, и самое указаніе на нихъ лишено бы было всякаго практическаго смысла. На это съ неменьшимъ основаніемъ отвѣчалъ Сиверсъ: если существующему въ настоящую минуту обычаю приписывается такая же сила, какъ и закону,

то этимъ отнимается всякая возможность повѣрять фактъ правомъ, и тогда не къ чему справляться съ вакенбухомъ и регулативомъ. Неожиданнымъ заявленіемъ своихъ лифляндскихъ членовъ Комитетъ поставленъ быть въ тупикъ. Въ журналѣ 10 августа 1805 г. мы читаемъ: „въ разсужденіи сего обстоятельства Комитетъ находитъ, что, не имѣя въ актахъ, въ Комитетъ доставленныхъ, никакого доказательства, чтобы во всѣхъ помѣстьяхъ безъ изъятія находились ревизіонные вакенбухи, не можно сего было предполагать.“—Еслибъ однако канцелярія навела болѣе точную справку, то она нашла бы доказательство противнаго, именно: прямыя свидѣтельства лифляндскаго генералъ-губернатора Нагеля, при Императорѣ Павлѣ, и позднѣйшее губернскаго предводителя Буденброка и резидующаго ландрата гр. Меллина, заявлявшихъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, „что вакенбухи имѣлись *не во всѣхъ* имѣніяхъ.“ Впрочемъ, продолжалъ Комитетъ, „само собою разумѣется, что и регулативы 1764 и 1785 годовъ, равно спеціальное межеваніе и старинные обычаи могутъ *служить къ изслѣдованію о работахъ* (стало быть въ смыслѣ комментаріевъ къ вакенбуху?), ибо правильность ихъ основывается на *одномъ* источникѣ, то есть на ревизіонныхъ вакенбухахъ (?!); но, въ случаѣ противорѣчія между показаніями въ вакенбухахъ и регулативахъ содержащимися, должно давать предпочтеніе первымъ, ибо послѣдніе не были никѣмъ утверждены. Такъ и при всѣхъ изслѣдованіяхъ къ узнанію истины, хотя пріемлются разные способы, какъ-то: документы, свидѣтели и присяга, но послѣдніе не допускаются, когда истина открывается изъ документовъ или достовѣрныхъ свидѣтелей.“—Комитетъ видимо путался желая какъ - нибудь замаскировать *мнимую* свою оплошность. Придуманная имъ теорія предпочтенія предполагала прямыя противорѣчія, которыхъ на практикѣ не оказывалось. Сравненіе вакенбуховъ съ регулативами и съ обычаемъ почти повсемѣстно обнаруживало одно лишь постепенное возвышеніе повинностей; напримѣръ: по вакенбуху насчитывалось 100 дней, по регулативу на эти сто накидывалось еще 10, а на дѣлѣ требовалось сверхъ этого еще 15 дней. Вопросъ состоялъ въ томъ: считать ли законнымъ размѣромъ 100 или 100+10, или 100+10+15, и этого вопроса

Комитетъ вторымъ своимъ журналомъ не разрѣшилъ; напротивъ, онъ затемнилъ первое данное имъ разрѣшеніе. Впрочемъ, одно только это первое разрѣшеніе и было сообщено къ руководству исполнительнымъ коммиссіямъ, а позднѣйшія разсужденія Комитета, по крайней мѣрѣ судя по подлиннымъ дѣламъ, остались въ его журналахъ.

Съ вопросомъ о способѣ опредѣленія законнаго размѣра повинностей тѣсно связанъ былъ другой: о количественномъ отношеніи барщины къ натуральному оброку. По шведской системѣ $^3/_4$ всѣхъ повинностей отбывались барщиною, а $^1/_4$ разнаго рода произведеніями: зерномъ, живностью, сѣномъ, соломою, пенькою, холстомъ и т. д. Объ этомъ правилѣ упоминалось и въ Положеніи 1804 года (§ 63), впрочемъ болѣе въ видѣ справки чѣмъ обязательнаго требованія, хотя, съ другой стороны, во многихъ другихъ §§ не разъ повторялось, что шведская система ни въ чемъ не измѣнялась, а только пополнялась. Далѣе, за статьею, въ которой значилось, что экстраординарныя или вспомогательныя работы не должны превышать оцѣнки сѣнокосовъ и огородовъ, слѣдовалъ, въ видѣ изъятія, § 64-й такого содержанія: такъ какъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ по положенію ихъ и мѣстнымъ выгодамъ или неудобностямъ, случиться можетъ, что вспомогательныя работы сверхъ сей пропорціи *необходимо нужны* для исправленія всѣхъ хозяйственныхъ потребностей, то, при уравненіи суммы всѣхъ повинностей и работъ крестьянъ съ цѣною ихъ земель, наблюдать должно слѣдующее: 1) Когда, при положеніи въ оцѣнку владѣемыхъ крестьяниномъ пашенъ, сѣнокосовъ и огородовъ, равно и всѣхъ повинностей его, окажется, что крестьянинъ отправляетъ оныхъ на превосходнѣйшую противъ земель своихъ цѣну, то ежели помѣщикъ не пожелаетъ убавить изъ числа вспомогательныхъ работъ, въ такомъ случаѣ предоставляется самому крестьянину назначить, которыя изъ податей (оброковъ), платимыхъ имъ въ продуктахъ сельскихъ или издѣльяхъ, должны быть ему уступлены или убавлены для уравненія оцѣнки всѣхъ его повинностей съ оцѣнкою земель. 2) Вспомогательныя работы тѣ только могутъ признаваться необходимыми въ хозяйствѣ, которыя означены въ ст. 62-й и дѣйствительно уже нѣсколько лѣтъ исправляемы были.

Но, замѣчалъ Сиверсъ, ст. 62-я (та самая, о которой говорено было выше и въ которой перечислялись четыре основанія) давала признаки для опредѣленія юридической правомѣрности повинностей вообще, а отнюдь не практической необходимости въ помѣщичьемъ хозяйствѣ вспомогательной барщины въ особенности. Нужно поэтому чѣмъ нибудь ограничить понятіе *необходимости*, именно: одними сельско-хозяйственными работами, въ точномъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова, притомъ неотложными, спѣшными, сталкивающимися въ короткій періодъ времени, каковы: жнитво, молотьба, вывозка навоза и т. п. Сверхъ того, продолжалъ онъ, нужно пояснить: остается ли въ силѣ общее правило шведской системы и ограничивается ли дозволенное переложеніе оброковъ и данинъ въ рабочіе дни соблюденіемъ непремѣннаго условія, чтобъ натуральный оброкъ составлялъ не менѣе $^1/_4$ всей повинности? Этому условію, въ интересахъ крестьянъ, онъ придавалъ первостепенную важность, доказывая, что талеръ, въ видѣ оброка, былъ далеко не равноцѣненъ талеру, въ видѣ вспомогательной барщины, и что замѣна перваго вторымъ влекла за собою отягченіе повинностей, по крайней, мѣрѣ, на 25% [1]).

Комитетъ, повидимому, не вникъ въ первый изъ этихъ вопросовъ, или не захотѣлъ вдаваться въ изслѣдованіе хозяйственнаго назначенія разнаго рода чрезвычайныхъ нарядовъ; онъ ограничился тѣмъ, что призналъ необходимыми и подлежащими отмѣнѣ всѣ работы опредѣленныя въ вакенбухѣ, *а за неимѣніемъ вакенбуха*, въ регулативахъ; всѣ же вспомогательныя работы, послѣ сихъ регулативовъ введенныя и превышавшія стоимость огородовъ и покосовъ, вовсе исключилъ изъ разряда необходимо принадлежащихъ къ сельскому хозяйству— такъ значилось въ журналѣ 14-го сентября и этимъ, какъ видно, оправдывалось толкованіе Сиверса; но по второму вопросу имъ предложенному, о пропорціональномъ отношеніи оброка къ барщинѣ, въ то время не послѣдовало никакого постановленія.

---

[1]) Въ нѣсколько позднѣйшемъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ (15 августа 1808) мы даже читаемъ: „перемѣною податей (оброковъ) натурою въ рабочіе дни крестьянинъ терпетъ почти вдвое“.

При неполнотѣ и двусмысленности разъясненій, исходившихъ изъ Петербурга, при уклоненіи Комитета отъ прямыхъ отвѣтовъ на возникавшія недоразумѣнія и при отсутствіи общаго наблюденія за введеніемъ Положенія на мѣстахъ, нельзя было ожидать однообразія въ исполнительныхъ операціяхъ четырехъ, независимо одна отъ другой дѣйствовавшихъ коммиссій. Подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній, онѣ наконецъ такъ далеко разошлись въ своихъ толкованіяхъ и пріемахъ, что сами обратили вниманіе Комитета на это отсутствіе единства.

Въ самомъ началѣ 1806 года, опять таки тотъ же Сиверсъ, поддержанный на сей разъ предсѣдателемъ Рижской коммиссіи, Арсеньевымъ, доносилъ, что предоставленное владѣльцамъ немежеванныхъ имѣній право реверса подавало поводъ къ вопіющимъ злоупотребленіямъ; вотчинныя правленія показывали за крестьянами небывалые, видимо преувеличенные надѣлы и, на этомъ основаніи, домогались обложенія ихъ повинностями, далеко превышавшими общепринятую норму. Они дѣлали это безбоязненно, потому что, до истеченія срока даннаго на окончаніе межеванія, оставалось много времени и что размѣръ вознагражденія за перебранные дни опредѣленъ былъ крайне низкій (по цѣнѣ хлѣба): въ 18 коп. за конный день и въ 14 за пѣшій; тогда какъ, по другой статьѣ Положенія, при заработкѣ долговъ, конный день зачитывался въ 40, а пѣшій въ 30 коп. Репьевъ представлялъ для примѣра слѣдующій разсчетъ выигрыша для владѣльца отъ даннаго имъ реверса. Въ деревнѣ числится 20 гаковъ и состоитъ 80 крестьянъ-хозяевъ; на дворъ приходится на кругъ по 17 талеровъ земли; вмѣсто этого помѣщикъ даетъ реверсъ на 25 талеровъ и выгадываетъ у каждаго двора на 8 талеровъ повинностей, а у всѣхъ въ годъ на 640 талеровъ, что соотвѣтствовало 16,800 рабочимъ днямъ коннымъ и пѣшимъ въ сложности. Если бы, по крайней мѣрѣ, прибавлялъ Репьевъ, вознагражденіе за этотъ переборъ было поднято до размѣра таксы дней для заработковъ, то это хоть сколько нибудь умѣрило бы страсть наживаться на реверсахъ.

Часто также случалось, что помѣщики умышленно сокращали ординарную барщину и натуральный оброкъ, усиливая на счетъ этихъ двухъ повинностей, особенно первой, чрез-

вычайные наряды. Поводомъ къ тому служила ст. 63-я Положенія, по которой, на основаніи шведской системы, опредѣлялся только maximum ординарной барщины въ половину противъ оцѣнки всего участка, но не полагалось предѣла ея уменьшенію. Вслѣдствіе этого, можно было ожидать, что у крестьянъ, въ свободное отъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, особенно же въ зимнее время, останется много досуга, а въ страдную рабочую пору косьбы и жнитва, при усиленныхъ чрезвычайныхъ нарядахъ, не достанетъ времени на уборку своихъ луговъ и полей. Дѣйствительно, въ дѣлахъ Комитета попадаются заявленія помѣщиковъ, въ которыхъ вспомогательная барщина относится къ ординарной какъ 169 къ 100 и составляетъ 50% общей суммы всѣхъ повинностей, вмѣсто 25%, какъ бы слѣдовало по шведской системѣ.

Въ виду всего этого, Венденская коммиссія, руководимая Сиверсомъ, при составленіи временныхъ вакенбуховъ въ имѣніяхъ немежеванныхъ, не основывалась исключительно на показаніяхъ (реверсахъ) владѣльцевъ, а соображалась съ достоинствомъ, цѣнностью и количествомъ земель, по планамъ и другимъ справкамъ; откидывала тотъ лишекъ повинностей, который превышалъ мѣру, установленную въ вакенбухахъ и регулативахъ, а потому и до обнародованія Положенія 1804 г., въ силу прежнихъ постановленій, не считался законнымъ; увеличивала произвольно-пониженный размѣръ ординарной барщины и сокращала произвольно-увеличенный размѣръ чрезвычайной; наконецъ, не допускала сокращенія оброка ниже четвертой части общей суммы всѣхъ повинностей. Но другія коммиссіи дѣйствовали иначе. Рижская, напримѣръ, согласно съ венденскою, не допускала чрезмѣрнаго увеличенія вспомогательной барщины на счетъ ординарной, но не только не возражала противъ переложенія натуральнаго оброка въ рабочіе дни, а напротивъ поощряла къ тому, такъ какъ, по убѣжденію ея предсѣдателя (Арсеньева), оброкъ, особенно хлѣбный, былъ для крестьянъ тяжеле и разорительнѣе всякой барщины. Систему діаметрально противуположную Сиверсовой защищалъ ландратъ Пистолькорсъ, участвовавшій въ Дерптской коммиссіи; онъ указывалъ, впрочемъ не безъ основанія, на неясность Комитетскихъ журналовъ, на которые ссы-

лался Сиверсъ, и, въ свою очередь, приводилъ другіе журналы, несогласные съ первыми; онъ увѣрялъ даже будто бы, во многихъ мѣстахъ, сами крестьяне упрашивали составителей вакенбуховъ по возможности сокращать не только натуральный, хлѣбный оброкъ, но и ординарную барщину, находя для себя болѣе выгоднымъ отбывать въ увеличенномъ размѣрѣ вспомогательные наряды!

Для соглашенія перечисленныхъ и многихъ другихъ усмотрѣнныхъ на практикѣ противорѣчій, Лифляндскій Комитетъ вызвалъ въ свое присутствіе предсѣдателей всѣхъ четырехъ коммиссій и двухъ ландратовъ, Сиверса и Пистолькорса. Въ этомъ соединенномъ засѣданіи, происходившемъ 25 января 1806 года, было постановлено:

1) „Не иначе дозволять убавлять четвертую часть податей натурою (то есть натуральные оброки, долженствовавшіе составлять не менѣе $1/_4$ общей суммы всѣхъ повинностей) и увеличивать вспомогательныя работы сверхъ четвертой части какъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, *законно* дозволены."—Но всѣ недоразумѣнія и противорѣчія исходили именно изъ того, что ни въ Положеніи, ни въ Комитетскихъ журналахъ, не было яснаго опредѣленія *законно дозволеннаго.*

2) „При опредѣленіи обыкновенныхъ работъ, *вообще должно приближаться* сколько возможно болѣе къ полной половинѣ оцѣнки всего крестьянскаго участка, ибо настоящая оныхъ мѣра есть половина. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сія повинность, по различной величинѣ и оцѣнкѣ участковъ, не составляетъ еще полной половины [1]), таковое уменьшеніе, отъ котораго происходитъ увеличиваніе другихъ повинностей, можетъ допускаемо быть до той только степени, чтобы возвысившаяся тѣмъ вспомогательная работа съ обыкновенною, взятыя обѣ вмѣстѣ, не составляли ни въ какое время года болѣе двухъ дней въ недѣлю на каждаго работника, исключая жатвы, для

---

[1]) Величина и оцѣнка участковъ служили основаніемъ для опредѣленія *итога* всѣхъ повинностей, который могъ быть больше и меньше, но нисколько не вліяли на взаимное отношеніе трехъ *видовъ* повинностей, изъ которыхъ слагался итогъ, такъ какъ это отношеніе опредѣлялось разъ навсегда установленною между ними пропорціею.

скорѣйшаго снятія хлѣба съ поля, согласно съ предписаніемъ содержащимся въ ст. 58 и 67 Положенія."—Этимъ постановленіемъ, крайне неточнымъ относительно случаевъ его примѣнимости, все таки не опредѣлялся minimum ординарной барщины въ итогѣ всѣхъ повинностей и, слѣдовательно, не давалось орудія для отсѣченія указанныхъ Сиверсомъ и признанныхъ Комитетомъ злоупотребленій.

3) „Статью 26, дозволяющую въ немежеванныхъ помѣстьяхъ, до окончанія межеванія, сочинять временные вакенбухи по тѣмъ работамъ, которыя донынѣ исправляемы были, разумѣть так, чтобы оныя работы были *законны* и согласны съ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ."—Въ поясненіе Комитетъ выводилъ на справку: во-первыхъ, статью Положенія, которою опредѣлялся maximum надѣла на рабочую чету и слѣдовательно maximum повинности; во-вторыхъ, древнее правило, подтвержденное Высочайшимъ указомъ 3 августа 1800 года, въ силу котораго всѣ тѣ работы почитались противозаконными, которыя не были основаны на вакенбухахъ и регулативахъ 1765 и 1784 годовъ, и заключалъ словами: „предписать предсѣдателямъ коммиссій, чтобъ они, при взиманіи съ помѣщиковъ немежеванныхъ помѣстій реверсовъ, строго наблюдали предписанныя въ Положеніи о крестьянахъ правила, не допуская излишнихъ повинностей крестьянъ и удостовѣряясь въ справедливости (т. е. въ правомѣрности) показываемыхъ помѣщикомъ работъ по вакенбухамъ, регулативамъ и, въ дополненіе оныхъ, по допросамъ крестьянъ, на основаніи 19-го пункта инструкціи, и при составленіи вакенбуховъ, до окончанія межеванія, исполняли бы всѣ предписанія, въ Положеніи о крестьянахъ содержащіяся."

Въ этой 19-й статьѣ инструкціи значилось, что, по полученіи отъ помѣщика всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ для изготовленія вакенбуха, коммиссія сзывала избранныхъ крестьянъ изъ хозяевъ и опросомъ ихъ повѣряла показанія владѣльцевъ; между прочимъ, она этимъ путемъ удостовѣрялась, дѣйствительно ли показанныя въ вѣдомостяхъ повинности отбывались ими до 1803 г.? На послѣднія слова, въ числѣ другихъ аргументовъ, указывали тѣ члены коммиссіи, противники Сиверса, которые домогались сохраненія, хотя бы на время, всѣхъ

существовавшихъ повинностей, не исключая и тѣхъ, о которыхъ въ регулативахъ не упоминалось и которыя установлены были послѣ ихъ введенія въ недавнее время. Они не безъ нѣкотораго основанія говорили: если бы дѣйствительно всѣ работы, непоказанныя въ вакенбухахъ и регулативахъ, считались безусловно-незаконными и во всякомъ случаѣ подлежали отмѣнѣ, то какая была бы надобность такъ тщательно разыскивать, точно ли онѣ отбывались на практикѣ до послѣдняго времени? Можно было многое возразить на этотъ выводъ, но все же нельзя не сказать, что самая ссылка на § 19-й, сдѣланная въ этомъ случаѣ безъ всякой надобности и вовсе некстати, ослабляла предшествующую резолюцію и подавала поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ. Чья-то невидимая рука, какъ будто ненарокомъ и вопреки намѣреніямъ Комитета, всякій разъ находила способъ портить редакцію, ввертывая въ нее въ послѣднюю минуту какую-нибудь оговорку, или цитатъ, или двусмысленное выраженіе, къ которому недовольные впослѣдствіи прицѣплялись для продолженія безконечнаго спора.

Тѣмъ не менѣе, изъ приведенныхъ выписокъ видно, что Комитетъ все-таки раздѣлялъ въ существѣ взгляды Сиверса. По крайней мѣрѣ, можно сказать, что послѣдній, изложивъ съ полною откровенностью, по собственной своей инціативѣ и не выжидая ни запросовъ, ни жалобъ со стороны, свой образъ мыслей по тѣмъ вопросамъ, которые розно разрѣшались мѣстными коммиссіями, имѣлъ полное основаніе считать свое толкованіе не только не отвергнутымъ, но даже одобреннымъ въ существѣ. Это-то и подало поводъ къ дворянскому заговору.

Въ началѣ 1806 года, къ министру внутреннихъ дѣлъ стали поступать жалобы отъ частныхъ лицъ на Венденскую коммиссію, на предсѣдателя ея Репьева и въ особенности на Сиверса, будто бы самовольно, въ противность мнѣнію прочихъ членовъ, позволявшаго себѣ проводить превратное и для помѣщиковъ разорительное толкованіе статьи Положенія о реверсахъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ того же года дворянство Венденскаго уѣзда собралось на съѣздъ для раскладки 12,000 талеровъ на содержаніе ревизіонной коммиссіи и воспользова-

лось случаемъ для предъявленія обвиненія противъ Сиверса отъ имени всего дворянства того уѣзда. Тутъ же избранъ былъ для веденія этого дѣла въ качествѣ повѣреннаго нѣкій фонъ-Клебекъ.

Въ запискахъ, поданныхъ Клебекомъ военному губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, мнимыя противозаконности, за которыя должна была отвѣчать вся коммиссія, пересыпались личными доносами на Сиверса. Онъ де присвоилъ себѣ единоличную власть, распоряжаясь самовольно отъ лица коммиссіи, безъ ея вѣдома и часто даже въ противность ея заключеніямъ; онъ превратнымъ толкованіемъ Положенія возбуждалъ въ крестьянахъ духъ неповиновенія и притязательность разорительную для помѣщиковъ; онъ же довелъ дворянъ до того, что они теперь „*трепещутъ не только за свою собственность, но и за свою жизнь!*“ Вотъ до чего довела его злоба на сословіе, къ которому онъ самъ принадлежалъ, злоба открыто выразившаяся въ первый разъ въ извѣстной его выходкѣ на ландагѣ 1803 года! Обуздать и унять его не было никакихъ средствъ, ибо онъ де ставилъ ни во что Высочайше утвержденные журналы Петербургскаго Комитета, въ которыхъ содержались резолюціи, опорочивавшія его толкованія и дѣйствія. Въ заключеніе, ф. Клебекъ просилъ отрѣшить Сиверса отъ должности ревидента и вообще устранить его отъ всякаго участія въ дѣлахъ коммиссіи. Чтобъ дать читателямъ понятіе о раздраженіи, до котораго дошло недовольное дворянство, и о нравственномъ характерѣ лица, котораго оно избрало себѣ въ повѣренные, кстати привести одну изъ уликъ, которыми это лицо подкрѣпляло свои обвиненія.

Въ доказательство пренебреженія, съ которымъ Сиверсъ будто бы относился къ Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ Комитета, Клебекъ писалъ между прочимъ: „Говоря о журналѣ 25 января 1806 года, Сиверсъ сказалъ мнѣ и секретарю коммиссіи ф. Шульцу, что это постановленіе не подлинно, а поддѣлано дѣлопроизводителемъ Комитета Дружининымъ, ландратомъ Пистолькорсомъ и другими такого же разбора людьми, и потомъ ими же подсунуто Государю“. — Узнавъ объ этомъ на него доносѣ, Сиверсъ представилъ министру подлинное свидѣтельство Шульца, за подписью послѣд-

няго, слѣдующаго содержанія: „По сущей правдѣ свидѣтельствую, что никогда въ разговорѣ со мною ландратъ Сиверсъ подобныхъ словъ не произносилъ. Разъ, когда я говорилъ съ нимъ о журналѣ 25 января и выразилъ ему мое удивленіе, что въ копіи съ этого постановленія, находившейся у барона Клебека, въ концѣ 2-го пункта 4-го отдѣла, вмѣсто словъ *„не болѣе 23 рейхсъ-талеровъ“* значилось *„не болѣе 25 $^1/_2$ рейхсъ-талеровъ“* [1]), ландратъ Сиверсъ объяснилъ мнѣ, что описка эта проскользнула въ нѣкоторыя копіи съ журнала потому, что въ самомъ подлинникѣ ландратъ Пистолькорсъ *карандашемъ вычеркнулъ цифру 23 и вписалъ* $25^1/_2$, но эта ошибка, по указанію г. Репьева, тотчасъ же была исправлена г. Дружининымъ. Разъ только случилось мнѣ въ небольшомъ обществѣ говорить съ барономъ Клебекомъ объ этой разницѣ въ нашихъ копіяхъ, и я сообщилъ ему слышанное мною отъ ландрата Сиверса по этому пункту, и потому меня не мало удивляетъ, что барону Клебеку разсудилось приписать мнѣ, вмѣсто словъ дѣйствительно мною произнесенныхъ, слова, можетъ быть лучше подходящія къ *его* намѣреніямъ, но *подложныя.* Все это я готовъ подтвердить присягою.“ Какъ только слухъ о показаніи секретаря коммиссіи дошелъ до ф. Клебека, онъ поспѣшилъ написать министру: „Ландратъ Сиверсъ *заставилъ* секретаря выдать себѣ очистительное свидѣтельство, о содержаніи котораго я правда ничего не знаю, но подозрѣваю, что оно лживо, ибо Сиверсъ, какъ человѣкъ, для котораго нѣтъ на свѣтѣ ничего святого, способенъ на все, а секретарь коммиссіи, (на свидѣтельство котораго онъ же, Клебекъ, только что передъ этимъ ссылался) неопытный юноша, понадѣявшійся достигнуть счастья, протекціею своего патрона совратившаго его съ прямого пути.“

Одновременно съ подъемомъ всего Венденскаго уѣзда на Сиверса, какъ на участника въ дѣйствіяхъ тамошней коммиссіи, возгорѣлась опять прежняя борьба между нимъ же, въ качествѣ ландрата и горячаго поборника правъ всемогущей ланд-

---

[1]) Дѣло шло объ опредѣленіи высшей пропорціи земли на хозяйство четверняка (при 6 обоего пола рабочихъ душахъ), и цифра 23 прямо взята была изъ § 58 Положенія.

ратской коллегіи, съ тою дворянскою партіею, которая издавна требовала ея упраздненія, отмѣны такъ называемой провинціальной конституціи и возстановленія общаго Екатерининскаго учрежденія о дворянствѣ и о намѣстничествахъ. Эта партія, къ которой примыкали всѣ закоренѣлые крѣпостники, черезъ повѣреннаго своего Фитингофа [1]) возобновила свое ходатайство отъ лица 37-ми дворянъ. Въ поданной имъ просьбѣ значилось между прочимъ, что *деспотическая* власть, которою пользуется ландратская коллегія, вѣроятно не допуститъ серьезнаго обсужденія ихъ желанія на предстоящемъ ландтагѣ; но, если бы разрѣшено было собирать подписи дворянъ въ пользу предложенія по уѣздамъ, то несомнѣнно, что огромное большинство подало бы голосъ „противъ *хваленой* мѣстной конституціи, лишившей Лифляндію тѣхъ выгодъ, которыми она пользовалась при прежнемъ счастливомъ своемъ положеніи, во времена намѣстническаго правленія. Возстановленіе сего правленія подаетъ единственное средство къ обезпеченію имущества и къ возстановленію порядка въ управленіи дѣлъ лифляндской губерніи.“—А правительство морщилось, ломалось и не хотѣло слушать!

Въ іюнѣ 1806 года, дворяне съѣхались на чрезвычайный ландтагъ. При самомъ его открытіи, собранію было прочтено Высочайшее повелѣніе 25 мая того же года, вызванное критическими замѣчаніями прежняго ландтага на Положеніе о крестьянахъ 1804 года. Дворянству отъ имени Государя объявлялось, въ ясныхъ и твердыхъ выраженіяхъ, что никакія перемѣны въ окончательно утвержденномъ Положеніи допущены не будутъ и чтобъ оно воздерживалось отъ всякихъ сужденій о ходѣ крестьянскаго дѣла. Но это требованіе не согласовалось съ намѣреніями венденскихъ агитаторовъ, и потому они пропустили его мимо ушей. Какъ будто въ видахъ поощренія ихъ къ возможной огласкѣ ихъ неудовольствія, военный губернаторъ пріостановилъ, на все время засѣданій ландтага, введеніе и раздачу вакенбуховъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ,

---

[1]) Самъ Фитингофъ, какъ помѣщикъ Венденскаго уѣзда, жаловался на тамошнюю коммиссію высчитывая громадные убытки въ 73,000 рабочихъ дней, будто бы понесенные имъ вслѣдствіе превратнаго направленія, даннаго дѣлу Сиверсомъ.

и только въ немъ, подъ тѣми предлогомъ, что иначе тамошніе помѣщики не могли бы отлучиться изъ своихъ имѣній. Эта мѣра подала поводъ къ рѣзкой и колкой перепискѣ между предсѣдателемъ венденской коммиссіи Репьевымъ и графомъ Буксгевденомъ; но послѣдній укрылся за Высочайшимъ одобреніемъ своего распоряженія, заблаговременно имъ испрошеннымъ. Венденцы, съѣхавшіеся на ландтагъ толпою, конечно, воспользовались благопріятною минутою. Они повторили передъ собраніемъ свои жалобы на Сиверса по дѣламъ коммиссіи, и дворянство не усомнилось принять ихъ къ своему разсмотрѣнію, совокупно съ другими обвиненіями и придирками, которымъ онъ подвергался, какъ ландратъ и какъ оберъ-кирхенъ-форштееръ, по завѣдыванію почтовою частью и дѣлами церковнаго управленія. Произнесено было много дерзкихъ, оскорбительныхъ для него рѣчей, въ которыхъ крайнею запальчивостью тона прикрывалась скудость внутренняго содержанія. Ораторы, подогрѣвавшіе собраніе, видимо не рѣшались высказать открыто дѣйствительную причину своего озлобленія, и эта вынужденная сдержанность усиливала ихъ раздраженіе, которымъ скоро заразилось все дворянство. Ландтагъ потянулъ Сиверса къ отвѣту по дѣйствіямъ его въ составѣ коммиссіи; но, считая себя по этой части неподвѣдомымъ собранію, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій и разъяснилъ дворянству его некомпетентность. Тогда ландтагъ, рѣшительно усвоивъ себѣ обвиненія, предъявленныя венденскими помѣщиками, постановилъ дать имъ дальнѣйшій ходъ въ формѣ жалобы отъ всего сословія, войти съ ходатайствомъ къ высшему правительству объ устраненіи Сиверса отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ крестьянской реформѣ и просить о пересмотрѣ другою коммиссіею всѣхъ подъ его вліяніемъ составленныхъ и уже розданныхъ вакенбуховъ. Тѣмъ же постановленіемъ онъ признанъ былъ утратившимъ довѣріе дворянства и уволенъ отъ должности оберъ-кирхенъ-форштеера. На его мѣсто собраніе избрало ландрата Рихтера. Сиверсъ опротестовалъ это дѣйствіе собранія, какъ незаконное [1]). Еще

[1]) Военный губернаторъ побоялся самъ собою утвердить постановленіе ландтага и испрашивалъ у министра особаго на этотъ случай разрѣшенія. Ему отвѣчали, чтобъ онъ дѣйствовалъ по законамъ, и тогда онъ уволилъ Сиверса и

по первымъ жалобамъ венденскихъ помѣщиковъ онъ требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ наряда формальнаго слѣдствія, но не получилъ отвѣта; теперь онъ обратился непосредственно къ Государю съ просьбою подвергнуть всѣ его дѣйствія строгому разсмотрѣнію въ Петербургскомъ Комитетѣ.

Графъ Буксгевденъ, относившійся подозрительно и несочувственно къ крестьянской реформѣ вообще, обиженный тѣмъ, что ему не было дано участія въ приведеніи ея въ исполненіе, и лично не терпѣвшій Сиверса и Репьева, держалъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ стряпчій партіи, противъ нихъ сложившейся. Послушно принимая и препровождая въ Петербургъ всѣ незаконныя постановленія дворянства, онъ однако сознавалъ, что это было съ его стороны явное потворство превышенію правъ собранія. Доказательствомъ тому служатъ между прочимъ его же слова, которыми онъ старался оправдать себя и дворянство въ рапортѣ на Высочайшее имя по закрытіи ландтага: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести я имѣлъ счастіе отъ сего 10 іюля, что лифляндское на ландтагѣ собравшееся дворянство съ чувствіемъ величайшей благодарности приняло объявленіе оному всемилостивѣйшаго удостовѣренія о непоколебимости и недопущеніи уклонностей и отмѣнѣ Высочайше конфирмованнаго о лифляндскихъ крестьянахъ Положенія. *Таковымъ чувствомъ преисполненное дворянство* представило мнѣ о жалобѣ венденскаго округа помѣщиковъ на ландрата и оберъ-кирхенъ-форштеера ф. Сиверса, поданной мнѣ черезъ надворнаго совѣтника Клебека и препровожденной отъ меня къ министру внутреннихъ дѣлъ, что нынѣ общее собраніе лифляндскаго дворянства приняло участіе въ жалобѣ собратій своихъ Венденскаго округа, будучи *вынуждено* къ тому стѣсненнымъ ихъ положеніемъ.“— Стало быть, по словамъ военнаго губернатора, незаконное вмѣшательство дворянства будто бы находило себѣ оправданіе въ чувствѣ возбужденномъ тѣмъ самымъ объявленіемъ Высо-

---

утвердилъ Рихтера. Потомъ, когда полученъ былъ протестъ Сиверса, оказалось, что въ министерствѣ внутр. дѣлъ никто не зналъ, какимъ порядкомъ назначались и увольнялись въ Лифляндіи оберъ-кирхенъ-форштееры, и графъ Кочубей просилъ Н. Н. Новосильцева собрать объ этомъ справки.

чайшей воли, которымъ это вмѣшательство положительно воспрещалось!

Не ограничиваясь однимъ попущеніемъ формальныхъ нарушеній законнаго порядка, графъ Буксгевденъ всѣмъ своимъ авторитетомъ и вліяніемъ подкрѣплялъ домогательства дворянъ; онъ настаивалъ на устраненіи отъ всякаго участія въ дѣлахъ коммиссіи не только Сиверса, но и Репьева, на котораго дворянство прямо не жаловалось, доказывая, что не заслуживаетъ довѣрія председатель, способный безусловно подчиняться въ направленіи порученнаго ему дѣла руководству и одностороннимъ видамъ котораго либо изъ членовъ присутствія. Наконецъ, графъ Буксгевденъ добровольно принялъ на себя передачу графу Кочубею всякаго рода сплетенъ, въ надеждѣ этимъ способомъ окончательно погубить противныхъ дворянству людей. Замѣчательно, что въ самыхъ запальчивыхъ рѣчахъ и ядовитыхъ запискахъ своихъ никто изъ самыхъ заклятыхъ враговъ Сиверса и Репьева не рѣшался гласно, отъ своего лица и за своею подписью, порочить ихъ нравственность и набрасывать тѣнь сомнѣнія на ихъ честность. Инсинуаціи этого рода дѣлались шепотомъ, а незавидная обязанность дальнѣйшаго ихъ оглашенія, эта грязная работа, которой вообще гнушались мѣстные агитаторы, предоставлялась, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, органу высшаго правительства. Вотъ отрывки изъ переписки графа Буксгевдена съ графомъ Кочубеемъ и изъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ перваго: „Слышу я разглашенія, что д. с. с. Репьевъ приготовляется быть лифляндскимъ или эстляндскимъ губернаторомъ, почему я дерзаю просить избавить меня отъ такого сослуживца. По бытности его еще губернскимъ прокуроромъ въ Ревелѣ остается на счетъ безпристрастія его невыгодная тамъ память. И нынѣ, будучи онъ президентомъ венденской коммиссіи, подаетъ о себѣ сомнѣніе. По части полиціи доходятъ до меня свѣдѣнія, что г. Репьевъ крайне неостороженъ. Который помѣщикъ приметъ его съ отличнымъ угощеніемъ, а можетъ быть и болѣе по предмету пристрастія, чего навѣрно полагать нельзя, но можно думать (судя по разности повинностей тамъ, гдѣ должны быть одинаковы), тамъ въ отношеніи къ такому помѣщику опредѣленіе повинностей

удовлетворительно; другой же не умѣющій и не склонный такъ поступать стѣсняется въ повинностяхъ, отъ крестьянъ ему слѣдующихъ.“ Сиверса графъ Буксгевденъ во многихъ бумагахъ аттестовалъ неблагонамѣреннымъ, вреднымъ, бунтующимъ крестьянъ и пристрастнымъ. Онъ де также, потворствуя однимъ и мстя другимъ, опредѣлялъ повинности въ неодинаковыхъ размѣрахъ при совершенно однородныхъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, установилъ онъ разорительный для помѣщика порядокъ въ имѣніи ф. Клебека, на котораго былъ озлобленъ за подачу имъ жалобъ на венденскую коммиссію въ качествѣ повѣреннаго отъ дворянъ. Рапортъ свой объ окончаніи ландтага военный губернаторъ заключалъ словами: „Въ нынѣшнее собраніе дворянства всѣ трактаціи, а также и объявленныя на ландрата Сиверса претензіи происходили *съ наилучшею вѣжливостью, тихостью и безъ всякихъ замѣшательствъ.*“— Графъ Буксгевденъ какъ будто забывалъ, что когда состоялось постановленіе объ исходатайствованіи устраненія Сиверса отъ крестьянскаго дѣла, въ залѣ раздались неистовыя „браво“, что секретарь дворянства отказался отъ редактированія этого ходатайства, находя его противозаконнымъ, и когда его стали къ тому понуждать, потребовалъ увольненія отъ должности.

Дружныя усилія дворянъ и военнаго губернатора, при поддержкѣ вліятельныхъ Остзейцевъ въ Петербургѣ, на сей разъ однако не увѣнчались обычнымъ полнымъ успѣхомъ. Съ одной стороны, Фитингофы, Пистолькорсы и графъ Буксгевденъ сами себѣ повредили преизбыткомъ усердія, употребленіемъ слишкомъ грубыхъ средствъ и слишкомъ беззастѣнчивымъ обнаруженіемъ своихъ не совсѣмъ похвальныхъ побужденій; съ другой стороны, служебная репутація Репьева стояла выше всякаго подозрѣнія, и еще не были забыты въ Петербургѣ заслуги Сиверса, столько разъ выручавшаго правительство изъ тѣхъ ловушекъ, въ которыя загоняли его остзейскіе дѣльцы. Наконецъ, надобно припомнить, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, въ началѣ этого столѣтія, господствовало своего рода джентельменство. Все, что отзывалось подлостью и пошлостью, претило юному Императору и окружавшей его молодежи. Доносы всѣмъ надоѣли и опроти-

вѣли отъ послѣднихъ годовъ прошлаго царствованія, а сызнова войти въ ихъ вкусъ и вернуться опять къ мысли подчинить тайной полиціи все внутреннее управленіе—тогдашнее правительство еще не успѣло. Этими явленіями характеризуются всегда вторыя, худшія половины царствованій.

Графъ Кочубей, на первыхъ еще порахъ, старался предостеречь графа Буксгевдена отъ вліяній, которымъ онъ поддавался; онъ писалъ ему, „что въ столкновеніи дворянъ съ коммиссіею видны были личности и раздраженіе съ обѣихъ сторонъ; что слѣдовало совершенно отдѣлить жалобы на коммиссію и вести дѣло объ ней особо установленнымъ на то порядкомъ, не смѣшивая ихъ съ другими жалобами; наконецъ, что нельзя же было признать Сиверса и Репьева виновными и удалить обоихъ, не выслушавъ затребованныхъ отъ нихъ объясненій.“ Но эти внушенія и совѣты ни къ чему не послужили. Графъ Буксгевденъ какъ будто напрашивался на болѣе чувствительный урокъ и наконецъ получилъ его въ формѣ слѣдующаго по эстафетѣ отправленнаго Высочайшаго рескрипта:

„Господину генералу отъ инфантеріи, рижскому военному губернатору графу Буксгевдену.

„Донесенія ваши о порядкѣ дѣлъ, на ландтагѣ производимыхъ, получены въ свое время. Въ указѣ 25 мая сего года положена была преграда всѣмъ разсужденіямъ дворянства на ландтагѣ относительно Положенія о крестьянскихъ повинностяхъ, въ намѣреніи отвратить всякія несовмѣстныя по матеріи сей раздробленія, успѣшному окончанію дѣла сего препятствіемъ быть могущія. Оставалось ожидать со стороны дворянства точнаго сей моей воли исполненія; но, вопреки сего чаянія, усмотрѣлъ я изъ сихъ самыхъ донесеній вашихъ, въ коихъ упоминаете вы о тишинѣ и благоустройствѣ сего собранія, и изъ другихъ до меня дошедшихъ свѣдѣній, что въ числѣ жалобъ, на ландрата Сиверса принесенныхъ, вмѣщены предметы, собственно къ дѣйствію венденской ревизіонной коммиссіи принадлежащіе. Симъ превзойдена мѣра разсужденіямъ ландтага, съ точностью положенная, устраненъ въ силѣ своей указъ 25 мая, и нарушенъ порядокъ, по коему судить дѣйствія ревизіонной коммиссіи можетъ только Комитетъ,

здѣсь учрежденный. Признавая такимъ образомъ дѣйствія ландтага въ разсужденіяхъ его неправильными, я считаю нужнымъ, по содержанію донесеній вашихъ, предписать вамъ слѣдующее:

„1) Дворянству, на ландтагѣ собравшемуся, замѣтить неправильность и отступленіе отъ порядка въ разсужденіяхъ его допущенное. Если ландтагъ уже оконченъ, то объявить сіе замѣчаніе дворянству по округамъ.

„2) Хотя по теченію дѣлъ всегда видѣлъ я въ ландратѣ Сиверсѣ человѣка усерднаго къ истиннымъ пользамъ дворянства, но, не желая входить въ разбирательство притязаній дворянства на него, по званію его оберъ-кирхенъ-форштеера, такъ какъ дѣла сіи имѣютъ въ Лифляндіи установленный ходъ, я предоставляю въ увольненіи его отъ должности сей дѣйствовать соотвѣтственно установленіямъ, какія о избраніи и увольненіи въ сіе званіе въ Лифляндіи существуютъ.

„3) Президентъ венденской ревизіонной коммиссіи, д. с. с. Репьевъ, какъ человѣкъ отличный и усердный, имѣетъ остаться въ своемъ званіи и мѣстѣ. Жалобы, каковыя на него могутъ быть приносимы съ означеніемъ лицъ и предметовъ, имѣютъ общій и для всѣхъ отверстый путь въ Комитетъ, здѣсь учрежденный, гдѣ, яко въ мѣстѣ единственную высшую инстанцію по дѣламъ сего рода составляющемъ, не оставлены онѣ будутъ безъ точнаго разсмотрѣнія и безпристрастнаго удовлетворенія.

„4) Что принадлежитъ до представленій дворянства венденскаго о неправильномъ и несходномъ съ Положеніемъ дѣйствіи ревизіонной коммиссіи, вамъ теперь уже извѣстно, что, до полученія еще отъ васъ послѣднихъ донесеній, по жалобамъ, отъ васъ прежде препровожденнымъ, требуются уже отъ сей коммиссіи объясненія, по разсмотрѣніи коихъ, если найдено будетъ дѣйствительно со стороны коммиссіи какое-либо отъ общихъ правилъ отступленіе, то немедленно приняты будутъ къ приведенію ея въ порядокъ мѣры, основанныя на точной справедливости и безпристрастномъ обоюдныхъ пользъ соображеніи.

„Въ заключеніе, я признаю нужнымъ поручить вамъ, призвавъ тайнаго совѣтника Фитингофа, объявить ему, что я съ

особливымъ неудовольствіемъ читалъ рѣчь, на ландтагѣ имъ говоренную. Не нужно было ему, по причинамъ вышеизъясненнымъ, ни обращать вниманія ландтага на дѣйствія ревизіонной коммиссіи венденской, яко внѣ зависимости собранія сего состоящей, ни склонять дворянства на твердость и проч. Сей поступокъ, кромѣ неправильности и невыгоднаго замѣчанія на счетъ его, ни къ чему и послужить не могъ; ибо дѣло ревизіи тѣмъ не менѣе должно идти своимъ порядкомъ и получить развязку свою соотвѣтственно оному и той справедливости, которая мною всегда будетъ руководствовать. Въ Петергофѣ, іюля 22 дня 1806 г.“ На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Александръ. Контрасигнировалъ графъ В. Кочубей.

Одновременно графъ Кочубей писалъ отъ себя графу Буксгевдену: „Препровождая при семъ Высочайшій рескриптъ на имя ваше послѣдовавшій, я первоначально не долженъ скрыть отъ васъ, м. г. мой, *что Государь Императоръ съ особеннымъ неудовольствіемъ видѣть изволилъ все то, что на ландтагѣ происходило*, и что, несмотря на данныя повелѣнія, собраніе сіе не воздержалось заниматься предметами, до ревизіонныхъ коммиссій относящимися.

„Его Императорское Величество въ рескриптѣ своемъ изъяснить уже изволилъ о томъ недоразумѣніи, которое заставило на ландтагѣ входить въ дѣла ревизіонныхъ коммиссій, совершенно по установленію коммиссій сихъ до него не принадлежащихъ. При составленіи Положенія для крестьянъ, въ коемъ участвовали два члена, Лифляндіи принадлежащіе и дворянствомъ къ занятію первыхъ въ провинціи мѣстъ избранные, положено было, чтобъ сколько можно дать коммиссіямъ симъ видъ безпристрастія и поставить ихъ вслѣдствіе того *внѣ власти дворянства и мѣстнаго въ Лифляндіи правленія*, подчиня впрочемъ дѣйствія коммиссій Комитету, который оставленъ здѣсь незакрытымъ до окончанія ревизій.

„Такимъ образомъ, Комитетъ сей, съ окончанія Положенія о повинностяхъ крестьянскихъ, занимался здѣсь разными предметами, до ревизіи относящимися. Иногда приглашаемы были сюда члены Комитета, въ Лифляндіи находящіеся, когда предметы, къ разсмотрѣнію предлежавшіе, того требовали. Иногда

сзываемы были президенты ревизіонныхъ коммиссій, и во всѣхъ случаяхъ стараніе прилагаемо было, дабы дѣла получали свое разрѣшеніе сколь возможно поспѣшнѣе, (въ чемъ однакожъ по запутанности ихъ иногда и успѣть невозможно было) и чтобъ разрѣшенія сіи всегда соотвѣтствовали той справедливости, которая есть свойственна намѣреніямъ Его Величества. Не говоря о нѣкоторыхъ общихъ разрѣшеніяхъ или дополненіяхъ по ревизіоннымъ коммиссіямъ, тотъ же самый г. Клебекъ, который былъ предметомъ разсужденій нынѣшняго ландтага, просилъ, за нѣсколько предъ симъ здѣсь, о стѣсненіи его при назначеніи крестьянскихъ повинностей. Просьба его была принята, и сдѣлано разрѣшеніе, которымъ онъ казался быть довольнымъ. Г. генералъ-лейтенантъ Кнорингъ и ландратъ Пистолькорсъ пріѣхали сюда просить также по нѣкоторымъ предметамъ, до повинностей крестьянскихъ относящимся, и вашему сіятельству извѣстно, что, и при случаѣ семъ, оказано все то снисхожденіе, какое только возможно. Я, по крайней мѣрѣ, имѣлъ удовольствіе видѣть, что генералъ Кнорингъ былъ къ сему признателенъ и самъ признавался, что не можно было болѣе ничего сдѣлать. Наконецъ, тѣмъ же г. Клебекомъ принесены жалобы отъ него и другихъ на ландрата Сиверса, и ваше сіятельство изволили видѣть изъ отношенія, которое я имѣлъ честь къ вамъ сдѣлать отъ 13-го іюля, что и по сей новой жалобѣ требуются объясненія отъ венденской ревизіонной коммиссіи, ибо опредѣленіе повинностей отъ нея только зависѣть могло, и ни тутъ ни въ другихъ мѣстахъ не могли оберъ-кирхенъ-форштееры имѣть болѣе вліянія, какъ сколько имъ по Положенію предоставлено, да и не имѣемъ мы въ виду, чтобъ они его имѣли. Довольно любопытно, что дворянство присвоиваетъ имъ нѣкоторымъ образомъ власть, которой они, по Положенію, не имѣютъ. Оно именуетъ ихъ ревидентами, тогда какъ въ существѣ ревизія производится коммиссіею, составленною изъ членовъ, дворянствомъ избранныхъ, и президента, коему предоставлено пользоваться нѣкоторымъ пособіемъ оберъ-кирхенъ-форштеера какъ особы, которая пользуется уваженіемъ окружнаго дворянства и наилучше вѣдаетъ тамошнія дѣла. Посему оберъ-кирхенъ-форштееръ не можетъ самъ дѣйствовать, и если г. Сиверсъ то

себѣ дозволялъ, то слѣдовало г. Клебеку представить о томъ предсѣдателю венденской коммиссіи и, въ случаѣ неудовлетворенія имъ его, отнестись сюда съ жалобою прямо на коммиссію или просить чрезъ посредство вашего сіятельства. Въ таковомъ точно смыслѣ даны предписанія, къ вашему сіятельству препровожденныя, г. Репьеву. Ему предписано разсмотрѣть жалобы сіи, и если въ существѣ или формѣ, опредѣленіе венденской коммиссіи есть неправильное, то привести то въ надлежащій порядокъ.

„Съ сими понятіями, которыя мы о ревизіонныхъ коммиссіяхъ имѣемъ, ваше сіятельство судить можете, что оберъ-кирхенъ-форштееры не могутъ имѣть существеннаго вліянія на дѣйствія ревизіонныхъ коммиссій; но ежели бы, паче чаянія, г. Сиверсъ пріобрѣлъ оное посредствомъ приватнаго вліянія своего надъ г. предсѣдателемъ Репьевымъ, то вы, м. г. мой, согласитесь со мною, что трудно таковые виды предупредить, да и много ли людей, которые бы, по слабости или иначе, таковымъ сокрытымъ вліяніямъ не были подвержены? Такимъ образомъ, въ отношеніи ревизіи довольно равнодушно кто бы ни былъ оберъ-кирхенъ-форштееромъ, и удаленіе г. Сиверса, по дѣламъ единственно до дворянства относящимся и основанное на правахъ, Лифляндіи присвоенныхъ, есть дѣло того самаго дворянства, довѣренностію коего онъ къ званію сему былъ призванъ. Его Величество по тому предоставлять изволитъ обстоятельство сіе законному его теченію, желая только, чтобъ ваше сіятельство всегда имѣли въ виду точную волю Государя Императора, дабы дѣла обыкновенныя, подобныя тѣмъ, кои, какъ разсчеты о почтахъ, сборы для пасторовъ и проч., нынѣ основаніемъ увольненію ландрата Сиверса служили, не были смѣшиваемы съ предметами ревизіонныхъ коммиссій.

„Что касается до жалобъ венденскаго дворянства, Его Императорское Величество указать изволилъ, чтобъ по онымъ требовано было надлежащее объясненіе отъ ревизіонной коммиссіи венденской и чтобъ по дѣламъ симъ слѣдуемо было точно такъ, какъ доселѣ сіе чинилось, то есть: чтобъ всѣ жалобы, *частно, венденскихъ дворянъ* разсматриваемы были въ Комитетѣ, Высочайше здѣсь учрежденномъ. На основаніи семъ,

я прошу покорно ваше сіятельство приказать объявить дворянамъ венденскаго округа, которые на дѣйствіе коммиссіи жаловаться имѣютъ, чтобъ они прислали *каждый*, *частно*, жалобы свои сюда съ ясными доказательствами, въ чемъ именно кто притѣсненъ былъ".

Несмотря на ясность и опредѣлительность даннаго въ послѣднихъ строкахъ указанія, графъ Буксгевденъ и въ этомъ случаѣ поступилъ по своему или, точнѣе, по внушенію г. Клебека. Онъ оповѣстилъ недовольныхъ дворянъ, чтобъ они къ назначенному имъ сроку подали свои жалобы не въ Петербургскій Комитетъ, а въ ландратскую коллегію, которая должна была препроводить ихъ къ военному губернатору. Такимъ образомъ, за дворянскимъ представительствомъ все-таки, въ противность Высочайшей волѣ и притомъ безъ всякой надобности, удерживалось нѣкоторое въ этомъ дѣлѣ участіе, въ качествѣ передаточной инстанціи.

Графъ Буксгевденъ видимо не сдавался. Мѣстные дѣльцы, водившіе его на помочахъ, нисколько его не берегли, и, по ихъ совѣтамъ, онъ написалъ министру: „Въ отношеніи вашего сіятельства значится, что, при составленіи Положенія для крестьянъ, положено было, чтобъ сколько можно дать коммиссіямъ симъ *видъ безпристрастія и поставить ихъ вслѣдствіе того внѣ власти дворянства и мѣстнаго въ Лифляндіи правленія*, подчиняя впрочемъ дѣйствія коммиссіи Комитету. Въ сужденіе дѣлъ коммиссіи я не вхожу и никогда не входилъ, ниже изыскивалъ причины, по коимъ поставлены коммиссіи внѣ власти мѣстнаго въ губерніи начальства; признаюсь однакожъ, не могъ я полагать, чтобы мѣстное въ Лифляндіи правленіе могло подавать видъ пристрастія, какъ сіе видно изъ смысла отношенія вашего. И потому прошу ваше сіятельство меня увѣдомить, какія доказательства составляютъ сказанный вами на счетъ мѣстнаго въ Лифляндіи правленія видъ пристрастія?

„Я ничего не учинилъ вопреки Положенія сего, что дѣйствія коммиссіи подчинены Комитету. Отъ дворянства жалобы на своевольство и притѣсненія венденской ревизіонной коммиссіи я принималъ по силѣ Высочайшихъ о управленіи губерній учрежденій, 82-й статьи, яко заступникъ утѣсненныхъ. Въ разбирательство и сужденіе жалобъ сихъ и дѣлъ коммиссіи

я не входилъ, но отсылалъ сіи жалобы къ вашему сіятельству, яко предсѣдателю Комитета.

„По поводу замѣчанія вашего сіятельства, что коммиссіи изъяты власти мѣстнаго правленія, неужели не слѣдовало мнѣ принимать сихъ жалобъ отъ дворянъ, вопіющихъ на своевольство коммиссіи ихъ угнетающее и лишающее собственности, вопреки Высочайшаго Положенія? Я прошу ваше сіятельство исходатайствовать Высочайшее Государя Императора повелѣніе, дабы не принималъ я жалобъ о таковыхъ обидахъ и не вступался съ представленіями о томъ, такъ я и не буду того дѣлать".

Графъ Кочубей отвѣчалъ: „Отношеніе мое къ вашему сіятельству отъ 22 іюля составлено было не только по точному Высочайшему повелѣнію, но и, по составленіи его, было мною представлено на Высочайшее усмотрѣніе и удостоено аппробаціи Государя Императора, а посему и не могъ бы я считать себя въ прямой обязанности входить въ объясненіе на примѣчанія, по содержанію отношенія сего вами мнѣ сообщенныя.

„Но уважая пользы службы и желая удалить и малѣйшій поводъ къ недоразумѣнію въ сношеніяхъ моихъ съ вами, я счелъ нужнымъ сообщить вамъ, м. г. мой, въ слѣдующихъ разсужденіяхъ образъ мыслей моихъ на содержаніе послѣдняго ко мнѣ отношенія вашего.

„Ваше сіятельство требуете отъ меня увѣдомленія, какія есть доказательства на пристрастіе, приписываемое яко бы мною по дѣламъ ревизіонныхъ коммиссій мѣстному въ Лифляндіи начальству. Мѣстное начальство, по мнѣнію моему, не можетъ дѣйствовать правильно иначе, какъ соображаясь во всемъ съ намѣреніями и дѣйствіями начальства высшаго. Такимъ образомъ, обѣ власти сіи, имѣя разныя степени упражненій, составляютъ однако же въ существѣ своемъ едино. По сему понятію, выраженіе въ отношеніи отъ 22 іюля помѣщенное „что, дабы дать ревизіоннымъ коммисіямъ видъ безпристрастія, признано было нужнымъ постановить ихъ внѣ власти дворянства и мѣстнаго въ Лифляндіи правленія" не можетъ имѣть другаго смысла, какъ слѣдующій. Въ образѣ составленія мѣстныхъ коммиссій могли представиться двѣ разныя организаціи: 1) составить ихъ изъ одного дворянства и подчинить ланд-

ратской коллегіи, 2) составить ихъ изъ членовъ правительства и подчинить мѣстному начальству. Въ первомъ предположеніи крестьяне могли бы жаловаться на пристрастіе въ пользу дворянства; во второмъ дворянство, съ равнымъ основаніемъ, могло бы имѣть поводъ къ жалобамъ на пристрастіе правительства въ пользу крестьянъ. Чтобъ удалить сіи поводы къ жалобамъ на пристрастіе съ той и другой стороны, или иначе сказать, *чтобъ дать коммиссіямъ видъ безпристрастія* къ обоимъ состояніямъ, признано было нужнымъ составить ихъ изъ членовъ отъ дворянства и изъ президента отъ правительства, подчинить ихъ особенному Комитету, здѣсь на томъ же правилѣ учрежденному, и тѣмъ самымъ поставить ихъ внѣ дѣйствія и дворянства и мѣстнаго начальства. Въ семъ состоитъ самый естественный и простой смыслъ замѣченнаго вами выраженія. Я не думаю, чтобъ можно было дать оному другое какое либо изъясненіе, не удаляясь отъ самыхъ словъ и точнаго разума, въ коемъ все отношеніе сіе было составлено. Если бы правительство, при семъ случаѣ, желало указать на какія-либо пристрастія со стороны мѣстнаго правленія въ дѣлахъ сего рода, ему не было бы нужды дѣлать для сего намека; оно изъявило бы просто и ясно свое мнѣніе о сихъ пристрастіяхъ и потребовало бы отвѣта. Слѣдовательно, ни въ какомъ отношеніи нельзя приписать выраженію сему того значенія, которое угодно было вашему сіятельству тутъ замѣтить.

„Въ продолженіе того же представленія вашего вы предлагаете мнѣ, м. г. мой, исходатайствовать Высочайшую волю, чтобъ не принимать вамъ никакихъ на коммиссіи жалобъ, изъясняя впрочемъ, что жалобы отъ венденскаго дворянства приняли вы по силѣ 82-й статьи учрежденій о губерніяхъ.

„В о - п е р в ы х ъ, я не думаю, чтобъ приводимая вами статья учрежденій могла быть съ нѣкоторою точностію отнесена къ настоящему дѣлу. На ландтагѣ, составленномъ по правамъ лифляндскимъ, принесена отъ окружнаго дворянства собравшемуся дворянству же жалоба на коммиссію, поставленную закономъ внѣ дѣйствія дворянства, и принесена тогда, какъ на семъ самомъ ландтагѣ особеннымъ Высочайшимъ указомъ именно запрещено было входить въ разсужденіе

по симъ предметамъ. Чтобъ къ сему случаю, столь отъ обыкновеннаго порядка отходящему, можно было отнести общее правило учрежденія и чтобъ, по силѣ 82-й статьи сихъ учрежденій, главный начальникъ обязанъ былъ сію самую жалобу, не въ надлежащее мѣсто принесенную, принять, тогда какъ, по силѣ Высочайшаго указа 25 мая, и къ разсужденію ландтага она не принадлежала, я, сколько бы ни желалъ всегда быть одного съ вашимъ сіятельствомъ мнѣнія, но въ семъ случаѣ, къ сожалѣнію моему, не могу съ вами согласиться и мнѣ кажется, что было бы должно ландтагу примѣтить несходство его поступка съ Высочайшимъ указомъ 25 мая, а просителямъ объявить, чтобъ приносили они жалобы свои по порядку въ Комитетѣ здѣсь для сего учрежденномъ.

„Во-вторыхъ, если бы та же самая жалоба дворянства, не бывъ предложена на ландтагѣ, дошла къ вамъ прямо отъ дворянъ съ изъясненіемъ, въ чемъ именно состоятъ притѣсненія, каждымъ изъ нихъ отъ коммиссіи терпимыя, тогда, по силѣ 82-й статьи учрежденія, отъ усмотрѣнія вашего и отъ степени уваженія коего просьба сія могла бы по существу своему заслуживать, зависѣло бы принять ее и препроводить въ Комитетъ или объявить дворянству, чтобъ непосредственно въ оный отнеслось.

„Такимъ образомъ, случай сей, яко особенный, не можетъ никакого дать повода къ общему правилу, чтобъ не принимать вамъ никакихъ на коммиссію жалобъ, когда жалобы путемъ установленнымъ къ вамъ доходить будутъ. А посему и не смѣю я никакъ представлять Государю Императору о установленіи сего правила, яко противнаго званію главнаго начальника губерніи и той справедливости, коею Государь Императоръ дѣйствіе коммиссій ограждать во всѣхъ отношеніяхъ желалъ постоянно.

„Въ семъ состоятъ мысли, кои счелъ я нужнымъ сообщить вашему сіятельству въ единственномъ намѣреніи, чтобъ въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ, по сложности своей, довольно уже представляетъ затруднительныхъ соображеній, удалить, сколько отъ меня зависитъ, всякій поводъ къ постороннимъ для меня изъясненіямъ, желая впрочемъ усердно, чтобъ положено было скорое окончаніе не только всѣмъ за-

мѣшательствамъ симъ, но и самой ревизіи, дабы такимъ образомъ пресѣчь тѣ неудовольствія, которыя по самому существу дѣла сего неминуемо происходить должны".

Къ Сиверсу графъ Кочубей писалъ: „Государь Императоръ, получа письмо ваше, м. г. мой, отъ 9-го сего іюля, Высочайше указать мнѣ изволилъ, въ отвѣтъ на оное, сообщить вамъ, что онъ, съ особливымъ сожалѣніемъ увѣдомился о тѣхъ огорченіяхъ, кои вы, по случаю собранія въ Ригѣ ландтага, имѣли; что его Величество всегда отдавалъ полную справедливость усердію и стараніямъ вашимъ о истинныхъ пользахъ Лифляндіи, и особенно дворянства, и что, не сомнѣваясь въ правости вашей и бывъ всегда расположенъ изъявлять Монаршее свое благоволеніе, онъ ожидаетъ только, дабы дѣла, нынѣ встрѣтившіяся, и ревизія были окончены. чтобъ дать вамъ новые опыты Высочайшаго благорасположенія. Исполняя такимъ образомъ Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе, я нужнымъ признаю присоединить здѣсь, что, касательно жалобъ на венденскую ревизіонную коммиссію, не оставилъ я вмѣстѣ съ симъ отнестись къ президенту оныя для полученія свѣдѣній, нужныхъ къ окончанію дѣла сего".

Такимъ образомъ, интрига была отражена, достоинство правительства было спасено, ограждена была свобода его рѣшеній и дѣло получило правильное направленіе; съ другой стороны, въ виду множества поданныхъ жалобъ и ихъ важности, Комитетъ призналъ осторожнымъ, впредь до окончательнаго ихъ разрѣшенія, предписать венденской коммиссіи пріостановиться раздачею изготовленныхъ ею вакенбуховъ и настоялъ на этомъ, несмотря на всѣ возраженія Репьева, котораго это мѣра крайне огорчила. Въ 25-ти приходахъ ввѣреннаго ему округа Положеніе было окончательно введено въ дѣйствіе; оставалось только раздать изготовленные вакенбухи въ двухъ приходахъ, и вся операція окончилась бы въ три дня.

Въ концѣ августа 1806 г., отъ ландратской коллегіи, черезъ военнаго губернатора, Комитетъ получилъ 50 пространныхъ жалобъ, въ томъ числѣ отъ лифляндскаго губернатора Рихтера, съ массою приложеній. Не ограничиваясь передачею всего этого

сыраго матеріала, коллегія сдѣлала ему сводъ по существу обвинительныхъ пунктовъ, подкрѣпила каждый собственными своими разсужденіями и дала заключенія о томъ, какимъ порядкомъ и кому слѣдовало бы поручить производство дознанія на мѣстахъ. Коллегія считала себя въ правѣ все это высказать отъ имени дворянства, потому что вслѣдствіе послѣдняго постановленія ландтага (*того самаго, за которое дворянству объявлено было Высочайшее неудовольствіе*, какъ за противозаконное вмѣшательство въ дѣло, до него не касавшееся), жалобы венденскихъ помѣщиковъ *стали общимъ дѣломъ всей земли* (eine allgemeine Landessache geworden sind), прямо и рѣшительно наперекоръ двукратно выраженной Высочайшей волѣ.

Не говоря о частностяхъ, почти всѣ жалобы содержали въ себѣ слѣдующія обвиненія:

1) Венденская коммиссія не давала вѣры помѣщичьимъ реверсамъ и, при составленіи временныхъ вакенбуховъ, не основывалась на показаніяхъ владѣльцевъ о количествѣ земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ, и не признавала за владѣльцами права на *всѣ* дотолѣ отбывавшіяся повинности. Она даже произвольно уменьшала въ своихъ разсчетахъ размѣры надѣловъ, по общему правилу (§ 25) предполагаемыхъ въ неизмѣренныхъ дворахъ, и принимала, напримѣръ, дворъ восьмерняка за 8 талеровъ 52 гроша, вмѣсто 10 талеровъ, дворъ четверняка за 18 талеровъ вмѣсто 20, и т. д.

2) Она же, въ противность § 64-го, требовала, чтобъ оброкъ натурою составлялъ не менѣе четвертой части всей повинности съ каждаго двора и этимъ условіемъ ограничивала предоставленное помѣщику право перекладывать оброкъ въ рабочіе дни.

3) Въ обиду крестьянамъ, она самовольно удвоила, коймгдѣ даже утроила и учетверила общую сумму оброка (по $^1/_3$ лофа озимаго и яровыхъ хлѣбовъ), по старымъ законамъ взимавшагося въ пользу пасторовъ съ каждаго двороваго мѣста (Gesinde-Stelle), показаннаго въ ревизіонномъ вакенбухѣ, обкладая тѣмъ же сборомъ *всѣхъ* наличныхъ хозяевъ, то есть всѣ дворы, впослѣдствіи образовавшіеся путемъ раздробленія старыхъ дворовыхъ мѣстъ на многіе самостоятельные участки.

4) Также, въ ущербъ крестьянамъ, она самовольно обло-

жила ихъ хлѣбнымъ сборомъ на содержаніе ихъ дѣтей въ школахъ.

5) Содержаніе батракамъ она опредѣлила на весь уѣздъ въ однообразномъ и слишкомъ высокомъ размѣрѣ, не принимая въ соображеніе мѣстныхъ обычаевъ и вмѣняя хозяевамъ въ обязанность, крайне для нихъ тяжелую, непремѣнно отводить батракамъ полосы земли въ поляхъ, залежахъ и т. д.

6) Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ она, по временнымъ вакенбухамъ, впредь до измѣренія, предоставляла крестьянамъ право, при отбываніи вспомогательной барщины, пользоваться господскими харчами; въ другихъ даже возлагала на помѣщика уплату лежащихъ на крестьянахъ государственныхъ податей и повинностей, подушныхъ, рекрутскихъ денегъ и т. п.

7) Содержаніе венденской коммиссіи обходилось дворянству непомѣрно дорого, гораздо дороже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, а исполнительная операція еще не окончена. Виноватъ въ этомъ былъ болѣе всѣхъ ревидентъ Сиверсъ.

8) Наконецъ: скорое, спокойное, ко всеобщему удовольствію оконченное и никакихъ жалобъ невозбудившее производство исполнительной операціи въ дерптскомъ и пернавскомъ уѣздахъ выставлялось на видъ и восхвалялось всѣми недовольными венденскою коммиссіею въ вящшее обличеніе мнимаго ея пристрастія.

Губернаторъ Рихтеръ подалъ свою жалобу прямо отъ себя министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ объяснялъ, что всегда сочувствовалъ и всѣми мѣрами содѣйствовалъ введенію Положенія 1804 года, а теперь поднималъ голосъ противъ венденской коммиссіи не изъ личнаго интереса, а по чувству долга, такъ какъ „она самопроизвольно крестьянъ обижаетъ, а помѣщиковъ ищетъ лишить собственности и разорить“.—Вслѣдъ за этимъ, въ той же жалобѣ, черезъ нѣсколько строкъ значилось: „Я имѣю долговъ на себѣ до 400,000 талеровъ и только пользуюсь жениннымъ имѣніемъ, которое я, въ продолженіе 30-ти лѣтней службы, умалилъ. Теперь, временный вакенбухъ, составленный коммиссіею впредъ до измѣренія крестьянскихъ земель, лишаетъ меня 21,000 талеровъ“. Въ доказательство умѣренности своихъ требованій, г. Рихтеръ приводилъ, что

въ поданномъ имъ реверсѣ онъ разсчитывалъ осмерняка „*только* изъ 12 талеровъ 49 $^5/_8$ грошей надѣла"—по общему правилу, въ участкѣ осмерняка полагалось земли на 10 талеровъ. Изъ другого представленія того же Рихтера видно, что онъ требовалъ съ осмерняка, при 108 дняхъ ординарной барщины, цѣлыхъ 127 дней экстраординарной. Вотъ до какихъ размѣровъ доросла эта такъ называемая вспомогательная повинность, которую старые вакенбухи оставляли безъ точнаго опредѣленія по ея ничтожности. Въ заключеніе онъ писалъ: „По откровенности сказать, ландратъ Сиверсъ, который есть единственно причиною въ столь долгой проволочкѣ регулировки, изыскивая разныя тонкости, которыми обременялъ Комитетъ, вѣрно, по обыкновенію своему, зашумитъ какъ противъ меня такъ и прочихъ обиженныхъ помѣщиковъ; что онъ, яко бы, будучи споспѣшествователь благихъ намѣреній, отъ того преслѣдуемъ, что дворянство Высочайшимъ Положеніемъ недовольно, тогда какъ, напротивъ того, дворянство, какъ доказано примѣромъ на дерптскомъ и пернавскомъ уѣздахъ и частію въ прошедшемъ году регулировкою венденскаго уѣзда, не взирая что весьма много потеряло въ повинностяхъ крестьянскихъ, не жалуется однакожъ, будучи совершенно довольно точнымъ исполненіемъ Положенія; но это только отчасти брюзжаніе, отчасти личина, чтобъ, съ одной стороны, удовлетворять тщеславію своему, быть восхваляему дѣла незнающими журналистами и попами, яко другъ человѣчества и даже покровитель Высочайшаго Положенія, а съ другой, чтобъ испускать зависть и вражду свою на людей, которые, приступая къ дѣлу не вздорливо, лучше живутъ".

Въ составѣ самой венденской коммиссіи обнаружился внутренній расколъ. Два члена ея, въ послѣднее время не принимавшіе въ дѣлахъ ея никакого участія, ф. Каленъ и ф. Бергъ, съ самаго начала не ладившіе съ Репьевымъ и Сиверсомъ, рѣшительно пристали къ ихъ врагамъ и въ особой поданной ими запискѣ заявили, что почти всѣ обжалованныя дѣйствія коммиссіи были ими опротестованы задолго до ихъ огласки, но возраженія ихъ уважены не были. Они между прочимъ свидѣтельствовали, что, на первыхъ порахъ, изготов-

леніе вакенбуховъ по реверсамъ не возбуждало въ коммиссіи никакихъ недоумѣній и производилось, съ вѣдома и одобренія предсѣдателя и Сиверса, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, которыя теперь такъ горячо оспаривались ими какъ противозаконныя. Не ранѣе какъ въ концѣ 1805 года они вдругъ какъ будто одумались, усвоили себѣ другое толкованіе закона и приступили къ передѣлкѣ всего сдѣланнаго прежде. Это заявленіе не было бы лишено основанія, еслибъ оно не имѣло характера обвиненія, а содержало бы въ себѣ простое указаніе на фактъ, котораго никто не оспаривалъ, а именно, что противорѣчія и недомолвки, намѣренно введенныя въ Положеніе или оставленныя въ немъ по недосмотру, обнаруживались на практикѣ постепенно и не сразу открыты были исполнителями.

Объясненія по жалобамъ венденскихъ дворянъ поданы были четырьмя засѣдателями коммиссіи; подъ этими объясненіями подписались также Репьевъ и Сиверсъ, представившіе отъ себя еще нѣсколько дополнительныхъ записокъ. Мы ознакомимъ читателей съ ихъ содержаніемъ по обвинительнымъ пунктамъ изложеннымъ выше, но въ обратномъ порядкѣ, начиная съ послѣднихъ, такъ какъ на первыхъ двухъ, самыхъ важныхъ по существу дѣла, придется остановиться долѣе.

8) Венденскую коммиссію, писалъ Сиверсъ, уличаютъ примѣромъ пернавской и дерптской. Что онѣ розно понимали и примѣняли законъ—это не подлежитъ сомнѣнію и на это обстоятельство я самъ давно указывалъ Комитету; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ ошибалась непремѣнно венденская коммиссія, и прибавлю: рижская, дѣйствовавшая съ нею по существеннымъ вопросамъ почти во всемъ заодно. Почему не жалуются помѣщики пернавскаго и дерптскаго уѣздовъ—объяснить себѣ не трудно; но знаетъ ли правительство, отчего до сихъ поръ не доходило до него жалобъ массами отъ тамошнихъ крестьянъ?—Когда началась сдача имѣній въ аренду по введеннымъ вновь вакенбухамъ, арендаторы почти испугались громадности повинностей, которыми обложены были крестьяне, и убѣжденіе въ невозможности ихъ исполненія, а можетъ быть, и опасеніе волненій заставили самихъ арендаторовъ не требовать отъ крестьянъ всего того, на что они

имѣли бы право. Сиверсъ указывалъ поименно на имѣнія, въ которыхъ сдѣланы были подобнаго рода уступки. Стало быть, тамъ, въ дѣйствительности, народъ еще не почувствовалъ на себѣ новаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ.

7) Содержаніе венденской коммиссіи, продолжалъ Сиверсъ, обходится дворянству дорого—это правда, хотя вдвое дешевле рижской [1]; но кто виноватъ въ этомъ?—Дѣло оберъ-кирхенъ-форштеера въ венденскомъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, было назначить сумму на содержаніе коммиссіи съ гака, по числу гаковъ въ уѣздѣ; затѣмъ, деньги поступали въ распоряженіе засѣдателей, избранныхъ дворянствомъ въ оба отдѣленія коммиссіи; они, разъѣзжая по округу, расходовали ихъ въ мѣру надобности, и на ихъ обязанности лежало не допускать издержекъ незаконныхъ или явно преувеличенныхъ. Почему же молчатъ о засѣдателяхъ, а тянутъ къ отвѣту оберъ-кирхенъ-форштеера, который часто, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, отлучался въ Петербургъ по вызовамъ Комитета? Виноватъ ли онъ въ томъ, что нѣкоторые изъ засѣдателей по пяти мѣсяцевъ ничего не дѣлали, или въ томъ, что на покрытіе вотчинныхъ своихъ расходовъ по содержанію одного отдѣленія коммиссіи, во время пребыванія ея въ Марьенбургѣ, имѣніи тайнаго совѣтника Фитингофа, владѣлецъ выпрашивалъ по 50 талеровъ въ сутки [2], а въ другихъ имѣніяхъ, какъ-то въ Трикатенѣ, Марценѣ и другихъ, до 60 и 80, тогда какъ въ Венденѣ, гдѣ все оплачивается дороже, чѣмъ въ уѣздѣ, содержаніе всей коммиссіи, въ полномъ ея составѣ, не превышало 26 талеровъ? Не само ли дворянство выпросило у правительства назначенія коммиссій въ настоящемъ ихъ видѣ и составѣ, и если оно такъ бережливо на свои расходы въ венденскомъ округѣ, то почему же молчитъ о томъ, что депутаты, которыхъ конвентъ въ прошломъ году отправилъ въ Петербургъ съ разными ходатайствами, обошлись краю въ 10,000 руб., а въ нынѣшнемъ, конечно, обойдутся не дешевле?

6) По жалобѣ на отнесеніе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ продо-

---

[1] Это доказывалось выписками изъ опубликованныхъ отчетовъ.

[2] И онъ же, громче другихъ, жаловался, что содержаніе коммиссіи обходится уѣзду дорого.

вольствія крестьянъ, при отбываніи вспомогательной барщины, и уплаты за нихъ податей къ обязанностямъ помѣщиковъ, коммиссія объясняла, что она нигдѣ не *налагала* на нихъ подобныхъ обязанностей вновь, а только *оставляла* ихъ тамъ, гдѣ помѣщики несли ихъ прежде, именно въ немежеванныхъ имѣніяхъ, притомъ только впредь до приведенія въ точную извѣстность количества и цѣнности крестьянскихъ земель. Поэтому правило это не примѣнялось ни къ имѣніямъ обмежеваннымъ, ни къ тѣмъ, въ которыхъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могли быть окончательно регулированы по казенному вакенбуху. Но въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ, по необходимости, въ основаніе временныхъ вакенбуховъ полагались регулативы 1765 и 1784 годовъ, коммиссія встрѣчала иногда вспомогательныя повинности, произвольно накинутыя на крестьянъ за извѣстныя въ пользу ихъ вознагражденія. Если бы въ подобныхъ случаяхъ она возлагала, хотя бы на время, эти повинности на крестьянъ, слагая съ помѣщиковъ вознагражденіе, то она, очевидно, поступила бы неправильно. На это, правда, возражали, что по закону помѣщики и безъ того обязаны будутъ вознаградить крестьянъ за всѣ переборанныя съ нихъ повинности; но минута окончательнаго расчета должна наступить не скоро [1]), не прежде, какъ по окончаніи измѣренія и оцѣнки крестьянскихъ земель. Податели жалобъ, замѣчала коммиссія, смотрѣли вообще на Положеніе о крестьянахъ съ странной точки зрѣнія, упуская изъ виду, что оно издано было съ заявленною цѣлью *улучшить бытъ крестьянъ* и что поэтому примѣненіе его ни въ какомъ случаѣ не должно было вести къ ухудшенію ихъ быта, хотя бы и временному.

5) По статьѣ о содержаніи батраковъ коммиссія доказывала, что она въ точности исполнила требованіе инструкціи, то есть отобрала отъ всѣхъ помѣщиковъ подробныя свѣдѣнія о существовавшемъ въ ихъ имѣніяхъ по этому предмету положеніи. Изъ этихъ справокъ и изъ собственныхъ своихъ наблюденій, она убѣдилась, что почти повсемѣстно, за исключеніемъ очень немногихъ имѣній, батраки дѣйствительно получали, для обработки на себя, участки въ залежахъ, но что

[1]) Она совсѣмъ не наступила — читатели увидятъ это изъ послѣдней главы.

вообще этотъ многочисленный классъ находился въ крайне бѣдственномъ положеніи и не находилъ, въ получаемомъ имъ вознагражденіи за обязательный трудъ, достаточныхъ средствъ къ безбѣдному существованію. Отъ 27 сентября 1805 года послѣдовало предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ руководствоваться относительно батраковъ началами, предложенными предсѣдателемъ рижской коммиссіи, именно: опредѣлять имъ вознагражденіе отводомъ земли изъ хозяйскихъ участковъ. Слѣдуя этому, коммиссія установила, какъ крайне необходимый для нихъ и для хозяевъ вовсе не обременительный размѣръ отвода [1]), по двѣ лофштели въ полѣ и по $^1/_3$ лофштели въ залежи (всего около $2^1/_8$ дес.). Притомъ это положеніе примѣнялось обязательно только къ тому наименьшему числу батраковъ, которыхъ каждый хозяинъ непремѣнно обязанъ былъ содержать пропорціонально величинѣ своего участка, и нисколько не связывало его въ наймѣ рабочихъ по собственному его желанію сверхъ этого числа.

4) Относительно установленія сбора съ крестьянъ провизіею на содержаніе ихъ дѣтей въ школахъ, коммиссія замѣчала, что непонятно было, съ чего пришло на мысль помѣщикамъ предъявлять претензію эту за крестьянъ, которые сами и не думали жаловаться. Указывая на подлинные протоколы, она заявляла, что хозяева повсемѣстно, совершенно добровольно принимали на себя эту обязанность по предложенію коммиссіи, а предложеніе дѣлалось имъ по просьбѣ школьной коммиссіи и правленія дерптскаго университета. Съ тѣхъ поръ какъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ по приходамъ начальныхъ школъ, въ бо̀льшей части приходовъ венденскаго уѣзда существовалъ уже подобный сборъ въ томъ самомъ размѣрѣ, далеко необременительномъ, ибо потребное на содержаніе одного мальчика въ школѣ сбиралось съ двухъ полныхъ гаковъ. Коммиссіи оставалось только занести эту повинность въ вакенбухи, что̀ не только разрѣшалось, но даже прямо входило въ кругъ ея обязанностей по Положенію. Въ дополненіе къ этому Сиверсъ спрашивалъ: что̀ подумаетъ правительство о Лифляндіи и о нашихъ сельскихъ порядкахъ, если

[1]) Это доказывалось подробными исчисленіями.

оно со словъ просителей повѣритъ, что для нашихъ крестьянъ взносъ на содержаніе ихъ дѣтей въ школѣ по 7 гарнцевъ муки, по 3 гарнца крупы и по 20 коп. съ участка, который считается достаточнымъ надѣломъ для обезпеченія отъ 12 до 15 душъ, составляетъ непосильное бремя?

3) Вопросъ о томъ, съ чего взимать хлѣбный сборъ на пасторовъ, какъ оказалось изъ объясненій, былъ издавна спорнымъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и венденская коммиссія, считали эту повинность подворною, подлежащею взиманію съ каждаго наличнаго домохозяина и слѣдовательно долженствующею, при неизмѣнномъ окладѣ, увеличиваться въ итогѣ въ мѣру умноженія числа дворовъ. Это казалось естественнымъ, ибо обыватели, а не земля, нуждались въ пасторѣ, и обязанности послѣдняго усложнялись по мѣрѣ прибыли народонаселенія. Другіе, въ томъ числѣ податели жалобъ, считали наоборотъ эту повинность поземельною, разъ навсегда установленною въ опредѣленномъ размѣрѣ съ неизмѣннаго числа участковъ. Обѣ стороны ссылались на указъ юстицъ-коллегіи 11-го декабря 1769 года. По существу дѣла и по справедливости, въ этомъ случаѣ права была коммиссія, но нельзя не признать, что буква упомянутаго указа скорѣе оправдывала толкованіе ея противниковъ.

2) По статьѣ о натуральномъ оброкѣ коммиссія объясняла, что сначала она руководилась кореннымъ правиломъ шведской системы, параграфомъ Положенія, указывавшимъ на это правило, первыми пояснительными журналами Комитета, которыми оно подтверждалось, и на этомъ основаніи допускала уменьшеніе натуральнаго оброка въ видахъ усиленія вспомогательной барщины только до извѣстной нормы, т. е. до четверти общей суммы всѣхъ повинностей. Потомъ, когда Комитетъ, въ отмѣну прежнихъ своихъ постановленій, журналомъ 25 января 1806 года разрѣшилъ переложеніе оброка въ рабочіе дни, не стѣсняясь этою нормою въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ соблюденіе ея могло бы лишить помѣщичье хозяйство совершенно необходимыхъ для него работъ, это разрѣшеніе принято было къ исполненію; но такого случая въ венденскомъ уѣздѣ не встрѣтилось.

1) Наконецъ, по самому важному пункту: о силѣ ревер-

совъ и объ условіяхъ составленія вакенбуховъ въ неизмѣренныхъ имѣніяхъ, коммиссія подробно объяснила свой образъ дѣйствій. Прежде всего, имѣя постоянно въ виду, что Положеніе ставило себѣ цѣлью улучшеніе, а не ухудшеніе быта крестьянъ, она не допускала мысли, чтобы повинности, наряды и требованія, до обнародованія Положенія считавшіеся незаконными и навлекавшіе на помѣщиковъ тяжелую отвѣтственность, могли сдѣлаться законными и обязательными для крестьянъ со дня и вслѣдствіе его обнародованія. До 1804 г., законный предѣлъ требованіямъ вотчинныхъ правленій полагали вакенбухи и регулативы. Обязательность первыхъ подтверждена была указомъ Императора Павла 13 іюля 1800 г., коимъ повелѣно было брать въ опеку имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, которые позволили бы себѣ облагать крестьянъ какими либо повинностями свыше показанныхъ въ вакенбухѣ, а обязательность вторыхъ — объявленіями главнаго мѣстнаго начальства. Законы эти никѣмъ и никогда отмѣняемы не были; они даже находили примѣненіе, хотя и недостаточное. Забитые крестьяне, правда рѣдко, но все-таки иногда жаловались на чрезмѣрное ихъ отягощеніе; еще рѣже давали ходъ подобнаго рода жалобамъ, но бывали однако примѣры, что по изслѣдованіямъ онѣ оправдывались и помѣщики, переступавшіе законный предѣлъ повинностей, приговаривались къ строгимъ взысканіямъ [1]). Въ подтвержденіе толкованія, котораго придерживалась коммиссія, Сиверсъ писалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, припомнитъ, что, когда онъ сообщилъ мнѣ на предварительный просмотръ еще неутвержденное Положеніе 1804 г., въ § 62-мъ, по тогдашней редакціи, вслѣдъ за вакенбухомъ, регулативами и межевыми книгами, въ п. 4-мъ значилось: „работы, существовавшія до 1803 г.“—Я на это замѣтилъ, что если пройдетъ этотъ пунктъ, то все доселѣ бывшее незаконнымъ узаконится, и, вслѣдствіе моего замѣчанія, упомянутыя слова были исключены изъ редакціи [2]).

---

[1]) Сиверсъ указывалъ, между прочимъ, на недавній приговоръ надъ помѣщикомъ Штакельбергомъ и ссылался на члена Комитета ландрата Герсдорфа, который въ этомъ дѣлѣ примѣнялъ законъ.

[2]) Исключены—да; но потомъ они вкрались опять въ § 19-й инструкціи,

Баронъ Клебекъ и другіе просители, не имѣя возможности, оспаривать силы прежнихъ вакенбуховъ, старались всѣми мѣрами опорочить регулативы. Они писали: „Позволитъ ли себѣ вѣрноподданный утверждать, чтобъ Государь Императоръ могъ захотѣть возвести на степень абсолютной нормы показанія владѣльцевъ и поссесоровъ, данныя въ 1765 и 1784 годахъ, показанія произвольныя, ни на чемъ не основанныя (bodenlosen), ни съ чѣмъ не сообразныя (ungereimten), натянутыя (übertriebenen), часто неправильныя (unrichtigen), никѣмъ непровѣренныя и не утвержденныя? Такими они представляются съ перваго на нихъ взгляда. Не ясно ли, что это было бы равносильно предоставленію особенныхъ выгодъ именно тѣмъ жестокосердымъ и самовластнымъ владѣльцамъ (den hart und despotisch handelnden Gutsbesitzern), которые обременяли своихъ крестьянъ чрезмѣрною барщиною?“—Однако, отвѣчала коммиссія, эти самые регулативы, въ § 62-мъ Высочайше утвержденнаго Положенія, прямо указаны, вслѣдъ за вакенбухами, какъ второй источникъ, которымъ должны пользоваться коммиссіи, да и венденскіе дворяне жалуются на принятіе ихъ въ руководство не потому, что регулативы слишкомъ выгодны для помѣщиковъ, а наоборотъ, потому, что они находятъ ихъ недостаточно для себя выгодными [1]. Они домогаются бо̀льшаго. Сиверсъ къ этому прибавлялъ: не странно ли, что дворяне, такъ безцеремонно опорочивающіе регулативы, то есть показанія своихъ отцевъ, родичей и свои собственныя, данныя ими *по совѣсти*, вслѣдствіе запроса къ нимъ обращеннаго отъ всего сословія, 40 и 20 лѣтъ тому назадъ, теперь требуютъ, чтобъ коммиссіи принимали на вѣру ихъ реверсы, то есть такія же дворянскія показанія, данныя въ 1805 и 1806 годахъ?

Далѣе, коммиссія поясняла, что она не могла ограничиваться одними вакенбухами, а принимала въ руководство и регулативы потому, что вакенбухи вообще не содержали въ

которая Сиверсу на просмотръ сообщена не была. Это была новая продѣлка двухъ ландратовъ.

[1]) Въ доказательство прилагались реверсы, поданные гг. Фитингофомъ и Клебекомъ на суммы повинностей, значительно превышавшія регулативы по ихъ имѣніямъ.

себѣ точнаго опредѣленія размѣра вспомогательной барщины. Наконецъ, кромѣ повинностей, показанныхъ въ регулативахъ, она допускала еще дополнительныя къ нимъ, именно тѣ, введенныя послѣ подачи заявленій въ 1765 и 1784 годахъ, за которыя положено было въ пользу крестьянъ особое, соотвѣтственное вознагражденіе, сверхъ поземельнаго ихъ надѣла.

Одновременно съ объясненіями отъ всей коммиссіи, Сиверсъ подалъ отъ себя особую записку любопытную въ смыслѣ характеристики, съ его точки зрѣнія, тогдашней Лифляндіи и общаго хода крестьянской реформы въ томъ краѣ. Мы сообщаемъ ее въ буквальномъ переводѣ, съ нѣкоторыми лишь сокращеніями, во избѣжаніе повторенія обстоятельствъ уже извѣстныхъ читателямъ.

„Прежде, чѣмъ я приступлю къ объясненіямъ по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ лично до меня касающимся, да позволено мнѣ будетъ высказать передъ Комитетомъ слѣдующее. Полумилліонное населеніе долго стонало подъ тяжкимъ бременемъ, взваленнымъ на него произволомъ нѣсколькихъ вотчинниковъ и жестокосердыхъ фермеровъ. Многіе изъ этихъ страдальцевъ доведены были безчеловѣчнымъ съ ними обращеніемъ до самоубійства, другіе были замучены или засѣчены, какъ доказываютъ слѣдственныя производства по многимъ дѣламъ [1]). Тысячи батраковъ, почти всѣ батраки, съ женами и дѣтьми, черезъ всю жизнь едва пропитывались такимъ хлѣбомъ [2]), котораго не ѣстъ собака, привыкшая къ сытному корму, и, во избѣжаніе голодной смерти, прибѣгали къ бардѣ – все это можетъ быть засвидѣтельствовано актами и хорошо извѣстно обоимъ гг. ландратамъ, засѣдающимъ въ Комитетѣ. Даже тѣ изъ крестьянъ, съ которыми обращались лучше, не могли разсчитывать на прочность своего сравнительно-сноснаго быта, ибо ихъ положеніе зависѣло отъ личныхъ свойствъ помѣщика и они всегда могли подпасть общей участи, вслѣдствіе случайной перемѣны, смерти владѣльца

---

[1]) Въ подлинникѣ эти дѣла въ точности означены по названіямъ имѣній: wie es die Alrasche, Fahrensche, Labvinzsche, Megellnsche, Menzensche und mehrere Untersuchungs-Acten beweisen.

[2]) Въ подлинникѣ: Kastbrod (?).

или продажи имѣнія. Иначе и не могло быть въ такой землѣ, гдѣ ставились ни во что права крестьянъ, предоставленныя имъ въ силу земскихъ законовъ, вторично и торжественно за ними признанныя самимъ дворянствомъ, мѣстною властью, именемъ Государя утвержденныя, печатно обнародованныя и гарантированныя. Даже сенатскіе и именные указы, издаваемые въ пользу крестьянъ, не исполнялись и не уважались, какъ напримѣръ, сенатскій 1801 г., въ Гальменфельдскомъ дѣлѣ, и именной 13 іюля 1800 года. Иначе, какъ бы посмѣли владѣльцы Маріенбургскій, Нейкалценаускій, Фестенскій, Ауленбергскій и еще многіе, которыхъ я могу назвать, возвысить болѣе чѣмъ на 100 процентовъ повинности своихъ крестьянъ безъ предварительнаго измѣренія и спеціальной оцѣнки ихъ участковъ? Не значится ли въ постановленіи дворянства, получившемъ вслѣдствіе утвержденія его именемъ Государя силу закона и дважды, въ 1765 и 1784 годахъ, печатно обнародованномъ, что всякій владѣлецъ, который, послѣ подачи регулатива, позволилъ бы себѣ возвысить издѣльную или оброчную повинность своихъ крестьянъ, подвергается наказанію и присуждается къ вознагражденію? Въ силу этого закона, по состоявшимся рѣшеніямъ, гг. Вольфъ (Венденскій), Штакельбергъ (владѣлецъ Абійскій), Енгельгорты (Гензельсгофскіе) и другіе должны были уплатить тысячи, и однако не постыдился и не побоялся же владѣлецъ Маріенбургскій, съ четверняка, обязаннаго по закону давать ему 4 лисфунта пеньки, вымогать до $13^1/_2$ и, произвольнымъ перечисленіемъ одного хозяина изъ низшаго разряда въ высшій, поднять эту данину отъ 8-ми до $67^1/_2$ лисфунтовъ; не побоялся же онъ, въ присутствіи орднунгсъ-герихта, на которомъ лежала обязанность смотрѣть за ненарушимостью упомянутаго закона, ввести у себя издѣльную повинность, болѣе чѣмъ на 100 процентовъ превосходившую размѣръ установленный въ регулативѣ [1]). Это обычное у насъ пренебреженіе къ закону такъ глубоко укоренилось, что г. ландрихтеръ Клебекъ, не задумываясь, прилагаетъ къ своей жалобѣ поста-

---

[1]) Въ подлинникѣ упоминается о приложенномъ въ доказательство оффиціальномъ актѣ.

новленіе ландтага 1765 года, то самое, въ силу котораго онъ же подлежалъ бы осужденію и долженъ бы былъ вознаградить своихъ крестьянъ за всѣ перебранныя имъ повинности сверхъ причитающихся по регулативамъ его имѣнія; ибо Высочайше утвержденное Положеніе о крестьянахъ ни въ одной статьѣ не отмѣнило этого закона. Удивляться ли послѣ этого поклепу, взведенному имъ же, Клебекомъ, на секретаря Шульца и сплетенію лжи въ поданной имъ жалобѣ? — что будетъ обнаружено при обстоятельномъ ея разсмотрѣніи. Удивляться ли тому, что нѣкоторые помѣщики посмѣли представить коммиссіи планы своимъ имѣніямъ, отъ которыхъ отодраны были прежнія описанія съ расцѣнкою земель и взамѣнъ подшиты составленныя вновь; что ландратъ Пистолькорсъ позволилъ себѣ, въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Комитета, перемѣнить, въ ущербъ крестьянамъ, цифру, опредѣлявшую цѣнность участковъ; что дворянство рѣшается, подъ предлогомъ сужденія о постройкѣ конюшенъ въ Венденѣ, созвать ландтагъ для сдѣланія постановленія о ходатайствахъ, направленныхъ противъ Положенія о крестьянахъ; что оно же, вопреки Высочайшему повелѣнію, на послѣднемъ ландтагѣ, осмѣливается принимать къ своему разсмотрѣнію предметы выходящіе изъ круга его компетентности; что, наконецъ, у насъ же дерзаютъ держать про себя, не обнародуя, вызванное этимъ поступкомъ изъявленіе Высочайшаго неудовольствія, объявленіе котораго требовалось Высочайшею волею? Мудрено ли также, что многіе не хотятъ понимать Положенія и извращаютъ каждый параграфъ и самыя ясныя толкованія Комитета, лишь бы достигнуть своей цѣли— остаться при прежнихъ, сверхъ-законныхъ повинностяхъ? По ихъ толкованіямъ, узаконилось бы, въ силу новаго Положенія, все доселѣ считавшееся незаконнымъ, и это Положеніе сдѣлалось бы для крестьянъ втрое тягостнѣе прежняго произвола.

„Нынѣшнему царствованію предназначено было положить конецъ тѣмъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, которыя могли у насъ происходить и дѣйствительно происходили. Понятно, что нѣкоторые стараются задержать осуществленіе этого благотворнаго и въ той же мѣрѣ неотложнаго дѣла, прибѣгая

для этого ко всякаго рода обманамъ и надѣясь на сильное покровительство; говорю нѣкоторые, немногіе—и слава Богу—ибо большинство, подбитое къ подачѣ жалобъ, само не знало, на что́ оно жаловалось. На меня естественно должна была пасть вся тягость обвиненія, ибо я огласилъ злоупотребленія прежняго времени. На выходки, противъ меня направленныя, я обстоятельно отвѣтилъ по существу въ трехъ представленныхъ мною запискахъ; затѣмъ, огражденіе и очистку меня отъ клеветъ, поношеній и оскорбленій, съ разныхъ сторонъ посыпавшихся на мою голову, я могу предоставить правительству, не отказывающему въ законной защитѣ ни одному изъ своихъ подданныхъ".

Получивъ всю эту кипу бумагъ, Комитетъ вызвалъ, для обсужденія поданныхъ жалобъ и объясненій, своихъ лифляндскихъ сочленовъ, ландратовъ Буденброка и Герсдорфа. Суть дѣла была имъ издавна знакома. Они подали отзывъ, въ которомъ особенно налягали на три, по ихъ мнѣнію, капитальныя погрѣшности венденской коммиссіи. Слѣдовало, по ихъ мнѣнію, признавать *законною* и ту барщину, которая въ регулативѣ 1784 года не значилась, и хотя бы за нее не полагалось въ пользу крестьянъ никакого особаго вознагражденія, если только эта повинность дѣйствительно отбывалась до 1803 года; слѣдовало также всю вспомогательную барщину, признанную законною, считать также необходимою; слѣдовало, наконецъ, составлять временные вакенбухи на основаніи реверсовъ, соображая размѣръ требуемыхъ помѣщикомъ повинностей только съ числомъ наличныхъ рабочихъ душъ (чтобъ съ нихъ не сходило болѣе опредѣленнаго maximum'а рабочихъ дней), а не съ величиною и качествомъ крестьянскаго надѣла, ибо де, со временемъ, помѣщикъ все-таки обязанъ и всегда въ состояніи будетъ вознаградить крестьянъ за все съ нихъ перебранное; короче: слѣдовало отказаться отъ всякаго сокращенія вспомогательной барщины и сохранить всѣ повинности въ существовавшемъ размѣрѣ на срокъ неопредѣленный, ибо справиться съ измѣреніемъ и оцѣнкою бо́льшей части крестьянскихъ дворовъ въ шесть лѣтъ, какъ предполагалось въ законѣ, никто въ Лифляндіи не считалъ возможнымъ.

Ознакомившись съ дѣломъ, Комитетъ вызвалъ также Репьева и Сиверса для выслушанія ихъ объясненій. Когда послѣдній увидалъ передъ собою засѣдающимъ за комитетскимъ столомъ, съ правомъ голоса, въ качествѣ члена, а въ настоящемъ случаѣ — въ качествѣ судьи надъ нимъ, того самаго Буденброка, котораго онъ, Сиверсъ, въ томъ же Комитетѣ, незадолго передъ тѣмъ уличилъ въ обманѣ и фальши (по дѣлу объ оцѣнкѣ залежей и покосовъ), у стараго ландрата вскипѣла кровь. Онъ подалъ въ Комитетъ записку, которая оканчивалась словами: „Напослѣдокъ, хотя съ истиннымъ сожалѣніемъ, но по долгу своему, дабы предупредить несчастныя послѣдствія, которыя должны произойти, если Комитетъ согласится на предложенныя ему толкованія, я принужденнымъ нахожусь признать г. ландрата Буденброка пристрастнымъ въ семъ дѣлѣ, ибо послѣ того какъ онъ, при перепечатываніи въ Ригѣ Высочайше утвержденнаго Положенія, позволилъ себѣ приказать отмѣнить, ко вреду крестьянъ, § 67-й (о maximum'ѣ рабочихъ дней въ недѣлю), то уже и мнѣнія и толкованія его должны быть пристрастны. Въ доказательство, прилагаю экземпляръ этого незаконнаго изданія" [1]).

---

[1]) Ландратъ Буденброкъ, разумѣется, отпирался отъ всякаго участія въ этомъ изданіи, сваливая всю отвѣтственность на губернатора и на цензора; уличить его, вѣроятно, было бы довольно трудно, еслибъ даже правительство захотѣло непремѣнно отыскать виновнаго. Оно однако отъ этого воздержалось, но полюбопытствовало узнать, въ чемъ заключался самый corpus delicti.—Вотъ что обнаружилось по наведеннымъ справкамъ: Положеніе 1804 г. напечатано было въ Петербургѣ въ медицинской типографіи, и изданіе это далеко не все разошлось; тѣмъ не менѣе, подъ предлогомъ недостатка экземпляровъ, лифляндскій губернаторъ Рихтеръ разрѣшилъ въ Ригѣ новое изданіе, въ которое вкрались такія перемѣны, „которыми совершенно извращался смыслъ многихъ статей Высочайше конфирмованныхъ". Умыселъ былъ очевиденъ и это преднамѣренное искаженіе Положенія найдено было по себѣ на столько важнымъ, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе отобрать черезъ полицію всѣ выпущенные экземпляры, у кого бы они ни оказались, и прислать ихъ въ Петербургъ. Впрочемъ, это былъ далеко не единственный примѣръ безцеремоннаго обращенія съ офиціальнымъ текстомъ. Не далѣе, какъ черезъ два года, изданы были въ Ригѣ, въ латышскомъ и эстскомъ переводахъ, Дополнительныя Статьи 1809 года къ Положенію 1804 года и приложенныя къ нимъ таксаціонныя таблицы; по разсмотрѣніи ихъ въ Петербургѣ, цѣлые пункты оказались пропущенными, а въ цифрахъ обнаружилось столько ошибокъ, что трудно было приписать ихъ

Это было прочтено въ полномъ присутствіи Комитета. Члены изъ Русскихъ въ изумленіи переглядывались; графъ Кочубей приходилъ въ отчаяніе. Положеніе его и положеніе Комитета было дѣйствительно крайне затруднительно. Цѣлыя коммиссіи, которымъ поручено было введеніе Положенія въ дѣйствіе, такъ радикально и такъ далеко расходились въ его пониманіи, ихъ непримиримыя между собою толкованія проводились такъ послѣдовательно и подкрѣплялись такими прямыми указаніями на параграфы, что нельзя было приписать этого факта случайному недоразумѣнію. Онъ указывалъ на коренной недостатокъ въ самомъ законѣ, выработанномъ Комитетомъ, именно на двусмысленность, пропущенную въ самыя основныя его статьи. Оказывалось, что законъ этотъ походилъ на ларчикъ съ двойнымъ потаеннымъ дномъ; предсѣдатель и члены Комитета изъ Русскихъ, поднося его Государю, сами не подозрѣвали въ немъ второго ящика и не знали, что̀ тамъ было спрятано, а ключъ къ нему держали у себя ландраты. Всего обиднѣе для Комитета было то, что обѣ стороны, въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній и своей практики, ссылались на его журналы, которые однако редактировались для разъясненія возникавшихъ недоразумѣній. Поневолѣ приходилось отказаться отъ надежды покончить споръ простою справкою съ закономъ и на его основаніи рѣшить, кто былъ правъ и кто ошибался. Но пусть лучше читатели выслушаютъ самого графа Кочубея. Они, конечно, оцѣнятъ благородство правдиваго самоосужденія, произнесеннаго имъ отъ лица всего Комитета.

„На дѣйствія венденской ревизіонной коммиссіи поступили жалобы отъ 51 помѣщика. Комитетъ, истребовавъ отъ коммиссіи сей разныя свѣдѣнія и документы и не приступая къ разсмотрѣнію каждой изъ жалобъ сихъ особенно, призналъ

одной небрежности (напримѣръ: вмѣсто 10,000 локтей — 20,000, вмѣсто $8^3/_4$—$5^3/_6$ и т. д.). На сей разъ правительство не рѣшилось прибѣгнуть къ отобранію разошедшагося изданія и вынуждено было разослать пасторамъ для дальнѣйшаго оглашенія печатные перечни ошибокъ. Вообще, и впослѣдствіи, особенно при переводѣ крестьянскихъ Положеній на мѣстные народные языки, или при изготовленіи дешевыхъ изданій этихъ Положеній, дворянская цензура позволяла себѣ сокращать и выбрасывать изъ нихъ все то, о чемъ, по ея понятіямъ, темнымъ людямъ лучше было не знать.

нужнымъ предварительно согласиться въ правилахъ по нѣкоторымъ статьямъ Положенія, о крестьянахъ изданнаго, такъ какъ разнообразное толкованіе оныхъ ревизіонными коммиссіями и соотвѣтственно тому дѣйствіе оныхъ было основаніемъ всѣхъ возникшихъ нынѣ недоразумѣній и замѣшательствъ.

„Нѣсколько засѣданій Комитета не могли удовлетворить симъ предложеніямъ его. Венденская коммиссія, оберъ-кирхенъ-форштееръ ландратъ Сиверсъ и предсѣдатель д. с. с. Репьевъ утверждали, что коммиссія, по прямому смыслу Положенія, производила ревизію, ни въ чемъ не отступала отъ разрѣшеній, Комитетомъ ей доставленныхъ, и вообще распоряженіями своими нигдѣ не разстроила лифляндскаго хозяйства.

„Ландраты, члены Комитета, съ другой стороны, соотвѣтственно жалобамъ на венденскую ревизіонную коммиссію принесеннымъ, утверждали, что она поступала вопреки Положенія, что если оставить то, что̀ ею сдѣлано, во всей силѣ, то разстроено будетъ владѣльческое хозяйство; что вся Лифляндія не престанетъ, по разоренію своему, просить справедливости Его Императорскаго Величества и проч. и проч. [1]).

„На сихъ основаніяхъ, съ обѣихъ сторонъ представлены письменно разныя мнѣнія и доказательства, которыя, соединяясь со страстями двумъ разнымъ партіямъ свойственными, продолжая пренія, не позволили доселѣ Комитету принять никакой рѣшительной мѣры.

„Въ семъ положеніи дѣла, я нужнымъ признаю представить Комитету собственное мое мнѣніе. Въ немъ старался я сохранить все возможное безпристрастіе и пользу общественную, удаляя вниманіе мое отъ какихъ либо личныхъ оскорбленій или неудовольствій, которыя, въ понятіи моемъ, не должны находить мѣста при разсмотрѣніи дѣла, вообще всю Лифляндію интересующаго. Но приступая къ сему, я необходимымъ признаю сдѣлать Комитету изложеніе тѣхъ началъ и понятій о

---

[1]) Это ужъ походило на интимидацію, и Сиверсъ съ полнымъ основаніемъ отвѣчалъ, что у правительства, вѣроятно, достанетъ силы выдержать давленіе съ одной стороны и не отказаться отъ лежащей на немъ обязанности оказать равную справедливость какъ дворянству, такъ и крестьянамъ.

дѣлахъ лифляндскихъ, коими я съ самаго начала учрежденія Комитета руководствовался, такъ какъ изложеніе сіе послужитъ къ утвержденію заключеній, которыя мною будутъ предложены.

„По возникавшимъ непрестанно жалобамъ на отягощеніе крестьянъ лифляндскихъ, учрежденъ былъ здѣсь Комитетъ. Получивъ предсѣдательство онаго, я вступилъ въ карьеру совершенно для меня новую. Не имѣя никакого понятія о подробностяхъ хозяйства лифляндскаго, трудно было судить людямъ, не обращающимся непрестанно въ части сей, при разсмотрѣніи множества повинностей и работъ крестьянскихъ, обременяются ли они или нѣтъ.

„Для сего Комитетъ, постановивъ себѣ непремѣннымъ правиломъ, соотвѣтственно Высочайшей волѣ, руководствоваться Положеніями самого дворянства и, не отмѣняя оныхъ, дополнять или исправлять недостатки тамъ, гдѣ сіе нужно быть можетъ, примѣняясь къ Положенію ландтага 1803 года, коимъ изъясняема была склонность дворянства не болѣе двухъ дней въ недѣлю требовать работы отъ крестьянъ своихъ [1]), положилъ предварительно и кореннымъ, такъ сказать, основаніемъ, чтобъ работы и повинности крестьянскія ни въ какомъ случаѣ свыше двухъ дней въ недѣлю [2]) не составляли; но какъ лифляндское хозяйство слагается изъ многоразличныхъ работъ и повинностей, оцѣненныхъ въ соразмѣрности съ землею талерами и расположенныхъ на дни, равнымъ образомъ въ цѣну приведенные; то и нужно было Комитету удостовѣриться въ томъ, чтобъ не болѣе работъ и повинностей въ хозяйствѣ допущено было, какъ сколько нужно для наполненія вышесказанной двухдневной пропорціи [3]).

„Въ семъ предположеніи возложено было на ландратовъ Анрепа и Буденброка, членовъ Комитета, представить ему

---

[1]) Сиверсъ на это справедливо возражалъ, что нигдѣ въ Положеніяхъ дворянства о двухъ дняхъ въ недѣлю не упоминалось.

[2]) Съ кого?—Графу Кочубею видимо предносилось понятіе нашего тягла, и онъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что въ Лифляндіи не существовало ничего подобнаго.

[3]) Слѣдовало бы прибавить (замѣчалъ Сиверсъ): „и съ уменьшеніемъ двухъ дней до соразмѣрности съ оцѣнкою земли“.

подробное и ясными доказательствами утвержденное исчисленіе работъ и повинностей сихъ. Ландраты удовлетворили требованію сему, и Комитетъ, по весьма подробномъ разсмотрѣніи исчисленія ландратами сдѣланнаго, какъ-то изъ актовъ его видно, удостовѣрился, что дѣйствительно работы и повинности ими опредѣляемыя, не превышаютъ двухъ дней въ недѣлю [1]). Съ того времени, мѣра сія, ландратами представленная, служила мнѣ, да (я думаю) и товарищамъ моимъ, членамъ Его Императорскимъ Величествомъ здѣсь избраннымъ, основаніемъ во всѣхъ сужденіяхъ.

„Съ моей стороны, когда встрѣчались какіе либо вопросы по предметамъ единственно до хозяйственныхъ распоряженій касающимся, коихъ, кромѣ самихъ Лифляндцевъ, и понять, можетъ быть, трудно было, я, во-первыхъ, старался всегда принимать за основаніе то, чтобы какія бы ни были работы или повинности, онѣ всегда, для удержанія въ цѣлости хозяйства, допускаемы были, лишь бы только работы и повинности сіи не превышали двухъ дней въ недѣлю, а въ прочемъ, касательно подробностей, по всѣмъ предметамъ симъ совершенно полагался я на показанія и утвержденія членовъ Комитета, г.г. Анрепа и Буденброка [2]), коихъ, какъ людей общею и Монаршею довѣренностію удостоенныхъ, не могъ я не признать полнаго довѣрія заслуживающими и, съ моей стороны, не имѣлъ никогда причины инаго и выводить о нихъ заключенія [3]), такъ что сіи два ландрата, дѣйствительно, при составленіи Положенія главнѣйше въ подробностяхъ Комитетъ руководствовали, какъ о томъ и донесъ онъ Его Императорскому Величеству въ докладѣ своемъ.

„Такимъ образомъ руководствовался я и впродолженіи собраній Комитета, когда составляемо было Положеніе о крестьянахъ и опредѣлялись работы и повинности; такимъ образомъ поступалъ я и впослѣдствіи, когда встрѣчались какіе либо по

---

[1]) Все это была фикція. *Удостовѣриться* заранѣе не было никакой возможности, ибо никто не могъ сказать ни сколько оброковъ переложится въ рабочіе дни, ни сколько изъ суммы рабочихъ дней отнесено будетъ на ординарную барщину и сколько на экстраординарную.

[2]) Это-то и не слѣдовало бы дѣлать.

[3]) Даже послѣ разъясненія таксаціи залежей и покосовъ?

ревизіоннымъ коммиссіямъ вопросы; такъ, и не иначе могу я руководствоваться и нынѣ [1]).

„Изложа правило, которое главнѣйше меня путеводило, я обращаюсь къ дѣлу Комитетъ занимающему. Венденскаго округа дворянство, въ числѣ 51 человѣка, принесло жалобы на тамошнюю ревизіонную коммиссію. Жалобы сіи составляютъ XII статей. Изъ нихъ большая часть легко разрѣшена быть можетъ Комитетомъ; но двѣ статьи: 1) о реверсахъ и 2) о четвертой части повинностей податьми натурою заключаютъ главное и существенное затрудненіе и, по сіе время, онѣ однѣ занимали, такъ сказать, Комитетъ".

Слѣдовало подробное и безпристрастное изложеніе высказанныхъ по этимъ предметамъ мнѣній, сущность коихъ извѣстна читателямъ; затѣмъ министръ продолжалъ:

„Сообразивъ всѣ сіи объясненія и возраженія, сообразивъ производство, въ особенности по статьѣ о реверсахъ въ Комитетѣ бывшее и въ особенности въ журналѣ 25 января 1806 года заключающееся, и вообще разумъ, въ которомъ Положеніе о повинностяхъ крестьянскихъ сдѣлано было, я слѣдующее какъ о реверсахъ, такъ и о четвертой части повинностей извлеченіе сдѣлать долженъ:

„1) На основаніи Положенія, такъ какъ оно въ § 62 находится, я полагаю, что, при составленіи новыхъ вакенбуховъ, должно принимать всѣ четыре правила, въ ономъ изъясненныя, т. е. 1) ревизіонные вакенбухи; 2) регулативы крестьянскихъ повинностей 1765 и 1784 годовъ; 3) специальное межеваніе каждаго помѣстья съ показаніемъ градусовъ земель; 4) хозяйственныя правила, введенныя въ старину и долговременнымъ обычаемъ укоренившіяся, лишь бы только число работъ и повинностей, кои сими разными Положеніями опредѣляются, не превышало двухъ дней въ недѣлю, если количество владѣемой земли соотвѣтствуетъ назначенію количества работъ и повинностей, или съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противу двухъ дней въ недѣлю, буде земли не найдется достаточно для составленія сего урока [2]).

[1]) Опытъ, однако, доказывалъ уже, къ чему вело это руководящее правило.

[2]) Вся трудность заключалась въ томъ: какъ узнать, имѣетъ ли мѣсто въ данномъ случаѣ это *буде* и на чемъ именно производить это уменьшеніе?

„2) Если Венденская коммиссія руководствовалась сими правилами, то, по мнѣнію моему, поступала она правильно. Но легко быть можетъ, что, основываясь на предписаніяхъ въ журналѣ Комитета 14 октября 1804 г. заключающихся, коими, въ распредѣленіи повинностей, повелѣвается принимать за основаніе: 1) ревизіонные вакенбухи; въ тѣхъ же помѣстьяхъ, гдѣ ревизіонныхъ вакенбуховъ не имѣется: 2) регулативы крестьянскихъ повинностей 1765 и 1784 годовъ, а въ случаѣ неимѣнія вышеозначенныхъ ревизіонныхъ вакенбуховъ, регулативовъ и спеціальнаго межеванія: 3) хозяйственныя правила, введенныя въ старину и обычаемъ укоренившіяся и пр. — коммиссія основала иначе положенія свои. Въ семъ случаѣ, должно признаться, *что постановленіе Комитета было неосновательно* и сіе произошло отъ свѣдѣній не довольно опредѣленныхъ, которыя были ему представлены, чему впрочемъ и удивляться не должно, ибо изъ опыта извѣстно, что *Лифляндцы сами весьма мало соглашаются въ понятіяхъ своихъ о разныхъ тамошнихъ постановленіяхъ и прямыхъ основаніяхъ хозяйства ихъ.* Неопредѣлительность или невѣрность свѣдѣній Комитета состояла въ слѣдующемъ: онъ полагалъ, что не всѣ лифляндскія владѣнія имѣютъ вакенбухи и для того разсуждалъ, что тѣ, кои ихъ не имѣютъ, должны предъявлять регулативы; что, за неимѣніемъ регулативовъ, должно служить доказательствомъ спеціальное межеваніе, а когда и сего не было, то допускаемы были Комитетомъ древнія хозяйства тамошняго обычаи. Но впослѣдствіи *открылось*, что не существуетъ въ Лифляндіи ни одного владѣнія, которое бы не имѣло древнихъ вакенбуховъ[1]), и что потому, если бы принять за основаніе вышеупомянутое разрѣшеніе Комитета, то остальныя положенія его не долженствовали бы имѣть уже никакого дѣйствія[2]); но, принявъ за основаніе одни вакенбухи древніе, вышло бы совершенное разстройство хозяйства владѣльческаго и потеря ихъ была бы чрезмѣрно великая, такъ что

[1]) Вовсе *не открылось*. Это говорилъ Буденброкъ, но Сиверсъ утверждалъ и доказывалъ противное, указывая на городскія мызы Риги, Пернавы, Валка, на весь Шлокскій кирхшпиль, въ которыхъ не было ни вакенбуховъ, ни регулативовъ.

[2]) Изъ объясненій венденской коммиссіи видно совсѣмъ иное.

ни венденская, ни рижская, ни пернавская коммиссіи, кои роздали вакенбухи по послѣдованіи упомянутаго отъ Комитета разрѣшенія, не сообразовались буквально смыслу его.

„3) Коммиссіи ревизіонныя венденская, пернавская и рижская, въ разсужденіи реверсовъ, руководствовались одними правилами; дерптская—другими. Всѣ роздали вакенбухи, посредствомъ чего, въ одной и той же провинціи, вышли разныя для крестьянъ положенія. Венденская и рижская коммиссіи дѣйствовали во всемъ единообразно. Пернавская, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, поступала отмѣнно, а дерптская распоряжалась совсѣмъ отлично, такъ что, въ венденскомъ и рижскомъ округахъ, положеніе крестьянъ есть наиболѣе благопріятствуемое; въ пернавскомъ менѣе они получили выгодъ, а въ дерптскомъ, какъ утверждаютъ, еще менѣе. Въ округахъ рижскомъ и пернавскомъ не произошло никакихъ жалобъ. Въ венденскомъ жалуются 51 человѣкъ изъ 300, которые составляютъ тамошнихъ владѣльцевъ. Изъ дерптскаго не доходило никакихъ жалобъ; но на сіе тѣ, кои доказываютъ неправильность дѣйствій коммиссіи округа сего, утверждаютъ, что крестьяне не имѣютъ никакихъ способовъ довести жалобъ своихъ до высшаго правительства и что, во многихъ мѣстахъ, изъявившіе изъ нихъ неудовольствіе наказуемы будто за то были тѣлесно судами.

„4) Жалоба о принужденіи помѣщиковъ четвертую часть повинностей крестьянскихъ полагать податьми натурою, не можетъ, въ разсмотрѣніи своемъ, по точному смыслу постановленій, подлежать никакому затрудненію. Статьи 63 и 64 точныя опредѣлили для сего правила. По содержанію ихъ и по разуму началъ, на коихъ Комитетъ располагалъ положенія свои, такимъ образомъ предметъ сей разумѣть должно: лифляндскій гакъ оцѣненъ въ 80 талеровъ, а именно: обыкновенными работами 40 талеровъ, податьми (т. е. оброками) 20 талеровъ и 20 талеровъ вспомогательными работами, взамѣнъ за сѣнокосы и огородныя земли, кои доселѣ не были опредѣлены; но какъ представляемо въ Комитетъ было, что отмѣна или даже уменьшеніе вспомогательныхъ работъ, такъ чтобъ онѣ не болѣе 20 талеровъ производили, можетъ причинить совершенное разстройство въ хозяйствѣ, понеже вспо-

могательныя работы сіи во многихъ мѣстахъ сдѣлались совершенно необходимыми, то Комитетъ, благопріятствуя сколько возможно сохраненію хозяйства лифляндскаго [1]), положилъ: что вспомогательныя работы составлять могутъ и свыше 20 талеровъ; но что, въ такомъ случаѣ, подати натурою должны быть, соразмѣрно и по избранію самихъ крестьянъ, уменьшены такъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ вся масса работъ и повинностей не превышала вышепомянутую оцѣнку 80 талеровъ. Правила сіи такъ ясны [2]), что должно только повѣрить дѣйствіе ревизіонной коммиссіи венденской по сему предмету въ разсужденіи разныхъ владѣній, чтобъ удостовѣриться правильно ли или неправильно она поступала.

„5) Изъяснивъ понятіе мое о четвертой части повинностей податьми натурою и слагая (т. е. разсматривая вмѣстѣ) таковымъ образомъ какъ сіе обстоятельство, по коему обнаруживаются не одинаковыя въ разныхъ коммиссіяхъ дѣйствія, такъ и вопросъ о реверсахъ, нужно согласиться какія можно принять мѣры.

„Оставить три разныя положенія въ 4 округахъ одной губерніи неудобно.

„Приступить теперь же къ перемѣнѣ или къ обращенію оныхъ въ единообразіе еще неудобнѣе. Если, удовлетворяя жалобамъ 51 помѣщика венденскаго округа отобрать всѣ вакенбухи, то легко предвидѣть можно какія замѣшательства и безпорядки изъ того произойти должны; ибо невозможно ожидать, чтобъ крестьяне, оставаясь обязанными повинностями болѣе противу настоящаго, не начали жаловаться съ усиліемъ. Если же обратить владѣнія пернавскія и дерптскія въ одинакое съ венденскими и рижскими положеніе, то помѣщики будутъ жаловаться, такъ что никакой крутой оборотъ, дѣйствительно, не можетъ быть совмѣстенъ.

„Собравъ такимъ образомъ воедино всѣ уваженія сіи, всего удобнѣйшимъ казалось бы принять слѣдующія мѣры:

„I. Во всѣхъ четырехъ округахъ оставить теперь вещи

---

[1]) То есть *помѣщичьяго*. а ужъ, конечно, въ этомъ случаѣ не крестьянскаго.

[2]) Ясны, но не соглашены со статьею объ оставленіи $1/4$ повинностей оброкомъ.

in statu quo такъ, какъ онѣ коммиссіями ревизіонными опредѣлены [1]).

„II. Привести, буде то за нужное признается, гг. ландратами членами Комитета въ бо̀льшую ясность или опредѣлительность выше изъясненное мною начало, на коемъ работы и повинности крестьянскія должны быть основаны, такъ чтобъ, ни въ какомъ случаѣ, свыше двухъ дней въ недѣлю онѣ не составляли и чтобъ уже никакой неопредѣлительности впредь существовать не могло. Если признано будетъ сіе нужнымъ, то желательно было бы, чтобъ гг. ландраты потрудились представить ихъ по сему виды [2]).

„III. Сдѣлавъ таковое положеніе, можно будетъ сообщить оное непремѣнной ревизіонной коммиссіи, которая въ Лифляндіи для окончанія всѣхъ дѣлъ сихъ назначается, поставивъ ей въ обязанность по всѣмъ жалобамъ, которыя къ ней доходить будутъ, руководствоваться сими началами [3]).

„IV. Владѣльцамъ и крестьянамъ предоставить право, буде они найдутъ, что вакенбухи не соотвѣтствуютъ правиламъ симъ, приносить жалобы коммиссіи сей, такъ чтобъ, еслибъ и открылась необходимость перемѣнять ихъ, сіе могло чиниться постепенно и врознь, на каждомъ владѣніи, а не на всѣхъ въ одно время.

„Мѣры сіи, по мнѣнію моему, заключаютъ слѣдующія выгоды: а) Во всѣхъ четырехъ округахъ постепенно и чрезъ время ввелось бы единообразіе. b) Не произошло бы никакого крутаго оборота, который, ни въ какомъ случаѣ, а наипаче *при настоящихъ воинскихъ обстоятельствахъ*, не можетъ не быть крайне неудобенъ. с) Поступлено было бы съ безпристрастіемъ. d) Не обвинена была бы ни которая изъ ревизіонныхъ коммиссій, коихъ, по мнѣнію моему, и обвинять не можно, понеже неопредѣлительность правилъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ Положеніи допущенная, была тому

---

1) Сиверсъ сильно противъ этого возставалъ, особенно въ примѣненіи къ дерптскому округу.

2) Еще одинъ опытъ! Неужели мало было прежнихъ для полнаго вразумленія въ ненадежности этого средства.

3) Объ этой центральной коммиссіи, учрежденіе коей прежде еще признано было совершенно необходимымъ, говорится подробно въ слѣдующей главѣ.

основаніемъ; да и самыя понятія о хозяйствѣ лифляндскомъ, какъ выше было мною замѣчено, легко могли допустить различныя положенія. е) Если въ положеніяхъ мною представляемыхъ и могли заключаться какія неудобства, то онѣ будутъ только временныя и продолженіе оныхъ зависѣть будетъ отъ состава и дѣйствія непремѣнной коммиссіи, почему на составъ сей коммиссіи и должно обращено быть особенное вниманіе".

Мы едва ли ошибемся предположивъ, что это мнѣніе графа Кочубея, въ которомъ онъ, отступая отъ прежнихъ воззрѣній Комитета, принималъ толкованіе противниковъ венденской коммиссіи, обусловливалось главнѣйшимъ образомъ тѣми мотивами, которые высказывались въ немъ какъ бы вскользь и мимоходомъ, а именно: военно-дипломатическими обстоятельствами того времени и опасеніемъ безконечныхъ домогательствъ со стороны дворянства, которыми угрожалъ ландратъ Буденброкъ; тѣмъ не менѣе, предложеніе министра не имѣло успѣха [1]. Ни Сиверсъ, ни Репьевъ, разумѣется, не могли имъ удовлетвориться. Послѣдній, въ поданныхъ имъ графу Кочубею замѣчаніяхъ, разъяснилъ между прочимъ, что правило объ ограниченіи максимума издѣльной повинности двумя днями въ недѣлю съ рабочей души отнюдь не заключало въ себѣ предполагаемой панацеи или общей на всѣ возможные случаи гарантіи, ибо въ Лифляндіи, при подворной системѣ крестьянскаго землевладѣнія и при многочисленности класса безземельныхъ батраковъ, безпрестанно переходившихъ отъ одного хозяина къ другому, число рабочихъ душъ въ каждомъ дворѣ легко и часто измѣнялось; оно не представляло твердой данной, которая могла бы служить точкою отправленія для послѣдующаго опредѣленія величины надѣла и размѣра повинностей, а наоборотъ: приходилось, по данному надѣлу, пропорціонально количеству и качеству земли, опредѣлять сумму повинностей и затѣмъ уже, имѣя готовую цифру рабочихъ дней, причитающихся со двора, можно было

[1]) Ландратъ Самсонъ, въ своемъ Опытѣ исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Остзейскихъ губерніяхъ, увѣряетъ, будто бы изложенное предложеніе было внушено графу Кочубею Сиверсомъ—этому прямо противорѣчатъ всѣ сохранившіеся подлинные акты.

опредѣлять тотъ minimum батраковъ, который оказывался необходимымъ въ хозяйствѣ для отбыванія исчисленныхъ повинностей, не выходя изъ двухдневной нормы. Но въ томъ то именно и заключалась вся трудность исполнительной операціи, что стоимость надѣла, въ неизмѣренныхъ имѣніяхъ, представляла собою величину неопредѣленную и что опасно было принимать на вѣру голословныя показанія владѣльцевъ. Наконецъ, и сенаторъ Козадавлевъ, въ особомъ сильно мотивированномъ мнѣніи, высказался противъ отступленія отъ прежнихъ журналовъ Комитета и призналъ толкованія венденской коммиссіи совершенно правильными.

Тогда графъ Кочубей рѣшился испытать средство, повидимому, обѣщавшее мало успѣха; личнымъ своимъ вліяніемъ онъ уговорилъ Буденброка и Сиверса отложить всякія другъ на друга неудовольствія и сблизилъ ихъ на столько, что убѣдилъ ихъ заняться вмѣстѣ изготовленіемъ согласительныхъ предложеній, которыми удовлетворились бы оба. Въ тѣхъ же видахъ, онъ обратился къ содѣйствію и другихъ лицъ: ландрата Пистолькорса, отчаяннаго крѣпостника и противника Сиверса, и подполк. Экспара, человѣка болѣе умѣреннаго, очень умнаго и хорошо знавшаго край. Противъ всякаго чаянія, соглашеніе состоялось и притомъ на такихъ условіяхъ, какихъ, конечно, никто не могъ ожидать. Въ запискѣ, подписанной ландратами Буденброкомъ и Сиверсомъ и содержащей въ себѣ 11 пунктовъ, мы читаемъ между прочимъ:

1) Въ немежеванныхъ имѣніяхъ дозволить составленіе вакенбуховъ на основаніи реверсовъ, выдаваемыхъ помѣщиками со слѣдующими ограниченіями: a) Количество земли, показываемое въ реверсѣ состоящимъ въ фактическомъ пользованіи крестьянъ, не должно превышать 8 талеровъ и 8 грошей на тягло, то есть на двѣ рабочія, мужскую и женскую, души; на этомъ основаніи, можно полагать въ участкѣ восьмерника (на три души) до 12 талеровъ и 12 грошей (вмѣсто предполагаемыхъ по общему правилу 10 талеровъ); въ участкѣ четверника (на шесть душъ) до 24 талеровъ и 24 грошей (вмѣсто 20 талеровъ); въ участкѣ половника (на двѣнадцать душъ) до 48 талеровъ и 48 грошей (вмѣсто 40 талеровъ). b) Временное, впредь до измѣренія, зачисленіе за крестьянами

надѣла въ этомъ *высшемъ* размѣрѣ разрѣшать вообще въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда по изслѣдованію окажется, что отбывавшаяся дотолѣ и признанная законною барщина дѣйствительно соотвѣтствовала такому надѣлу. с) Немедленно понизить повинности крестьянъ до этой нормы во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ временные вакенбухи составлены по реверсамъ на надѣлъ высшаго размѣра.

2) Всѣ четыре источника, перечисленные въ § 62 (вакенбухи, регулативы, межевые акты и давніе обычаи) считать *равносильными, имѣющими одинаковое достоинство,* и пользоваться ими въ *совокупности*, для опредѣленія законности и правомѣрности всѣхъ повинностей, отбывавшихся съ 1784 г. (годъ установленія подушной подати) по 1803 годъ. Понижать выведенный такимъ образомъ итогъ повинностей лишь въ томъ случаѣ, еслибъ онъ превысилъ maximum, указанный въ предшествующемъ пунктѣ.

3) Переложеніе натуральнаго оброка въ вспомогательные рабочіе дни дозволять съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы сумма остающихся оброковъ и данинъ, ни въ какомъ случаѣ, не состовляла менѣе $^1/_8$ (вмѣсто $^1/_4$) общей суммы повинностей, причитающихся со двора.

Что̀ могло побудить Сиверса сдѣлать эти уступки—остается необъяснимымъ. Ни акты, ни письма не содержатъ въ себѣ не только положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но даже намека для его разрѣшенія. Личный характеръ Сиверса, достаточно обрисовавшійся во всей его дѣятельности, и все прошедшее его не допускаютъ предположенія, чтобъ онъ могъ поддаться на какія либо соблазнительныя для его честолюбія обѣщанія, или подчиниться чьему либо личному вліянію, или ослабѣть въ борьбѣ и отказаться отъ своихъ убѣжденій, съ отчаянія когда либо ихъ провести; но еще удивительнѣе то, что, подписывая эту записку, онъ, повидимому, и не думалъ отъ нихъ отказываться и какъ будто не понималъ силы скрѣпленнаго имъ соглашенія. Остается предположить, что новому его сотруднику удалось заманить и его въ какую нибудь ловко замаскированную редакціонную ловушку. Сохранилось письмо Сиверса къ предсѣдателю Комитета, въ которомъ онъ пишетъ: „Ландратъ Буденброкъ увѣряетъ меня,

будто бы принятымъ мною правиломъ, о переложеніи данинъ въ рабочіе дни до $^1/_3$ всей повинности, отмѣняются всѣ прежніе журналы Комитета 14 октября 1804, 10 августа 1805 и 25 января 1806 годовъ, *чего я никогда и воображать не могъ*, считая ихъ нерушимо утвержденными верховною властью; будто бы отнынѣ узаконяются всѣ повинности, всѣ вспомогательныя работы, которыя требовались до 1803 года, а не одни наряды на жнитво, молотьбу и т. д., хотя бы они и не значились въ регулативахъ. Будучи далекъ отъ такого пониманія, покорнѣйше прошу, ваше сіятельство, принять на себя трудъ удостовѣрить меня, до подписанія сообщеннаго мнѣ журнала, что упомянутые выше журналы Комитета симъ не отмѣнены, но соблюдаются въ святости". — Графъ Кочубей отвѣчалъ: „Я не иначе вопросъ сей разрѣшить могу (и весь Комитетъ въ семъ меня утвердилъ) какъ такъ, что положенія журналами сдѣланныя въ разрѣшеніе различныхъ частныхъ сомнѣній, должны имѣть свою силу дотолѣ, доколѣ не будутъ утверждены Государемъ изъяснительныя статьи отъ Комитета нынѣ представляемыя и вами самими въ первоначальныхъ мнѣніяхъ подписанныя, и что статьи, заключающія общія распоряженія по Положенію о крестьянахъ лифляндскихъ или дополненія къ оному, какъ послѣднее узаконеніе, должны естественно отмѣнить все то, что въ журналахъ тѣхъ находиться можетъ съ оными несоотвѣтственнаго". — Другаго отвѣта на странный вопросъ Сиверса, очевидно, нельзя было и ожидать.

Послѣ этого загадочнаго, минутнаго затменія, или по опознаніи обмана, котораго онъ сдѣлался невольною жертвою, онъ однако предпочелъ подвергнуться уликѣ въ противорѣчіи самому себѣ, чѣмъ окончательно во всемъ уступить и, по его настояніямъ, собственно по вопросу о порядкѣ составленія вакенбуховъ по реверсамъ, Комитетъ придумалъ слѣдующее, совершенно новое разрѣшеніе. Въ тѣхъ немежеванныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ заявилъ или впредь заявитъ, что хозяева пользуются фактически надѣлами превышающими тѣ, которые, въ силу общаго правила, предполагаются за ними по разрядамъ, и гдѣ крестьяне не согласятся признать правильности этого заявленія, тамъ, для разрѣшенія спора,

дѣлать опытъ, а именно: предоставлять каждый разъ крестьянамъ указать, для примѣра, отъ одного до трехъ дворовъ въ каждомъ разрядѣ (четверняковъ, половниковъ и т. д.), притомъ такіе дворы, которые, по собственному ихъ удостовѣренію, владѣли бы землею худшаго противъ другихъ качества и въ меньшемъ количествѣ; эти указанные участки подвергать измѣренію и таксаціи и принимать выведенную такимъ образомъ по каждому разряду цѣнность за норму стоимости всѣхъ участковъ одного разряда. Эта операція получила названіе *частнаго* межеванія, въ отличіе отъ *спеціальнаго*, при которомъ всѣ безъ изъятія крестьянскія земли подвергались измѣренію и оцѣнкѣ. Если всѣ крестьяне и помѣщикъ признаютъ оцѣнки, полученныя посредствомъ частнаго межеванія, удовлетворительными, то составлять по нимъ окончательные (непремѣнные) вакенбухи. Если только часть крестьянъ-хозяевъ и помѣщикъ объявятъ удовольствіе, то поступать тѣмъ же порядкомъ въ отношеніи собственно къ этимъ хозяевамъ, то есть выдавать имъ окончательные вакенбухи, а на участки недовольныхъ составлять временной вакенбухъ (на основаніи той же примѣрно выведенной цѣнности) впредь до спеціальнаго обмежеванія, обязывая помѣщика реверсомъ въ шесть лѣтъ окончить непремѣнно эту операцію. Такіе же временные вакенбухи и на томъ же условіи составлять на всѣ крестьянскіе дворы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ никто изъ хозяевъ не пожелаетъ остаться навсегда при результатахъ частнаго межеванія, или гдѣ помѣщикъ не изъявитъ на то своего согласія. Это правило давалось въ руководство не только на будущее время, но предписывалось примѣнить его немедленно и ко всѣмъ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ вакенбухи составлены были, на основаніи отобранныхъ прежде реверсовъ, на сумму повинностей высшую противъ той, которая причиталась бы по величинѣ нормальнаго предполагаемаго надѣла.

По спорному вопросу о томъ, по какимъ источникамъ и признакамъ удостовѣряться въ законности и необходимости существовавшихъ повинностей, Комитетъ принялъ правило, предложенное въ соглашеніи, дополнивъ его поясненіемъ, что подъ хозяйственными правилами, введенными въ старину и долговременнымъ обычаемъ укоренившимися, слѣдовало раз-

умѣть тѣ работы, которыя, по показанію крестьянъ, введены были не позднѣе 1784 года, хотя бы онѣ нигдѣ показаны не были.

На основаніи того же соглашенія, натуральный оброкъ разрѣшено было перекладывать въ вспомогательные рабочіе дни до $^1/_8$ стоимости всѣхъ повинностей.

Оставалось разсмотрѣть и порѣшить прочіе пункты жалобъ, поданныхъ на венденскую коммиссію.

Натуральный оброкъ въ пользу пасторовъ предписано было привести въ прежнюю мѣру, предоставивъ пасторамъ, буде они пожелаютъ, доказывать особо свои права на обложеніе въ ихъ пользу новоустроенныхъ дворовъ.

По статьѣ о сборѣ на содержаніе мальчиковъ въ школахъ оказалось, что жалоба была не только неосновательна, но и недобросовѣстна. Подлинные акты свидѣтельствовали, что крестьяне добровольно согласились на его установленіе.

Статья объ отнесеніи на помѣщиковъ обязательнаго вознагражденія за нѣкоторыя изъ вспомогательныхъ повинностей должна была получить разрѣшеніе сама самою, постепеннымъ упраздненіемъ этихъ вознагражденій, по мѣрѣ передѣлки временныхъ вакенбуховъ по новымъ правиламъ.

По статьѣ о содержаніи батраковъ, будто бы назначенномъ въ чрезмѣрно высокомъ размѣрѣ, Комитетъ призналъ нужнымъ отъ себя издать общее для всей Лифляндіи обязательное положеніе и составилъ его во всемъ согласно съ обжалованными постановленіями венденской коммиссіи [1]).

---

[1]) Это положеніе было скуднѣе и менѣе выгодно для батраковъ, чѣмъ то, которое незадолго передъ тѣмъ было составлено и уже введено въ дѣйствіе Арсеньевымъ въ рижскомъ уѣздѣ съ одобренія Комитета. По новымъ правиламъ, женатому батраку на него и на всю его семью хозяинъ обязанъ былъ отводить въ каждомъ изъ трехъ полей (а въ крайности изъ залежи) по $1^1/_2$ лофштели, сверхъ того $^1/_2$ лофштели залежи (мѣняя ее черезъ три года), 3 топштели сѣнокоса, 40 шведскихъ локтей земли, способной для разведенія огорода, и пастбище вмѣстѣ съ хозяйскою скотиною. Все это составляетъ на нашу мѣру нѣсколько болѣе 2 дес. 1680 саж. Хозяинъ долженъ былъ оставлять батраку свободное время, нужное на обработку этого участка; но сколько именно?— не опредѣлено. За это батракъ обязанъ былъ на своихъ харчахъ и на своей одеждѣ работать на хозяина круглый годъ, притомъ на своей батрацкой лошади, и давать хозяину часть соломы съ своего поля на покрышу его строеній. Семейный,

Въ концѣ журнала 27 мая 1807 года значилось: „Комитетъ не могъ не обратить вниманія на неприличіе, съ какимъ въ жалобахъ своихъ на венденскую коммиссію нѣкоторые помѣщики изъяснялись, и, находя, что сіе не можетъ быть терпимо, положилъ: препроводивъ принесенныя помѣщиками жалобы чрезъ рижскаго военнаго губернатора въ губернское правленіе, возложить на оное разсмотрѣть жалобы сіи и, призвавъ помѣщиковъ, кои въ таковыхъ неприличіяхъ изобличены будутъ, сдѣлать имъ строгій выговоръ за неосмотрительность ихъ, подтвердя впредь, подъ строгимъ взысканіемъ, таковыхъ поступковъ себѣ не позволять. Правительство, удовлетворивъ такимъ образомъ тому, что́ ему собственно принадлежало, предоставить можетъ за симъ лицамъ, венденскую коммиссію составлявшимъ, кои лично себя оскорбленными сочтутъ, просить себѣ законнаго гдѣ слѣдуетъ удовлетворенія и вслѣдствіе сего поручить губернскому же правленію, дабы оно въ случаѣ поступленія какихъ-либо сего рода жалобъ наблюдало, чтобы онѣ сколь можно скорѣе разсмотрѣны были и законное каждому удовлетвореніе было доставлено". Противъ этой послѣдней статьи долго спорили ландраты, члены Комитета, умоляя исключить ее; но предсѣдатель и прочіе члены настояли на ея сохраненіи.

Этимъ рѣшеніемъ Комитета, вслѣдъ за тѣмъ объявленнымъ лифляндскому губернатору въ формѣ Высочайшаго повелѣнія, Репьевъ призналъ себя удовлетвореннымъ и отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія отказался; но Сиверсу предстояло еще очиститься отъ обвиненій, подавшихъ поводъ къ отрѣшенію его отъ должности оберъ-кирхенъ-форштеера и отъ подозрѣній, взведенныхъ на него графомъ Буксгевденомъ, будто бы онъ не отдалъ отчета въ суммахъ, израсходованныхъ имъ по завѣдыванію почтовою частью. Онъ потребовалъ, чтобъ оба эти обстоятельства были окончательно изслѣдованы.

но безлошадный батракъ получалъ пахатной земли на $^1/_3$ меньше а покоса на $^2/_3$. Холостой батракъ, за пѣшую работу въ теченіе всего года, получалъ отъ хозяина одежду, обувь, харчи, $^1/_2$ лофштели залежи и, буде имѣлъ свою лошадь, то кормъ на нее и пастбище вмѣстѣ съ хозяйскими.—Работница получала: харчи, 25 фунтовъ льна, кормъ для коровы и двухъ овецъ (или 5 фунт. шерсти) и деньгами 1 руб. 25 коп. сер. въ годъ.

По первому изъ нихъ оказалось, что обвиненія нисколько не относились до служебной дѣятельности Сиверса по церковному управленію, а, по свидѣтельству самого дворянства и военнаго губернатора, касались исключительно его участія, въ качествѣ ревидента, въ дѣйствіяхъ венденской коммиссіи, въ разбирательство коихъ ландтагъ даже не имѣлъ права входить. Находя отрѣшеніе его неправильнымъ по формѣ и несправедливымъ по существу, государь повелѣлъ возстановить его въ должности оберъ-кирхенъ-форштеера.

По второму обстоятельству, Сиверсъ предъявленными имъ документами доказалъ, что онъ не только ежегодно отдавалъ отчетъ во ввѣренныхъ ему суммахъ, но даже израсходовалъ на разныя шоссейныя сооруженія свои собственныя деньги, которыя были ему возвращены дворянствомъ. Государь нашелъ объясненіе это вполнѣ удовлетворительнымъ, и по желанію Сиверса, приказалъ подшить его къ донесенію графа Буксгевдена.

Всѣ изложенныя свои заключенія Комитетъ представилъ на Высочайшее утвержденіе въ формѣ особаго доклада, въ которомъ однако о недостаткахъ Положенія и о заявленныхъ противорѣчіяхъ Комитета въ его толкованіяхъ на сей разъ умалчивалось.—„Сколько правила 1804 года въ существѣ своемъ *ни ясны* (!?), но въ приложеніи ихъ къ безчисленнымъ мѣстнымъ подробностямъ ревизіонными коммиссіями они разнообразно были понимаемы“—такъ объяснялъ Комитетъ необходимость проектированныхъ имъ дополнительныхъ постановленій, и этимъ заключилось длинное дѣлопроизводство по жалобамъ на венденскую коммиссію.

Въ концѣ концовъ, Сиверсъ и Репьевъ признаны были по бо́льшей части взведенныхъ на нихъ нареканій совершенно правыми, а по прочимъ—по крайней мѣрѣ лично безотвѣтственными. Вскорѣ первый назначенъ былъ сенаторомъ, а второй лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Но, по существу дѣла, вопросы, въ которыхъ столкновеніе интересовъ помѣщичьихъ съ крестьянскими вызывало законодательныя постановленія, какъ-то: о признакахъ, по которымъ опредѣлялась законность или незаконность фактически отбывавшихся повинностей, о количественномъ отношеніи оброка

къ барщинѣ и т. д., разрѣшены были къ выгодѣ помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянамъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ правительство, незадолго передъ тѣмъ такъ торжественно объявившее въ отвѣтъ на ходатайства ландтага, что Положеніе 1804 года останется во всѣхъ статьяхъ ненарушимымъ и неизмѣннымъ, въ изданныхъ имъ дополнительныхъ къ этому Положенію правилахъ 28 февраля 1809 г. отреклось отъ прежнихъ своихъ толкованій и отступилось отъ неоднократныхъ своихъ требованій. Провинціальная оппозиція получила новое доказательство его неустойчивости и еще болѣе укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, что самыя, повидимому, твердыя его намѣренія никогда не выдержатъ продолжительной борьбы съ настойчивою, докучливою оппозиціею на мѣстахъ и съ послѣдовательною интригою въ Петербургѣ.

VII.

Межевая коммиссія и рижское отдѣленіе Комитета. Вопросъ о расплатѣ по реверсамъ. Личное освобожденіе крестьянъ и упраздненіе ихъ права на землю въ 1819-мъ году.

Одновременно съ разрѣшеніемъ вопросовъ, вызванныхъ жалобами на венденскую коммиссію, Комитетъ, по другимъ ходатайствамъ дворянства, проектировалъ цѣлый рядъ дополненій и измѣненій къ Положенію 1804 года и призналъ нужнымъ, присоединивъ къ нимъ прежнія пояснительныя свои постановленія (напримѣръ, исправленную табель оцѣнки покосовъ и залежей), издать все это вмѣстѣ въ видѣ Дополнительныхъ Статей къ Положенію.

Читая ихъ къ ряду и свѣряя ихъ съ журналами, изъ которыхъ онѣ извлечены, нельзя не замѣтить существенной перемѣны въ общемъ направленіи Комитета. До 1807 года, то есть до раздражительныхъ преній по поводу венденскаго заговора, почти всѣ вопросы, возникавшіе на мѣстахъ, разрѣшались въ пользу крестьянъ. Комитетъ какъ будто чувствовалъ, что въ Положеніи 1804 года онъ ограничился minimum'омъ льготъ, въ которыхъ они нуждались, и отъ которыхъ нельзя уже было допускать никакихъ урѣзокъ. Но послѣдній запасъ его энергіи, повидимому, истощился на защиту Сиверса и Репьева; отстоявъ ихъ по двумъ капитальнымъ обвиненіямъ, на нихъ взведеннымъ, онъ какъ будто охладѣлъ къ дѣлу и, по всѣмъ другимъ вопросамъ, уступилъ домогательствамъ дворянства, даже въ отмѣну прежнихъ, самыхъ рѣшительныхъ своихъ постановленій.

Напримѣръ, журналомъ 25 января 1806 года, было без-

условно запрещено наряжать крестьянъ на ночную работу, иначе какъ съ ихъ добровольнаго на то согласія и за особую плату; а статьею 28-ю Дополнительныхъ Правилъ, помѣщикамъ разрѣшено было требовать ночью продолженія дневной работы, буде она не можетъ быть прервана, зачитывая лишь часъ ночной работы за полтора дневной въ слѣдующій рабочій день. Журналомъ 15 мая 1807 года, въ дополненіе къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ дозволялось удалять крестьянина - хозяина отъ дальнѣйшаго содержанія двора, было постановлено: „Хозяинъ удаляемъ можетъ быть и тогда, когда онъ *подвергнулся три раза, по приговору суда, денежному или другому наказанію* и, по дурному поведенію и управленію хозяйствомъ, не находитъ ни работниковъ ни работницъ, кои бы добровольно къ нему вступить пожелали". Въ Дополнительныхъ Статьяхъ это правило было перепечатано (§ 50), но съ пропускомъ существеннаго условія, именно: предварительнаго, троекратнаго наказанія по суду.—Далѣе, помѣщики пріобрѣли совершенно новое право, при отпускѣ по паспортамъ, для пріисканія мѣста на сторонѣ, тѣхъ крестьянъ-хозяевъ, у которыхъ они отбирали дворы, облагать ихъ въ свою пользу, такъ же какъ и взрослыхъ ихъ дѣтей, денежнымъ оброкомъ—что было совершенно противно коренному правилу Положенія, признававшему за единственное основаніе повинностей въ пользу помѣщика получаемый отъ него надѣлъ.— Также въ противность Положенію, по усиленнымъ домогательствамъ ландратовъ, разрѣшено было отдавать въ рекруты *предпочтительно* бобылей и, только въ случаѣ недостатка между ними годныхъ людей, ставить крестьянъ осѣдлыхъ, то есть хозяевъ.

Въ такомъ видѣ проектъ Дополнительныхъ Правилъ представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе; но Государь вернулъ его назадъ министру внутреннихъ дѣлъ при рескриптѣ, 15 августа 1808 года, неизвѣстно кѣмъ составленномъ, въ которомъ содержался очень дѣльный и обстоятельный разборъ нѣкоторыхъ статей, съ указаніемъ на пробѣлы и недостатки, „вѣроятно уклонившіеся отъ вниманія Комитета"—такъ значилось въ рескриптѣ. Мы должны упомянуть о двухъ изъ нихъ.

Во-первыхъ, по проекту Дополнительныхъ Правилъ, предполагалось: въ имѣніяхъ, получившихъ временные вакенбухи на основаніи помѣщичьихъ реверсовъ, приступать немедленно къ повѣрочному, частному межеванію взятыхъ для примѣра участковъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда этого потребуютъ крестьяне. Въ рескриптѣ по этому поводу заявлялось: „что неумѣстно было бы ожидать такого требованія со стороны крестьянъ, когда, по невѣдѣнію своему, могутъ они почитать реверсы, данные ихъ помѣщиками, не превышающими законнаго Положенія, или когда и самое сіе Положеніе и предоставляемое имъ право требовать исправленія вакенбуховъ можетъ многимъ быть неизвѣстно и превратно понимаемо. Какъ, съ одной стороны, молчаніе крестьянъ и безропотное исполненіе положенныхъ по новому вакенбуху повинностей не можетъ быть принято доказательствомъ, что вакенбухи сіи безошибочно и справедливо составлены, такъ съ другой, неосторожно было бы внушать крестьянамъ подозрѣнія о неправильности розданныхъ вакенбуховъ, и, заставляя ихъ требовать исправленій, дѣлать ихъ самихъ судьями въ собственномъ дѣлѣ".

Во-вторыхъ, читатели, вѣроятно, припомнятъ, что §§ 31 и 37-мъ Положенія 1804 года, помѣщику предоставлено было право, черезъ каждыя 25 лѣтъ, урѣзывать и упразднять крестьянскіе дворы для увеличенія своей запашки, въ пропорціональномъ отношеніи къ числу выставляемыхъ на барщину работниковъ, до установленнаго въ законѣ размѣра господскаго посѣва на каждаго работника. Выше, въ главѣ II-й, было объяснено, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ періодическое повтореніе этой операціи могло повести къ постепенному переводу крестьянъ-хозяевъ на пустопорожнія господскія земли и къ окончательному упраздненію крестьянскаго *неотъемлемаго* надѣла. Само правительство, какъ видно, убѣдилось въ этомъ изъ опыта, и Высочайшимъ рескриптомъ повелѣно было включить въ Дополнительныя Правила статью слѣдующаго содержанія: Когда помѣщикъ на *господской пустопорожней землѣ* [1]), учреждаетъ новый крестьян-

---

[1]) Этими словами подтверждается вѣрность толкованія слова *„земля"* въ ст. 39 Положенія (Смот. гл. II), котораго мы придержались.

скій дворъ, онъ долженъ *въ то же время*, *въ смежности*, увеличить *изъ господской же земли и свою запашку*, въ соразмѣрности съ числомъ поденныхъ работниковъ, которыхъ этотъ дворъ будетъ высылать на барщину. Если же онъ, по недостатку земли, не въ состояніи будетъ этого сдѣлать, то, хотя у него не отнимается право употреблять рабочихъ, высылаемыхъ изъ новооснованнаго двора, на всякія работы, по своему усмотрѣнію, но уже эти прибылые рабочіе не должны быть полагаемы въ число тѣхъ, по которымъ опредѣляется, на основаніи ст. 33, 37 и 65-й Положенія, размѣръ господскаго посѣва, и не могутъ служить предлогомъ къ увеличенію господскихъ полей на счетъ крестьянскаго надѣла.— Это ограниченіе подсказано было Сиверсомъ.

Комитетъ, руководствуясь Высочайшимъ рескриптомъ, исправилъ свой проектъ и въ то же время испортилъ его включеніемъ въ него цѣлаго ряда совершенно новыхъ, ни разу прежде не обсуждавшихся правилъ о бобыляхъ. Мы уже видѣли, что они обречены были ставить рекрутовъ на все лифляндское крестьянство. Это придало имъ цѣнность, которой они прежде не имѣли, и подало мысль обратить ихъ въ предметъ торговли.

Выставляя, какъ предлогъ, что въ Лифляндіи встрѣчались имѣнія скудныя землею и густо населенныя, въ которыхъ множество бобылей составляло тягость, и наоборотъ, такія имѣнія многоземельныя, въ которыхъ ощущалась нужда въ рабочихъ, Комитетъ разрѣшилъ въ предѣлахъ одной лифляндской губерніи *переселять* таковыхъ излишнихъ бобылей изъ однихъ имѣній въ другія на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Излишнею считать ту часть мѣстнаго народонаселенія каждаго имѣнія, которая окажется на лицо сверхъ двойного числа взрослыхъ работниковъ и работницъ, принятаго за законный комплектъ, т. е. 20 муж. и 20 жен. на гакъ въ 80 талеровъ. 2) Нежеланіе самихъ бобылей, назначаемыхъ къ переселенію, на переходъ въ другое имѣніе не должно было служить препятствіемъ, лишь бы состоялся приговоръ о согласіи крестьянъ-хозяевъ того имѣнія, изъ котораго они выводились. Въ случаѣ несогласія хозяевъ, на нихъ возлагалось всецѣло дальнѣйшее попеченіе о бобыляхъ съ окончательнымъ устраненіемъ всякой

за нихъ отвѣтственности со стороны помѣщика. Понятно, что этимъ условіемъ приговоръ о согласіи *вынуждался*. 3) Переселяемые должны были получать на новомъ мѣстѣ своего водворенія установленный закономъ minimum поземельнаго надѣла на рабочую душу и пользовались на 3 года льготою отъ рекрутства, а на 6 лѣтъ—отъ платежа подушныхъ податей. 4) За переселеніемъ слѣдовало перечисленіе.—Очевидно, это была простая продажа людей безъ земли; но Комитетъ, кажется, посовѣстился назвать по имени то, что̀ онъ узаконялъ, и оттого выразился слѣдующимъ образомъ: „Какъ доходъ съ земли одного помѣщика, обработываемой крестьянами другого, принадлежитъ имъ обоимъ, то отъ взаимнаго и добровольнаго условія обоихъ помѣщиковъ зависитъ опредѣлить, какую часть сего дохода каждый изъ нихъ получать долженъ“, или разсчитаться окончательно обращеніемъ этого дохода въ соотвѣтственный капиталъ и одновременною уплатою онаго.

Въ сущности этимъ разрѣшалась торговля рекрутами, и редакціонныя уловки, которыми маскировалась суть дѣла, лучше всего доказываютъ, что, если не весь Комитетъ, то по крайней мѣрѣ составители этихъ правилъ хорошо понимали, что́ они дѣлали. Въ 1803 году Комитетъ постановлялъ единогласно: „продажа, закладъ и безденежная уступка крестьянъ обоего пола отъ одного помѣщика другому безъ земли вовсе не могутъ имѣть мѣста и запрещаются закономъ“ (§ 5 Положенія 1804 года); переселеніе изъ одного помѣстья въ другое разныхъ владѣльцевъ допускалось тѣмъ же Положеніемъ (§ 6) не иначе, какъ подъ условіемъ добровольнаго на то согласія переселяемыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все это писалось и обнародывалось, прошло не болѣе пяти лѣтъ, и вотъ къ чему пришли тотъ же Комитетъ, (правда, въ измѣненномъ составѣ) и то же правительство, или точнѣе—къ чему ихъ привели. Страннѣе всего то, что эти правила о бобыляхъ какъ будто упали съ неба. Они были первоначально редактированы по-нѣмецки и потомъ, какъ и всѣ статьи 1809 г., переведены на русскій языкъ, вдобавокъ крайне безграмотно и неточно — это бросается въ глаза; но откуда они явились, кто предложилъ ихъ, кто поддерживалъ, какими соображеніями склонился Комитетъ

къ ихъ принятію?—объ этомъ молчитъ подлинное дѣлопроизводство. Видно только, что, уже послѣ полученія министромъ внутреннихъ дѣлъ Высочайшаго рескрипта, о которомъ было упомянуто выше, онъ внесъ въ Комитетъ двѣ записки о правѣ переселять бобылей, поданныя неизвѣстно кѣмъ, и что Комитетъ въ одно засѣданіе 26 ноября 1808 года порѣшилъ включить приведенныя правила въ Дополнительныя Статьи. Въ то время Сиверса въ Петербургѣ не было, и предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ не графъ Кочубей, а его преемникъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Стало быть, кто-то, благоразумно скрывшій свое имя, выждалъ благопріятнаго времени и въ самую послѣднюю минуту захватилъ неприготовленнаго, незнакомаго съ дѣломъ предсѣдателя врасплохъ. Нѣсколькими мѣсяцами раньше никто бы не посмѣлъ предложить Комитету такихъ правилъ.

Одновременно съ недостатками Положенія 1804 г. и еще нагляднѣе обнаружились послѣдствія коренной ошибки въ организаціи исполнительной части, именно: отсутствіе внутренней дисциплины въ средѣ каждой ревизіонной коммиссіи и отсутствіе всякаго согласія и единства въ дѣйствіяхъ четырехъ коммиссій. Комитетъ сталъ замѣчать это почти съ самаго приступа къ исполненію. Первому горю онъ до нѣкоторой степени помогъ тѣмъ, что, по представленію Арсеньева, испросилъ Высочайшаго повелѣнія, „чтобъ, въ случаѣ разногласія членовъ коммиссій съ предсѣдателями, предложенія предсѣдателей исполняемы были немедленно и, по исполненіи уже оныхъ, буде члены имѣютъ законныя причины оставаться несогласными, то, записавъ въ журналъ свое мнѣніе, представляли бы оное въ Комитетъ лифляндскихъ дѣлъ. Въ видахъ устраненія другого неудобства, разногласій въ толкованіи закона и различій въ исполнительныхъ пріемахъ, Комитетъ устроилъ на мѣстахъ періодическіе съѣзды предсѣдателей ревизіонныхъ коммиссій для обмѣна взглядовъ, взаимнаго вразумленія и совокупнаго обсужденія представлявшихся трудностей; но эти съѣзды, при чисто совѣщательномъ ихъ характерѣ и при совершенномъ отсутствіи всякой коллективной отвѣтственности всѣхъ коммиссій въ совокупности,

не оправдали ожиданій. Предсѣдатели пріѣзжали съ готовыми, установившимися взглядами и, поспоривъ, съ ними же разъѣзжались. Комитетъ пробовалъ также по временамъ вызывать предсѣдателей въ Петербургъ и выслушивать ихъ въ полномъ присутствіи; но къ этому прибѣгли слишкомъ поздно; къ тому же, ихъ приглашали обыкновенно не всѣхъ четырехъ вмѣстѣ, а порознь, да и самъ Комитетъ не былъ въ состояніи своевременно высматривать и примирять зараждавшіяся противоположности въ понятіяхъ и пріемахъ. Мысль объ учрежденіи въ самой Лифляндіи одной центральной коммиссіи, по закрытіи четырехъ уѣздныхъ, собственно для наблюденія за производствомъ межеванія, которое должно было продолжаться шесть лѣтъ, и для выдачи окончательныхъ вакенбуховъ взамѣнъ временныхъ, была высказана Комитетомъ еще въ началѣ 1806 года и Высочайше одобрена, но въ то время осталась безъ исполненія. Послѣ раздражительныхъ преній, вызванныхъ жалобами венденскихъ дворянъ, естественно было къ ней вернуться, какъ къ единственному средству привести къ согласію и довершить разстроившуюся исполнительную операцію. Рѣшено было всѣ четыре окружныя коммиссіи упразднить вовсе, въ томъ числѣ венденскую и рижскую, еще не успѣвшія окончить своего дѣла, и на мѣсто ихъ учредить одну центральную, подъ названіемъ Межевой Ревизіонной Коммиссіи. Данная ей инструкція приложена была къ Дополнительнымъ Статьямъ 1809 г. Коммиссія эта учреждена была въ составѣ предсѣдателя, его помощника и четырехъ членовъ съ субститутами. Предсѣдатель назначался Государемъ и состоялъ на казенномъ жалованьѣ, его помощникъ и члены избирались дворянствомъ, утверждались Государемъ и получали жалованье изъ дворянскихъ суммъ; на тотъ же источникъ обращено было содержаніе секретарей, землемѣровъ и канцелярскихъ служителей, которыхъ назначеніе предоставлено было предсѣдателю. Кандидатовъ въ должности помощника и членовъ положено было выбирать поуѣздно, не созывая ландтага и ни допуская въ эти должности никого ни изъ оберъ-кирхенъ-форштееровъ, ни изъ членовъ бывшихъ ревизіонныхъ коммиссій, ни изъ помѣщиковъ, подававшихъ жалобы на ревизіонныя коммиссіи—этимъ пра-

вительство надѣялось предупредить подозрѣнія и перервать разомъ раздражительныя личныя пререканія, которымъ не предвидѣлось конца. — Дѣла въ Межевой Коммиссіи должны были производиться коллегіально, но, въ случаѣ несогласія предсѣдателя съ большинствомъ, поступали на окончательное разрѣшеніе въ Лифляндскій Комитетъ.

На Коммиссію возлагались слѣдующія обязанности: 1) Немедленно открыть крестьянскіе суды тамъ, гдѣ они еще не были учреждены. 2) Въ рижскомъ и венденскомъ округахъ составить вакенбухи для всѣхъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ это еще не было исполнено. 3) Наблюсти, чтобы въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ выданы были временные вакенбухи, помѣщики непремѣнно окончили обмежеваніе крестьянскихъ земель въ установленный шестилѣтній срокъ, и, по исполненіи этой операціи, взамѣнъ временныхъ выдать непремѣнные вакенбухи. Въ этихъ видахъ: заботиться объ устраненіи могущаго встрѣтиться недостатка въ землемѣрахъ, которые приняли бы на себя обязанность производить измѣренія и разцѣнки земель по опредѣленной правительствомъ таксѣ и подъ контролемъ Коммиссіи [1]. 4) Пересмотрѣть и передѣлать, на основаніи вновь изданныхъ правилъ, всѣ уже розданные вакенбухи, какъ временные такъ и непремѣнные, наблюдая притомъ, чтобы нигдѣ не приходилось менѣе одной рабочей души мужской и женской на 4 талера надѣла, чтобъ на рабочую душу не ложилось болѣе, какъ на четыре талера повинностей, и чтобы соблюдено было установленное отношеніе между барщиною ординарною, вспомогательною и оброками. Въ имѣніяхъ, получившихъ временные вакенбухи, составленные на основаніи выданныхъ помѣщиками реверсовъ, по которымъ крестьяне обложены были повинностями свыше размѣра, причитавшагося съ нихъ по общему правилу, немедленно и не выжидая никакихъ жалобъ, произвести повѣрку вакенбуховъ указаннымъ вновь способомъ, то есть посредствомъ *частнаго* измѣренія нѣсколькихъ участковъ. „Тѣ помѣ-

---

[1]) Баронъ Нолькенъ ошибается (см. цитованную выше брошюру его), утверждая, будто бы еще въ 1804 году состоялось Высочайшее повелѣніе произвести по всей губерніи вновь общее межеваніе.

щики—значилось въ инструкціи—кои, по требованіямъ Коммиссіи, въ назначенное время нужныхъ свѣдѣній не доставятъ, равно какъ и тѣ, кои паче чаянія нарушатъ должное къ Коммиссіи уваженіе, подвергнутся сужденію по всей строгости законовъ."

Предсѣдателемъ въ Межевую Коммиссію назначенъ былъ статскій совѣтникъ И. Н. Мальте, съ окладомъ въ 2400 руб., а по смерти его въ 1818 году баронъ Будбергъ; товарищемъ къ нему утвержденъ ландратъ Самсонъ (отецъ извѣстнаго ландрата), а по выходѣ его, временно, баронъ Будбергъ; членамъ: ф. Брюггенъ, ф. Смиттенъ, ф. Вольфельдъ, ф. Розенъ, ф. Фитингофъ, ф. Врангель и, кромѣ землемѣра Григорьева—ни одного Русскаго.

Съ учрежденіемъ Межевой Ревизіонной Коммиссіи, существенно измѣнилась роль и участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ Лифляндскаго Комитета. До тѣхъ поръ, онъ ограничился разъясненіемъ Положенія, разрѣшеніемъ возникавшихъ вопросовъ, составленіемъ дополнительныхъ правилъ и инструкцій и разбирательствомъ жалобъ на мѣстныя коммиссіи. Съ 1809 года, онъ принялъ на себя провѣрку и утвержденіе всѣхъ безъ изъятія вакенбуховъ. Межевая Ревизіонная Коммиссія обязана была доставлять въ Петербургъ каждый составленный ею проектъ вакенбуха на предварительный просмотръ; по утвержденіи его, онъ отсылался обратно въ городъ Валкъ (мѣстопребываніе Коммиссіи), которая по немъ изготовляла три экземпляра и отправляла ихъ въ Петербургъ на утвержденіе и подписаніе Комитета. Этотъ многосложный порядокъ придуманъ былъ „въ видахъ учрежденія нѣкоторой ревизіи надъ Межевою Коммиссіею въ Петербургѣ", чѣмъ надѣялись „предупредить жалобы и отвлечь малѣйшій поводъ къ нареканіямъ на пристрастіе".

Само собою разумѣется, что, взявъ на себя такой трудъ, Комитетъ долженъ былъ обзавестись новыми средствами. Онъ устроилъ при себѣ особое присутствіе, своего рода подготовительную подкоммиссію, которая должна была заниматься повѣркою вакенбуховъ, и при ней цѣлую канцелярію. Вскорѣ эта подкоммиссія переименована была въ конференцію для ревизіи вакенбуховъ и получила въ руководство особыя Вы-

сочайше утвержденныя правила. Мало-по-малу, власть рѣшающая и направляющая, фактически, перешла изъ Комитета въ конференцію. Послѣдняя начала съ того, что завела у себя всю внутреннюю и внѣшнюю переписку на нѣмецкомъ языкѣ, вошла въ прямыя сношенія съ Валкскою Коммиссіею, стала снабжать ее отъ себя инструкціями въ поясненіе, иногда даже въ отмѣну постановленій Комитета, а дѣятельность Комитета ограничилась подписаніемъ вакенбуховъ, въ которыхъ большинство членовъ ни слова не понимало, и журналовъ, которые подносила ему конференція.

Съ этимъ существеннымъ преобразованіемъ въ порядкѣ дѣлопроизводства, совпало обновленіе личнаго состава Комитета. Въ августа 1808 г. назначены были: предсѣдателемъ—новый министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Куракинъ, рѣдко присутствовавшій въ Комитетѣ; членами: статсъ-секретарь М. М. Сперанскій, статскій совѣтникъ Дружининъ (бывшій секретать Комитета) и состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подполковникъ Экспаръ; изъ прежнихъ членовъ остались: изъ Русскихъ—сенаторъ Козадавлевъ и секретарь Кайсаровъ, изъ Лифляндцевъ—безсмѣнные ландраты Буденброкъ и Герсдорфъ. Работа въ конференціи возложена была, по Высочайшему повелѣнію, на подполковника Экспара, которому оба ландрата обязались помогать; потомъ, въ помощь къ нимъ, прикомандировался, для повѣрки нарѣзокъ и плановъ, свиты Е. В. по квартирмейстерской части поручикъ Боккъ, котораго Государь сперва было опредѣлять не хотѣлъ „находя такого рода занятія неудобными для военнослужащаго“, но самъ г. ф. Боккъ былъ инаго мнѣнія и добился чего хотѣлъ. Комитетъ однако имѣлъ осторожность испросить у Государя разрѣшеніе всякій разъ приглашать въ конференцію Сиверса, для совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ вакенбуховъ, предварительно провѣренныхъ кѣмъ либо изъ ея членовъ, и Государь не только изъявилъ на это свое согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ приглашать его „не единственно по сему предмету, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ присутствіе его признаваемо будетъ нужнымъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1811 году, Сиверсъ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ предсѣдателемъ конференціи „во уваженіе старшинства его въ ландратской коллегіи“.

Благодаря извѣстной способности остзейскихъ дворянъ, состоящихъ на службѣ, притягивать къ себѣ и пристраивать около себя свою родню и своихъ земляковъ, канцелярія конференціи немедленно наполнилась лифляндскою молодежью. Въ нее опредѣлены были „для пріобученія къ дѣламъ“ подъ надзоромъ своихъ родичей: сынъ Буденброка, племянникъ Сиверса, племянникъ Экспара, множество всякихъ Ренненкампфовъ, Таубе и другихъ. Такимъ образомъ, подъ крыломъ высшаго правительства, лифляндское дворянство свило себѣ прочное, хотя и невидное, скромное гнѣздышко, изъ котораго ему легко было, черезъ своихъ ландратовъ, направлять крестьянскую реформу по своему желанію; таже конференція служила для молодежи очень удобнымъ преддверіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и превосходною школою, въ которой, присматриваясь къ пріемамъ своихъ старшихъ патроновъ, она проходила практическій курсъ обращенія съ русскими министрами и сановниками. Покуда Лифляндцы, стоявшіе у дѣлъ и воевавшіе въ центрѣ правительства за интересы своего сословія, заблаговременно подготовляли себѣ, въ лицѣ подроставшаго поколѣнія, будущихъ преемниковъ для той же борьбы, съ нашей стороны никто объ этомъ, разумѣется, не заботился. Казалось бы, не трудно было сообразить, что и впослѣдствіи придется, вѣроятно, еще не одинъ разъ, заниматься остзейскими крестьянами и вообще дѣлами того края; что неудобно, въ ту минуту, когда тотъ или другой крупный вопросъ требуетъ неотложнаго разрѣшенія, начинать изучать его съ азбуки, и что по этому не мѣшало бы и намъ исподоволь подготовлять къ этому людей, для поддержанія непрерывныхъ законодательныхъ и административныхъ традицій; но никому, повидимому, эта мысль не приходила на умъ, да и теперь правительство такъ далеко не простираетъ своей заботливости.

Въ сущности, та цѣль, которую имѣлъ въ виду Комитетъ, принимая на себя мелочныя обязанности чисто административнаго свойства, именно: обезпеченіе безпристрастной развязки и предупрежденіе всякой односторонности, нисколько не достигалась. Фактически, развязка всецѣло отдавалась въ руки одной изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, той, которая своимъ противодѣйствіемъ наиболѣе мѣшала быв-

шимъ коммиссіямъ въ исполнительной операціи на нихъ возложенной. Новый порядокъ веденія дѣла былъ хуже прежняго въ томъ отношеніи, что теперь представители дворянскихъ интересовъ, дѣйствуя черезъ посредство высшаго учрежденія, на которое некуда было жаловаться, тѣмъ самымъ ускользали отъ всякой отвѣтственности. Единственною гарантіею противъ крайней односторонности оставалось присутствіе Сиверса, но ему одному довольно трудно было усмотрѣть за всѣмъ, при спѣшности и дробности занятій по ревизіи.

Эта, въ извѣстномъ смыслѣ, отлично придуманная организація чуть было однако на первыхъ же порахъ не разстроилась въ конецъ, вслѣдствіе размолвки изъ-за денежнаго вопроса между лифляндскимъ рыцарствомъ и его петербургскими адвокатами. Не довольствуясь косвеннымъ вліяніемъ на ходъ всего дѣла, дворянство, черезъ своего ландмаршала Белова, обратилось къ ландратамъ Буденброку и Герсдорфу съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія: „Дворянство, находясь въ непремѣнномъ расположеніи на счетъ предпринятаго имъ дѣла, ничего болѣе не желаетъ, какъ скорѣйшаго окончанія работъ, возложенныхъ на Ревизіонную Межевую Коммиссію. Вслѣдствіе сего, дворянство сочло бы себя счастливымъ, если бы теченіе работъ этой Коммиссіи не было прерываемо новыми какими либо предположеніями, ибо изъ опытовъ извѣстно, сколько, при таковыхъ новыхъ предположеніяхъ, по причинѣ разныхъ мѣстныхъ затрудненій, о коихъ члены Высочайше учрежденнаго Комитета не могли имѣть предварительнаго и полнаго свѣдѣнія, дѣло сіе встрѣчало въ ходу своемъ препятствій, на отклоненіе коихъ потребовалось много времени, которое могло бы быть употреблено на сооруженіе благосостоянія лифляндской провинціи. Почему и дабы впредь не могло встрѣтиться подобныхъ остановокъ и недоразумѣній, ландмаршалъ Беловъ просилъ господъ ландратовъ, какъ *повѣренныхъ* отъ дворянства, войти съ онымъ въ тѣснѣйшую связь и, въ случаяхъ какихъ либо новыхъ предположеній или затрудненій, коихъ разрѣшеніе показалось бы имъ самимъ сомнительнымъ, испрашивать мнѣнія дворянства и такимъ образомъ, совокупными силами, споспѣшествовать къ скорѣйшему исполненію воли Его Императорскаго Величества.“

Этому постановленію, въ Ригѣ, дана была такая огласка, что ландраты сочли неудобнымъ держать его про себя. Для личнаго своего огражденія они признали нужнымъ не давать на него никакого отвѣта, сообщить его Комитету безъ всякаго заключенія, а Комитетъ, вмѣсто того, чтобы заставить самихъ ландратовъ, къ которымъ обращалось дворянство, разъяснить ландмаршалу все неприличіе его требованія, принялъ его къ своему разсмотрѣнію. Онъ нашелъ „опасеніе ландмаршала на счетъ уновленій совершенно излишнимъ, потому что цѣль настоящаго Комитета состояла не въ составленіи какихъ либо новыхъ проектовъ и законовъ, но въ наблюденіи за скорѣйшимъ и удобнѣйшимъ исполненіемъ тѣхъ, кои уже составлены и Ревизіонною Межевою Коммиссіею приводились въ дѣйствіе, и потому заключилъ: съ объясненіемъ сего мнѣнія, отнестись къ ландмаршалу, а оригинальное предложеніе отдать господамъ ландратамъ обратно“.

Дворянству это крайне не понравилось. Если, такъ разсуждало оно, ландраты засѣдающіе въ Комитетѣ не хотятъ быть нашими послушными стряпчими, то пусть казна беретъ ихъ на свое содержаніе, о чемъ опредѣлено было войти со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, а между тѣмъ перевести ихъ немедленно на низшій окладъ. Прежде они получали изъ дворянскихъ суммъ по 600 руб. каждый, въ мѣсяцъ, или по 7200 руб. въ годъ, а теперь положено было отпускать имъ по 2000 руб. Какъ видно, дворянство разсердилось не нашутку и било въ самое чувствительное мѣсто; но оно обманулось въ послѣдствіяхъ. Какъ только ландраты получили это неожиданное извѣстіе, ихъ внезапно озарила мысль, ни прежде, ни послѣ не приходившая имъ на умъ,—та мысль, что будучи призваны содѣйствовать высшему правительству въ разрѣшеніи законодательныхъ и административныхъ вопросовъ, они имѣли полное основаніе считать себя *его* совѣтниками, а отнюдь не повѣренными *своего* неблагодарнаго сословія, которому они такъ вѣрно служили всякими правдами и неправдами. Преобразившись такимъ образомъ со дня на день въ собственныхъ своихъ глазахъ, они, черезъ посредство члена Комитета Экспара, подали на дворянство формальную жалобу, въ которой прописывали между прочимъ: „1) что, зная причины, по

коимъ они въ С.-Петербургъ призваны, дворянство не имѣло права располагать ихъ особами, безъ ихъ согласія, и тѣмъ менѣе еще имѣло право дѣлать даже временное уменьшеніе въ ихъ содержаніи и назначать имъ такую сумму (менѣе трети прежняго оклада) которая, не бывъ достаточна не только для вознагражденія причиняемой пребываніемъ ихъ въ С.-Петербургѣ разстройки въ домашнемъ ихъ хозяйствѣ, но и для самыхъ необходимыхъ издержекъ, не достаточествуетъ даже для заплаты за наемъ экипажа, и 2) что между тѣмъ каждый ландратъ, резидующій въ Ригѣ, т. е. на самомъ мѣстѣ, со включеніемъ квартиры и дровъ, получаетъ отъ того же дворянства болѣе 600 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе чего, по самой очевидной невозможности содержать себя столь недостаточною суммою, при ежедневно возвышающейся дороговизнѣ, они просили, чтобы повелѣно было производившіеся имъ прежде сего по 600 руб. на мѣсяцъ возстановить“.

Всего простѣе было бы исполнить ходатайство дворянства, т. е. принять обоихъ ландратовъ на казенное содержаніе, разъяснивъ имъ предварительно съ глазу на глазъ, что отнынѣ правительство потребуетъ отъ нихъ полной и безоговорочной службы своимъ видамъ; тогда, порвавъ прежнія, какъ видно, не очень прочныя ихъ связи съ дворянствомъ, оно, можетъ быть, дѣйствительно нашло бы въ нихъ годныхъ агентовъ; но министръ внутреннихъ дѣлъ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ донесъ Государю: „что ландраты Герсдорфъ и Буденброкъ находятся по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію въ Комитетѣ по *собственнымъ дѣламъ дворянства* (?). Съ самаго учрежденія Комитета и до времени, когда дворянство разсудило сократить содержаніе ландратовъ, они получали, по добровольному назначенію дворянства, по 600 руб. въ мѣсяцъ, т. е. такой окладъ, какой и нынѣ получаетъ всякій посылаемый отъ дворянства ландратъ или ландмаршалъ. Сомнѣнія нѣтъ, что содержаніе сіе при дѣлѣ, продолжающемся столь значущее время, могло бы нѣкоторымъ образомъ обременить дворянство, ежели бы собственно на содержаніе ландратовъ не было пожалованныхъ августѣйшими предками Вашего Императорскаго Величества достаточныхъ имѣній. Пребывающіе здѣсь ландраты тѣмъ бо-

лѣе имѣютъ на сіе право, что содержаніе резидующихъ въ Ригѣ ландратовъ простирается за 600 руб. каждый мѣсяцъ и что ландратъ и настоящій помощникъ президента Ревизіонной Межевой Коммиссіи, въ маленькомъ городкѣ Валкѣ и по близости къ своимъ помѣстьямъ, получаетъ 1500 руб. По симъ причинамъ не видно, какимъ образомъ дворянство могло приступить къ уменьшенію содержанія, на которое ландраты имѣютъ право, во-первыхъ, по самому пожалованью имъ особенныхъ имѣній, а во-вторыхъ, и потому, что они, находясь не по своей волѣ, но по Высочайшему повелѣнію и по дѣламъ, непосредственно до того же дворянства касающимся, дѣйствительно лишены способовъ имѣть надлежащій надзоръ за собственнымъ ихъ хозяйствомъ.“ Вся эта аргументація не выдерживала ни малѣйшей критики. Когда повелѣно было дворянству избрать отъ себя двухъ членовъ въ Лифляндскій Комитетъ, ему не было вмѣнено въ обязанность принять содержаніе ихъ на свой счетъ. Отъ самого дворянства зависѣло положить или не полагать имъ вознагражденія и если окладъ, которымъ они пользовались, имѣлъ основаніе только въ добровольномъ постановленіи дворянства, то не было никакого повода оспаривать у него права такимъ же постановленіемъ понизить размѣръ его. Не менѣе того, по представленію министра, послѣдовало Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Принимая въ уваженіе, 1) что ландраты Герсдорфъ и Буденброкъ находятся въ С. Петербургѣ по особенному моему повелѣнію для соучастія въ разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся до самого дворянства; 2) что по сей причинѣ, безъ особаго о семъ мнѣ представленія и безъ вопрошенія собственнаго согласія ландратовъ, дворянство не могло сокращать содержанія, производившагося до состоянія послѣдняго ландтага и признаннаго прежними ландтагами необходимымъ, тѣмъ менѣе, что исключительно на лучшее содержаніе ландратовъ, въ 1726 году января 12 дня, пожалованы лифляндскому дворянству особенныя имѣнія; вслѣдствіе чего я повелѣваю содержаніе, производившееся ландратамъ Герсдорфу и Буденброку до состоянія опредѣленія на послѣднемъ ландтагѣ, возстановить“. Въ сущности отношенія не измѣнились. Получая содержаніе изъ кассы дворянства, ландраты, въ со-

ставѣ Комитета остались чѣмъ были прежде — агентами дворянства; они только воспользовались авторитетомъ Высочайшей власти, чтобъ дать дворянству урокъ и поддержать цѣну на свои услуги. Мы де готовы оберегать полноправность дворянства противъ интересовъ крестьянъ и противъ намѣреній правительства — мы это доказали — но отнюдь не противъ нашего карманнаго интереса. Здѣсь предѣлъ нашему послушанію; знайте это и соображайтесь съ этимъ.

Когда Лифляндскій Комитетъ составлялъ Правила 1809 года, трудно сказать, дѣйствительно ли онъ вѣрилъ въ возможность окончить въ шестилѣтній срокъ (котораго часть въ то время уже истекла) повѣрку всѣхъ вакенбуховъ и спеціальное измѣреніе съ таксаціею всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Во всякомъ случаѣ онъ не сообразилъ ни силы ожидаемаго сопротивленія на мѣстахъ, ни недостатка межевыхъ средствъ, ни крайней непрактичности имъ самимъ придуманныхъ правилъ дѣлопроизводства. Еще въ ноябрѣ 1808 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія инструкціи для Межевой Коммиссіи, какъ только пронесся слухъ о предположенномъ ея учрежденіи, ландмаршалъ Нуммерсъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, содержаніе коего читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго рескрипта отъ 22-го декабря 1808 года на имя лифляндскаго губернатора: „Генералъ отъ инфантеріи графъ Буксгевденъ, при рапортѣ изъ бывшей главной квартиры въ Гамле-Карлебю, доставилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее прошеніе ландмаршала лифляндской губерніи Нуммерса, въ видѣ уполномоченнаго отъ цѣлаго дворянскаго сословія лифляндской губерніи, въ коемъ, по исчисленіи издержекъ, употребленныхъ на содержаніе бывшихъ въ Лифляндіи четырехъ ревизіонныхъ коммиссій и по изъясненіи, сколь отяготительно будетъ для дворянства, ежели учреждаемая вновь для всей губерніи Ревизіонная Межевая Коммиссія, сверхъ межеванія, должна будетъ заняться и передѣлкою всего того, что прежними коммиссіями было уже исполнено, ландмаршалъ, отъ лица всего дворянства, просилъ Его Императорское Величество Высочайше повелѣть Верховному Совѣту сообразить: достойны ли произведенныя перемѣны въ Положеніи 1804 года, для приведенія въ исполненіе

коихъ Ревизіонная Межевая Коммиссія учреждается, предполагаемаго всеобщаго отягощенія, или достаточно и безъ оныхъ состояніе крестьянское постановлено уже произведенною ревизіею въ независимость и облегченіе? По разсмотрѣніи обстоятельствъ прошенія ландмаршала и по соображеніи правъ и документовъ, силою коихъ ландмаршалъ облекъ себя въ званіе ходатая за лифляндское дворянство, Государь Императоръ съ неудовольствіемъ усмотрѣть изволилъ, что господинъ ландмаршалъ совершенно вышелъ изъ границъ, въ уполномочіи 1806 г. ему предначертанныхъ; что самый ландтагъ въ уполномочіи своемъ не могъ предвидѣть Положеній, двумя годами позже онаго Высочайше утвержденныхъ, и что, ежели бы Положенія сіи дѣйствительно и въ тогдашнее время существовали, то что и тогда лифляндское дворянство, вѣроятно, не сочло бы себя въ правѣ уполномочивать ландмаршала на представленіе Государю Императору прошенія, къ опроверженію его же Высочайшихъ указовъ клонящагося.—Вслѣдствіе чего и въ отвращеніе впредь подобныхъ неосмотрительностей, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить вашему превосходительству, чтобы вы, м. г. мой, замѣтили господину ландмаршалу Нуммерсу всю неправильность его поступка и объяснили бы сколь несовмѣстно прошеніе его противу дѣла, самимъ Государемъ Императоромъ окончательно уже рѣшеннаго."—Другого отвѣта дворянство, вѣроятно, и не ожидало. Не оно ли само своими жалобами на мнимое пристрастіе прежнихъ коммиссій, по крайней мѣрѣ двухъ изъ нихъ, поколебало довѣріе правительства къ ихъ дѣйствіямъ и подало поводъ къ общей ревизіи?

Послѣ этой неудавшейся попытки, оставалось перейти къ болѣе надежной системѣ пассивнаго противодѣйствія на мѣстахъ. По § 24 инструкціи, вмѣнялось въ обязанность губернскому правленію объявить всѣмъ помѣщикамъ въ Лифляндіи, обязавшимся реверсами къ межеванію, чтобъ они, въ теченіи шести недѣль со дня состоянія указа, доставили въ Коммиссію свѣдѣніе, сдѣланы ли ими какія-либо письменныя условія вслѣдствіе данныхъ ими реверсовъ на обмежеваніе въ ихъ помѣстьяхъ крестьянскихъ участковъ, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ помѣщики должны были представить скрѣпленныя ко-

ніи съ контрактовъ, заключенныхъ ими съ землемѣрами, а въ послѣднемъ—извѣщеніе о причинахъ, кои воспрепятствовали совершенію таковыхъ условій. По §§ 26, 27 и согласно послѣдующимъ постановленіямъ Комитета, тѣ помѣщики, кои, по требованіямъ коммиссіи, въ назначенное время, нужныхъ свѣдѣній не доставятъ, равно какъ и тѣ, кои, паче чаянія, нарушили бы должное къ Коммиссіи уваженіе, должны были подвергнуться сужденію по всей строгости законовъ; независимо отъ этого, въ имѣніяхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые въ теченіе шестинедѣльнаго срока не доставили бы требуемыхъ свѣдѣній, Коммиссія должна была обратить повинности на послѣдній казенный вакенбухъ, (если черезъ это повинности не увеличивались) или предпринять отъ себя спеціальное измѣреніе на счетъ помѣщика. Печатный вызовъ о доставленіи свѣдѣній былъ сдѣланъ въ половинѣ марта 1809 года, но очень многіе изъ помѣщиковъ не обратили на него никакого вниманія; срокъ истекъ, Межевая Коммиссія спрашивала, что̀ ей дѣлать, и Комитетъ далъ пятимѣсячную отсрочку по 1 октября, которою все-таки многіе не воспользовались.

Другія причины медленности въ ходѣ повѣрочной операціи заключались въ самомъ существѣ дѣла.

Во-первыхъ, оказалось, что вакенбухи, розданные двумя коммиссіями, Пернавскою и Дерптскою, именно тѣми, которыя раньше всѣхъ кончили свое дѣло, на которыя никто изъ помѣщиковъ не жаловался и которыя ставились ими въ образецъ другимъ, были до невѣроятной степени неполны, неисправны и небрежно составлены. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ вакенбухахъ то количество земли, которымъ крестьяне имѣли право пользоваться, не оплачивая его повинностью въ пользу помѣщика, а за отбываніе прежней станціонной подати (замѣненной впослѣдствіи подушною), было исключено изъ надѣла; въ другихъ вовсе былъ упущенъ вычетъ изъ общей суммы крестьянскихъ повинностей той части, которая зачитывалась имъ въ государственную подать; во многихъ сумма повинностей (крестьянскаго дебета) опредѣлена была въ размѣрѣ, превышавшемъ стоимость ихъ надѣла (кредита); въ вакенбухахъ девяти приходовъ стоимость надѣла вовсе не была показана, и т. д. Здѣсь, стало быть, приходилось всю опе-

рацію начинать сызнова, а между тѣмъ изъ четырехъ предсѣдателей бывшихъ коммиссій только двое награждены были за свое усердіе продолженіемъ отпускавшихся имъ столовыхъ денегъ впредь до опредѣленія къ новымъ должностямъ, именно Драшковичъ и Пущинъ, тѣ самые, которые дѣйствовали въ пернавскомъ и дерптскомъ округахъ.

Во-вторыхъ, назначая на окончаніе всей операціи шестилѣтній срокъ, Комитетъ полагался на заявленіе своихъ членовъ, обоихъ ландратовъ, увѣрявшихъ его, что опредѣленіе площади крестьянскихъ участковъ можно будетъ найти въ шведскихъ планахъ; но Межевая Коммиссія, вскорѣ по приступѣ къ дѣлу, донесла, что эти планы по многимъ причинамъ оказались вовсе негодными къ употребленію, и хотя Комитетъ, какъ видно изъ его журнала, не далъ вѣры этому показанію и призналъ даже „выставленные предлоги неуважительными", тѣмъ не менѣе долженъ былъ подчиниться сужденію исполнительной инстанціи.

Въ-третьихъ, обнаружился крайній недостатокъ въ землемѣрахъ и, при усиленномъ на нихъ запросѣ, находившіеся на мѣстахъ значительно подняли цѣну на свой трудъ. Правительство дѣлало что̀ могло; оно усилило штатъ Межевой Коммиссіи еще двумя землемѣрами и сверхъ того отрядило въ Лифляндію изъ межевой канцеляріи десять землемѣровъ и долго содержало ихъ на казенный счетъ; но, по незнанію мѣстныхъ языковъ и по непривычкѣ ихъ къ употреблявшемуся въ Лифляндіи способу межеванія (мензулою, а не астрелябіею), отъ нихъ мало было пользы. Въ огражденіе помѣщиковъ отъ чрезмѣрныхъ запросовъ со стороны вольнопрактикующихъ землемѣровъ, правительство обязало ихъ не выходить изъ таксы, имъ изданной, и представлять срочные отчеты о своихъ работахъ Межевой Коммиссіи, которая должна была ихъ контролировать, съ правомъ недостойныхъ и неспособныхъ штрафовать и даже воспрещать имъ дальнѣйшія по этой части занятія. До нѣкоторой степени этимъ стѣснялись соглашенія; помѣщики жаловались, что землемѣры неохотно брали работу и исполняли ее медленно, а землемѣры, не безъ основанія, отвѣчали, что помѣщики не платили имъ договоренныхъ денегъ и тѣмъ ставили ихъ въ необходимость, по мѣстному

праву, начинать противъ нихъ иски судебнымъ порядкомъ и нести расходы на наемъ адвокатовъ, на судебныя шпортели и т. д. Для поощренія землемѣровъ Комитетъ, по представленію Коммиссіи, испросилъ для нея разрѣшеніе тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся того достойными, зачислять на службу.

Какъ было замѣчено выше, установленный Комитетомъ порядокъ дѣлопроизводства сопряженъ былъ съ крайнею медленностью. Каждый проектъ вакенбуха пересылался изъ Валка въ Петербургъ; тамъ онъ подробно разбирался и почти всегда съ разными замѣчаніями и вопросами, требовавшими предварительныхъ разъясненій, препровождался обратно въ Валкъ; иногда это повторялось раза по два и по три; потомъ, по окончательно утвержденному проекту составлялись въ Валкѣ подлинные вакенбухи въ трехъ экземплярахъ, которые опять отправлялись въ Петербургъ, вновь повѣрялись, подписывались и возвращались въ Валкъ для раздачи. Впослѣдствіи, самъ Комитетъ принялъ на себя составленіе подлинныхъ вакенбуховъ по окончательно исправленнымъ проектамъ, даже переводъ ихъ на мѣстные языки. Вся эта операція усложнялась еще тѣмъ, что Комитетъ издалъ для вакенбуховъ совершенно новую форму, которая, оказавшись въ нѣкоторыхъ подробностяхъ неудобною, нѣсколько разъ измѣнялась, и что онъ съ самаго начала связалъ Валкскую Межевую Коммиссію въ ея дѣйствіяхъ раздѣленіемъ всѣхъ имѣній на разряды и установленіемъ между ними очереди или порядка постепеннаго регулированія крестьянскихъ повинностей.

На первой очереди стояли немежеванныя имѣнія, вовсе не получившія вакенбуховъ или получившія на основаніи реверсовъ вакенбухи, составленные неправильно и особенно обременительные для крестьянъ. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ требовалось немедленное введеніе вновь, или исправленіе временныхъ вакенбуховъ, на основаніи *частнаго* межеванія, а затѣмъ введеніе окончательныхъ на основаніи спеціальнаго межеванія. Указывая на крайнюю обременительность этой двойной работы, Межевая Коммиссія писала: по правиламъ 1809 года о такъ называемомъ частномъ межеваніи, временныя повинности крестьянъ опредѣляются на основаніи примѣрнаго измѣренія и оцѣнки нѣсколькихъ участковъ, указанныхъ са-

мими крестьянами, притомъ изъ самыхъ небольшихъ и худшихъ по количеству и качеству земли, а потому нѣтъ сомнѣнія, что въ бо́льшей части случаевъ регулированіе, этимъ порядкомъ произведенное, дастъ результаты очень льготные для крестьянъ и одинаково невыгодные для помѣщика; но за этимъ послѣдуетъ непосредственно спеціальное измѣреніе съ разцѣнкою всѣхъ участковъ, и тогда получатся результаты противоположнаго свойства, на основаніи которыхъ придется составлять окончательные вакенбухи. При введеніи ихъ въ дѣйствіе, съ отобраніемъ незадолго передъ тѣмъ розданныхъ временныхъ вакенбуховъ, неизбѣжно увеличатся повинности крестьянъ и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, возбудитъ въ народѣ ропотъ и недовѣріе. Заключеніе Коммиссіи, основанное на этихъ полновѣсныхъ соображеніяхъ, клонилось къ тому, чтобы не вводить вовсе временныхъ вакенбуховъ, а употребить всѣ средства къ ускоренію спеціальнаго межеванія. Комитетъ однако, также не безъ основанія, отстаивалъ установленную имъ очередь; онъ не мирился съ мыслью оставить на неопредѣленное время, безъ всякаго регулированія, именно тѣхъ крестьянъ, давно ожидавшихъ облегченія, которые наиболѣе въ немъ нуждались, и отсрочивать примѣненіе закона именно тамъ, гдѣ „неблагонамѣренные помѣщики могли бы находить свои выгоды въ продолженіи неопредѣленнаго состоянія“. При этомъ Комитетъ замѣчалъ, что сравненіе повинностей, установленныхъ временнымъ вакенбухомъ составленнымъ по реверсу, съ повинностями исчисленными въ окончательномъ вакенбухѣ, служило, по закону 1804 года, единственнымъ основаніемъ для исчисленія того вознагражденія, на которое крестьяне пріобрѣтали право за все въ излишествѣ перебранное съ нихъ помѣщикомъ. Въ видѣ уступки, Комитетъ согласился однако, не отмѣняя очереди, не вводить вновь временныхъ вакенбуховъ въ тѣхъ лишь имѣніяхъ, въ которыхъ спеціальное межеваніе должно было, по соображеніямъ Коммиссіи, быть окончено не далѣе, какъ въ шестимѣсячный срокъ.

Кромѣ этой мѣры и въ тѣхъ же видахъ ускоренія всей операціи, было постановлено: для тѣхъ имѣній, гдѣ предстояло временное регулированіе повинностей, не составлять крестьян-

скихъ вакенбуховъ (на каждый дворъ), а помѣстные (на все имѣніе); въ имѣніяхъ, въ прежнее время спеціально обмежеванныхъ, не допускать повѣрки измѣренія и оцѣнки по заявленіямъ о неправильности ихъ со стороны крестьянъ (такъ постановила Межевая Коммиссія) ни помѣщиковъ (такъ дополнилъ Комитетъ); подвергать подателей неосновательныхъ жалобъ на землемѣровъ штрафамъ и т. д.; но все это не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣла.

Независимо отъ указанныхъ обстоятельствъ, медленность движенія его обусловливалась въ значительной степени и тѣмъ, что въ общемъ его направленіи между Валкскою Коммиссіею и Петербургскимъ Комитетомъ не было полнаго согласія и потому, со стороны послѣдняго, не могло быть полнаго довѣрія къ первой. Повидимому, оба эти учрежденія находились въ наилучшихъ отношеніяхъ; Комитетъ, особенно до приглашенія Сиверса къ постоянному участію въ занятіяхъ конференціи, относился болѣе чѣмъ снисходительно даже къ явнымъ превышеніямъ власти, въ которыхъ нерѣдко уличалась Коммиссія; онъ осыпалъ ее и въ особенности предсѣдателя ея Мальте изъявленіями своей признательности за ея усердіе и представленіями о наградахъ; но при всемъ томъ Сиверсу и Экспару, который стоялъ съ нимъ заодно, приходилось слѣдить за нею зорко и довольно часто обнаруживать въ ея распоряженіяхъ и представленіяхъ такого рода упущенія, которыя явно свидѣтельствовали о преобладавшихъ въ ея средѣ, безъ всякаго противодѣйствія, односторонне-помѣщичьихъ воззрѣніяхъ. Напримѣръ, при пересмотрѣ проектовъ вакенбуховъ, оказывалось, что, за отсутствіемъ помѣщиковъ во время производства въ ихъ имѣніяхъ разнаго рода повѣрочныхъ операцій, ихъ мѣста заступали приходскіе судьи, дѣйствовавшіе одновременно въ качествѣ должностныхъ лицъ и въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ.—Бывали и такіе случаи: изъ присланныхъ актовъ нельзя было усмотрѣть, кѣмъ именно были указаны тѣ крестьянскіе дворы, которые, при производствѣ частнаго межеванія, подвергались измѣренію и оцѣнкѣ для опредѣленія по нимъ повинностей, причитавшихся со всѣхъ дворовъ одного разряда, а изъ дальнѣйшихъ справокъ обнаруживалось, что указаніе сдѣлано было не кре-

стьянами, какъ требовалъ законъ, а довѣреннымъ владѣльца, или прикащикомъ его, или сходомъ, на которомъ помѣщичьи старосты, нарядчики и вотчинные слуги выдавались за выборныхъ отъ общества, „хотя (какъ замѣчала конференція) люди такого рода въ этомъ дѣлѣ не заслуживали довѣренности“.— Въ Положеніи требовалось, чтобъ на каждый дворъ приходилось не менѣе опредѣленнаго числа рабочихъ душъ мужскихъ и женскихъ, причемъ всегда предполагалось, что въ общемъ итогѣ работниковъ должно быть никакъ не менѣе работницъ; между тѣмъ, въ проектахъ вакенбуховъ, посылавшихся на ревизію, недостатокъ до полнаго комплекта въ работникахъ часто пополнялся преизбыткомъ работницъ, и Межевая Коммиссія, повидимому, этого не замѣчала. Подобные случаи встрѣчались такъ часто, что Комитетъ, во избѣжаніе передѣлки всѣхъ расчетовъ, не рѣшился даже потребовать немедленнаго возстановленія нормальнаго отношенія и далъ на это десятилѣтнюю отсрочку. — Часто также Коммиссія представляла на разрѣшеніе ходатайства помѣщиковъ явно противозаконныя, ни на чемъ не основанныя, на которыя Комитетъ постоянно отвѣчалъ отказами, особенно по предмету такъ называемаго *высаживанія* крестьянъ-хозяевъ, то есть отобранія у нихъ земель и упраздненія дворовъ. Все это отзывалось со стороны Коммиссіи не столько упущеніями, сколько послабленіями. Подъ предлогомъ облегченія добровольныхъ сдѣлокъ, она предлагала, въ случаѣ соглашеній, вовсе не составлять вакенбуховъ и, въ виду разнообразія условій, не установлять для полюбовныхъ договоровъ никакихъ обязательныхъ формъ. Комитетъ однако сообразилъ, что, при лифляндскихъ порядкахъ, дѣйствительная или мнимая добровольность изъявленнаго со стороны крестьянъ согласія никакъ не могла служить достаточною гарантіею ея безобидности, и потому все-таки настоялъ на томъ, чтобы сдѣлки облекались въ упрощенную форму вакенбуха съ точнымъ опредѣленіемъ надѣла и размѣра повинностей, притомъ, съ непремѣннымъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, между прочимъ: чтобы крестьяне навсегда ограждались отъ какого-либо уменьшенія данныхъ имъ земель и отъ возвышенія повинностей, чтобы повинности сіи ограничивались единственно обязанностями, пріемлемыми на

себя крестьянами за пользованіе землею и отнюдь бы не распространялись на личныя права крестьянъ и чтобы въ заключеніи, самымъ яснымъ и точнымъ образомъ, выражено было отреченіе отъ всякой перемѣны въ кредитѣ или въ дебетѣ. Этимъ въ извѣстной степени исправлялась важная ошибка, указанная выше (въ главѣ II).

Въ исходѣ 1811 года, Межевая Коммиссія рѣшительно заявила Комитету, и самъ Комитетъ призналъ, что къ назначенному сроку ревизіонное дѣло въ Лифляндіи не могло быть окончено. Всѣ эти задержки и колебанія, которыми со дня на день отдалялось осуществленіе обѣщанныхъ крестьянамъ улучшеній въ хозяйственномъ ихъ быту, до нѣкоторой степени находили объясненіе въ запутанности прежнихъ отношеній и въ многосложности операціи, предпринятой для ихъ регулированія. За то, думали въ Петербургѣ, крестьяне по крайней мѣрѣ воспользовались дарованными имъ личными правами; но скоро отнялось и это утѣшеніе.

Положеніемъ 1804 года запрещалось „безъ согласія крестьянъ отдѣлять ихъ отъ земли помѣстьевъ, къ которымъ они были приписаны“, иначе: переселять ихъ, а также брать во дворъ; запрещалось безусловно „продавать, закладывать и уступать крестьянъ, хотя бы безденежно, отъ одного помѣщика другому“. Запрещеніе продавать распространялось и на дворовыхъ людей (§§ 4, 5, 6, 8 и 23). Все это было установленнымъ порядкомъ обнародовано и оглашено на четырехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ и эстскомъ. Между тѣмъ, въ 1810 году, неожиданно обнаружилось, что торговля крестьянами и ихъ трудомъ процвѣтала по прежнему, въ троякомъ видѣ: иногда, въ простомъ видѣ ничѣмъ не замаскированной продажи; иногда, въ видѣ отдачи по контрактамъ въ работу и услуженіе городскимъ ремесленникамъ и другимъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными людьми; иногда, изъ предосторожности, крестьяне, которыми помѣщикъ намѣревался такимъ образомъ распорядиться, сперва перечислялись въ дворовые, конечно, безъ ихъ согласія и даже безъ ихъ вѣдома. Замѣчательно, что этимъ занимались преимущественно дамы и что значительная часть актовъ на продажу и отдачу совершалась въ Петербургѣ, но всегда въ кругу лицъ, носившихъ нѣмецкія фамиліи.

Началось съ жалобы, поданной крестьянами дерптскаго и пернавскаго уѣздовъ, мызъ Іервенъ и Кёппо, изъ коихъ первая принадлежала госпожѣ Моллеръ, а вторая женѣ генералъ-лейтенанта Шредеръ. На это дѣло самъ Государь обратилъ вниманіе и, какъ только оно огласилось, однородныя жалобы посыпались съ разныхъ сторонъ. Произведеннымъ изслѣдованіемъ открыты были серьезные факты. Такъ, напримѣръ, обнаружилось, что въ имѣніи Кукулинъ, дерптскаго уѣзда, всѣ крестьяне безъ всякаго съ ними соглашенія, уже по обнародованіи Положенія 1804 года, взяты были во дворъ, а земли ихъ зачислены въ господскія. Удалось также выслѣдить всю исторію трехъ крестьянъ, которые въ теченіе восьми лѣтъ, пять разъ переходили изъ рукъ въ руки: отъ помѣщицы Моллеръ къ надворному совѣтнику Гейзеру, по купчей, за 600 руб.; отъ Гейзера, по вѣрющему письму, въ услуженіе, къ иностранному браковщику льна и пеньки Пашу; потомъ отъ него, по купчей же, въ уплату долга, къ поручику Гаркгаузену, который опять перепродалъ ихъ какому-то обывателю на Выборгской сторонѣ. Всѣ этого рода дѣла, по Высочайшему повелѣнію, переданы были въ сенатъ, а между тѣмъ гражданскимъ палатамъ приказано было подтвердить тѣ статьи Положенія 1804 года, коими воспрещалась продажа лифляндскихъ крестьянъ.

По тому же Положенію, назначеніе рекрутовъ и вообще всѣ распоряженія по отбыванію воинской повинности возложены были на крестьянъ, безъ участія помѣщиковъ и безъ всякой съ ихъ стороны за это отвѣтственности (гл. III). Между тѣмъ, въ 1811 году, ландратъ Сиверсъ довелъ до свѣдѣнія правительства, что нѣкоторые лифляндскіе помѣщики получили квитанціи за ратниковъ, поставленныхъ въ милицію изъ ихъ крестьянъ, и торговали ими на основаніи Высочайшаго указа, изданнаго для всей имперіи, которымъ продажа этихъ квитанцій владѣльцамъ разрѣшалась. Сиверсъ признавалъ это равносильнымъ торговлѣ рекрутами, а потому противнымъ Положенію 1804 года, и настаивалъ на томъ, чтобы всѣ квитанціи были у помѣщиковъ отобраны и возвращены крестьянамъ по принадлежности. Въ Комитетѣ съ нимъ согласились предсѣдатель и подполковникъ Экспаръ, но ландраты

Герсдорфъ и Буденброкъ приняли сторону помѣщиковъ, доказывая, что въ указѣ, разрѣшавшемъ продажу квитанцій, не было сдѣлано относительно Лифляндіи никакого изъятія [1]); что большая часть изъ нихъ продана была казенной палатѣ по указной цѣнѣ и „въ томъ единственно намѣреніи дабы полученныя деньги употребить на пособіе крестьянамъ же, въ то время крайне нуждавшимся въ продовольствіи"; наконецъ, что вообще рекрутскія квитанціи не должны считаться собственностью крестьянскаго общества, ибо, черезъ отдачу рекрута, не общество, а помѣщикъ лишался работника и претерпѣвалъ уменьшеніе въ повинностяхъ, предоставленныхъ ему Положеніемъ 1804 года.

Недобросовѣстность этого послѣдняго аргумента тотчасъ же была выяснена; ландратамъ доказали, что, продавая на сторону квитанцію, которую крестьяне могли бы предъявить къ зачету, помѣщикъ ставилъ ихъ въ необходимость въ слѣдующій же наборъ поставить изъ своей среды рекрута натурою, слѣдовательно самъ себя лишалъ работника, находя, какъ видно, для себя выгоднымъ получить за него 360 руб. или болѣе. Впрочемъ, предсѣдатель и большинство членовъ не предлагали даже подвергать помѣщиковъ личной отвѣтственности, а только признать квитанціи и вырученныя за нихъ деньги собственностью крестьянъ; отъ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые употребили вырученныя отъ продажи деньги на продовольстіе крестьянъ, не требовать возврата этихъ денегъ, а считать выданное крестьянамъ въ ссуду пособіе уплаченнымъ ими; тѣмъ же помѣщикамъ, которые не пожелаютъ сдѣлать такого зачета, дозволить въ будущій наборъ внести обратно въ казенную палату полученныя ими изъ нея деньги въ зачетъ рекрутовъ, слѣдующихъ съ крестьянъ. Съ этимъ согласились всѣ, кромѣ одного члена, М. М. Сперанскаго, который, ставя по обыкновенію формальную логику выше живой правды, пошелъ далѣе самихъ ландратовъ и подалъ особое мнѣніе слѣдующаго содержанія: „Лифляндскіе помѣщики, продавшіе квитанціи, поступили сообразно съ силою Высочайшаго указа.

---

[1]) Это именно одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, въ видѣ изъятія, предполагается, что законы, изданные для имперіи, обязательны и имѣютъ силу и въ Остзейскомъ краѣ.

Ни правительствующій сенатъ, который указъ сей обнародовалъ въ лифляндской губерніи, ни присутственныя мѣста, которыя приводили оный въ исполненіе, не сдѣлали въ свое время никакого на сіе изъятія, ни толкованія. Помѣщики, по приглашенію правительства, продали правительству квитанціи, полученныя отъ правительства же. Нынѣ, то же самое правительство будетъ имъ доказывать, что они продали чужое. Но если они чужое продавали, то правительство чужое покупало. Различіе здѣсь состоитъ только въ томъ, что они могли продавать чужое не зная, а правительство покупало чужое завѣдомо. Если допустить сіе обратное толкованіе закона на прошедшее время, то легко можно доказать, что всѣ акты продажи на крестьянъ въ Лифляндіи, со времени присоединенія ея къ Россіи совершенные, суть незаконны, ибо всѣ они противны Положенію 1804 года, которое само по себѣ не что другое есть, какъ изъясненіе и толкованіе древнихъ правъ сего края. Никакой законъ и никакое новое толкованіе его не должно имѣть обратнаго дѣйствія.—Государь рѣшилъ однако вопросъ согласно заключенію большинства.

Если такъ слабо обезпечены были личныя права крестьянъ, простыя по существу и не требовавшія отъ мѣстныхъ властей никакихъ особенныхъ распоряженій, то понятно, что и предположенная вновь организація крестьянскихъ судовъ прививалась туго. Въ двухъ уѣздахъ многіе изъ этихъ судовъ не были еще открыты въ 1810 году, несмотря на всѣ понужденія. Лифляндскій губернаторъ Репьевъ приписывалъ это намѣренному бездѣйствію ландратской коллегіи и представленныя имъ доказательства найдены были настолько уважительными, что Высочайше повелѣно было сенату войти въ разсмотрѣніе безпечности коллегіи по исполненію законовъ. Впрочемъ, и тамъ, гдѣ суды были открыты, многое, какъ обнаруживалось изъ дѣлъ, происходило вопреки законному порядку. Такъ, напримѣръ, Комитетъ усмотрѣлъ, что зачастую „въ приходскихъ судахъ и ландгерихтахъ разсматривались и рѣшались дѣла, въ томъ числѣ и возникавшія по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ, безъ участія, даже безъ приглашенія, засѣдателей отъ крестьянъ, нарочно для сего предмета довѣренностью отъ нихъ облеченныхъ“.

Для руководства крестьянскихъ судовъ признано было нужнымъ составить крестьянское уложеніе и уставъ судопроизводства, или, какъ значилось въ журналахъ, судебный обрядъ. Это возложено было на ландратовъ Буденброка и Герсдорфа, и для разсмотрѣнія внесеннаго ими проекта, составленнаго по замѣчаніямъ государственнаго секретаря Сперанскаго, учреждена была при Комитетѣ особая конференція, открытая въ 1810 г. Въ ней участвовали, кромѣ Сперанскаго и обоихъ ландратовъ, Сиверсъ, Экспаръ, Дружининъ и приглашены были изъ коммиссіи составленія законовъ с. с. Розенкампфъ и профессоръ Болугьянскій. Конференція работала совершенно самостоятельно и вела свои журналы. На первыхъ же порахъ задача, на нее возложенная, значительно расширилась; оказалось, что проектъ обнималъ самую организацію судовъ и на этомъ вопросѣ члены конференціи окончательно разошлись въ своихъ воззрѣніяхъ. Ландраты, допуская, по необходимости, избирательное начало въ назначеніи судей, ограничивали до послѣдней возможности его примѣненіе, избѣгая всякаго подобія *общественной* организаціи земскихъ единицъ, исторически сложившихся въ Лифляндіи: вотчины и прихода. Наоборотъ, Розенкампфъ и Болугьянскій проводили мысль о введеніи въ каждомъ приходѣ *мірского* схода и *мірской* расправы. Вопросъ о домашней вотчинной расправѣ также подалъ поводъ къ столкновеніямъ. Сиверсъ доказывалъ мечтательность надежды регулировать и ограничить ее въ примѣненіи строго - обязательнымъ закономъ. „Знайте напередъ, говорилъ онъ, что пока она существуетъ, крестьянинъ не почувствуетъ себя облегченнымъ въ личномъ своемъ правѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ будетъ видѣть себя подверженнымъ произволу.“ Съ другой стороны, ландраты Герсдорфъ и Буденброкъ заявляли, что безъ вотчинной безотчетной расправы исправное отбываніе барщины было немыслимо. Совершенная непримиримость этихъ воззрѣній выразилась въ двухъ проектахъ, вмѣсто одного, выработанныхъ конференціею. Затѣмъ, начались въ средѣ ея попытки соглашеній; онѣ тянулись долго, до 1812 года, и ни къ чему не привели.

Въ этомъ году, военныя обстоятельства были причиною

перерыва въ занятіяхъ какъ Межевой Коммиссіи, такъ и Лифляндскаго Комитета; архивы ихъ отправлены были въ Олонецкую губернію, а затѣмъ въ августѣ 1813 г. въ порядкѣ дѣлопроизводства обоихъ учрежденій послѣдовала коренная перемѣна. Высочайшимъ указомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, конференція Комитета, занимавшаяся разсмотрѣніемъ вакенбуховъ, переведена была изъ Петербурга въ Ригу. Мѣра эта даже и не обсуждалась предварительно въ Комитетѣ; она вызвана была, по желанію дворянства, представленіемъ тогдашняго прибалтійскаго военнаго губернатора маркиза Паулуччи, съ которымъ согласился министръ внутреннихъ дѣлъ, и мотивировалась слѣдующими соображеніями: „По утвержденіи мною Положенія о крестьянахъ лифляндскихъ, желаніе мое всегда было и нынѣ есть сколь возможно скорѣе видѣть окончательное приведеніе онаго въ дѣйствіе ко благу владѣльцевъ и поселянъ лифляндской губерніи. Поелику разсмотрѣніе вакенбуховъ, составляемыхъ Лифляндскою Межевою Коммиссіею, находящеюся въ Валкѣ, основывается необходимо на мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, то отдаленность пребыванія лицъ, производящихъ таковое разсмотрѣніе, отъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ нужныя справки извлекаемы быть долженствуютъ, есть главнымъ препятствіемъ скорому теченію сего дѣла. Самыя послѣдствія сіе доказываютъ, ибо понынѣ еще, какъ рижскій военный губернаторъ сообщаетъ, токмо нѣкоторыя малыя крестьянскія повинности установлены и вакенбухи не раздаются, а потому самому и утвержденное для крестьянъ Положеніе остается безъ окончательнаго дѣйствія. По сей причинѣ, при многой и затруднительной перепискѣ по сему дѣлу, довершенія онаго едва ли можно ожидать въ назначенный шестилѣтній срокъ, хотя притомъ издержки дворянства по сему дѣлу продолжаются и положеніе ихъ, равно какъ обязанности и состояніе крестьянъ пребываютъ въ прежней неизвѣстности“.

Въ составъ конференціи, переименованной въ Рижское отдѣленіе Лифляндскаго Комитета, вошли оба ландрата (Герсдорфъ и Буденброкъ, а затѣмъ, по причисленіи послѣдняго къ министерству внутреннихъ дѣлъ, заступившій его мѣсто ландратъ графъ Меллинъ) общe съ лифляндскимъ граждан-

скимъ губернаторомъ въ качествѣ старшаго члена (даже не предсѣдателя) подъ руководствомъ и надзоромъ военнаго губернатора [1]. Объ Экспарѣ умалчивалось; правителя дѣлъ конференціи предоставлено было назначить дворянству съ утвержденія военнаго губернатора. На это Отдѣленіе возложены были ревизія и окончательное утвержденіе всѣхъ вакенбуховъ, которые доставляла ему Валкская Межевая Коммиссія; по утвержденіи, они пересылались въ Петербургъ единственно для выполненія прежней формальности, т. е. для подписанія ихъ и приложенія печати, но съ Комитета слагалась уже всякая отвѣтственность за ихъ правильность. На Межевой Коммиссіи оставлена была обязанность доставлять Комитету срочныя меморіи о ходѣ межеванія, и этимъ ограничились прямыя между ними отношенія. Отдѣленіе Комитета, дѣйствуя вообще совершенно самостоятельно, обязывалось только входить въ Комитетъ съ представленіями по тѣмъ вопросамъ, на которые оно не находило разрѣшеній ни въ законѣ, ни въ Комитетскихъ журналахъ.

Такимъ образомъ высшее правительство не только выпустило изъ своихъ рукъ всю распорядительную власть по исполнительной операціи, но, такъ сказать, добровольно отвело глаза отъ дальнѣйшаго ея движенія. Все дѣло окончательно сосредоточилось въ рукахъ мѣстныхъ дѣльцевъ, а участіе въ немъ Петербургскаго Комитета постепенно суживалось и сокращалось. Онъ собирался все рѣже и рѣже; въ теченіи шести лѣтъ, съ 1813-го по исходъ 1818 года, сохранилось всего 25 журналовъ за подписями иногда двухъ, чаще трехъ, рѣдко четырехъ лицъ: новаго, послѣ князя Куракина, министра внутреннихъ дѣлъ—Осипа Петровича Козадавлева, Дружинина, князя Щербатова и Сиверса, имя котораго встрѣчается въ послѣдній разъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и сенатора, въ январѣ 1818 года. За весь этотъ періодъ времени, кромѣ механической работы подписанія вакенбуховъ и приложенія къ нимъ печатей, Комитетъ ограничивался почти исключительно реко-

---

[1]) Впослѣдствіи, личный составъ Рижскаго отдѣленія измѣнялся; въ 1818 г. подъ его постановленіями встрѣчаются подписи Буденброка, Дюгамеля и Вейтбрехта (вице-губернатора).

мендаціею понудительныхъ мѣръ противъ помѣщиковъ „подъ пустыми, недѣльными предлогами злонамѣренно уклонявшихся отъ межеванія“, и противъ землемѣровъ, уклонявшихся отъ производства межеванія по утвержденной таксѣ [1]); устраненіемъ притязаній маркиза Паулуччи, Валкской Межевой Коммиссіи и Рижскаго Отдѣленія, домогавшихся упраздненія и послѣдняго признака оставленнаго надъ ними контроля; наконецъ, отказами на новыя, слишкомъ неосновательныя, даже дерзкія ходатайства владѣльцевъ и всего дворянства, всегда направленныя къ ущербу крестьянъ. Только эти послѣдняго рода дѣла и даютъ нѣкоторую возможность составить себѣ понятіе о томъ, какое направленіе приняла исполнительная операція съ тѣхъ поръ, какъ она сосредоточилась въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Мы приведемъ изъ нихъ, въ видѣ примѣровъ, нѣсколько случаевъ въ разныхъ родахъ.

Выше было упомянуто о графѣ Меллинѣ, какъ преемникѣ ландрата Буденброка по званію члена Рижскаго Отдѣленія. Это назначеніе, по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, имѣло особенный характеръ и возбудило въ лифляндскомъ обществѣ зловѣщій ропотъ. По заведенному порядку, на открывшуюся вакансію ландратская коллегія представила двухъ кандидатовъ; но Государь Императоръ не утвердилъ ни того, ни другого и, помимо рекомендаціи генералъ-губернатора, повелѣлъ (изъ Франціи, гдѣ онъ находился во главѣ арміи) вступить въ Рижское Отдѣленіе графу Меллину. Нельзя было сдѣлать выбора болѣе удачнаго для дѣла и въ то же время болѣе несчастнаго для избраннаго лица. Графъ Меллинъ, сторонникъ и горячій почитатель Сиверса, извѣстенъ былъ во всей Лифляндіи не только какъ хорошій хозяинъ, но и какъ отличный душевладѣлецъ, жившій въ ладу съ своими крестьянами, которые сравнительно съ другими благоденствовали и питали къ своему помѣщику полное довѣріе. Таковы были изстари взаимныя отношенія, державшіяся въ родѣ Меллиныхъ. Отецъ избраннаго въ должность члена Рижскаго

[1]) Мѣры противъ послѣднихъ, какъ оказывается, примѣнялись на мѣстахъ гораздо дѣятельнѣе и рѣшительнѣе чѣмъ мѣры противъ первыхъ. Такъ рижское отдѣленіе, по представленію Валкской Коммиссіи, самовольно распорядилось „неисправныхъ землемѣровъ подвергать посаженію подъ присмотръ“.

Отдѣленія въ то время, когда еще не было и рѣчи объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, самъ ограничилъ свое полновластіе и устроилъ въ своихъ имѣніяхъ крестьянскіе суды; въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и его сынъ. Задолго до выхода Положенія 1804 г., онъ призналъ за своими крестьянами право наслѣдственнаго пользованія ихъ дворами, устроилъ на свой счетъ мірскую кассу, мірской хлѣбный магазинъ и общественную запашку, принялъ на себя уплату податей за несостоятельныхъ и сиротъ, всѣ денежные расходы на обмундировку и поставку рекрутовъ—словомъ, по тогдашнимъ понятіямъ его сосѣдей, онъ систематически баловалъ и портилъ народъ. Немедленно по назначеніи его въ новую должность, графъ Меллинъ былъ закиданъ безыменными письмами, наполненными предостереженій и совѣтовъ не вступать въ борьбу съ интересами своего сословія. Ему конечно и безъ этого было хорошо извѣстно, что личность его была неугодна дворянству, и потому, предчувствуя рядъ неминуемыхъ непріятностей, онъ двукратно уклонялся отъ вступленія въ Комитетъ, ссылаясь на преклонныя лѣта и на другія служебныя занятія; но Государь Императоръ выразилъ ему свою непремѣнную волю въ самыхъ для него лестныхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ онъ могъ убѣдиться, что выборъ палъ на него не случайно, а что правительство дорожило имъ ради тѣхъ именно свойствъ его, которыя такъ сильно не нравились дворянству. Какъ предчувствія гр. Меллина, такъ и выгодное объ немъ мнѣніе Государя скоро оправдались.

Въ 1811 году, члены Петерургскаго Комитета, занимавшіеся повѣркою вакенбуховъ, составили взамѣнъ такъ называемаго регламента (о порядкѣ исчисленія и отбыванія всѣхъ крестьянскихъ повинностей), который прописывался въ концѣ каждаго вакенбуха, проектъ другого регламента такого же содержанія, но болѣе подробный и понятный. Этотъ проектъ, одобренный Комитетомъ, удостоился Высочайшаго утвержденія и въ копіи былъ отправленъ изъ Петербурга, для скорѣйшаго напечатанія, къ предсѣдателю Валкской Межевой Коммиссіи, 13 сентября 1811 года за № 119. Эта бумага содержала въ себѣ на первыхъ полутора страницахъ отношеніе, писанное по-русски, а затѣмъ въ ней же

слѣдовалъ къ ряду на нѣмецкомъ языкѣ самый текстъ регламента; русскій же подлинникъ этой бумаги въ дѣлахъ Комитета не сохранился. Въ первыхъ 12-ти статьяхъ регламента говорилось о государственныхъ и общественныхъ повинностяхъ, лежавшихъ на крестьянахъ (onera publica), какъ то: о сдачѣ рекрутовъ, поставкѣ фуража на почтовыхъ лошадей и т. п. Третьимъ пунктомъ возлагались на крестьянъ: подвозка строевыхъ матеріаловъ и поставка работниковъ въ случаѣ постройки или починки церквей, пасторатовъ, училищныхъ, почтовыхъ и квартирныхъ домовъ и кавалерійскихъ конюшенъ [1]), отпускъ жалованья крестьянскимъ судьямъ и крестьянскимъ засѣдателямъ въ судебныхъ мѣстахъ, *также уплата денежныхъ сборовъ* и поставка почтовыхъ погонщиковъ, которые опредѣлены указами и сдѣланными на основаніи оныхъ раскладками [2]). Такъ гласилъ законъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ онъ былъ полученъ и обнародованъ въ краѣ. Между тѣмъ, въ силу прежнихъ, никѣмъ неотмѣненныхъ шведскихъ королевскихъ эдиктовъ, постановленій ландтаговъ XVII вѣка и основаннаго на нихъ давняго, безспорнаго обычая, при постройкѣ и передѣлкѣ церквей и другихъ общественныхъ зданій, помѣщики обязывались участвовать производствомъ на свой счетъ всѣхъ *денежныхъ* расходовъ (на пріобрѣтеніе покупныхъ матеріаловъ, наемъ необходимыхъ мастеровъ и т. п.), а крестьяне ставили только даровыя подводы и даровыхъ чернорабочихъ; но, съ обнародованія вышеписанной статьи, дворянство, ссылаясь на то мѣсто, въ которомъ къ крестьянскимъ повинностямъ отнесены были *и денежные сборы*, стало повсемѣстно отказываться отъ всякаго участія въ расходахъ по строительнымъ работамъ на общественныя надобности и сочло себя въ правѣ сложить ихъ всецѣло на крестьянъ, которые несли уже по закону натуральную повинность по этой части. Крестьяне, естественно, оказывались въ бо́льшей части случаевъ несостоятельными; производство неотложныхъ работъ

---

[1]) Die Anfuhr der Baumaterialien und Stellung der Arbeiter beim Bau und Reparaturen der Kirchen, Pastorats—Schulen—und Postirungs—gebäuden etc.

[2]) Wie auch die Geldbeiträge und die Stellung der Postknechte, nach den obrigkeitlich ergangenen Verordnungen etc. etc.

пріостановилось, и со всѣхъ сторонъ стали поступать донесенія о быстромъ разрушеніи общественныхъ зданій. Графъ Меллинъ принялъ это дѣло горячо къ сердцу, еще до вступленія своего въ Рижское Отдѣленіе Комитета, въ качествѣ ландрата и церковнаго попечителя.

Уклоненіе дворянъ отъ всякаго участія въ содержаніи зданій, которыми они пользовались и въ которыхъ они нуждались не менѣе чѣмъ крестьяне, возмущало его, какъ притязаніе несправедливое и неблаговидное по существу, а въ формальномъ отношеніи — опиравшееся на сознательномъ извращеніи закона; онъ пробовалъ вразумить своихъ оппонентовъ указаніемъ на образъ дѣйствія правительства, которое въ казенныхъ своихъ имѣніяхъ никогда не отказывалось отъ принятія на себя расходовъ по сооруженію и ремонту лютеранскихъ кирокъ и часто отпускало на этотъ предметъ значительныя суммы; но на этого рода аргументы ему отвѣчали постоянно однимъ и тѣмъ же — ссылкою на букву закона. Всмотрѣвшись въ него пристально, графъ Меллинъ не могъ однако не замѣтить странной нескладности въ его редакціи. Объ этихъ какихъ-то „денежныхъ сборахъ“ упоминалось очевидно не на мѣстѣ и не кстати. Сначала въ статьѣ третьей шелъ перечень натуральныхъ повинностей: строительной, почтовой и другихъ; потомъ упоминалось о денежной повинности, имѣвшей точно опредѣленное назначеніе (на жалованье судьямъ и засѣдателямъ); за этимъ слѣдовали „денежные сборы“, и послѣ этого совершенно неожиданно говорилось опять о натуральной повинности, о нарядѣ погонщиковъ. Что же именно подразумѣвалось подъ общимъ крайне неопредѣленнымъ выраженіемъ „денежные сборы“: особая ли, независимая отъ прочихъ повинность или денежная приплата, которая могла требоваться при отбываніи прочихъ перечисленныхъ натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и строительной? — Наконецъ, къ чему относились заключительныя слова: „которые опредѣлены указами“ и т. д. до конца статьи? Къ одному ли наряду погонщиковъ, или къ этому наряду и къ денежнымъ сборамъ, или ко всѣмъ вообще перечисленнымъ въ статьѣ повинностямъ? Эти естественно возникавшіе вопросы навели графа Меллина на сомнѣнія; онъ

почуялъ что-то неладное и сталъ наводить точныя справки, вѣроятно, черезъ посредство дѣлопроизводителя Петербургскаго Комитета Кайсарова, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ и въ постоянной перепискѣ. По справкамъ оказалось, что въ текстѣ подлиннаго регламента, подписаннаго предсѣдателемъ и членами Комитета, о „денежныхъ сборахъ“ *не было и помина* и что эти слова *вписаны были въ него послѣ, промежъ строкъ, другою рукою* и оттуда перешли въ бумагу, посланную изъ Петербурга, и въ печатный текстъ закона. Словомъ, обнаружился подлогъ *).

Тѣмъ изъ читателей, незнакомыхъ съ остзейскою канцелярскою практикою, которымъ это могло бы показаться невѣроятнымъ, мы позволимъ себѣ напомнить, что подобные случаи были вовсе не рѣдки; такъ, напримѣръ, было уже замѣчено, что въ русскомъ подлинномъ текстѣ Положенія 1804 года, въ статьѣ 58-й (которая первоначально редактирована была по-русски и которою особенно дорожилъ министръ внутреннихъ дѣлъ) значилось, что барщина ни въ какомъ случаѣ не должна была „превосходить двухъ дней въ недѣлю съ рабочей души“, а въ нѣмецкомъ переводѣ къ этому прибавлено было два слова: „на кругъ“ (im Durchschnitt), что̀ и давало возможность распредѣлять ординарную и вспомогательную барщину такъ, что въ лѣтнюю страдную пору съ рабочаго сходило до трехъ дней, а въ зимнее глухое время менѣе двухъ. Напомнимъ также подчистку, обнаруженную Сиверсомъ, въ цифрѣ высшаго надѣла на шесть рабочихъ душъ ($25^1/_2$ талеровъ вмѣсто 23 талеровъ, въ журналѣ Комитета 15 мая 1807 года), наконецъ, цѣлый рядъ явно-тенденціозныхъ пропусковъ и искаженій въ латышскомъ переводѣ Положенія 1804 года, вынудившихъ правительство конфисковать все изданіе, послѣ того какъ оно уже разошлось. Всѣ эти приписки, пропуски и подчистки, несмотря на очевидную ихъ

*) „Ein Falsum“ — Изъ брошюры графа Людвига Августа Меллина (Noch Einiges über die Bauernangelegenheiten in Liefland. Riga. 1824), писанной, кажется, близкимъ родственникомъ того графа Меллина, о которомъ идетъ рѣчь, при его жизни и, вѣроятно, не безъ участія его. Все, что въ этой книжкѣ повѣствуется, буквально подтверждается офиціальными свидѣтельствами; всѣ выписки изъ постановленій Комитета и всѣ ссылки на нихъ совершенно вѣрны.

преднамѣренность, никому никогда въ осужденіе не вмѣнялись. Въ Петербургѣ, повидимому, было принято разъ навсегда считать ихъ невольными ошибками отъ недоразумѣній, чуть ли даже не отъ преизбытка усердія, или случайными описками и опечатками.

Понятно поэтому, что и графъ Меллинъ, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не отъ своего лица, а какъ членъ коллегіальнаго присутствія, не рѣшился на офиціальное обнаруженіе открытаго имъ подлога. Онъ домогался только, чтобъ сдѣлано было сношеніе съ Петербургскимъ Комитетомъ, по поводу спорной статьи, для разъясненія возникшаго вопроса: кому нести денежные расходы по постройкѣ и ремонту общественныхъ зданій. Послѣ долгихъ съ его стороны настояній, Рижское Отдѣленіе, исчерпавъ всѣ отговорки, очень нехотя вошло, наконецъ, съ представленіемъ въ этомъ смыслѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Петербургскій Комитетъ, съ своей стороны, вѣроятно не захотѣлъ сознаться въ оплошности; вмѣсто того, чтобъ вычеркнуть изъ статьи произвольно вписанныя въ нее слова, онъ ограничился перефразированіемъ ея, измѣнилъ порядокъ, въ которомъ перечислялись повинности крестьянъ, помѣстилъ „денежные сборы" въ самомъ концѣ, но все-таки помѣстилъ, пояснивъ однако, что они составляютъ совершенно *отдѣльную* статью, не имѣющую ни какого отношенія ни къ строительной, ни къ почтовой, ни къ другимъ натуральнымъ повинностямъ крестьянъ, и что здѣсь подразумѣваются только тѣ сборы, которые были уже установлены прежними указами и не противорѣчили Положенію 1804 и Дополнительнымъ Статьямъ 1809 годовъ. Лифляндское губернское правленіе не удовлетворилось однако этимъ нѣсколько двусмысленнымъ объясненіемъ; чуя, что Комитетъ какъ будто мнется, оно потребовало для предстоявшей публикаціи прямого отвѣта на вопросъ: кому же нести денежные расходы по строительной части? Рижское Отдѣленіе Комитета также находило нужнымъ передѣлать редакцію спорной статьи регламента и изложить ее яснѣе. Переписка тянулась болѣе года; наконецъ, въ мартѣ 1815 года, Петербургскій Комитетъ, чувствуя себя прижатымъ къ стѣнѣ, постановилъ: 1) Всѣ издержки на покупку матеріаловъ для стройки, на самую по-

стройку и поправку общественныхъ зданій, какъ-то: церковныхъ пасторатовъ, церковнослужительскихъ, учительскихъ, почтовыхъ и квартирныхъ домовъ, а равно и кавалерійскихъ конюшенъ, возложить повсюду на самихъ помѣщиковъ. 2) Публиковать о семъ истолкованіи 3-го пункта регламента во всѣхъ помѣстьяхъ въ Лифляндіи на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, а дабы отъ выраженій не могло послѣдовать новыхъ недоразумѣній, прислать публикацію въ проектѣ въ Комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія". Изъ послѣднихъ словъ видно, что бывшіе примѣры все-таки прошли не совсѣмъ даромъ для вразумленія Комитета и научили его не довѣрять переводамъ лифляндской фабрикаціи. Въ существѣ вопросъ этимъ разрѣшался по справедливости, въ интересахъ крестьянъ, и дѣло казалось конченнымъ; но не тутъ-то было. Рижское Отдѣленіе три мѣсяца трудилось надъ заказаннымъ ему переводомъ десяти строкъ и все-таки не сладило съ задачею; оно изготовило переводъ *неполный* и *неточный*—въ немъ упоминалось только о расходахъ на покупку матеріаловъ и умалчивалось о томъ, что и расходы *на самую постройку и починку* падали на помѣщика; но, еще до отправки этого перевода въ Петербургъ, генералъ-губернаторъ, конечно не отъ себя, а подъ вліяніемъ внушеній со стороны, самовольно остановилъ публикацію, стало быть, отмѣнилъ распоряженіе Комитета и увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что настоящее дѣло по важности своей требовало разрѣшенія Высочайшей власти и что онъ, генералъ-губернаторъ, предоставлялъ себѣ войти по означенному предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ. Дѣло стало надолго, и рѣшеніе Петербургскаго Комитета обнародовано было въ Лифляндіи и вошло въ силу не ранѣе какъ восемь лѣтъ спустя, особою публикаціею отъ лица того же генералъ-губернатора отъ 27 ноября 1823 года. Итакъ, благодаря подлогу, который не укрылся, а былъ своевременно обнаруженъ, въ противность волѣ правительства, вопреки смыслу закона, несмотря на старанія Лифляндскаго Комитета и министра внутреннихъ дѣлъ, въ продолженіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ, съ 1811-го по 1823-й, поддѣланная статья оставалась въ силѣ, искаженный регламентъ подшивался ко всѣмъ вакенбухамъ, и на этомъ основаніи помѣщики взы-

скивали съ крестьянъ денежную повинность, которой послѣдніе не обязаны были платить и которая причиталась, по закону и по обычаю, не съ кого другого, какъ исключительно съ самихъ помѣщиковъ [1]).

Честность и настойчивость, выказанныя въ этомъ дѣлѣ графомъ Меллинымъ, конечно были зачтены ему въ измѣну, которая не могла быть прощена; одновременно другое обстоятельство окончательно погубило его въ глазахъ дворянства. Въ былыя времена лифляндское рыцарство обязано было поголовно отбывать воинскую службу, чѣмъ и обусловливались сословныя привилегіи, которыми оно пользовалось. Позднѣе, ему вмѣнено было въ обязанность снаряжать и содержать на свой счетъ кавалерійскій отрядъ, а при русскомъ владычествѣ, взамѣнъ этой повинности, установленъ былъ съ дворянскихъ имѣній денежный сборъ (Rossdienst-Geld), фактически упадавшій на крестьянъ. Въ добавокъ, съ 1797 года, Императоромъ Павломъ введена была въ Лифляндіи поставка рекрутовъ на общемъ основаніи, то есть съ податныхъ сословій. Такимъ образомъ, въ короткое время произошла по этой части радикальная перемѣна противъ прежняго исторически сложившагося порядка вещей: дворянство избавилось отъ всякаго *обязательнаго* участія въ защитѣ государства, а все бремя воинской повинности, натуральной и денежной, легло на народъ. Сознавая крайнюю ея тягость, особенно по недавности введенія рекрутскаго устава въ Лифляндіи и при учащенности тогдашнихъ наборовъ (въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка), нѣкоторые помѣщики добровольно стали оказывать своимъ крестьянамъ денежную помощь принятіемъ на свой счетъ расходовъ по снаряженію рекрутовъ. Графъ Меллинъ одинъ изъ первыхъ подалъ въ этомъ случаѣ добрый примѣръ и въ кругу своихъ знакомыхъ не разъ высказывалъ, что, по его убѣжденію, это былъ не подвигъ барскаго великодушія, а простой актъ справедливости, обязательной для всѣхъ. Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ объ этомъ въ Петербургъ быв-

---

[1]) Das Falsum ist noch immer in den Wackenbüchern stehen geblieben und die Gutsherren vortheilen davon.... Auf dieses Falsum gestützt, fahren die Gutsbesitzer fort das Geld von den Bauern zu fordern etc. etc. — Изъ цитованной выше книги.

шему дѣлопроизводителю Лифляндскаго Комитета, Кайсарову, нисколько не требуя отъ него тайны. Письмо это было показано Кайсаровымъ, въ числѣ другихъ лицъ, и нѣкоторымъ лифляндскимъ дворянамъ, которые воспользовались случаемъ и, связавъ это обстоятельство съ прежними дѣйствіями графа Меллина (по вопросу о денежныхъ расходахъ на общественныя постройки), предъявили противъ него на ландтагѣ 1815 г. формальное обвиненіе. Постановленіемъ 30-го іюня того же года, ландтагъ призналъ его виновнымъ: во-первыхъ, въ томъ, что онъ своими предложеніями въ Отдѣленіи Комитета домогался ввести перемѣны въ Высочайше утвержденное Положеніе о крестьянахъ [1]); во-вторыхъ, въ томъ, что, дѣйствуя въ противность своему долгу, какъ ландратъ [2]), онъ не только не оберегалъ интересовъ своего сословія и между прочимъ изъятія дворянства отъ всякихъ денежныхъ сборовъ, а, напротивъ, старался взвалить на него расходы по снаряженію рекрутовъ и по строительной части на общественныя надобности. Вслѣдствіе этого ему объявлялось, что онъ утратилъ довѣріе дворянства и что ландмаршалу поручалось имѣть наблюденіе, чтобы ландратъ гр. Меллинъ не предпринялъ чего-нибудь ко вреду края. Ландмаршалъ, принявшій на себя это порученіе, былъ родной племянникъ того самаго барона Шульца Ашераденскаго, который, въ концѣ прошлаго вѣка, первый рѣшился поднять голосъ въ Лифляндіи за угнетенный народъ. Графъ Меллинъ потребовалъ публичнаго удовлетворенія и, въ случаѣ отказа, просилъ генералъ-губернатора пред-

---

[1]) Мнѣнія и дѣйствія гр. Меллина, какъ назначеннаго Высочайшею властью члена коллегіальнаго правительственнаго учрежденія, ни въ какомъ случаѣ сужденію дворянскаго сословія подлежать не могли. Къ тому же, собранію хорошо было извѣстно, что графъ Меллинъ искалъ не перемѣнъ въ Положеніи, а, напротивъ, возстановленія и разъясненія точнаго его смысла, затемненнаго подлогомъ, что̀ прямо входило въ обязанности Комитета. Наконецъ, что̀ сказать о безстыдствѣ такого упрека, предъявленнаго отъ лица того самаго сословія, которое, со дня обнародованія Положенія 1804 года, не переставало почти ежегодно протестовать противъ него и испрашивать самыхъ радикальныхъ въ немъ измѣненій!

[2]) Графъ Меллинъ говаривалъ, что онъ считалъ себя въ подлинномъ смыслѣ слова ландратомъ, то есть совѣтникомъ *отъ земли*, или отъ земства, а не отъ одного *дворянства* (nicht Standes, sondern Landes-Rath).

ставить все дѣло на Высочайшее воззрѣніе; но генералъ-губернаторъ возвратилъ ему его просьбу и, не давъ дѣлу никакого хода, присовѣтовалъ ему сложить съ себя должность ландрата. Въ 1815 году графъ Меллинъ послѣдовалъ совѣту и вслѣдъ за тѣмъ, по докладу генералъ-губернатора, уволенъ былъ и изъ Рижскаго Отдѣленія Лифляндскаго Комитета. Одинъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Козадавлевъ хотѣлъ заступиться за невинную жертву дворянской мести и войти къ Государю съ докладомъ о дѣйствіяхъ ландтага; но смерть помѣшала ему осуществить это намѣреніе. Въ концѣ концовъ графъ Меллинъ получилъ изъ кабинета табакерку съ Высочайшимъ вензелемъ и пожизненную пенсію въ тысячу рублей. Табакерку и деньги вмѣсто удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное ему публично цѣлымъ сословіемъ!—Честнымъ дѣятелямъ по крестьянскому вопросу въ Лифляндіи рѣшительно не везло.

Другой фактъ: передъ истеченіемъ послѣдней отсрочки, данной на окончаніе межеванія, Рижское Отдѣленіе Комитета неожиданно вошло съ представленіемъ, чтобы, во избѣжаніе на будущее время всякихъ споровъ, на всѣхъ картахъ отдѣляемы были особыми линіями всѣ угодья, входящія въ составъ каждаго измѣреннаго крестьянскаго двора—до тѣхъ поръ никто объ этомъ не помышлялъ. Для осуществленія этого предположенія потребовалось бы переначать сызнова все межеваніе, заключить съ землемѣрами новые контракты и отдалить окончаніе всей операціи на неопредѣленное время, чего, повидимому, и желало Отдѣленіе. Комитетъ долженъ былъ предписать ему, чтобы оно, не отвлекаясь новыми предположеніями, въ законахъ 1804 и 1809 гг. незаключающимися, употребило всѣ свои старанія къ поспѣшнѣйшему окончанію ревизіи вакенбуховъ. Въ слѣдующемъ 1816 г., Рижское Отдѣленіе вдругъ усмотрѣло, что въ составъ крестьянскихъ подворныхъ надѣловъ входили иногда микроскопическіе клочки неудобныхъ земель сверхъ того количества, по которому исчислялась повинность, и задумалось надъ вопросомъ: считать ли ихъ неотъемлемою частью надѣла, или собственностью помѣщика, остающеюся въ полномъ его распоряженіи? Отдѣленіе остановилось на мысли потребовать отъ помѣщиковъ

объясненія: согласны ли они отъ этихъ участковъ отказаться навсегда, предоставивъ ихъ въ безплатное пользованіе крестьянъ, и въ случаѣ несогласія—разграничивать ихъ особо, или же обязать землемѣровъ сдѣлать дополнительныя объясненія о ихъ совершенной ни къ чему негодности. Этимъ помѣщики, такъ сказать, наводились на новое притязаніе, о которомъ никто до той минуты не думалъ и, для предупрежденія котораго, Комитетъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ особой публикаціи.

Третій фактъ: случилось Комитету подписывать вакенбухъ на одно имѣніе, Войтферъ, въ которомъ не оказалось ни одного хозяина, а были одни батраки, которыхъ Межевая Коммиссія и Рижское Отдѣленіе обратили въ дворовыхъ. О томъ, что стало съ хозяевами, Комитетъ и не спрашивалъ; но онъ полюбопытствовалъ узнать: на какомъ основаніи батраки перечислены были въ дворовые, и не добился отвѣта.

Четвертый фактъ: при проѣздѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны черезъ Лифляндію, на обратномъ пути въ Петербургъ, крестьянамъ Вольмарсгофскаго имѣнія какъ-то удалось подать ей жалобу, въ которой между прочимъ прописывалось, что они лишены были всякой возможности исправлять возложенныя на нихъ повинности, такъ какъ помѣщикъ отобралъ у нихъ бо́льшую часть удобной земли, отведя имъ взамѣнъ одни болота, и до того стѣснилъ ихъ строенія, что имъ негдѣ было держать скотины. Состоялось Высочайшее повелѣніе дознать правду. По заведенному въ Лифляндіи порядку, въ подобныхъ случаяхъ, командируемый мѣстный чиновникъ дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія не вопросъ о сущности жалобы, т. е. о справедливости или неосновательности ея, а о томъ: кто задумалъ ее, кто посмѣлъ написать, кто дерзнулъ подать и т. д. Для немедленнаго возбужденія въ просителяхъ благотворнаго страха, эта система долголѣтнимъ опытомъ успѣла отрекомендовать себя какъ *наицѣлесообразнѣйшая* (hat sich als das allerzweckmässigste bewährt). Такъ было и въ данномъ случаѣ; изъ Риги донесли, что на допросѣ тамошнимъ уѣзднымъ коммиссаромъ всѣ крестьяне, поименованные въ просьбѣ, отперлись отъ нея и объявили, что въ подачѣ ея не принимали участія. Комитетъ,

какъ видно мало знакомый съ прибалтійскою практикою по производству слѣдствій, призналъ на этомъ основаніи жалобу подложною и потому не требующею дальнѣйшаго дознанія; но онъ замѣтилъ однако, что въ снятыхъ съ крестьянъ показаніяхъ кое-гдѣ обнаруживалось сомнѣніе въ правильности произведеннаго у нихъ межеванія и потому пожелалъ, чтобы оно было повѣрено. Такъ какъ на дѣло обращено было Высочайшее вниманіе, то признано было нужнымъ окончательно выяснить и это обстоятельство; между тѣмъ, изъ вновь поданной жалобы оказалось, что мѣстныя власти распорядились уже взятіемъ тѣхъ крестьянъ подъ стражу и что ихъ начали водить по разнымъ судамъ. Наконецъ, Межевая Коммиссія откомандировала въ Вольмарсгофъ одного изъ своихъ землемѣровъ, который обнаружилъ, что крестьянскія земли, особенно залежи, дѣйствительно оцѣнены были слишкомъ высоко; что многіе хозяева, съ полнымъ основаніемъ, жаловались на безвыходность своего положенія и что необходимо было произвести новую оцѣнку, особенно тѣхъ хозяйствъ, которыя съ 1782 года получали мало или вовсе не получали пахотной земли. Дѣло, какъ видно, окончилось для крестьянъ благопріятно вслѣдствіе счастливой случайности; но Высочайшія особы не всякій день проѣзжали черезъ Лифляндію, и не легко было крестьянамъ обращать на себя ихъ вниманіе; обыкновенный же исходъ подобнаго рода жалобъ читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго случая.

Въ концѣ 1814 года, просматривая одну изъ меморій Валкской Межевой Коммиссіи, министръ внутреннихъ дѣлъ вычиталъ въ ней, что въ присутствіе Коммиссіи вызваны были, для врученія имъ изготовленныхъ вакенбуховъ, крестьяне рижскаго уѣзда, зунцельскаго прихода, помѣстья Сиггундъ, которые однако отъ принятія ихъ отказались по той причинѣ, яко бы они не имѣютъ въ своемъ пользованіи того количества земли, какое въ нихъ значилось. Коммиссія, принимая этотъ отказъ за неповиновеніе, препроводила крестьянъ подъ карауломъ въ лифляндское губернское правленіе для поступленія съ ними по законамъ. Министру это распоряженіе показалось нѣсколько строгимъ, тѣмъ болѣе, что изъ бывшихъ передъ его глазами свѣдѣній нельзя было

дознать, были ли, при составленіи вакенбуховъ, исполнены въ точности всѣ требованія закона, именно: вызывались ли въ Коммиссію выборные отъ крестьянъ и опрашивались ли они о количествѣ состоявшей въ ихъ пользованіи земли? Положено было спросить объ этомъ Межевую Коммиссію черезъ лифляндскаго губернатора. Губернаторъ никакихъ свѣдѣній не доставилъ, а донесъ только, что, по требованію Межевой Коммиссіи, губернское правленіе предписало рижскому орднунгсъ-рихтеру отправиться съ военною командою на мызу Сиггундъ для усмиренія крестьянъ, что и было имъ исполнено. Они явились въ Валкъ, приняли изъ рукъ предсѣдателя изготовленные вакенбухи, вернулись домой и теперь де живутъ спокойно; первые же зачинщики сопротивленія (отказавшіеся отъ принятія вакенбуховъ), въ числѣ трехъ, находятся подъ стражею и отданы подъ судъ рижскому ландгерихту. Стало быть: не о чемъ больше и спрашивать! Министръ однако не удовольствовался этимъ объясненіемъ; немедленно по полученіи его, онъ потребовалъ къ себѣ всѣ подлинные акты о регулированіи Сиггундскаго помѣстья и въ то же время предписалъ губернатору арестованныхъ крестьянъ, до окончанія дѣла въ Петербургѣ, освободить и отпустить во-свояси. Черезъ нѣсколько дней губернаторъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, министерское распоряженіе запоздало. Ландгерихтъ, на сей разъ и вопреки обычной медленности остзейскихъ трибуналовъ, счелъ нужнымъ поспѣшить. Онъ засудилъ трехъ такъ называемыхъ зачинщиковъ, отсчиталъ каждому по пятидесяти палокъ и вернулъ ихъ домой.

Между тѣмъ, вотъ что оказалось по разсмотрѣніи актовъ. Выборные отъ крестьянъ Сиггундскаго помѣстья были дѣйствительно опрошены о ихъ надѣлѣ и о повинностяхъ, но не Валкскою Межевою Коммиссіею, а прежнею рижскою ревизіонною коммиссіею. Показанія ихъ въ точности не были записаны, но о содержаніи и о степени уважительности сдѣланныхъ ими заявленій можно было судить по послѣдствіямъ. Ревизіонная коммиссія признала измѣреніе ихъ земель, произведенное передъ тѣмъ землемѣромъ Линдротомъ, „*недѣйствительнымъ*“ и обязала владѣльца имѣнія подпискою въ узаконенный срокъ произвести новое межеваніе; но было ли это

исполнено, изъ актовъ не усматривалось; видно было только, что, по открытіи Межевой Валкской Коммиссіи, дворянскій землемѣръ Шредеръ, мая 25-го 1809 года, объявилъ отъ имени владѣльца, что прежнее межеваніе землемѣра Линдрота онъ исправилъ по данному ему предписанію, котораго однако въ актахъ не оказывалось. Въ томъ же 1800 году, на общій вопросъ коммиссіи, обращенный ко всѣмъ помѣщикамъ, сиггундскій управляющій отвѣтилъ, что имѣніе спеціально обмежевано, градація и разцѣнка произведены, и окончательный вакенбухъ, по просьбѣ помѣщика, выданъ уже ландгерихтомъ. На какомъ же основаніи вмѣшался ландгерихтъ въ это дѣло, вовсе не входившее въ кругъ его обязанностей? спросилъ Комитетъ. На томъ основаніи, отвѣчалъ губернаторъ, что журналомъ Комитета 19 марта разрѣшено было ландгерихтамъ *выдавать* изготовленные вакенбухи. Навели справку, и оказалось, что, по упомянутому журналу, разрѣшеніе это дано было со дня упраздненія ревизіонныхъ коммиссій до открытія Межевой; что просьбу отъ помѣщика ландгерихтъ принялъ *до воспослѣдованія этого журнала* и что рижская коммиссія существовала и дѣйствовала до 18 августа 1808 года, а вакенбухъ выданъ былъ ландгерихтомъ еще 10-го августа того же года, слѣдовательно совершенно самовольно, и что хотя онъ при этомъ не опрашивалъ крестьянъ, но они сами заявили ему, что въ ихъ владѣніи не состоитъ зачисленнаго за ними количества земли.

Выведя наружу всѣ прописанныя обстоятельства, Комитетъ черезъ Рижское Отдѣленіе потребовалъ, чтобъ Межевая Коммиссія отправила одного изъ состоявшихъ при ней землемѣровъ для изслѣдованія на мѣстѣ, по существу дѣла, заявленій сиггундскихъ хозяевъ, отказавшихся отъ принятія вакенбуховъ (и предварительно уже избитыхъ). Но это простое, совершенно разумное требованіе вызвало со стороны Рижскаго Отдѣленія самое рѣшительное, почти дерзкое сопротивленіе. Оно отвѣтило министру, „что постановленіе Комитета не можетъ быть приведено въ исполненіе безъ возбужденія въ крестьянахъ всѣхъ прочихъ помѣстій подозрѣнія на счетъ дѣйствій коммиссій и безъ причиненія остановки въ теченіи всѣхъ дѣлъ вообще; ибо если произведено будетъ мѣстное

изслѣдованіе въ помѣстьѣ Сиггундъ, то впослѣдствіи и крестьяне другихъ помѣстій, бывъ поощрены не только ненаказанностью [1]) тѣхъ хозяевъ, кои приносили жалобы на неправильно произведенныя межеванія и оцѣнку ихъ земель, но даже и успѣхомъ ихъ наглости и непослушанія, при всякой выдачѣ векенбуховъ, будутъ требовать подобнаго же удовлетворенія". Къ этому Отдѣленіе прибавляло, что сиггундскій вакенбухъ разсматривался и утвержденъ былъ Петербургскимъ Комитетомъ и что предписаніемъ Комитета отъ 6-го іюля 1810-го года запрещено было, въ имѣніяхъ спеціально обмежеванныхъ, давать ходъ жалобамъ на неправильность межеванія. Вся эта аргументація оказалась однако не только недоказательною, но прямо лживою. Выведенными на справку журналами Комитетъ доказалъ, что разсмотрѣніе вакенбуха произведено было не Комитетомъ, а одними только двумя ландратами, Герсдорфомъ и Буденброкомъ, въ то время, когда конференція, состоявшая при Комитетѣ, была уже закрыта, и что не было никакого основанія подводить Сиггундское имѣніе подъ дѣйствіе правила, постановленнаго 6-го іюля 1810 года, какъ относившагося только до имѣній, спеціально обмежеванныхъ и получившихъ вакенбухи отъ ревизіонныхъ коммиссій, ибо ничѣмъ не было доказано, чтобъ Сиггундское имѣніе было дѣйствительно спеціально обмежевано, а дознано было, что вакенбухъ былъ въ немъ введенъ въ противность закону. Казалось бы: послѣ взятаго Комитетомъ на себя труда обстоятельнаго опроверженія всѣхъ изобрѣтенныхъ въ Ригѣ отговорокъ и предлоговъ, ему оставалось бы только сдѣлать своему in partibus пребывавшему Отдѣленію ясное внушеніе и настоять на немедленномъ исполненіи своего требованія; но онъ убоялся послѣдствій, которыми ему оттуда угрожали, и пришелъ къ заключенію доказывающему полный упадокъ прежней его энергіи: „предоставить г. министру внутреннихъ дѣлъ откомандировать въ Ригу ландрата Буденброка, которому дѣло сіе извѣстно съ самаго его начала, и поручить ему, войдя въ ближайшее соображеніе всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу сему обстоятельствъ и, совокупно съ прочими членами Рижскаго Отдѣленія, поло-

[1]) Пятьдесятъ палокъ, повидимому, не считались даже за наказаніе.

живъ на мѣрѣ (на мѣстѣ?) легчайшій способъ удовлетворенія *справедливыхъ* требованій крестьянъ-хозяевъ, представить о томъ на утвержденіе Комитета". Стало быть, Комитетъ слагалъ лежавшую на немъ обязанность и отвѣтственность опять таки на то самое Отдѣленіе, которое въ этомъ же дѣлѣ такъ явно обнаружило свое пристрастіе, и прикомандировывалъ къ нему, въ качествѣ руководителя, того самаго Буденброка, который употреблялъ во зло довѣріе къ нему правительства въ оцѣнкѣ сѣнокосовъ и съ которымъ однако правительство почему то не могло разстаться. Оно понижало и суживало свои требованія до-нельзя, жертвовало своимъ достоинствомъ и справедливостью, лишь бы какъ-нибудь добраться поскорѣе до конца затянувшагося и наскучившаго ему дѣла, а дѣло все-таки едва подвигалось.

Въ концѣ апрѣля 1814 года, какъ видно изъ журналовъ Комитета, на мѣстахъ еще не приступали къ раздачѣ вакенбуховъ. Въ іюлѣ того же года, по представленію лифляндскаго губернатора, Комитетъ исходатайствовалъ у Государя полуторагодовой слишкомъ отсрочки, до истеченія 1815 года, на окончаніе межеванія, таксацій и всѣхъ поземельныхъ разсчетовъ съ тѣмъ, чтобы, въ 1816 году, во всѣхъ имѣніяхъ окончательные вакенбухи были непремѣнно розданы. Въ сентябрѣ 1815 года, Рижское Отдѣленіе Комитета вошло съ новымъ представленіемъ объ отсрочкѣ, на сей разъ, уже на неопредѣленное время, то есть до тѣхъ поръ, пока окончится еще неначатое межеваніе казенныхъ имѣній; но Комитетъ отказалъ ему наотрѣзъ и поставилъ на видъ, что въ прошломъ году само Отдѣленіе испрашивало одного года на окончаніе всей операціи и, вмѣсто того, получило на это годъ и восемь мѣсяцевъ. Наконецъ, изъ послѣдней находящейся въ дѣлѣ вѣдомости 1819-го года, видно, что въ то время изъ общаго числа 918-ти имѣній въ Лифляндіи, не оставалось ни одного частнаго, въ которомъ бы не было окончено межеваніе; оно продолжалось только въ 83-хъ казенныхъ; окончательные вакенбухи розданы были въ 412-ти (404-хъ частныхъ и 8-ми казенныхъ) имѣніяхъ; по 127 имѣніямъ вакенбухи переписывались, по 50 имѣніямъ находились на ревизіи въ Ригѣ; имѣній, въ которыхъ не оказалось вовсе крестьянъ, насчитывалось

54; имѣній, въ которыхъ состоялись между владѣльцами и крестьянами добровольныя соглашенія, замѣнявшія собою межеванія и расцѣнку — 32 (дворянскихъ 14, пасторатовъ 18); имѣній, въ которыхъ еще продолжались градація и расцѣнка земель — 160. Эта вѣдомость помѣчена 14 мая 1819 г., и позднѣйшихъ свѣдѣній, въ сохранившихся актахъ, мы не нашли.

На этомъ обрывается дѣлопроизводство перваго Лифляндскаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ [1]), а 26 марта того же 1819 года было уже дано Высочайшее утвержденіе совершенно новому Положенію, которымъ крѣпостное право въ Лифляндіи упразднялось, съ разными впрочемъ отсрочками, отдалявшими окончательное исполненіе до 1827 г. Крестьяне, какъ извѣстно, за пріобрѣтеніе личной свободы, ограниченной запрещеніемъ выхода изъ губерніи, поплатились утратою своего историческаго права на землю; новый законъ поставилъ ихъ къ помѣщикамъ въ отношенія вольныхъ съемщиковъ къ полнымъ собственникамъ и призналъ условія найма земли дѣломъ добровольнаго между ними соглашенія, не ограниченнаго никакими предустановленными, нормальными условіями; тѣмъ самымъ обязательная сила вакенбуховъ упразднялась. По свидѣтельству ландрата Самсона, главнаго участника въ составленіи новаго крестьянскаго Положенія, содержаніе четырехъ уѣздныхъ и межевой коммиссій, со включеніемъ расходовъ на межеваніе, обошлось дворянству, приблизительно, въ пять милліоновъ рублей. На крайнюю обременительность для него этого расхода дворянство много разъ жаловалось правительству, и вдругъ, передъ самымъ завершеніемъ ревизіонной операціи, оно добровольно приноситъ въ жертву одинъ изъ самыхъ существенныхъ ея результатовъ, именно: право на полученіе съ крестьянъ, помимо ихъ согласія или несогласія, точно опредѣленной повинности, отрекается отъ порядка вещей, только что получившаго обязательную силу, казалось упроченнаго надолго, и, какъ бы очертя голову, бросается въ область неизвѣстнаго. Что могло его къ этому побудить? До насъ дошло нѣсколько различныхъ

---

[1]) Извѣстно, что операція межеванія и составленія вакенбуховъ, по желанію дворянства, продолжалась и доведена была до конца.

отвѣтовъ на этотъ естественно возникающій вопросъ. Нѣкоторые видѣли въ рѣшимости дворянства актъ высокаго безкорыстнаго самопожертвованія, напоминающій прославленное отреченіе привилегированныхъ сословій отъ всѣхъ своихъ преимуществъ въ началѣ французской революціи, въ знаменитое засѣданіе учредительнаго собранія 1789 года. Такъ было принято постановленіе ландтага въ Петербургѣ и нѣкоторыми заграничными писателями. Но подобнаго рода увлеченіе, какъ бы на него ни смотрѣли, какъ на высокій порывъ политическаго идеализма, или какъ на признакъ практической незрѣлости, во всякомъ случаѣ остзейскому дворянству несвойственно и какъ-то на него не похоже. Рыцари-помѣщики не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи ни прославленія, ни упрека. Въ добавокъ, для лифляндскихъ владѣльцевъ мысль о сельскихъ обывателяхъ, яко бы свободныхъ, въ то время далеко уже не имѣла соблазнительной прелести новизны. Всѣ издавна успѣли въ нее всмотрѣться [1]), успѣли бы конечно и остыть къ ней и образумиться, еслибъ она не имѣла за себя ничего кромѣ своей картинной эфектности, ибо обсужденіе ея длилось болѣе года. Позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, когда послѣдствія безземельнаго освобожденія наглядно выразились въ страшномъ упадкѣ благосостоянія и въ нравственномъ колыханіи народной массы, вошло въ ходъ другое, совершенно противоположное толкованіе. Стали увѣрять, что дворянство, выведя напередъ балансъ своего пожертвованія и ожидаемаго имъ несомнѣннаго вознагражденія, просто-напросто руководилось вѣрнымъ расчетомъ. Новые вакенбухи все-таки урѣзывали повинности, съ которыми ему не хотѣлось разставаться, и сдерживали его хозяйственный произволъ — это ему не нравилось; съ другой стороны, при маломъ числѣ самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ, при массѣ безземельнаго сельскаго люда, вынужденнаго наниматься на работу, при тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты съ цѣлью ограничить свободу передвиженія въ возможно

[1]) Послѣ ландтага 1803 года, графъ Я. Е. Сиверсъ писалъ своей дочери: „Нашлось нѣсколько молодыхъ дураковъ и нищихъ, предложившихъ даровать свободу всѣмъ рожденнымъ по восшествіи на престолъ Императора Александра. Думаютъ подобными якобинскими выходками плѣнить его сердце“.

тѣсныхъ предѣлахъ, смѣло можно было разсчитывать напередъ, что въ вольныхъ арендаторахъ на крестьянскіе дворы не только не будетъ недостатка, но что свободная конкуренція съемщиковъ даже подниметъ повинность свыше узаконенной вакенбухами нормы; что наоборотъ, задѣльная плата будетъ не высока и, наконецъ, что, при крѣпкой сословной организаціи помѣщиковъ, въ добавокъ еще вооруженныхъ вотчинною юридикціею, они, въ другой формѣ и подъ другимъ названіемъ, фактически возстановятъ прежнее рабство на экономическихъ основаніяхъ съ виду безукоризненныхъ. Такъ дѣйствительно вышло на дѣлѣ, лѣтъ черезъ двадцать, и не мудрено, что и въ 1818 году нѣкоторые, впрочемъ конечно немногіе, предугадывали эти послѣдствія; но слишкомъ невѣроятно было бы предполагать, чтобъ цѣлое сословіе, въ добавокъ крайне осторожное и вообще крѣпко стоящее за все существующее, могло возвыситься до такого прозрѣнія въ будущее и чтобъ одна надежда на чаемыя блага побудила его пожертвовать осязаемыми обезпеченіями [1]). Достаточныхъ

[1]) Первый опытъ отдѣлаться, подъ благовиднымъ предлогомъ дарованія личной свободы, отъ обязанности обезпечить хозяйственную будущность крестьянъ утвержденіемъ за ними, на опредѣленныхъ закономъ условіяхъ, неотъемлемаго надѣла относится кажется еще къ 1804 году. Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что, по поводу его, ясно высказалось *тогдашнее* воззрѣніе правительства на этотъ способъ разрѣшенія крѣпостнаго вопроса. Въ началѣ августа 1804 г., рижскій негоціантъ Цукербеккеръ, явясь въ венденскую коммиссію, объявилъ, что онъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, 39 душъ, дѣлаетъ свободными безъ земли, для того „чтобъ избавиться отъ худыхъ, а порядочнымъ отдавать свою землю въ аренду по контрактамъ", а потому просилъ избавить его отъ обязанности представить проектъ вакенбуха. Предсѣдатель коммиссіи Репьевъ на это однако не рѣшился и вошелъ съ представленіемъ къ министру. Графъ Кочубей сообщилъ ему слѣдующее Высочайше утвержденное постановленіе Комитета: „По соображенію правилъ въ Положеніи о крестьянахъ предписанныхъ съ намѣреніемъ Цукербеккера, Комитетъ находитъ, что помѣщикъ не иначе имѣетъ право *отобрать у крестьянина землю* и оставить его такимъ образомъ безъ сего надежнаго способа къ пропитанію, какъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) буде для господскаго поля не достаетъ еще узаконеннаго количества земли (§§ 33 и 65), 2) буде крестьянинъ за долги или дурное поведеніе судомъ обвиненъ будетъ (§ 40). Кромѣ сихъ случаевъ, ни подъ какимъ видомъ не позволяется помѣщику, противъ воли крестьянъ, отбирать ихъ землю и, сверхъ того, обязанъ онъ, въ первомъ случаѣ, увѣдомить ихъ о томъ за три года и,

причинъ такъ смѣло рисковать настоящимъ оно не имѣло. Вновь составленные вакенбухи, какъ могли убѣдиться читатели изъ всего предъидущаго, далеко не были разорительны для помѣщиковъ и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что само дворянство, на ландтагѣ, постановившемъ отмѣну крѣпостнаго права, потребовало однако довершенія сложной операціи ихъ повсемѣстнаго введенія. Стало быть оно дорожило ими, по крайней мѣрѣ, какъ исходною точкою для будущихъ своихъ соглашеній съ крестьянами. Гораздо, повидимому, правдоподобнѣе третье объясненіе, приводимое ландратомъ Самсономъ, именно: примѣръ двухъ сосѣднихъ губерній. Эстляндское дворянство отреклось отъ крѣпостнаго права на личность въ 1811 году, курляндское въ 1816; для обѣихъ губерній, въ 1817 г., утверждены были новыя Положенія о крестьянахъ, выработанныя на этомъ основаніи, а въ слѣдующемъ 1818 году, военный губернаторъ маркизъ Паулуччи, разрѣшая лифляндскому ландтагу войти въ обсужденіе вопроса о принципіальной отмѣнѣ крѣпостнаго права, заявилъ дворянству, что послѣ упраздненія этого права въ Эстляндіи и Курляндіи, трудно бы было держать долго лифляндскихъ крестьянъ въ прежней зависимости. Такое внушеніе въ устахъ мѣстнаго представителя верховной власти, которому желанія ея были хорошо извѣстны, конечно не могло не произвести впечатлѣнія; но нельзя однако приписывать ему рѣшительнаго вліянія на волю дворянства. Оно знало лучше чѣмъ кто либо, что разница между тѣми личными правами, которыми крѣпостные крестьяне въ Лифляндіи фактически уже пользовались съ 1804 года, и тою полусвободою, которая только что была дарована крестьянамъ сосѣднихъ губерній, на практикѣ

по прошествіи оныхъ, заплатить за всѣ сдѣланныя ими издержки на удобреніе ихъ участковъ и пр. (§ 38). На основаніи сего, Комитетъ полагаетъ, что надлежитъ теперь знать согласны ли крестьяне г. Цукербеккера на увольненіе ихъ безъ земли и, если согласны, то по общимъ государственнымъ узаконеніямъ должны объявить какой родъ жизни себѣ избираютъ". -- Итакъ, въ то время, правительство очень ясно сознавало право крестьянъ на землю и въ безземельномъ ихъ освобожденіи видѣло не одно пріобрѣтеніе, но и сопряженную съ нимъ существенную утрату. Къ несчастью, лѣтъ черезъ двѣнадцать, этотъ вѣрный взглядъ на дѣло былъ устраненъ, или точнѣе -позабытъ.

была не слишкомъ значительна и потому едвали бы возбудила въ первыхъ опасное чувство зависти. Въ другихъ, однородныхъ вопросахъ даже болѣе существенныхъ для крестьянъ, Лифляндія очень хорошо умѣла, когда находила это нужнымъ, отстаивать свои провинціальные интересы и свои особенныя воззрѣнія, не увлекаясь примѣромъ другихъ губерній. Такъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ Лифляндіи крестьянскіе дворы сдавались на самые короткіе сроки, на одинъ годъ, рѣдко болѣе чѣмъ на три, тогда какъ въ Курляндіи крестьяне давно уже пользовались ими на правѣ наслѣдственнаго арендного владѣнія, и никого это не смущало. Увѣщанія сверху и ясно выражаемыя желанія верховной власти также далеко не всегда имѣли то всемогущее вліяніе на убѣжденія и волю лифляндскаго дворянства, какое, въ настоящемъ случаѣ, приписывается косвенному внушенію; доказательства мы видѣли недавно и видимъ теперь въ безуспѣшности попытокъ введенія русскаго языка въ присутственныя мѣста и учебныя заведенія.

Находя всѣ приведенныя объясненія недостаточными, мы однако не отвергаемъ безусловно ни одного изъ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всякомъ коллективномъ дѣйствіи цѣлаго сословія, участвовало, безъ сомнѣнія, нѣсколько самыхъ разнородныхъ побужденій; нѣкоторыя изъ нихъ указаны, но странно, что до сихъ поръ какъ будто не замѣчалось или игнорировалось одно, притомъ ближайшее, и именно то, которое само собою такъ ясно обнаруживается и такъ выпукло выступаетъ изъ подлинныхъ дѣлъ времени непосредственно предшествовавшаго 1819 году.—Читатели конечно припомнятъ, что на основаніи той статьи Положенія 1804 года о реверсахъ, (о которой было не мало говорено) когда составлялся временной вакенбухъ на количество подворныхъ повинностей, превышавшее общепринятую норму, отъ помѣщика отбиралось обязательство вознаградить крестьянъ за все съ нихъ перебранное, если бы, по окончаніи измѣренія ихъ участковъ, оказалось, что цѣнность отведенной имъ земли была ниже цѣнности сходившихъ съ нихъ повинностей. Когда статья о реверсахъ обсуждалась въ Комитетѣ, когда впослѣдствіи Сиверсъ и Репьевъ всѣми мѣрами

старались ограничить ея примѣненіе, ландраты Буденброкъ, Анрепъ, Герсдорфъ, военный губернаторъ графъ Буксгевденъ и все дворянство повторяли въ одинъ голосъ: къ чему это недовѣріе и эта подозрительность? Не вполнѣ ли достаточно гарантируются интересы крестьянъ выдачею ясныхъ, неоспоримыхъ обязательствъ и есть ли какое нибудь основаніе опасаться, чтобъ, ради удержанія за собою на короткій срокъ чрезмѣрно-высокой повинности, помѣщики захотѣли принять на себя непосильный долгъ? Ни имущественной несостоятельности, ни тѣмъ паче уклоненія отъ исполненія даннаго обязательства въ этомъ случаѣ предполагать нельзя. Окончательный расчетъ не за горами; долгъ выяснится и крестьяне получатъ полное удовлетвореніе, до послѣдняго гроша. Теперь, съ приближавшимся окончаніемъ межеванія, подходила и минута расплаты; для нѣкоторыхъ помѣщиковъ она уже наступила и, по мѣрѣ приближенія ея для всѣхъ, дворянство начинало тревожиться. Въ 1815 и 1816 годахъ сдѣланы были попытки просто-на-просто сложить этотъ долгъ со счетовъ [1]).

Въ первый разъ, для опыта, дворянство пустило впередъ генералъ-лейтенанта Гинцеля, женатаго на дочери графа Я. Е. Сиверса и владѣльца Бауенгофскаго помѣстья, въ которомъ проживалъ на старости и умеръ служилый человѣкъ Екатерины. Оказалось, по межеванію, что въ этомъ имѣніи крестьяне пользовались гораздо меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое было за ними показано въ реверсѣ графа Сиверса; стало быть переборъ въ повинностяхъ былъ значителенъ. По просьбѣ владѣльца, Рижское Отдѣленіе Комитета придумало два предлога для пониженія цифры вознагражденія причитавшагося съ него въ пользу крестьянъ. Во-первыхъ, разсуждало оно, бывшій помѣщикъ, графъ Сиверсъ, выдавая реверсъ, разсчитывалъ цѣнность крестьянскихъ покосовъ и залежей по прежней, высокой ихъ оцѣнкѣ, приложенной къ Положенію 1804 г.; ни онъ, ни дворяне вообще не могли предвидѣть, что она будетъ значительно понижена. Новая, исправленная Комитетомъ оцѣнка обнародована была

---

1) Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ нѣтъ ни одного намека, ни одного предположенія о томъ, до какой приблизительно суммы онъ могъ простираться.

не ранѣе какъ въ 1809 году, въ Дополнительныхъ Правилахъ, а потому, по всей справедливости, слѣдуетъ, для опредѣленія суммы вознагражденія, брать разницу между стоимостью крестьянской земли, выведенною посредствомъ межеванія, и стоимостью ея по тѣмъ даннымъ, которыми руководствовались многіе изъ владѣльцевъ, то есть по табели 1804 года. Во-вторыхъ, Отдѣленіе Комитета предполагало назначить вознагражденіе не за все время отъ выдачи реверса по день дѣйствительнаго пониженія повинностей, т. е. по день введенія окончательнаго вакенбуха, а лишь по день полученія Межевою Коммиссіею донесенія объ окончаніи межеванія.

Петербургскій Комитетъ очень основательно опровергъ эти доводы своего Рижскаго Отдѣленія. Онъ вывелъ на справку, что реверсъ графа Сиверса былъ выданъ имъ 6 іюля 1805 года, а исправленная оцѣнка сѣнокосовъ была обнародована въ самомъ началѣ декабря 1804-го, Высочайшимъ указомъ, съ котораго копіи разосланы были военному губернатору, всѣмъ четыремъ ревизіоннымъ коммиссіямъ и тогда же стали извѣстны всему дворянству. Отговариваться невѣдѣніемъ его до 1809 г. дворянству было неприлично уже потому, что именно съ просьбою объ отмѣнѣ этой исправленной оцѣнки въ то время прислана была отъ него въ Петербургъ депутація, какъ извѣстно, вернувшаяся безъ успѣха. Наконецъ, тотъ фактъ, что Межевая Коммиссія иногда медлила, по окончаніи межеванія, выдачею вакенбуховъ не могъ служить законнымъ поводомъ наносить крестьянамъ ущербъ, ни правомѣрнымъ основаніемъ для помѣщика къ удержанію у крестьянъ того, чего ему вовсе не слѣдовало бы съ нихъ и требовать. Въ заключеніе, Комитетъ опредѣлилъ: всѣ вообще реверсы выданные помѣщиками разсчитывать на основаніи исправленныхъ оцѣнокъ крестьянскихъ угодій, а вознагражденіе взыскивать съ помѣщиковъ за все безъ исключенія перебранное ими съ крестьянъ, ото дня выдачи реверса по самый день введенія въ дѣйствіе непремѣннаго вакенбуха.

Несмотря на эту первую неудачу, въ слѣдующемъ 1816 году, маркизъ Паулуччи, по просьбѣ всего собраннаго на ландтагѣ дворянства, вошелъ въ Комитетъ съ ходатайствомъ о сложеніи съ большей части лифляндскихъ помѣщиковъ всей

суммы причитавшагося съ нихъ вознагражденія и объ ограниченіи во всѣхъ случаяхъ этого взысканія шестилѣтнимъ срокомъ, какъ бы долго крестьяне ни несли чрезмѣрныхъ повинностей. Длинное его представленіе по этому предмету, на которое очевидно потрачено было много труда всею мѣстною интеллигенціею, по разнообразію, обилію и обманчивой дѣльности доводовъ, могло бы служить образцомъ адвокатской изворотливости. Въ пользу притязанія на право не платить долговъ нельзя было сказать ничего большаго. Главные пущенные въ дѣло аргументы и опроверженіе ихъ читатели найдутъ въ слѣдующей выпискѣ изъ журнала Лифляндскаго Комитета 26-го октября 1816 года:

„Для разрѣшенія возникшихъ затрудненій, Комитетъ нужнымъ признаетъ обратиться къ первоначальнымъ причинамъ, побудившимъ къ установленію опредѣленнаго въ 26 § инструкціи 1804 года вознагражденія и, сообразивъ ихъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла, разсмотрѣть: достаточны ли причины, приводимыя какъ Рижскимъ Отдѣленіемъ, такъ и рижскимъ военнымъ губернаторомъ, къ отмѣнѣ Положенія Государемъ Императоромъ Высочайше утвержденнаго.

„Въ то время когда послѣдовала Высочайше утвержденная инструкція 1804 года, въ составленіи которой непосредственно участвовали уполномоченные отъ всего лифляндскаго дворянства и противу которой, въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ, со стороны лифляндскаго дворянства не было изъявляемо до сего времени ни малѣйшаго противорѣчія, *всѣ помѣстья лифляндской губерніи были не межеваны;* ибо въ нѣкоторыхъ, хотя и были обмежеваны пахатныя земли и бушланды, но оставались сѣнокосы и огороды, которые, при прежнихъ ревизіяхъ, ни въ какое расчисленіе пріемлемы не были и за которые крестьяне отбывали столько вспомогательныхъ повинностей, сколько угодно было возложить на нихъ самому помѣщику. Въ другихъ же помѣстьяхъ не только сѣнокосы и огороды, но и пахатныя земли и бушланды не были еще межеваны вовсе, изъ чего слѣдуетъ, что ни одного помѣстья въ Лифляндіи не было совершенно обмежеваннаго. Такая неизвѣстность о истинномъ количествѣ и качествѣ разнаго рода земель причиною была неопредѣлительность крестьянскихъ

повинностей, которая побудила правительство къ предпріятію во всей Лифляндіи спеціальнаго межеванія по шведской таксаціонной методѣ. Межеваніе сіе предположено было окончить, считая съ 1804 года, въ теченіе 6-ти лѣтъ. Но дабы, съ одной стороны, въ продолженіе столь немалаго времени, не лишить крестьянина тѣхъ выгодъ и того облегченія, которыя были ему дарованы Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ 1804 года, а съ другой, чтобы не поощрить помѣщика къ продолженію сего 6-ти лѣтняго срока на неопредѣленное время и чрезъ то, въ самомъ началѣ, не разрушить всѣхъ послѣдствій долженствовавшихъ произойти отъ сего Положенія въ пользу крестьянина, нужно было непремѣнно установить такое правило, которое бы служило побужденіемъ самому помѣщику къ скорѣйшему окончанію межеванія и, слѣдственно, къ скорѣйшему приведенію въ извѣстность количества и качества земель, за которыя крестьянинъ отправлялъ неопредѣлительную повинность. А дабы, и до окончанія межеванія, помѣщикъ не могъ болѣе, по прежнему своему произволу, обременять крестьянъ, признано было нужнымъ снабдить ихъ хотя временными вакенбухами. Составленіе таковыхъ временныхъ вакенбуховъ для помѣстій, въ коихъ пахатныя земли и бушланды приведены уже были въ извѣстность, не представляло особенной трудности и для того въ § 57 Положенія 1804 года было предписано, при исчисленіи повинностей, на 60 талеровъ пахатной земли полагать на 20 талеровъ сѣнокосовъ и огородовъ. Хотя и сіе правило не совершенно еще истребляло произволъ помѣщика, потому что простое предположеніе что у крестьянина находится на 20 талеровъ сѣнокосовъ не представляло еще полнаго удостовѣренія въ истинномъ количествѣ; но за то, въ § 62, опредѣлены были довольно точныя границы произволу, ибо въ § семъ сказано, чтобы не налагать на крестьянина никакихъ другихъ повинностей кромѣ тѣхъ, кои опредѣлены или ревизіонными вакенбухами, или регулативами 1765 и 1784 годовъ, или кои введены хозяйственными правилами, долговременнымъ обычаемъ укоренившимися. Но въ тѣхъ помѣстьяхъ, въ коихъ не были обмежеваны и слѣдственно не были приведены въ извѣстность ни количество, ни каче-

ство ни пахатныхъ земель, ни бушландовъ, ни покосовъ, ни огородовъ, для облегченія крестьянина при составленіи временныхъ вакенбуховъ, не оставалось никакого другаго средства, какъ принять правиломъ, что крестьянинъ осмерникъ, (владѣющій $^1/_8$ гака) имѣетъ примѣрно на 10 талеровъ, четвернякъ на 20 талеровъ, полгакнеръ на 40 талеровъ земли, разумѣя въ томъ числѣ и сѣнокосы и огороды, словомъ всѣ земли безъ изъятія. Предположеніе сіе, за неимѣніемъ болѣе надежнаго основанія, принято было только правиломъ *временнымъ* и не долженствовало имѣть дѣйствія долѣе того срока, въ теченіе котораго всѣ земли долженствовали быть приведены въ извѣстность, тѣмъ болѣе, что изъ опытовъ извѣстно было, что во многихъ помѣстьяхъ и сія умѣренная оцѣнка могла быть обременительною для крестьянина; ибо много есть такихъ помѣстій, въ коихъ не имѣютъ: осмернякъ и десяти, четвернякъ и двадцати, полгакнеръ и сорока талеровъ земли. При всемъ томъ, временное сіе правило предпочтено было той неопредѣлительности, которая была всегда одною изъ главнѣйшихъ причинъ удрученнаго положенія лифляндскихъ крестьянъ. Между тѣмъ, признано было также правиломъ, при облегченіи крестьянъ, не стѣснять и помѣщика въ полученіи полнаго дохода съ его поземельной собственности; вслѣдствіе сего дозволено ему было, если онъ не будетъ доволенъ сею оцѣнкою, показывая, что крестьяне его владѣютъ землею на бо́льшую цѣну, требовать, чтобы крестьяне его оставлены были при исправленіи всѣхъ прежнихъ ихъ работъ, повинностей и податей съ тѣмъ однакоже, что если, по окончаніи межеванія, дѣйствительно окажется, что крестьяне его не имѣютъ столько земли сколько онъ показалъ, то за всѣ работы, повинности и подати излишне имъ взятыя въ продолженіи 6 лѣтъ, обязанъ онъ заплатить имъ по шведской таксаціонной методѣ. На семъ основаніи, прежними ревизіонными коммиссіями взяты были реверсы со всѣхъ помѣщиковъ, коихъ помѣстья не были еще обмежеваны, и на семъ то основаніи всѣ помѣщики выдавшіе реверсы на количество повинностей превышающее предполагаемое количество земель, не могутъ иначе разсматриваемы быть, какъ обязавшіеся добровольно вознаградить крестьянину всѣ излишне забранныя отъ него работы, повинности и подати.

„Съ 1804 года по 1810-й, то есть до вступленія Валкской Межевой Коммиссіи въ полное дѣйствіе, бо́льшая часть помѣщиковъ не только не окончили межеванія, но и вовсе не начинали его, и Валкская Межевая Коммиссія долженствовала, для возбужденія ихъ къ исполненію принятаго ими обязательства, не только употреблять угрозы, но и налагать штрафы и даже отъ имени нѣкоторыхъ сама заключать контракты съ землемѣрами. Неисправность сія со стороны помѣщиковъ никакъ не можетъ служить имъ извиненіемъ и не даетъ имъ ни малѣйшаго права къ насильственному завладѣнію собственностью крестьянина, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала помѣщикамъ предоставлена была возможность избавиться отъ сего взысканія чрезъ принятіе того количества повинностей, которое опредѣлено было общимъ правиломъ. Причины, приводимыя какъ дворянскимъ собраніемъ, такъ и военнымъ губернаторомъ, не могутъ быть признаны достаточными къ отмѣнѣ предписанія Комитета, основаннаго на словахъ закона.

„1) Маркизъ Паулуччи изъясняетъ, что нельзя приписать въ вину помѣщикамъ того, что Валкскою Межевою Коммиссіею не учинено на всѣхъ немежеванныхъ помѣстьяхъ предписаннаго Дополнительными 1809 года Статьями частнаго межеванія. Но обстоятельство сіе не освобождаетъ помѣщика отъ даннаго имъ реверса заплатить крестьянину всѣ излишне забранныя у него работы, повинности и подати; ибо въ правилахъ не говорится, чтобы помѣщикъ, у котораго въ помѣстьи не будетъ произведено частнаго межеванія, имѣлъ право пользоваться тѣмъ, что онъ вынудилъ у крестьянина употребленіемъ во зло данной ему свободы. Сверхъ того, частное межеваніе тогда только принято могло бы быть правиломъ къ опредѣленію непремѣнныхъ повинностей, когда бы сами крестьяне на принятіе такого правила по силѣ Дополнительныхъ Статей изъявили свое согласіе. А такъ какъ во всѣхъ помѣстьяхъ заключены уже контракты на производство спеціальнаго межеванія, то сіе самое обстоятельство служитъ доказательствомъ, что крестьяне согласія своего не изъявили и предпочли спеціальное межеваніе частному, хотя по дѣламъ Комитета и явствуетъ, что Валкскою Коммиссіею упо-

треблены были всѣ средства къ склоненію самихъ помѣщиковъ на принятіе частнаго межеванія правиломъ къ составленію непремѣнныхъ вакенбуховъ. При этихъ условіяхъ, когда уже во всѣхъ помѣстьяхъ заключены были контракты на спеціальное межеваніе, Коммиссія не только не могла, но и не долженствовала приневоливать къ произведенію частнаго межеванія.

„2) Маркизъ Паулуччи согласно съ дворянскимъ собраніемъ находитъ невозможнымъ опредѣлить въ точности притязаніе каждаго хозяина на извѣстную долю вознагражденія, въ особенности по той причинѣ, что положеніе многихъ хозяйствъ, со времени выдачи реверсовъ, измѣнилось и даже перемѣнились сами хозяева. Обстоятельство сіе, конечно, могло бы быть признано неудобствомъ, если бы не было предвидѣно въ самомъ § 26, ибо въ семъ § значится именно, что помѣщикъ обязанъ вознаградить не каждаго хозяина, а *крестьянъ*. Слѣдственно, какія бы измѣненія ни произошли въ величинѣ хозяйства и въ самихъ хозяевахъ, не настоитъ ни малѣйшаго затрудненія въ исполненіи требованія закона. Если въ какомъ-нибудь хозяйствѣ прибавилось по обмежеваніи количество земли, то взысканіе должно быть учинено съ того количества, которое находилось до сего прибавленія.

„3) Маркизъ Паулуччи изъясняетъ, что съ тѣхъ помѣщиковъ, кои обязались реверсами на основаніи § 25 инструкціи 1804 года [1]), не слѣдуетъ чинить никакого взысканія; ибо оцѣнка, по коей они согласились взимать повинности, установлена самимъ закономъ. Соглашаясь съ симъ мнѣніемъ, Комитетъ однако же не можетъ не принять во уваженіе, что оцѣнка сія установлена была только на шесть лѣтъ и что слѣдственно тѣ, кои пользовались временнымъ правиломъ симъ болѣе предоставленнаго срока, равно какъ и прочіе должны вознаградить крестьянина за все то время, въ продолженіе котораго сверхъ назначеннаго срока они пользовались непринадлежащими имъ повинностями.

„4) Равнымъ образомъ маркизъ Паулуччи, согласно съ

[1]) Т. е. на нормальное количество земли по 10 талеровъ съ осьмерника, по 20 съ четверника и т. д.

дворянскимъ собраніемъ, признаетъ справедливымъ не чинить взысканія и съ тѣхъ помѣщиковъ, кои заключили съ крестьянами добровольныя сдѣлки. Комитетъ находитъ сіе мнѣніе заслуживающимъ уваженія, но оное не иначе можетъ быть приведено въ дѣйствіе, какъ по точномъ удостовѣреніи, что крестьяне добровольно отказались отъ предоставленнаго имъ вознагражденія.

„5) Маркизъ Паулуччи полагаетъ чинить взысканіе съ тѣхъ только помѣщиковъ, кои въ выданныхъ реверсахъ назначили повинностей болѣе, нежели сколько слѣдовало по числу гаковъ крестьянскихъ земель; но и при семъ случаѣ нужнымъ находитъ принять во уваженіе, что межеваніе не было окончено ими по слѣдующимъ причинамъ: 1) по недостатку ревизоровъ; 2) по причинѣ поземельныхъ споровъ съ казенными имѣніями; 3) по причинѣ бывшаго въ 1807 и 1808 годахъ неурожая; 4) по причинѣ послѣдовавшей войны и 5) по причинѣ послѣдовавшей кончины нѣкоторыхъ ревизоровъ, не докончившихъ законтрактованнаго межеванія. Что касается до неурожая и до послѣдствій войны, то сіи оба обстоятельства равное должны были имѣть дѣйствіе какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, и Комитетъ не имѣетъ въ виду документовъ, по которымъ бы явствовало, что, по причинѣ неурожая и войны, крестьяне менѣе отправляли на помѣщика работъ и повинностей, а если они не въ состояніи были внести слѣдовавшихъ съ нихъ оброковъ натурою, то, вѣроятно, помѣщиками внесены оные въ число долговъ на крестьянахъ, и потому справедливость требовала бы, коль скоро не взыскивать съ помѣщиковъ за то время, въ которое были неурожаи и война, то равнымъ образомъ не взыскивать и долговъ, которые въ сіе время крестьянами были сдѣланы. Что же касается до недостатка и до кончины нѣкоторыхъ ревизоровъ, то сіи обстоятельства могли бы приняты быть въ уваженіе тогда только, когда бы дѣйствительно доказано было надлежащими документами, что помѣщикъ употреблялъ всѣ старанія къ пріисканію оныхъ; но по актамъ Комитета видно, напротивъ, что ревизоровъ въ Лифляндіи находится достаточное число и что нѣкоторые помѣщики не только не старались о пріисканіи ревизоровъ, но даже всѣми способами

уклонялись отъ принятія тѣхъ, кои пріисканы были самою коммиссіею. Наконецъ, что касается до поземельныхъ споровъ съ казенными помѣстьями, то хотя сіе могло бы послужить нѣкоторымъ оправданіемъ въ пользу нѣкоторыхъ помѣщиковъ, однако же, поелику сіе касается до однѣхъ только границъ, а не до цѣлаго помѣстья, и по актамъ Комитета явствуетъ, что многіе и изъ таковыхъ помѣстій окончили уже межеваніе, когда усмотрѣли въ томъ свою выгоду, то и въ семъ случаѣ несправедливо было бы всю потерю, отъ продолженія ревизіи происходящую, возлагать на одного крестьянина, который ни мало въ томъ не виноватъ и нѣсколько уже лѣтъ тщетно ожидаетъ обѣщаннаго ему облегченія въ работахъ.

„Впрочемъ, если бы и всѣ приводимыя дворянствомъ причины заслуживали полнаго уваженія, то и тогда Комитетъ не могъ бы входить къ Государю Императору съ докладомъ объ отмѣнѣ закона, который, какъ выше сказано, для того нарочно установленъ былъ, чтобы побудить помѣщиковъ къ скорѣйшему окончанію не только межеванія, но и самой ревизіи въ то время, когда еще и половины вакенбуховъ не роздано“.

Понятно, что это рѣшеніе дворянству не понравилось, и не далѣе, какъ на первомъ слѣдовавшемъ за тѣмъ ландтагѣ 1818 года, оно черезъ военнаго губернатора выразило свою готовность на безземельное освобожденіе крестьянъ подъ разными, впрочемъ, условіями и въ томъ числѣ закрытія Петербургскаго Лифляндскаго Комитета и Рижскаго его Отдѣленія. Иными словами: ландтагъ требовалъ отъ правительства, чтобы оно напередъ обязалось принять на вѣру будущее Положеніе, къ составленію котораго намѣревалось приступить дворянство, не подвергая его критическому разсмотрѣнію. Какъ ни странно было это условіе, военный губернаторъ одобрилъ его, а Государь принялъ и исполнилъ [1]). Въ слѣ-

[1]) Въ именномъ указѣ Сенату 26 марта 1819 года (№ 27734) мы читаемъ: „Существующій нынѣ въ Санктпетербургѣ Комитетъ Лифляндскихъ дѣлъ и въ Ригѣ Отдѣленіе онаго упразднить, съ тѣмъ, чтобы всѣ имѣющіяся въ оныхъ карты, вакенбухи и другія въ архивахъ хранящіяся дѣла переданы были Валкской ревизіонной Межевой Коммиссіи“.

дующемъ 1819 г. утверждено было новое Положеніе о крестьянахъ. Они прочли въ немъ между прочимъ слѣдующую статью (XIV): „Въ числѣ прежнихъ постановленій, *уничтожаемыхъ нынѣ установленными правилами, находится и та отвѣтственность (по реверсамъ)*, которую помѣщики на себя приняли въ 1804 и послѣдующихъ годахъ въ неотмежеванныхъ (т. е. немежеванныхъ) помѣстьяхъ; а посему оная и *теряетъ нынѣ свою силу и дѣйствіе* [1]).

Такимъ-то образомъ, подъ шумомъ поздравленій и рукоплесканій, которыми встрѣчена была въ Петербургѣ великодушная жертва лифляндскаго дворянства, „руководимаго во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ духомъ истиннаго благородства“ (подлинныя слова Высочайшаго указа [2]), оно незамѣтнымъ образомъ списало со своего счета безпокоившій его долгъ, и самая память объ этой скидкѣ исчезла такъ безслѣдно, что ни въ одномъ изъ многихъ сочиненій, писанныхъ по поводу крестьянской реформы въ Лифляндіи, нѣтъ объ ней и помина. Оказывается, что Положеніе 1804 г. не только не дало никакихъ результатовъ, но даже не было окончательно приведено въ исполненіе; пока разныя коммиссіи и комитеты сбирались ввести его въ дѣйствіе, крестьяне *временно* (т. е. въ продолженіе цѣлыхъ 15 лѣтъ) оставались въ прежнемъ, болѣе чѣмъ тяжеломъ statu quo, въ которомъ засталъ ихъ первый павшій на нихъ съ высоты престола доброжелательный взглядъ, а наканунѣ того дня, когда обѣщанное закономъ должно было осуществиться, крестьянъ неожиданно постигъ непрошенный даръ такъ называемой свободы, и Положеніе, въ которое они едва успѣли всмотрѣться, навсегда пронеслось мимо.

Въ довершеніе, для ироніи, оставалось еще согнать крестьянъ со всѣхъ концовъ Лифляндіи и ихъ же заставить отпраздновать, какъ счастливое событіе, тотъ законодательный переломъ, съ котораго начался рѣшительный упадокъ ихъ благосостоянія. Сдѣлали и это въ 1869 году, въ юбилей такъ называемаго освобожденія.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ 1819 года № 27735.

[2]) Полное Собраніе Законовъ 1819 года № 27333.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛАТЫШИ.

*

Весь III-й выпускъ „Окраинъ Россіи“, озаглавленный „Православные Латыши“ и помѣщенный въ VIII т. сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, посвященъ изложенію религіознаго движенія въ Лифляндіи въ 1841—1844 годахъ. Въ концѣ предисловія къ означенному выпуску Ю. Ѳ. писалъ: „Надѣюсь издать въ скоромъ времени вторую часть исторіи православія въ Лифляндіи (періодъ отъ 1845 до 1848 годовъ), а затѣмъ нѣкоторые матеріалы относящіеся къ позднѣйшему времени“. И дѣйствительно, вторая часть была уже въ то время (въ 1870 г.) частью написана. Сохранившееся начало этого изслѣдованія, предназначавшагося для одного изъ слѣдующихъ выпусковъ „Окраинъ Россіи“, печатается здѣсь, по черновой рукописи Ю. Ѳ-ча, подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и III-й выпускъ, „Православные Латыши“ и съ обозначеніемъ, согласно намѣренію самого автора, „Періодъ второй. 1845—1848 г.“ Д. С.

*

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

1845—1848 г.

Волненіе лифляндскихъ крестьянъ 1841 года, подавленное жестокими карательными мѣрами нами описанными, безъ малѣйшаго сомнѣнія обусловливалось въ значительной степени бѣдственнымъ положеніемъ, въ которое они были приведены закономъ 1819 года, даровавшимъ имъ мнимую свободу и въ то-же время выхватившимъ изъ-подъ ихъ ногъ землю, издавна за ними укрѣпленную въ пользованіе. На это указывалъ графъ Строгановъ; это было, наконецъ, признано барономъ Паленомъ; въ этомъ убѣжденъ былъ и покойный Государь Императоръ. Баронъ Паленъ и вслѣдъ за нимъ нѣкоторые изъ лифляндскихъ дворянъ шли еще далѣе: они утверждали, что въ безотчетномъ стремленіи крестьянъ къ переходу въ православіе не было даже тѣни религіознаго побужденія и что перемѣна вѣры была не болѣе какъ совершенно случайнымъ проявленіемъ положительно-дознаннаго упадка хозяйственнаго ихъ быта. Это объясненіе, не смотря на его односторонность, а, можетъ быть, благодаря именно этой односторонности, находило вѣру во вліятельныхъ сферахъ и, повидимому, удовлетворяло высшее правительство. Итакъ, можно было ожидать, что приняты будутъ скорыя и рѣшительныя мѣры, по крайней мѣрѣ, для улучшенія вещественной обстановки крестьянъ. Тогдашнія обстоятельства, болѣе чѣмъ когда либо, благопріятствовали радикальному въ этомъ отношеніи преобразованію, и нѣтъ сомнѣнія, что оно бы непре-

мѣнно совершилось и очень скоро во всякой другой губерніи, только не въ Лифляндіи, надъ которой ни законъ логической послѣдовательности, ни законъ исторической необходимости, кажется, не имѣютъ силы. Правда, вопросъ былъ поставленъ; но, по заведенному порядку, онъ отданъ былъ на разрѣшеніе тому самому дворянскому сословію, которое такъ ловко соблазнило правительство на безземельное освобожденіе крестьянъ. Началось дѣло о пересмотрѣ Положенія 1819 г., но оно пошло въ затяжку, раздробилось на мелочи и какъ-то очень скоро засорилось, подобно тѣмъ рѣкамъ, повидимому полноводнымъ, которыя постепенно мелѣютъ и, не дойдя до моря, исчезаютъ въ пескахъ и въ тинѣ [1]).

Въ исходѣ 1841 года, баронъ Паленъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, предложилъ дворянскому конвенту положить предѣлъ произвольному отобранію усадьбъ у крестьянъ-хозяевъ, иными словами: возстановить право крестьянъ на наслѣдственное пользованіе крестьянскою землею и, если окажется невозможныхъ замѣнить оброкомъ чрезмѣрно у в е л и ч е н н у ю въ п о с л ѣ д н е е в р е м я б а р щ и н у (такъ выражался генералъ-губернаторъ), то, по крайней мѣрѣ, опредѣлить обязательною нормою высшій размѣръ издѣльной повинности. Словомъ—баронъ Паленъ хотѣлъ, не касаясь личныхъ правъ пріобрѣтенныхъ крестьянами въ 1819 году, вернуться къ основнымъ началамъ прежнихъ законоположеній 1804 и 1809 годовъ, которыми обезпечивался ихъ хозяйственный бытъ. Конвентъ, для разработки этихъ предложеній, назначилъ изъ своей среды приготовительную коммиссію, въ составъ которой вошли также нѣкоторые члены по назначенію отъ генералъ-губернатора, такъ называемую Дерптскую Коммиссію 1842 года, которая, въ длинномъ ряду предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за нею, до сихъ поръ сіяетъ какъ звѣзда первой величины по сравнительной своей добросовѣстности. Она разоблачила вредныя послѣдствія системы безземельнаго освобожденія (которую въ прошломъ году съ такимъ торжествомъ отпраздновало лифляндское рыцарство), раскрыла всю несостоятель-

[1]) Въ своемъ родѣ единственный и въ высшей степени поучительный ходъ этого дѣла будетъ подробно разсказанъ въ особомъ изслѣдованіи о крестьянской реформѣ въ Лифляндіи.

ность и внутреннюю ложь мнимо-добровольныхъ соглашеній и, въ томъ же 1842 году, представила собравшемуся ландтагу рядъ своихъ предположеній, обнимавшихъ всѣ стороны крестьянскаго быта. Предполагалось между прочимъ: укрѣпить навсегда крестьянскую землю за крестьянскимъ сословіемъ на правѣ вѣчнаго, неотъемлемаго пользованія; возстановить обязательную силу вакенбуховъ какъ высшей нормы издѣльной повинности; оградить крестьянъ отъ личнаго порабощенія подъ предлогомъ взысканія съ нихъ долговъ. Нисколько не отрицая и не умаляя заслуги Дерптской Коммиссіи, особенно нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, искренно желавшихъ оказать крестьянамъ справедливое облегченіе, нельзя въ то-же время не признать, что готовность на уступки, обнаружившаяся въ общемъ направленіи ея трудовъ, въ значительной степени обусловливалась происшествіями 1841 года. Впечатлѣніе ими произведенное, въ то время, еще не успѣло остыть; дворянство было сильно напугано и охотнѣе, чѣмъ во всякое другое время, подалось бы на коренное преобразованіе. Нужно было только воспользоваться этимъ настроеніемъ; но, къ сожалѣнію, имъ не воспользовались, а, напротивъ, какъ будто нарочно, оттянули разрѣшеніе до той поры, пока воспоминаніе о недавнихъ волненіяхъ не утратило своей свѣжести и не вытѣснилось обычными побужденіями своекорыстнаго помѣщичьяго произвола. Это совершилось необычайно быстро.

Началось съ того, что ландтагъ (въ февр. 1842 года), разумѣется, сузилъ задачу, поставленную Дерптскою Коммиссіею, и, откинувъ предложенныя ею радикальныя мѣры, представилъ отъ себя другой проектъ въ 111 пунктахъ, который хотя, конечно, и не достигалъ цѣли, но все-таки до нѣкоторой степени облегчилъ бы положеніе крестьянъ. Генералъ-губернаторъ извлекъ изъ него 22 пункта, по его мнѣнію, требовавшіе немедленнаго утвержденія, впрочемъ не безъ существенныхъ измѣненій, предложенныхъ имъ въ пользу крестьянъ. Благодаря его настойчивости, 22 Дополнительныя Статьи къ Положенію 1819 года, почти въ томъ видѣ въ какомъ онѣ были имъ измѣнены, удостоились, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайшаго утвержденія, минуя не только Государственный Совѣтъ, но и Остзейскій Комитетъ, въ ис-

ходѣ марта 1842 г., впрочемъ только въ видѣ опыта и впредь до окончательнаго разсмотрѣнія всего проекта, представленнаго дворянствомъ. Это былъ, кажется, первый примѣръ такого разрѣшенія, и съ него, къ несчастью, начался цѣлый рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ экспериментовъ надъ бѣдными лифляндскими крестьянами. Для Россіи, Дополнительныя Правила 1842 г. остались секретомъ; въ Полномъ Собраніи Законовъ они почему-то не нашли мѣста. Лифляндская ландратская коллегія разослала ихъ во всѣ вотчинныя конторы Лифляндіи, прямо отъ себя, при замѣчательномъ циркулярѣ 4 апрѣля 1842 г., въ которомъ значилось, между прочимъ, слѣдующее: „Всѣ помѣщики края должны съ чувствомъ вѣрноподданнической благодарности сознать, что Государь Императоръ, находя нужнымъ преобразовать крестьянскій бытъ, сложившійся на основаніи крестьянскаго Положенія 1819 года, всемилостивѣйше соизволилъ ввести эти преобразованія и относящіяся къ нимъ законоположенія, какъ бы въ видѣ выраженія (не державной воли), а единственно дворянскаго великодушія, дабы такимъ способомъ, почетнымъ и въ равной мѣрѣ успокоительнымъ, возстановить поколебленное въ последнее время (?) довѣріе крестьянъ къ вотчинному начальству“. Само собою разумѣется, что тонкій изобрѣтатель этой, въ своемъ родѣ образцовой фразы, покойный ландратъ Самсонъ, лучше чѣмъ кто-либо, зналъ, что 22 ничтожныя статейки не могли измѣнить нравственныхъ отношеній двухъ сословій; но онъ мастерски воспользовался случаемъ, подъ предлогомъ выраженія признательности, присовѣтовать высшему правительству не вмѣшиваться въ лифляндскія дѣла и кстати закинуть мысль, что дворянство де отнюдь невиновно въ волненіяхъ крестьянъ, что до послѣдняго времени (то есть до начала какихъ-то мнимыхъ подпольныхъ интригъ православнаго духовенства) народъ будто бы только что не молился на вотчинныя конторы, а потому пусть теперь каются тѣ, которые злонамѣренно потрясли въ немъ прежнее довѣріе къ его благодѣтелямъ. Это былъ урокъ и въ то же время протестъ, а придраться было не къ чему, чуть ли даже не приходилось восхищаться поспѣшностью, съ которою дворянство хваталось за всякій поводъ излить передъ престоломъ

свои вѣрноподданническія чувства. Сущность упомянутыхъ 22-хъ пунктовъ (опубликованныхъ 30 марта 1842) заключалась въ возстановленіи высшей нормы издѣльной повинности, исчисленной по вакенбухамъ на основаніи Положеній (1804 г. и 1809 г.), предшествовавшихъ упраздненію крѣпостнаго права. Силѣ этого правила, по личному настоянію генералъ-губернатора, дано было въ пользу крестьянъ обратное дѣйствіе на условія, заключенныя до его утвержденія, т. е. допущено было, какъ общее правило, обязательное и повсемѣстное пониженіе размѣра барщины до возстановленной нормы. Однако же въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ барщина отбывалась въ высшемъ размѣрѣ, помѣщикамъ оставлено было право доказать, производствомъ на ихъ счетъ новаго измѣренія и новой оцѣнки крестьянскихъ земель, что прежній размѣръ повинности, установленной въ вакенбухахъ, не соотвѣтствовалъ дѣйствительному количеству и стоимости крестьянской земли; такого рода переоцѣнка допускалась впослѣдствіи не ранѣе какъ черезъ 25 лѣтъ. Опредѣлены были правила отработки прогульныхъ дней и производства работъ урочныхъ и безурочныхъ, въ особенности гуртовыхъ (сгономъ или въ раздѣлъ); запрещено было наряжать на барщину болѣе половины работниковъ, по закону полагаемыхъ на крестьянское хозяйство, дабы другая половина могла заниматься домашними работами и т. д. [1]).

Всѣ эти статьи и нѣкоторыя другія менѣе существенныя свидѣтельствовали, конечно, о добрыхъ намѣреніяхъ Дерптской Коммиссіи и барона Палена, а еще болѣе о крайней необезпеченности свободныхъ лифляндскихъ крестьянъ отъ произвола землевладѣльцевъ; но едва ли нужно доказывать, что такого рода полумѣры не могли произвести ощутительнаго въ этомъ отношеніи улучшенія. Онѣ были крайне недоста-

---

[1]) Вышеприведенное содержаніе Дополнительныхъ Правилъ извлечено изъ записки, составленной, по порученію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, А. В. Головнинымъ (впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія), и изъ сравнительнаго свода законоположеній о лифляндскихъ крестьянахъ 1804, 1809, 1819 и 1842 годовъ, составленнаго мною для Крестьянскаго Комитета 1845 года. Подробному разбору этихъ законоположеній посвящено будетъ особое изслѣдованіе; здѣсь же болѣе подробное изложеніе этихъ правилъ считается излишнимъ, такъ какъ они вскорѣ были замѣнены другими.

точны сами по себѣ, а введеніе ихъ въ дѣйствіе и наблюденіе за ихъ исполненіемъ все-таки безусловно оставлялись въ рукахъ дворянскаго сословія, большинство котораго встрѣтило проектъ своей коммиссіи далеко несочувственно. Самъ баронъ Паленъ, этотъ коренастый остзейскій аристократъ, всею душою преданный интересамъ своего сословія, но въ то же время дѣятель честный, сознавалъ хорошо недостаточность проведенныхъ имъ, не безъ большихъ усилій, паліативныхъ мѣръ, и, не встрѣчая въ высшемъ правительствѣ никакой поддержки своимъ добрымъ намѣреніямъ, рѣшился взять на личную свою отвѣтственность мѣру болѣе радикальную. Онъ распорядился, чтобы, впредь до Высочайшаго утвержденія всѣхъ его предположеній, помѣщики не смѣли по своему произволу отказывать хозяевамъ въ дальнѣйшемъ содержаніи ихъ дворовъ и чтобъ удаленіе ихъ допускаемо было не иначе, какъ по судебнымъ приговорамъ, то есть въ случаѣ неисполненія хозяевами контрактныхъ условій и другихъ съ ихъ стороны провинностей. Такое распоряженіе, дѣлающее великую честь характеру и политической добросовѣстности барона Палена, но въ формальномъ отношеніи, конечно, неправильное, не прошло ему даромъ. Испрошенное имъ изгнаніе изъ Риги преосвященнаго Иринарха, утвержденные имъ приговоры военныхъ судовъ надъ крестьянами, вся вообще прежняя усердная служба его дворянству и лютеранству—все это было забыто. Лифляндскій предводитель баронъ Мейндорфъ поскакалъ въ Петербургъ и подалъ на генералъ - губернатора жалобу, въ которой обвинялъ его въ самовольномъ нарушеніи неограниченнаго права помѣщиковъ распоряжаться, какъ они знаютъ, своею собственностью. Вотъ до чего дошло дѣло. Жалоба отъ лица дворянства на барона Палена! Кто бы этому повѣрилъ не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ? На сдѣланный ему запросъ, баронъ Паленъ отвѣчалъ, что, по заявленію Дерптской Дворянской Коммиссіи и по его собственному убѣжденію, произвольные отказы заключали въ себѣ главную причину неудовольствія крестьянъ и что хотя дѣйствительно ландтагъ отвергъ не только предложенное ему пожертвованіе этимъ правомъ, но даже и временное пріостановленіе его дѣйствія, однако онъ, какъ главный начальникъ края, отвѣ-

чающій за его спокойствіе, счелъ необходимымъ, въ настоящемъ случаѣ, навремя отступить отъ закона. Такія ли еще отступленія и до него, а особенно послѣ него, сходили съ рукъ остзейскимъ генералъ-губернаторамъ; но на сей разъ онъ шелъ наперекоръ всемогущему сословію, и потому прямодушное его объясненіе не избавило его отъ Высочайшаго замѣчанія. Сдѣланное имъ превышеніе власти было поставлено ему на видъ, и онъ вынужденъ былъ, взявъ назадъ свое распоряженіе, смириться передъ дворянскимъ конвентомъ.

Затѣмъ, приступлено было къ разсмотрѣнію 111 статей, предложенныхъ ландтагомъ, и возраженій, сдѣланныхъ на нихъ барономъ Паленомъ. Созванъ былъ Остзейскій Комитетъ, въ то время состоявшій изъ графа Бенкендорфа, барона и графа Паленовъ, барона Гана, министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и трехъ депутатовъ отъ лифляндскаго дворянства. Но въ первое же засѣданіе, 15 октября 1842 года, Комитетъ призналъ разсмотрѣніе дѣла въ существѣ преждевременнымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что замѣчанія и возраженія барона Палена на представленный дворянствомъ проектъ не были еще въ виду дворянства, и потому испросилъ Высочайшаго разрѣшенія созвать для обсужденія ихъ чрезвычайный ландтагъ. Изобрѣтеніемъ этой оттяжки Комитетъ добровольно вступалъ въ безвыходный кругъ, въ которомъ можно было вертѣться до скончанія вѣка, не дѣлая ни шага впередъ. Ландтагъ обсуждалъ проектъ своей Коммиссіи, многое отбросилъ, кое-что передѣлалъ и представилъ отъ себя новыя предположенія, какъ проектъ всего дворянскаго сословія; генералъ-губернаторъ, внося этотъ проектъ въ министерство, приложилъ къ нему свое заключеніе, въ которомъ онъ почти ничего новаго не предлагалъ отъ себя, а только отстаивалъ отвергнутыя предположенія дворянской коммиссіи. Если, при такомъ положеніи дѣла, признавалось необходимымъ переслать это заключеніе обратно въ Ригу на разсмотрѣніе ландтага, то, съ другой стороны, нельзя же было не предвидѣть, что, когда состоится по этому предмету постановленіе собранія, генералъ-губернаторъ отправитъ его въ Петербургъ опять-таки при какомъ нибудь отзывѣ отъ себя. Тогда, по бывшему прежде примѣру, пришлось бы и этотъ отзывъ

препроводить обратно на разсмотрѣніе дворянства, чтобы послѣднее слово не осталось за генералъ-губернаторомъ и такъ далѣе, безъ конца. Очевидно, Петербургское Министерство Остзейскихъ Дѣлъ домогалось только одного: какъ бы отсрочить разрѣшеніе и выиграть время. Предложеніе его было принято, но не безусловно. Покойный Императоръ нашелъ, „что всякое многочисленное собраніе не въ состояніи разобрать подробно дѣла", и повелѣлъ, для предположенной цѣли, выбрать дворянству изъ своей среды особую коммиссію изъ пяти членовъ.

По смыслу Высочайшей воли, коммиссія должна была въ этомъ случаѣ замѣнить ландтагъ, но она самопроизвольно стѣснила свою задачу, отказавъ себѣ въ правѣ судить о предположеніяхъ послѣдняго ландтага и ограничилась составленіемъ подробныхъ опроверженій на всѣ возраженія барона Палена. Мало того, она съ невѣроятною, но (какъ доказали послѣдствія) очень вѣрно разсчитанною смѣлостью, отвергла даже признанные Дерптскою Коммиссіею факты неудовлетворительнаго положенія крестьянъ и, не опуская глазъ, не краснѣя, увѣряла, что неудовольствіе ихъ не имѣетъ ничего общаго съ отобраніемъ у нихъ земель, которыми они издревле пользовались [1]). Какъ замѣчательное доказательство быстроты, съ которою мѣнялись, благодаря колебаніямъ высшаго правительства, воззрѣнія ободрившагося дворянства, не мѣшаетъ кстати замѣтить, что изъ пяти членовъ послѣдней коммиссіи, двое были членами дерптской и подписали ея заключеніе. На возраженія послѣдней коммиссіи баронъ Паленъ представилъ контръ-возраженія, и все дѣло вновь поступило въ мартѣ 1843 года въ Остзейскій Комитетъ, который въ этомъ случаѣ превзошелъ самого себя.

Отдавшись безусловно, съ какимъ-то непостижимымъ ослѣпленіемъ въ руки ультраконсерваторовъ, онъ не только

---

[1]) Вотъ образчикъ ихъ аргументаціи: „Неограниченное право владѣльца сгонять хозяевъ, по истеченіи срока заключенныхъ съ ними контрактовъ, совершенно безвредно, ибо отказъ хозяину въ дальнѣйшемъ содержаніи двора въ одномъ помѣстьѣ вовсе еще не низводитъ его въ разрядъ бездомныхъ бродягъ. Онъ *легко* (?!) можетъ найти мѣсто у другого помѣщика или опредѣлиться въ *работники* (!) къ какому нибудь хозяину".

не поддержалъ барона Палена, но легкомысленно пожертвовалъ уступками, предложенными въ пользу крестьянъ Дерптскою Коммиссіею. Въ попятномъ своемъ движеніи, онъ даже не остановился ни на проектѣ ландтага 1842 года, ни на 22-хъ Дополнительныхъ Статьяхъ, а ступилъ еще нѣсколько шаговъ назадъ и рѣшительно отвергъ всякое ограниченіе въ правѣ помѣщика распоряжаться землею, которою пользовались крестьяне, отвергъ даже возстановленіе обязательной силы вакенбуховъ, въ смыслѣ опредѣленія высшей нормы издѣльной повинности, на что соглашались весьма многіе изъ лифляндскихъ дворянъ; словомъ, вопреки очевидности, вопреки тяжелому опыту послѣднихъ годовъ, вопреки настойчивымъ свидѣтельствамъ барона Палена и признанію Дерптской Коммиссіи, онъ имѣлъ мужество заявить, что бытъ крестьянъ съ 1819 года улучшился, и предложилъ признать Положеніе этого года неизмѣннымъ и окончательнымъ, съ самыми лишь незначительными дополненіями и поправками. Наконецъ, Комитетъ испрашивалъ разрѣшенія внести проектированныя имъ дополнительныя статьи, въ числѣ 77, прямо на Высочайшее утвержденіе, минуя Государственный Совѣтъ „такъ какъ онѣ не заключали въ себѣ никакого измѣненія въ общихъ законахъ, опредѣляя только правила о дворянскихъ имѣніяхъ, составленныя по соглашенію съ депутатами отъ дворянства“. Комитетъ какъ будто не замѣчалъ, что вся суть дѣла заключалась въ вопросѣ: нужно или не нужно коренное измѣненіе въ дѣйствующихъ законахъ. Въ половинѣ апрѣля 1843 года, послѣдовало однако Высочайшее повелѣніе внести трудъ Комитета въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь не возникло никакихъ серьезныхъ возраженій на предположенія Комитета; Совѣтъ ничего существеннаго не отвергъ и ничего не внесъ отъ себя. Согласно постановленію Комитета, онъ тоже призналъ нужнымъ подвергнуть Дополнительныя Правила предварительному испытанію и наблюденію на мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы дворянство на первомъ ландтагѣ вошло съ представленіемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя окажутся необходимыми, и потому выразилъ мнѣніе: не облекать новыхъ правилъ въ форму окончательнаго закона, а предоставить министру внутреннихъ дѣлъ привести ихъ въ

исполненіе силою Высочайшаго на его имя рескрипта, котораго впрочемъ отнюдь не обнародовать во всеобщее свѣдѣніе. Итакъ, не говоря уже о томъ, что вся инициатива, разумѣя подъ этимъ изобрѣтеніе новыхъ мѣръ, предоставлена была дворянству и что его же предварительной критикѣ подвергались всѣ замѣчанія главнаго начальника края, даже по троекратномъ обсужденіи всего дѣла въ дворянскихъ коммиссіяхъ и на ландтагѣ, высшее въ государствѣ законодательное учрежденіе все-таки не рѣшилось произнести послѣднее слово и уступило его дворянству. Такое странное недовѣріе Совѣта къ самому себѣ, далеко ему не свойственное въ дѣлахъ иного рода, хотя конечно не менѣе важныхъ, доказываетъ, съ какимъ успѣхомъ Петербургское Министерство Остзейскихъ Дѣлъ мало-по-малу пріучало нашихъ государственныхъ дѣятелей смотрѣть на дѣла прибалтійскаго края съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, какъ на задачи, по своей многосложности и трудности, будто бы превышавшія законодательныя способности русскихъ умовъ. Но еще страннѣе слѣдующее обстоятельство: послѣ рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 іюня 1843 г., содержавшаго въ себѣ Высочайшее повелѣніе ввести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, Дополнительныя Статьи составленныя Остзейскимъ Комитетомъ, послѣдовалъ 4 іюля того же года другой рескриптъ генералъ-губернатору, въ коемъ значилось: „Принимая во вниманіе, что, на основаніи разрѣшенія моего, сіи Дополнительныя Статьи, по разсмотрѣніи на будущемъ ландтагѣ, могутъ подвергнуться измѣненіямъ, я призналъ полезнымъ предоставить вамъ Положеніе 1819 года, въ случаѣ если бы нашли необходимымъ, о чемъ вы мнѣ немедленно донесете, оставить до собранія ландтага въ настоящемъ положеніи, на правилахъ въ 1842 году дворянствомъ принятыхъ и въ видѣ опыта нами одобренныхъ“. Затѣмъ, было еще пояснено, что исполненіе этого рескрипта возлагалось на генералъ-губернатора совокупно съ мѣстною дворянскою коммиссіею по дѣламъ крестьянъ. Стало быть, новыя Дополнительныя Правила, придуманныя не въ Петербургѣ а въ Ригѣ, были приняты Остзейскимъ Комитетомъ, съ согласія депутатовъ отъ дворянства и одобрены Государственнымъ Совѣтомъ;

мнѣніемъ Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 23 іюня 1843 г., рѣшено было ввести ихъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, а въ концѣ концовъ, нѣсколько дней спустя, предоставлено было опять таки дворянству сообразить: вводить ли ихъ или не вводить. Пусть постараются угадать читатели: слѣпой ли случай издѣвался надъ правительствомъ, или незримая рука преднамѣренно тормазила дѣло, въ неотложности котораго, казалось бы, должны были убѣдить всякаго недавнія происшествія и пролитая въ Лифляндіи кровь?

Новыя дополненія къ Положенію 1819 года, утвержденныя 23 іюня 1843 г. и извѣстныя подъ названіемъ 77 правилъ, содержали въ себѣ въ сущности слѣдующія постановленія: 1) Статьи Положенія 1819 года, признавшія за помѣщикомъ право полной собственности и *неограниченнаго пользованія землею* (въ томъ числѣ и крестьянскою), остаются во всей силѣ; слѣдовательно, мысль о возстановленіи неприкосновеннаго крестьянскаго надѣла, признанная Дерптскою Коммиссіею и ландтагомъ 1842 г., окончательно отбрасывается. 2) Въ заложенныхъ въ мѣстномъ кредитномъ учрежденіи имѣніяхъ, на отобраніе крестьянскихъ участковъ, для присоединенія ихъ къ господскимъ угодьямъ, требуется согласіе этого учрежденія. 3) Основныя правила Положенія 1819 года, опредѣляющія взаимныя отношенія крестьянъ, арендующихъ земли у помѣщиковъ, къ владѣльцамъ сихъ земель, остаются также въ прежней силѣ съ нѣкоторыми лишь дополненіями; слѣдовательно, устраняется всякое признанное въ 1842 году справедливымъ и необходимымъ установленіе высшей нормы издѣльной повинности. 4) При возобновленіи или видоизмѣненіи въ какомъ-либо отношеніи дѣйствующихъ между помѣщиками и крестьянами словесныхъ условій о сдачѣ въ арендное содержаніе участковъ, всѣ таковыя условія впредь должны быть заключаемы письменно съ утвержденія приходскихъ судовъ. 5) Приходскій судъ обязанъ не пропускать въ контрактахъ двусмысленныхъ выраженій, которыя могли бы быть истолковываемы въ ущербъ крестьянамъ. 6) При уничтоженіи контракта до истеченія срока, въ случаѣ продажи крестьянскаго двора или сдачи его въ наслѣдственное арендное владѣніе, помѣщикъ обязанъ вознаградить сидѣвшаго на немъ хозяина,

отсчитавъ ему $^1/_{10}$ договоренной ежегодной платы за каждый годъ, остающійся до истеченія срока. 7) Для огражденія крестьянъ, предоставляется дворянству (въ обязанность не вмѣняется) подчинить заключеніе контрактовъ на издѣльную повинность особенному контролю съ правомъ, если дворянство найдетъ это необходимымъ, приставлять опекуновъ къ тѣмъ владѣльцамъ, которые стали бы выговаривать себѣ несоразмѣрно-высокую барщину. Дворянству же предоставляется рѣшить, когда и въ какой формѣ можетъ быть примѣнено это право. 8) Долги крестьянъ прежде всего покрываются продажею ихъ движимости; буде этимъ долгъ не возмѣстится, задолжавшій крестьянинъ можетъ быть понуждаемъ къ отработкѣ своего долга не долѣе одного года; по милованіи этого срока, долгъ съ него слагается, и помѣщикъ лишается права противиться, подъ предлогомъ долга, выходу его изъ имѣнія— прежде крестьянинъ оставался въ безсрочной кабалѣ. При отработкѣ, буде должникъ женатъ, онъ не долженъ быть требуемъ на работу болѣе 4-хъ дней въ недѣлю, съ зачетомъ дня не ниже какъ въ 15 коп. на хозяйскихъ харчахъ. Холостякъ можетъ быть требуемъ на работу ежедневно, а если при этомъ отработка длится долѣе полугода, то владѣлецъ долженъ поставлять ему на свой счетъ, кромѣ харчей, и одежду, которая однако, по отработкѣ, *возвращается владѣльцу* [1]). 9) Запрещено крестьянамъ продавать солому и сѣно безъ испрошенія каждый разъ разрѣшенія у владѣльца, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія или ареста; въ случаѣ вторичнаго нарушенія этого правила, владѣлецъ можетъ требовать удаленія крестьянина изъ усадьбы. 10) Установлены правила относительно способа отбыванія барщины и уроковъ, отчасти заимствованныя изъ 22-хъ Дополнительныхъ Правилъ 1842 г., съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями не въ пользу крестьянъ [2]). Прочія статьи, трактующія о денежныхъ контрактахъ,

---

[1]) Хорошо, что благородное рыцарство вспомнило про эти старые тулупы и куртки; уступить изношенное тряпье человѣку, полгода отрабатывавшему свои долги и лишившемуся всего, было бы слишкомъ неразсчетливо.

[2]) Напримѣръ, по правиламъ 1842 г. въ день барщины полагалось проѣхать съ нагруженнымъ возомъ 25 верстъ (§ 11), а по правиламъ 1843 года, 35 верстъ (10, f.). Правилами 1842 г. воспрещалось требовать отработки прогульныхъ

о наслѣдственныхъ арендахъ и о покупкѣ крестьянами земель, не имѣли, впрочемъ, никакого практическаго значенія, такъ какъ ни одна изъ нихъ не предоставляла крестьянамъ никакого новаго права, и потому онѣ остались почти безъ всякаго примѣненія.

Въ октябрѣ 1843 года генералъ-губернаторъ донесъ, что коммиссія по дѣламъ крестьянъ представила свое заключеніе противъ введенія новыхъ Дополнительныхъ Правилъ, а сдѣлала предположеніе объ измѣненіи первыхъ (разумѣется, въ свою пользу). Это заключеніе, по заведенному порядку, поступило на разсмотрѣніе Остзейскаго Комитета, который не придумалъ ничего лучшаго, какъ созвать чрезвычайный ландтагъ въ январѣ 1844 года. Государь Императоръ на это согласился, но баронъ Паленъ возразилъ, что дворянство разбилось на партіи и что отъ новаго ихъ столкновенія, прежде чѣмъ успѣетъ установиться твердое общественное мнѣніе по вопросу о положеніи крестьянъ, нельзя ожидать прока. Завязалась новая переписка по вопросу: созывать ли чрезвычайный ландтагъ или выждать очередного, и что̀ дѣлать до тѣхъ поръ? Опять опрошено было дворянское представительство (конвентъ) и, согласно съ его мнѣніемъ, послѣдовало Высочайше утвержденное заключеніе Остзейскаго Комитета: для окончательнаго обсужденія 77 Дополнительныхъ Статей собрать обыкновенный ландтагъ, вмѣсто февраля 1845 г., въ сентябрѣ 1844 года, а между тѣмъ оставить въ силѣ Положеніе 1819 года съ Дополнительными 22-мя Статьями, введенными въ видѣ опыта. На сентябрьскомъ ландтагѣ 1844 г.,

---

дней позднѣе, какъ на слѣдующей недѣлѣ (§ 3), а въ правилахъ 1843 года эта статья, равно какъ и многія другія, введенныя въ видахъ огражденія крестьянъ отъ чрезмѣрныхъ вымогательствъ, была пропущена и тѣмъ самымъ отмѣнена. Правилами 1842 г. воспрещалось требовать болѣе 12 рабочихъ часовъ на барщинѣ въ сутки (§ 12), а въ правилахъ 1843 г. это правило сохранено, но съ небольшою прибавкою: *на кругъ въ теченіе всего года*; стало быть, въ виду того, что зимою трудно было работать долѣе 8-ми часовъ, можно было лѣтомъ держать на работѣ хотя бы 16 часовъ (§ 10, h). Эта невинная приписка, разумѣется, проскользнула незамѣтно, но для характеристики дворянскихъ пріемовъ она любопытна. И этимъ людямъ въ Петербургѣ вѣрили на слово и имъ отдавали въ руки судьбу крестьянъ.

ультраконсервативная партія взяла уже рѣшительный перевѣсъ—благопріятная минута для необходимаго преобразованія была безвозвратно упущена, и слѣдовательно, трехъ-лѣтнее предвамѣренное задерживаніе разрѣшенія достигло своей цѣли. Всякое ограниченіе права помѣщика распоряжаться землею, состоявшею въ пользованіи крестьянъ, какъ полною своею собственностью, всякое обязательное опредѣленіе высшаго размѣра барщины и способа ея отбыванія, словомъ, всѣ уступки, на которыя соглашался ландтагъ 1842 года, были отвергнуты огромнымъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, и дворянство постановило ходатайствовать о приведеніи въ дѣйствіе тѣхъ 77 Дополнительныхъ Статей, которыя были разсмотрѣны и одобрены Государственнымъ Совѣтомъ. Это значило вернуться опять къ гибельнымъ основаніямъ 1819 года.

Баронъ Паленъ, конечно, не могъ не считать дѣла проиграннымъ и не предугадывать, что одинокій его голосъ ничего не сдѣлаетъ противъ огромнаго большинства лифляндскаго дворянства, которое вело за собою на буксирѣ Остзейскій Комитетъ и Государственный Совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, для успокоенія своей совѣсти, онъ рѣшился еще разъ испытать силу очевидной правды противъ своекорыстной стачки интересовъ и во всеподданнѣйшемъ рапортѣ изложилъ подробно свои соображенія. Хотя, по его словамъ, „извѣстные ему примѣры произвола помѣщиковъ въ употребленіи предоставленнаго имъ права отказывать крестьянамъ въ пользованіи ихъ усадьбами возбуждали въ народѣ *справедливыя* жалобы и могли подать поводъ къ нарушенію только что возстановленнаго порядка", но о возстановленіи неприкосновеннаго крестьянскаго надѣла онъ уже не смѣлъ ходатайствовать, а ограничивался только требованіемъ установленія высшей нормы издѣльной повинности. Не далѣе, какъ полтора года тому назадъ (писалъ баронъ Паленъ) обнародованы Высочайше утвержденныя Дополнительныя Правила, которыми размѣръ и способъ отбыванія барщины ограничены и опредѣлены въ точности; въ необходимости ихъ правительство убѣдилось долгимъ и горькимъ опытомъ; введеніе ихъ въ дѣйствіе оказало благотворное вліяніе на успокоеніе кре-

стьянъ, которые увидали въ нихъ благодѣтельное облегченіе въ отбываніи барщины; а нынѣ хотятъ упразднить эти Правила и вернуться къ прежнимъ ничѣмъ неограниченнымъ договорнымъ отношеніямъ, вызвавшимъ недавнія волненія. Восхваляютъ *такъ называемыя добровольныя соглашенія* между помѣщиками и издѣльными крестьянами, но при этомъ упускается изъ виду, что крестьяне *очень часто, по причинѣ бѣдности своей, вынуждены искать усадьбъ подъ условіемъ отбыванія барщины на какихъ бы то ни было условіяхъ имъ предлагаемыхъ, только чтобъ имѣть существованіе и убѣжище.* Этимъ нарушается мнимая свобода соглашеній и налагается на правительство обязанность принять какія либо мѣры для огражденія слабѣйшей стороны отъ *чрезмѣрныхъ и отяготительныхъ повинностей,* которыя на него налагались. Правда, и въ 77-ми Дополнительныхъ Правилахъ предполагается поручить приходскимъ судамъ повѣрку контрактовъ и наблюденіе за точнымъ и правильнымъ опредѣленіемъ уроковъ и способовъ отбыванія повинностей; но этимъ отчасти ограждаются отъ произвольныхъ вымогательствъ только работники, наряжаемые на барщину, самый же размѣръ барщины, иначе общее число рабочихъ дней договоренныхъ съ участка, остается неограниченнымъ. Правда и то, что дворянство предоставляетъ себѣ контроль надъ всѣми помѣщиками и даже право приставлять отъ себя опекуновъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые были бы уличены въ чрезмѣрныхъ вымогательствахъ; но, при отсутствіи закона, опредѣляющаго мѣру справедливыхъ требованій, такой контроль превратится въ невыносимый произволъ или останется на бумагѣ мертвою фикціею. Въ заключеніе, баронъ Паленъ, какъ кажется, мало разсчитывавшій на успѣхъ своихъ несомнѣнно основательныхъ и честныхъ предостереженій, просилъ, по крайней мѣрѣ, не придавать 77-ми Дополнительнымъ Правиламъ силы окончательнаго закона, а ввести ихъ въ дѣйствіе, если ужъ это считалось необходимымъ, на время и въ видѣ опыта. Судя по прежнему ходу дѣла, этотъ послѣдній протестъ долженъ былъ остаться, какъ и прежніе, безъ всякихъ послѣдствій; но на сей разъ баронъ Паленъ нашелъ сильнаго союзника въ лицѣ министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева, незадолго передъ этимъ занявшаго

мѣсто въ Остзейскомъ Комитетѣ. [1]). Онъ одинъ противъ всѣхъ взялъ въ свои руки интересы беззащитныхъ крестьянъ и вытребовалъ таки признаніе необходимости оградить ихъ отъ чрезмѣрнаго возвышенія повинностей. Журналомъ Комитета Высочайше утвержденнымъ 23 января 1845 года было постановлено: 1) немедленно обнародовать законнымъ порядкомъ и привести въ дѣйствіе новыя Дополнительныя Правила. разсмотрѣнныя Государственнымъ Совѣтомъ въ 1843 году; 2) вмѣнить въ обязанность дворянству опредѣлить на первомъ обыкновенномъ ландтагѣ правила надзора, чтобы помѣщики, при заключеніи контрактовъ, не обременяли крестьянъ слишкомъ тягостными условіями; 3) до законнаго утвержденія этихъ ожидаемыхъ правилъ, оставить вакенбухи нормою всѣхъ условій между владѣльцами и крестьянами съ тѣмъ, что тамъ, гдѣ существующія нынѣ повинности ниже урочныхъ, онѣ не могутъ быть возвышены, а гдѣ барщина значительнѣе вакенбухами опредѣленной, она должна быть ограничена до размѣра послѣдней до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ посредствомъ перемежеванія не докажетъ, что цѣнность предоставленной крестьянамъ земли даетъ ему на основаніи самыхъ вакенбуховъ право на бо́льшее возмездіе; 4) для окончательнаго замѣна всѣхъ существующихъ словесныхъ договоровъ

---

[1]) Въ то время графъ Киселевъ занятъ былъ устройствомъ крестьянъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, между прочимъ и въ Остзейскихъ губерніяхъ. Многое было уже сдѣлано для обезпеченія ихъ быта и предполагалось въ скоромъ времени перевести ихъ съ барщины на оброкъ, хотя бы отъ этого и могло послѣдовать уменьшеніе въ доходахъ казны. Зная, что всѣ эти мѣры были крайне противны балтійскому рыцарству, гр. Киселевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе 22 марта 1844 г., въ коемъ между прочимъ значилось: «чтобы постановленія послѣдняго ландтага, относясь исключительно къ помѣщичьимъ имѣніямъ, не были обязательны для казенныхъ и чтобъ министръ государственныхъ имуществъ, не стѣсняясь оными, имѣлъ полную свободу въ своихъ предположеніяхъ для устройства въ лифляндской губерніи подвѣдомственныхъ ему имѣній и состоящихъ въ нихъ крестьянъ». Въ тѣхъ же общихъ видахъ, въ прошлое царствованіе никогда никакія предположенія объ устройствѣ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ остзейскаго края не поступали въ Остзейскій Комитетъ, который въ сущности есть не болѣе какъ нѣчто въ родѣ конторы или агентства господствующихъ на тамошнихъ ландтагахъ партій. Мудрое это правило отмѣнено только въ нынѣшнее царствованіе, къ явному ущербу для дѣла.

письменными контрактами постановить шестилѣтній срокъ; 5) предоставить дворянству впослѣдствіи испрашивать законнымъ порядкомъ улучшеніе и измѣненіе Дополнительныхъ Статей, какія оно признаетъ нужными; 6) возложить на генералъ-губернатора вмѣстѣ съ дворянскою коммиссіею по дѣламъ крестьянъ обязанность представить соображенія о дарованіи лифляндскимъ крестьянамъ права свободнаго перехода во всѣ губерніи имперіи.

Какъ видятъ читатели, не много было сдѣлано въ пользу крестьянъ; но и это немногое тотчасъ же возбудило какія-то странныя опасенія, подъ вліяніемъ которыхъ придуманъ былъ особенный небывалый до тѣхъ поръ въ самой Лифляндіи способъ обнародованія Дополнительныхъ Правилъ и журнала Остзейскаго Комитета. Въ противность первому пункту этого журнала, въ которомъ именно значилось: обнародовать *законнымъ порядкомъ*, рѣшено, было: Во-первыхъ, не обнародовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, а сдѣлать ихъ извѣстными въ одной Лифляндіи [1]). Во-вторыхъ, согласно заключенію дворянской коммиссіи, предоставить лифляндскому дворянству распорядиться переводомъ правилъ и статей журнала на латышскій и эстскій языки, самую же публикацію поручить ландратской коллегіи. Въ-третьихъ, не прибѣгать къ обыкновенному способу обнародованія законовъ, то есть посредствомъ пропечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ и оглашенія въ церквахъ, а ограничиться разсылкою экземпляровъ въ присутственныя мѣста и въ вотчинныя конторы (мызныя управленія). Въ-четвертыхъ, вмѣнить въ обязанность приходскимъ судьямъ вызвать въ судъ должностныхъ лицъ каждаго имѣнія, не всѣхъ вдругъ, а по одиночкѣ, *для избѣжанія многолюдныхъ собраній крестьянъ*, и вручить имъ новыя правила, при чемъ дать имъ нужныя разъясненія для сообщенія крестьянамъ ихъ обществъ *въ случаѣ надобности*. Въ-пятыхъ, изъ статей Высочайше утвержденнаго журнала Комитета обнародовать, въ видѣ особаго прибавленія къ Дополнительнымъ Правиламъ [2]) только

---

[1]) Ни Дополнительныя Правила, ни журналъ Комитета не вошли въ Полное Собраніе Законовъ, такъ что теперь ознакомиться съ ними довольно трудно.

[2]) Изъ этого вышло слѣдующее: въ Высочайше утвержденныхъ Правилахъ

тѣ статьи, которыя *подлежатъ свѣдѣнію крестьянъ*. Для опытныхъ дѣльцовъ и вообще для всякаго, умѣющаго понимать намеки, все это значило: правительство даетъ вамъ полную волю распорядиться обнародованіемъ какъ вы сами заблагоразсудите и вовсе на томъ стоять не будетъ, чтобъ крестьяне непремѣнно узнали изданные для нихъ законы. Ландратская коммиссія и приходскіе судьи, разумѣется, это поняли какъ нельзя лучше и распорядились такъ ловко, что не только статьи журнала, но и Дополнительныя Правила остались тайною для народа. Естественно представляется при этомъ вопросъ: что̀ бы подумало правительство и что̀ бы оно сказало, если бы, по утвержденіи Положеній 19 февраля 1861 года, кто-нибудь вздумалъ предложить ему, устранившись отъ всякаго непосредственнаго распоряженія по предмету ихъ обнародованія, поручить это дѣло дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ? Подобнаго предложенія у насъ, конечно, никто бы не посмѣлъ и сдѣлать, а въ Лифляндіи само правительство вызвало его и по первому слову поспѣшило притаиться отъ народа за ландратскою коллегіею, хотя даже Ништатскій трактатъ не вмѣнялъ ему этого въ обязанность.

Оставалось обсудить: не пора-ли, наконецъ, предоставить лифляндскимъ крестьянамъ, 25 лѣтъ тому назадъ признаннымъ свободными, право переходить во всѣ губерніи. На это предложеніе дворянскія представительства трехъ остзей-

---

значилось между прочимъ, что условія сдачи земли, слѣдовательно, и размѣръ барщины опредѣляются на основаніи Положенія 1819 г., то есть такъ называемыми добровольными соглашеніями, не ограниченными никакою законною нормою; это правило было напечатано безъ измѣненія, а въ видѣ дополненія припечатана статья журнала, возстановляющая обязательную силу вакенбуховъ какъ высшей нормы повинностей. Въ правилахъ значилось, что дворянство опредѣлитъ порядокъ наблюденія за составленіемъ контрактовъ когда и какъ оно вздумаетъ; это правило также напечатано, а вслѣдъ за тѣмъ перепечатана Высочайше утвержденная статья журнала, обязывавшая дворянство опредѣлить это на ближайшемъ ландтагѣ. Теперь, имѣя передъ глазами полное дѣлопроизводство и зная ходъ дѣла, трудно добиться толку въ этой путаницѣ и разобрать, что̀ узаконено и что̀ отмѣнено; и въ такомъ видѣ обнародовались законы *для крестьянъ* и ко всѣмъ этимъ хитростямъ прибѣгали главнѣйшимъ образомъ въ видахъ предупрежденія народныхъ толковъ, недоразумѣній и несбыточныхъ ожиданій!

скихъ губерній взглянули, какъ и слѣдовало ожидать, крайне неблагосклонно. Они прибѣгли къ обыкновенному средству, то есть пригрозили неизбѣжными волненіями и безпорядками и подали единогласное заключеніе въ пользу ограниченія права перехода предѣлами своихъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Между тѣмъ, въ половинѣ января 1846 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи вновь въ Петербургѣ Комитета для обсужденія мѣръ къ устройству быта лифляндскихъ крестьянъ съ приглашеніемъ въ него депутатовъ отъ тамошняго дворянства, а для предварительной разработки дѣла образовать приготовительный Комитетъ; но о трудахъ этихъ Комитетовъ въ настоящую минуту нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ начала, ими предложенныя и удостоившіяся Высочайшаго утвержденія, послужили основаніемъ крестьянскаго Положенія 1849 года и этимъ годомъ открывается уже третій періодъ въ исторіи православной церкви въ Лифляндіи.

Итакъ, въ теченіе цѣлыхъ 4-хъ съ половиною лѣтъ (отъ сентября 1841 г. до марта 1846) вопросъ объ улучшеніи быта лифляндскихъ крестьянъ, какъ видно, почти безпрерывно занималъ представителей дворянства, мѣстное начальство Прибалтійскаго края и высшее правительство. Столько было придумано, обсуждено и отвергнуто всякаго рода проектовъ, столько созвано было коммиссій, комитетовъ, столько было мнѣній и возраженій, что трудно не потеряться въ этомъ лабиринтѣ, а еще труднѣе уяснить себѣ, что̀ же наконецъ было примѣнено къ дѣлу и вошло въ жизнь. Читатель, терпѣливо выслушавшій предшествующее изложеніе, непремѣнно возбудитъ этотъ вопросъ и захочетъ узнать: улучшился ли въ чемъ нибудь и на сколько именно бытъ крестьянъ? Дѣйствительное, а не мнимое улучшеніе ихъ быта непремѣнно требовало одновременнаго и радикальнаго преобразованія по тремъ предметамъ. Необходимо было: во-первыхъ, возстановить на практикѣ юридическое понятіе о крестьянской землѣ и ограничить право помѣщика распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, иными словами: признать ее крестьянскимъ надѣломъ, долженствующимъ навсегда оставаться въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ-хозяевъ; во-вторыхъ, одинаково необходимо было возстановить обя-

зательную силу вакенбуховъ, какъ высшей нормы издѣльной повинности (какъ maximum'а законныхъ требованій владѣльца) и подготовить переходъ, по требованію крестьянъ, съ издѣльной повинности на денежный оброкъ; въ-третьихъ, для обезпеченія дѣйствительнаго исполненія законодательныхъ мѣръ по предмету надѣла и повинностей, нельзя было миновать упраздненія полицейской власти вотчинныхъ конторъ и учрежденія новыхъ должностей и инстанцій такихъ, въ которыхъ народъ видѣлъ бы олицетвореніе не дворянскаго произвола, а закона исходящаго отъ верховной власти. Этой третьей задачи никто даже и не возбуждалъ, а пока администрація, полиція и судъ находились исключительно въ рукахъ того сословія, огромное большинство котораго называло возстановленіе неприкосновенности крестьянской земли и опредѣленіе обязательной нормы повинностей посягательствомъ на свою собственность и на свои права, непозволительно было не предусматривать, что всякій законъ, несогласный съ теоріею дворянства, останется въ его рукахъ мертвою буквою. Первая задача — утвержденіе за крестьянами права пользованія крестьянскою землею — была поставлена. Баронъ Паленъ многократно и настойчиво домогался немедленнаго ея разрѣшенія, дворянская Дерптская Коммиссія соглашалась на это, но большинство дворянства воспротивилось, а высшее правительство, какъ будто усомнившись въ своемъ правѣ или въ своей компетентности, ограничило свою законодательную дѣятельность редактированіемъ постановленій дворянскаго ландтага. По второй задачѣ кое-что было сдѣлано по крайней мѣрѣ на видъ: составлено было урочное положеніе, работы въ раздѣлъ приведены были въ опредѣленную мѣру, наконецъ — что было важнѣе всего — благодаря настояніямъ барона Палена и графа Киселева, издѣльная повинность, исчисленная въ вакенбухахъ барщина, признана была хотя на время высшею нормою барщины; но отъ этого нельзя было ожидать для крестьянъ дѣйствительнаго облегченія. Не говоря уже о томъ, что огражденіе ихъ отъ чрезмѣрныхъ вымогательствъ поручено было самому дворянству, упорно отрицавшему обременительность существовавшихъ повинностей и слѣдовательно не признававшему

никакой надобности въ такого рода огражденіи, всякій понимаетъ, что, на практикѣ, дѣйствительное соблюденіе какой бы то ни было нормы поземельной повинности возможно только при твердо обезпеченномъ правѣ пользованія землею, за которую эта повинность отбывается, и наоборотъ, что только при строго-обязательной нормѣ повинности, и можетъ быть обезпечено право на землю. Отнимите у помѣщика власть отказывать крестьянамъ въ землѣ по своему произволу, но не ограничивайте его требованій высшею нормою повинности, и онъ очень легко, когда вздумаетъ, заставитъ самого крестьянина отказаться отъ земли; установите высшій, строго-обязательный размѣръ повинности, но оставьте помѣщику право распоряжаться по своему произволу крестьянскою землею, и онъ найдетъ тысячи средствъ заставить крестьянина, который дорожитъ землею и держится за нее до послѣдней возможности, подчиниться молча беззаконнымъ домогательствамъ. Настаивая на необходимости возстановленія права крестьянъ на землю и высшаго размѣра поземельной повинности, баронъ Паленъ хорошо понималъ тѣсную и неразрывную связь этихъ двухъ условій; къ сожалѣнію, въ Петербургѣ всѣ были противъ него, и поддержка графа Киселева, на котораго наша великосвѣтская знать смотрѣла въ то время какъ на будущаго эмансипатора, можетъ быть, еще усилила оппозицію его сочленовъ по Комитету и Государственному Совѣту. Возстановивъ высшую норму повинностей, не возстановляя неприкосновенности надѣла, высшее правительство въ сущности ничего не сдѣлало для крестьянъ и даже само не вразумилось своею ошибкою; ибо, черезъ 20 лѣтъ, оно повторило ее, только съ противоположнаго конца, возстановивъ неприкосновенность надѣла и не опредѣливъ высшаго размѣра денежнаго оброка и выкупа. Изъ сказанаго само собою вытекаетъ, что бытъ крестьянъ не могъ улучшиться, но это не значитъ, чтобъ онъ въ нѣкоторомъ отношеніи не измѣнился, разумѣется, не къ ихъ выгодѣ. Какъ ни старались скрыть отъ нихъ не только разныя предположенія объ ихъ устройствѣ, но и самые законы, для нихъ издававшіеся, однако не могли же они не знать, что готовилась какая-то перемѣна въ ихъ быту. Сила не въ томъ: далеко ли простиралась ихъ надежда, а въ томъ, что цѣлыхъ четыре съ

половиною года они прожили въ тревожномъ ожиданіи. При такомъ настроеніи, мышцы неохотно напрягаются для тяжелаго труда; глазъ, не останавливаясь на обычной обстановкѣ, стремится проникнуть вдаль, куда невольно уносятся помыслы; разсчетливость и бережливость естественно слабѣютъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ одинаково естественныхъ опасеній, помѣщики тоже пробивались со дня на день, еще рѣже и неохотнѣе, чѣмъ прежде, помогали крестьянамъ и строже, чѣмъ прежде, взыскивали съ нихъ за всякія упущенія, оберегая свои права и свои выгоды. Въ итогѣ, взаимныя отношенія двухъ сословій, крестьянскаго и дворянскаго, стали еще хуже, и слѣдовательно соціальныя причины, игравшія столь важную роль въ волненіяхъ 1841 г., могли со дня на день вызвать вновь такое же движеніе.

Мы видѣли, что единодушныя старанія генералъ-губернатора и Петербургскаго Министерства Остзейскихъ Дѣлъ выставить стремленіе въ православіе народнымъ бунтомъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ на практикѣ. Войска приведены были въ движеніе, заиграли шпицрутены, полилась латышская кровь... Есть однако поводъ думать, что мысль покойнаго Императора не остановилась окончательно на подвернутомъ ему изъ Риги объясненіи и что не безъ основанія графъ Бенкендорфъ заканчивалъ свою побѣдную пѣснь словами: nous en sommes quittes *pour le moment du moins*. Дѣйствительно, религіозная сторона порывистаго народнаго движенія не совсѣмъ укрылась отъ Государя; видно по крайней мѣрѣ, что онъ допускалъ въ будущемъ возможность его возобновленія въ формѣ болѣе правильной, и что самъ по себѣ переходъ Латышей и Эстовъ въ православіе нисколько не пугалъ его. Напротивъ, онъ даже заблаговременно принялъ нѣкоторыя мѣры, чтобъ не быть застигнутымъ имъ врасплохъ, какъ это случилось въ 1841 году. Онѣ заключались въ слѣдующемъ. Въ 1843—1844 годахъ, при псковской духовной семинаріи были открыты классы латышскаго и эстскаго языковъ; но едва ли на это дѣло было обращаемо серьезное вниманіе, судя по тому, какъ трудно было въ исходѣ сороковыхъ годовъ, при устройствѣ въ Лифляндіи православныхъ приходовъ, находить для замѣщенія ихъ хорошо подготовленныхъ

священниковъ. По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся еще въ 1841 году [1]), приступлено было въ 1843 году къ переводу нашихъ богослужебныхъ книгъ на латышскій и эстскій языки, а первые труды по этой части (по собраннымъ мною справкамъ), именно: переводъ литургіи Іоанна Златоуста, краткій молитвословъ и краткій катехизисъ вышли первымъ изданіемъ въ апрѣлѣ 1844 года [2]). Эти распоряженія дѣлались на всякій случай съ цѣлью открыть православное богослуженіе въ нѣкоторыхъ лифляндскихъ городахъ на мѣстныхъ народныхъ языкахъ, чтобы дать возможность Латышамъ и Эстамъ ближе ознакомиться съ нашею церковью, а самому правительству испытать искренность ихъ стремленія къ ней и уяснить себѣ, шевелилась ли или нѣтъ въ душѣ народа религіозная потребность, не находившая себѣ удовлетворенія въ протестантствѣ? Но твердаго намѣренія учинить церковное нападеніе на Лифляндію (какъ выражаются остзейскіе публицисты), то есть приступить къ обращенію Латышей и Эстовъ, положительно не было. По крайней мѣрѣ, я въ этомъ убѣжденъ, и ссылаюсь въ этомъ случаѣ на слова самого покойнаго Императора, засвидѣтельствовавшаго строго выжидательный характеръ своего отношенія къ этому дѣлу.

Въ апрѣлѣ 1843 года, въ Петербургѣ, обсуждался въ особомъ комитетѣ, при участіи членовъ отъ остзейскаго духовенства, вопросъ объ устройствѣ протестантской духовной академіи; въ то же время вышла въ Аугсбургской газетѣ [3])

---

[1]) На него указано въ синодальномъ указѣ рижскому епископу, 30 апрѣля 1848 г., № 4115.

[2]) Г. Гарлессъ (Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands etc. 39), утверждаетъ, что упомянутыя книги вышли еще въ 1843 году и довольно точно описываетъ ихъ, означая и типографію, въ которой онѣ отпечатаны; но мои свѣдѣнія заимствованы изъ всеподданнѣйшей докладной записки графа Протасова, 15 дек. 1844 г., № 173.

[3]) Augsburger Zeitung, 18 Apr. 1843, № 108. Въ этой статьѣ, между прочимъ, прописывалось содержаніе совѣта, поданнаго лифляндскимъ рыцарствомъ тамошнему духовенству: приступить немедля къ упраздненію тѣхъ предписаній, которыми стѣснялись братскія общины гернгутеровъ, такъ какъ этимъ лучше всего можно бы было предупредить наклонность народа къ греческой вѣрѣ и ихъ расположеніе къ переселенію. Стало быть, дворянство, разговаривая съ своими,

статья, заимствованная изъ остзейскаго духовнаго журнала, которая содержала въ себѣ указанія на внутреннее разложеніе, угрожавшее тамошней церкви отъ одновременнаго стремленія народной массы частью въ гернгутерство, частью къ православной церкви. Графъ С. С. Уваровъ представилъ эту статью Государю Императору при запискѣ слѣдующаго содержанія: „Статья въ Аугсбургской газетѣ помѣщенная, но взятая буквально изъ духовнаго журнала остзейскихъ губерній, обнаруживаетъ настоящую причину, почему всѣ секты протестантскія соединяются нынѣ противъ вмѣшательства правительства въ дѣло объ устройствѣ церкви (что Вашимъ Величествомъ, безъ сомнѣнія, было замѣчено при послѣднихъ разсужденіяхъ нашего комитета объ учрежденіи духовной академіи). Изъ приложеній Ваше Величество изволите усмотрѣть отзывъ остзейскаго дворянства въ общее собраніе тамошняго духовенства. Дворянство поставляетъ на видъ пасторамъ, что затруднять и стѣснять піетистовъ (гернгутеровъ) имѣло бы послѣдствіемъ усилить стремленіе народа къ православію. Послѣ сего нельзя сомнѣваться, что въ разсужденіяхъ объ устройствѣ духовной академіи, имѣющихъ цѣлью нѣкоторымъ образомъ защищать протестантскую церковь отъ сектаторовъ, туземный духъ подозрѣваетъ намѣреніе открыть простолюдинамъ путь къ православію. Мысль, что піетизмъ даетъ, какъ говорятъ, единственное средство противъ влеченія народа къ иной вѣрѣ, объясняетъ, почему и главная консисторія отступается, къ удивленію, отъ своего лучшаго права, отъ права образовать духовенство. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что если одинъ піетизмъ удерживаетъ жителей отъ православія, то весьма несправедливо относить это влеченіе на счетъ прозелитизма русскаго духовенства, на которое было обращено столь много

не прибѣгало къ миѳу о подстрекателяхъ и не отрицало религіознаго броженія въ народѣ; но духовенство, какъ видно изъ статьи, не было расположено къ терпимости, негодовало на размноженіе молитвенныхъ домовъ *только терпимыхъ* въ Остзейскомъ краѣ, на образованіе новой церкви въ господствующей церкви (in der herrschenden Kirche) и предпочло, черезъ консисторію, искать защиты отъ посягательствъ на нее извнѣ у высшей инстанціи (у Государя). Съ обществомъ Евангелическаго Союза тогда не совѣтывались.

недобросовѣстныхъ жалобъ и упорной клеветы". На поляхъ этой записки, Государь Императоръ 21 апрѣля 1843 года написалъ собственноручно слѣдующія замѣчательныя слова: „Въ дѣла иностранныхъ исповѣданій намъ мудрено вмѣшиваться; такъ и въ семъ случаѣ, мы могли только указать на то, чтò считаемъ полезнымъ для блага евангелическаго исповѣданія; но когда, изъ непонятныхъ видовъ, сами они сему противодѣйствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей и дальнѣйшій ходъ сего дѣла. Кто знаетъ: можетъ быть неисповѣдимый Промыслъ направляетъ невидимою рукою сію церковь къ разрушенію *и тогда никакая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подготовить къ тому, чтобъ церковь наша была готова принять новыхъ чадъ.* Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки".

Графъ Уваровъ сообщилъ копію съ своей записки и съ Высочайшей резолюціи оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Въ исходѣ декабря 1844 года, графъ Протасовъ донесъ Государю, что необходимыя для богослуженія книги переведены и напечатаны, что частью подготовлены, частью пріисканы въ достаточномъ на первое время числѣ священно-и церковнослужители, что рижскій епископъ предлагаетъ открыть богослуженіе на латышскомъ языкѣ въ православныхъ церквахъ якобштатской, лемзальской и венденской, а на эстскомъ въ ряпинской мызѣ. Изложивъ все это, графъ Протасовъ, не входя ни въ какія предположенія, испрашивалъ дальнѣйшаго по сему дѣлу Высочайшаго повелѣнія. Но къ этой запискѣ онъ приложилъ другую, которую я прописываю цѣликомъ, такъ какъ она во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательна.

„Повергнувъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества обзоръ настоящаго положенія дѣла о сдѣланныхъ по Высочайшей волѣ приготовленіяхъ къ открытію въ остзейскомъ краѣ православнаго богослуженія на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, и испрашивая дальнѣйшаго повелѣнія, долгомъ почитаю всеподданнѣйше изложить какія, по первому взгляду, представляются вѣроятныя послѣдствія отъ разрѣшенія сего богослуженія. Примѣры 1841 и 1842 годовъ доказали общее тамошняго простого народа охлажденіе къ сво-

ему исповѣданію и возрастающее расположеніе его къ православной вѣрѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что открытіе латышскаго и эстскаго православнаго богослуженія, даже въ одномъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе въ нѣсколькихъ, возбудитъ въ высшей степени вниманіе крестьянъ, и что видя въ семъ дѣлѣ явное участіе правительства, они станутъ въ большомъ количествѣ изъявлять желаніе быть православными, находя въ обрядахъ нашей церкви удовлетвореніе для своихъ духовныхъ потребностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, и предполагая, что съ принятіемъ православія улучшится нѣкоторымъ образомъ и самый бытъ ихъ, хотя въ отдаленномъ времени. Ежели и за симъ не разрѣшить православному духовенству невозбранно принимать желающихъ въ нѣдра церкви, то упомянутое богослуженіе на латышскомъ и эстскомъ языкахъ сдѣлается только предметомъ ропота для народа, который поставленъ будетъ въ ложное и мучительное положеніе, видя передъ собою желаемую имъ цѣль, коей ему въ то же время запрещаютъ достигнуть. Конечно, въ такомъ случаѣ, гораздо лучше было бы сего богослуженія вовсе не открывать. Но съ другой стороны, ежели дать священникамъ дозволеніе присоединять къ церкви тамошнихъ крестьянъ, сіи послѣдніе неминуемо будутъ подвергаться всякаго рода угрозамъ и притѣсненіямъ, какъ показали бывшіе опыты. Латышское дѣло, въ коемъ дѣйствіе православнаго духовенства, по произведенному изслѣдованію, явилось безукоризненнымъ, было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ; оно принудило удалить изъ Риги преосвященнаго Иринарха и нѣсколькихъ священниковъ и послужило къ истязанію Латышей въ пристрастномъ слѣдствіи, не говоря уже о военномъ постоѣ, коимъ крестьяне были отягчены въ предупрежденіе предполагавшихся безпорядковъ. Въ тамошнемъ краѣ, гдѣ всѣ высшія мѣстныя власти, всѣ члены и должностныя лица губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, всѣ начальники городской и земской полиціи и (не говоря о пасторахъ) всѣ помѣщики происхожденія нѣмецкаго, лютеранская вѣра почитается ими главною и господствующею. Слѣдственно, нѣтъ сомнѣнія, что тамъ всякое, даже и малѣйшее движеніе народа къ правосла-

вію возбудитъ самыя живѣйшія опасенія и встрѣтитъ какъ явное, такъ и тайное и при томъ общее, самое единодушное и рѣшительное сопротивленіе на всякомъ мѣстѣ, во всякой инстанціи и отъ всѣхъ властей. Не забыты будутъ, какъ и прежде, никакія средства, чтобъ самое желаніе крестьянъ представить въ сомнительномъ видѣ и чтобъ исполненіе онаго отклонить посредствомъ полицейскихъ изслѣдованій, кои столько же несовмѣстны будутъ съ достоинствомъ православія, сколько и вредны для него. Весьма можетъ случиться, что, при первомъ богослуженіи на упомянутыхъ языкахъ и при первомъ обращеніи крестьянъ къ православію, обнаружится по прежнему въ томъ краѣ общее волненіе умовъ, которому германскія газеты, по національному сочувствію, дадутъ передъ глазами Европы превратный толкъ ко вреду русскаго правительства. Впрочемъ, нѣтъ возможности предугадать и исчислить всѣ дальнѣйшія сего дѣла послѣдствія. По долгу вѣрноподданнаго, обязаннымъ себя считаю всѣ таковыя, весьма важныя въ семъ дѣлѣ затрудненія представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и съ тѣмъ вмѣстѣ всеподданнѣйше испрашивать разрѣшенія: будетъ ли Вашему Императорскому Величеству благоугодно, не взирая на все вышеизложенное, открыть простому народу въ остзейскомъ краѣ, чрезъ богослуженіе на его языкѣ, поводъ присоединиться къ православной церкви? Если на то есть непремѣнная воля Вашего Императорскаго Величества, то я полагалъ бы, по крайней мѣрѣ, необходимо нужнымъ, чтобъ чрезъ избранныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ лицъ, былъ предварительно, съ разныхъ сторонъ гражданскаго управленія, со всею зрѣлостью обдуманъ и начертанъ планъ распоряженій, посредствомъ которыхъ всякое сему дѣлу противодѣйствіе оказывалось бы ничтожнымъ, новыя чада православной церкви не могли бы дѣлаться жертвами своего къ ней усердія, и правительство не было бы поставлено въ противорѣчіе съ самимъ собою“.

Изъ этого видно, что графъ Протасовъ смотрѣлъ на переходъ Латышей въ православіе какъ бы со стороны. Можно начать это дѣло и можно не начинать его; не начинать едва ли даже не лучше, ибо сомнительно, чтобъ у насъ достало необходимой послѣдовательности на одолѣніе неминуемаго и

упорнаго сопротивленія; но если Вы рѣшитесь начать, то по крайней мѣрѣ знайте, на что Вы идете и соберитесь съ мыслью и съ силами. Совѣтъ былъ мудрый. Подававшій его очевидно чуждъ былъ общаго заблужденія своихъ современниковъ, такъ часто принимавшихъ крутость и грубоватость правительственныхъ пріемовъ за признакъ энергіи; онъ глубоко сознавалъ, какъ будто ощупывалъ слабыя стороны той среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать—нашего государственнаго и нашего церковнаго устройства и, въ настоящемъ случаѣ, разумѣніе настоящаго возвысилось въ немъ до замѣчательно яснаго провидѣнія будущаго. Послѣднія строки приведенной записки могли бы служить отличнымъ эпиграфомъ къ исторіи православія въ Лифляндіи; все, что предусмотрѣлъ графъ Протасовъ и отъ чего онъ заблаговременно предостерегалъ, совершилось какъ бы по писанной программѣ; правительство ничего не обдумало, ни къ чему не приготовилось, всегда и вездѣ застигаемо было врасплохъ и, наконецъ, поставлено было въ позорное противорѣчіе съ самимъ собою; мѣстная оппозиція, на всѣхъ пунктахъ, одержала верхъ и пересилила дѣйствіе власти; новыя чада православной церкви сдѣлались жертвами своего къ ней усердія. Мнѣ совершенно неизвѣстно какое впечатлѣніе произвела записка графа Протасова и была ли положена Государемъ Императоромъ какая либо на нее резолюція; но предварительнаго совѣщанія, на необходимость котораго указывалъ оберъ-прокуроръ синода, назначаемо не было и, прежде чѣмъ сдѣлано было какое либо распоряженіе по открытію богослуженія на мѣстныхъ языкахъ, движеніе въ Лифляндіи возобновилось само собою, такъ же неожиданно какъ и въ 1841 году, только съ другой стороны.

Въ промежутокъ времени отъ прекращенія перваго движенія Латышей до возобновленія его, въ личномъ составѣ высшаго государственнаго и мѣстнаго управленія произошло не мало важныхъ перемѣнъ. Глава Петербургскаго Министерства Остзейскихъ Дѣлъ, виновникъ высылки преосв. Иринарха, графъ Бенкендорфъ, сошелъ со сцены *). По личному

*) Умеръ въ сентябрѣ 1844 г. на возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ. *Прим. изд.*

его вліянію на покойнаго Государя, особенно же по характеру занимаемой имъ должности, дававшей ему возможность вторгаться во всѣ вѣдомства и перебивать законное теченіе дѣлъ экстралегальными мѣрами, это была для Балтійской партіи утрата тѣмъ болѣе чувствительная, что мѣсто его занялъ графъ А. Ѳ. Орловъ, человѣкъ, правда, никогда не принимавшій остзейскихъ вопросовъ горячо къ сердцу, но всетаки по крови русскій и, какъ всѣ дѣятели того времени воспитавшіеся на великихъ событіяхъ 1812—1814 годовъ, человѣкъ неравнодушный къ государственному достоинству и къ политической чести Россіи.

Въ исходѣ 1841 года министерство внутреннихъ дѣлъ перешло въ руки Л. А. Перовскаго, впослѣдствіи графа, прослывшаго при жизни заклятымъ врагомъ Остзейцевъ и до сихъ поръ не оставляемаго въ покоѣ заграничными балтійскими агитаторами. Надобно сознаться, что и сторонники его часто судили объ немъ превратно. Понятія его вообще были довольно узки и въ то же время тверды; они не расплывались и не шатались, а сидѣли крѣпко на своихъ мѣстахъ. Устройство удѣльныхъ имѣній, которымъ онъ занимался долго, съ особенною любовью, послужило для него практическою школою, и на этомъ дѣлѣ окончательно сложились воззрѣнія и пріемы, съ которыми онъ перешелъ на другое, болѣе широкое поприще дѣятельности. Идеалъ государства, выработавшійся въ его представленіи, походилъ какъ нельзя болѣе на хорошо устроенную, громадныхъ размѣровъ дворянскую вотчину, въ которой благонамѣренное и просвѣщенное полновластіе помѣщика, вооруженнаго всѣми атрибутами крѣпостного права, назначало каждому приличное мѣсто, вводило личную дѣятельность въ твердыя рамки, указывало цѣли и опредѣляло ритмъ прогресса, ускоряя или сдерживая его по собственнымъ своимъ соображеніямъ. Для свободы, во всѣхъ ея степеняхъ и видахъ, тутъ, конечно, оставалось немного мѣста, и общественное мнѣніе, смотрѣвшее на Л. А. Перовскаго какъ на систематическаго противника всѣхъ эманципаціонныхъ покушеній, по временамъ возникавшихъ въ прошлое царствованіе, въ этомъ отношеніи не ошибалось. Таковы дѣйствительно были понятія, съ которыми

онъ вступилъ въ министерство и которыхъ онъ строго держался въ первые года своего управленія; даже впослѣдствіи, когда они измѣнились, благодаря особенно ближайшему ознакомленію его съ положеніемъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, излишество свободы, которую помѣщики употребляли во зло, гораздо сильнѣе поражало и оскорбляло его, чѣмъ отсутствіе свободы у крестьянъ. Объ остзейскомъ краѣ вообще, о тамошнихъ порядкахъ и безпорядкахъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, при вступленіи своемъ въ должность, зналъ столько же, сколько всѣ его товарищи и сослуживцы изъ русскихъ, то есть ровно ничего. Какъ это обыкновенно у насъ случается, все что успѣлъ дознать, высмотрѣть и понять въ тамошнихъ дѣлахъ графъ Строгановъ, ни къ чему не послужило его преемнику и послѣднему пришлось сызнова идти тѣмъ самымъ путемъ ошибокъ и постепенныхъ разочарованій, которымъ первый мало-по-малу добирался до правды. На первыхъ же порахъ, Л. А. Перовскій не только не былъ предубѣжденъ противъ Остзейцевъ, а напротивъ, чистосердечно признавалъ превосходство тамошнихъ учрежденій надъ нашими; ему не приходило на мысль усомниться въ правдивости свидѣтельствъ помѣщиковъ о положеніи и настроеніи крестьянъ; въ Остзейскомъ Комитетѣ онъ поддерживалъ и подписывалъ на вѣру всѣ предположенія лифляндскаго ландтага; онъ даже вѣрилъ въ неукротимую строптивость Латышей и Эстовъ, и балтійскіе бароны имѣли въ то время полное основаніе считать его своимъ надежнымъ сторонникомъ, и такимъ бы онъ остался до конца, если бы они сами не взяли на себя труда переубѣдить его. По характеру, Л. А. Перовскій стоялъ значительно выше, чѣмъ по понятіямъ. Нельзя отрицать, что, при узкости послѣднихъ, его энергія часто обращалась на мелочи, а, при его ненаходчивости въ спорахъ и при совершенномъ въ немъ отсутствіи всякаго дара слова, твердость его обнаруживалась не столько дѣйственною инициативою, сколько пассивною неподатливостью; тѣмъ не менѣе въ немъ была воля честная и крѣпкая, свойство, которымъ въ то время могли похвалиться немногіе изъ людей болѣе его образованныхъ и въ умственномъ отношеніи бравшихъ верхъ надъ нимъ. Убѣдившись

въ чемъ нибудь, онъ не отказывался отъ своего образа мыслей изъ за того, чтобы не идти наперекоръ торжествующему мнѣнію; онъ не вилялъ, не уклонялся отъ столкновеній, какъ бы сомнителенъ ни былъ вѣроятный ихъ исходъ, и въ ту пору, когда все разступалось и падало ницъ передъ сдвинутыми бровями Самодержца, онъ никогда не выдавалъ людей, къ которымъ имѣлъ довѣріе. Пишущій эти строки испыталъ это на самомъ себѣ [1]) и пользуется случаемъ гласно заявить свою признательность къ покойному своему начальнику, который, конечно, не принялъ бы ея при жизни.

Баронъ Паленъ послѣ всѣхъ горькихъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ добросовѣстныхъ усиліяхъ чѣмъ-нибудь облегчить невыносимое положеніе лифляндскихъ крестьянъ, все еще занималъ мѣсто генералъ-губернатора. Первые признаки возобновлявшагося движенія Латышей въ православіе обнаружились при немъ; но вскорѣ, въ концѣ апрѣля 1845 года, онъ былъ переведенъ въ Государственный Совѣтъ, и на мѣсто его, въ началѣ мая, прибылъ въ Ригу назначенный генералъ-губернаторомъ остзейскаго края генералъ-отъ-инфантеріи Е. А. Головинъ, оставившій по себѣ въ высшихъ сферахъ тамошняго нѣмецкаго общества такую незавидную и притомъ ничѣмъ не заслуженную память. Между дѣятелями новѣйшихъ временъ (не выключая М. Н. Муравьева) едва-ли можно указать на кого-нибудь, кто бы въ той же мѣрѣ какъ онъ подвергался, при жизни и по смерти своей, такому дружному преслѣдованію безстыдной, всеизвращающей и ни передъ чѣмъ не отступающей клеветы [2]). Ни одной черты его нельзя узнать въ карикатурныхъ изображеніяхъ, выдаваемыхъ балтійкими публицистами за его портретъ, и, всматриваясь въ

---

[1]) Намекъ на то участіе, которое Л. А. Перовскій обнаружилъ къ Ю. Ѳ-чу, когда онъ былъ посаженъ въ крѣпость за „Письма изъ Риги“, написанныя имъ въ 1848 г. См. т. VII. соч. Ю. Ѳ. Самарина, стр. LXXXI. *Прим. изд.*

[2]) Г. ф. Боккъ иначе не называетъ его какъ *вѣшателемъ*, потому что Е. А. Головинъ командовалъ войсками, наряженными на экзекуцію по приговору надъ участниками въ заговорѣ 14 Декабря. Этимъ попрекаетъ его человѣкъ, недавно объявившій печатно, въ какомъ-то пароксизмѣ дикой похвальбы, что его земляки ждутъ и не дождутся той минуты, когда имъ скомандуютъ брызнуть картечью въ русскихъ людей.

него, остается только удивляться изумительной бездарности, не умѣющей подслужиться племенному озлобленію ничѣмъ инымъ, какъ наборомъ площадныхъ эпитетовъ. Между тѣмъ, узнать Е. А. Головнина и составить себѣ ясное понятіе о его способностяхъ и слабостяхъ было очень не трудно—тѣ и другія бросались въ глаза. Онъ одаренъ былъ замѣчательнымъ умомъ, нѣсколько тяжелымъ и неповоротливымъ, но зато очень способнымъ идти въ глубину и проникать до самой сути вещей. Не обладая ни быстротою соображенія, ни даромъ непосредственнаго угадыванія и въ то-же время не удовлетворяясь ни въ чемъ поверхностнымъ и отрывочнымъ знаніемъ, онъ легко терялся при встрѣчѣ съ новыми и разнообразными явленіями, которымъ онъ призванъ былъ дать то или другое направленіе. Когда передъ нимъ сталкивались противоположныя воззрѣнія и требованія, онъ выслушивалъ ихъ съ неутомимымъ вниманіемъ, даже дополнялъ и уяснялъ ихъ отъ себя, чтобъ какъ-нибудь не ускользнула отъ него ни единая доля, можетъ быть, несовсѣмъ отчетливо сознанной правды; потомъ онъ долго обдумывалъ все имъ выслушанное и, наконецъ, такъ добросовѣстно усвоивалъ себѣ всѣ доводы и опроверженія, все высказанное передъ нимъ pro и contra, что лежавшая на немъ обязанность пристать къ тому или другому мнѣнію и своимъ голосомъ дать перевѣсъ одной сторонѣ приводила его въ трепетъ. А все-таки нужно было рѣшиться на что-нибудь, и въ эти минуты внутренняго колебанія, утомленный и недовольный собою, онъ уступалъ тому, кто дольше и настойчивѣе къ нему приставалъ. Потомъ, въ постоянно работавшей головѣ его изъ множества случайныхъ фактовъ и противоположныхъ мнѣній выдѣлялись мало-по-малу общія понятія въ отчетливой формѣ строгихъ, вполнѣ сознательныхъ и зрѣлыхъ сужденій о собственныхъ прошлыхъ своихъ дѣйствіяхъ и твердыхъ руководящихъ началъ для будущихъ. На этомъ останавливалась его самодѣятельность; но такъ какъ общія начала не могутъ быть прилогаемы къ дѣйствительной жизни прямо и непосредственно, то, съ первымъ же приступомъ къ выработкѣ на основаніи этихъ началъ практическихъ правилъ, начинался неминуемо новый періодъ внутреннихъ колебаній и сомнѣній. Овладѣть мыслью

и совѣстью Е. А. Головина было невозможно; но въ области дѣйствій онъ легко подчинялся чужому вліянію. При такомъ рѣшительномъ преобладаніи способности извлекать общіе выводы надъ воспріимчивостью, находчивостью и творчествомъ, онъ, по природѣ свободный, казался болѣе призваннымъ постигать и осмысливать совершенное, чѣмъ участвовать въ совершеніи. Его зрѣлое, глубоко-обдуманное слово какъ совѣтника, въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, было бы неоцѣненно; но, какъ администраторъ, онъ былъ не на своемъ мѣстѣ, особенно въ Ригѣ, и особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда и надъ нимъ не было ни твердыхъ намѣреній, ни выработанной системы дѣйствій, когда нельзя было ожидать изъ Петербурга ни опредѣленныхъ указаній, ни послѣдовательной поддержки, когда поневолѣ приходилось мѣстному представителю власти многое брать на себя. На это у него не доставало довѣрія къ самому себѣ и, вслѣдствіе этого, онъ на каждомъ шагу съ безпокойствомъ оглядывался на Петербургъ, какъ бы вымаливая оттуда опредѣлительнаго выраженія Высочайшей воли, которое положило бы конецъ его недоумѣніямъ. Е. А. Головинъ боялся покойнаго Государя; я разумѣю, конечно, боязнь не въ пошломъ смыслѣ опасенія впасть въ немилость, лишиться мѣста или не получить награды, но страхъ не выразумѣть намѣреній верховной власти и невольно впасть въ противорѣчіе съ нею. Въ этомъ страхѣ выражалось не столько отношеніе подданнаго, состоящаго на службѣ, къ самодержавному своему Государю, сколько глубокое сознаніе природной разницы между двумя личностями, изъ которыхъ одна внутренно подчинялась въ другой именно той энергіи, которой она не находила въ себѣ. Е. А. Головинъ долго вдумывался въ мысль покойнаго Императора, взвѣшивалъ каждое его слово, разспрашивалъ кого только могъ, прислушивался внимательно ко всему доходившему до него изъ этой среды и все - таки эта мысль осталась для него неразгаданною тайною.

Понятно впрочемъ, что причина той ненависти, которую навлекъ на себя остзейскій генералъ-губернаторъ сороковыхъ годовъ, заключалась не въ его недостаткахъ и слабостяхъ,

а напротивъ въ тѣхъ его свойствахъ, которыя приносили ему честь. Какъ русскій не только по происхожденію, но и по складу ума, по своему образованію, по домашнимъ и семейнымъ своимъ традиціямъ и привычкамъ, онъ естественно не могъ относиться къ нѣмецко-лютеранской средѣ ни какъ мѣстные уроженцы, для которыхъ ея интересы составляли предметъ кровнаго убѣжденія, ни какъ тѣ Русскіе, которые, по скудости внутренняго своего содержанія и по слабости народнаго своего закала, такъ легко перераживаются, смотря по обстоятельствамъ, въ Нѣмцевъ или Поляковъ и проникаются насквозь всѣми пристрастіями всякаго льстящаго имъ не русскаго общества. Е. А. Головинъ не способенъ былъ руководиться одними соображеніями, разсчетами или внушеніями личнаго самолюбія; онъ имѣлъ убѣжденія и во всякомъ новомъ для него дѣлѣ старался пріобрѣсти убѣжденіе; оно могло измѣняться и дѣйствительно измѣнялось, но онъ самъ никогда не измѣнялъ ему. Во время трехлѣтняго управленія его остзейскимъ краемъ, съ нимъ совершился такой же внутренній процессъ постепеннаго вразумленія, какой испыталъ на себѣ Л. А. Перовскій, съ тою однако разницею, что въ Е. А. Головинѣ перемѣна воззрѣній сопровождалась несравненно большею ясностью и сознательностью. Въ этомъ отношеніи поучительнымъ свидѣтельствомъ могъ бы служить рядъ расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ донесеній его, бо̀льшею частью имъ самимъ писанныхъ, о положеніи дѣлъ въ Балтійскомъ краѣ. Кто бы напримѣръ повѣрилъ, что этотъ свирѣпый фанатикъ (какъ называютъ его новѣйшіе остзейскіе публицисты), будто бы клеветавшій передъ престоломъ на балтійскихъ Нѣмцевъ и настойчиво домогавшійся крутыхъ, насильственныхъ мѣръ, въ продолженіе двухъ слишкомъ лѣтъ, краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе кого бы то ни было, отклонялъ высшее правительство отъ всякаго преобразовательнаго начинанія, какъ отъ ничѣмъ не вызываемой и обидной для края напраслины. Не онъ ли однако писалъ „что разсматривая ближе расположеніе умовъ среди первенствующихъ сословій, онъ убѣдился, что предполагаемой вражды ко всему русскому въ прямомъ своемъ смыслѣ, особливо же въ отношеніи къ правительству, не су-

ществуетъ и что хотя балтійскіе Нѣмцы и чуждаются многаго, что мы называемъ русскимъ, но смѣло можно удостовѣрить, что это чувство ничего вреднаго въ отношеніи къ правительству не заключаетъ и происходитъ единственно отъ сознаннаго превосходства высшей ихъ образованности"? Не онъ ли также свидѣтельствовалъ, „что не видно никакого у нихъ отвращенія и къ русскому языку, которымъ почти всѣ находившіеся на службѣ говорятъ свободно"? Не онъ ли, наконецъ, въ самомъ началѣ совѣтовалъ „пріостановить присоединеніе крестьянъ къ нашей церкви, дабы не ослаблять вліянія мѣстныхъ властей, не подавать повода къ нарушенію порядка и прежде всего успокоить край, доселѣ совершенно покойный (съ періодическими однако бѣгствами крестьянъ и военными экзекуціями) и не подававшій, какъ кажется, правительству особеннаго повода къ упрекамъ и негодованію"? [1]). Въ Петербургѣ ревностное заступничество генералъ-губернатора за ввѣренный ему край принималось холодно и сухо; ему даже давали чувствовать, что онъ въ своихъ сужденіяхъ поддавался вліянію нѣмецкой интеллигенціи, а въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживалъ излишнюю податливость на ея притязанія; но онъ продолжалъ писать и дѣйствовать въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока его личное наблюденіе и цѣлый рядъ горькихъ опытовъ не убѣдили его въ лживости донесеній и свидѣтельствъ мѣстныхъ властей, которымъ онъ такъ долго вѣрилъ на слово. Когда, наконецъ, передъ нимъ раскрылась самая суть дѣла, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ замѣтны уже были признаки какой то усталости и нѣкотораго упадка преобразовательной дѣятельности, предвѣщавшіе если не крутой поворотъ въ направленіи, то вѣроятную остановку въ движеніи. Не трудно было понять, что, въ эту минуту, признаніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ и перемѣна тона испортили бы положеніе генералъ-губернатора въ Ригѣ и нисколько бы не послужили ему въ Петербургѣ. Е. А. Головинъ хорошо это зналъ и, несмотря на то, онъ даже не попытался замаскировать совер-

---

[1]) Отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ 25 сент. 1845 г. № 30 и письмо къ князю М. С. Воронцову 1848 года.

шившейся въ немъ перемѣны понятій [1]). Вотъ чего не могутъ простить его памяти. Не будь этого, можетъ быть, и его бы бюстъ красовался теперь на почетномъ мѣстѣ въ залѣ лифляндскаго дворянскаго собранія. Но эта честь прибере гается исключительно для тѣхъ, кто умѣетъ пребывать до конца непоколебимымъ въ сознанныхъ заблужденіяхъ.—Е. А. Головинъ ея не заслужилъ.

Къ занимающему насъ въ настоящую минуту вопросу о переходѣ Латышей въ православіе, новый генералъ-губернаторъ относился своеобразно. Духовная сторона этого вопроса не исчезала въ его понятіяхъ передъ стороною политическою и соціальною, а напротивъ занимала первое мѣсто въ его заботахъ, и личное участіе, которое онъ по своему званію долженъ былъ принять въ этомъ движеніи, мучило его какъ щекотливый, неясный вопросъ собственной его совѣсти. Онъ былъ человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій, хотя на его религіозныхъ понятіяхъ оставался еще слѣдъ прежнихъ вліяній, которымъ онъ подчинился въ молодости своей, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, приставъ къ малоизвѣстной у насъ сектѣ образовавшейся изъ какой-то дикой помѣси туманнаго мистицизма съ грубѣйшею обрядностью [2]). Въ ученіи православной церкви онъ чтилъ сохранившееся въ неповрежденномъ видѣ божественное откровеніе, но не всю полноту откровенія, допуская высшую степень пониманія повѣданныхъ истинъ и другіе позабытые церковью пути къ святости. Къ организованной протестантской церкви онъ не питалъ сочувствія, но уважалъ гернгутеровъ и не скрывалъ своего сердечнаго къ нимъ влеченія. Понимая дѣло вѣры какъ первое дѣло жизни, онъ, разумѣется, далекъ былъ отъ легкомысленнаго осужденія всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, но смотрѣлъ на такую перемѣну серіозно и строго,

---

[1]) Полный и окончательный итогъ всѣхъ своихъ наблюденій Е. А. Головинъ выразилъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ и въ дополненіи къ нему. Эти документы, какъ pièces justificatives, припечатаны въ концѣ этого выпуска. (Таково было намѣреніе Ю. О—ча, но мы не имѣемъ возможности его исполнить. *Прим. изд.*).

[2]) Секта Татариновой, рожденной фонъ Буксгевденъ. См. Русскую Старину за Октябрь 1895 года, стр. 48. *Прим. изд.*

допуская ее только въ смыслѣ совершенно сознательнаго подвига вполнѣ свободной воли и достаточно просвѣтленнаго ума. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ гораздо требовательнѣе, то есть въ сущности относился къ дѣлу честнѣе огромнаго большинства нашихъ пастырей. Между тѣмъ, происходившее въ его глазахъ религіозное движеніе далеко не удовлетворяло этимъ его требованіямъ. Съ нашей стороны, настоящей проповѣди церковнаго ученія въ Лифляндіи не было, да и нельзя было ожидать ея отъ духовенства издавна разучившагося проповѣдывать, когда правительство положительно не хотѣло проповѣди. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Е. А. Головинъ выразился объ этомъ слѣдующимъ образомъ: обращеніе Латышей, по отношенію къ участію въ немъ православнаго духовенства, менѣе походитъ на апостольскій подвигъ, чѣмъ на канцелярское дѣло. Сужденіе это рѣзко, но значительной доли правды въ немъ нельзя отрицать. Съ другой стороны, безъ проповѣди не могло развиться въ массахъ сознательнаго предпочтенія одной вѣры передъ другою и нельзя было даже предполагать, чтобы религіозная потребность могла сама собою очиститься отъ множества приroставшихъ къ ней съ разныхъ сторонъ побужденій иного свойства. Какъ же тутъ быть и какъ дѣйствовать? Обращеніе народа въ православіе совершалось не такъ, какъ бы слѣдовало и какъ желалось—остановить ли, воспретить ли его безусловно? Но стремленіе было несомнѣнно; оно уже неопровержимо свидѣтельствовало само по себѣ о равнодушіи народа къ церкви, въ которую онъ былъ зачисленъ безъ спроса и вѣдома его—удерживать ли его насильно въ церкви, стоившей въ его понятіяхъ менѣе клочка земли? Наконецъ, обращающіеся подчиняются охотно всѣмъ условіямъ и предосторожностямъ, придуманнымъ для удостовѣренія въ искренности ихъ желаній — чего же больше? и можно ли отказывать имъ въ ихъ правѣ на томъ лишь основаніи, что есть все-таки поводы предпологать какія то затаенныя ожиданія? Эти вопросы занимали и мучили Е. А. Головина долго, не только за рабочимъ столомъ, но и въ часы ночного уединенія; мысль и воля его колебались между двумя путями, внушая ему попеременно полумѣры, затруднявшія переходъ, и полумѣры, устра-

нявшія затрудненія; но понятно, что ни тѣ ни другія его не удовлетворяли. Въ одномъ только успѣлъ онъ убѣдиться окончательно, именно въ той систематической клеветѣ и въ тѣхъ безпощадныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались обратившіеся въ православіе; тутъ, по крайней мѣрѣ, ясно обрисовывался долгъ заступничества лежавшій на главномъ начальникѣ края, но за то тутъ же обнаруживалось и полное отсутствіе средствъ къ законному огражденію угнетенныхъ. Это безсиліе его, котораго никто въ Петербургѣ не могъ или не хотѣлъ понять, было для него новымъ источникомъ мученій

При отправленіи генерала Головина въ Ригу, ему дана была иструкція, которая нѣсколько разъ обдумывалась и передѣлывалась. Изъ нея нужно привести цѣликомъ послѣдніе 7 пунктовъ, такъ какъ они содержатъ въ себѣ объясненіе всего загадочнаго въ послѣдующихъ противорѣчіяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь: „6) Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ (sic) принятію православія [1]). Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы, при подобныхъ случаяхъ, предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки. 7) На семъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо *понудительныхъ средствъ* [2]) и, такимъ образомъ, иновѣрцы могли бы свободно присоединяться къ православію на основаніи установленнаго для сего общаго порядка и съ собственнаго подвига. 8) Съ другой стороны, надлежитъ объяснять жителямъ и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство *не въ правѣ запрещать кому-либо принятіе господствующаго въ имперіи исповѣданія* [3]), а изъявившимъ такое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали бы по своему убѣжденію

---

[1]) Кстати напомнить, что Е. А. Головинъ назначенъ былъ въ Ригу въ Маѣ 1845 года, когда уже возобновилось движеніе.

[2]) Какими же средствами *понужденія* располагало духовенство? Палки, розги, бритвы и тюрьмы, все это было въ рукахъ не его.

[3]) Довольно трудно было объяснять это, когда, не далѣе какъ четыре года назадъ, безусловно запрещено было православному духовенству не только

и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что присоединенные къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются *отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ въ отношеніи къ протестантской церкви и духовенству повинностей* [1]), потому что, поступая въ паству православную, они должны принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству, сохраняя однако во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живутъ. 9) Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ или повѣренныхъ, предоставляя каждому *говорить и дѣйствовать непремѣнно за себя лично* [2]). 10) Какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственнаго желанія каждаго, то за симъ не допускать жалобъ со стороны православнаго духовенства на иновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться но не исполнившихъ сего, *а также и на православное духовенство, подъ предлогомъ неискренности желанія лица присоединеннаго къ православію* [3]). 11) Имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было препятствуемо присутствовать всѣмъ желающимъ, безъ различія вѣроисповѣданій. 12) *Не допускать принужденій и насилій со стороны иновѣрцевъ для удержанія кого-либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ*, если онъ желаетъ перейти къ пра-

присоединять Латышей къ церкви, но даже принимать отъ нихъ заявленія о желаніи присоединиться, даже встрѣчаться съ ними и говорить о чемъ бы то ни было.

[1]) Эта статья послужила поводомъ къ безконечнымъ жалобамъ, толкованіямъ, спорамъ, объясненіямъ, ограниченіямъ и отмѣнамъ собственно потому, что, когда она составлялась, никто не взялъ на себя труда навести справку о видахъ и свойствахъ этихъ разнообразныхъ повинностей.

[2]) Само собою разумѣется, что нельзя ни отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ испытанію побужденій, ни присоединяться къ церкви черезъ уполномоченнаго; но зачѣмъ было запрещать черезъ повѣренныхъ подавать предварительныя заявленія о желаніи присоединиться? Это правило и подало поводъ къ усиленному движенію Латышей толпами въ Ригу и вызвало безпорядки, испугавшіе правительство.

[3]) Очень мудрое правило, полагавшее разумный предѣлъ кропотливому вмѣшательству въ чужія совѣсти; жаль только, что, на практикѣ, отъ него отступились на другой же день.

вославной церкви; принявшихъ православіе *ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненій* [1]), въ особенности стараться предупреждать раздоры, могущіе возникать иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коихъ члены принадлежатъ къ двумъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ [2]) и, наконецъ, строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишался тѣхъ правъ и преимуществъ, коими, по состоянію своему, пользовался находясь въ иновѣрчествѣ, ибо перемѣна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ" [3]).

Такова была офиціальная инструкція, Высочайшею властью данная генералу Головину. Одновременно, отъ военныхъ своихъ сослуживцевъ, генераловъ остзейскаго происхожденія, онъ получилъ, передъ поѣздкою своею въ Ригу, другого рода инструкціи, болѣе точныя и лучше обдуманныя, въ видѣ записокъ на память. Я помню изъ нихъ двѣ. Въ одной изъ нихъ доказывалось, что, по необыкновенной сложности и многотрудности остзейскихъ порядковъ, русскій человѣкъ, которому они чужды, никакъ бы не могъ изучить ихъ настолько, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать при этой обстановкѣ своимъ умомъ; но это и не нужно, ибо на мѣстахъ есть люди вполнѣ приспособленные къ роли руководителей и всегда готовые принять на свои плечи бо́льшую часть генералъ-губернаторской обузы. За этимъ слѣдовало прославленіе трехъ лицъ: барона Нолькена, главы ультраконсервативной партіи, губернскаго предводителя Лиліенфельда, прихвостника барона Нолькена, и ландрата Самсона, изобрѣтателя безземельнаго

---

[1]) Легко было написать это въ Петербургѣ, но позволительно ли было игнорировать, что мѣстная власть не имѣла и не могла имѣть никакихъ законныхъ средствъ къ огражденію, пока дворянство располагало патримоніальною юридикціею и правомъ сгонять крестьянъ съ земли, пока всѣ должности по земской полиціи замѣщались по выбору отъ дворянства и изъ его среды, пока, наконецъ, и судъ былъ въ его рукахъ.

[2]) Это въ латышскихъ то избахъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ предупреждать ссоры мужей съ женами!

[3]) Все это были пустыя слова, ибо, при неограниченномъ полновластіи одного сословія въ опредѣленіи всѣхъ условій хозяйственнаго быта поселянъ, по волѣ и разсчету его можетъ измѣняться все.

освобожденія крестьянъ, нѣкогда слывшаго либераломъ, а въ послѣднее время отдавшагося въ кабалу той же партіи. Авторъ совѣтовалъ передъ всякимъ приступомъ къ дѣлу непремѣнно призывать ихъ предварительно на совѣтъ; противъ единогласнаго ихъ мнѣнія никогда ни въ чемъ не идти; ничего не предпринимать, не увѣрившись въ одобреніи и поддержкѣ, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ. При этомъ, разумѣется, закинуто было также нѣсколько словъ съ цѣлью заранѣе заподозрить въ глазахъ будущаго начальника тѣхъ немногихъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые могли бы показать ему изнанку лифляндскихъ благоустройствъ. Въ другой запискѣ, въ назиданіе новому генералъ-губернатору, кратко и ясно разсказывалась исторія его предшественника, барона Палена, на томъ же поприщѣ. Все ему удавалось пока онъ шелъ рука объ руку съ дворянствомъ, но, какъ только онъ началъ отклоняться отъ него и, внявъ наущеніямъ неблагонамѣренныхъ чиновниковъ изъ сословія литератовъ, вздумалъ улучшать бытъ крестьянъ по своему, онъ лишился поддержки, какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ, и палъ никѣмъ не оплаканный. Добрый другъ и товарищъ генерала Головина желалъ отъ всей души, чтобъ онъ лучше своего предшественника понялъ условія своего положенія и упрочился бы на своемъ мѣстѣ. Понять, чѣмъ было подбито это доброе желаніе, было нетрудно. Словомъ, Петербургское Министерство Остзейскихъ дѣлъ такъ настроило и направило новаго генералъ-губернатора, что онъ непремѣнно долженъ былъ съ перваго же шага подчиниться подготовленной надъ нимъ опекѣ.

На опроставшуюся съ удаленіемъ преосвященнаго Иринарха рижскую каѳедру возведенъ былъ покойный Филаретъ, бывшій передъ этимъ преподавателемъ и ректоромъ Московской духовной академіи, а послѣ мучительныхъ годовъ проведенныхъ имъ въ Лифляндіи, переведенный архіепископомъ сначала въ Харьковъ, а затѣмъ въ Черниговъ, гдѣ онъ и окончилъ жизнь свою. Не знаю, кто указалъ на него для занятія рижской каѳедры; но, во всякомъ случаѣ, выборъ былъ крайне неудаченъ: трудно бы было найти человѣка менѣе пригоднаго для дѣла, къ которому онъ призывался, и дѣло

менѣе подходящее къ способностямъ человѣка. Преосвященный Филаретъ обладалъ обширными познаніями по части церковныхъ древностей и русской исторіи, страстно любилъ науку и созданъ былъ для кабинетныхъ, ученыхъ занятій; но онъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ нужныхъ для управленія: ни энергіи, ни спокойнаго самообладанія, ни дара распознавать людей, ни умѣнья обращаться съ ними. Молодость свою онъ провелъ въ трепетномъ благоговѣніи передъ соименнымъ ему покойнымъ митрополитомъ московскимъ, бывшимъ его наставникомъ и начальникомъ. Чувство, которое онъ питалъ къ нему, напоминало въ нѣкоторомъ отношеніи институтское обожаніе; это была какая-то безусловная вѣра и восторженная преданность, находившая наслажденіе въ полнотѣ своего вольнаго самоотреченія. Не знаю, насколько въ этомъ случаѣ господство сильнѣйшей личности надъ слабѣйшею подѣйствовало возбудительно на умственныя способности послѣдней, но оно нарушило въ ней внутреннее равновѣсіе душевныхъ силъ, остановивъ развитіе воли, помѣшавъ ей вызрѣть и окрѣпнуть. По характеру, преосвященный Филаретъ остался на всю жизнь страстнымъ и слабымъ ребенкомъ, со всѣми достоинствами и недостатками дѣтскаго возраста, при душевной добротѣ, не знавшей предѣла своей готовности жертвовать собою на утѣшеніе ближняго, и при болѣзненной впечатлительности нервическаго темперамента, приходившаго въ раздраженіе отъ всякаго противодѣйствія, изъ какихъ бы побужденій оно ни исходило. Понять, что торжество, достойное церкви, не только допускало, но требовало полной свободы духовнаго противодѣйствія со стороны иновѣрія, преосвященный Филаретъ былъ неспособенъ; въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и въ своихъ понятіяхъ о законѣ божественномъ и о законѣ гражданскомъ, о власти церковной и власти мірской, онъ стоялъ не выше своихъ современниковъ. Оплакивая удаленіе изъ Риги преосвященнаго Иринарха и участіе полицейскихъ чиновниковъ въ испытаніи религіозныхъ побужденій крестьянъ, онъ могъ въ то же время домогаться высылки пастора Трея, со своей протестантской точки зрѣнія поносившаго иконы, и доносить на пастора Берхгольца, осмѣлившагося сказать, что гражданская власть не въ правѣ вступаться въ

дѣла вѣры [1]). Такого разбора люди могутъ дѣйствовать только въ средѣ сочувственной, или требуютъ пощады и бережливаго ухода; при другихъ обстоятельствахъ, они иногда бываютъ способны возвыситься до мученичества, но ежедневная и спокойная борьба съ организованною оппозиціею, въ тонкости изучившею всѣ пріемы политической интриги, имъ не по силамъ.

Одна [2]) изъ гернгутерскихъ общинъ, наплодившихся въ Лифляндіи, руководимая даровитымъ Д. Баллодомъ (о которомъ читатели могли узнать любопытныя подробности изъ Записокъ Православнаго Латыша [3]) устроилась въ Ригѣ, наняла себѣ молитвенный домъ и тамъ, съ разрѣшенія мѣстнаго пастора Трея, упражнялась по своему въ благочестивыхъ бесѣдахъ и духовномъ пѣніи. Скоро однако между наставниками общины и пасторомъ возникла ссора, вызванная, какъ увѣряли нѣкоторые, притязаніями со стороны послѣдняго на часть добровольныхъ пожертвованій, накопившихся въ общественной кружкѣ. Впрочемъ, легко объяснить послѣдовавшую размолвку даже и не принимая этого слуха, а припомнивъ только, что, еще въ тридцатыхъ годахъ, послѣдователи лютеровой реформаціи признали необходимымъ употребить въ дѣло противъ новой реформы, начинавшейся снизу, всѣ тѣ мѣры гражданскаго преслѣдованія, на которыя давалъ имъ право вновь изданный ихъ уставъ. На точномъ основаніи этихъ правъ, по требованію пастора Трея, городская полиція закрыла рижскій молитвенный домъ. Тогда — это было въ февралѣ 1845 года, члены общины, въ числѣ около 100, обратились къ преосвященному Филарету съ письменною просьбою заступиться за нихъ и исходатайствовать имъ разрѣшеніе на возобновленіе молитвенныхъ ихъ собраній. По свидѣтельству покойнаго А. Ѳ. Штакельберга, это были бо̀льшею частію люди хорошаго поведенія [4]). Епископъ отвѣчалъ имъ, что это дѣло вовсе

---

[1]) Изъ писемъ къ гр. Протасову 1846.

[2]) Отсюда рукопись не приведена окончательно въ порядокъ Ю. Ѳ—чемъ: позднѣйшія вставки не вполнѣ согласованы съ первоначальною рукописью. *Прим. изд.*

[3]) Окраины Россіи, выпускъ II-й.

[4]) Рапортъ 4 марта 1845, № 36. Штакельбергъ былъ въ то время въ Ригѣ.

до него не касалось и что онъ не имѣлъ права принимать какія бы то ни было просьбы на пасторовъ. Другаго отвѣта онъ, очевидно, не могъ имъ дать на ихъ просьбу; но, видя въ нихъ несомнѣнные признаки искренней духовной потребности и чистосердечнаго исканія живой истины, онъ сталъ склонять ихъ къ присоединенію къ церкви, или, какъ выражалось балтійское лютеранское духовенство, *совращать* ихъ въ православіе — это заявлялось офиціально, такимъ же тономъ, какимъ въ старину наши помѣщики жаловались другъ на друга по поводу переманиванія крестьянъ со старыхъ дворовъ на новыя мѣста. Слова преосвященнаго пали, какъ видно, на воспріимчивую почву; между нимъ и вліятельнѣйшими руководителями гернгутерской общины завязались переговоры, начались правильныя совѣщанія, продолжавшіяся три недѣли; дѣло велось обѣими сторонами обдуманно и сознательно, безъ всякой поспѣшности, безъ всякаго умысла со стороны преосвященнаго обольстить или вызвать минутное увлеченіе. Гернгутеры просили, чтобы для нихъ была устроена на петербургскомъ форштатѣ, на счетъ казны, особая церковь; чтобъ въ ней совершалось богослуженіе на латышскомъ языкѣ; чтобъ въ этой церкви допущены были органъ и скамьи для сидѣнія; чтобъ было разрѣшено всѣмъ предстоящимъ, послѣ вечерни, утрени и литургіи, пѣть хоромъ любимыя ихъ стихи (молитвы); чтобъ общество имѣло право избирать къ церкви ктитора (указывали на Карла Эриста); чтобъ священникомъ былъ Давидъ Баллодъ; чтобъ они были ограждены отъ лютеранскаго духовенства; чтобъ былъ разрѣшенъ какой-то особенный звонъ, къ которому они привыкли—въ оба края колокола — при выносѣ усопшихъ и въ случаѣ смерти кого-либо изъ прихожанъ. Преосвященный Филаретъ объя-

---

Правдивость, безукоризненная его добросовѣстность извѣстны всѣмъ, знавшимъ его лично и чтущимъ его память. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ былъ мученикомъ своего рвенія въ исполненіи служебнаго долга: его преждевременная смерть послѣдовала отъ того, что онъ не берегъ себя, когда ему было поручено въ Петербургѣ принять мѣры противъ послѣдней холеры. Находясь въ Ригѣ въ 1844—1848 годахъ, онъ, при ревизіи городовъ, не утаивалъ отъ начальства безстыднаго соренія общественными деньгами. За это, какъ и слѣдовало ожидать, ф. Боккъ честитъ его теперь прозвищемъ измѣнника и ренегата.

вилъ имъ, что въ православной церкви органы не допускаются; что скамьи могутъ быть терпимы только для людей слабыхъ или больныхъ; что удовлетвореніе прочихъ выраженныхъ ими желаній не встрѣтитъ препятствія, и, для большей ясности, передалъ имъ на бумагѣ условія, писанныя на русскомъ и латышскомъ языкахъ, чтобъ дать имъ средство узнать въ точности, чего они могли и чего не могли ожидать отъ православнаго епископа. Эта записка оставалась въ ихъ рукахъ цѣлый мѣсяцъ, въ продолженіе котораго они обдумывали дѣло, не имѣя никакихъ сношеній съ православнымъ духовенствомъ.

Но лютеранское духовенство было на сторожѣ. Пасторъ Ширманъ, прослышавъ о намѣреніи гернгутеровъ, самъ объѣхалъ тѣхъ изъ нихъ, которые вошли въ сношеніе съ преосвященнымъ, и уговаривалъ ихъ отказаться отъ своей мысли. Нѣкоторыхъ призывали въ городскую лютеранскую консисторію и тамъ ихъ увѣряли, что всѣ ихъ требованія будутъ удовлетворены; что сама консисторія войдетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ имѣть особый молитвенный домъ и школу; что, можетъ быть, даже удастся на содержаніе этихъ заведеній испросить пособіе отъ казны. Пасторъ Трей, напуганный послѣдствіями своей нетерпимости, устроилъ у себя вечернія собесѣдованія съ гернгутерами и шелъ на мировую. Кѣмъ-то изъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ нарочно выписанъ былъ въ Лифляндію одинъ изъ вліятельнѣйшихъ руководителей гернгутерскихъ обществъ съ цѣлью остановить и уговорить его собратьевъ, обнаруживавшихъ наклонность къ православію. (Нѣкоторые изъ пасторовъ и председатель городской консисторіи, бургомистръ Тиммъ, приступили къ генералъ-губернатору съ требованіемъ разслѣдовать, кто подстрекаетъ Латышей къ переходу въ православіе, и баронъ Паленъ поручилъ рижскому полицеймейстеру произвести объ этомъ дознаніе секретно; но полицеймейстеръ, какъ православный, отказался дѣйствовать секретно). — „Чтò бы сказали, обо мнѣ, писалъ не безъ основанія преосвященный Филаретъ къ графу Протасову, если бъ я позволилъ себѣ дѣйствовать одинаково усердно?“ [1]) Нѣсколько запоздалыя

[1]) 7, 13 и 20 марта 1845 года.

старанія лютеранскаго духовенства не остались безъ послѣдствій; изъ числа 11 намѣревавшихся присоединиться, нѣкоторые отступились и задумались; но другіе остались непреклонны въ своемъ намѣреніи. Наиболѣе вліятельныхъ между ними три раза опрашивали въ полиціи о ихъ побужденіяхъ. Они отвѣчали филиппикою на лютеранское духовенство, передъ которою показались бы блѣдными Записки Православного Латыша. Ихъ звали въ городскую лютеранскую консисторію.—„Ни за что!“ Ихъ даже спрашивали, много ли денегъ получили они отъ православнаго архіерея? — Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ убѣждалъ первоприсутствующаго бургомистра во что̀ бы то ни стало удовлетворить гернгутеровъ и идти на мировую; то же совѣтовали и дворяне, призванные генералъ-губернаторомъ на совѣтъ [1]). Желающихъ присоединиться на вышеизложенныхъ условіяхъ оказалось около 100 человѣкъ; изъ нихъ 11 изготовили отъ себя формальную объ этомъ просьбу, и въ то же время обратились въ полицію по предмету засвидѣтельствованія довѣренности на имя одного изъ нихъ, Карла Эриста (отставнаго солдата), которою онъ уполномочивался на изъявленіе такой же готовности отъ лица другихъ по предварительно изъявленному ими желанію. Таковъ былъ починъ дѣла.

Здѣсь кстати припомнить вѣрное замѣчаніе автора Записокъ Православнаго Латыша о существенной разницѣ въ начальныхъ проявленіяхъ стремленія къ православію въ 1841 и въ 1845 годахъ; кстати въ особенности потому, что характеръ возобновившагося движенія самъ по себѣ служитъ отвѣтомъ на толки, распущенные балтійскими публицистами и слишкомъ легко принимаемые у насъ на вѣру. Говорятъ: движеніе имѣло характеръ исключительно соціальный: невѣжественный деревенскій людъ, недовольный своею хозяйственною обстановкою и окончательно обезумѣвшій отъ голода, готовъ былъ повѣрить всему и продать все на свѣтѣ, совѣсть и вѣру, за кусокъ хлѣба и клочокъ земли; злонамѣренные подстрекатели не устыдились основать свой расчетъ на томъ, что пустой желудокъ всегда переспоритъ темный умъ и сла-

---

[1]) Письмо Филарета гр. Протасову 7 марта.

бое сердце; они посулили хлѣба, заговорили о какой-то теплой землѣ и повели обольщенную массу въ свою церковь.— Но идетъ ли это сколько нибудь къ гернгутерамъ того времени? Во-первыхъ, движеніе 1845 года началось не въ деревняхъ, а въ Ригѣ, въ средѣ городскаго населенія, по образу жизни, занятіямъ и нравамъ отличающагося въ Лифляндіи отъ поселянъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ остальной Россіи; вся хозяйственная обстановка горожанъ совершенно иная и потому побужденія, предполагамыя въ деревенскихъ жителяхъ, не могли дѣйствовать на первыхъ, по крайней мѣрѣ дѣйствовали въ несравненно меньшей степени. Правда, и въ 1845 году Лифляндія терпѣла голодъ отъ неурожая, причиною котораго была засуха, и отъ скотскаго падежа; но все же горожане терпѣли менѣе чѣмъ крестьяне, да и обнаружившіе желаніе присоединиться къ церкви рижскіе Латыши отнюдь не принадлежали къ разряду послѣднихъ бѣдняковъ. Во-вторыхъ, движеніе началось отъ гернгутеровъ, задолго передъ этимъ фактически отпавшихъ отъ мѣстнаго лютеранства, подъ вліяніемъ потребностей чисто духовныхъ, по поводу разномыслій о предметахъ вѣры и нравственности, не имѣвшихъ рѣшительно никакой связи съ вопросами хозяйственнаго быта. Наконецъ, люди эти, по образованію, воспріимчивости, крѣпости и искренности своихъ убѣжденій, безспорно стояли выше огромнаго большинства Латышей и, болѣе другихъ своихъ земляковъ, способны были понять или почувствовать разницу между лютеранствомъ и православіемъ. Что именно эта разница ихъ и занимала, видно изъ самаго свойства переговоровъ, которые они вели съ рижскимъ епископомъ: шла рѣчь о соборной молитвѣ, о языкѣ и чинѣ богослуженія, а о землѣ, о хлѣбѣ и повинностяхъ никто не заикался. Совершенная въ этомъ отношеніи безукоризненность изъявленнаго ими желанія перейти въ православіе была такъ несомнѣнна, что не къ чему даже было прицѣпиться, чтобы перетолковать его, какъ бывало прежде, въ смыслѣ преступной соціальной агитаціи.

Тѣмъ не менѣе, городская полиція стала въ тупикъ, продержала у себя просьбу 10 дней и усомнилась засвидѣтельствовать предъявленную ей довѣренность. Хотя баронъ Паленъ,

не находя достаточнаго повода къ отказу, и разрѣшилъ полиціи засвидѣтельствованіе, однако это обстоятельство, подало поводъ къ огласкѣ дѣла и вызвало сильную тревогу во всемъ лютеранскомъ обществѣ. Рижская городская консисторія, лифляндская ландратская коллегія и дворянскій конвентъ немедленно вошли къ генералъ - губернатору съ представленіями, въ которыхъ предвѣщали всякаго рода опасности отъ возобновленія только что подавленнаго движенія и указывали поименно на Карла Эриста и на Давида Баллода, какъ на опасныхъ зачинщиковъ, ходившихъ по городу для склоненія людей къ переходу въ православіе—это ставилось имъ въ вину, какъ преступленіе. Въ томъ же, конечно, духѣ писано было о совершившемся самимъ барономъ Паленомъ въ Петербургъ къ шефу жендармовъ. Это еще было только начало агитаціи, но оно такъ напугало преосвященнаго Филарета, что, не зная еще ничего о послѣдствіяхъ въ Петербургѣ, онъ писалъ гр. Протасову: всѣ эти дѣла и множество другихъ обстоятельствъ убѣждаютъ меня въ томъ, что дѣло это надобно совершенно оставить до будущности. Увѣряю совѣстью моею, что противъ такого ожесточенія нѣмецкой стороны, каково оно теперь есть, ничего сдѣлать нельзя. Иначе выйдетъ то, что епископа выгонятъ изъ Риги [1]). Слѣдуя прежней системѣ, онъ старался напугать правительство. Баронъ Паленъ совѣтовалъ просто-на-просто не дозволять перехода въ православіе; но, не разсчитывая, какъ видно, на дѣйствіе старыхъ, нѣсколько уже притупившихся аргументовъ, онъ, хотя и ревностный протестантъ, не побрезгалъ на сей разъ принять къ сердцу мнимые и чуждые ему интересы православной церкви. Онъ счелъ нужнымъ намекнуть на какія-то вредныя для нея замѣшательства, которыя могли бы послѣдовать въ собственной ея области отъ допущенія богослуженія на латышскомъ языкѣ. Графъ Орловъ представилъ донесеніе генералъ-губернатора на Высочайшее усмотрѣніе и Государь собственноручно написалъ на докладѣ слѣдующую резолюцію 6 марта 1845 года: „Напрасно баронъ Паленъ хочетъ придать болѣе важности сему дѣлу, чѣмъ оно представляетъ; отказывать въ

---

[1]) Отъ 13 марта 1845.

присоединенiи къ нашей церкви, при свободномъ изъявленiи желанiя, [1]) противно нашимъ установленiямъ и, когда *формы* въ изъявленiи желанiя, по закону, соблюдены, отказу быть не можетъ. Но заводить особую церковь для сего не нужно и не должно, ибо наша служба, по закону, можетъ быть отправляема на всѣхъ языкахъ, и для сего въ существующихъ уже церквахъ для инородныхъ прихожанъ можетъ быть отправляема особо и на ихъ языкѣ. Опасенiя публики напрасны и лишни, тѣмъ болѣе, что изъявленiя подобнаго желанiя не должны быть принимаемы по довѣренностямъ, а лично желающими присоединиться, а потому нѣтъ возможности, чтобы много таковыхъ явилось. Собери къ себѣ Перовскаго и Протасова и ежели ничего не возразятъ, то такъ и отвѣчай, а просителей разрѣшить присоединить и для нихъ службу отправлять въ одной изъ церквей нашихъ на ихъ языкѣ".

Разрѣшенiе перехода въ православiе, принятое въ принципѣ, естественно, потребовало ближайшаго руководства для рижскаго преосвященнаго. Въ первоначально данной ему инструкцiи 6 iюля 1842 г. говорилось объ этомъ вскользь въ п. 18: „Ближайшей осмотрительности требуютъ дѣла, въ которыхъ свѣтскiя лица, особенно иновѣрныя, обращаясь къ духовному начальству съ нуждами относящимися до его дѣйствованiя, примѣшиваютъ къ этому предметы разсмотрѣнiю духовнаго начальства не подлежащiя. Осторожный и законный порядокъ требуетъ совсѣмъ не принимать такихъ смѣшанныхъ прошенiй, а велѣть подавать чисто относящiяся до разсмотрѣнiя духовнаго начальства. Особенно дѣла о присоединенiи къ православной церкви должны быть основаны на чисто духовномъ и нравственномъ убѣжденiи, безъ малѣйшаго примѣшенiя постороннихъ видовъ". Въ дополнительной же инструкцiи викарiю псковскому, епископу рижскому, Высочайше утвержденной 25 апрѣля 1845 года, значилось:

[1]) Этого-то именно (т. е. отказа въ присоединенiи несмотря на свободно изъявленое желанiе) и домогались баронъ Паленъ, консисторiя, ландратская коллегiя и вся балтiйская интеллигенцiя, духовная и свѣтская, такъ въ пору позабывшая на сей разъ о свободѣ совѣсти и такъ въ пору и громко заговорившая о святости ея правъ, какъ только понадобилось оправдать обратное движенiе изъ лютеранства въ православiе.

„1) Въ губерніяхъ лифляндской и курляндской вмѣняется православнымъ священникамъ въ обязанность, чтобы, въ бесѣдованіяхъ съ иновѣрцами объ ученіи православной церкви, на точномъ основаніи общихъ государственныхъ законовъ (Св. Зак. т. XIV о предупр. и пресѣч. преступ. Р. I. гл. IV), ограничивались предметами вѣры, христіанской нравственности и *преданности къ Государю* [1]), и притомъ всегда, въ самомъ началѣ разговора, объявляли, что дѣло вѣры не должно быть смѣшиваемо съ другими дѣлами и что принимающіе православіе не въ правѣ требовать отъ духовнаго начальства ходатайства за нихъ о какихъ-либо гражданскихъ преимуществахъ. Посему, крестьянамъ—Латышамъ и Эстамъ внушать, что принятіе православія *не можетъ* [2]) перемѣнить ихъ отношеній къ помѣщикамъ, но только къ однимъ пасторамъ, *освобождая отъ приходскихъ къ нимъ повинностей* [3]).

„2) Присоединеніе иновѣрцевъ къ православію въ лифляндской и курляндской губерніяхъ подлежитъ общему установленному для сего въ имперіи порядку; но, по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ края, дозволеніе присоединять предоставляется не всѣмъ священникамъ, а только надежнѣйшимъ и опытнѣйшимъ, по усмотрѣнію епископа викарія и подъ собственною его въ такомъ выборѣ отвѣтственностью. Затѣмъ,

---

[1]) Характеристическая особенность воззрѣній того времени. Какъ будто бы понятіе православной церкви объ отношеніи подданныхъ къ Государю составляло особенность, отличающую ее отъ другихъ христіанскихъ ученій, или предметъ самостоятельный, внѣ догматики и нравственности, но стоящій на одной съ ними степени, или какъ будто бы самодержавная форма правленія вытекала изъ существа православія, а не изъ историческихъ условій нашего народнаго быта. Сопоставлять ее съ догматами вѣры не значило ли дѣлать то самое, отъ чего тутъ же, въ этомъ же пунктѣ, предостерегалось духовенство, именно: смѣшивать дѣло вѣры съ дѣломъ мірскимъ?

[2]) Не *можетъ* перемѣнить, однако перемѣняло къ худшему, чтò они ежедневно испытывали на себѣ.

[3]) Впослѣдствіи, балтійскіе чины и тамошніе публицисты громко и язвительно стали жаловаться на это освобожденіе, какъ на подкупъ къ перемѣнѣ вѣры. Нѣкоторые оспаривали даже подлинность выраженной въ концѣ этого пункта Высочайшей воли. Возникъ цѣлый многосложный вопросъ о пасторскихъ повинностяхъ, который разсматривался неоднократно въ разныхъ комитетахъ и въ государственномъ совѣтѣ. О сущности и ходѣ его будетъ говорено далѣе.

священникъ, получившій сіе разрѣшеніе, прежде всего обязанъ испытывать желающихъ православія въ чистотѣ и искренности ихъ намѣренія, утверждать ихъ въ правилахъ вѣры и не прежде приступать къ присоединенію каждаго, какъ по отобраніи отъ него показанія въ томъ, что таковое желаніе его принять православіе изъято отъ всякихъ чуждыхъ духовной цѣли видовъ. *Для присутствія при отобраніи сего показанія, священникъ приглашаетъ въ городахъ чиновника, а въ селеніяхъ должностное лицо сельскаго начальства.*

„3) Самый обрядъ присоединенія совершается по чинопослѣдованію о пріемѣ приходящихъ къ православной вѣрѣ, съ возложеніемъ на присоединеннаго, при святомъ миропомазаніи, по обычаю, креста для всегдашняго ношенія на персяхъ.

„4) Всѣ вышеписанныя правила должны быть священникомъ соблюдаемы непремѣнно и при томъ для каждаго лица, хотя бы желающихъ случилось и много, и только малолѣтнія дѣти, не получившія конфирмаціи, могутъ, съ присоединеніемъ ихъ родителей, и сами быть немедленно присоединяемы согласно § 3.

„5) На случай, если бы пришедшіе изъ иныхъ мѣстъ изъявили желаніе не за однихъ себя, но и за другія лица, надлежитъ *присоединять* только ихъ самихъ, каждаго лично, по вышесказаннымъ правиламъ, и объявлять, что и прочіе могутъ быть *присоединены* [1]), но также не иначе, какъ лично.

„6) Поелику вышеписанными правилами достаточно опредѣляется порядокъ присоединенія иновѣрцевъ въ лифляндской и курляндской губерніяхъ, то симъ самымъ прекращается дѣйствіе изображенныхъ въ указѣ св. синода отъ 30 марта 1844 года временныхъ распоряженій [2]).

---

[1]) Не лишнимъ считаю замѣтить для переду, что въ этомъ и въ предшествующемъ § говорится о *присоединеніи* и запрещается только *присоединять* заочно, по довѣренностямъ, но отнюдь не значится, какъ въ резолюціи 6 марта, чтобъ нельзя было за другихъ и по ихъ просьбѣ *изъявлять* предварительное желаніе присоединиться.

[2]) Подлинный указъ мнѣ неизвѣстенъ; но, по всей вѣроятности, онъ содержалъ въ себѣ тѣ правила, на которыя графъ Протасовъ испрашивалъ Высочайшаго утвержденія докладомъ 12 марта 1844 года, между прочимъ, чтобъ вы-

„7) Вмѣнить священникамъ въ строгую обязанность, чтобы какъ въ мѣстѣ постояннаго ихъ пребыванія, такъ и вездѣ, и въ самыхъ отдаленныхъ объѣздахъ, совершали всѣ требы и молитвословія безмездно и нигдѣ отнюдь не требовали пособія на содержаніе свое. Въ случаяхъ надобности, дозволяется имъ совершать оныя и въ чужихъ приходахъ, исключая только вѣнчаніе браковъ, какъ зависящее отъ предварительныхъ мѣстныхъ справокъ и свѣдѣній.

„8) Съ учрежденіемъ богослуженія на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, равно какъ и во всѣхъ церквахъ, при обыкновенномъ богослуженіи на языкѣ церковно-славянскомъ, не препятствовать присутствовать всѣмъ желающимъ безъ различія вѣроисповѣданія.

„9) Священникамъ латышскихъ и эстскихъ православныхъ церквей немедленно озаботиться открытіемъ у себя приходскихъ школъ (чтобы дѣти новоприсоединяющихся не были лишены тѣхъ средствъ къ изученію закона Божія, коими они уже пользовались, состоя въ лютеранствѣ); въ сихъ школахъ безмездно обучать закону Божію, русскому [1]) и латышскому или эстскому языкамъ, чтенію и письму, первымъ правиламъ ариѳметики и, сверхъ того, непремѣнно церковному пѣнію. Дозволять посѣщать сіи школы дѣтямъ всякаго исповѣданія.

„10) Вообще завѣдываніе всѣми дѣлами, касающимися предмета настоящаго дополненія къ инструкціи, ввѣряется непосредственно епископу рижскому, который по онымъ, въ нужныхъ случаяхъ, долженъ входить съ представленіями прямо отъ себя въ святѣйшій синодъ“ [2]).

Одновременно съ этою инструкціею, которая была препровождена къ епископу рижскому изъ святѣйшаго синода, графъ Протасовъ, помимо уже синода, испросилъ у Государя Императора Высочайшаго утвержденія слѣдующихъ двухъ

карный рижскій собственною властью никого не присоединялъ къ церкви и всякій разъ испрашивалъ бы на то разрѣшеніе святѣйшаго синода.

[1]) Обученіе русскому языку не введено и теперь, какъ признанное *неудобнымъ*.

[2]) Этимъ, до нѣкоторой степени, видоизмѣнялись отношенія между архіепископомъ псковскимъ и его рижскимъ викарнымъ; послѣднему предоставлялась бо́льшая свобода въ дѣйствіяхъ.

дополнительныхъ пунктовъ, которые были сообщены преосвященному Филарету секретно, а именно: 1) пока не опредѣлятся окончательно отношенія православной церкви къ Латышамъ, не тревожить рижскихъ раскольниковъ; 2) въ случаѣ, если бы который либо изъ Латышей, послѣ принятія православія, увлеченный внушеніями пасторовъ и другихъ противодѣйствующихъ лицъ, совратился или сталъ уклоняться отъ исполненія христіанскихъ обязанностей по обрядамъ православной церкви, то ограничиваться одними кроткими, чисто духовными назиданіями, не давая никакого по гражданской части хода таковымъ дѣламъ, безъ предварительнаго сношенія со мною и ожидая всякій разъ особаго разрѣшенія [1]). Къ несчастію, вскорѣ послѣ кончины графа Протасова, это правило пришло въ забвеніе и, при преемникѣ преосвященнаго Филарета, главная заботливость епархіальнаго начальства сосредоточилась именно на возбужденіи такого рода уголовныхъ преслѣдованій.

Разсчитывая на незначительное число обращеній и отрицая возможность возобновленія общаго движенія, покойный Императоръ крѣпко ошибался. Эти слова его доказываютъ, какъ мало понимали въ Петербургѣ тогдашнее настроеніе Латышей. Единичнаго обращенія изъ одной вѣры въ другую можно ожидать только отъ личности вполнѣ самостоятельной, привыкшей и способной располагать собою, дѣйствовать сознательно и слѣдовать внутреннимъ своимъ побужденіямъ, какого бы свойства они ни были. Въ народѣ забитомъ и запуганномъ, такого рода личности составляютъ всегда рѣдкія исключенія. Наоборотъ, ничто такъ крѣпко не сплачиваетъ личностей въ твердую массу какъ внѣшній гнетъ. Тутъ личность, не имѣя возможности развернуться на просторѣ, мало-по-малу теряетъ сознаніе своей отвѣтственности за самое себя, разучается править собою и превращается въ атомъ, ничѣмъ не отличающійся отъ множества другихъ ему подобныхъ. Подъ вліяніемъ все-таки того же гнета, такая масса проникается всегда одною мыслью, однимъ чувствомъ,

---

[1]) Высоч. резолюція 30 апрѣля 1845 г. Секретное отношеніе гр. Протасова къ епископу рижскому 3 мая 1845 г.

однимъ желаніемъ, которое пріобрѣтаетъ надъ каждою единицею непреоборимую власть и приводитъ ее въ движеніе какъ сила механическая, дѣйствующая на нее извнѣ. Въ подобныхъ случаяхъ, люди валятъ толпою по одному направленію и обыкновенно, не сговариваясь, отвѣчаютъ на вопросы одно и тоже. Ладить съ ними трудно, вразумлять почти невозможно, остается дать волю движенію, или прибѣгать къ силѣ. Кто же подстрекнулъ народъ? спрашиваетъ обыкновенно правительство; но народа не подстрекалъ никто, это естественное послѣдствіе гнета, замазывающаго личность и въ тоже время законная кара за гнетъ. Мы видѣли этому недавній примѣръ у себя, въ первыя времена по объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года. Нельзя было никакими способами выхватить крестьянина изъ толпы и заставить его думать своимъ умомъ и говорить своимъ языкомъ; личность ускользала изъ рукъ и исчезала въ массѣ. „Куда всѣ, туда и мы"—это былъ общій отвѣтъ, раздававшійся по всей Россіи отъ Бѣлаго моря до Чернаго. Того же самаго слѣдовало ожидать и въ Лифляндіи. Можно было никому не разрѣшать перехода въ православіе, но надобно было напередъ знать, что если перейдетъ одинъ, то за нимъ повалятъ десятки тысячь и что тогда придется имѣть дѣло не съ единичными стремленіями а съ броженіемъ стихійной силы.

Представленіе изъ Риги возбудило вопросъ: принимать ли Латышей и Эстовъ въ православную церковь или не принимать и если принимать, то на какихъ условіяхъ и правилахъ? По этому вопросу, преимущественно если не исключительно церковному, подавали голосъ мѣстный генералъ-губернаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жендармовъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода; самый же синодъ, признаваемый закономъ за представительство церкви, не былъ призванъ къ его обсужденію. Объ немъ какъ будто позабыли. Высочайшая резолюція, состоявшаяся помимо его, была ему только сообщена (съ нѣсколькими, незначительными измѣненіями въ редакціи) и синодъ облекъ ее въ форму указа на имя рижскаго епископа. За три года передъ тѣмъ, ему было объявлено, что Латышамъ присоединяться къ православію запрещается, и синодъ немедленно передалъ кому слѣдовало

запрещеніе, даже сдѣлалъ выговоръ тогдашнему рижскому епископу за то, что онъ содѣйствовалъ присоединенію; теперь синоду объявлялось, что запрещать присоединеніе нельзя, и синодъ передаетъ епископу рижскому, что запрещать нельзя. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, синодъ исправно выполнялъ свою обязанность, хотя поводы къ запрещенію и поводы къ разрѣшенію оставались ему неизвѣстными, по крайней мѣрѣ не были имъ обсуждаемы. Я указываю на это обстоятельство, характеризующее ходъ дѣла въ самомъ его началѣ, потому что впослѣдствіи не разъ слышались не только въ нашемъ столичномъ обществѣ, но и въ средѣ высшаго правительства горькія сѣтованія о томъ, что въ дѣлѣ обращенія Латышей, наша іерархія такъ мало обнаруживала желанной самодѣятельности и духовнаго творчества и безпрестанно взывала къ вмѣшательству свѣтской власти. Это ставилось ей въ упрекъ и, какъ простое заявленіе прискорбнаго факта, не подлежитъ спору. Но спрашивается: кто устранилъ духовенство? Съ одной стороны, православному духовенству воспрещалось не только заниматься хозяйственною обстановкою и общественнымъ бытомъ лифляндскихъ крестьянъ, но даже говорить съ ними объ этихъ предметахъ, на томъ основаніи, что все это дѣла мірскія, которыхъ не должно смѣшивать съ дѣлами вѣры; съ другой стороны, въ высшемъ управленіи, дѣла, свойства несомнѣнно церковнаго, сосредоточивались въ канцеляріи шефа жандармовъ и рѣшались по его докладамъ. Не знаю на чемъ, при такихъ условіяхъ, могла бы развернуться самодѣятельность высшей іерархіи.

Этого мало; изъ данной преосвященному Филарету инструкціи видно, что къ мѣстному православному духовенству въ отправленіи его строго пастырскихъ обязанностей, именно при испытаніи искренности обращающихся въ православіе и впослѣдствіи, при самомъ совершеніи присоединенія, прикомандирована была мѣстная лифляндская полиція. Священники отданы были подъ ея надзоръ; съ какою цѣлью? Было объявлено положительно и ясно, притомъ не одинъ разъ, а нѣсколько разъ, что присоединеніе къ господствующей церкви ни въ чемъ не измѣняетъ ни хозяйственнаго быта, ни гражданскихъ правъ присоединяющихся; къ чему же было при-

влекать къ непремѣнному участію въ дѣлѣ исключительно церковномъ гражданскихъ полицейскихъ чиновниковъ? Правительство на словахъ употребляло всѣ усилія для разобщенія мірскихъ надеждъ и духовныхъ стремленій, а на дѣлѣ само же наводило на смѣшеніе этихъ понятій установленіемъ полуцерковной, полугражданской процедуры присоединенія. Рѣшивъ разъ навсегда, во-первыхъ, не подвергать преслѣдованіямъ уклоняющихся отъ православія послѣ изъявленія желанія присоединиться, неужели правительство все еще такъ далеко простирало свое недовѣріе къ православному духовенству, что не рѣшалось даже надежнѣйшимъ изъ его членовъ, спеціально на то уполномоченнымъ, предоставить право дѣйствовать свободно, подъ надзоромъ мѣстнаго архіерея, но безъ посторонняго надъ ними наблюденія? Кажется, нетрудно было предвидѣть, что, приковывая священника къ гражданскому полицейскому чиновнику, правительство само ставило перваго въ печальную необходимость оглядываться безпрестанно на гражданскую власть и взывать на каждомъ шагу къ ея защитѣ отъ неминуемыхъ придирокъ и притѣсненій, которымъ онъ будетъ подвергаться отъ непосредственно подчиненнаго ей чиновника. При такой обязательной обстановкѣ проповѣднику слова Божія ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлаться ослушникомъ или принять на себя ненавистную роль сутяги и доносчика. И въ него же за это полетѣли камни изъ Петербурга: „плохо де ты проповѣдуешь и не походишь де ты на апостола!“ Правда, онъ могъ бы на это отвѣтить, что, обходя Малую Азію, апостолъ Павелъ не имѣлъ прикомандированнаго къ себѣ отъ римскаго правительства спутника и не былъ обязанъ вмѣстѣ съ нимъ составлять протоколы объ успѣхахъ своей проповѣди.

Одинаково фальшиво было положеніе того полицейскаго чиновника, который назначался къ священнику въ ассистенты. Распредѣляя служебныя обязанности и требуя строгаго ихъ исполненія, нельзя однако совершенно забывать, что чиновникъ не машина, а живой человѣкъ. Весь ходъ дѣла, всѣ предшествующія донесенія и распоряженія мѣстныхъ лифляндскихъ властей свидѣтельствовали о настроеніи тамошняго общества, въ особенности дворянства. Оно не могло отно-

ситься къ отпаденію простого народа изъ лютеранства иначе, какъ съ недовѣріемъ, страхомъ и крайнею враждебностью. Это чувство слагалось изъ побужденій религіозныхъ, соціальныхъ, племенныхъ и политическихъ и было такъ естественно, что его нельзя бы было не предполагать, еслибы даже оно не обнаружилось въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, правительство ожидало съ этой стороны самой упорной оппозиціи; оно даже предусматривало, что первымъ маневромъ ея будетъ несомнѣнно отрицаніе искренности религіознаго движенія въ массахъ, и въ этихъ именно видахъ рѣшено было, какъ мы видѣли, не принимать жалобъ на православное духовенство подъ предлогомъ неискренности желанія лицъ, присоединяемыхъ къ православію. Но если такъ, то къ чему же было привлекать лютеранина и лифляндца къ обязательному участію въ дѣлѣ присоединенія? Къ чему было безъ всякой надобности подвергать его искушенію изобрѣтать и подавать кляузныя жалобы, которымъ не хотѣли давать хода? Прошу читателя представить себѣ, что̀ бы онъ почувствовалъ и подумалъ, если бы въ какой нибудь нашей сѣверо-западной губерніи крестьяне обнаружили стремленіе въ латинство, и если бы ему, въ качествѣ Мирового Посредника или Предводителя, вмѣнено было въ обязанность сопровождать ксендзовъ по деревнямъ и содѣйствовать имъ въ присоединеніи крестьянъ къ католической церкви? Тогда онъ пойметъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ коментаріевъ, какими глазами въ Лифляндіи смотрѣли другъ на друга и на валившихъ къ присоединенію Латышей православные священники и тамошніе орднунгсъ-рихтеры, какъ они встрѣчались, какимъ тономъ разговаривали, и какъ дружно могло идти ввѣренное имъ дѣло. Но неизбѣжныхъ послѣдствій этого безумнаго сочетанія противоположныхъ взглядовъ и побужденій въ Петербургѣ не видѣли или не хотѣли видѣть, а въ Ригѣ, къ изумленію, самъ преосвященный Филаретъ настаивалъ на непремѣнномъ привлеченіи мѣстной полиціи къ участію въ присоединеніи. [1]). Его пугалъ примѣръ Иринарха, и онъ надѣялся этимъ способомъ оградить себя и под-

[1]) Отношеніе къ гр. Протасову 30 сент. 1845.

чиненное ему духовенство отъ напрасныхъ нареканій. Мы скоро увидимъ, какъ онъ въ этомъ ошибался.

По полученіи въ Ригѣ Высочайшаго повелѣнія 6 марта, съ 25 числа того же мѣсяца началось испытаніе Латышей, оставшихся въ своемъ намѣреніи непоколебимыми. Они были опрошены въ присутствіи рижскаго полицеймейстера, отвѣчали, что ничего не имѣютъ въ виду, кромѣ пріобщенія къ церкви, отъ которой ожидаютъ душевнаго спасенія, и 21 апрѣля совершено было въ соборномъ храмѣ самимъ епископомъ миропомазаніе надъ десятью обратившимися; къ концу апрѣля было миропомазано 28 человѣкъ, а въ маѣ 50. Богослуженіе на латышскомъ языкѣ открыто было въ покровской церкви; священникомъ для присоединенныхъ назначенъ былъ отецъ Михайловъ, а клиросное чтеніе отправлялъ Давидъ Баллодъ [1]). О послѣднемъ читатели получили уже нѣкоторыя свѣдѣнія; но на первомъ я долженъ остановиться, чтобъ не заподозрили меня въ недобросовѣстной утайкѣ.

Личность отца Михайлова пріобрѣла у насъ и заграницею столь печальную извѣстность, что указаніе на нее сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ попрекахъ, которымъ подвергаются наша церковь и наше правительство за употребленіе недостойныхъ орудій. Остзейскіе публицисты увѣряютъ даже печатно, будто самъ Государь Императоръ, бывши еще наслѣдникомъ престола, въ сороковыхъ годахъ, говоря о немъ, воскликнулъ съ негодованіемъ: voilà l'un de nos apôtres! Нельзя отрицать, что, въ этомъ случаѣ, упрекъ не лишенъ основанія; выборъ былъ дѣйствительно неудаченъ и свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о крайнемъ затрудненіи, въ которомъ находилось тогдашнее духовное начальство при опредѣленіи на мѣста, требовавшія знанія народнаго языка, съ другой о недостаткѣ въ преосвященномъ Филаретѣ нужнаго толка для распознанія людей. Собранныя мною на мѣстахъ свѣдѣнія даютъ мнѣ возможность сообщить читателямъ объ обстоятельствахъ, давно уже получившихъ огласку, всю правду безъ всякой утайки и безъ тѣхъ преувеличеній, которыми дополнила ее злонамѣренность. До поступленія своего въ духовное званіе Яковъ

[1]) Отнош. преосв. къ гр. Протасову 22 и 30 мая.

Михайловъ былъ нѣкогда крѣпостнымъ человѣкомъ графа Шереметева, долго занималъ должность бухгалтера въ Пебальгской его конторѣ и состоялъ по вотчинному управленію на очень хорошемъ счету. Въ 1843 году, когда, по распоряженію правительства, отовсюду пріискивались люди, знающіе основательно русскій и латышскій языки, для перевода богослужебныхъ книгъ, допущенъ былъ и онъ къ занятіямъ по этому дѣлу. Указывая на него въ числѣ другихъ, преосвященный Филаретъ имѣлъ основаніе рекомендовать его, какъ человѣка, получившаго хорошее образованіе въ дерптской гимназіи: „и въ продолженіе 20 лѣтъ снискавшаго себѣ общее въ томъ краѣ уваженіе". [1]) Нѣмецкая публика вообще, по легко понятнымъ причинамъ, смотрѣла на переводъ крайне недоброжелательно, и мы имѣемъ свидѣтельства, что и другія лица, принимавшія въ немъ участіе и не имѣвшія съ Я. Михайловымъ никакихъ сношеній, подвергались за это разнымъ непріятностямъ. По увѣренію Я. Михайлова, и онъ тѣмъ самымъ навлекъ на себя нерасположеніе управляющаго гр. Шереметева фонъ Гагемейстера. Въ январѣ 1844 года послѣдній, въ сопровожденіи мѣстнаго приходскаго судьи, произвелъ внезапную ревизію суммъ, при чемъ въ запасной волостной (мірской кассѣ) оказалось 600 р. недочету, что и было записано въ протоколъ. На предложенный ему вопросъ Я. Михайловъ отвѣчалъ, что деньги эти были имъ употреблены на покрытіе мірскихъ расходовъ (между прочимъ и на уплату податей), но не могъ ни внести ихъ отъ себя, ни представить немедленно полнаго въ нихъ разсчета, по неимѣнію подъ рукою нужныхъ справокъ. Управляющій требовалъ, чтобъ уличенный бухгалтеръ отправленъ былъ тотчасъ же въ городъ Венденъ для взысканія по законамъ; но сосѣди, мѣстный пасторъ Шилингъ и русскій подполковникъ Ротмистровъ, заступились за виновнаго и изъ своихъ денегъ пополнили сумму. Въ ту же ночь управляющій отправилъ Я. Михайлова въ другое имѣніе графа Шереметева, велѣлъ ему просить увольненія отъ должности и строго запретилъ ему утруждать помѣщика какими-либо оправданіями. Тамъ Я. Михайловъ,

[1]) Всеподд. докладъ гр. Протасова 15 дек. 1844 г. № 173.

по немногимъ оставшимся при немъ замѣткамъ и бумагамъ, составилъ разсчетъ въ дѣйствительномъ заимообразномъ употребленіи неоказавшейся въ наличности суммы; онъ доказывалъ, что такъ велось изстари, по причинѣ несвоевременнаго поступленія мірскихъ сборовъ, и что свидѣтельство его могутъ подтвердить мірскіе судьи и старшина. Препровождая къ управляющему составленный имъ разсчетъ, онъ просилъ его письменно допустить его къ просмотру конторскихъ бумагъ для нужныхъ дополненій и къ сличенію представленныхъ имъ цифръ съ квитанціями и записными книгами мірскихъ судей; но это требованіе уважено не было и даже не послѣдовало отвѣта на письмо. Такимъ образомъ, Я. Михайловъ лишенъ былъ возможности оправдаться въ своихъ намѣреніяхъ и долженъ былъ, кромѣ послѣдствій признанной неисправности, подвергнуться еще подозрѣнію въ нечестности. Лишивъ его должности, ф. Гагемейстеръ, какъ кажется, вполнѣ этимъ удовлетворился; по крайней мѣрѣ, онъ не только не преслѣдовалъ его, но даже молчалъ обо всемъ случившемся до тѣхъ поръ, пока Я. Михайловъ, впослѣдствіи получившій священство, сталъ присоединять къ православію Латышей. Въ отзывахъ графа Шереметева, по поводу увольненія и поступленія его въ духовное званіе, также не было никакихъ неодобрительныхъ свидѣтельствъ о его поведеніи или даже намековъ, которые могли бы возбудить сомнѣніе. Старое дѣло огласилось въ Ригѣ и Петербургѣ не прежде, какъ въ концѣ 1845 года; по первому о немъ слуху, графъ Протасовъ просилъ преосвященнаго Филарета собрать нужныя свѣдѣнія для его разъясненія, а послѣдній обратился съ такимъ же требованіемъ къ отцу Михайлову. Все вышеизложенное извлечено изъ его рапорта. Я въ этомъ случаѣ только передаю его показаніе, ибо не вижу въ немъ ничего неправдоподобнаго и нахожу справедливымъ, послѣ огласки у насъ и заграницею голословнаго обвиненія, довести до свѣдѣнія публики и оправданіе заподозрѣннаго. Къ этому считаю долгомъ прибавить отъ себя то, въ чемъ я лично могъ удостовѣриться. Во-первыхъ, Я. Михайловъ оставилъ должность, которую онъ въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ занималъ въ конторѣ графа Шереметева, такимъ же бѣднякомъ, какимъ онъ ее принялъ; во-

вторыхъ, по вступлении въ священство, его поведеніе, въ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ, было безукоризненно. При той ненависти, которую онъ возбудилъ къ себѣ въ мѣстномъ дворянствѣ и въ лютеранскомъ духовенствѣ своимъ участіемъ въ дѣлѣ обращенія Латышей, на него поступали жалобы, по которымъ производились изслѣдованія; я перечиталъ ихъ внимательно, безъ предубѣжденія и не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, кромѣ ябедническихъ придирокъ. Затѣмъ никому, конечно, не придетъ въ голову отрицать, что самъ Я. Михайловъ обязанъ былъ, передъ посвященіемъ, довести до свѣдѣнія духовнаго начальства о всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ своей жизни и что впослѣдствіи, когда это начальство объ нихъ узнало, оно слишкомъ легко отнеслось къ подозрѣнію, падавшему на служителя церкви, не потребовавъ формальнаго дознанія правды.

Слухъ о присоединеніи къ церкви небольшого числа Латышей мигомъ разнесся по окрестностямъ Риги и произвелъ на народъ потрясающее впечатлѣніе. Въ Петербургѣ этого не ожидали; тамъ смотрѣли на разрѣшеніе данное рижскому епископу какъ на естественное, само собою подразумѣвавшееся возстановленіе дѣйствія всѣмъ извѣстнаго общаго закона, котораго примѣненіе къ Лифляндіи было только временно пріостановлено вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Но Латыши и Эсты, послѣ кровавыхъ экзекуцій, бритья головъ, сѣченій, облавъ на людей и всего ими испытаннаго въ 1841 и 1842 годахъ за обнаруженное ими желаніе перемѣнить вѣру [1]), были глубоко убѣждены, что присоединеніе къ православію строжайше запрещено правительствомъ и взглянули на разрѣшеніе какъ на радикальную перемѣну въ его понятіяхъ. Для нихъ, это была совершенная неожиданность; они обрадовались ей какъ новому праву имъ дарованному и приняли простое исполненіе общаго, стараго закона за поощреніе свыше, за призывъ къ переходу. Прошу читателей вспомнить глубокое замѣчаніе автора Записокъ Православнаго Латыша: нѣмецкое воспитаніе, полученное его земля-

---

1) Въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ генералъ-губернаторъ Головинъ писалъ...

ками подъ гнетомъ крѣпостного права и патримоніальной юрпдикціи, такъ чисто вытравило въ нихъ всякое понятіе о возможности какого либо свободнаго движенія, что слово начальства, къ нимъ обращенное, непремѣнно облекалось въ ихъ понятіяхъ въ одну изъ двухъ затверженныхъ ими формулъ строжайшаго приказа или строжайшаго запрета. Имъ говорили: „вамъ дозволяется, вамъ дается на волю или на выборъ", а имъ слышалось: „вамъ повелѣвается или вамъ запрещается". Таковы были послѣдствія хваленыхъ порядковъ, оберегаемыхъ нами съ такою заботливостью. Правительство натыкалось на такое поврежденіе народнаго организма, которое требовало не административныхъ или законодательныхъ мѣръ, а продолжительнаго лѣченія; приходилось прочищать засоренныя уши и выпрямлять искалѣченныя воли.

Быстрому распространенію по всей Лифляндіи вѣсти о присоединеніи нѣкоторыхъ Латышей къ православной церкви содѣйствовали распоряженія рижской городской полиціи, получавшей добавочное жалованье изъ секретныхъ суммъ, которыми безотчетно располагалъ магистратъ. [1]) Въ порывѣ

---

[1]) И городское начальство дало почувствовать переходившимъ въ православіе мірскія невыгоды и лишенія, которымъ они себя подвергали. Оно дало знать Латышамъ, изъявившимъ желаніе обратиться въ православіе, что за симъ они лишены будутъ права быть вящиками (лигерами) и занимать другія доходныя должности на городской службѣ, въ которыхъ они состояли, будучи лютеранами. Латыши встревожились и обратились къ архіерею, который довелъ до свѣдѣнія высшаго правительства объ этомъ новомъ, своеобразномъ пріемѣ протестантской пропаганды, и министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генералъ-губернатору о принятіи зависящихъ отъ него мѣръ, чтобы Латыши присоединяющіеся къ православію не лишались тѣхъ преимуществъ, которыми они дотолѣ пользовались, такъ какъ перемѣна вѣроисповѣданія, дозволенная закономъ, не должна была влечь за собою перемѣны въ правахъ гражданскихъ. Подобныя же наставленія много разъ и впослѣдствіи присылались изъ Петербурга; но тамъ не знали или, говоря точнѣе, тамъ не хотѣли знать, что отъ мѣстнаго генералъ-губернатора требовали невозможнаго. Легко было сказать: *зависящія мѣры*; но какія же такія мѣры, разумѣется законныя, могъ онъ принять, когда всѣ учрежденія края, городскія и земскія учрежденія, къ которымъ высшее правительство не рѣшалось прикоснуться, задуманы и введены были съ тою цѣлью, чтобъ упрочить неограниченное господство первенствующихъ сословій надъ простонародіемъ и дать имъ полную возможность безотчетно распоряжаться судьбою всякаго Латыша? Какъ бы, напримѣръ, могъ помѣшать

неразумнаго усердія, она вдругъ обнаружила, противъ своего обыкновенія, крайнюю заботливость о строгомъ соблюденіи правилъ относительно паспортовъ, разумѣется только въ отношеніи къ Латышамъ входившимъ въ сношенія съ православнымъ духовенствомъ. Полицеймейстеръ просилъ даже преосвященнаго Филарета, чтобъ онъ вмѣнилъ въ обязанность священникамъ непремѣнно требовать предъявленія паспортовъ отъ всѣхъ изъявлявшихъ желаніе присоединиться къ церкви и не давать никакого хода просьбамъ безпаспортныхъ, не дѣлая въ этомъ случаѣ никакого исключенія ни для крестьянъ подгородныхъ, отъ которыхъ никогда никто не требовалъ паспортовъ, ни для тѣхъ, которые издавна лѣтъ по 5 и 10 проживали безвыѣздно въ Ригѣ, по паспортамъ иной разъ можетъ быть въ пору и не возобновленнымъ. Эти распоряженія естественно вызвали жалобы; мѣстный епископъ сообщилъ объ нихъ синодальному оберъ-прокурору, а послѣдній министру внутреннихъ дѣлъ, который замѣтилъ генералъ-губернатору очень резонно, что полицейскія правила о паспортахъ должны быть одинаковы какъ для присоединяющихся къ православной церкви такъ и для пребывающихъ въ лютеранствѣ. Генералъ-губернаторъ извинялъ полицію желаніемъ предупредить чрезмѣрное стеченіе крестьянъ въ городъ и, пока шла объ этомъ переписка между Ригою и Петербургомъ, полиція выпроваживала подъ тѣмъ же

главный начальникъ края рижскому магистрату въ предоставленной его усмотрѣнію раздачѣ доходныхъ мѣстъ и въ назначеніи къ должностямъ, замѣщавшимся по его усмотрѣнію, отдавать предпочтеніе лютеранамъ передъ православными, или снисходительно относиться къ погрѣшностямъ первыхъ и придираться ко вторымъ? Какъ будто трудно было найти тысячи благовидныхъ предлоговъ для замаскированія мести. Въ Петербургѣ твердили, что перемѣна вѣроисповѣданія не можетъ влечь за собою перемѣны въ правахъ гражданскихъ и, довольное открытою имъ аксіомою, высшее правительство считало себя въ правѣ ничего особеннаго не предпринимать для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія новообращенныхъ; да дѣло въ томъ, что на мѣстахъ то, въ Ригѣ, Пернавѣ и Венденѣ, въ пятистахъ верстахъ отъ Зимняго дворца и министерства, магистраты, дворянство, пасторы, чиновники думали объ этомъ совершенно иначе и только о томъ и старались какъ бы, обрѣзавъ всѣ права и средства къ существованію у новообращенныхъ, отбить у Латышей всякую охоту идти по ихъ слѣдамъ.

предлогомъ кого только могла. Эти то высланные изъ города Латыши, видѣвшіе своими глазами происходившее присоединеніе своихъ земляковъ, разбрелись по всей Лифляндіи подъ вліяніемъ живого впечатлѣнія произведеннаго на нихъ этимъ событіемъ и, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Филарета [1]), сдѣлались безсознательно ревностными пропогандистами православія. Послѣ, ихъ прозвали эммиссарами духовенства. Пропаганда состояла въ простой передачѣ извѣстія: „что *теперь* уже не запрещаютъ Латышамъ переходить въ православіе; за это *теперь* не сѣкутъ, не брѣютъ и не сажаютъ въ тюрьму; теперь присоединяютъ открыто, въ губернскомъ городѣ, въ виду всѣхъ". Этихъ словъ было достаточно для возбужденія въ народѣ подавленнаго движенія. Правительство, не имѣя яснаго понятія о его настроеніи, готовилось къ спорадическимъ обращеніямъ; вмѣсто того, онъ устремился въ растворенныя двери огульно, массою. Такому стремленію можно было только подчиниться посторонившись и давъ ему волю, или противопоставивъ ему внѣшнюю силу; но о спокойномъ, не спѣшномъ назиданіи, о строгой разборчивости въ предварительномъ испытаніи, вообще о заботливомъ уходѣ за каждою личностью порознь, уже не могло быть рѣчи. Правительство, по обыкновенію, избрало средній путь и предпочло полумѣры.

Внѣшнія затрудненія полицейскаго свойства, неминуемо его ожидавшія, усложнились недоразумѣніями, въ которыя оно само безсознательно себя поставило. Вышепрописанная резолюція 6 марта содержала въ себѣ между прочимъ слѣдующія слова: „изъявленія подобнаго желанія (присоединиться къ церкви) не должны быть принимаемы по довѣренностямъ, а лично желающими присоединиться". Здѣсь, какъ кажется, въ представленіи покойнаго Императора, слились два различныя дѣйствія: изъявленіе желанія и актъ присоединенія. Само собою разумѣется, что о заочномъ присоединеніи по довѣренности не могло быть и рѣчи; но Высочайшая резолюція шла далѣе, запрещая прибѣгать къ посредничеству уполномоченныхъ даже для простого заявленія желанія, хотя

---

[1]) Изъ рукописной его записки о происшествіяхъ 1845 и 1846 годовъ.

такое заявленіе (какъ это было разъяснено) и отнюдь не имѣло значенія даннаго обязательства, нисколько не связывало личной свободы сдѣлавшаго заявленіе и не отнимало у него права остаться при прежнемъ своемъ вѣроисповѣданіи, не только не подвергаясь за это никакой отвѣтственности, но даже никого не увѣдомляя о перемѣнѣ своего намѣренія. По крайней мѣрѣ, такъ понята была Высочайшая воля на мѣстахъ и такъ она примѣнялась, хотя въ §§ 4 и 5 дополнительной инструкціи рижскому викарному правило это выражено было гораздо яснѣе и хотя примѣненіе его отнесено было исключительно къ акту присоединенія. Распространеніе его на предварительное заявленіе, на практикѣ, ставило желавшихъ присоединиться въ самое затруднительное положеніе. Нельзя же было ожидать, чтобы крестьяне, большею частью безграмотные, вступили съ православнымъ духовенствомъ въ переписку каждый отъ себя и только за себя; оставалось одно средство—личная явка и словесное объясненіе. Но къ кому и куда являться въ такой мѣстности, гдѣ, за исключеніемъ городовъ (и то не всѣхъ), въ то время не было еще нигдѣ православныхъ священниковъ [1]), когда при этомъ не всѣ священники, а только нѣкоторые изъ нихъ, жившіе въ Ригѣ, имѣли уполномочіе на присоединеніе? Запрещеніе давать знать кому слѣдовало о своемъ желаніи, можетъ быть и криво понятое, ставило крестьянъ въ необходимость являться лично въ губернскій городъ, а какъ скоро они туда повалили, полиція стала ихъ выпроваживать въ видахъ предотвращенія чрезмѣрнаго стеченія. Все это происходило отъ того, что высшее правительство пренебрегло совѣтомъ графа Протасова, то есть не взяло на себя труда заблаговременно обдумать дѣло со всѣхъ сторонъ и составить себѣ планъ для будущихъ дѣйствій.

Чѣмъ безцеремоннѣе выталкивали изъ города, тѣмъ пуще валилъ туда народъ со всей Лифляндіи. Скоро стремленіе приняло такіе размѣры, что дѣйствительно возникъ основатель-

---

[1]) Такъ отъ Риги до Маріенбурга на пространствѣ 240 верстъ не было ни одного священника, а первые явившіеся въ Ригу для присоединенія крестьяне были именно изъ Маріенбургской стороны.

ный поводъ опасаться не бунта, не безпорядковъ, не безчинства, а разстройства въ ходѣ полевыхъ работъ — это было въ іюлѣ и августѣ. Преосвященный Филаретъ безъ всякихъ возраженій призналъ это неудобство и изъявилъ полное согласіе на распоряженіе генералъ-губернатора....

На этомъ прерывается рукопись. Изъ матеріаловъ и набросковъ, приготовленныхъ для дальнѣйшаго изложенія исторіи православія между Латышами во II-ой періодъ, а можетъ быть и для дополненія той части, которая нами напечатана, заслуживаютъ вниманія слѣдующія два отрывка.

I.

Преосвященный Филаретъ, находясь самъ въ близкихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, которыхъ онъ искренно любилъ, которымъ сострадалъ всею душею, помогалъ изъ скудныхъ своихъ средствъ, и которые въ свою очередь чуяли и высоко цѣнили въ немъ его доброе сердце, сознавалъ яснѣе чѣмъ кто либо совершенную безпомощность народа и несостоятельность всѣхъ покушеній правительства оградить его отъ злоупотребленій. Сначала онъ передавалъ генералъ-губернатору, безъ разбора, всѣ жалобы на притѣсненія, которыми, въ буквальномъ смыслѣ закидывали его ежедневно Латыши и Эсты, толпившіеся въ его передней; но онъ долженъ былъ убѣдиться, что это не только ни къ чему не вело, а еще вредило крестьянамъ, подвергая ихъ новымъ обидамъ въ отмщеніе за заступничество, къ которому они прибѣгали. Генералъ-губернаторъ обращался къ мѣстнымъ властямъ, къ губернатору или къ орднунгсъ-рихтеру съ требованіемъ объясненій; мѣстныя власти обращались въ вотчинныя правленія и въ своихъ донесеніяхъ прописывали цѣликомъ полученные оттуда отвѣты. Разумѣется, оказывалось всякій разъ, что жалоба крестьянина лишена будто бы всякаго основанія и свидѣтельствовала только о черной неблагодарности подателя, облагодѣтельствованнаго помѣщикомъ и отплатившаго ему клеветою. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда фактъ, вызвавшій жалобу, былъ такъ очевиденъ, что его нельзя было отрицать, выходило всякій разъ, что вотчинная власть пользовалась

своимъ несомнѣннымъ правомъ, въ формальномъ отношенiи дѣйствовала безукоризненно и, слѣдовательно, не могла подлежать отвѣтственности. Въ систематическомъ преслѣдованiи православныхъ за то собственно, что они перешли въ православiе, никто конечно не расписывался, а раскрыть юридически дѣйствительныя побужденiя, замаскированныя множествомъ предлоговъ бывшихъ всегда подъ рукою, не было очевидно никакой возможности. „Мы же пострадали за ваше заступничество"—говорили послѣ крестьяне. Нѣсколько такихъ примѣровъ такъ сильно подѣйствовали на преосвященнаго Филарета, что онъ еще въ iюлѣ 1845 года самъ просилъ генералъ-губернатора „по жалобамъ крестьянъ не производить никакихъ слѣдствiй и не давать имъ хода, пока производство дознанiя находится въ рукахъ мѣстныхъ властей". Но это было писано въ минуту отчаянiя и онъ же черезъ нѣсколько дней прислалъ генералъ-губернатору цѣлую кипу новыхъ жалобъ. А между тѣмъ правда колола глаза; въ неисчерпаемой изобрѣтательности лицъ систематически преслѣдовавшихъ православныхъ нельзя было сомнѣваться, стачка вотчинныхъ правленiй съ земскою полицiею и судами была очевидна, и когда на минуту распахивалась непроницаемая завѣса лжи, скрывавшая дѣйствительность отъ непосвященныхъ въ ея тайны, передъ взорами открывалась картина невольно приводившая въ содроганiе. Это случалось только тогда, когда генералъ-губернаторъ посылалъ на мѣста кого либо изъ русскихъ своихъ чиновниковъ и когда выборъ его падалъ на человѣка не довольствовавшагося легкимъ верхоглядствомъ. Въ этомъ отношенiи особенно интересенъ длинный рапортъ тит. сов. Бородинова, командированнаго въ лифляндскiй уѣздъ въ началѣ 1846 г. Въ немъ нѣтъ ни разсужденiй ни риторики; это простой и сухой перечень высмотрѣнныхъ фактовъ, но тѣмъ то онъ именно и драгоцѣненъ; изъ множества собранныхъ мелочныхъ данныхъ цѣлое слагается само собою въ представленiи читателя. [1]) Поразительная противоположность двухъ или трехъ такихъ разоблаченiй той картинѣ, которую усердно расписывали въ триста

---

[1]) Онъ напечатанъ цѣликомъ въ приложенiяхъ.

рукъ мѣстныя власти, должна была наконецъ убѣдить въ необходимости добыть языка и прорубить окно въ лифляндское земство. Къ кому же обратиться и отъ кого ждать правды? Знаю очень хорошо, говорилъ Е. А. Головинъ Филарету въ январѣ 1847 года, что крестьянъ тѣснятъ всѣми способами, но какъ остановить это? У насъ принято вѣрить жандармамъ и надобно сказать, что тѣ изъ нихъ, которые въ то время находились въ Лифляндіи, дѣйствительно заслуживали довѣріе [1]). Преосвященный Филаретъ убѣдительно просилъ генералъ-губернатора поручить жандармскому оберъ-офицеру Щербачеву, находившемуся въ Дерптѣ, пріемъ и хотя бы предварительное разсмотрѣніе жалобъ крестьянъ. Это было исполнено и принесло нѣкоторую пользу въ томъ отношеніи, что все-таки если не улучшило положеніе крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, послужило къ разъясненію его. Но жандармовъ было мало на всю Лифляндію; они могли только высматривать, но не могли принимать дѣятельнаго участія въ производствѣ дѣлъ; это были глаза, тогда какъ нужны были постоянно работающія руки. Дознаніе, производимое ими или другими русскими чиновниками, обнаруживало одно, а по этимъ дознаніямъ производили слѣдствіе ордиунгсъ-рихтеры и выводили совсѣмъ другое. Тогда родилась мысль, кажется у Филарета, подчинить дѣлопроизводство по жалобамъ крестьянъ надзору уѣздныхъ стряпчихъ и губернскаго прокурора [2]). Объ этомъ была составлена подробная, зрѣло обдуманная записка; генералъ-губернаторъ въ послѣднее время своего управленія и во всеподданнѣй-

[1]) Особенно жандармскій полковникъ Гильдебрандъ, долго состоявшій на службѣ въ Ригѣ при трехъ генералъ-губернаторахъ, Головинѣ, князѣ Суворовѣ и баронѣ Ливенѣ. Во все это время, при самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ, при рѣзкой противоположности воззрѣній и системъ, которыя попеременно господствовали въ мѣстномъ главномъ управленіи, онъ умѣлъ удержаться въ предѣлѣ строгаго безпристрастія, никогда не скрывая правды, ни къ чему не прилаживаясь, никому не угождая и, гдѣ это было неизбѣжно, не уклоняясь отъ столкновеній съ вліятельными лицами, которыя легко могли вредить ему и довольно ясно ему угрожали.

[2]) По Положенію 1819 г. всѣ инстанціи по дѣламъ крестьянъ находились въ рукахъ мѣстныхъ дворянъ, замѣщались по выбору отъ дворянства и были совершенно изъяты изъ вѣдѣнія судебнаго контроля коронныхъ чиновниковъ.

шемъ своемъ отчетѣ, поданномъ имъ послѣ того уже какъ онъ былъ переведенъ изъ Риги въ Государственный Совѣтъ, усиленно настаивалъ на немедленномъ разрѣшеніи своего представленія, но въ Петербургѣ его похоронили, приложивъ его ad acta и связавъ возбужденный имъ частный вопросъ съ другимъ общимъ вопросомъ о преобразованіи лифляндскихъ судебныхъ учрежденій, который, можетъ быть, поступитъ на очередь наканунѣ второго пришествія. Это очень употребительное и всегда удающееся у насъ средство: подъ благовиднымъ предлогомъ затянуть дѣло и отвертѣться отъ настоятельнаго требованія практической жизни...

II.

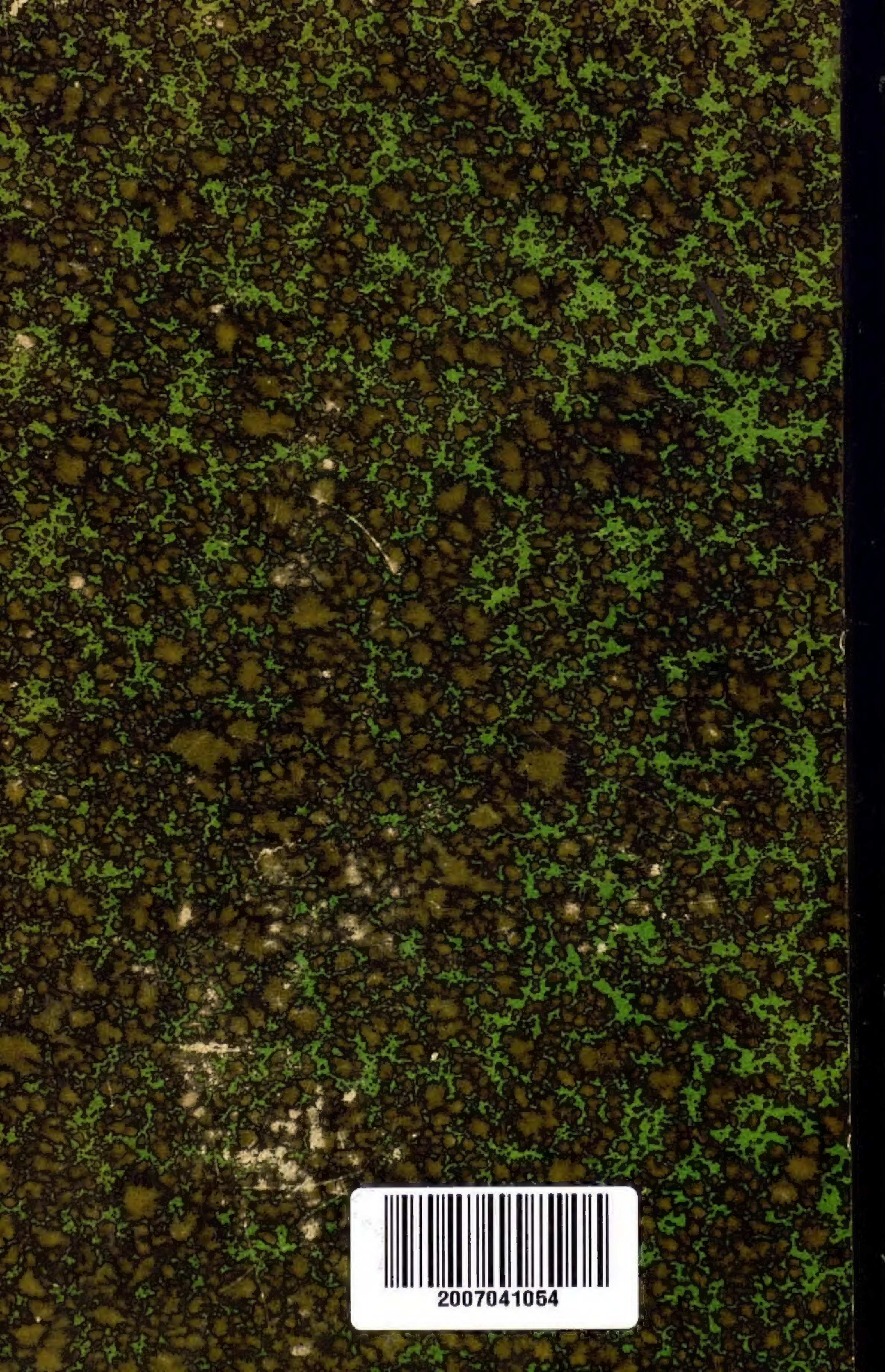
Первое, нестройное стремленіе Латышей въ православіе, подавленное въ 1841 году жестокими экзекуціями, возобновилось нѣсколько лѣтъ спустя, но, такъ сказать, съ другого конца. На сей разъ, оно возникло въ средѣ гернгутерскихъ общинъ задолго передъ тѣмъ фактически отдѣлившихся отъ офиціальнаго лютеранства и въ то время переживавшихъ тяжелый кризисъ отъ систематическаго притѣсненія со стороны мѣстной, лютеранской іерархіи. Такимъ образомъ, можно сказать, что православіе въ Лифляндіи зародилось отъ внутренняго разложенія гернгутерства. Это обстоятельство было далеко не случайно и заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ живое свидѣтельство несомнѣннаго участія въ тогдашнемъ движеніи потребностей духовныхъ, искавшихъ и ненаходившихъ себѣ удовлетворенія, и какъ доказательство несостоятельности безпрестанно повторяющихся попытокъ свести это движеніе къ грубому разсчету на вещественныя выгоды и придать ему характеръ агитаціи, будто бы искуственно возбужденной какими-то льстивыми обѣщаніями. Въ виду указаннаго соотношенія между православіемъ и гернгутерствомъ, въ извѣстномъ смыслѣ подготовившимъ для него воспріимчивую почву, необходимо ознакомить читателей съ исторической судьбою этой секты въ Лифляндіи и съ внутреннимъ, ея вліяніемъ на умственное развитіе Латышей и Эстовъ. Это дастъ намъ также возможность всмотрѣться въ физіономію

тамошняго лютеранскаго духовенства съ такой стороны, которая вообще ускользала отъ наблюденія. Въ сношеніяхъ своихъ ad extra, въ борьбѣ своей съ господствующею церковью и съ православнымъ правительствомъ, она выдаетъ себя за безвинно угнетеннаго поборника духовной свободы, протестующаго противъ вмѣшательства въ область вѣры вещественной силы, облеченной въ форму гражданскаго закона. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно само опредѣляетъ свою роль и въ такомъ видѣ представляется дѣло не только заграничной, но и огромному большинству русской публики. Прослѣдивъ отношенія его къ гернгутерамъ, мы узнаемъ, въ какой мѣрѣ его діалектическіе и административные пріемы ad intra согласуются съ требованіями этой свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда на долю его выпадаетъ обратная роль представителя власти вооруженной закономъ...

Историческій очеркъ развитія гернгутерства въ Лифляндіи и борьбы лютеранскаго духовенства съ этою сектою былъ составленъ Ю. Ѳ-чемъ по книгѣ доктора богословія Гарнака Die lutherische Kirche Livlands und die Herrnhutherische Brüdergmeinde etc. Erlangen. 1860. Этотъ очеркъ, предназначавшійся сперва для второго періода исторіи православія въ Лифляндіи, былъ включенъ Ю. Ѳ-чемъ въ III-ій выпускъ Окраинъ Россіи (т. VIII, стр. 487–504), когда онъ перерабатывалъ и дополнялъ первоначальное изложеніе исторіи перваго періода, появившееся въ Русскомъ Архивѣ 1869 года. Д. С.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать*
11	7	снизу	велилину	величину
21	10	„	ляца	лица
36	18	сверху	наживиться	наживаться
42	2	снизу	1813	1803
94	7	сверху	прѣніемъ	преніемъ
103	5	„	батракокъ	батраковъ
125	13	„	отказывались	отказываясь
137	4	„	Hauptstücks taxirten	Hauptstücks zu Leistungen taxirten
155	8	„	Положенія	Положеній
177	4	„	рѣшное	решное
178	1	„	раскылся	раскрылся
195	21	„	стѣснять	тѣснить
203	11	„	который	которой
203	19	„	1688 г., съ чѣмъ	1688 г.," съ чѣмъ
203	22	„	что правила	что „правила
205	5	„	lette	lettre
207	22	„	преднамѣренность	и преднамѣренность
216	7	„	тексѣ	текстѣ
218	15	снизу	поданная	поданныя
225	5	сверху	неизловимому	неуловимому
254	14	„	критѣсненіямъ	притѣсненіямъ
288	5	„	неимѣні явакенбуха	неимѣнія вакенбуха
313	9	снизу	это мѣра	эта мѣра
355	15	сверху	измѣнилась	измѣнились
355	16	„	ограничился	ограничивался
390	11	„	накомъ	какомъ
407	8	„	дѣйствіе	дѣйствіе"

2007041054